

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность

Электронный ресурс

URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/neravenstvo.pdf>

Перепечатка с сайта Института
социологии РАН <http://www.isras.ru/>

URL: <http://www.civisbook.ru>

**СОЦИАЛЬНОЕ
НЕРАВЕНСТВО
ЭТНИЧЕСКИХ
ГРУПП:**

*ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
И РЕАЛЬНОСТЬ*

**МОСКВА
2002**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ
И АНТРОПОЛОГИИ

ИНСТИТУТ
СОЦИОЛОГИИ

Международный научно-исследовательский проект
«Социальное неравенство этнических групп
и проблемы интеграции в Российской Федерации»

Книга I

**СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО
ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП:
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ**

Автор Проекта и ответственный редактор
Л.М. Дробижева

Москва
Academia
2002

УДК 316.347
ББК 60.54
С69

Авторский коллектив:

**В.В. Амелин, А.Д. Бравин, Д.В. Брагина, Р.М. Валиахметов,
Э.М. Виноградова, И.М. Габдрафиков, Г.А. Исаев, В.Е. Козлов,
В.В. Коротеева, И.М. Кузнецов, Р.А. Кузьмина, Р.Н. Мусина,
Л.В. Остапенко, А.В. Переведенцева, С.В. Рыжова, Л.В. Сагитова,
И.А. Снежкова, Г.У. Солдатова, И.Г. Спиридонова, Т.А. Титова.**

Редакционная коллегия:

Л.М. Дробижева (отв. ред.), М.С. Кашуба, И.М. Кузнецов.

Рецензенты:

**Чл.-корр. РАН Ю.В. Арутюнян,
канд. эконом. наук Ж.А. Зайончковская**

**Книга подготовлена и вышла в свет при поддержке
Фонда К. и Дж. Макартуров.**

С69   Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. — М.: Academia, 2002. — 480 с.

ISBN 5-87444-062-3

Монография посвящена итогам Международного исследовательского проекта «Социальное неравенство этнических групп и проблемы интеграции в Российской Федерации». Авторы отвечают на вопросы, актуальные для поликультурного общества. Насколько обоснованны представления об этническом неравенстве и об этнокультурных препятствиях на пути трансформационных процессов в России? Почему ситуация отбора на рынке труда, неизбежная в условиях социально-экономической конкуренции, воспринимается в общественном сознании как проявление неравенства и каковы реальные различия в распределении богатства, престижа, власти в этнических группах? Насколько влияет этничность на положение людей в стратификационной иерархии современного российского общества? Каковы перспективы общероссийской гражданской интеграции?

Книга предназначена для социологов, этнологов, политологов, специалистов в области межэтнических отношений, преподавателей вузов, студентов.

УДК 316.347
ББК 60.54

ISBN 5-87444-062-3

© Институт социологии РАН, 2002

Введение

ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

РАКУРС ИЗУЧЕНИЯ

Новая Россия в 2001 г. отметила свое десятилетие. По сравнению с Советским Союзом государство стало этнически более однородным¹, но забыть об этничности в нем не удастся. Это связано не только с тем, что кроме русских в Российской Федерации проживают другие народы, одни — насчитывающие миллионы², а иные — десятки тысяч или не более сотни человек, и у них есть образ желаемой ими страны, государства, которое они могли бы назвать своим Отечеством. Этничность будет напоминать о себе и потому, что сами русские не забывают о своей национальности, этнических чувствах, привязанностях. По данным исследования, которое мы представляем в этой книге, половина русских присоединяются к мнению, что «современному человеку необходимо ощущать себя частью своего народа». И доля людей с такими установками в 90-е гг. росла³.

Глобализация, в которую, как и весь мир, включается Россия, не исключает социального, экономического и культурного своеобразия ее регионов и народов, ее населяющих. Не случайно мы все чаще, определяя вариативность этого общего явления, называем происходящие процессы «глокализацией».

Среди ученых и политиков не прекращаются споры о том, какой путь оптимален — забыть об этничности, как можно реже упоминать о ней («этничность — персональное дело каждого»), обеспечить экономическое благополучие населения (и тогда напряженность уйдет из этой сферы сама собой) или, наоборот, демонстрировать, что государство помнит о полиэтничном составе своих граждан и стремится гарантировать их интересы согласно законодательно закрепленным нормам. Историчес-

---

¹ В СССР русские составляли 51% населения, в России — 82,5%.

² Более 5,5 млн. татар, 4 млн. украинцев, более 1 млн. белорусов, чувашей, мордвы.

³ Мы имеем возможность провести сравнение, так как эти установки фиксировались нами в республиках и областях на сопоставимых группах в 1994 г., в ходе реализации проекта «Посткоммунистический национализм, этническая идентичность и регулирование конфликтов» (1993—1996).

кий опыт государств и народов многообразен, и наиболее надежный выбор можно сделать на основе знания социальных практик в самой стране. Такое знание и стремятся получить социологи.

Во имя стабильности страны, предупреждения конфликтов и межэтнического противостояния важно своевременно выявлять ситуации возможных напряжений, связанных с тем, что характерные для современного мира ситуации конкуренции за рабочие места, участие во власти, а также угрозы личной безопасности и потери культурной самобытности воспринимаются как намеренная дискриминация тех или иных этнических групп.

Не будем скрывать и того, что внутренняя солидарность, присущая отдельным этническим группам, а также сохраняющаяся (вопреки теоретическим ожиданиям) устойчивая этническая идентичность, этнические чувства порой воспринимаются как нежелательное явление, а культурное разнообразие — как препятствие социальным инновациям.

Насколько оправданны представления об этнической дискриминации и об этнокультурных препятствиях на пути трансформационных процессов в России? Почему ситуации отбора на рынке труда, неизбежные в условиях социально-экономической конкуренции, воспринимаются в общественном сознании как проявления неравенства и каковы реальные различия в распределении богатства, престижа, власти в этнических группах? Насколько влияет этничность на положение людей в стратификационной иерархии современного российского общества? Попытаться ответить на эти вопросы и было задачей проекта «Социальное неравенство этнических групп и проблемы интеграции в Российской Федерации» (далее «СН»).

Проект «СН» — третий, который осуществил авторский коллектив под руководством Л.М. Дробижевой в 1999—2001 гг. Первый — «Посткоммунистический национализм, этническая идентичность и регулирование конфликтов» — был реализован в 1993—1996 гг., второй — «Этнические и административные границы: факторы стабильности и конфликтности» — в 1997—1998 гг.⁴

В ходе работы над проектами мы имели возможность наблюдать на основе анализа данных репрезентативных опросов населения и ма-

---

⁴ По результатам проектов опубликованы книги: Ценности и символы этнического самосознания. М., 1994; Конфликтная этничность и этнические конфликты. М., 1995; Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации 90-х годов: Суверенитет и этническое самосознание. М., 1995; Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 1996; Говорит элита республик Российской Федерации. 110 интервью Леокадии Дробижевой. М., 1996; Социальная и культурная дистанции.

териалов глубинных интервью с экспертами, как на протяжении 90-х гг. интересы этнических общностей смещались из сферы поначалу символической, культурной и психологической (принятие Декларации о суверенитете, провозглашение языков народов, дающих название республикам, государственными, сохранение ценностей культуры, групповой идентичности) в сферу государственно-политическую, а затем и социально-экономическую. Т.е. интересы оказались напрямую связаны как с собственностью, доходом, престижем, так и с властным, интеллектуальным ресурсом групп.

Проблема адекватности, справедливости выстраивающихся социальных иерархий, в том числе этнической, клановой, территориальной и т.д., новой социальной стратификации в целом становится одной из центральных в современном российском обществе.

Значимость конкретного анализа проблем, связанных с изменением классов, слоев, социальных общностей, с субъективным истолкованием этих изменений различными, в том числе этническими, группами определяется многими обстоятельствами и, прежде всего, тем, что современная социальная стратификация не стабилизировалась, а основные тенденции трансформации социальной структуры до сих пор вели к углублению конфликтности по поводу воспринимаемого социального неравенства.

Вокруг принципов и границ социальной дифференциации идут научные и политические дискуссии. Применительно к национальностям они приобретают дополнительную остроту. Если границы между социальными слоями оказываются особенно подвижными и неустойчивыми в переходном обществе, то этнические границы в этот период, напротив, становятся более рельефными, обращающими на себя внимание.

В Западной Европе, с казалось бы более устойчивыми социальными делениями, социологами, подчеркивающими значимость этничности в социальной стратификации, в 70-е гг. XX столетия было введено понятие «новой этничности», которое связывалось с групповым социально-политическим поведением и выстраиванием этими группами границ, преследующих цели признания их интересов другими группами⁵. Одни исследователи связывали это явление с притоком новой

Опыт многонациональной России. М., 1998; Асимметричная федерация: взгляд из центра, республик и областей. М., 1998; Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1999.

⁵ Thompson R.H. Theories of Ethnicity. A Critical Appraisal. N.Y.: Greenwood Press, 1989. P. 91; Bonacich E.A. Theory of Ethnic Antagonism: The Split Labor Market // Social Stratification, Class, Race and Gender in Sociological Perspective / Ed. by D.B. Grusky. Boulder; San-Francisco; Oxford: Westview Press, 1994. P. 474—486.

эмиграции, другие — с утратой прежней силы коллективного действия в идентичности рабочего класса, которая «замещалась» этнической идентичностью⁶. Н. Глэзер и Д. Монихан писали о снижении значимости отношений собственности как главного классообразующего фактора, в то время как этничность признавали более фундаментальным источником стратификации⁷.

Наложение социально-дифференцированных полей на этнические дает разнообразный спектр перспектив стабилизации в полиэтнической стране. Интеграция, не только социальная, но и межэтническая, во многом зависит от той модели социальной структуры, системы социальных отношений между стратами, которая будет утверждаться в обществе, и от представлений людей о складывающихся отношениях.

Естественно, межгрупповая интеграция в обществе возможна на основе общих или сходных интересов, ценностей, норм поведенческой культуры.

Целью нашего исследования было установить, какую роль играет этничность в формировании представлений о социальном неравенстве и как социальная дифференциация этнических групп влияет на интеграцию в современном российском обществе.

Предметом анализа было реальное или воспринимаемое людьми социальное неравенство этнических групп. Это несколько иной ракурс исследования в сравнении с изучением социальной стратификации народов, этнических групп, которое велось в отечественной этносоциологии прежде.

Особенностью этносоциологии после ее утверждения в нашей стране в 60—70-е гг. было как раз особое *внимание к изучению социальной структуры этнических общностей* (прежде всего, наций союзных республик), но акцент делался на сравнительном анализе народов с точки зрения их развития.

Связано это было не только с субъективным фактором — этой темой как пионеры начали заниматься крупные специалисты, *изучавшие именно социальную структуру*, — Ю.В. Арутюнян, О.И. Шкаратан⁸.

Для них этнические группы были одним из полей стратификации. Собственно, и все другие характеристики — семейные, этнокультурные, социально-психологические — выступали для них, условно гово-

---

⁶ Bell D. *Ethnicity and Social Changes* // *Ethnicity. Theory and Experience* / Ed. with introd. by N. Glazer, D.P. Moynihan. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1975. P. 171.

⁷ Glazer N., Moynihan D.P. Introduction // *Ethnicity. Theory and Experience*... P. 17.

⁸ Арутюнян Ю.В. Социальная структура сельского населения СССР. М., 1971; Шкаратан О.И. Проблемы социальной структуры рабочего класса. М., 1970.

ря, вспомогательными, дающими возможность более разносторонне охарактеризовать социальный состав и мобильность в полиэтническом обществе.

Но была и другая, объективная причина того, почему изучение социальной структуры народов занимало центральное место в этносоциологии. Это — сам характер полиэтничности, многокультурности в СССР и сейчас в России.

В США, Канаде, Англии, где изучались социальные проблемы этничности, они существовали главным образом в связи с взаимодействием групп мигрантов или с группами мигрантов. Для США основной социальной проблемой были взаимоотношения не между аборигенным населением и колонистами из Европы, а между отдельными группами колонистов. Поляки, греки, итальянцы — белое неанглосаксонское население — боролись здесь за свои права с теми, кто называл себя WASP. Во Франции, Германии проблемы регулирования межгрупповых этнических отношений с 60—70-х гг. XX в. тоже преимущественно вставали в связи с мигрантами. Для социологии межэтнических отношений (это было главным предметом изучения в этнической сфере на Западе) положение этнических групп в социальной иерархии общества было одним из факторов, определяющих характер этих отношений. Естественно, фокусом изучения было место той или иной группы на социальной лестнице в обществе.

Поскольку для многих групп место в иерархии могло закрепляться на протяжении жизни не одного поколения, это накладывало отпечаток на их поведенческие нормы и жизненные ориентации, давая основания для формирования в общественном мнении представлений об их «габитусе», как бы обуславливавшем этническое разделение труда.

В традиции либерального, гуманистического направления социологии и социальной антропологии в этих странах было внимание к проблемам неравенства, в том числе этнического.

Таким образом, фокусом изучения для индустриально развитых обществ было место этнических групп в социальной иерархии.

В России, так же как раньше в Советском Союзе, этническое «небольшинство» — это прежде всего народы, живущие преимущественно на своей территории (даже если речь идет о разных этнических группах, проживающих на одной и той же территории) — так сложилось наше государство как полиэтническое.

В Советском Союзе нерусские составляли практически половину населения страны. И это, естественно, стало неким объективным основанием для того, чтобы изучение фокусировалось на адекватности социальных структур самих народов социальной структуре общества в

целом, а не на месте меньшинств в структуре общества, и прежде всего, конечно, внимание уделялось наиболее крупным народам и имеющим свою государственность, пусть скорее символическую, чем реальную. Хотя, разумеется, само сравнительное сопоставление давало повод для дискуссий о равенстве.

Конечно, имела значение и идеологическая заданность. В идеологическом дискурсе государство и партия декларировали тогда идею сближения народов, выравнивания уровня их экономического и культурного развития.

Что сделали этносоциологи, «войдя в национальную проблематику»?

1. Они, насколько возможно, адекватно показали степень «сближения».
2. Дали трактовку «сближения наций» как процесса увеличения сходства в их социальной структуре и появления общих норм и ценностей. В то время как в официальной трактовке сближение понималось чаще как «дружба народов».
3. Этносоциологи на основе анализа конкретного материала (наиболее очевидно это было продемонстрировано на примере взаимодействия русских и эстонцев в Эстонии) показали, что сходство в социальных параметрах контактирующих общностей, особенно движение к такому сходству, совсем не всегда ведет к улучшению межэтнических отношений, ибо «возникает конкурентная ситуация между ними и она не может не быть напряженной»⁹.

В современной России мы живем в других условиях. Появились новые сферы деятельности, социальные слои, формирующиеся классы. Усилилась социальная поляризация. Существенно обострилась социальная конкуренция, особенно в больших городах. Люди знают, что если они смогут хорошо зарабатывать, то будут иметь комфортное жилье, машины, т.е. потребительские блага видеть не в кино, а пользоваться ими.

Социальные позиции, которые занимают люди разных национальностей, приобретают в этих условиях совсем иное звучание.

И в то же время в социальной политике нового государства этнический принцип не присутствует. Произошло это не только потому, что Россия стала этнически более однородным государством, а этнические проблемы стали часто восприниматься обществом как проблемы

---

⁹ Социально-культурный облик советских наций / Отв. ред. Ю.В. Арутюнян, Ю.В. Бромлей. М., 1986. С. 378, 432; Русские. Этносоциологические очерки / Отв. ред. и авт. программы Ю.В. Арутюнян. М., 1992. С. 120, 135.

взаимоотношений с мигрантами, но и потому, что в общественном мнении утвердилось представление, что политика социальной поддержки, так называемого патернализма, не дала эффекта сохранения Союза и предотвращения насильственных конфликтов.

В новой России этнонациональная политика, судя по принятым документам — законам «О национальной культурной автономии», «О коренных малочисленных народах», Концепции государственной национальной политики и др., — и по действиям администрации В.В. Путина, скорее всего будет определяться как политика мультикультурализма. Она предполагает концентрацию внимания не на развитии народов, не на рефлексии этих процессов, а на идеологии интеграции полиэтнического общества, стратегии стабильности, политического и культурного равноправия и согласия, что характерно для многих других индустриальных стран¹⁰.

Политика мультикультурализма, безусловно, смягчает межэтнические отношения, в основном применительно к дисперсно расселенным группам, но, как показывает исторический опыт, не решает всех проблем. Так, перемещение центра внимания на культурные аспекты, опробованное в Канаде (не две нации, а две категории граждан, отличных по языку) в чем-то либерализовало взаимодействие этнических групп, но не сняло противоречий между франкоканадцами и англоканадцами.

В социальной политике, если таковая проводится в странах, принявших модель мультикультурализма, задачей является защита обездоленных, главным образом не адаптировавшихся мигрантов. Но это не снимает конкуренции между другими этническими группами, особенно компактно проживающими, которые претендуют на участие в распределении материальных, сырьевых и властных ресурсов (пример басков и каталонцев в Испании, шотландцев и североирландцев в Англии).

Вхождение России в пространство государств с рыночной экономикой, новые акценты в этнонациональной политике нашего государства предопределяют изменения фокуса исследования социальных изменений в этнических группах. Главным становится изучение неравенства этнических групп.

---

¹⁰ *Habermas J. Vergangenheit als Zukunft: Das alte Deutschland im neuen Europa ? Ein Gespräch mit Michael Heller // H.M. Heller. Zurich, 1991. S. 29 u.a.; Петриковская А.С. Австралийский мультикультурализм: опыт этнической политики // Этнографическое обозрение. 1993. № 2.*

ОРГАНИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Первый этап исследования включал обсуждение современных подходов, методологии и методов изучения проблем социальной стратификации общества в переходный период (см. разд. I, гл. 1).

Затем был осуществлен анализ изменений основных параметров социальной структуры народов, давших название автономным республикам РСФСР по материалам Всесоюзных переписей населения 1959, 1979 и 1989 гг. (см. разд. I, гл. 2).

Одновременно мы отобрали все работающие индикаторы, фиксирующие статусные позиции из опросных листов наших предыдущих проектов, а также индикаторы норм, ценностей, установок, которые могли характеризовать социальные и этнические группы с точки зрения их возможной солидаризации. При условии повторения принципов выборки во время проведения опросов это позволяло нам через включение отобранных индикаторов в новый опросный лист проводить необходимые сравнения.

Нами были проведены переговоры с эстонскими коллегами, которые участвовали в проекте, для согласования основных параметров исследования¹¹.

Второй этап исследования — проведение массовых опросов в республиках Татарстане, Башкортостане, Саха (Якутии) и Оренбургской области. Опросы проводились специально подготовленными интервьюерами, которые были набраны из числа специалистов, не связанных с этнической проблематикой и социологией, но умеющих общаться с людьми. Другим требованием было знание языка — татарского, якутского, башкирского, русского, так как постоянное правило проведения наших опросов, связанных с этнической тематикой, — знание интервьюером языка респондента, который сам может выбирать, на каком языке ему удобнее отвечать на вопросы.

В результате в Саха (Якутии) были опрошены 1 050 человек, в Татарстане — 1 000 человек, в Башкортостане — 1 317 человек, в Оренбургской области — 1 160 человек. Параметры репрезентативной выборки для проведения опросов были разработаны М.С. Косолаповым (Татарстан, Саха (Якутия), Оренбургская область) и Е.В. Козеренко (Башкортостан).

---

¹¹ Наши коллеги из Эстонии работали на вторичных материалах, но в методологии мы стремились сохранить сходство. По результатам исследования в рамках проекта опубликована книга «Неэстонцы на рынке труда в новой Эстонии» (М., 2001).

На этом же этапе проводились глубинные свободные интервью с экспертами. Интервью проводились на русском языке. Все эксперты хорошо знали русский. В этих интервью (без жесткого нормирования вопросов) самым важным было сохранить единый подход, стиль беседы, ориентируясь на конечную цель — выяснение тех или иных проблем, которые постоянно имел в виду, идя от одного эксперта к другому, автор программы этой исследовательской процедуры¹².

После третьего этапа работы над проектом — обработки материалов массового опроса с использованием пакета программ SPSS (рук. А.Д. Коростелев), анализа интервью с экспертами и изучения прессы мы провели два обсуждения полученных результатов — в Москве и Джорджтаунском университете (Вашингтон, США).

Настоящая монография представляет собой итог работы, проделанной на всех трех этапах. Главы в книге написаны В.В. Амелиным при участии И.М. Габдрафикова (гл. 4, разд. I), А.Д. Бравиным, И.Г. Спиридоновой (гл. 1, разд. IV), Д.В. Брагиной (гл. 6, разд. III), Р.М. Валиахметовым (гл. 2, разд. III), Э.М. Виноградовой (гл. 5, разд. III), Л.М. Дробижевой (Введение, гл. 1, разд. I, гл. 4, разд. IV, Заключение), Г.А. Исаевым (гл. 3, разд. IV), В.Е. Козловым и Т.А. Титовой (гл. 2, разд. IV), В.В. Коротеевой (гл. 1, разд. II), М.С. Косолаповым (Приложение), И.М. Кузнецовым (гл. 3, разд. II), Р.А. Кузьминой (гл. 1, разд. III), Р.Н. Музиной (гл. 4, разд. III), Л.В. Остапенко (гл. 2, 3, разд. I), А.В. Переведенцевой (гл. 6, разд. II), С.В. Рыжовой (гл. 4, разд. II), Л.В. Сагитовой (гл. 5, разд. II, гл. 3, разд. III), И.А. Снежковой (гл. 7, разд. II), Г.У. Солдатовой, С.П. Елшанским (гл. 2, разд. II).

---

¹² Глубинные интервью были проведены Л.М. Дробижевой, часть из них была осуществлена совместно с В.В. Коротеевой (описание процедуры см.: разд. I, гл. 1).

* * *

Заканчивая проект, от всех его участников хотелось бы поблагодарить:

— наших коллег из США Д. Бари-Бартлет и Г. Лапидус, Х. Балзера, М. Мандельштам-Балзер, К. Стоун-Уэйсс, а также К. Халлик (Эстония) за полезные для нас консультации и замечания, сделанные ими в ходе обсуждения результатов исследования в Москве и в Джорджтаунском университете (США), что помогло нам учесть международный опыт изучения интересующих нас проблем;

— Ю.В. Арутюняна, который практически первым начал изучение этнических аспектов социальной структуры нашего общества и школа которого всегда помогала нам видеть этнические проблемы в широком социальном контексте, за очень ценные советы при подготовке книги к изданию;

— директора Института этнологии и антропологии РАН В.А. Тишкова за ту поддержку и консультации, которые мы получали от него, будучи на начальном этапе осуществления проекта сотрудничества этого института;

— П.М. Козыреву, М.С. Косолапова и Е.В. Козеренко за ценные замечания и советы во время подготовки опросного листа и проектирование региональных выборок;

— Р.Н. Мусину, Т.А. Титову, Л.В. Сагитову (Казань), Р.М. Валиахметова (Уфа), Э.Я. Яковлеву, А.Д. Бравина (Якутск), В.В. Амелина, Э.М. Виноградову (Оренбург) за помощь в организации опросов в республиках и Оренбургской области;

— представителей из федеральных органов власти — Государственной думы, Совета Федерации и региональных властных структур, а также наших коллег из Института этнологии и антропологии РАН и Института социологии РАН за участие в семинарах по проекту и за сотрудничество в ходе его реализации.

Проект не мог бы быть реализован, если бы не был поддержан Фондом К. и Дж. Макартуров. Мы признательны за внимание и поддержку в работе сотрудникам Московского представительства Фонда, и прежде всего Т.Д. Ждановой, С. Кинг, Э.А. Орловой.

Раздел I

Социальная дифференциация этнических групп: советское прошлое и российское настоящее

Глава 1

МНОГОМЕРНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ПРОЦЕССОВ СОЦИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ И НЕРАВЕНСТВА ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП

ЗАМЫСЕЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

Изучение одного и того же явления или процесса с разными целями по-иному вычленяет предмет исследования. Например, фиксация социального состава и мобильности у русских или якутов может быть нацелена на определение уровня, степени модернизированности данного народа. При этом сравнительный анализ осуществляется по вертикали, а не по горизонтали, и тогда место, скажем, якутов в социальной иерархии полиэтнического общества вообще допустимо не затрагивать.

В нашем проекте исследование социальной структуры, социальных изменений в этнических группах было подчинено цели уяснения того, как эти изменения будут связаны с интеграцией полиэтнического российского общества — межэтнической и социальной.

Под интеграцией мы имеем в виду поддержание эффективного взаимодействия различных групп общества для достижения разделяемых всеми системных целей, процесс, в ходе которого этнические группы, социальные слои устанавливают между собой позитивные поведенческие, когнитивные и эмоциональные связи, взаимодействия, направленные на кооперацию, понимание и толерантность, обеспечивающие существование системы в стабильном равновесии. Стабильное равновесие и является приоритетной системной целью.

Интеграция отдельных сегментов общества — социальных и этнических групп, так же, впрочем, как и общества в целом, может иметь и деструктивный характер, если формируется на основе агрессивной или только защитной солидарности, т.е. когда нарушается баланс процессов внутриэтнической и межэтнической интеграции.

Именно поэтому мы обращаемся к изучению возможностей реализации позитивной, сбалансированной по внутренним и внешним параметрам интеграции, в которой нуждается любое общество. В обществах переходного типа, подобных нашему, когда социальное разнообразие приводит к разобщенности общества в целом, особенно важно обеспечить противовесы этой разобщенности, но не за счет силового давления и сдерживания, а через поиск в социальном и этническом разнообразии всеми разделяемых общих системных целей, что и является единственным путем к согласию и гармонизации отношений.

В соответствии с этой целью *предметом* нашего исследования было изучение *социального неравенства этнических групп и этнических особенностей социальной иерархии*.

Проблематика социальных различий и социального неравенства — ключевая в социологии¹. Она становится особенно важной в российском обществе в условиях роста социальной дифференциации — статусной, региональной, когда социоанализ необходим для понимания состояния системы и предупреждения напряжений.

Предметом исследования были не только *изменения в социальной конфигурации* контактирующих этнических групп, но и *факторы, конструирующие границы* между этническими общностями и социальными слоями.

Механизмом, с помощью которого конструируются границы (как их понимал Р. Барт), являются представления. Известно, что далеко не всегда социальные противоречия возникают на основе реальных различий в статусе групп. Как правило, противоречия питаются интерпретациями социальных иерархий в обыденном сознании, кристаллизованным в соответствующих мифологемах.

Мифологемы как разделяемые большинством *представления* об отдельных компонентах социальной реальности являются, естественно, не только суммой индивидуальных, обусловленных личным опытом интерпретаций текущих социальных реалий. Завершенность и социальную значимость им придают *репутации*², задаваемые лидерами, нередко неформальными лидерами. Проще говоря, мифологема — это групповая интерпретация текущей реальности, озвученная лидером и освященная его авторитетом.

Выяснение *представлений* о неравенстве (в том числе закрепленных в мифологемах) входило в *предмет нашего изучения* не случайно. Если социальное неравенство в массовом сознании связывается с этничностью, если люди верят, что их национальная принадлежность влияет на социальное положение, они будут действовать в согласии с этими убеждениями и соответственно относиться к людям той или иной национальности как к социально конкурентным группам. Мы солидаризируемся с известной «теоремой Томаса»: «Если люди определяют ситуации как реальные, то они и являются реальными по своим последствиям»³. Мы можем лишь добавить, что если члены контактирующих групп по-разному определяют одну и ту же межгрупповую реальность, то создается основа для социальной напряженности и конфликта.

¹ В этом мы солидаризируемся с В.И. Ильиным (Ильин В.И. Социальное неравенство. М., 2000. С. 10).

² В эффективности метода определения репутаций после работ У. Ллойда Уорнера и Пола Ланта мало кто сомневается (Warner W.L., Lunt P. The Status System of a Modern Community. New Haven, 1947).

³ Thomas W.L., Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America. N.Y.: Knopf, 1918. Vol. 1. P. 79.

Изучение места этнокультурных факторов в социальной иерархии тесно взаимосвязано с проблемой приспособления этнических групп к современному рынку труда. Как пишут О.И. Шкаратан и В.В. Карачаровский, опираясь на исследования М. Кастельса, «различное время доступа к технологической силе (имеются в виду технологии, связанные с информационно-технологической революцией) для людей, стран и регионов является критическим источником неравенства в современном мире»⁴. Наше исследование не было посвящено специально качественным характеристикам рабочей силы, но ряд измерений — образование; ориентации на тот или другой тип оплаты труда; предприимчивость; достижительность; ценность труда, самостоятельности, ответственности; коллективизм — мы фиксировали с целью изучения влияния этнокультурных параметров на неравенство.

В связи с целями и предметом изучения в исследовании ставились следующие задачи.

1. Определить основные методологические подходы для анализа социальной дифференциации этнических групп, препятствующей или стимулирующей интеграцию как в обществе в целом, так и в отдельных его, в том числе и этнических, сегментах.

2. На основе анализа статистики и результатов репрезентативных опросов выявить факторы социальной стратификации и мобильности в этнических группах, различающихся по уровню модернизации и культурному наследию.

3. Установить, по каким признакам (отношениям собственности, имущественному положению, престижу, участию во власти) в наибольшей мере различаются контактирующие национальности в республиках и областях.

4. Выявить, как соотносится реальное неравенство этнических групп с представлениями об этом неравенстве у русских и титульных национальностей в республиках, насколько национальность ассоциируется с другими социальными делениями.

5. Определить, какие этнокультурные и этнополитические факторы присутствуют среди объяснительных моделей движения к социальному успеху, какие из них действительно содействуют продвижению.

6. Установить, насколько влияют этнические факторы на достижительные ориентации, предприимчивость групп и обостряет ли это конкурентные отношения между ними.

7. Выяснить, насколько распространены в группах с разной этнокультурной составляющей инновационные, разделяемые всеми ценности и установки и как влияет сходство или различие в этом отношении на интеграционные процессы в обществе.

---

⁴ Шкаратан О.И., Карачаровский В.В. Русская трудовая и управленческая культура. Опыт исследования в контексте перспектив экономического развития // Мир России. № 2. 2002. С. 4.

8. Проанализировать социальное самочувствие этнических групп, связанное с новыми неравенствами, и его влияние на межэтнические отношения в регионе в деловой и неформальной сфере общения, на интеграционные процессы.

ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ И БАЗА ДАННЫХ

Объектом изучения были российские национальности. Но поскольку проект осуществлялся в конкретных регионах, где живет не вся общность (например, в Татарстане живет немногим более четверти российских татар), то наиболее адекватно отражающим объект исследования понятием является «*этническая группа*». Это понятие используется нами в значении этнической категории, сформированной по принципу самоотнесения с ней на основе тех или иных признаков.

Естественно, в таком значении этническая группа не представляет общности с жесткими социальными связями. Они могут быть не только различными по силе и сферам деятельности людей, но и просто номинальными. Мы осознаем, что какая-то часть людей, вошедших в категорию «этническая группа», могла вообще не быть включенной в этнические связи⁵ и не испытывать в этом потребности или не осознавать их.

Конкретными объектами исследования были татары и русские в Татарстане, саха и русские в Саха (Якутии) — республиках, в которых мы работали в предыдущих проектах, русские и татары в Оренбургской области, где по ряду сопоставимых признаков проводилось исследование и в 1996—1998 гг., а также русские и татары в Башкортостане.

Таким образом, нами были выбраны для эмпирических исследований три республики — Татарстан, Башкортостан, Саха (Якутия) — и одна область — Оренбургская. Все три республики и область относятся к территориям, по своим природным ресурсам имеющим общероссийское значение. Все три республики уже в составе СССР, а затем и в новой России претендовали на высокий уровень самостоятельности. Их конституции были приняты до общероссийской, и в них, как известно, содержались положения, превышающие права, которые имеют республики по Конституции РФ 1993 г. Конституционный конфликт преодолевался подписанием договоров между Правительством РФ и правительствами республик. С 2000 г. шел процесс согласования законодательных документов. Все три республики относятся к тем субъектам Федерации, в которых этот процесс шел непросто и требовал максимальной профессиональной компетентности и дипломатичности.

---

⁵ Подробнее о «номинальной» и «действительной» идентичности см.: Jenkins R. *Rethinking Ethnicity. Arguments and Explorations*. L., 1997; см. также в этой книге разд. II, гл. 1.

Знание настроений, состояния массового общественного мнения в этих республиках, несомненно, является важным условием прогнозирования легитимности принимаемых решений.

Все включенные в исследование субъекты Федерации имеют различный по типу состав населения. В Саха (Якутии) якуты (саха — самоназвание) составляют, по оценкам, 37% населения, русские и якуты здесь две основные контактирующие национальности, но русские в большинстве. В Татарстане татары и русские практически равновеликие национальности (по оценке, татары составляют 51%). В Башкортостане башкиры составляли, по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., 21% населения, а наиболее многочисленными являются русские и татары. В Оренбуржье основная часть населения — русские, но здесь же живут и татары, и башкиры.

Выборка опроса была спланирована таким образом, чтобы была возможность сравнить положение и мнения русских, живущих в республиках — в иноэтничной среде и в области, в преимущественно своей среде. Так же и в отношении татар, мы имеем возможность сравнить их статус, положение и самочувствие в своей республике, в области с доминирующим русским населением и в республике, где они не являются национальностью, дающей название территории. Выборка нашего опроса позволяет делать сравнительные оценки положения той или иной национальности. Например, чтобы представить положение и самочувствие русских в республиках, очень важно посмотреть на оценки их социального, экономического положения в соседней, сходной по ресурсам Оренбургской области. Чтобы понять, насколько влияет уровень самостоятельности республики на положение татарского населения в Татарстане, важно посмотреть на данные о положении татар и их самооценках в соседних Башкортостане и Оренбуржье.

Именно такие сравнения позволяют сделать более адекватные выводы о роли статуса республики для жизни населения и конкретных национальностей, понять, за счет чего проигрывают в уровне жизни и социальном положении этнические общности — за счет статуса областей в сравнении с республиками или недостаточно эффективной деятельности областной власти. Сравнительный анализ по республикам и области позволяет выявить широкий набор факторов, влияющих на социальное неравенство этнических групп и избежать нередко мифических приписываний.

Мы считали принципиально важным осуществить сравнительный анализ в разрезе «город—село». К сожалению, нередко и политиками, и на бытовом уровне общения высказываются очень поверхностные, часто ложные суждения, из-за того, что не принимаются во внимание пропорции титульных и нетитульных групп в составе городского и сельского населения, а также особенности динамики механического прироста городского населения за счет села. Это подчас приводит к ошибкам в социальной практике. Например, большинство якутов жи-

вет вне городов и в очень сложных, трудных природных условиях. Если сравнить их в целом с русскими, то они будут проигрывать по ряду важных социально-экономических показателей. Но контактируют русские и якуты в основном в городах. А городские якуты обгоняют русских Саха (Якутии) по уровню образования, социальной продвинутости, а нередко и по модернизационным ориентациям. Отсюда их высокие претензии на распоряжение ресурсами республики.

Поэтому мы считаем принципиально важным проводить социальные сравнения с учетом деления населения на городское и сельское. А с точки зрения межнациональных сравнений такой подход практически обязателен.

Как видит читатель, мы стремились отобрать для исследования культуры, сложившиеся исторически под влиянием разных религий: русские, с православным вероисповеданием, но практически с потерянной для большинства традиционной культурой, испытавшей влияние христианства; татары и башкиры, с безусловно сохранившимся влиянием ислама в повседневной жизни, и саха-якуты, частично обращенные в православие, но со значительной, в известной мере протестантской, приверженностью к шаманизму.

Это позволяло нам не только посмотреть, как входят в трансформационные процессы этнические группы с разными культурами, но и как влияют (и влияют ли) особенности культуры на социальные иерархии.

Опросы проводились в июле — октябре 1999 г. Положение и оценки самочувствия за 2000—2002 гг. могли немного измениться, но принципиальных изменений в том, как ассоциируется национальность с другими социальными делениями, произойти за это время не могло. В заключительном разделе использованы некоторые сравнимые материалы опросов 2002 г., проведенных в Татарстане и Саха (Якутии) по проекту «Этничность и доверие в постсоветском обществе»⁶. Часть программы этого исследования была согласована с нашими предыдущими проектами.

В данном проекте была предпринята попытка международного сравнения, правда, не всегда по сопоставимым индикаторам, так как приглашенные в наш проект коллеги из Эстонии работали по вторичным материалам. Тем не менее обсуждение и апробация методологических подходов и сопоставление методик были полезными⁷.

Для изучения изменений в социальной конфигурации этнических групп были привлечены не только материалы социологических опросов, но и официальная статистика. Материалы Всесоюзных переписей населения 1959, 1979 и 1989 гг. были специально обработаны и проана-

---

⁶ Руководитель проекта Д. Бари-Бартлет, проект реализован при финансовой поддержке Национального научного фонда США и Национального совета по изучению Евразии и Восточной Европы.

⁷ «Неэстонцы на рынке труда в новой Эстонии» / Отв. ред. Л.М. Дробизева. М., 2001.

лизированы Л.В. Остапенко применительно к решению задач нашего проекта и дают картину социальной динамики в изучавшихся нами этнических группах на фоне изменений, происходивших у других народов России (см. разд. I, гл. 2).

Предметом исследования в проекте, как уже упоминалось, было не только неравенство в социальном статусе контактирующих этнических групп, рассматриваемое через их социальные конфигурации, но и факторы, конструирующие социальные и этнические границы. Социологического материала, собранного с помощью репрезентативных опросов, для изучения этих факторов было недостаточно. Поэтому важным источником для нас стали свободные интервью с экспертами. Это были лица, ответственные за экономическое развитие и реформы, социальную политику в правительствах республик, Государственном совете Республики Татарстан, парламенте (Ил-Тумен) в Саха (Якутии), Администрации Оренбургской области, редакторы и обозреватели наиболее читаемых газет в республиках и области, руководители или ведущие специалисты центров, проводящих опросы населения в регионах, директора крупных компаний, президенты или вице-президенты банков.

Принцип выбора экспертов, к которым мы обращались с просьбой дать интервью, был следующим.

В опросном листе в нашем предыдущем проекте стоял вопрос «Кто, с Вашей точки зрения, лучше других выражает интересы Вашего народа?». Тогда мы получили ответы респондентов титульной национальности и русских в Татарстане, Саха (Якутии) и Оренбургской области и отобрали список из тридцати человек в каждой республике и области, которые назывались наиболее часто.

Затем мы попросили трех экспертов из аппарата президентов республик и Администрации области, трех — из числа ученых, которые занимаются политическими вопросами и межэтническими отношениями, и по трое от трех наиболее влиятельных политических партий назвать людей, которые с их точки зрения лучше знают ситуацию в регионе, в наибольшей мере влияют на выработку и принятие важнейших решений и на общественное мнение.

Затем эти списки мы сопоставили и отобрали в каждом регионе 34 фамилии, так как по предыдущему опыту интервьюирования знали, что не все эксперты по тем или иным обстоятельствам смогут встретиться с нами.

Таким образом, мы располагаем банком из 126 интервью в виде диктофонных записей. В основном они помогают понять, что стоит за оценками и ориентациями, выявленными в ходе массовых опросов, существенно дополняют возможности интерпретаций психологических состояний и мотиваций групп.

Значимым источником для нас была пресса. Анализировались материалы официальных газет правительственных органов республик и некоторые газеты оппозиционного направления.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

В книге рассматриваются разные сюжеты, связанные с раскрытием темы, и они проинтерпретированы авторами, каждый из которых искал концепции, представлявшие наиболее рациональными. Тем не менее в целом для проекта был избран принцип многомерного иерархического исследования стратификационных моделей с комбинацией объективных и субъективных индикаторов, количественных и качественных измерителей объективных и субъективных показателей.

Исследователями признается, что для любого общества неравенство доступа к ресурсам и вознаграждениям является «фундаментальным фактом». Благодаря закреплению в нормах и обычаях оно становится «социальным неравенством». Выполняя те или иные профессиональные или социальные роли, люди отождествляют себя с конкретными слоями. Эти слои имеют свою иерархию, и тогда речь идет о социальной стратификации⁸.

Для изучения межэтнической интеграции нас интересовали статусные позиции, приписываемые общественным сознанием этническим общностям, социальная стратификация внутри этих общностей, так как сам масштаб представленности иерархически стоящих выше слоев влияет на приписываемый этнической группе статус и место людей той или иной национальности на стратификационной лестнице.

Только рассмотрение в целом этих позиций дает возможность реальной перспективы интеграционных процессов в полиэтническом обществе.

Исходным является анализ социально-профессиональной стратификации этнической группы как базовой. Она фиксировалась через выделение слоев по содержанию и условиям труда с учетом квалификационных требований. Эта стратификационная система была важна для нас не только потому, что позволяла провести динамические сравнения, поскольку прежние исследования социальной структуры народов проводились в основном по этим показателям. Она важна также и потому, что после какого-то периода в нашей недавней истории, когда формальная аттестация с помощью дипломов и аттестатов теряла значение, теперь, с начавшейся стабилизацией в обществе, образование и квалификация, подтвержденные соответствующими сертификатами (как объективный показатель), снова открывают путь к престижным рабочим местам.

В последнее время, в связи с утверждением рыночной системы отношений, мы все чаще стали говорить о формировании классов.

Конечно, теперь при выделении социальных страт мы более жестко следуем принципам их дифференциации по размерам доходов, ма-

---

⁸ Радаев В.В. Социальная стратификация, или как подходить к проблемам социального расслоения // Российский экономический журнал. 1994. № 11. С. 85.

териальному благосостоянию, накоплениям, наличию собственности, в том числе производственного капитала, по образованию, квалификации, должностному положению, властным полномочиям. Практически все эти показатели в той или другой степени поддаются объективным, количественным измерениям.

Мы не случайно делаем оговорку, что измерители относительны. Разумеется, как и другие исследователи, мы понимаем, что во время опросов состоятельные граждане не раскрывают чаще всего своих доходов. Но в какой-то мере тот же имущественный стандарт можно фиксировать через наличие комфортабельного современного дома или благоустроенной квартиры, а также набора вещей, свидетельствующих об уровне и качестве жизни.

Но есть один дифференцирующий показатель, который практически не поддается объективной операционализации, особенно с учетом этнокультурного разнообразия, это — престиж. Данный показатель не только относительный, но и субъективный. По опыту работы предыдущих проектов в российских республиках мы, например, можем сказать, что в период хаотической трансформации в среде русских престиж образования падал (сметливые малообразованные люди могли стать богачами, попасть в средний слой, а специалисты становились уборщиками в частных магазинах), а у якутов, осетин, тувинцев образование по-прежнему было в почете.

Таким образом, уже только пространственное и этническое разнообразие нашего общества диктует нам необходимость использования субъективных оценок стратификационных позиций.

Чтобы учесть это разнообразие, в опросный лист был введен вопрос «Что значит, по Вашему мнению, быть нищим... быть бедным... жить в достатке... быть богатым?» Все разнообразие ответов проанализировано в разд. II, гл. 4.

Для нашего исследования метод самооценок был чрезвычайно полезным, позволяющим представить систему координат нового социального пространства, которую конструируют для себя люди разных национальностей.

Именно из этих самооценок и приписываний, которыми они наделяют других, индивиды и группы исходят в своих представлениях, ориентациях и поступках. Репутационный метод относится к субъективным, но представления людей зависят прежде всего от объективного состояния общества. Социальные различия между этническими группами могут интерпретироваться как различия этнокультурного характера, на основе которых конструируются представления о разном месте этнических общностей в общественном разделении труда («культурное разделение труда» по М. Хехтеру) и объясняется неравенство. И при этом не важно, насколько сложившиеся конструкты имеют реальное основание, важно другое, а именно то, что люди строят отношения с другими, согласуясь со своими представлениями. Поэтому нами

была запрограммирована и комбинация показателей, традиционно использовавшихся для изучения социальной стратификации (доход, имущественные характеристики, уровень образования, квалификации, должность, позиция во властной структуре), и, кроме того, субъективный показатель — престиж. В качестве дополнительных критериев использовались самооценки материального и социального положения, социального самочувствия, удовлетворенности жизнью.

Как и другие исследователи (Т.И. Заславская, Ю.А. Левада, Л.А. Хахулина, З.Т. Голенкова, М.К. Горшков, Н.А. Тихонова и др.), мы изучали субъективное восприятие человеком своего положения в иерархии общественной структуры, т.е. самоотнесение к высшему, среднему или низшему классу.

Действительно, надо согласиться с Л.А. Беляевой в том, что ограничиться одним критерием самоидентификации в условиях перехода к рынку и демократии было бы недостаточным⁹, но в комбинации с другими подходами¹⁰ субъективные самооценки дают более реальное представление о состоянии общества. В общей композиции социальной стратификации российского общества Т.И. Заславской, кроме политической и экономической элиты (которые в массовые опросы не попадают), были выделены верхний средний, средний, базовый и нижний слой¹¹. Л.А. Хахулина, наряду с высшим, средним и низшим слоем, выделяет рабочий класс¹².

Наложение социально-профессионального и стратификационного деления с учетом субъективного восприятия и характеристик групп с точки зрения их психологических ориентаций, стилей жизни, норм обыденной жизни, политических пристрастий и культурных интересов дает, на наш взгляд, наиболее адекватное отражение современной социальной реальности.

В нашем исследовании, помимо социально-профессионального деления, учтено «условно классовое» на основе самоотнесения. Нам достаточно было такого выделения, так как главным для нас было изучение не самой социальной структуры, а восприятия социального неравенства этническими группами. Скажем даже более: само объективное социальное деление для нас было важно с точки зрения его соответствия представлениям о неравенстве.

---

⁹ Л.А. Беляева. Социальная стратификация и средний класс в России. М., 2001. С. 150.

¹⁰ Т.И. Заславская. Стратификация современного российского общества // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1996. № 1; Л.А. Хахулина. Субъективный средний класс: доходы, материальное положение, ценностные ориентации // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1999. № 2.

¹¹ Т.И. Заславская. Стратификация современного российского общества. С. 7—15.

¹² Л.А. Хахулина. Субъективный средний класс... С. 24—33.

С этой же точки зрения для нас было важно изучение социальной мобильности среди русских и титульных национальностей в республиках.

Для оценки перспектив интеграции в обществе с методологической точки зрения специального внимания заслуживало формирование среднего слоя или возможного среднего класса¹³, так как именно с ним связывают «уравновешенность» социума, возможность согласия, формирования гражданского общества. И это понятно, ибо поляризация всего общества, в том числе этнических групп, на богатых и бедных создает неустойчивость и возможность конфликтов.

Вычленение средних слоев, так же как и «условного среднего класса» в них, предполагает учет не только делений по доходу, имуществу, стандартам уровня и качества жизни, но и, с одной стороны, вычленения предпринимателей, а с другой — так называемого «нового среднего класса»: людей с высшим профессиональным образованием, тех, кто обслуживает новые технологии, менеджеров, новых администраторов¹⁴. По возможности мы сделали попытку выделить данные слои в этнических группах и рассматривали их долю в этих группах как фактор, способный выступать катализатором интеграционных процессов. Изучая неравенство в восприятии людей, нам важно было выяснить, насколько они сами ассоциируют свой статус в обществе и возможности продвижения с этнической принадлежностью. Затем эти представления мы соотносили с реальной мобильностью респондентов, исходя из их собственных ответов об изменении карьеры, и сопоставляли этничность с другими факторами, способными влиять на социальное продвижение. И наконец, еще одним важным принципом в теоретических подходах было рассмотрение изменений соотношений социальных слоев в этнических группах на фоне меняющегося политического фона. Именно на период завершения нашего исследования пришлось время перевыборов Президента РФ и приведения конституций республик в соответствие с российской, создание новых административных округов.

Соотнести социальные изменения в этнических группах в их взаимодействии с меняющимся политическим контекстом также было нашей задачей.

---

¹³ В изучении его мы могли опереться на упоминавшиеся работы Л.А. Беляевой, М.К. Горшкова, Т.И. Заславской, В.В. Радаева, Р.В. Рывкиной, Л.А. Хахулиной.

¹⁴ *Social Class and the Division of Labor* /Ed. by A Giddens., G. McKenzie. Cambridge: Cambridge University Press. 1982.

Глава 2

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СОСТАВА ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП И ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ

Одним из важнейших показателей степени равенства этнических групп в социальной сфере, качественным индикатором социальной справедливости в обществе служит характеристика социальных позиций контактирующих этносов, их социального потенциала, существующей между ними социальной дистанции¹. Глобальная политическая и социально-экономическая трансформация, начатая в России в конце 1980-х гг., привела к серьезным переменам не только в экономической, но и в социальной жизни ее населения. Стала качественно меняться и сама социальная структура российского общества, и социальный статус многих его членов. Материалы статистики и массовых опросов показывают, что эти процессы имеют заметную этнорегиональную специфику, которая в немалой мере связана как с особенностями ситуации в разных регионах, так и с различиями в социально-культурном развитии этнонациональных общностей в прошлые годы.

В данной главе делается попытка проанализировать некоторые тенденции и итоги социальной динамики народов, дающих название российским автономиям, и русского населения в республиках РФ с конца 1950-х до конца 1980-х гг. к началу периода коренных преобразований в стране, показать ту базу, которая в последующие годы стала основанием для становления новой социальной стратификации этнонациональных общностей, дать характеристику их «стартовых позиций», профессионального и образовательного потенциала и возможностей его использования в изменившихся условиях. В качестве основных источников были привлечены материалы Всесоюзных переписей населения 1959, 1979, 1989 гг.² и этносоциологического исследования, проведенного по проекту «СН»

---

¹ Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России / Авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М., 1998. С. 9.

² Использованы материалы Всесоюзных переписей населения 1959, 1979 и 1989 гг. РГАЗ, фонд 1562, опись 336, ед. хр. 5512—5514, 4845—4847, 7331—7336; текущий архив Государственного комитета РФ по статистике, таблицы: «Распределение населения по занятиям и национальностям», «Распределение населения по отраслям хозяйства и национальностям», «Распределение занятого населения по национальностям и уровню образования».

ОСОБЕННОСТИ ДИНАМИКИ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СОСТАВА ТИТУЛЬНОГО И РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ

В течение длительного времени в отечественной науке господствовала концепция, согласно которой одной из ведущих тенденций социально-этнических процессов в СССР было сближение социальной структуры «советских наций и народностей». В свою очередь, статус каждого народа как «равного среди равных» должен был способствовать укреплению идей интернационализма, отношений дружбы и сотрудничества между народами.

Однако уже первые этносоциологические исследования продемонстрировали, что действительность была не столь однозначной. Хотя за годы Советской власти многие особенно резкие, диссонирующие различия в социально-культурном облике населения разной этнической принадлежности в той или иной мере были сглажены, тем не менее говорить о завершении становления социальной однородности наций было нельзя³. Мало того, согласно тем же этносоциологическим исследованиям, проведенным в бывших союзных республиках, сближение образовательного и социально-профессионального состава национальностей нередко приводило к усилению состязательных отношений между ними, обострению конкурентной ситуации и даже стимулировало межэтнические конфликты⁴.

Материалы Всесоюзных переписей населения послевоенных лет подтвердили тезис о сближении этнических общностей России по многим социально-культурным показателям. Тем не менее трудовая занятость населения разных регионов, людей разной этнической принадлежности продолжала сохранять немало специфических черт. Дифференциация определялась как объективными, так и субъективными условиями. Немаловажную роль играли географические факторы, своеобразие природно-климатической среды проживания тех или иных национальных групп, во многом определяющие специфику отраслевой занятости людей, которая в то же время регулировалась и государством. Имели значение и традиционные ориентации населения на те или иные занятия и профессии, его образовательный уровень и демографический состав, характер расселения, особенности исторического развития, традиционного хозяйственного и бытового уклада, культуры и психологии, миграционного поведения и т.п.

Динамику социально-профессионального состава большинства крупных этнических общностей России с конца 1950-х гг. характери-

---

³ Социально-культурный облик советских наций (по материалам этносоциологического исследования). М., 1986; Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России и др.

⁴ Русские. Этносоциологические очерки. М., 1992. С. 440.

зовали в основном общие процессы: сокращение доли сельскохозяйственного населения, рост квалифицированных кадров, расширение сферы умственного труда.

В целом по России доля представителей профессий умственного труда увеличилась с 1959-го по 1989 г. с 23 до 35%, в том числе доля работников высокой и средней квалификации — с 16 до 25,5%, а удельный вес квалифицированных рабочих повысился с 36 до 46%.

Хотя темпы и масштабы названных процессов в отдельных регионах и этнических группах были неодинаковы, имела место тенденция к сближению титульных национальностей российских автономий по доле работников умственного и физического труда, людей, занятых в индустриальном производстве, работников со средним и средним специальным образованием. В то же время дистанция в масштабах развития ряда конкретных социально-профессиональных и отраслевых групп не только сохранялась, но в ряде случаев и увеличивалась. Этнические особенности социально-профессионального состава выявлялись не только при сопоставлении всего (городского и сельского) населения титульных национальностей, что можно было бы объяснить неодинаковой долей в их составе жителей города и села, заметно различающихся по роду своих занятий, но и при сравнении социальной структуры отдельно горожан и сельчан.

Расчет коэффициентов вариации доли людей, принадлежащих к тем или иным социально-профессиональным стратам, среди занятого городского населения титульных национальностей российских автономий по материалам переписи 1989 г. позволил установить весьма важную закономерность. Оказалось, что чем выше на социальной лестнице находилась группа, тем заметнее варьировала ее относительная численность у представителей разных этнических общностей. Именно на высшем уровне, в сфере высококвалифицированного умственного труда, различия между титульными национальностями в конце 1980-х гг. были наиболее масштабными.

Различия в социально-профессиональном составе городского населения титульных национальностей автономных республик России в коэффициентах вариации в 1989 г. выглядели следующим образом:

Работники высококвалифицированного умственного труда	33
Работники умственного труда средней квалификации	27
Работники мало- и неквалифицированного умственного труда	25
Рабочие высшей квалификации	21
Рабочие средней квалификации	17
Мало- и неквалифицированные рабочие	18

Источник: Рассчитано по материалам Всесоюзной переписи населения 1989 г. Государственный комитет РФ по статистике. Табл. 33 в.

Заметная дифференциация национальностей по относительной численности людей, занимающих высшие ступеньки на социальной лестнице, ключевые позиции в политике, экономике, культуре, определяющие основные направления развития республик, представляется достаточно значимой. Тем более, что престиж высококвалифицированного умственного труда среди подавляющего большинства населения был тогда достаточно высоким.

Среди титульных национальностей достаточно заметно выделялась группа тех, рост образовательного уровня и численности высококвалифицированных кадров у которых шел особенно интенсивно. Это были прежде всего буряты и якуты, живущие в «своих» республиках. Уже в первые послевоенные годы занятое население этих национальностей отличалось сравнительно высокой долей интеллигенции. В конце 1950-х гг., согласно материалам Всесоюзной переписи населения 1959 г., доля якутов с высшим, неоконченным высшим и средним специальным образованием и среди городского, и среди сельского населения была в 1,5—2 раза больше по сравнению с большинством других титульных национальностей автономных республик России. Относительная численность интеллигенции (работников умственного труда, занятых на должностях, требующих высшего или среднего специального образования) у якутов была в те годы еще масштабнее, особенно в городах — около четверти занятого населения.

За два последующих десятилетия доля якутов с дипломами высших и средних специальных учебных заведений в городском населении выросла более чем вдвое, а на селе — в 5 раз. Значительно расширились и отряды интеллигенции, причем наиболее заметно пополнилась группа специалистов высокой квалификации и руководителей высшего звена, увеличившись в 1989 г. по сравнению с 1959-м в 2,7 раза.

В других автономных республиках, например в Татарской и Башкирской АССР, заметный рост числа высококвалифицированных специалистов у татар и башкир начался позднее, чем у якутов, но он происходил, и особенно заметно со второй половины 80-х гг.

У таких национальностей, как марийцы, мордва, удмурты, чуваш, тувинцы, коми и ряд других, имевших сравнительно невысокие социально-культурные показатели в прошлом, продвижение по социальной лестнице шло менее интенсивно. В результате различия между национальностями в представленности наиболее социально продвинутых групп увеличились. Так, с конца 1950-х до конца 1980-х гг. дистанция, например, между якутами и тувинцами по доле всех работников умственного труда уменьшилась с 1,9 до 1,7 раза, по доле же специалистов высокой квалификации и руководителей высшего звена увеличилась с 1,3 до 2,1 раза.

Если среди якутского и бурятского населения в городах относительная численность работников квалифицированного умственного труда в конце 1980-х гг. была равна 40%, а на селе — 30%, то у карел, марий-

цев, удмуртов, чеченцев даже в городском населении доля интеллигенции не превышала 20%, а в сельской местности составляла всего 12—13%. Таким образом, разница между национальностями в уровне представленности в их составе специалистов и руководителей высшего звена в ряде случаев достигала 2,5—3 раз.

Сложилась ситуация, когда в одних автономных республиках титульные национальности уже в течение сравнительно долгого времени имели свои высокообразованные кадры. Представители политической и культурной элиты не только широко и активно участвовали здесь в органах управления, создавали научные труды и произведения искусства, обучали молодежь, вершили судебные дела и т.п., но и стимулировали развитие национального самосознания, конструировали общественное мнение, способствовали сплочению своих этнических общностей. В ряде же других республик процесс формирования своей интеллигенции имел менее длительную историю, а у репрессированных народов был в силу известных причин приостановлен, деятельность по поддержанию статуса групп была не столь эффективна. Подобные различия в условиях конца 80-х и в 90-е гг., в период подъема этнического самосознания, этнической мобилизации и консолидации, приобретали особое звучание.

В сфере физического труда этнические различия были выражены слабее и имели менее значимый характер. Сопоставляя величину тех или иных социально-профессиональных групп в составе горожан титульной национальности автономных республик России, можно заметить, что к концу 1980-х гг. преобладающей по численности у большинства из них стали квалифицированные рабочие (кроме бурят и якутов, у которых самой большой группой были работники квалифицированного умственного труда). Среди адыгейцев, алтайцев, ингушей, калмыков, осетин квалифицированные рабочие приближались по численности к группе интеллигенции.

Важно отметить, что национальности, несколько «отстающие» от других по представительности отрядов интеллигенции, отличались в то же время весьма многочисленными группами высококвалифицированных рабочих, доля которых в городах превышала треть, а в сельской местности достигала почти трети занятого населения этих национальностей (марийцы, мордва, чуваша, удмурты).

Во всех республиках, прежде всего в городах, шло интенсивное снижение доли занятых мало- и неквалифицированным физическим трудом. К концу 1980-х гг. лишь у некоторых титульных национальностей автономных республик Северного Кавказа (чеченцы, аварцы, даргинцы) в силу специфического исторического развития и особенностей природно-климатической среды представительность малоквалифицированных рабочих оставалась сравнительно высокой, превышая четверть занятого городского и 60% сельского населения этих этнических групп.

Тем не менее в социально-профессиональном составе ряда национальностей (алтайцы, ингуши, калмыки, осетины) наряду с более или менее весомыми отрядами интеллигенции еще сравнительно заметная доля приходилась на мало- и неквалифицированных рабочих. В силу того, что представители названных «крайних» социально-профессиональных групп, как известно, заметно отличались друг от друга не только по характеру труда и его оплаты, но и по уровню образования и культуры, образу жизни, это обстоятельство усиливало социальную дифференциацию внутри данных этнических общностей.

Фактором, дифференцирующим социальное положение людей одной национальности, можно назвать и сохранение заметной дистанции в социально-профессиональном составе городского и сельского населения. Показательно, что наиболее заметными различия между городом и селом оказались в этнических группах, которые отличались особенно внушительными темпами социально-культурного развития, обеспечивающимися в основном за счет горожан. Например, в городах Горно-Алтайской АО, Бурятской и Якутской АССР титульные национальности наиболее значительно повысили свой социальный статус, в то время как их сельские жители, будучи более социально продвинутыми по сравнению с сельчанами других титульных национальностей, существенно отставали в этом отношении от своих «соплеменников», живущих в городах. Относительная численность специалистов и руководителей высшего звена у алтайского, бурятского, якутского городского населения была вдвое выше, чем у сельского. Между тем среди башкир, марийцев, мордвы, татар, удмуртов, хакасов, чувашей доля этой группы работников мало отличалась в городе и селе, оставаясь и там, и там сравнительно невысокой.

Для более наглядного представления о социальной дифференциации титульных этносов российских автономий они были условно объединены в несколько групп. За основу деления была взята относительная численность работников квалифицированного умственного труда в городском населении.

В первую группу были включены национальности, в составе которых доля людей, занятых умственным трудом, превышала половину горожан, а доля интеллигенции достигала 40%. В нее вошли только буряты и якуты.

Вторая группа объединяла национальности, также имевшие достаточно солидные отряды интеллигенции, относительно более многочисленные, чем в среднем по России (28%), но все же не столь крупные, как у бурят и якутов, — чуть более трети занятого городского населения: адыгейцы, алтайцы, калмыки, осетины.

В третью группу были включены национальности, в составе городского населения которых доля работников квалифицированного умственного труда колебалась от четверти до трети занятых, что было примерно на уровне среднероссийского показателя: аварцы,

кабардинцы, балкарцы, ингуши, кумыки, лезгины, карачаевцы, черкесы, хакасы.

Четвертую группу составили титульные национальности остальных республик. Они отличались сравнительно невысокой долей интеллигенции — менее четверти занятого городского населения, что было ниже, чем в среднем по России. В то же время нельзя не отметить, что ряд вошедших в эту группу этнических общностей выделялся повышенной долей высококвалифицированных рабочих: башкиры, карелы, марийцы, мордва, татары, удмурты, чуваша. Прочие национальности — коми, тувинцы, чеченцы, даргинцы — имели сравнительно невысокую представительство квалифицированных кадров как умственного, так и физического труда, а доля интеллигенции в их городском населении была равна или ниже удельного веса мало- и неквалифицированных рабочих.

Можно сказать, таким образом, что накануне кардинальных социально-экономических трансформаций в России титульные национальности ее автономных республик продолжали в той или иной мере различаться по своему социально-профессиональному составу, в том числе по представительности высококвалифицированных кадров, людей, занимающих высокие социальные позиции. Подобное неравенство сказывалось не только на неодинаковых возможностях представителей тех или иных этнических групп пользоваться потенциалом своей национальной интеллигенции, делегируя ей право отстаивать свои интересы развивать национальную культуру и самосознание и т.п., но и на шансах дальнейшего социального роста людей. Ведь, как известно, выходцам из семей интеллигенции гораздо проще приобрести высокий социальный статус, чем, например, детям из рабочих семей. Все это создавало и далеко не равные условия для вхождения представителей этих национальных общностей в рыночную экономику, для их участия в процессах приватизации, в формировании новых социальных слоев и групп, в возможностях повышения своего материального уровня, приобретения собственности.

Однако с точки зрения теории относительной депривации оценка людьми условий их существования зависит от того, с кем они себя сравнивают. Вряд ли рабочих из среды башкир, татар, удмуртов особенно волновал тот факт, что в далекой Якутии якуты существенно отличаются от людей их национальности по структуре занятий. В то же время для многих был и останется важным такой показатель, как уровень участия лиц их национальной принадлежности в составе тех или иных социальных групп, который, в свою очередь, зависит от того, как распределяются социально-профессиональные роли между людьми различных национальностей, живущих в одной республике.

В связи с этим в качестве принципиально важной выступает проблема социальной дистанции между титульным и местным русским населением. Вопросы социального равенства или неравенства контак-

тирующих этносов приобретают особую значимость и с точки зрения развития процессов межэтнической интеграции, упрочения состояния стабильности как в отдельных республиках, так и в стране в целом.

За исследуемый тридцатилетний период социально-профессиональный состав титульного и русского населения большинства республик также имел тенденцию к определенному сближению. Этот процесс шел как в городской, так и в сельской местности, однако в городах он имел более выраженный характер.

В табл. 1 показана динамика за 1959—1989 гг. социально-профессионального состава русского и титульного городского населения Башкирской, Татарской и Якутской АССР — республик, в которых проходили наши социологические исследования по проекту «СН» в 1999—2001 гг. Как видно, во всех трех республиках и у русских, и у титульных национальностей шли одинаковые процессы: снижалась доля рабочих с невысоким уровнем квалификации, расширялась сфера занятости высококвалифицированным физическим трудом, возрастала относительная численность работников умственного труда, в том числе весьма интенсивно пополнялась группа руководителей высшего звена и специалистов высокой квалификации.

Однако различия в темпах и масштабах этих общих процессов, а также в «стартовых» позициях этнических общностей привели к тому, что дистанция между титульными этносами и русскими по ряду показателей даже в городах оставалась достаточно заметной и в разных республиках весьма неодинаковой.

Так, например, в Башкирской и Татарской АССР с конца 1950-х до конца 1980-х гг. (согласно материалам соответствующих переписей населения) доля руководителей высшего звена и специалистов высокой квалификации увеличилась у русских примерно вдвое, а у башкир и татар — в 2,3 раза. Однако среди русского населения она оставалась еще несколько весомее, чем у башкир и татар за счет разницы в «стартовых» показателях. В Якутской АССР рост этой социально-профессиональной группы среди русских был менее заметен и результаты его были скромнее, в том числе и по сравнению с якутами, которые в конце 1950-х гг. «обгоняли» русских по данному показателю в полтора раза, а в конце 1980-х. — уже более чем вдвое.

В то же время в Якутской АССР, как и в Башкирской, и в Татарской (в городском населении), произошло сближение относительной численности людей титульной и русской национальности, занятых умственным и физическим трудом средней квалификации, а также мало- и неквалифицированным физическим трудом. У башкир и русских, татар и русских (в соответствующих республиках) выровнялись доли работников высококвалифицированного физического труда и служащих. У якутов и русских различия в этом отношении возросли.

Если бы рассмотренные тенденции и темпы развития социально-профессионального состава русского и титульного населения этих трех

Таблица 1

Динамика социально-профессионального состава титульного и русского городского населения Башкирской, Татарской и Якутской АССР (1959—1989 гг., % от численности городского работающего населения данной национальности в республике)

Основные национальности	Башкирская АССР			Татарская АССР			Якутская АССР		
	1959 г.	1979 г.	1989 г.	1959 г.	1979 г.	1989 г.	1959 г.	1979 г.	1989 г.
Специалисты высшей квалификации и руководители высшего звена									
Титульные национальности	5,6	10,4	12,2	5,4	10,1	12,6	12,3	19,9	24,9
Русские	8,9	12,6	14,2	8,2	14,1	16,6	8,0	12,8	11,0
Специалисты средней квалификации и руководители среднего звена									
Титульные национальности	6,6	10,4	11,0	6,7	10,6	11,8	11,2	13,1	14,0
Русские	9,8	11,5	12,8	12,0	13,3	13,1	14,2	11,7	13,5
Служащие									
Титульные национальности	5,8	5,6	10,0	6,5	6,9	8,1	9,6	13,2	13,8
Русские	8,0	7,5	8,9	10,1	8,3	8,7	8,3	11,1	10,7
Работники физического труда высшей квалификации									
Титульные национальности	22,5	31,8	33,2	25,4	31,4	34,4	10,3	11,5	17,1
Русские	33,0	36,2	36,0	32,2	36,8	35,0	25,8	30,9	34,6
Работники физического труда средней квалификации									
Титульные национальности	19,2	18,2	13,6	23,2	20,6	13,9	15,0	15,5	11,2
Русские	18,8	16,9	13,1	18,2	17,0	13,4	18,1	11,8	12,8
Работники мало- и неквалифицированного физического труда									
Титульные национальности	40,3	23,6	19,5	32,8	20,4	16,0	41,6	26,8	18,7
Русские	21,5	15,7	15,0	19,3	13,7	13,2	25,6	21,7	16,9

Источник: Рассчитано по материалам Всесоюзной переписи населения 1959, 1979, 1989 гг. фонд 1562, опись 336, ед. хр. 5512—5514, 4845—4847, 7505—7508, 7331—7336.

республик сохранились и в последующие годы, то можно было бы прогнозировать, что в городах Татарской и Башкирской АССР татары и башкиры постепенно догнали, а затем и перегнали бы местных русских по занятости высококвалифицированным умственным трудом. А в Якутии произошло бы дальнейшее нарастание диспропорций в социальной стратификации якутов и русских.

Данные только по этим трем республикам говорят о значительной дифференциации соотношения социальных позиций титульного и русского населения по регионам, которая в той или иной мере сохранилась и к началу 1990-х гг.

Наиболее сходным социально-профессиональным составом в конце 1980-х гг. отличались русские и титульные национальности лишь нескольких регионов — Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской, Коми АССР и Хакассской АО (как по городскому, так и по сельскому населению). В остальных ситуациях была весьма неодинаковой. При этом в городе и селе наблюдались свои особенности.

В зависимости от представительности в составе городского населения титульной и русской национальности доли работников высококвалифицированного умственного труда, в сфере которого сосредотачиваются ключевые интересы контактирующих этнических общностей, все регионы (кроме четырех, названных выше) можно было условно разделить на две большие группы. К первой группе были отнесены те, в которых доля специалистов и руководителей высшего звена у титульных национальностей (в городах) превышала соответствующий показатель у местного русского населения. Это, прежде всего, такие республики, как Бурятская и Якутская АССР, а также Адыгейской и Горно-Алтайской АО, Калмыцкая АССР. В городах «своих» республик буряты и якуты опережали местных русских по доле высококвалифицированных специалистов и руководителей более чем вдвое, а адыгейцы, алтайцы, калмыки — почти в полтора раза. Участие представителей этих национальностей в группе республиканской интеллигенции было непропорционально высоким: например, якуты составляли более 20% всех специалистов и руководителей высшего звена, хотя их доля в городском населении Якутской АССР лишь чуть превышала 11%. Русские насчитывали в городах этой республики 67%, в составе же местной интеллигенции их доля падала до 62%.

Вторая группа объединяла республики, в которых доля работников высококвалифицированного умственного труда была выше у русского населения. Эта группа оказалась довольно неоднородной. В городах Башкирской, Карельской, Мордовской, Удмуртской, Татарской, Чечено-Ингушской АССР (в сравнении с ингушами) местные русские по этому показателю «обгоняли» титульные национальности всего на несколько процентных пунктов. В Дагестанской, Марийской, Тувинской, Удмуртской, Чувашской, Чечено-Ингушской АССР (в сравнении с чеченцами) дистанция между русскими и титульными национальностями по относительной численности высококвалифицированных специалистов и руководителей возрастала до 1,4—1,7 раза. Соответственно, во всех названных республиках уровень представительства русских в составе всей интеллигенции (в городах) был выше, чем у титульных национальностей. В Башкирской АССР, например, при доле русских в городском населении, равной 49%, а башкир — 15%, среди работников высококвалифицированного умственного труда люди этих национальностей были представлены соответственно 54 и 14%. В Татарской АССР уровень участия татар в данной социально-профессиональной группе был еще скромнее: их доля в городском населении рес-

Таблица 2

Уровень представительства титульных национальностей и русских в составе работников разных социально-профессиональных групп городского населения в Башкирской, Татарской и Якутской АССР (1989 г., % от численности социально-профессиональной группы)

Социально-профессиональные группы	Башкирская АССР		Татарская АССР		Якутская АССР	
	Башкиры	Русские	Татары	Русские	Якуты	Русские
Руководители высшего звена	16,5	48,9	44,0	48,6	18,6	61,0
Специалисты высокой квалификации	13,2	53,8	37,8	53,9	9,0	68,2
Руководители среднего звена	13,6	54,1	36,3	56,4	20,4	62,4
Специалисты средней квалификации	13,5	45,9	43,0	50,3	15,8	66,8
Служащие	13,7	53,1	41,4	51,3	13,8	66,3
Рабочие высшей квалификации	14,9	49,2	44,0	48,1	5,7	69,4
Рабочие средней квалификации	17,1	43,7	48,0	43,6	9,3	64,6
Мало- и неквалифицированные рабочие	15,3	48,5	43,3	48,1	12,2	65,9
Все занятое городское население	14,9	49,2	42,9	49,3	11,1	66,6

Источник: Рассчитано по материалам Всесоюзной переписи населения 1989 г.

публики составляла 43%, в составе же высшей интеллигенции — 37%, у местных русских соотношение этих показателей было обратным — 49% (в населении) и 57% (в интеллигенции) (табл. 2).

В отличие от ситуации, сложившейся к концу 1980-х гг. в союзных республиках, где прослеживалась довольно четкая обратно пропорциональная зависимость между долей интеллигенции у населения титульной и русской национальности (по городам), в автономных республиках России подобная связь оказалась слабее. Величина коэффициента ранговой корреляции была равна здесь -291, в то время как в союзных республиках -668⁵. В союзных республиках довольно сильное влияние на различия в социально-профессиональном составе людей разной национальности, живущих на одной территории, оказывали этнокультурные факторы, в российских автономиях не менее важными выступали региональные особенности. Например, сравнительно низкой была доля интеллигенции у башкир и русских, у карачаевцев и русских, у коми и русских, у хакасов и русских (в соответствующих республиках), сравнительно весомой — у осетин и русских Северо-Осетинской АССР, ингушей и русских в Чечено-Ингушской АССР.

Занятость профессиями умственного труда средней квалификации и служащих имела сравнительно меньше этнических особенностей.

⁵ Русские. Этносоциологические очерки. С. 111.

А в сфере физического труда, которая в большинстве случаев не служила полем столкновения национальных интересов, сохранялось довольно четкое разделение функций между работниками титульной и русской национальности, соответствующее их отраслевой специализации. В городах русские повсеместно (кроме Марийской, Удмуртской и Чувашской АССР) были шире представлены рабочими высокой квалификации, а титульные — средней (кроме Бурятской и Якутской АССР), что в значительной мере было связано с большей концентрацией работников русской национальности в отраслях машиностроения и металлообработки, где были сосредоточены крупные предприятия с наукоемким производством и повышались требования к квалификационной подготовке кадров.

Следует, однако, отметить, что за тридцать лет дистанция между русскими и титульными национальностями по относительной численности работников квалифицированного физического труда во многом была преодолена. В городах более или менее существенные этнические различия (в 1,5—2 раза) сохранились в основном лишь в тех республиках, титульные этносы которых были особенно ориентированы на занятия умственным трудом, т.е. в Адыгейской АО, Бурятской, Якутской АССР, Горно-Алтайской АО.

Уровень занятости мало- и неквалифицированным физическим трудом русского и титульного населения более заметно варьировал по республикам. В Адыгейской АО, Бурятской АССР и Горно-Алтайской АО он был выше у русских, в Башкирской, Дагестанской, Карельской АССР, Карачаево-Черкесской АО, Мордовской, Удмуртской, Чувашской, Северо-Осетинской, Якутской, Марийской АССР — у титульных национальностей. В остальных случаях русские и титульные национальности были заняты мало- и неквалифицированным физическим трудом примерно в равной мере.

Общим для большинства республик было относительно широкое участие русских в составе руководителей среднего звена, а титульных национальностей — среди управленцев более высокого ранга, относительное преобладание работников русской национальности в составе служащих, а также среди рабочих высшей квалификации, а представителей титульного населения — среди работников физического труда, имеющих средний квалификационный уровень.

Можно сказать, таким образом, что к концу 1980-х гг. итоги развития социально-профессионального состава титульных национальностей и русских, живущих в одной республике, оказались весьма неоднозначными. По одним показателям происходило сближение социальных позиций различных этнических общностей, по другим — дистанция между ними увеличивалась. Причем в разных республиках ситуация была далеко не одинаковой.

Различия в социально-профессиональном составе титульного и русского населения, так же как и титульных национальностей отдель-

ных республик, определялись целым комплексом разнообразных условий и факторов, которые уже довольно подробно исследованы отечественными этносоциологами. Хотелось бы подчеркнуть особую роль таких факторов, как политические, языковые, поселенческие, социально-культурные, миграционные.

В первые десятилетия советской власти в большинстве автономных республик России, согласно принципам национальной политики, шло интенсивное комплектование местной интеллигенции из представителей титульных национальностей, что было необходимо для обеспечения «коренного» населения, «своими» управленческими, педагогическими и медицинскими кадрами. Этот процесс имел особенно массовый характер в тех республиках, где уровень знания титульным населением русского языка был наиболее низким и использование труда русских специалистов во многих сферах деятельности оставалось невозможным, например в Якутской АССР.

В те годы государство принимало весьма активное участие в регулировании кадрового состава занятого населения тех или иных регионов, перемещая трудовые ресурсы из одной республики в другую, комплектуя местное руководство, создавая льготы для титульных национальностей при поступлении на учебу, формируя кадры промышленных рабочих преимущественно из представителей тех национальностей, которые имели больший опыт промышленного развития и т.п.

Русские в большинстве случаев занимали те профессиональные «ниши», которые были недостаточно заполнены представителями титульного населения. В Якутской АССР, например, наиболее массовый приток русских происходил в тот период, когда у якутов уже сложились сравнительно многочисленные кадры собственной интеллигенции, но в составе рабочих производственных отраслей, несмотря на высокие заработки, якутов было крайне мало. Соответственно, местное русское население пополнялось в основном высококвалифицированными рабочими, многие из которых работали на приисках и целью их переезда нередко было получение высоких заработков.

На различия в социально-профессиональном составе национальностей заметное влияние оказывала разница в шансах социального продвижения у городских и сельских жителей, так как численность последних у титульных этносов в большинстве случаев была выше, нежели у русских. Более широкими возможностями для развития трудовой карьеры обладали и выходцы из семей интеллигенции. В особенно благоприятных условиях находились, соответственно, представители тех национальных общностей, среди которых отряды работников высокоинтеллектуального труда сложились сравнительно давно и были масштабнее, как, например, среди якутов.

В то же время немалая часть населения ряда титульных национальностей оставалась «за бортом» вузов и техникумов не только из-за высокой доли сельского населения, но и в результате недостаточно

хорошего владения русским языком. В связи с этим важно отметить, что в большинстве автономных республик России преподавание в высших учебных заведениях, готовящих кадры для пополнения отрядов республиканской интеллигенции, велось преимущественно на русском языке. В Башкирской АССР, например, при наличии школ, работающих на башкирском, татарском, удмуртском и других языках населяющих республику национальностей, обучение студенческой молодежи на башкирском или татарском языках до последнего времени практически не практиковалось.

На сохранение этнических особенностей в социально-профессиональном составе горожан в определенной степени влияли и миграционные перемещения сельского населения, уровень урбанизированности самих городских жителей, зависящий от длительности их проживания в городе. В миграционном потоке сельчан в города сравнительно высокий удельный вес имели представители титульных национальностей как преобладающих среди жителей села. Пополняя городское население, приезжие из сельской местности способствовали росту доли лиц своей национальности в составе всех горожан, в то же время не влияя на повышение уровня представительства среди интеллигенции, так как устраивались в основном на мало- и неквалифицированную работу. Особенно активно приток сельских жителей в города происходил у тех национальных общностей, которые в целом слабее ориентировались на традиционные сельскохозяйственные отрасли, были более широко знакомы с русским языком и культурой, превалировавшими в городах, что было довольно типичным, например для татар.

На различия в социально-профессиональном составе населения титульной и русской национальности, живущего в селе, заметное влияние оказывал, помимо прочих факторов, и характер расселения. В большинстве республик местные русские чаще концентрировались в крупных населенных пунктах, а титульные национальности были более «распылены» по территории республик, и для обслуживания этой части сельского населения, слабо владеющей русским языком, были необходимы достаточно массовые отряды «национальной» интеллигенции.

Хотя в сельской местности уровень занятости квалифицированным умственным трудом был сравнительно невысок и у титульного, и местного русского населения, тем не менее в селе титульные национальности чаще, нежели в городах, опережали, хотя и незначительно, местных русских по доле работников квалифицированного умственного труда. Помимо адыгейцев, алтайцев, бурят, калмыков, якутов, относительно более крупные отряды интеллигенции по сравнению с русскими имели башкиры, кумыки, лезгины, карачаевцы, черкесы, осетины, татары.

В то же время русские, живущие в селах большинства республик, были шире заняты высококвалифицированным физическим трудом (за исключением Карельской и Коми АССР, где данный показатель у русских и титульных этносов был примерно одинаков). Это было связано,

главным образом, с особенностями отраслевой специализации представителей этих национальных групп, в частности более массовой занятостью титульного населения сельскохозяйственным трудом, в то время как русские чаще ориентировались на работу в индустриальных отраслях, предприятия которых располагались в сельской местности.

Конечно, перечисленные выше факторы далеко не исчерпывают того многообразия причин и обстоятельств, которые определяли и определяют особенности социально-профессионального состава представителей разных этнических общностей. Ряд зарубежных и отечественных исследователей достаточно серьезное внимание уделяют культурно-психологическим особенностям, в том числе конфессиональной принадлежности людей, влиянию их традиционной системы хозяйствования, сохранению «своих» понятий о престижности той или иной профессии и занятия и т.п.⁶

Однако в данной главе представляется важным более подробно остановиться на таких особенно значимых и универсальных факторах, определяющих социально-профессиональные различия в этнических общностях, детерминирующих социально-экономическое неравенство людей разных национальностей, как их отраслевой состав и уровень образования.

ДИНАМИКА ОТРАСЛЕВОГО СОСТАВА

Отраслевая структура населения российских автономий в значительной мере регулировалась потребностями российской экономики и отвечала задачам межрегиональной хозяйственной специализации.

Многие автономные республики России были широко известны своими ведущими хозяйственными отраслями: Удмуртская АССР — военным машиностроением, Башкирская и Татарская АССР — нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленностью, Якутская — горной, Карельская АССР — деревообрабатывающей промышленностью, Горно-Алтайская АО — овцеводством и т.д. Однако в отраслевом составе занятого населения российских автономий проявлялись не только региональные, но и этнические особенности.

Результатом политики индустриализации, активно проводимой советским государством во всех регионах России, стало интенсивное развитие индустриальных отраслей в большинстве автономных республик. В составе всех этносов, дававших название автономным республикам, занятые в индустрии стали одной из самых массовых отраслевых групп. Наиболее крупные отряды индустриальных кадров имели карелы, башкиры, марийцы, мордва, татары, удмурты, хакасы, чуваша. В городах

---

⁶ Труд и занятость в России: Стат. сб. М., 1999. С. 349.

их доля достигала 55—60% занятого населения этих национальностей. Относительно слабее участвовали в индустриальном труде алтайцы, калмыки, якуты, некоторые национальности Дагестана.

Без широкого привлечения титульных национальностей в индустриальное производство невозможно было его развитие, оно вело, в свою очередь, к увеличению экономической значимости республик, и это приобрело принципиально важное значение в период их суверенизации. Не удивительно, что вопрос более массового участия в индустриальных отраслях титульного населения таких автономных республик, как Якутская, Калмыцкая стал серьезно волновать их управленческую и научную элиту⁷. Тем не менее нельзя не отметить, что престиж индустриального труда среди большинства населения остается сравнительно невысоким. Привлекательность работы в индустриальных отраслях снижается из-за плохих условий труда, невысокого уровня автоматизации большинства предприятий, сохраняющихся потребностей в мало- и неквалифицированном физическом труде. Теряла свой прежний престиж и профессия инженера, в основном из-за перепроизводства инженерно-технических кадров, невысокой их оплаты и т.п.

Несколько сократились различия между титульными национальностями разных автономных республик России по доле занятых сельскохозяйственным трудом. В конце 1980-х гг. сравнительно большую долю сельскохозяйственных работников (40—50% всего занятого населения) имели лишь алтайцы и титульные этносы Дагестанской АССР. У других титульных национальностей доля участвующих в сельскохозяйственном труде варьировала в пределах 20—35%. Самой низкой относительной численностью сельскохозяйственного населения (в целом по городу и селу) отличались осетины, карелы, коми и удмурты (14—17%).

За исследуемый тридцатилетний период наряду с индустриальной сферой занятости довольно заметно у всех титульных национальностей выросла доля работников в таких отраслях, как здравоохранение, просвещение, наука, культура, искусство. Тем не менее в конце 1980-х гг. даже в городах уровень включенности в данные отрасли людей разной этнической принадлежности был далеко не одинаков. Например, доля работников здравоохранения (в городах) среди якутов и тувинцев была вдвое выше, нежели у башкир, мордвы, татар, чеченцев. В сфере науки якуты, коми, татары, алтайцы были заняты в относительно больших масштабах, нежели кабардинцы, карачаевцы, карелы, марийцы. Разница в относительной численности работников науки (по городскому населению) у этих этнических групп была почти 10-кратной. Доля работников культуры и искусства у алтайцев, тувинцев и якутов была в 3—5 раз выше, нежели у марийцев, кабардинцев, карел.

Относительная численность работающих в сфере управления в большинстве республик к концу 1980-х гг. составляла лишь несколько

⁷ Труд и занятость в России... С. 349.

процентов занятого населения, заметно снизившись по сравнению первыми десятилетиями советской власти. Сравнительно большей представительностью государственной элиты отличались алтайцы, буряты, калмыки, якуты. Руководители органов хозяйственного управления более широко были представлены среди народов Северо-Кавказского региона — адыгейцев, балкарцев, черкесов, осетин. Правда, относительная массовость данной категории работников у этих национальностей обеспечивалась, главным образом, за счет преобладания в названном регионе большого числа мелких предприятий в основном перерабатывающих отраслей.

Следует отметить, что в отраслях управления, науки, культуры, здравоохранения, просвещения сосредотачивались работники преимущественно умственного труда, в том числе высококвалифицированного. Занятость в них для большинства населения представлялась и представляется наиболее престижной. Представительность работников именно этих отраслей в составе тех или иных национальных общностей воспринимается нередко как статусная позиция данных этносов, а неодинаковый уровень их развития — как один из серьезных аспектов социального неравенства национальностей.

Особую значимость имели различия в отраслевой занятости людей разных национальностей, живущих в одной республике. Отраслевой состав русского населения российских автономий зависел в первую очередь от двух факторов — уровня развития тех или иных отраслей в данной республике и степени включенности в эти отрасли лиц титульной национальности.

Особенности хозяйственно-отраслевой занятости у русского населения разных российских автономий были в ряде случаев менее существенными, нежели у населяющих одну республику русских и представителей титульного этноса. Хотя несколько десятилетий назад дистанция между этническими группами выглядела намного рельефнее, многие различия в отраслевой специализации национальностей, живущих в одной республике, сохранились до наших дней.

В течение рассматриваемых 30 лет (1959—1989) специфика отраслевой структуры титульных национальностей и русских была связана, главным образом, с особенностями расселения этих этнических общностей в городской и сельской местности. Преобладание городского населения у русских (везде, кроме Горно-Алтайской АО) и заметно более высокая доля сельчан у представителей титульных народов определяли дистанцию в уровне участия представителей этих этнических групп в сельскохозяйственном производстве и в «городских» отраслях, в том числе индустриальных.

В этом отношении особенно заметные «несовпадения» в отраслевом составе занятого населения русской и титульной национальности можно было обнаружить в Якутской, Тувинской АССР, Карачаево-Черкесской АО, Чечено-Ингушской, Дагестанской АССР, титульные

этноты, которых отличались особенно высокой долей сельскохозяйственного населения, у русских же этих республик она была сравнительно низкой.

В городах отраслевой состав представителей русской и титульной национальности к концу 1980-х гг. уже практически не имел значительных расхождений. Наибольшим сходством в этом отношении отличались русские и титульные национальности Карельской, Татарской и Чувашской АССР. Особенно же заметные различия существовали в отраслевом составе городского населения русской и якутской, русской и тувинской, русской и бурятской национальности в соответствующих республиках. Тем не менее те или иные особенности хозяйственной деятельности людей разной этнической принадлежности можно было обнаружить в конце 1980-х гг. практически во всех автономиях, причем как в городе, так и на селе.

Картина отраслевой занятости представителей титульных этносов и местных русских в городах разных республик была достаточно пестрой. В одних республиках титульные национальности «опережали» представителей русского населения по включенности в те или иные «городские» отрасли, в других соотношение было обратным.

Однако можно было обнаружить и ряд общих моментов. Так, хотя горожане большинства титульных национальностей уже не отставали от местных русских по доле работников индустриального труда, а некоторые и обгоняли их (удмурты, башкиры, чуваша, марийцы, мордва, карелы, тувинцы), состав занятых в разных отраслях индустриального производства имел определенные этнические особенности. Представители титульных этносов более широко были заняты в строительстве и на транспорте, в легкой и особенно пищевой промышленности, в то время как русские — в машиностроении и металлообработке.

Важно отметить, что в производственных отраслях русские во многих случаях чаще выступали в качестве специалистов и руководителей, а титульные национальности — в качестве рабочих. Отраслевое деление работников физического труда разной национальной принадлежности было особенно четким. Например, в Башкирской АССР на 10 тыс. городского населения, занятого физическим трудом, приходилось среди башкир 250 человек, занятых в добывающей промышленности, и 2 521 рабочий машиностроения и металлообработки, среди русских, живущих в этой автономной республике, — соответственно 129 и 3 319. Примерно такое же соотношение рабочих данных отраслей было у русских и якутов, русских и татар.

Концентрируясь в отраслях машиностроения, русские находились в несколько более благоприятных условиях, чем титульные национальности. Машиностроительное производство сосредотачивалось преимущественно на крупных предприятиях, в том числе ВПК, которые отличались более комфортными условиями труда, более высокой заработной платой, более развитой материальной базой, где работники луч-

ше обеспечивались социальными благами (ведомственное жилье, базы отдыха, детские сады и т.п.)

Особенностью профессионально-отраслевого состава местного русского населения большинства автономий была повышенная доля инженерно-технических работников и всей производственной интеллигенции в целом. Во всех республиках, кроме Бурятской АССР, эта группа занятых среди русских была относительно больше, нежели у титульных национальностей. Хотя рост ИТР у всех титульных народов автономных республик шел довольно быстрыми темпами, все же отраслевой состав специалистов и руководителей у титульных национальностей в большинстве случаев характеризовался большим перевесом в сторону массовой, художественно-творческой, научной интеллигенции, работников государственного управления, а у русских — в сторону производственных кадров и хозяйственных управленцев. Так, например, в городах Татарской АССР доля специалистов и руководителей производства в составе интеллигенции у татар была равна 45%, а у местных русских — 50%, в Башкирской АССР у башкир этот показатель составлял 38%, у русских — 48%, а в Якутской АССР — 36% у якутов и 51% у русских.

Представители производственной интеллигенции были связаны с той сферой деятельности, в основе которой лежала ориентация на научно-технические достижения других народов, в том числе русского, и в меньшей степени — на местную национальную культуру и язык. Сохраняющееся преобладание среди русской интеллигенции производственных отрядов имело как положительную, так и отрицательную сторону. С одной стороны, подобная специализация создавала для русских определенную «культурную нишу», стабилизируя их положение в социально-экономической жизни республик. При сравнительно ограниченном представительстве их в партийно-государственных органах русские в качестве специалистов и организаторов производства в той или иной мере могли принимать участие в сфере республиканского управления. С другой стороны, «перекос» структуры русской интеллигенции в сторону производственно-технических кадров снижал возможности местного русского населения достаточно широко пользоваться услугами специалистов своей национальности в области здравоохранения, просвещения, культуры, юриспруденции. Имея в своем составе довольно солидную долю производственной интеллигенции (от 35% всех работников квалифицированного умственного труда в Горно-Алтайской АО до 50% в Дагестанской АССР), русские в большинстве случаев отставали от представителей титульных народов по относительной численности работников названных отраслей.

Сферы деятельности, связанные с воспроизводством физического и духовного здоровья народа (педагогика, медицина, художественное творчество), были всегда особенно популярны у представителей титульных национальностей не только российских автономий, но и со-

юзных республик, и активно пополнялись титульным населением еще с первых лет советской власти. В этом сказалось влияние как языковых, так и демографических факторов. Большинство титульных национальностей российских автономий отличалось от русских более высоким уровнем детности, нетрудоспособных членов семьи, что требовало и большего количества учителей и врачей из среды этих национальностей.

Однако и в этом отношении ситуация в разных республиках была далеко не одинаковой. В республиках с относительно меньшей долей интеллигенции в составе титульных национальностей (в Карельской, Коми, Татарской, Мордовской, Чувашской АССР) различия между русским и титульным населением в доле работников здравоохранения и просвещения были мало заметны, в иных же они были весьма значительны. Например, в Бурятской, Якутской АССР, Хакасской АО (в городах) относительная численность специалистов и руководителей русской национальности, занятых в здравоохранении и просвещении, в конце 1980-х гг. была в полтора-два раза ниже, чем у бурят, якутов, хакасов. В то же время в ряде других автономных республик (Марийской, Удмуртской) и в этих отраслях русские относительно лидировали. Так, в Марийской АССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.) на 10 тыс. занятого городского населения приходилось среди марийцев 165 учителей, среди местных русских — 255, в Удмуртской АССР соответственно — 159 и 211.

В тех же республиках, где титульные национальности имели достаточно массовые слои собственной интеллигенции, они заметно «обгоняли» русских по доле квалифицированных специалистов и в сфере просвещения, и в сфере здравоохранения. У якутов, например, в городах на 10 тыс. занятого городского населения приходилось 497 учителей и 295 врачей, а у русских, живущих в Якутии — соответственно лишь 206 и 69. Можно сказать, что в этом отношении русские в большинстве случаев не выделялись особенно высоким статусом еще до процесса суверенизации (табл. 3).

Весьма сильно отличался отраслевой состав русского и титульного населения по представительности работников культуры и искусства. У бурят, например, в городах доля занятых в этих отраслях превышала соответствующий показатель у местных русских вдвое, у алтайцев — в 2,5 раза, а у якутов — в 4 раза.

Участие титульного и русского населения в формировании кадров научной интеллигенции имело также довольно много отличий. Эта категория работников, сосредотачивающая в своих рядах наиболее высокообразованные кадры, пользующиеся в течение многих лет достаточно высоким престижем у населения, была самой представительной у национальностей с особенно высокой долей занятых профессиями высокоинтеллектуального труда. К концу 1980-х гг. в ряде республик доля научной интеллигенции среди титульных национальностей в той

Таблица 3

Уровень представительства работников титульной и русской национальности в составе профессионально-отраслевых отрядов городской интеллигенции в Башкирской, Татарской и Якутской АССР
(1989 г., % от численности работников данной отрасли)

Национальности	Работники государственного управления	Работники хозяйственного управления	Производственная интеллигенция	Массовая интеллигенция	Научная интеллигенция	Художественно-творческая интеллигенция	Занятое городское население
Башкирская АССР							
Башкиры	20,1	13,3	11,1	17,1	18,3	19,1	14,9
Русские	46,3	53,4	53,0	47,3	49,3	47,6	49,2
Татарская АССР							
Татары	47,6	38,3	36,6	43,1	34,8	44,0	42,9
Русские	47,0	53,3	56,9	49,1	55,7	47,2	49,3
Якутская АССР							
Якуты	28,0	10,0	13,0	25,0	38,7	41,1	11,1
Русские	56,2	67,2	69,0	58,2	47,6	44,2	66,6

Источник: Рассчитано по материалам Всесоюзной переписи населения 1989 г.: Текущий архив Комитета по статистике РФ, табл. «Распределение населения по занятиям и национальностям».

или иной мере превышала долю занятых в этой сфере у местного русского населения, эта разница в Бурятской, Якутской АССР, Хакасской АО была 3—5-кратной. В то же время в Башкирской, Карельской, Коми, Чувашской, Марийской АССР представительность научных кадров у русских и титульных национальностей была примерно равной, а в Татарской, Удмуртской, Мордовской АССР отряды научных работников среди русских были относительно более многочисленными, нежели у титульных национальностей.

Особую актуальность имел вопрос о включенности представителей русской и титульной национальности автономных республик России во властные структуры.

Политика советской власти по коренизации органов управления в большинстве российских автономий принесла свои плоды достаточно быстро. В конце 1950-х гг. (по данным Всесоюзной переписи населения 1959 г.) в ряде автономных республик титульные национальности были в той или иной мере шире представлены в сфере государственного управления, нежели местные русские.

В городах Якутской АССР, например, на 10 тыс. занятого городского населения приходилось работников государственного и партийного управления: у якутов — 286 человек, у русских — 57, в Татарской АССР среди татар — 45 человек, у русских — 35, в Башкирской АССР среди башкир — 43, среди русских — 39 человек. В дальнейшем подобные диспропорции были несколько сглажены. Уже к концу 1970-х гг. доля управленцев среди якутов снизилась вдвое, а у русских Якутской АССР осталась примерно на том же уровне. Однако и в конце 1980-х гг. вопрос более пропорционального участия русских в органах местной власти ряда автономий оставался достаточно острым. Только в городах Калмыцкой АССР, Карачаево-Черкесской АО, Коми, Мордовской, Чувашской АССР население русской и титульной национальности было представлено в сфере государственного управления сравнительно пропорционально их численности в составе населения. В то же время в той же Якутской АССР в городах доля якутов, занятых в этой сфере, превышала соответствующий показатель у русских втрое. В Татарской АССР разница по этому показателю между русскими и татарами составляла 1,2 раза.

Рассматривая данные показатели, конечно, необходимо учитывать то, что русские горожане были представлены преимущественно жителями крупных городов, где на каждого горожанина приходилось меньшее число работников управления, чем в небольших поселениях, население которых было представлено в основном людьми титульной национальности.

Работники органов хозяйственного управления чаще подбирались с учетом их деловых качеств, организаторских способностей. В городах большинства автономий, в том числе в Башкирской и Татарской АССР, представительность категории хозяйственных руководителей, как и производственной интеллигенции, среди русских была не ниже, а в ряде случаев и выше, нежели у титульных национальностей. Даже в республиках, где титульные этносы имели в своем составе весьма внушительные группы интеллигенции, в том числе и по сравнению с местными русскими, по доле «хозяйственников» они уступали последним, например в Якутской (почти вдвое), Бурятской АССР, Горно-Алтайской АО и ряде других регионов.

В сельской местности сферы управления, просвещения, здравоохранения, культуры по причинам, о которых уже говорилось выше (слабое знание титульным населением русского языка, более высокий уровень рождаемости, распыленность по малым населенным пунктам и т.п.), комплектовались преимущественно людьми из среды титульных этнических групп, представительство же русских в этих отраслях во многих случаях оказывалось непропорционально низким.

Межнациональная отраслевая специализация имела немало как положительных, так и отрицательных сторон, которые довольно подробно исследованы и описаны в работах отечественных этносоциологов,

прежде всего на примере населения бывших союзных республик. Оценки данного явления с точки зрения сближения или разобщения контактирующих этнических общностей, их социального равенства или неравенства могут существенно расходиться. С одной стороны, национальные общности, занимая определенные профессиональные «ниши», взаимодействуя между собой и дополняя друг друга в процессе трудовой деятельности, были менее склонны к конкуренции и конфронтации.

С другой стороны, различия в отраслевой структуре национальностей свидетельствуют об их неравном положении в трудовой сфере (разный уровень оплаты труда, разные условия трудовой деятельности, неодинаковый доступ к власти, материальным и духовным благам, разница в обеспеченности социальными пособиями и т.п.), ведут к сужению межэтнических трудовых и бытовых контактов, и тем самым этнические границы становятся более ощутимыми.

Таким образом, к началу перестроечного периода в отраслевом и социально-профессиональном составе разных этнических групп оставалось немало особенностей. Подчеркнем еще раз те из них, которые характеризовали этнические общности республик, в которых проводились этносоциологические исследования по проекту «СН».

Прежде всего следует отметить, что якуты отличались от башкир и татар не только более высокой долей специалистов и руководителей (как в городе, так и в селе), работников, занятых в сферах управления, просвещения, здравоохранения, науки, культуры, искусства, но и крайне низким удельным весом квалифицированных рабочих, в том числе промышленных. Среди якутов было также заметно ниже относительное число занятых в других индустриальных отраслях. Подобный «перекос» в структуре занятости якутов имел и положительные (значительная доля высокообразованных специалистов), и довольно многочисленные негативные моменты, так как материальное производство, от которого зависело функционирование других сфер экономики, развивалось преимущественно людьми не титульной национальности, в том числе русскими. Якутская АССР представляла собой республику с наиболее заметной дистанцией в хозяйственной деятельности якутов и русских. Якуты имели в своем составе более высокую долю людей с высшим образованием, более высокий удельный вес интеллигенции, в то время как местные русские отличались более значительной долей рабочих и меньшей долей специалистов и руководителей не только по сравнению с якутами, но и русскими, живущими в Башкирской и Татарской АССР.

Башкиры и татары были сравнительно близки по своему отраслевому и социально-профессиональному составу. Однако у татар была несколько выше по сравнению с башкирами доля интеллигенции высшего звена, работников просвещения, здравоохранения, науки, культуры, ниже удельный вес мало- и неквалифицированных рабочих (особенно в городах). У татар была более сбалансированная структура, они

были относительно шире представлены в отраслях торговли и обслуживания. И в той, и в другой республике местное русское население в конце 1980-х гг. опережало башкир и татар по доле работников высококвалифицированного умственного труда. В Башкирской АССР это опережение более значительно, что было связано, главным образом, с многочисленностью русской производственной интеллигенции, так как в непроеизводственных сферах, в том числе в сфере управления, должности специалистов и руководителей занимали чаще представители титульной национальности (за исключением научной интеллигенции у татар).

Сравнивая социальные позиции русских в названных республиках, можно отметить, что более высокими в сравнении с титульной группой они были в Башкирской АССР, в то же время в Татарской АССР отраслевой и социально-профессиональный состав башкир и русских отличался наибольшим сходством.

Сохранение, а иногда и увеличение различий в отраслевом и социально-профессиональном составе контактирующих этнонациональных групп, особенно в представительности среди них категорий людей, выполняющих ключевые роли в сферах экономики, политики, науки, культуры, работников, занятых в отраслях хозяйства с наиболее высокой оплатой труда, близких к системе распределения материальных и духовных благ и т.п., провоцировало и сохранение социально-экономической дифференциации представителей разных национальных общностей. В то же время повышались социальные ожидания людей и, соответственно, неудовлетворенность их своими социальными позициями, чему в немалой мере способствовал рост образовательного уровня национальностей и их претензий на занятие должностей, отвечающих этому уровню.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ И ОБРАЗОВАНИЕ

Рост образовательного потенциала был характерен для представителей всех национальностей России. Успехи, достигнутые в этой сфере некоторыми из них, выглядят весьма впечатляющими. У адыгейцев, алтайцев, бурят, якутов, калмыков, осетин относительная численность людей с высшим образованием (в городах) за 1960—1980-е гг. выросла примерно в 4 раза. Другие титульные национальности автономных республик — тувинцы, татары, мордва, марийцы, чуваша — отличались более быстрыми темпами роста численности людей со средним специальным образованием.

В результате этих процессов к концу 1980-х гг. в половине республик примерно 40—50% занятого городского населения титульных национальностей имело дипломы высших или средних специальных

учебных заведений. Причем в числе этих национальностей были, наряду с бурятами, якутами, адыгейцами, осетинами, алтайцами, калмыками, также и кабардинцы, балкарцы, коми, мордва, хакасы. В сельской местности данные показатели во всех республиках оставались более скромными.

Стремление к высокому образовательному уровню было свойственно и русскому населению, в составе которого увеличивалась доля людей, окончивших высшие или средние специальные учебные заведения. Как и у титульных национальностей, у русских, живших в разных республиках, данный процесс шел неодинаково. В Якутской АССР, например, его темпы и масштабы были менее внушительными, чем в Тувинской, Северо-Осетинской АССР. Важно, однако, отметить, что к концу 1980-х гг. в большинстве республик значительных различий в относительной численности людей с высшим и особенно со средним специальным образованием у представителей разных этнических общностей уже не было. Только буряты и якуты примерно вдвое обгоняли местных русских по доле высокообразованных слоев населения. Русские же лидировали в этом отношении лишь в Удмуртской и Чечено-Ингушской АССР (по сравнению с чеченцами).

Однако, как показывают материалы статистики, уровень востребованности республиканской экономикой высокообразованных кадров заметно отставал от темпов их подготовки. О переизбытке выпускников вузов немало говорили и писали в 1980-е гг. Правда, нередко люди, получившие высшее или среднее специальное образование, предпочитали работу в сфере физического труда, главным образом, из-за более высокой его оплаты, а работники без дипломов могли занимать высокие посты. Но все же большинство людей, окончивших вузы и техникумы, рассчитывали на получение работы и должности, соответствующей их образовательному уровню, избранной специальности. Особенно это касалось людей с дипломами высших учебных заведений, затративших немало сил и энергии на поступление в вуз и учебу в нем.

Между тем индексы образовательного потенциала, выражающие процентное отношение доли лиц с высшим образованием к доле специалистов с высокой квалификацией и руководителей высшего звена, занятых в экономике, показывают, что во всех автономных республиках это соотношение постепенно менялось в пользу первой группы. К концу 1980-х гг. повсеместно сложилась ситуация, когда далеко не все владельцы дипломов высших или средних специальных учебных заведений выполняли трудовые функции, соответствующие их образовательному уровню.

Такие тенденции были характерны как для титульных национальностей, так и для русского населения автономных республик. В Татарской АССР, например, с 1959-го по 1989 г., по данным соответствующих переписей населения, доля лиц с высшим и неоконченным высшим образованием среди городских татар возросла втрое, а доля спе-

циалистов и руководителей высшего звена, т.е. людей, занятых на должностях, требующих такого образования — только в 2,3 раза. У русских жителей Татарской АССР эти показатели увеличились соответственно в 2,4 и в 2 раза. Индекс образовательного потенциала за данный период повысился у татар с 89 до 116, у русских — с 83 до 102. В Якутской АССР в конце 1950-х гг. кадры якутской интеллигенции в городах во многом комплектовались из людей, не имеющих высокой образовательной подготовки (величина индекса была равна 65). К концу же 1980-х гг. уже далеко не все якуты с высшим образованием могли найти для себя соответствующую работу (индекс стал равен 126).

Особым «переизбытком» работников с дипломами высших учебных заведений отличались не только титульные национальности, обладавшие наиболее солидной долей вузовских выпускников (адыгейцы, алтайцы, буряты, калмыки, кабардинцы, балкарцы, осетины, якуты), но и те, что жили в республиках, потребности экономики которых в высококвалифицированных специалистах были сравнительно слабыми (мордва, марийцы).

Сравнивая величину индексов образовательного потенциала у представителей различных этнических общностей, можно отметить еще один важный момент — степень реализация полученного образования у людей разной национальной принадлежности, в том числе живущих в одной республике, была неодинаковой. Показательно, что в большинстве республик местное русское население использовало свой образовательный потенциал более эффективно, нежели титульные национальности соответствующих республик. Дипломированные русские специалисты чаще находили работу по специальности, их профессиональные знания оказывались более востребованными. Такая ситуация была характерна и для республик, где среди русских доля высокообразованных людей была значительно ниже, чем у титульных национальностей (Якутская, Бурятская АССР), и для тех, где русское население имело в своем составе достаточно внушительный процент бывших студентов (Удмуртская, Мордовская, Чувашская, Татарская, Тувинская, Северо-Осетинская АССР и ряд других регионов).

Причина этого лежала, естественно, не в лучших профессиональных качествах работников русской национальности, а в неодинаковой численности вакансий в разных хозяйственных отраслях. В производственной сфере, которой отдавала предпочтение значительная часть русской интеллигенции, о чем говорилось выше, потребности в высококвалифицированных кадрах были нередко более высокими, нежели в отраслях просвещения, здравоохранения, науки, культуры, искусства, на которые чаще всего ориентировались представители титульного населения.

Существование определенного неравенства в шансах получить работу по специальности, реализовать свой образовательный потенциал у представителей титульного и русского населения могло способ-

ствовать усилению конкуренции между этими этническими группами, которая должна была бы быть особенно острой в республиках, где переизбытком дипломированных работников «страдали» как титульные национальности, так и местные русские. Это Якутская, Северо-Осетинская, Бурятская Кабардино-Балкарская АССР, Адыгейская, Хакасская АО. Здесь, в условиях сравнительно слабых экономических потребностей в высококвалифицированных специалистах и в то же время при их относительной многочисленности, столкновение интересов людей разной этнической принадлежности, с равным основанием претендующих на занятие соответствующих должностей в сфере интеллектуального труда, казалось наиболее вероятным.

Гораздо более благополучной в этом отношении представлялась ситуация в Карельской, Коми, Удмуртской АССР, где индексы образовательного потенциала были сравнительно невысокими и у титульного, и у русского населения.

Можно, видимо, предположить, что в автономных республиках России рост соперничества, конкурентности между этническими общностями был связан с выравниванием их образовательного и культурного уровня, главным образом, в том случае, если «производство» высокообразованных кадров в республиках не соответствовало экономическим потребностям в них. Чрезвычайно важное значение при этом имело и наличие или отсутствие патернализма со стороны республиканских властей представителям какой-либо одной национальности в их социальном росте.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ, СТАРЫЕ РЕСУРСЫ

К началу кардинальных социально-экономических и политических преобразований в России населяющие ее национальности пришли, как было видно, с весьма разным социально-культурным багажом. Кому-то он помог приспособиться к новым условиям, для кого-то оказался балластом, тянущим в прошлое.

Социально-культурная дистанция, существовавшая между разными этническими группами, стала оказывать еще более осязаемое влияние на все стороны жизни людей. Наиболее заметно проявили себя этнические особенности отраслевой специализации национальностей, которые в условиях значительных сдвигов в отраслевой структуре экономики страны и глубокого экономического кризиса приобрели важное значение, разделив людей на богатых и бедных, бизнесменов и наемных работников, стабильно занятых и безработных.

Больше всего пострадали национальности, имевшие в своем составе особенно крупные отряды работников промышленности. Во всех без исключения российских республиках сокращение промышленно-произ-

водственного персонала шло интенсивнее, чем занятых в других отраслях экономики. В Удмуртии, Туве, Карелии, Марийской Республике, Калмыкии, Дагестане, Кабардино-Балкарии численность работников промышленного производства упала почти вдвое, а в Северной Осетии — в 2,4 раза⁸. В то же время ситуация в разных промышленных отраслях была далеко не одинаковой. Особый урон понесли отрасли машиностроения и металлообработки, в том числе предприятия ВПК, где издавна работала значительная часть местного русского населения автономных республик, а также легкая промышленность. За 1990-е гг. численность всех занятых в промышленности уменьшилась в полтора раза, работников же машиностроения и металлообработки — вдвое, а легкой промышленности — в два с половиной раза. Во многих других промышленных отраслях численность кадрового состава изменилась незначительно, например в пищевой промышленности. А в нефтедобывающей и газовой число занятых возросло в полтора-два раза⁹.

Именно в машиностроении и легкой промышленности оказался и самый низкий (среди других промышленных отраслей) уровень заработной платы — соответственно 935 руб. и 541 руб. при среднем заработке по промышленности — 1 208 руб.¹⁰

В наибольшем выигрыше оказались республики, чьи предприятия имели ярко выраженную экспортную направленность при высокой конкурентной способности продукции на внешнем рынке. Такими предприятиями стали, прежде всего, предприятия добывающих отраслей, многие из которых были расположены на территории Башкортостана, Коми, Татарстана, Саха (Якутии), Хакасии. По сравнению с работниками машиностроения и металлообработки уровень заработной платы нефтяников и газовиков был выше в 3—5 раз.

Численность работников здравоохранения, просвещения, культуры, искусства, где были особенно широко представлены люди многих титульных национальностей, в большинстве случаев изменилась незначительно. Но уровень оплаты труда работников этих отраслей, относящихся в основном к бюджетной сфере, был сравнительно невысоким.

Во всех республиках заметно расширились сферы торговли и обслуживания. В прошлом работу в торговле предпочитали преимущественно народы Северного Кавказа. В большинстве других республик русские и титульные национальности были заняты в этой отрасли примерно в равной степени, кроме алтайцев, бурят, якутов, представительство которых в ней было относительно слабым. Между тем в переходный период занятость в торговле, обслуживании, посреднической деятельности стала популярной среди населения самой разной этнической принадлежности, так как в условиях экономического кризиса

---

⁸ Труд и занятость в России... С. 349.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 316, 318.

именно эти отрасли предоставляли людям более или менее стабильные рабочие места и приемлемый заработок. Судя по материалам прессы и массовых опросов, поле межэтнической конкуренции стало перемещаться из сфер, связанных с высокоинтеллектуальной деятельностью, в отрасли торговли и служб сервиса.

Еще более актуальным и острым по сравнению с советским прошлым стал вопрос участия представителей разных национальных общностей в сфере управления. Результатом суверенизации бывших автономных республик России стал резкий рост в них численности работников управления — от полутора (Карелия, Коми, Башкортостан и др.) до двух и более раз (Татарстан, Саха (Якутия), Ингушетия, Бурятия, Кабардино-Балкария и ряд других). Этот процесс сопровождался широким привлечением в состав республиканского и местного руководства людей титульных национальностей, претендующих на занятие ключевых постов в «своих» суверенных республиках, и снижением в сфере управления доли нетитульного населения. Особый смысл в этом плане имели законы, принятые в некоторых российских республиках, о необходимости знания работниками управления языка титульной национальности.

Различия в отраслевом составе национальностей проецировались на уровень их материальной обеспеченности. Дифференциация в оплате труда по отдельным отраслям, профессиям и должностям существовала и в советское время, но в 1990-е гг. она приобрела особые масштабы. На рубеже веков наиболее высокие заработки получали работники газовой промышленности, затем с большим отрывом шли занятые в нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности, цветной металлургии, электроэнергетике, в сфере финансов, кредитования и страхования. Особенно низко ценился труд работников легкой промышленности, образования и культуры¹¹. Разница в зарплате «газовиков», в том числе мало- и неквалифицированных рабочих, и работников образования, здравоохранения, культуры и искусства составляла более 6 раз.

Уровень заработной платы значительно дифференцировался по регионам России. Но даже в республиках, входящих в один экономический район, оплата труда работников одних и тех же отраслей была различной. Например, в Татарстане заработок в сфере образования в 1998 г. был равен 689 руб., в науке — 1 013 руб., в соседней же Калмыкии — соответственно 468 и 493 руб.¹²

В зависимости от уровня заработной платы и сложившихся цен в отдельных регионах страны представители разных профессий, жители разных республик имели и неодинаковые возможности приобрете-

---

¹¹ Социальное положение и уровень жизни населения России: Стат. сб. М., 1999. С. 148.

¹² Там же. С. 486—487.

ния потребительских товаров. Например, шахтеры на свой месячный заработок в середине 1990-х гг. могли купить в зависимости от места жительства от 7 до 14 наборов, состоящих из 19 основных продуктов питания. Станочникам и наладчикам станков оказались доступны в приобретении 3—6 подобных наборов, швейники могли рассчитывать на 2—3 таких набора, а младшей медицинской сестре по уходу за больными месячного заработка едва хватало лишь на 1—2 набора¹³. Можно сказать, что прошлые различия в отраслевом и социально-профессиональном составе населения разной национальной принадлежности во многом спровоцировали и усилившуюся дифференциацию людей по уровню материальной обеспеченности. А ведь именно этот индикатор лег в основу социальной стратификации населения постсоветской России. Уровнем материального достатка, независимо от его источников, стало определяться положение человека в обществе, его шансы на участие в управлении, доступ к материальным и духовным ценностям, к перераспределению собственности и т.п.

В конце 1990-х гг. разница в относительной численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума между отдельными республиками достигала почти 4 раз. В Туве, например, доля малоимущих составляла 75%, в Саха (Якутии) — 32%, в Башкортостане — 28%, в Татарстане — 20% и т.д. Весьма быстрыми темпами шло имущественное расслоение населения внутри самих республик. Особенно внушительных размеров оно достигло в республиках Северного Кавказа, Туве, Калмыкии. В 1998 г. дистанция в заработной плате между 10% работников с наиболее высокой оплатой труда и 10% с наименьшей достигала в Туве 28 раз, в Карачаево-Черкесии — 29 раз, в Саха (Якутии) — 12, Татарстане — 13, Башкортостане — 17 раз¹⁴.

Судя по материалам этносоциологического исследования, проведенного в конце 1990-х гг. в четырех полиэтничных районах России, материальное положение людей зависело не только от региональной, но и от этнической принадлежности, что в значительной мере было связано с особенностями их социально-профессионального и отраслевого состава. Показательно, что везде русские оценивали свое материальное положение (согласно представлениям респондентов о возможностях их семейных бюджетов) ниже, чем люди титульных национальностей, живущие рядом с ними. Индекс величины денежных ресурсов, отражающий разницу в доле самых высоких оценок (ответы «ни в чем себе не отказываем» и «денег хватает, но не на особенно дорогие покупки») и самых низких (ответ «денег не хватает даже на еду»), данных респондентами своему семейному бюджету, составлял в Башкортостане у башкир — +0,015, у местных русских — -0,141. В Саха (Яку-

¹³ Информационный статистический бюллетень № 4. М., 1995. С. 22.

¹⁴ Труд и занятость в России... С. 331—332.

тии) этот показатель был равен: у якутов — 0, у русских — -0,021, а в Татарстане — +0,051 у татар и -0,056 у русских¹⁵.

В Оренбургской области, где местное русское население выступает в ранге «титulyного», русские также ощущали большую неудовлетворенность размерами своего семейного бюджета, чем живущие здесь же татары.

Одним из новых социально-экономических факторов, к которым пришлось приспосабливаться населению России, стала безработица, которая больно ударила по всем регионам, но в одних она затронула более широкие слои населения, чем в других, что тоже во многом зависело от развития в том или ином районе определенных хозяйственных отраслей. В конце 1990-х гг. уровень безработицы колебался по республикам России от 9,6 в Хакасии до 51,1 в Ингушетии¹⁶. В Башкортостане, Татарстане и Саха (Якутии) он был примерно на уровне общероссийского, составлявшего 13,3%.

Судя по материалам нашего этносоциологического исследования, русские чаще, чем титульные национальности, опасались потерять работу. В Башкортостане, например, согласно ответам респондентов, возможность остаться без работы очень беспокоила 36% башкир, 42% татар и 48% русских. В Саха (Якутии) разница в доле людей, для которых вопрос безработицы стоял особенно остро, между якутами и русскими достигала почти 2,5 раз, соответственно 19 и 46%. В Татарстане представления на этот счет у татар и русских были более близкими — опасались увольнения с работы 36% татар и 42% русских.

Для значительной части российского населения оказался достаточно сложным переход к новой рыночной системе хозяйствования. Его влияние на процессы межэтнической интеграции представляется пока весьма неоднозначным.

Введение института частной собственности, появление возможностей основать свое дело, заняться частной практикой, индивидуальной трудовой деятельностью и т.п. открыло для многих людей реальные перспективы значительного улучшения материального положения, повышения социального статуса, занятия более высоких социальных позиций.

Важно отметить, что, как показывает статистика, развитие рынка в России создало условия и для более широкого использования образовательного потенциала работников, который, как говорилось выше, у представителей многих национальных групп был реализован далеко не полностью. О повышении ценности высшего образования свидетельствуют и увеличившиеся конкурсы в вузы, и повысившаяся потребность российской экономики, главным образом негосударственного

---

¹⁵ Подробнее о расчете индекса см.: Арутюнян Ю.В. Социальная структура сельского населения СССР. М., 1971. С. 358.

¹⁶ Труд и занятость в России... С. 120.

сектора, в образованных кадрах, знающих иностранные языки, владеющих компьютерной техникой, отличающихся логикой мышления и другими качествами, которые дает образование. Хотя рост уровня безработицы наблюдался во всех группах населения, его темпы среди людей с высшим образованием были ниже. Так, с 1992-го по 1998 г. доля безработных с вузовскими дипломами увеличилась в 2,2 раза, среди имеющих полное среднее образование — в 3,1 раза, а среди имеющих основное общее — в 3,4 раза¹⁷.

Однако рыночные преобразования в разных районах России шли далеко не одинаково. В большинстве российских республик численность занятых на предприятиях государственной и муниципальной собственности в конце 1990-х гг. была еще в 1,5—2 раза выше числа работников частной сферы. Особенно многочисленной оставалась занятость на государственных предприятиях в Туве, Северной Осетии—Алании, Республике Алтай, Саха (Якутии). Работа на частных предприятиях была более распространена среди населения Адыгеи, Дагестана, Карачаево-Черкесии, Хакасии¹⁸.

Уровень участия людей в новых рыночных структурах во многом зависел от отраслевой структуры населения и, соответственно, имел определенную этническую окраску. Социологические исследования последних лет показали, что предпринимательский корпус в России комплектовался в значительной мере из числа бывшей партийно-комсомольской элиты, руководителей приватизированных предприятий, военных, инженерно-технических и научных работников.

В период разгосударствления собственности принципиально важное значение имеет близость людей к органам управления, так как позволяет им не только участвовать в руководстве республикой, районом, городом, но и создает более благоприятные условия для приобретения имущества, занятия предпринимательской деятельностью, получения льготных кредитов, заключения выгодных договоров и т.п.

Рассматривая с этой точки зрения отраслевой состав населения титульной и русской национальности республик России в конце 1980-х гг., можно сказать, что у титульных этносов многих республик, нередко более широко представленных в сфере управления, нежели русские, было больше шансов открыть свой крупный бизнес. В ряде республик, главным образом Северо-Кавказского региона, титульное население имело по сравнению с местными русскими и более высокую представительность руководителей предприятий торговли и общественного питания, которые одними из первых вышли из-под государственной опеки.

---

¹⁷ Труд и занятость в России... С. 121.

¹⁸ Там же. С. 59.

В то же время русские во всех республиках составляли немалую долю директоров производственных предприятий, многие из которых стали в дальнейшем акционерными обществами, а их директора — фактически владельцами. Кроме того, немало русских, работавших в тех отраслях хозяйства, которые экономический кризис затронул наиболее болезненно, были вынуждены в силу объективных обстоятельств уйти из государственной сферы и заняться какой-либо предпринимательской деятельностью.

Особую роль сыграло и «своеобразие» российских реформ, нередко вынуждавшее бизнесменов набирать команды не столько из профессионалов, сколько из «своих», надежных людей, что повышало значимость родственных и соседских связей, достаточно сильных в ряде этнических общностей.

На степень участия русских и титульных национальностей в новых сферах деятельности определенное влияние оказывали и психологические факторы, сложившиеся традиции, прошлые ценностные ориентации. Можно, видимо, сказать, что вхождение в рынок представителей тех национальных общностей, которые были более ориентированы на занятия высокоинтеллектуальным трудом в отраслях, оставшихся в сфере государственной собственности, сохранили старые понятия о престиже профессий врача, учителя, научного работника, окажется менее активным.

Тем не менее нельзя сделать однозначный вывод о том, что происходящие в России перемены для одних этнических общностей оказались более «выгодными», нежели для других, прежде всего потому, что отраслевой и социально-профессиональный состав национальностей был достаточно неоднородным, в него входили как группы, «пострадавшие» от реформ, так и что-то приобретшие. Об этом говорят, в частности, данные, приведенные в табл. 4, где представлена относительная численность работников некоторых профессионально-отраслевых групп среди основных национальных общностей Башкортостана, Татарстана и Саха (Якутии). Группы выделялись на основании их потенциальной адаптированности к условиям работы в новых условиях.

Несколько слов следует сказать и о таком новом явлении для жителей России, как отмена института прописки, стимулировавшая рост неконтролируемой миграции населения, в том числе трудовой. В поисках работы, лучших жилищных и бытовых условий, спасаясь от межнациональных конфликтов и т. п. десятки тысяч людей стали покидать свои прежние места жительства и переезжать в другие, более благополучные с их точки зрения территории. Этот процесс повлек за собой определенные сдвиги в этническом составе занятого населения, отразился на изменении пропорций между отдельными социально-профессиональными и отраслевыми группами работников, на росте межэтнической конкуренции в некоторых отраслях и т.п.

Таблица 4

**Численность работников ряда профессионально-отраслевых групп
на 10 тыс. занятого городского населения в Башкирской,
Татарской, Якутской АССР
(1989 г., чел.)**

Профессионально-отраслевые группы	Башкирская АССР			Татарская АССР		Якутская АССР	
	Башкиры	Русские	Татары	Татары	Русские	Якуты	Русские
Работники гос. и партаппарата	58	41	44	49	41	155	52
Директора предприятий	174	248	198	217	305	156	192
Руководители торговли, питания, заготовок	63	77	88	90	68	70	108
Экономисты	94	136	125	134	131	129	109
Юристы	24	16	21	22	20	79	19
ИТР	821	1241	965	961	1437	1122	1167
Работники медицины и образования	974	838	851	863	913	1822	783
Рабочие машиностроения	1734	2128	1834	1979	2249	579	1305
Рабочие легкой промышленности	355	269	294	262	210	243	117
Рабочие добывающей промышленности	172	83	131	104	64	33	231
Рабочие пищевой промышленности	98	69	96	86	53	33	52

Источник: Составлено по материалам Всесоюзной переписи населения 1989 г.

Судя по данным статистики, за период реформ миграционное поведение населения республик России по сравнению с предыдущим десятилетием заметно изменилось¹⁹. Только в четырех республиках сохранились прошлые тенденции. В Карелии и для карел, и для русских осталось свойственным положительное сальдо миграции. В Кабардино-Балкарии, Калмыкии и Туве, как и раньше, шел процесс оттока населения, преимущественно нетитульного. В то же время в Бурятии, Коми, Саха (Якутии) миграционный прирост сменился в начале 1990-х гг. миграционным оттоком. А в Марий-Эл, Удмуртии, Башкортостане, Татарстане (с начала 1990-х гг.), Мордовии, Чувашии, Дагестане, Северной Осетии — Алании (с середины 1990-х гг.) начался миграционный прирост.

В большинстве республик происходило, с одной стороны, усиление степени концентрации людей титульной национальности на территории «своих» республик, с другой — рост миграционных перемещений за пределы данных республик местного русского населения.

¹⁹ Данные о миграционных перемещениях населения российских республик были любезно предоставлены И.А. Субботиной.

В наибольшей мере отток русских был характерен для Тувы и Саха (Якутии). В Туве, кроме экономических трудностей, имело значение межэтническое групповое столкновение 1990 г. В Саха (Якутии) большую роль в оттоке русских сыграло закрытие приисков. Отток русских из этой республики был сопоставим с тем, что происходило в соседней Магаданской области. Здесь он соотносительно был даже большим. В Татарстане же, где шел миграционный прирост, он обеспечивался как за счет татар, так и за счет русского населения.

Различия в миграционном поведении национальностей, их естественном движении на разных территориях вели к заметным переменам в этническом составе населения республик. Так, в Башкортостане с 1989-го по 1994 г. доля башкир возросла с 21,9 до 22,9%, а доля русских осталась примерно на том же уровне — 39,3 и 39%. В Татарстане, напротив, за этот период увеличилась относительная численность жителей русской национальности (с 43,3 до 45,5%), а татар — практически не изменилась (48,5 и 48,1%). В Саха (Якутии) довольно заметно повысилась доля якутов — с 33,4 до 39,6%, а русских — упала с 50,3 до 45,5%²⁰. Столь значительное сокращение русского населения было характерно только для этой республики.

* * *

В заключение подведем некоторые итоги.

1. Анализ динамики социально-профессионального состава ряда этнических общностей России за три последних десятилетия до начала реформ показал, что социальная дистанция между этническими группами, живущими как в одной, так и в разных республиках, в целом имела тенденцию к сокращению. Однако различия в статусных позициях национальностей продолжали сохраняться, а по некоторым показателям и возрастать.

2. Существующие особенности в социально-профессиональном и отраслевом составе этнических групп создают неравные возможности для адаптации последних к новым условиям жизни в постсоветской России, вхождения их в рыночную экономику.

3. Наиболее заметные различия в социально-профессиональном составе титульных национальностей российских республик были выражены прежде всего в разной представленности среди них работников высших страт, в том числе государственной номенклатуры, политической и культурной элиты, что говорит о наличии неодинаковых условий у представителей тех или иных этнических общностей для выработки стратегии развития, неравенстве интеллектуального потенциала, которое отражается и в экономическом преуспевании, стиму-

---

²⁰ Основные итоги микропереписи населения России 1994 г. М., 1994. С. 52—66.

лировании деятельностного подхода к жизни, формулировании своих национальных интересов.

4. Соотношение социальных позиций представителей титульной и русской национальности, живущих на одной территории, заметно варьирует по республикам. На фоне усиливающегося экономического расслоения регионов это стимулирует миграцию русских, что отражается на социально-профессиональном и отраслевом составе населения и межнациональных отношениях.

5. В период экономических трудностей, структурной перестройки экономики возрастала дистанцирующая роль отраслевой специализации этнических групп. Полем этнической конфронтации становятся и новые рыночные структуры. Особенно резко национальные интересы людей сталкиваются в сфере управления.

6. Характерный для всех этнических общностей рост образовательного уровня людей, в большинстве случаев не совпадающий с ростом экономических потребностей в работниках с высоким образованием, вел к недостаточной реализации образовательного потенциала населения, провоцируя усиление конкуренции между представителями разных этнических общностей, живущих на одной территории. С развитием рыночной экономики рыночные структуры могут взять на себя реализацию избыточного образовательного и профессионального потенциала людей, что должно оптимизировать процесс межэтнической интеграции.

Глава 3

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В ЭТНИЧЕСКИХ ГРУППАХ: ШАНСЫ НА РАВЕНСТВО

В период значительных социально-экономических трансформаций, когда происходит передел собственности, формируется новый состав номенклатуры, республиканских и местных политических и бизнес-элит, складываются новые социальные группы и слои, усиливается дифференциация доходов населения, проблемы социальных перемещений, равенства или неравенства шансов социальной мобильности приобретают особую актуальность и остроту, затрагивая ключевые интересы как отдельных людей, так и целых групп.

В то же время изучение этих вопросов представляется достаточно сложным, так как социальная стратификация постреформенного российского общества еще окончательно не сложилась, она не стабильна и расплывчата. По мнению ряда отечественных социологов, в России сейчас появилось два сосуществующих типа социальных структур. Параллельно с традиционной сословной социальной структурой, сохраняющейся в рамках госсектора, а иногда и пересекаясь с ней, появились зачатки новой классовой структуры, которая характерна для индустриальных обществ западного типа¹. Возникли новые социальные слои, не имеющие аналогов в прошлом. Изменились функции и статус социальных групп. Немалая часть тех социальных групп, которые до реформ относили себя к «среднему классу», в новых условиях оказались в положении низших.

В этих условиях проследить социальные перемещения людей и, главное, оценить их результаты, весьма непросто. Тем не менее материалы этносоциологических исследований позволяют выявить некоторые общие и специфические моменты в динамике социального состава населения разной национальной принадлежности в этот переходный период, сравнить возможности их социального роста, оценить влияние характера неоднородности социальной структуры контактирующих этносов, специфики их социальной мобильности на процессы межэтнической интеграции².

---

¹ Тихонова Н.Е. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М., 1999. С. 38.

² При анализе социальной мобильности использовались индикаторы, связанные, прежде всего, с характером трудовой занятости респондентов и их отношением к собственности. Методика распределения занятого населения по социально-профессиональным группам разработана Ю.В. Арутюняном (Арутюнян Ю.В. Социальная структура сельского населения. М., 1971. С. 353; Молдова: столичные жители. М., 1994. С. 276—277). Такой подход был необходим для проведения сопоставления социально-профессионального состава людей разных поколений, а также итогов наше-

МЕЖПОКОЛЕННАЯ МОБИЛЬНОСТЬ

Межпоколенная социальная мобильность служит одним из показателей, раскрывающих характер и направление процессов социального развития. Повышение социальных позиций детей по сравнению с их родителями обеспечивает поступательное движение общества, отсутствие же динамики в социальном составе молодого поколения относительно старшего свидетельствует о социальной стагнации.

Различия в темпах, масштабах и направлениях межпоколенной социальной мобильности в разных этнических общностях могут способствовать как сближению их социального состава, так и увеличению дистанции между ними.

Согласно итогам этносоциологического исследования в рамках проекта «СН» картина межпоколенных социальных перемещений в разных этнических группах имела немало общего, причем многие тенденции сохранились с прошлых лет.

Как и в 1960—1980-е гг., процессы восходящей межпоколенной мобильности шли более интенсивно в тех национальных общностях, где поколение «отцов» отличалось особенно высокой долей работников мало- и неквалифицированного физического труда, дети которых чаще, чем выходцы из других социальных групп, приобретали более высокий социальный статус по сравнению с родителями. Благодаря этому происходило определенное сближение этнических общностей по социально-профессиональному составу занятого населения.

В наибольшей мере сохраняли социальный статус своих родителей дети из семей интеллигенции и высококвалифицированных рабочих, что приводило к воспроизводству от поколения к поколению этнических различий в представленности данных социально-профессиональных групп.

Источники пополнения тех или иных социальных слоев, как и в прошлые годы, были весьма неоднородными. Люди, принадлежащие к одной социально-профессиональной группе, заметно различались по своему социальному происхождению. Например, в Татарстане среди наших городских респондентов-татар, занятых высококвалифицированным умственным трудом, только около трети «вышло» из этой же

го этносоциологического исследования с материалами переписей населения. Учитывалось и то обстоятельство, что численность представителей новых социальных групп и слоев в выборке была весьма незначительной. Они были распределены по соответствующим группам: представители крупного и среднего бизнеса, владельцы предприятий были отнесены к высшей страте, люди, занятые частной практикой в сфере умственного труда (медицинские работники, преподаватели, художники и т.п.), — к группе специалистов, а в сфере физического труда — к рабочим высокой квалификации, люди, работающие самостоятельно или с семьей, занятые преимущественно перепродажей товаров на рынке, — к группе самозанятых. В настоящей главе приводятся расчеты только по городскому населению.

социально-профессиональной группы, а около четверти составили те, чьи «отцы» были заняты мало- и неквалифицированным физическим трудом. Примерно такие же показатели были характерны для русских Татарстана, башкир, татар и русских Башкортостана, русских Оренбургской области и Саха (Якутии). У якутов, имеющих и в поколениях «отцов» сравнительно высокую долю интеллигенции, доля выходцев из этого слоя составила более половины респондентов, занятых высококвалифицированным умственным трудом, а дети мало- и неквалифицированных рабочих — лишь 20%.

Более или менее широкие социальные источники формирования отрядов интеллигенции свидетельствуют о том, что возможности повысить свои социальные позиции по сравнению с родителями имело в принципе большинство людей, независимо от их национальности и социального происхождения. Однако эти возможности у представителей различных социально-профессиональных групп были далеко не одинаковы. Как и в прошлом, шансы занять наиболее высокие, престижные должности были лучше у выходцев из семей самой интеллигенции, особенно по сравнению с детьми работников мало- и неквалифицированного физического труда. Это было характерно для представителей всех этнических общностей, но, соответственно, в более «выгодном» положении находились те этнические группы, в составе которых доля интеллигенции была масштабнее, а мало- и неквалифицированных рабочих было относительно меньше. И помимо этого, в характере и масштабах межпоколенных социальных перемещений респондентов существовало немало этнических различий.

Особенно заметные этнические особенности можно было отметить у жителей Оренбургской области. У местного русского населения (в городах) межпоколенные социальные перемещения шли весьма интенсивно, но векторы их были разнонаправленными. Среди тех респондентов, «отцы» которых были заняты профессиями высококвалифицированного умственного труда, лишь треть сохранила социальный статус своих родителей, а почти пятая часть стала заниматься физическим трудом. В то же время дети работников мало- и неквалифицированного физического труда в значительной массе сумели повысить социальный статус по сравнению с «отцами»: четверть из них перешла в группу квалифицированного физического труда, а треть освоила профессии специалистов и руководителей. Среди всех респондентов русской национальности доля людей с восходящей межпоколенной социальной мобильностью оказалась примерно равной доле тех, чей социальный статус понизился, а относительная численность всего мобильного населения превысила 70% (табл. 1).

В отличие от русских, многие из которых, как было видно, не пошли «по стопам отцов», татары Оренбуржья оказались более приверженными к трудовым семейным традициям. Так, остались в той же социально-профессиональной группе, к которой принадлежали их

Таблица 1

**Межпоколенная социальная мобильность городского населения
Татарстана, Башкортостана, Саха (Якутии) и Оренбургской области
(% от ответивших)**

Показатели динамики межпоколенной мобильности	Татарстан		Башкортостан			Саха (Якутия)		Оренбург- ская обл.	
	Тата- ры	Рус- ские	Баш- киры	Рус- ские	Тата- ры	Яку- ты	Рус- ские	Рус- ские	Тата- ры
Доля мобильного населения	74	74	69	76	69	65	79	74	30
Разница в доле повысивших и понизивших статус	42	24	43	8	35	19	11	6	-2
Доля перешедших из других страт в высшую страту	25	20	30	30	31	35	21	22	8
Доля перешедших из группы физического труда в высшую страту	23	15	29	31	32	33	20	21	3
Доля перешедших из высшей страты в другие	40	56	29	58	28	30	61	65	25
Доля перешедших из высшей страты в низшую	12	3	0	4	0	5	7	15	4

«отцы», около 70% работников квалифицированного умственного труда, более 80% квалифицированных рабочих и около 50% работников мало- и неквалифицированного физического труда. Доля мобильных групп среди респондентов татар не превысила 30%.

В числе причин этого явления, вероятно, можно назвать, с одной стороны, менее широкие возможности для социального роста детей из татарских семей, принадлежащих к низшим социальным слоям, по сравнению с местными русскими того же статуса, из-за невысокого образовательного уровня их представителей, меньшей урбанизированности и т.п. С другой стороны, могло иметь место и стремление этнического меньшинства, живущего в инонациональном окружении (доля татар в Оренбургской области насчитывает 5%) сохранить свою специфику, свой образ жизни, закрепить и развить те профессиональные знания и навыки, которые были «наработаны» предыдущими поколениями.

В связи с этим важно отметить, что и другие нерусские, в том числе титульные, национальности российских республик, которые в масштабах всей России с ее 80% русского населения также могут считать себя этническим меньшинством, в большей мере, нежели русские, живущие рядом с ними, придерживались трудовых семейных традиций. Особенно заметно различия между титульным и русским населением (в городах) проявились в сфере интеллектуального труда. Так, в Татарстане среди тех респондентов, «отцы» которых принадлежали к группе специалистов и руководителей высшего звена, остались на тех же соци-

альных позициях, что и их родители, 60% татар и 40% русских, в Башкортостане соответственно — 71% башкир, 72% татар и 42% русских, в Саха (Якутии) — 73% якутов и 39% русских. Можно, видимо, сказать, что татары, башкиры, якуты чаще наследовали интеллектуальный потенциал своей семьи, и, возможно, это было связано с этнической установкой на сохранение и развитие своей национальной интеллигенции.

Принципиально значение имеет вопрос о равенстве или неравенстве шансов продвинуться по социальной лестнице у людей, принадлежащих к разным национальностям, но имеющих одинаковое социальное происхождение. Как показали материалы нашего исследования, в Башкортостане и Татарстане трудовой путь представителей разных национальных общностей, вышедших из рабочих семей, отличался заметным сходством. Так, в Башкортостане 29—32% башкир, русских и татар, «отцы» которых были заняты физическим трудом, сумели достичь наиболее высоких социальных позиций, перейдя в группу работников высококвалифицированного умственного труда, в Татарстане — 23% татар и 15% русских. Как видно, в Башкортостане подобные перемещения носили более массовый характер и различия в возможностях социального роста людей разной этнической принадлежности, имеющих одинаковое социальное происхождение, здесь были минимальными, что, естественно, можно назвать весьма позитивным фактором в развитии межнациональных отношений в этой республике. Однако и в Татарстане разница между татарами и русскими в возможностях социального роста была относительно невелика, особенно по сравнению с Саха (Якутией).

Дети городских якутов, независимо от социального происхождения, в своем большинстве были ориентированы на профессии квалифицированного умственного труда. Среди якутов, «отцы» которых были заняты физическим трудом, треть вошла в состав специалистов и руководителей высшего звена, что было в полтора раза больше, нежели у русских Саха (Якутии), и почти в полтора раза больше по сравнению, например, с татарами Татарстана. Якутская молодежь чаще, чем русская, сразу после окончания школы поступала учиться в высшие учебные заведения и уже в начале своего трудового пути нередко «обгоняла» родителей по социальному положению.

Существенные этнические различия в характере социальной мобильности представителей разных социально-профессиональных групп также можно было отметить в Оренбургской области. Татары, выходцы из тех или иных социально-профессиональных слоев, имели во всех случаях более низкий уровень мобильности, нежели местные русские. Так, среди татар, «отцы» которых были заняты физическим трудом, лишь 3% перешло в группу высококвалифицированного умственного труда, в то время как среди русских того же социального происхождения — 21%. В то же время русским был в гораздо большей степени свойственен и обратный процесс — снижение социального ста-

туса по сравнению с родителями. Эта особенность отличала процесс социальных перемещений русских независимо от их места жительства.

В Оренбургской области 65% респондентов русской национальности, вышедших из семей работников умственного труда высокой квалификации, понизили статус по сравнению со своими «отцами», в том числе 15% среди них стали заниматься мало- и неквалифицированным физическим трудом. Среди же татар эти показатели были соответственно равны 25 и 4%.

В Саха (Якутии) у якутов доля детей из семей интеллигенции, понизивших свой статус по сравнению с родителями, составила 30%, а у местных русских — вдвое больше (61%). Нисходящая межпоколенная социальная мобильность была характерна в основном для якутов, занятых физическим трудом: дети квалифицированных рабочих сравнительно часто переходили в группу мало- и неквалифицированного физического труда. У русских диапазон социальных перемещений оказался более широким, что было свойственно русскому населению, живущему не только в Саха (Якутии), но и в других изучаемых республиках.

В Татарстане и Башкортостане у русского и титульного населения отмечалось немало общего в процессах восходящей межпоколенной социальной мобильности, однако «спуск вниз» у русских и в той, и в другой республике был более массовым. Выше уже говорилось о том, что башкиры и татары Башкортостана, татары Татарстана, так же как и якуты, хотя и в несколько меньшей степени, реже «меняли» высокие социальные позиции своих родителей, нежели местные русские. Среди респондентов, родители которых были заняты высококвалифицированным умственным трудом, доля понизивших социальный статус по сравнению с «отцами», составляла у татар Татарстана 40%, у русских — 56, в Башкортостане соответственно — у башкир 29%, у татар — 28%, у русских — 58%.

Относительная численность респондентов с нисходящей межпоколенной социальной мобильностью среди русского населения всех изучаемых районов оказалась выше, чем у представителей других национальностей. Подчеркнем еще раз, что эти различия во многом были связаны, с одной стороны, с большей социальной подвижностью русских, вышедших из семей интеллигенции, в отличие от представителей других национальностей, чаще стремящихся сохранить социальные позиции своих родителей. С другой стороны, с тем, что в старшем поколении у русских была ниже, чем у башкир, татар и даже якутов, доля работников мало- и неквалифицированного физического труда, выходцы из которой наиболее активно участвовали в социальных передвижениях «наверх».

Рассчитав индекс результативности межпоколенных социальных перемещений, фиксирующий разницу между долей людей с восходящей и нисходящей мобильностью, можно констатировать, что во всех изучаемых республиках социальных перемещений «вверх» у русских

было все же меньше, чем у представителей титульных национальностей, а у татар Оренбургской области их было меньше, нежели у местных русских.

Следует отметить, что структура социальной межпоколенной мобильности русского населения разных республик отличалась незначительно. Особенно высокая доля респондентов, повысивших свой социальный статус по сравнению с «отцами», отмечена у русских Татарстана (49%), массовые переходы из низшей социальной страты в высшую были характерны и для русских Саха (Якутии), которые «вынуждены» были тянуться за своими земляками-якутами.

Среди титульных национальностей доля людей с восходящей социальной межпоколенной мобильностью была несколько более весомой у татар, а особой широтой ее диапазона отличались якуты.

Данные нашего исследования зафиксировали и появление новых социальных групп в социальной структуре занятого населения исследуемых районов. Однако эти новые группы оказались слишком малочисленными для детального анализа. Можно лишь констатировать, что группа, условно названная «предпринимателями», во всех этнических общностях формировалась преимущественно за счет выходцев из семей работников квалифицированного умственного труда. По мнению Н.Е. Тихоновой, «представители нового среднего класса рекрутировались прежде всего из слоев, в наибольшей степени пострадавших от экономических реформ»³, к которым в первую очередь относились представители интеллектуальных профессий, занятые в бюджетных отраслях.

В сельской местности изучаемых районов можно было отметить в основном те же закономерности, что и в городах. В Башкортостане несколько выделялись сельские татары, среди которых оказалась вдвое выше, нежели у татар-горожан, относительная численность людей, понизивших свой статус по сравнению с родителями, что для башкир и русских не было характерным. Среди сельских татар было сравнительно мало и тех, кто сумел продвинуться из низшего социального слоя в высший. Весьма результативными социальными перемещениями отличались русские, живущие в селах Татарстана. Если в городах доля повысивших социальный статус по сравнению с «отцами» была относительно более массовой у татар, то на селе — у русских.

Рассмотрим теперь, как отразились межпоколенные социальные перемещения респондентов разных национальностей на их социальном составе. Важно отметить, что общей чертой динамики социально-профессионального состава всех изучаемых этнических групп было возрастание в поколении «детей» по сравнению с поколением «отцов» доли специалистов и руководителей и снижение относительной чис-

---

³ Тихонова Н.Е. Факторы социальной стратификации... С. 5.

ленности работников мало- и неквалифицированного физического труда (табл. 2). В Башкортостане и Татарстане и в городской, и в сельской местности эти процессы в большей мере были характерны для представителей титульных национальностей, нежели для русских. В Татарстане, например, среди горожан представительство в высшем слое интеллигенции выросло у респондентов татар по сравнению с их «отцами» в 2,2 раза, а у местных русских — в 1,3 раза. В Башкортостане соответственно — в 2,2 раза у башкир, в 2,5 раза у татар, и в 1,8 раза у русских. Доля мало- и неквалифицированных рабочих в поколении «детей» стала ниже, чем в поколении «отцов», среди татар и башкир (в соответствующих республиках) в 3—4 раза, а у местного русского населения в 1,1—1,2 раза. В Саха (Якутии) темпы роста относительной численности специалистов и руководителей у якутов и русских оказались примерно одинаковыми, доля же мало- и неквалифицированных рабочих у якутов сократилась заметнее.

Таблица 2

Социально-профессиональный состав «отцов» и «детей» у городского населения Татарстана, Башкортостана, Саха (Якутии) и Оренбургской области
(% от ответивших)

Социально-профессиональные группы «отцов» и «детей»		Татарстан		Башкортостан			Саха (Якутия)		Оренбургская обл.	
		Татары	Русские	Башкиры	Русские	Татары	Якуты	Русские	Русские	Татары
Руководители высшего и среднего звена	«Отцы»	2	4	2	5	2	6	5	3	4
	«Дети»	3	2	3	4	8	6	4	2	3
Специалисты высшей квалификации	«Отцы»	12	15	15	13	13	29	12	24	22
	«Дети»	26	22	29	26	27	43	19	24	18
Специалисты средней квалификации	«Отцы»	8	9	6	6	8	6	7	13	23
	«Дети»	14	9	11	11	10	11	13	18	19
Служащие	«Отцы»	3	8	4	15	5	10	3	5	10
	«Дети»	7	14	11	15	12	11	17	17	13
Квалифицированные рабочие	«Отцы»	43	40	33	40	43	25	55	37	35
	«Дети»	31	36	33	29	31	13	32	29	27
Мало- и неквалифицированные рабочие	«Отцы»	32	23	40	21	28	24	16	17	6
	«Дети»	12	11	12	12	10	14	12	9	13
Самозанятые (малый бизнес)	«Отцы»	0	1	0	0	1	0	2	1	0
	«Дети»	7	6	1	3	2	2	3	1	7

Оценивая итоги межпоколенных социальных перемещений представителей разных этнических общностей, важно иметь в виду те этнические особенности, которые существовали в социально-профессиональном составе представителей родительского поколения. В Башкортостане и Татарстане, где в поколении «отцов» социальные позиции русских были несколько более высокими, нежели у башкир и та-

тар, результатом рассмотренных выше межпоколенных социальных перемещений стало некоторое сглаживание различий в социальной структуре респондентов разных национальностей на уровне низших страт и определенная «перегруппировка сил» в сфере высокоинтеллектуального труда.

Так, в поколениях «детей» по сравнению с поколением «отцов» относительная численность людей, занимающих должности специалистов высокой квалификации и руководителей высшего звена, среди башкир и татар стала более весомой, нежели у местных русских. В Саха (Якутии) довольно заметная разница между якутами и русскими в относительной численности отрядов высшей интеллигенции в поколении «отцов» (с перевесом у якутов) сохранилась примерно на том же уровне и в поколении «детей».

Данная тенденция была особенно заметна в сфере управления. В Башкортостане, Татарстане, Саха (Якутии) доля руководителей высшего и среднего звена в поколении «детей» по сравнению с поколением «отцов» у респондентов титульных национальностей, а также у татар Башкортостана возросла, у русских же в соответствующих республиках — сократилась. Представленность данной категории работников в составе русских стала более низкой, чем у титульных национальностей. Возможно, впрочем, это отнюдь не связано с тем, что русские проживали в республиках, народы которых пережили этап национального подъема

В Оренбургской области, как показали данные нашего исследования, у русских, являющихся здесь доминирующим этносом, несмотря на заметную межпоколенную подвижность значительных сдвигов в социально-профессиональном составе респондентов по сравнению с их родителями тоже не произошло. При некотором сокращении относительной численности работников физического труда и росте доли специалистов и руководителей среднего звена, представительность группы высококвалифицированного умственного труда практически не изменилась. Не произошло серьезных перемен и в социально-профессиональном составе «отцов» и «детей» у татар, живущих в Оренбургской области. У русских и татар и в старшем, и в младшем поколении наблюдалось приблизительное равенство долей работников высококвалифицированного умственного труда, в то же время важно отметить, что по удельному весу других социально-профессиональных групп различия между русскими и татарами в поколении «детей» стали менее значительными, нежели в поколении «отцов».

В сельской местности изучаемых республик прослеживались аналогичные тенденции. Процессы межпоколенной социальной мобильности наиболее ощутимо раздвинули границы между социальными позициями русских и якутов. В Башкортостане этнические различия в социально-профессиональном составе поколений оказались примерно одинаковыми, а в Татарстане особо активная социальная подвиж-

ность русских привела и к более заметному росту в их составе по сравнению с татарами доли занятых квалифицированным умственным трудом и сужению сферы физического труда.

Хотя, как было видно, темпы, масштабы и направления межпоколенной социальной мобильности населения разной этнической принадлежности изучаемых республик были весьма различными, как и результаты этого процесса, тем не менее можно сказать, что для всех этнических групп был в целом характерен определенный рост социальных позиций детей по сравнению с их родителями.

ВНУТРИПОКОЛЕННАЯ МОБИЛЬНОСТЬ

Одним из критериев оценки трансформационных процессов, идущих в России уже более 10 лет, можно считать характер и масштабы внутрипоколенных социальных перемещений. Предполагалось, что в процессе реформ большинство населения страны сумеет в той или иной мере адаптироваться к новым условиям, к новой рыночной экономике, поменяв место работы, освоив новую, более дефицитную и более высоко оплачиваемую профессию, повысив профессиональную квалификацию и т.д. На первый взгляд казалось, что существующие ныне условия могли дать мощный импульс социальной мобильности людей. Широкие политические и экономические свободы, ликвидация института прописки, снятие ограничений на совместительство, создание негосударственного сектора в экономике, появление возможностей для открытия собственного дела, занятия бизнесом и т.п., с одной стороны, и значительное ухудшение условий труда в государственном секторе, снижение заработной платы, угроза безработицы — с другой, должны были способствовать росту социальных перемещений людей. Однако в массовых масштабах этого не произошло.

По мнению отечественных социологов, одной из наиболее общих закономерностей изменения социальной структуры в посткоммунистических обществах является «инерционность композиции основных структурообразующих элементов, которая выражается в... относительно медленном изменении пропорций и численности больших социальных групп и слоев (рабочих, крестьянства, работников умственного труда)»⁴. Массовые социологические исследования показывают, что в обществе переходного типа наблюдается своеобразная селективная мобильность, когда изменения затрагивают лишь некоторые социальные группы и страты, оставляя в неприкосновенности соци-

---

⁴ Рукавишников В.А. Социология переходного периода // Социологические исследования. 1994. № 6. С. 29.

альные позиции большинства населения⁵. По данным Фонда общественного мнения, 57% работающих россиян за последние 10 лет (опрос проводился в 2000 г.) ни разу не поменяли своей профессии, зато из 22% тех, кто ее поменял, подавляющее большинство делали это несколько раз⁶.

Застой в мобильности в значительной мере был связан с «бедностью подавляющей части населения, неразвитостью нужных психологических мотиваций, отсутствием эффективного рыночного прессинга при вялотекущих рыночных реформах в сочетании с амортизатором в виде «огородного выживания»⁷. Сужение возможностей для социальной мобильности индивидов, в том числе в процессе комплектования новых социальных групп и слоев, определялось и значительной криминализацией рыночных структур, засильем коррумпированных чиновников, нестабильностью политической и экономической ситуации в стране и т.п.

Итоги нашего этносоциологического исследования в трех республиках и в Оренбургской области полностью уложились в контекст приведенных выше наблюдений и выводов. Интенсивность социальной мобильности респондентов как в течение 5, так и 10 лет до момента опроса оказалась крайне низкой. Во всех исследованных этнических группах доля имобильного населения, т.е. тех, кто не изменил своего социального положения за прошедшие годы, была выше относительной численности двух других групп (с восходящей и нисходящей мобильностью), вместе взятых (табл. 3).

Сравнивая данные нашего исследования с материалами этносоциологических опросов, проведенных ранее в республиках бывшего Союза, в том числе в начале 1990-х гг., можно констатировать, что в еще сравнительно недалеком прошлом социальная мобильность национальностей была более масштабной, причем относительная численность людей, повысивших свой социальный статус за 10 лет трудовой карьеры, заметно превышала долю тех, кто его понизил. Судя по итогам данного исследования, эта разница сократилась.

Важно отметить, что у титульных национальностей изучаемых республик доля респондентов с восходящей социальной мобильностью была не только несколько весомее, чем у местного русского населения, но и превышала в два и более раз относительную численность тех, чьи социальные позиции снизились, что для русских было менее харак-

---

⁵ Черныш М.Ф. Социальная мобильность и массовое сознание // Социальная структура и стратификация в условиях формирования гражданского общества в России. М., 1995. С. 93—101.

⁶ Аргументы и факты. 2000. № 33.

⁷ Мезенцева Е.Б., Космарская Н.П. Бег по замкнутому кругу: уровень жизни, ментальные установки и социальная мобильность жителей России // Мир России. 1998, № 3. С. 140.

терным. Картина социальной мобильности у русских и татар Оренбургской области была практически сходной.

Рассчитанные индексы мобильности, характеризующие разницу в численности людей, повысивших и понизивших социальный статус за 10 лет своей трудовой деятельности, показали, что процессы внутрипоколенной социальной мобильности, как и межпоколенной, у русского населения изучаемых районов были менее результативными, чем у башкир, татар, якутов (в «своих» республиках), а также татар Башкортостана (табл. 1 и 3). Сравнительно низкими показателями в этом отношении отличались и татары Оренбургской области. В известной мере это обстоятельство дает основание говорить о том, что нетитульные национальности российских регионов находятся сейчас в менее выгодных условиях для социального продвижения, нежели титульные.

Однако этот вывод носит несколько поверхностный характер, так как приведенные данные не позволяют судить о том, между какими именно социально-профессиональными группами произошли перемещения, что принципиально важно. Анализ состава групп с разнонаправленной мобильностью показал существование довольно серьезных различий в этом отношении между представителями разных этнических общностей, однако он не всегда подтверждал наличие значительных преимуществ у титульных национальностей по сравнению с нетитульными.

Прежде всего, следует отметить, что ситуация в разных республиках была далеко не одинаковой. Наиболее заметные этнические

Таблица 3

Динамика изменения социального статуса за последние 10 лет у городского населения Татарстана, Башкортостана, Саха (Якутия) и Оренбургской области
(% от ответивших)

Показатели динамики межпоколенной мобильности	Татарстан		Башкортостан			Саха (Якутия)		Оренбургская обл.	
	Татары	Русские	Башкиры	Русские	Татары	Якуты	Русские	Русские	Татары
Доля мобильного населения	31	37	41	42	39	39	39	38	42
Разница в доле повысивших и понизивших статус	7	-1	11	10	3	9	7	2	2
Доля перешедших из других страт в высшую	14	10	18	17	11	19	11	9	8
Доля перешедших из группы физического труда в высшую страту	7	7	17	17	8	9	8	7	8
Доля перешедших из высшей страты в другие	8	22	19	28	20	8	23	25	30
Доля перешедших из высшей страты в низшую	5	5	8	12	8	8	7	9	9

различия в характере социальных перемещений наблюдались в Саха (Якутии).

Самым распространенным видом социальных перемещений у якутов, отличающихся повышенной долей работников интеллектуальных профессий, были перемещения в сфере умственного труда. Почти две трети городских якутов, добившихся успехов в трудовой карьере, составляли те, кто перешел из одной группы умственного труда в другую. Но и для этих людей возможности продвинуться в высшие социальные слои были довольно ограниченны, так как почти 80% специалистов и руководителей высшего звена составляли работники, которые и 10 лет назад выполняли те же социальные функции. Среди якутов, занятых в начале 1990-х годов физическим трудом, лишь менее 10% смогло дослужиться до должностей специалистов и руководителей. Но доля всех людей, перешедших из разных социально-профессиональных групп в высшую, среди якутов оказалась достаточно высокой (табл. 1 и 3).

Процесс социальных перемещений якутов, как меж-, так и внутрипоколенный, отличался также слабой социальной подвижностью представителей высших страт и в то же время сравнительно частыми переходами работников из группы квалифицированных рабочих в группу мало- и неквалифицированных.

Картина социальных перемещений русских, живущих в Саха (Якутии), в целом мало отличалась от наблюдаемой у якутов. Однако более детальный ее анализ показал, что, например, частота перемещений респондентов из низших страт в высшую у русских была почти вдвое ниже, чем у якутов, а обратный переход осуществлялся, наоборот, почти втрое чаще. В то же время нельзя не отметить, что эти показатели были примерно такими же, как у русского населения других изучаемых районов, в том числе и у русских Оренбургской области, а из группы рабочих в группу «высшей» интеллигенции сумела перейти среди русских примерно такая же доля респондентов, что и у якутов.

В Татарстане социальные перемещения представителей различных социально-профессиональных групп и среди татар, и среди русских имели довольно широкий диапазон и захватывали сравнительно более массовые слои населения. Татары отличались особенно масштабными перемещениями работников из группы квалифицированного физического труда в группу квалифицированного умственного. Так, татары, бывшие 10 лет назад рабочими, пополнили состав специалистов и руководителей в 17% случаев, что было примерно вдвое выше по сравнению не только с русскими Татарстана, но и с башкирами и якутами (в соответствующих республиках). группа специалистов и руководителей у татар по сравнению с местными русскими оказалась несколько более «открытой» для вхождения в нее выходцев из других социально-профессиональных групп. Однако и отток из нее был также относительно более массовым. За 10 лет ее состав изменился более

радикально, нежели у представителей других изучаемых этнических общностей. Так, более четверти татар, 10 лет назад занимавших должности специалистов и руководителей, понизили свой статус. Это в три с лишним раза больше по сравнению, например, с якутами, а с русскими Татарстана — почти в полтора раза. Примерно треть бывших специалистов и руководителей, занялась мелким бизнесом, треть — освоила рабочие профессии, в том числе мало- и неквалифицированного физического труда, остальные перешли в группу служащих.

Шансы русских Татарстана продвинуться в высшие социальные слои были несколько ниже, чем у татар. Социальный рост был характерен, главным образом, для работников мало- и неквалифицированного физического труда, часть которых перешла в группу квалифицированных рабочих. В то же время важно отметить, что русские, занимавшие 10 лет назад наиболее высокие должности, реже, нежели татары, «сдавали» свои позиции, в том числе реже оказывались на низшей ступеньке социальной лестницы.

Башкиры Башкортостана, в отличие от татар (в «своей» республике), слабее участвовали в социальных перемещениях, что относилось к представителям всех социально-профессиональных групп. Несколько иная ситуация наблюдалась у местного русского населения, среди которого была намного более массовой категория перешедших из состава «высшей» интеллигенции в низшие социальные слои. Среди местных русских, единственной из изучаемых этнических групп, было отмечено превышение доли нисходящей мобильности над восходящей. Но это отнюдь не служит показателем значительного ущемления социальных интересов русских в этой республике. Анализ данных о восходящих социальных перемещениях свидетельствовал, что в Башкортостане шансы подняться вверх на социальном «лифте» у русских и башкир были более выравнены, чем у русских и якутов, русских и татар в соответствующих республиках.

Важно отметить также весьма высокую социальную подвижность татар Башкортостана. Хотя и среди них работники высококвалифицированного умственного труда в основном не оставили занимаемых должностей, тем не менее доля представителей этой группы, понизивших статус, была вдвое выше, нежели у башкир. Немалая часть работников умственного труда средней квалификации и служащих перешла в сферу физического труда. В то же время и «подъем вверх» для татар выглядел менее сложным. Респонденты-татары, бывшие 10 лет назад рабочими, поднимались на высшую ступеньку социальной лестницы в два с лишним раза чаще, чем башкиры и русские.

В Оренбургской области этнические особенности социальной мобильности оказались малозаметными. Более 40% русских и татар Оренбуржья, повысивших статус, было представлено работниками умственного труда, перешедшими в более высокие социальные группы. Татары несколько отличались более массовыми перемещениями из груп-

пы мало- и неквалифицированных рабочих в группу квалифицированных. Для них был чаще характерен и обратный процесс — переход из группы квалифицированного физического труда в группу мало- и неквалифицированного, а также из состава специалистов и руководителей — в состав служащих и мелких предпринимателей.

В сельской местности процессы социальной мобильности были еще более заторможенными, чем в городах, особенно у титульных национальностей. Наибольшей в сравнении долей (20—21%) работников, повысивших статус за 10 лет трудовой деятельности, отличались татары и русские Татарстана, русские Башкортостана. Доля людей с нисходящей социальной мобильностью была особенно внушительной (25%) среди русских Саха (Якутии) и татар Башкортостана. Однако в целом значительных различий в структуре социальных перемещений представителей разных этнических групп сельского населения не было выявлено.

В характере и масштабах социальной мобильности представителей разных этнических общностей наряду с рядом специфических черт отмечались и некоторые общие закономерности. Прежде всего это высокая доля людей во всех социально-профессиональных группах, сохранивших свой социальный статус. Среди специалистов и руководителей доля имобильной группы составляла от 65% у татар Татарстана до 85—90% у якутов и башкир, среди служащих — от 60% у русских Оренбургской области до 80% у якутов, среди квалифицированных рабочих — от 60% у якутов до 80% у русских Оренбуржья и среди мало- и неквалифицированных рабочих — от 45% среди русских Татарстана до 80% среди башкир.

Еще одной общей чертой, характеризующей процессы социальной внутрипоколенной мобильности в изучаемых этнических группах, в отличие от межпоколенной, был весьма слабый приток в состав работников высококвалифицированного умственного труда мало- и неквалифицированных рабочих, определенная «закрытость» высшей социально-профессиональной группы для людей из низшего слоя. Однако в качестве интерпретации этого можно предложить и версию, основанную на материальных факторах. В нынешних условиях, когда заработок работников высококвалифицированного умственного труда стал иногда на порядок ниже, чем у мало- и неквалифицированных рабочих, отсутствие массовых перемещений из низшей социальной страты в высшую может быть связано и просто с недостатком желающих осуществить подобные перемещения.

Материальными причинами, видимо, в известной мере обусловлены и особенности социальной мобильности русских, живущих в российских республиках, для которых был характерен несколько больший масштаб перемещений из групп высококвалифицированного умственного труда в другие социально-профессиональные группы, а также сравнительно интенсивная как восходящая, так и нисходящая мобильность татар Татарстана, активно ищущих свое «место под солн-

цем», которое удовлетворяло бы их и профессиональные, и материальные запросы.

Есть основания полагать, что для якутов и башкир более важной жизненной ценностью, чем материальный достаток, служит принадлежность к определенному социальному слою. Якутам подобные ориентации были свойственны достаточно давно, у башкир они, скорее всего, стимулируются постоянной конкуренцией с татарами, живущими в Башкортостане. Следует отметить и то, что многие якуты и башкиры являются горожанами в первом поколении, а для сельского населения престиж профессий высококвалифицированного умственного труда всегда был и остается высоким.

Таким образом, судя по итогам нашего исследования, однозначный вывод о более благоприятных условиях социального роста у представителей титульного населения российских республик, по сравнению с нетитульным, вряд ли будет достаточно корректным. Прежде всего не в его пользу свидетельствует сравнительно высокая результативность социальных перемещений татар Башкортостана. Результаты же социальной подвижности русских во многом зависели от места их проживания. Так, шансы подняться вверх по социальной лестнице были во многом выравнены у русского и титульного населения Башкортостана. В Саха (Якутии) этнические различия в этом отношении были заметнее. В то же время процесс нисходящей мобильности, в первую очередь среди занятых высококвалифицированным умственным трудом, больше затрагивал русских в Башкортостане и Саха (Якутии), чем титульные национальности этих республик. В Татарстане же татары чаще «теряли» высокие социальные позиции, нежели местные русские, хотя и в относительно более массовом составе «поднимались наверх».

Говоря о шансах социальной мобильности русского населения, нельзя не отметить и тот факт, что результативность социальных перемещений русских, живущих в своей этнической среде, была не намного выше, чем у русских Башкортостана, и ниже, нежели у русских Татарстана и Саха (Якутии).

Тем не менее необходимо сказать, что все же более интенсивное пополнение высших страт, особенно сферы управления, представителями титульных национальностей, с одной стороны, и частая потеря русскими высоких социальных позиций, с другой стороны, не могли не отразиться на социальном самочувствии русских, их оценках сложившейся ситуации.

Так, отвечая на вопрос о том, у людей каких национальностей в республике (области) больше всего возможностей получить хорошо оплачиваемую работу, занять высокий пост в органах власти, открыть свое дело, респонденты во всех республиках в большинстве случаев отдавали приоритет лицам титульной национальности. Показательно, что к этому мнению склонялись и представители самого титульного населения, хотя, конечно, в меньшей мере, нежели русские. Исключение со-

ставляли только якуты, считавшие, что у русских жителей их республики больше шансов получить хорошо оплачиваемую работу (24%) и открыть свое дело (24%) по сравнению с якутами (соответственно 17 и 12%). В то же время в Саха (Якутии) доля респондентов (независимо от национальности), которые предполагали, что представителям титульного народа легче занять высокий пост в органах власти, оказалась самой значительной. Так, подобный ответ был получен в Башкортостане от 27% башкир, 42% русских и 42% татар, в Татарстане — от 37% татар и 66% русских, в Саха (Якутии) — от 45% якутов и 68% русских.

Среди русских Саха (Якутии) было немало и тех, кто видел преимущества у людей титульной национальности и при получении хорошо оплачиваемой работы: 51% против 20% русских Башкортостана и 49% русских Татарстана. Открыть же свое дело, по мнению большинства респондентов, могли люди любых национальностей. Однако в Башкортостане, например, и башкиры, и русские, и татары были более единодушны в своих взглядах: считали, что это проще сделать башкирам не более 3—5% респондентов этих национальностей, русским — 2—7%, татарам — 1—2%. В Татарстане соотношение ответов на этот вопрос было уже несколько иным. Считали, что татары имеют больше преимуществ при открытии своего дела 5% татар и 20% русских, о преимуществах русских говорили всего 3% татар и 1% русских. Ответы якутов и русских Саха (Якутии) свидетельствовали об определенной напряженности ситуации в сфере бизнеса в этой республике. Якуты, как было видно, более высокими шансами заняться предпринимательством наделяли русских (24%), а русские — якутов (19%). О преимуществах представителей своей национальности говорили 12% якутов и 11% русских.

В Оренбургской области и русские, и татары во всех «номинациях» отдавали приоритет русским, и, как и в других исследуемых районах, чаще всего видели преимущества местного русского населения, составляющего здесь этническое большинство, при занятии высоких постов в органах власти: так высказались 21% русских и 36% татар.

Эти данные еще раз подтверждают тот факт, что особенно остро в российских полиэтнических регионах в настоящее время стоит вопрос о более пропорциональном участии представителей контактирующих национальностей во властных структурах. Хотя сама по себе сфера управления сравнительно невелика по численности (несмотря на ее значительное укрупнение в последние годы), общественный резонанс в отношении особенностей ее комплектования весьма высок из-за того, что представители этой сферы постоянно находятся на виду.

Показательно, что респонденты титульных этносов российских республик проявляли больший оптимизм, нежели русские, оценивая результаты своего трудового пути. Так, на вопрос анкеты, как изменилось положение респондентов на их работе за последние 5 лет, ответ «улучшилось» был получен от 33% башкир, 35 — татар и 22% русских Башкортостана, 45% якутов и 28% русских Саха (Якутии). В то же вре-

мя повышение социального статуса за прошедшие 5 лет было отмечено лишь у 21% башкир, 14 — татар и 22% русских Башкортостана, 28% якутов и 21% русских Саха (Якутии). В Татарстане различий как между оценками татар и русских изменений на их работе, так и в структуре их социальной мобильности оказалось меньше, их оценки были более адекватными реальным переменам.

Вполне понятно, что мнения людей о тех или иных переменах в их рабочей ситуации были связаны не только с изменением их должностного статуса, но и со многими другими факторами: увеличением заработной платы, ростом авторитета среди сослуживцев, повышением возможностей для проявления самостоятельности, инициативы, творчества, усилением ответственности за порученное дело и т.п. Вероятно, позитивное влияние именно этих факторов в большей мере ощутили работники титульных национальностей, но несомненно и то, что в современных условиях психологическое восприятие всех происходящих перемен у титульных народов российских республик носит более оптимистичный характер, нежели у местных русских.

В то же время некоторый этнический дискомфорт может стать и фактором, мобилизующим людей нетитульной национальности на более активный поиск тех или иных вариантов улучшения своего социального и материального положения.

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СОСТАВА ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП В 1990-е ГОДЫ

Социальная мобильность в период 1990-х годов привела к определенным изменениям в социальной структуре регионов. Сравнивая социально-профессиональный состав городских респондентов разных национальностей в момент опроса, 5 и 10 лет назад, можно было обнаружить, прежде всего, ряд общих моментов, отражающих социально-экономические перемены в стране. Так, в составе всех национальных общностей начали формироваться и в той или иной мере расти новые социальные группы, стала быстро пополняться категория работников негосударственных форм собственности. В то же время почти везде в ответ на кризис во многих наукоемких отраслях производства снизилась относительная численность квалифицированных рабочих, а доля мало- и неквалифицированных осталась или на прежнем уровне или увеличилась. Продолжала расширяться сфера квалифицированного умственного труда, несмотря на упадок бюджетных отраслей, где были преимущественно заняты ее работники.

Важно, однако, отметить, что 10-летний период реформирования не принес кардинальных изменений в социальной структуре населения изучаемых районов. Сохранились прежние особенности отраслевого и социально-профессионального состава этнических общностей

и, соответственно, прежние различия между ними, которые в ряде случаев еще более углубились (табл. 4).

Таблица 4

**Динамика социально-профессионального состава городского населения
Татарстана, Башкортостана, Саха (Якутии) и Оренбургской области
(1989—1999 гг., % от численности данной этнической группы
в данный период времени)**

Годы	Татарстан		Башкортостан			Саха (Якутия)		Оренбургская обл.	
	Татары	Русские	Башкиры	Русские	Татары	Якуты	Русские	Русские	Татары
Специалисты высшей квалификации и руководители высшего звена									
1989	22,6	24,2	25,4	25,7	25,5	32,1	19,4	26,2	21,2
1994	25,1	24,8	25,6	27,4	25,5	41,4	17,3	25,0	27,3
1999	29,2	25,8	31,9	30,0	35,2	49,5	20,0	26,2	21,7
Специалисты средней квалификации и руководители среднего звена									
1989	11,5	11,4	8,9	8,6	10,6	13,0	14,7	18,0	19,7
1994	13,2	13,3	8,7	8,3	10,6	12,5	15,2	17,2	20,3
1999	13,8	9,0	11,0	10,6	9,6	10,8	12,8	17,7	18,8
Служащие									
1989	9,7	12,8	11,5	20,6	11,2	16,8	14,0	12,5	10,7
1994	11,0	13,3	11,5	15,8	11,2	16,4	18,0	14,6	7,0
1999	7,2	14,0	10,8	15,1	11,5	10,8	16,6	17,0	13,0
Работники физического труда высшей квалификации									
1989	23,4	22,6	26,8	27,8	16,1	10,0	20,9	16,4	14,8
1994	18,9	26,6	25,7	26,7	20,5	10,9	19,0	14,6	12,5
1999	19,0	24,7	14,7	20,6	17,3	7,2	17,7	16,0	7,2
Работники физического труда средней квалификации									
1989	19,9	17,5	12,1	11,0	20,5	13,0	19,4	17,8	23,0
1994	16,7	12,8	12,6	10,2	16,1	7,5	16,3	13,3	18,0
1999	11,8	11,2	17,8	8,4	13,6	5,4	14,3	13,8	19,6
Работники мало- и неквалифицированного физического труда									
1989	12,4	9,0	15,3	11,4	16,1	14,5	11,6	9,1	9,8
1994	13,2	7,3	15,3	10,9	0,0	10,4	13,1	11,7	12,5
1999	11,8	11,2	12,3	11,7	0,0	14,4	12,4	8,9	13,0
Самозанятые									
1989	1,9	1,9	0,6	0,4	0,0	0,7	0,0	0,0	0,7
1994	0,5	0,9	0,5	0,7	0,5	0,9	1,1	3,6	2,4
1999	7,2	5,7	1,5	3,4	2,5	1,8	3,2	0,4	6,7

Судя по социальному статусу респондентов в момент опроса и 10 лет назад, возросли различия между титульными национальностями изучаемых республик по представленности в высшей социально-профессиональной группе. Среди респондентов-якутов 10 лет назад доля специалистов и руководителей высшего звена была больше, чем у татар, на 9,5 процентных пунктов, а у башкир — на 6,7. К концу 1990-х гг. разница между якутами и татарами увеличилась до 20,3 процентных пунктов, между якутами и башкирами — до 17,6 процентных пунктов.

Якуты в большей мере, чем татары и башкиры сохранили прежние массовые ориентации на получение высшего образования и соответствующих ему должностей. Более половины респондентов горожан якутской национальности продолжало работать в отраслях здравоохранения, просвещения, науки, культуры, искусства. Это было в 1,2 раза больше, чем соответствующая доля занятых в этих отраслях у башкир, и почти вдвое больше, чем у татар. Очень слабой среди якутов оставалась занятость в промышленности, она была ниже, нежели у татар и башкир, более чем в 4 раза. Между тем, по данным статистики, в конце 1990-х гг. оплата промышленно-производственного персонала в Саха (Якутии) вдвое превышала заработок работников здравоохранения и просвещения, а, например, в Татарстане эта разница составляла всего 1,2—1,3 раза⁸. Однако новые веяния коснулись и якутского населения, многие представители которого активно включились в такие быстро развивающиеся и высокооплачиваемые отрасли, как финансово-кредитная, юридическая, не говоря уже о сфере управления.

Имущественное расслоение якутского городского населения было выражено намного сильнее, чем у других титульных национальностей. Согласно самооценкам, почти пятая часть респондентов-якутов принадлежала к наименее зажиточному слою населения («денег не хватает даже на питание») и практически столько же составляли более или менее зажиточные группы людей («ни в чем себе не отказываем», «денег хватает на все, кроме особенно дорогих покупок»). Среди башкир люди с самым низким уровнем достатка (по их оценкам) насчитывали не более 7,5%, среди татар — 13%, что было в то же время в 1,5—2 раза больше доли наиболее обеспеченных.

Динамика социально-профессионального состава русского и титульного городского населения в каждом из изучаемых районов имела свою специфику. Характер изменений относительной численности работников, занятых в сфере высококвалифицированного умственного труда, особенно заметно отличался у русских и якутов: если среди якутов эта категория работников за 10 лет заметно возросла, то среди русских практически не изменилась. Якуты и русские оказались в этом отношении еще более дистанцированными, нежели 10 лет назад.

---

⁸ Труд и занятость в России: Стат. сб. М., 1999. С. 487, 535.

В сфере физического труда доля квалифицированных рабочих снижалась здесь и в составе русского городского населения, и среди якутов. Дистанция между этими национальными группами осталась на том же уровне, что и раньше. Как и в прошлые годы, социальный статус русского населения Саха (Якутии) был ниже не только по сравнению с якутами, но и с русскими Башкортостана и Татарстана.

В Татарстане татары также более интенсивно, нежели русские, пополняли ряды специалистов и руководителей, а русские — служащих. В Башкортостане эти процессы у башкир и русских оказались более сходными. Хотя титульные национальности этих республик, как и раньше, имели по сравнению с местными русскими более высокие темпы воспроизводства высших страт, в особенности группы руководителей, у башкир и русских, татар и русских (в соответствующих республиках) на момент исследования было теперь относительное равновесие в сфере высокоинтеллектуального труда. Башкиры и русские Башкортостана сблизились и по представленности работников физического труда высшей квалификации, а также мало- и неквалифицированных рабочих. У татар и русских в Татарстане практически выравнивались по относительной величине группы рабочих со средней и низкой квалификацией.

С точки зрения реального равенства важно отметить, что русские Оренбургской области, живущие преимущественно в своей этнической среде, оказались весьма близки по своему социально-профессиональному составу к русским Башкортостана и Татарстана. В то же время динамика их социально-профессионального состава была более плавной. За 10-летний период у русских респондентов-горожан Оренбургской области почти не изменилась относительная величина высших страт, а также доля квалифицированных рабочих. Некоторые перемены происходили в основном в сфере мало- и неквалифицированного труда — несколько возросла доля служащих и снизилась относительная численность разнорабочих (табл. 4).

Следует сказать, что возможность в нашем исследовании сравнить группы татар, живущих в разных этнических средах, тоже дала многое для понимания роли этнического фактора и фактора административного (проживания в республике). Оказалось, что татары везде имели немало общего в своих профессионально-отраслевых перемещениях. Татары в Башкортостане, Оренбургской области и в «своей» республике добились немалых успехов на интеллектуальном поприще. Они и 10 лет назад, и в настоящее время были сравнительно широко представлены среди работников управления, руководителей предприятий и организаций, специалистов высокой и особенно средней квалификации, квалифицированных рабочих.

Правда, татары Оренбургской области за 10-летний период пережили более заметные сдвиги в своем профессионально-отраслевом составе, нежели местные русские, татары Татарстана и Башкортостана.

Для многих из них было характерно снижение социального статуса. Одна из причин этого заключалась, видимо, в более широкой занятости татар Оренбуржья в начале 1990-х гг. в негосударственных структурах, значительно пострадавших от экономического кризиса 1998 г., который повлек за собой банкротство многих коммерческих организаций.

Так, если за первые 5 лет исследуемого периода в составе городских татар Оренбургской области выросла доля специалистов и руководителей высшего и среднего звена, сократилась доля служащих, а тенденции развития сферы физического труда были примерно такими же, как у местного русского населения, то в течение следующего пятилетия ситуация в корне изменилась. Стала снижаться относительная численность татарской интеллигенции и высококвалифицированных рабочих и особенно заметно, в отличие от местных русских, расширяться группа работников мало- и неквалифицированного физического труда. Часть татар перешла в группу мелких предпринимателей и самозанятых, величина которой выросла у них за последние 5 лет более чем втрое, у русских же ее относительная численность упала.

Несколько слов следует сказать о динамике социально-профессионального состава сельского населения, для которого были характерны в основном те же тенденции, что и для горожан. У титульных национальностей Башкортостана и Татарстана не только выросла относительная величина высших страт, но и заметно снизилась доля работников мало- и неквалифицированного физического труда.

Среди русского сельского населения Татарстана и Башкортостана рост численности занятых умственным трудом был меньшим, сократилась доля работников физического труда высшей квалификации, а многие русские респонденты Башкортостана перешли на работу в сферу мало- и неквалифицированного физического труда. Это было связано не только с тем, что сравнительно малочисленное русское сельское население и в прошлые годы, и сейчас было слабо представлено в местных органах управления, но и с миграцией квалифицированных и образованных русских, в том числе молодежи, в города. Тем не менее и в момент опроса доля специалистов и руководителей среди русских, живущих в селах этих республик, оставалась несколько выше, нежели у титульных национальностей.

У татар, живущих в селах Башкортостана, доля специалистов и руководителей оставалась примерно такой же, как 10 лет назад, и почти равной доле башкир, хотя группа разнорабочих оказалась вдвое больше, чем у башкир.

А вот в Саха (Якутии) сельские якуты отличались все более заметным социальным расслоением за счет особенно значительного расширения «крайних» страт, каждая из которых составила более трети работающих респондентов-якутов. При этом квалифицированных работников физического труда и раньше сравнительно немногочисленных, стало еще меньше, что частично можно объяснить отъездом людей в

города в поисках работы в более высокооплачиваемых индустриальных отраслях.

Русские сельчане в Саха (Якутии) стали еще заметнее отставать по доле интеллигенции от якутов, разница стала уже не в 1,5, а в 2,5 раза. Среди тех русских, что оставались в селе, стало еще больше людей занятых мало- и неквалифицированным физическим трудом.

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ И МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Материалы нашего исследования позволили не только показать особенности процесса социальных перемещений в разных этнических группах, но и выявить связь между некоторыми социально-культурными показателями контактирующих этносов и характером межнациональных отношений в республиках их проживания. Конечно, приведенные ниже заключения не носят универсального характера, так как сделаны на основе материалов только четырех районов России. Следует иметь в виду и то, что характер межэтнических отношений формируется под влиянием целого комплекса разнообразных условий и факторов. Тем не менее, сопоставив оценки, данные респондентами национальным отношениям, сложившимся в их республиках, с некоторыми социально-культурными характеристиками людей разной этнической принадлежности, проживающих в этих районах (табл. 5), можно отметить, что в республиках, отличающихся большей однородностью социальной структуры контактирующих этносов (Башкортостан, Татарстан), оценки межнациональных отношений были более позитивными, нежели в Саха (Якутии).

Значимую роль в формировании подобных оценок, несомненно, играет и степень равенства шансов социальной мобильности у людей разной этнической принадлежности. В условиях, когда наиболее престижные, высокооплачиваемые должности остаются еще в большом дефиците, а число претендентов на них растет, только равные принципы конкурентной борьбы, отсутствие патернализма, создающего преимущества представителям той или иной национальности, могут способствовать нормализации межэтнических отношений и дальнейшему поступательному социально-экономическому развитию регионов. Вероятно, что более заметные различия в этом смысле между татарами и русскими Татарстана по сравнению с башкирами, русскими и татарами Башкортостана, повлияли на снижение доли русских в Татарстане, позитивно оценивших межнациональные отношения в данной республике.

Таблица 5

**Некоторые социально-культурные характеристики горожан Татарстана,
Башкортостана, Саха (Якутии), Оренбургской области
и оценка ими межнациональных отношений
(% от ответивших)**

Социально-культурные характеристики и оценка межнациональных отношений	Татарстан		Башкортостан			Саха (Якутия)		Оренбург- ская обл.	
	Тата- ры	Рус- ские	Баш- киры	Рус- ские	Тата- ры	Яку- ты	Рус- ские	Рус- ские	Тата- ры
Доля специалистов высокой квалификации, руководителей высшего и среднего звена, представителей крупного и среднего бизнеса	29	24	32	30	35	49	20	26	22
Отношение доли людей с высшим образованием к доле специалистов и руководителей высшего звена	109	102	114	89	101	122	112	137	185
Доля перешедших из низших страт в высшую	17	11	14	10	18	19	11	9	8
Доля положительных оценок межнациональных отношений в республике (области)	75	59	72	76	73	52	43	70	84

В российских республиках, где проводилось исследование, прослеживается определенная зависимость между оценкой межнациональных отношений и степенью использования образовательного потенциала людей. Находит определенное подтверждение высказанная ранее гипотеза о том, что на обострение конкуренции между национальностями и рост межнациональной напряженности влияет не столько выравнивание образовательного уровня людей разной этнической принадлежности, сколько наличие соответствующих этому образованию вакансий. В Башкортостане, как видно, доля высокообразованных башкир была несколько выше доли среди них людей, занятых на должностях, требующих высшего образования, у местных татар эти показатели оказались примерно одинаковыми, а русские респонденты из высших социальных страт по образовательному уровню не «дотягивали» до своего социального статуса. Можно сказать, что в настоящее время в Башкортостане отсутствует особый переизбыток дипломированных специалистов и не должно наблюдаться особо острой конкуренции между людьми разной национальной принадлежности с дипломами высших учебных заведений. И действительно, в этой республике частота позитивных оценок межнациональных отношений как со стороны башкир, так и со стороны местных русских и татар оказалась наиболее высока.

В Татарстане, судя по материалам исследования, доля людей с высшим образованием среди занятого населения несколько выше относительной численности специалистов высокой квалификации и руководителей высшего звена как среди татар, так и среди местных русских. Здесь вероятнее возможность обострения межэтнической конкуренции в сфере интеллектуального труда, особенно в условиях внушительного преобладания в высших эшелонах власти представителей титульной национальности. Можно предположить, что это одна из причин того, что оценки русскими респондентами межнациональных отношений в республике сдержаннее, нежели у татар и у русских Башкортостана.

Ситуацию, сложившуюся в Саха (Якутии), можно назвать наиболее сложной. Образовательный потенциал и якутов, и русских реализуется далеко не полностью, что сталкивает интересы представителей этих национальных общностей в сфере труда и, как видно (табл. 5), отражается на характере межнациональных отношений.

В Оренбургской области невостребованность образовательного потенциала занятого населения еще более значительна, чем в Саха (Якутии), но это обстоятельство не служит здесь поводом для ухудшения межэтнических установок именно в отношении татар, так как доля их крайне низка, а подавляющее большинство жителей составляют русские. Однако общее неблагоприятное социальное самочувствие может проецироваться на сферу межэтнических взаимодействий, вылиться в поиски «врага» на месте и в высших эшелонах власти.

Суммируя приведенные выше заключения, можно сказать, что, судя по данным, полученным в четырех исследованных регионах, основные проблемы социального роста касаются, прежде всего, местного русского населения. Русские, живущие в российских республиках, имеют сейчас в той или иной мере несколько меньшие возможности не только, вернее, не столько продвинуться в высшие слои, сколько «удержаться» на «завоеванных» позициях. Это весьма негативно отражается на социальном самочувствии русских, многие из которых еще в недалеком прошлом занимали достаточно высокие, ключевые посты. В то же время ситуация в разных республиках далеко не однозначна. Относительно благополучной ее можно назвать применительно к Башкортостану, в Татарстане она представляется более сложной и особенно обостренной — в Саха (Якутии).

НЕКОТОРЫЕ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МОБИЛЬНЫХ ГРУПП

Очевидно, группам людей с равнонаправленной мобильностью (восходящей или нисходящей) свойственны определенные общие черты. Материалы нашего исследования позволили подтвердить этот вывод.

Анализ взглядов, ориентаций, установок людей из двух противоположных групп — с восходящей и нисходящей мобильностью — выявил наличие определенного сходства в этом отношении между людьми различных национальностей, но объединенных общей «социальной судьбой». В контексте проблем нашего исследования основное внимание было уделено тем взглядам и установкам респондентов, которые представлялись наиболее актуальными с точки зрения развития интеграционных процессов в полиэтнических регионах.

Прежде всего обращают на себя внимание более высокие самооценки респондентов, повысивших свои социальные позиции, по сравнению не только с теми, кто их понизил, но и с представителями имобильной группы. Во всех изучаемых этнических общностях люди, сумевшие добиться успехов в своей трудовой карьере, чаще относили себя к высшему или среднему слою населения России, нежели «неудачники» (табл. 6), хотя социально-профессиональный состав респондентов с восходящей и нисходящей мобильностью был весьма разнообразен. Особенно важно, что мнения людей, повысивших статус, по поводу их социальной принадлежности у представителей разных этнических общностей были более близки, чем у тех, чей статус понизился.

Респонденты, сумевшие подняться по социальной лестнице, несмотря на свой пестрый социально-профессиональный состав, сравнительно более высоко, чем понизившие статус, оценивали свои позиции и с точки зрения имеющихся властных полномочий, престижности собственного занятия и даже уровня материальной обеспеченности. И в этом отношении у русских и представителей титульных национальностей с восходящей мобильностью оценки были в той или иной мере более сходными, чем у тех, чей статус понизился.

Тем не менее нельзя не заметить, что при заметном сходстве в определениях своего социального положения у респондентов разных национальностей, входящих в группы с восходящей мобильностью, самооценки русских, живущих в российских республиках, все же чаще оказывались несколько менее оптимистичными, чем у титульных национальностей соответствующих республик. В Саха (Якутии) и Татарстане подобные этнические особенности были более заметны, нежели в Башкортостане.

Весьма заметными оказались различия в ответах русских и представителей титульных национальностей на вопрос анкеты о возможностях семейного бюджета респондентов. Так, например, треть татар Татарстана из группы с восходящей мобильностью и около 10% с нисходящей считали, что на имеющиеся у них средства они могут сделать любые приобретения или почти любые, кроме особенно дорогих. У русских же Татарстана эти показатели были соответственно равны 20 и 1%. В других республиках картина была примерно такой же. В Оренбургской области русские, и повысившие, и понизившие статус, оценивали свои материальные возможности несколько более высоко по сравнению с местными татарами, а также русскими Башкортостана и Татарстана.

Таблица 6

**Социальная идентификация в мобильных группах городского населения
Татарстана, Башкортостана, Саха (Якутии) и Оренбургской области
(% от ответивших)**

Группы с разными типами мобильности	Татарстан		Башкортостан			Саха (Якутия)		Оренбургская обл.	
	Татары	Русские	Башкиры	Русские	Татары	Якуты	Русские	Русские	Татары
Относят себя к высшему и среднему слою									
Группа с восходящей мобильностью	81	68	81	72	91	85	72	77	63
Группа с нисходящей мобильностью	79	37	60	62	74	75	57	33	36
Отметили 2 низшие позиции на шкале власти									
Группа с восходящей мобильностью	52	53	48	67	62	32	46	38	75
Группа с нисходящей мобильностью	81	79	59	84	67	76	64	88	64
Отметили 2 высшие позиции на шкале власти									
Группа с восходящей мобильностью	3	8	9	0	4	6	3	3	0
Группа с нисходящей мобильностью	0	0	0	0	0	0	0	0	7
Отметили 2 низшие позиции на шкале богатства									
Группа с восходящей мобильностью	25	44	31	34	26	38	40	24	43
Группа с нисходящей мобильностью	43	68	47	50	41	50	53	71	64
Отметили 2 высшие позиции на шкале богатства									
Группа с восходящей мобильностью	0	4	9	0	0	6	0	3	0
Группа с нисходящей мобильностью	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Отметили 2 низшие позиции на шкале престижа									
Группа с восходящей мобильностью	29	40	32	35	26	13	24	31	50
Группа с нисходящей мобильностью	51	77	36	54	56	49	52	74	65
Отметили 2 высшие позиции на шкале престижа									
Группа с восходящей мобильностью	6	12	9	0	7	6	3	3	3
Группа с нисходящей мобильностью	3	0	0	0	6	0	5	0	12

В целом можно сказать, что среди людей, повысивших статус, наиболее высокого мнения о возможностях своего семейного бюджета придерживались татары и якуты, а среди групп с нисходящей мобильностью — русские Татарстана и Башкортостана.

Представления респондентов о возможностях их «кошельков», естественно, носят весьма субъективный характер, так как зависят не только от наличия у людей тех или иных реальных материальных средств, но и, во многом, от их потребностей и запросов.

Весьма показателен в этом отношении анализ ответов респондентов об их приобретениях, сделанных за последние пять лет. Следует отметить прежде всего, что группы людей с восходящей и нисходящей социальной мобильностью различались в этом отношении не по численности приобретений, а по их ассортименту. Люди, понизившие статус, независимо от национальной принадлежности, чаще тех, кто его повысил, приобретали цветные телевизоры, видеомагнитофоны и подержанные автомобили. Представители групп, отличающихся статусным ростом, выделялись во всех этнических общностях, главным образом, частотой приобретений компьютеров и новых автомашин.

Интересно, что русские, как с восходящей, так и с нисходящей мобильностью, позволяли себе весьма дорогие приобретения в основном не реже, чем представители титульных национальностей. Так, например, в Татарстане новые автомобили были куплены 13% татар и 12% русских, повысивших социальный статус, компьютеры — 10% татар и 8% русских. В Саха (Якутии) приобрести новый автомобиль сумели 14% якутов и 9% русских из групп с восходящей мобильностью, компьютеры же — 12% якутов и почти 20% русских.

Среди русских Татарстана, понизивших статус, которые сравнительно низко оценивали свои финансовые возможности, около 40% купили цветные телевизоры, около трети — видеомагнитофоны, более пятой части — подержанные автомашины, а среди татар этой же мобильной группы — соответственно 60, 38 и 13%.

Очевидно, что представления русских респондентов об их уровне жизни были далеко не всегда адекватны реальному положению вещей и во многом определялись социально-психологическим самочувствием и более высокими потребностями. Важно, однако, что влияние этих субъективных факторов в той или иной мере нейтрализовалось процессом социального роста русских. Представления о своих материальных возможностях у респондентов русской и титульной национальности, социальные позиции которых выросли, были гораздо более сходными, чем у тех, чей статус понизился.

Во всех этнических группах люди с удавшейся трудовой судьбой чаще высказывали и удовлетворенность работой. Однако и в этом отношении проявился больший негативизм русских. Так, уровень удовлетворенности работой русских, повысивших статус, был несколько ниже, чем у респондентов титульных национальностей той же мобиль-

ной группы. У русских и представителей титульных национальностей с нисходящей мобильностью различия были еще рельефнее.

Определенные этнические особенности проявились и в оценках, данных респондентами, тем изменениям, которые произошли в их жизни за последнее время. Как и в других случаях, среди русских в республиках независимо от направленности мобильности пессимистические настроения были распространены более широко, чем среди титульных народов Башкортостана, Татарстана, Саха (Якутии). В то же время относительно много недовольных было и среди русских и татар Оренбургской области.

Тем не менее заметную роль играли в этом отношении и особенности трудового пути человека. На фоне довольно значительного преобладания негативных оценок над позитивными во всех этнических группах, среди людей, повысивших статус, доля считавших, что «с течением времени их жизнь становится лучше», была в той или иной мере выше доли пессимистов. Исключение составляли лишь русские Башкортостана, Саха (Якутии) и татары Оренбургской области, отличающиеся особенно значительной долей негативных оценок, но и среди них людям из групп с восходящей мобильностью оптимизм был свойственен в большей мере, нежели тем, кто понизил свой статус. Негативные оценки своей жизни русские, понизившие статус, давали в ряде случаев в полтора-два раза чаще, чем те, чьи социальные позиции повысились.

Удовлетворенность жизнью, работой, социальным положением служит одним из главных показателей адаптированности человека к социуму. О более высоких шансах людей, сумевших продвинуться по социальной лестнице, скорее и безболезненное приспособиться к новым жизненным условиям, свидетельствует и их отношение к идущим в стране преобразованиям, степень «включенности» в них. Исследования показали, что одной из важнейших черт, объединяющих людей с восходящей мобильностью, является не только их позитивное восприятие рыночных реформ, но и ориентация на новую ценностную модель, постиндустриально-индивидуалистическую западного типа, в отличие от господствовавшей ранее патриархально-коллективистской.

Материалы нашего исследования позволили также сделать заключение о том, что этнические особенности в меньшей мере проявляются в системе установок людей с восходящей мобильностью. Установки на «рыночную» модель поведения у представителей разной этнической принадлежности с восходящей мобильностью оказались в большой степени сходными. Между тем мнения по поводу конкретных проявлений политических и социально-экономических преобразований, происходящих на территории их регионов и характеризующихся местными особенностями, варьируют больше.

Так, среди представителей всех этнических групп повысившие социальный статус отличались от работников с нисходящей мобильностью и «иммобильной» группы более весомой долей тех, кто считает

необходимым продолжение рыночных реформ, а также более массовой ориентацией на высокодоходную работу (табл. 7). Доля лиц из групп с восходящей мобильностью, имеющих подобные установки, слабее варьировала по национальностям, чем в группе понизивших статус.

Варьировали и оценки, данные респондентами разных групп мобильности, некоторым результатам реформирования в России — свободе СМИ, многопартийным выборам, расширению отношений с Западом, суверенизации российских республик, и отношение их к тем или иным партиям и общественным группам (коммунистам, демократам, националистам и т.п.), и в известной степени это зависело от национальной принадлежности человека и места его жительства.

В большинстве случаев люди, повысившие статус, чаще тех, кто его понизил (независимо от национальности), приветствовали свободу СМИ и расширение отношений с Западом. Но понизивших статус русских свобода слова волновала сильнее, чем респондентов титульных национальностей из той же группы мобильности. Возможно это было связано с особенностями этнополитической ситуации в республиках на момент опроса (1999).

Что касается отношения к многопартийным выборам, то у башкир и русских Башкортостана, татар и русских Татарстана и русских Оренбургской области в группах, повысивших статус, доля положительных оценок была чуть выше доли отрицательных, а в группах с нисходящей мобильностью такое превышение было отмечено лишь у представителей титульных национальностей Башкортостана и Татарстана.

Естественно, русские Башкортостана, Татарстана и Саха (Якутии), сумевшие улучшить свои социальные позиции, были более лояльны к процессу суверенизации по сравнению с теми, кто понизил свои социальные позиции. В то же время заметных различий в доле позитивно относящихся к суверенитету республик у респондентов титульных национальностей из групп с восходящей и нисходящей мобильностью практически не было. Можно сказать, что фактор социальной мобильности в этом случае оказывал более заметное влияние на нетитульное население.

Люди, повысившие статус, в целом несколько более позитивно, нежели понизившие его, относились к демократам, а также к предпринимателям, банкирам и даже чиновникам и отрицательно — к коммунистам. Но в ответах представителей разных этнических общностей оказалось все же немало особенностей. Наибольший разброс мнений был характерен опять же для представителей нетитульного населения. Так, например, довольно много негативных оценок демократам было дано русскими Башкортостана и среди повысивших статус, возможно потому, что русские в период демократизации в республике почувствовали изменение статуса своей группы.

Тех, кто входит в группу с восходящей мобильностью в сравнении с понизившими статус отличает большая самостоятельность, расчет

Таблица 7

**Синдром либерально-индивидуалистических ориентаций
мобильных групп городского населения Татарстана, Башкортостана,
Саха (Якутия) и Оренбургской области
(% от ответивших)**

Группы с разными типами мобильности	Татарстан		Башкортостан			Саха (Якутия)		Оренбургская обл.	
	Татары	Русские	Башкиры	Русские	Татары	Якуты	Русские	Русские	Татары
Поддерживают рыночные реформы									
Группа с восходящей мобильностью	68	72	52	80	61	62	55	83	67
Группа с нисходящей мобильностью	55	42	31	62	52	58	41	69	40
Ориентированы на доход									
Группа с восходящей мобильностью	50	64	47	58	30	25	28	31	47
Группа с нисходящей мобильностью	26	10	32	39	13	15	5	21	10
Отметили, что чувство уверенности в завтрашнем дне им дает собственность									
Группа с восходящей мобильностью	41	56	71	62	67	78	49	23	41
Группа с нисходящей мобильностью	24	38	54	57	57	47	39	20	24
Отметили, что чувство уверенности в завтрашнем дне им дает профессия									
Группа с восходящей мобильностью	64	82	83	91	83	91	81	65	82
Группа с нисходящей мобильностью	45	63	76	71	75	60	71	38	34
Отметили, что чувство уверенности в завтрашнем дне им дает должность									
Группа с восходящей мобильностью	34	37	60	44	40	58	36	25	56
Группа с нисходящей мобильностью	18	32	29	22	37	15	27	14	15
Отметили, что чувство уверенности в завтрашнем дне им дает надежда на поддержку государства									
Группа с восходящей мобильностью	8	5	16	4	8	20	5	0	12
Группа с нисходящей мобильностью	15	41	37	13	17	24	12	5	11
Считают, что выполнять надо даже те законы, с которыми не согласен									
Группа с восходящей мобильностью	80	74	71	83	80	78	83	64	85
Группа с нисходящей мобильностью	69	67	21	60	50	64	47	54	82

на собственные силы, имеющиеся знания, опыт, достигнутое положение в обществе, капитал и т.п. и гораздо меньшее стремление рассчитывать на поддержку со стороны государства (табл. 7).

Общей чертой для людей всех национальностей с удавшейся трудовой карьерой является их нежелание участвовать в протестных акциях. Только русские Саха (Якутии) с восходящей мобильностью готовы были проявить более высокую протестную активность. Среди них доля готовых участвовать в протестных акциях (в любых случаях или в зависимости от обстоятельств) возрастала почти до 60%, в то время как у якутов из той же мобильной группы она не достигала и 40%, так же как и у русских Башкортостана и Татарстана. Важно подчеркнуть,

Таблица 8

**Этнические ориентации мобильных групп городского населения
Татарстана, Башкортостана, Саха (Якутии) и Оренбургской области
(% от ответивших)**

Группы с разными типами мобильности	Татарстан		Башкортостан			Саха (Якутия)		Оренбургская обл.	
	Татары	Русские	Башкиры	Русские	Татары	Якуты	Русские	Русские	Татары
Всегда помнят о своей национальности									
Группа с восходящей мобильностью	53	44	76	33	62	69	33	36	63
Группа с нисходящей мобильностью	33	37	70	35	33	40	19	17	29
Считают, что для защиты национальных интересов все средства хороши									
Группа с восходящей мобильностью	9	27	21	35	37	57	45	31	31
Группа с нисходящей мобильностью	6	16	14	20	12	38	33	28	29
Считают, что межнациональные браки ведут к исчезновению нации									
Группа с восходящей мобильностью	37	19	58	23	38	44	42	32	64
Группа с нисходящей мобильностью	31	26	44	17	30	35	10	33	29
Предпочитают в качестве начальника человека только своей национальности									
Группа с восходящей мобильностью	36	60	50	58	51	75	72	43	19
Группа с нисходящей мобильностью	50	53	82	35	70	37	86	9	0
Считают, что права человека выше прав народа									
Группа с восходящей мобильностью	72	82	72	83	79	87	66	84	82
Группа с нисходящей мобильностью	61	71	55	56	77	61	53	69	79

что сумевшие продвинуться по социальной лестнице русские, не собиравшиеся участвовать в публичных акциях протеста, тем самым в той или иной мере поддерживали местную власть, состоящую преимущественно из лиц титульной национальности. В то же время среди людей, понизивших статус, которые во всех этнических группах отличались наибольшим стремлением публично высказать свое недовольство властям, относительно «лидировали» именно русские.

Принципиально важно, что респонденты, повысившие статус, независимо от национальной принадлежности, оказались и более законопослушными гражданами, нежели люди, карьера которых не удалась (табл. 7).

Лояльность по отношению к власти, стремление к политической стабильности со стороны людей с удачной трудовой судьбой, живущих в полиэтничных регионах, вероятно, можно рассматривать и как проявление их этнической толерантности, незаинтересованности в любых социальных потрясениях, включая межэтнические конфликты. Однако, как показывает действительность, в современных условиях рост социально-профессионального статуса людей, живущих в полиэтничной среде, далеко не всегда сопровождается взаимной лояльностью и интеграцией.

Чрезвычайно значимыми в этой связи выглядят этнические ориентации респондентов разных национальностей из групп с восходящей мобильностью, представляющих собой слои людей, наиболее адаптированных к новым жизненным условиям (табл. 8), т.е. более перспективных.

Прежде всего следует отметить довольно высокую значимость самой этничности для людей, сделавших успехи в трудовой карьере, причем, в первую очередь, для респондентов нерусской национальности.

Представители групп с восходящей мобильностью выбирали позицию «я никогда не забываю, что я татарин, башкир, якут» чаще или так же часто, как и понизившие социальный статус. Это явление отмечалось и ранее по результатам предыдущих проектов⁹. Та же тенденция обнаружилась при выяснении этноконсолидационных установок. Позицию «человеку необходимо ощущать себя частью своего народа» выбирали большинство опрошенных и среди повысивших, и среди понизивших статус у всех этнических групп.

Высокий уровень этнического самосознания, естественно, не обязательно вел к негативному восприятию человеком представителей других этнических общностей. По данным нашего опроса, буквально единицы отметили, что раздражаются при близком общении с людьми других национальностей. Тем не менее для многих респондентов, и

---

⁹ Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России / Авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробжева. М., 1998. С. 58

повысивших, и понизивших статус, была небезразлична национальность тех людей, с которыми им приходилось сталкиваться на работе и в быту.

В этом отношении продвинувшиеся по службе и башкиры, и татары, и особенно якуты при выборе национальности потенциального начальника чаще отдавали предпочтение представителям своего народа. Та же картина характерна была и для продвинувшихся русских.

Между тем для татар и якутов с нисходящей мобильностью в республиках, как и для таких же русских в Оренбуржье, вопрос о национальной принадлежности начальника не был столь актуальным. Острее он воспринимался русскими Саха (Якутии), а также татарами Башкортостана, понизившими статус. Это и понятно. В своей этнической среде понижение статуса реже связывается с этнической принадлежностью, а в иной причины неудач видят чаще в национальности непосредственных руководителей и ситуации в республике в целом. Любопытно, что среди повысивших статус этническая акцентированность сохранялась и в бытовой среде. Доля ответивших, что межнациональные браки ведут к исчезновению нации, была у них заметно выше, чем в группе людей этих же национальностей с нисходящей мобильностью (считали, что межнациональные браки ведут к исчезновению нации около 40% татар Татарстана и Башкортостана, более 40% якутов, повысивших статус и соответственно 30—35% респондентов этих национальностей с нисходящей мобильностью).

В целом можно, видимо, констатировать, что социальный рост не снижал этничности, а нередко стимулировал повышение у людей интереса к своей национальности, желание сохранить свою этничность, что в особенности было характерно для представителей нерусских национальностей, ощущавших себя в России этническим меньшинством. Уровень этничности, конечно, немало зависел от этнополитической ситуации в республике, характера межнациональных отношений.

Так, примерно треть респондентов нетитульной национальности Башкортостана и Татарстана с восходящей мобильностью, считала, что для защиты интересов своего народа любые средства хороши. Это было в той или иной мере выше, чем у титульных этносов. В Саха (Якутии) же, где межэтнические отношения были более сложными и доля признавших возможность использования любых средств для защиты национальных интересов была более значительной как у русских, повысивших статус, так и у якутов, то же самое наблюдалось в группах с нисходящей мобильностью (табл. 8).

Однако этнический фактор скорее выступал как символ, в том числе помогающий в социальном продвижении, но он далеко не всегда и во всем являлся определяющим.

Представители группы с восходящей мобильностью среди всех этнических общностей чаще (свыше 65% и это было больше, чем среди понизивших статус), считали, что права человека важнее прав нации.

На вопрос анкеты о том, с представителями каких групп людей респонденты ощущали наибольшую близость, единство, ответ «с представителями моей национальности» давался во всех изучавшихся нами этнических группах реже, чем ответ «с людьми своего поколения» или «с людьми той же профессии». А среди тех, кто сумел повысить свои социальные позиции, доля ощущавших близость с людьми своей национальности была в полтора-три раза ниже, чем ассоциировавших себя со своим поколением или людьми одной профессии (у респондентов, понизивших статус, эта разница была заметно меньше).

Можно отметить, что среди понизивших статус русских была более выражена близость с гражданами России, в чем, вероятно, проявилась большая психологическая заинтересованность людей с неудавшейся трудовой судьбой, в особенности живущих в республиках, ощущать себя гражданами всей огромной страны, в которой при необходимости найдется для них и новое место жительства, и новая работа.

Так, например, среди русских Башкортостана, считали себя только гражданами России 5% повысивших статус и около 20% людей с нисходящей мобильностью, среди русских Саха (Якутии) — соответственно 10 и 19%, Татарстана — 20 и 23%.

Представители титульных народов, как повысившие, так и понизившие статус, гораздо реже ассоциировали себя только с гражданами России и по большей части ощущали себя одновременно гражданами и России, и «своей» республики, как, впрочем, и значительная часть местных русских.

И наконец, материалы нашего исследования показали, что люди, продвинувшиеся по социальной лестнице, чаще находили общность с политическими единомышленниками, нежели те, чья трудовая карьера не удалась. В этом отношении особенно выделялись повысившие статус русские, среди которых отметивших важность ощущения близости с другими людьми тех же политических взглядов было в полтора-два раза больше, чем среди понизивших статус, и больше, чем среди респондентов титульных национальностей.

Таким образом, очевидно, что мы имеем дело с двумя разнонаправленными процессами. С одной стороны, в оценках, взглядах и установках людей разной этнической принадлежности, объединенных в группу с восходящей мобильностью, много сходства в жизненных стратегиях и можно ожидать по мере роста их статусных позиций, формирования «среднего класса» и усиления интеграционных процессов в этой среде.

С другой стороны, довольно высокая значимость этнического фактора «продвигающихся» групп увеличивала дистанцию между ними.

В современный период, когда национальная принадлежность играет более или менее весомую роль в социальном продвижении, вполне понятно, что для респондентов, особенно принадлежащих к титульным национальностям и ориентированных на социальный рост, этнический фактор будет продолжать оставаться столь же важным.

Для этнонациональных элит степень их удаленности или приближенности к власти, к системе распределения материальных и духовных благ, собственности, конструирования массового сознания и т.п. всегда останется достаточно значимой.

В то же время, опираясь на опыт бывших союзных республик, прежде всего стран Балтии, можно заметить, что чем выше уровень экономического развития республики, материальный достаток ее жителей, тем менее актуальным для большинства нетитульного населения становится этнический состав работников, занимающих те или иные должности, а также национальность брачного партнера.

МОДЕЛИ ВОСХОДЯЩЕЙ МОБИЛЬНОСТИ

Одним из важнейших каналов восходящей мобильности и в прошлом, и в настоящее время выступает образование. Правда, сейчас роль образования в социальном продвижении людей несколько снизилась. Свою лепту в это внес и частичный перевод высшего образования на платную основу, и ограниченность территориальной мобильности молодежи при низком материальном уровне большинства населения. Серьезным аргументом против «высокой образованности» стало и то, что образовательный статус людей перестал соответствовать статусу экономическому.

Помимо образовательной, появилась и новая модель восходящей мобильности — открытие собственного дела, активное участие в рыночных отношениях, «добывание» денег и достижение при их помощи высокого положения в обществе.

Таким образом, если в прошлые годы представители всех этнических общностей для улучшения своих социальных позиций в основном ориентировались на повышение образования и квалификации, то теперь для этого появились новые пути и возможности.

Однако материалы нашего исследования показали, что и в наши дни значение образования в процессах социальной мобильности для значительной части населения остается достаточно важным. Анализируя образовательный состав респондентов, повысивших и понизивших статус, можно констатировать, что в большинстве случаев работники с высшим образованием котировались более высоко и имели больше шансов продвинуться по службе. Но само по себе высшее образование не гарантировало людям успешного социального роста. Характер влияния образования на социальную мобильность имел определенные этнорегиональные особенности.

В целом образовательный состав групп людей с восходящей и нисходящей мобильностью зависел, прежде всего, от уровня образованности всего занятого населения той или иной национальности, а также от степени востребованности высокообразованных кадров местной эко-

номикой. Так, среди якутов (городское население), повысивших статус, доля людей с высшим образованием достигала 75%, среди русских и татар Оренбургской области — 80%—90%, в то время как среди русских Саха (Якутии) — 20%. В Татарстане такой разницы не было — доля высокообразованных среди повысивших статус татар и русских была соответственно 34 и 40%, а среди башкир и русских Башкортостана — соответственно 53 и 24%.

Высокий образовательный уровень имел определенное значение не только для социального продвижения людей, но и для сохранения ими имеющейся работы, хотя и не являлся гарантом защиты от безработицы. Специалисты с вузовскими дипломами реже понижали свои социальные позиции. Так, среди башкир и русских Башкортостана понизило свой социальный статус 3% дипломированных специалистов, среди местных татар — 10%, в Саха (Якутии) — 9% якутов и 8% русских, в Татарстане около 12% татар и 3% русских. Обратим внимание также на то, что представители титульных национальностей с невысоким образованием (средним и ниже среднего) в Башкортостане и Саха (Якутии) имели некоторые преимущества перед русскими в социальном росте. Так, среди людей со школьными аттестатами повысили социально-профессиональный статус 16% башкир, 7 — русских и 24% татар, в Саха (Якутии) — 10% якутов и 24% русских, а в Татарстане — 18% татар и 16% русских.

Анализ ответов респондентов на вопрос о том, что они готовы предпринять с целью улучшить свое положение, также свидетельствует о достаточно высокой роли образования и профессионального совершенствования. Почти во всех этнических группах по числу выборов среди способов улучшения положения лидировал ответ «повысить свою квалификацию, профессиональную подготовку». Многие были готовы при сохранении прежней специальности сменить работу или заняться подработкой. Заметно ниже оказалась доля тех, кто был согласен сменить старую профессию и овладеть новой (табл. 9).

Путь повышения квалификации, профессиональной подготовки был особенно популярен у якутов, башкир в республиках и татар Оренбургской области. Башкиры и якуты чаще других этнических групп, были согласны заняться и изучением новой профессии.

Другой путь улучшения социального и материального положения — укрепление связей с «нужными» людьми. Наиболее часто данный вариант упоминали респонденты из Саха (Якутии), в особенности якуты, возможно, из-за сохраняющихся земляческих связей. Русские и татары Оренбургской области также часто выбирали этот путь.

Меньше всего люди рассчитывали проявить себя за счет миграций. Не собирались уезжать из республик своего проживания не только представители титульного населения, но и местные русские, а в Оренбургской области — татары. И это было одним из признаков того, что большинство принимало статус своей группы достаточно бесконфликтно

(для контраста достаточно вспомнить отток русских из Тувы в 90-е гг. или из северокавказских республик в течение 90-х гг. В изучавшихся нами регионах только русские жители Саха (Якутии) высказали готовность переехать из этой республики в другие районы России — почти треть (данный показатель у русских Саха (Якутии) был выше по сравнению с якутами в 6 раз и в 4 раза выше, чем у русских Башкортостана и Татарстана). О причинах оттока русских из Саха (Якутии) мы уже говорили: наряду с тяжелой экономической ситуацией, закрытие приисков, меньше шансов продвинуться по социальной лестнице. Определенную роль, вероятно, играл и тот факт, что многие местные русские не являются уроженцами этой республики, часть их еще в советские времена приехала сюда на заработки и теперь готова вернуться обратно.

Таблица 9

**Жизненные стратегии по улучшению своего положения
городского населения Татарстана, Башкортостана, Саха (Якутии)
и Оренбургской области
(% от ответивших)**

Чтобы улучшить свое положение готовы...	Татарстан		Башкортостан			Саха (Якутия)		Оренбург- ская обл.	
	Тата- ры	Рус- ские	Баш- киры	Рус- ские	Тата- ры	Яку- ты	Рус- ские	Рус- ские	Тата- ры
повысить квалификацию	40	39	56	41	43	64	50	46	57
сменить профессию	25	20	32	25	22	31	28	19	18
сменить работу	46	35	46	39	37	49	44	47	45
заняться подработкой	37	40	45	34	34	47	36	45	44
открыть свое дело	14	11	29	19	24	25	20	17	19
уехать в другие районы России	7	9	12	8	10	5	31	12	9
наладить связи с нужными людьми	38	34	38	34	39	54	45	46	49
уехать за границу	5	7	12	10	13	9	10	18	11

Более сложный, но в «духе времени», путь улучшения своего положения — использовать рыночные механизмы, в частности открыть собственный бизнес. Представители титульных национальностей были несколько более склонны заняться бизнесом, нежели местные русские. Причем доля респондентов, высказавших желание участвовать в предпринимательской деятельности, оказалась большей в Саха (Якутии) и Башкортостане, и сравнительно осторожнее были татарстанцы. Данные статистики также свидетельствуют о некотором «затухании» предпринимательства в этой республике в последние годы. Так, например, с 1997-го по 1999 г. в Татарстане уменьшилось число малых предприятий и численность занятого на них персонала, а за то же вре-

мя в Башкортостане число малых предприятий возросло в полтора раза, в Оренбургской области — в 1,4 раза, в Саха (Якутии) — в 1,3 раза¹⁰. С конца 90-х гг. в Татарстане стали уделять стимулированию предпринимательства больше внимания.

Таким образом, данные нашего исследования свидетельствуют о том, что, хотя доля потенциальных бизнесменов была более или менее весомой, в том числе и среди башкир и якутов, в большей мере ориентированных на образовательную модель социального роста, в реальной жизни на опасную стезю предпринимательства становились далеко не многие. Среди башкир, например, доля людей, согласных заняться предпринимательством, была почти в 10 раз выше реально имеющих свое дело, у якутов эта разница составляла 8 раз. У русских и татар она была заметно меньше.

Важно, однако, отметить, что в современных российских условиях потенциальное и в особенности реальное участие в рыночных структурах, в предпринимательской деятельности в первую очередь зависит не столько от желания и способностей людей, сколько от внешних факторов, которые существенно различаются в разных районах.

Судя по данным статистики, относительная численность работающих на государственных и муниципальных предприятиях составляла в конце 1990-х гг. в Башкортостане — 44%, в Татарстане — 43 и в Саха (Якутии) — 51%, а в частной сфере — соответственно 27, 28 и 30%. В Оренбургской области — 38 и 44%¹¹. Согласно материалам нашего исследования, несмотря на высокую готовность уйти в свободный бизнес, больше всех в государственной сфере осталось работать якутов (почти 80% в городах), в то время, в то время как среди башкир эта доля составляла 60%, а среди татар Татарстана — 55%. Доля русских, занятых на государственных предприятиях, колебалась от 49% в Татарстане до 52% в Оренбургской области.

Русские, в целом не отличаясь ни значительно более массовыми ориентациями на рыночную модель социального роста, ни особенно высокой долей предпринимателей, все же во всех республиках остались занятыми на государственных предприятиях в меньшей степени, нежели представители титульных национальностей.

«Выход» русских из государственной сферы, где в последние годы они стали занимать не самые лучшие позиции, в частную может явиться реальным способом разрешения многих межэтнических проблем, способствовать росту социального и материального уровня русского населения, установлению более паритетных межэтнических отношений в сфере управления.

¹⁰ Российский статистический ежегодник: Стат. сб. М., 1999. С. 197, 267.

¹¹ Российский статистический ежегодник... С. 197, 267.

Однако, как уже отмечалось, в настоящее время слой людей, занятых бизнесом, еще не столь значителен и пока невозможно судить о том, какова будет его роль в процессах межэтнической интеграции и национальной консолидации. Можно лишь предположить, что в тех российских республиках, где у власти стоят преимущественно люди титульной национальности, проводящие политику патернализма по отношению к представителям своей этнической группы, рынок скорее может стать полем межэтнической конфронтации. В связи с этим нельзя не отметить и то, что в сфере бизнеса активно формируется своя иерархическая структура, и положение людей, относящихся к отдельным ее стратам, существенно различается. От того, какие именно позиции в ней займут представители тех или иных национальностей, во многом будет зависеть и характер межэтнических отношений.

Особый интерес представляет анализ моделей социальной мобильности людей, повысивших статус. Прежде всего можно отметить, что у респондентов с восходящей мобильностью шире арсенал средств, выбираемых для улучшения их социальных и материальных позиций: почти каждый из них называл не менее трех вариантов. На общем фоне люди с восходящей мобильностью выделялись также меньшей долей желающих сменить специальность и заметно более высокой долей готовых заняться свободным бизнесом. Причем среди последних соотношение представителей титульной и русской национальности (в изучаемых республиках) менялось в пользу русских.

Наиболее весомой доля ориентированных на рыночную модель социального продвижения (до 40—50% выборов) оказалась у русских Башкортостана и Саха (Якутии), повысивших свой статус. Русские, понизившие статус, высказывали подобные предпочтения в несколько раз реже: у русских Саха (Якутии) — почти 7 раз, у русских Татарстана — в 4, а у русских Башкортостана — в 2 раза.

Среди респондентов титульных национальностей столь существенных различий не наблюдалось. Очевидно, что они независимо от того, как сложилась их трудовая судьба, были более уверены в том, что в «своей» республике будут иметь достаточно возможностей для занятий предпринимательской деятельностью. В составе же русские на это рассчитывала только наиболее активная, энергичная, адаптированная к новым условиям категория людей, уже достигших определенных успехов в социальном продвижении.

Интересно, что среди русских Саха (Якутии), повысивших статус, доля готовых уехать из республики оказалась вдвое ниже, чем среди русских с нисходящей мобильностью, и в полтора раза ниже по сравнению с представителями имобильной группы.

Людам, повысившим статус, была свойственна также довольно высокая ориентация на установление контактов с «нужными» людьми. Вероятно, подобное средство было многими из них уже не раз апробировано в процессе становления их трудовой карьеры. Особенно в

этом отношении выделялись якуты — более 70% выборов. Но и в других этнических группах доля отдавших предпочтение такому методу «подъема наверх» превышала 50%.

Показательно, однако, что респонденты разных национальностей, повысившие статус, определяя стратегию своих действий, способствующих дальнейшему социальному и материальному росту, предпочитали все же опираться, главным образом, на собственные силы. Поиск «нужных» людей в известной мере можно причислить к системе активных действий, к одному из способов приспособления к новой жизненной ситуации. В то же время при ответе на вопрос анкеты о необходимых условиях для достижения успеха в жизни такие факторы, как богатые родители, родственники, находящиеся на руководящих постах, респондентами с восходящей мобильностью назывались гораздо реже, чем теми, кто понизил свой статус.

Таким образом, значительной части респондентов, в том числе повысивших статус, основным каналом социального роста представляется в настоящее время образование. Весьма показательно, что даже в нынешний, весьма сложный переходный период, когда многое решают деньги и власть, 57—63% башкир, якутов и татар, 44—46% русских горожан Башкортостана и Татарстана выбрали для своих детей профессии высококвалифицированного умственного труда.

Лишь 7—12% городских респондентов отдали предпочтение рыночной модели социальной мобильности, выбрав для своих детей занятия бизнесменов, предпринимателей, коммерсантов (не оговаривая при этом необходимость для них специального образования), а также любую высокооплачиваемую работу. Наиболее низкой долей подобных ориентаций отличались якуты, как городские, так и сельские (2—4% выборов), а наиболее высокой — татары Оренбургской области.

В целом предпочтения высококвалифицированным профессиям для своих детей несколько чаще отдавали представители тех районов, в которых обеспеченность высококвалифицированными специалистами была уже и так достаточно высока. Показательно, что здесь отмечался и более заметный рост студенчества. Так, по данным статистики, численность студентов вузов увеличилась с 1985/86 учебного года по 1998/99-й в целом по России в 1,1 раза, в Татарстане и Башкортостане — в 1,2 раза, в Саха (Якутии) — в 1,6 раза, а в Оренбургской области — вдвое. В 1998 г. по сравнению с 1990-м государственными вузами было выпущено больше специалистов: в Татарстане в 1,2 раза, в Башкортостане — в 1,3 раза, в Саха (Якутии) — в 1,5 раза¹².

Изучая этнические неравенства, отметим, что русские респонденты несколько реже представителей других национальностей ориентировали своих детей на профессии высокоинтеллектуального труда. Это наблюдалось и в республиках и в Оренбургской области. Так что

¹² Российский статистический ежегодник... С. 281.

связать такую ориентацию только с меняющимися позициями русских в республиках нельзя.

Вместе с тем анализ динамики национального состава студентов показал, что за последние годы приток в вузы молодежи титульной национальности стал расти особенно быстрыми темпами. Во многих российских республиках доля юношей и девушек титульной национальности в составе студенчества за последнее десятилетие стала выше, а относительная численность русских снизилась. В одних случаях это привело к большей пропорциональности в соотношении числа студентов титульной и русской национальности, в других — к непропорциональному уменьшению доли русских, хотя, конечно, русские чаще имеют родственников за пределами республик и для них нет языкового барьера, поэтому они могут учиться в других вузовских центрах страны. И все же на таких отдаленных территориях, как, скажем, Саха (Якутия), непропорциональность этнического состава территории и представленности этнических групп в вузовской среде может служить индикатором неравенства и именно так восприниматься местным населением.

Нельзя не отметить, что массовые ориентации людей на профессии в сфере высокоинтеллектуального труда в условиях роста числа негосударственных учебных заведений, ликвидации системы государственного распределения специалистов и, соответственно, практически очень мало регулируемого процесса подготовки высококвалифицированных кадров может привести не только к еще большему их перепроизводству, но и к усилению межэтнической конкуренции в сферах труда, наиболее престижных у населения.

Профессиональные предпочтения респондентов показали, что сферы здравоохранения, просвещения, юриспруденции, управления, экономической деятельности остаются полем столкновения интересов людей разной этнической принадлежности. Можно сказать, что межэтническая конкуренция, как и раньше, концентрируется главным образом в сфере высокоинтеллектуального труда при «распределении» соответствующих должностей, и в этом титульные национальности обладают определенными преимуществами.

Не так давно бывшие весьма популярными занятия в отраслях торговли и обслуживания стали отходить на задний план. Практика доказала, что работа в них оказалась далеко не столь привлекательной и высокодоходной, как представлялось на первый взгляд. Как сказал один из респондентов: «Пусть лучше мои дети стоят у станка, чем, как я, с утра до ночи на рынке». Тем не менее события последних лет показывают, что в сфере частной торговли и сервиса существует весьма острая конкурентная борьба, в том числе и межэтническая. Однако она не захватывает более или менее широкие слои населения.

* * *

В заключение хотелось бы остановиться на некоторых общих выводах.

1. За период реформирования (1990-е гг.) социально-профессиональный состав населения изучаемых районов значительно не изменился. Интенсивность социальной мобильности оказалась сравнительно низкой, что было характерно для представителей всех этнических групп.

2. Этническое неравенство в отношении доступности престижных видов деятельности у народов сохранялось и было связано прежде всего с долей сельского населения. Сохранялась, а в ряде случаев увеличивалась дистанция в социальных позициях национальностей на уровне высших страт.

3. На общем фоне вялотекущих процессов социальной мобильности представители титульных национальностей российских республик выделяются несколько более интенсивным и масштабным пополнением, по сравнению с местными русскими, групп людей, стоящих на высших ступеньках социальной лестницы, и прежде всего работников сферы управления. Это обстоятельство нередко ведет к формированию у русского населения республик чувства психологического дискомфорта, провоцирует усиление различий в восприятии людьми разных национальностей происходящих в их жизни перемен и тем самым способствует росту их дистанцированности.

4. Значимость этнического фактора в социальных перемещениях, изменениях социальной структуры населения заметно варьирует по регионам. Среди исследуемых районов она наиболее очевидно проявлялась в Саха (Якутии).

5. В полиэтничных республиках, уже длительное время характеризующихся большим сходством социальных позиций контактирующих этносов, меньшей межэтнической трудовой конкуренцией, позитивные оценки межнациональных отношений носят более массовый характер.

6. Механизмы и способы, используемые представителями разных национальностей для социального продвижения, не имеют принципиальных различий. Наиболее распространенным каналом социального роста остается образование. В современных условиях большая ориентированность на него выявлена у якутов и башкир. У первых эта ориентация задается и активно поддерживается республиканским правительством, у вторых в значительной мере, по нашим данным, стимулируется конкурентностью взаимодействия, в том числе и с татарами. Формирующаяся рыночная модель чаще используется русскими и татарами.

7. Стратегия поведения, установки, ориентации людей разных национальностей, входящих в одну и ту же мобильную группу, нередко бывают более близкими, чем у представителей одной и той же национальности. Наибольшим сходством отличаются установки респондентов с восходящей мобильностью, связанные с восприятием ими новых

социально-экономических реалий, помогающие адаптироваться к новым условиям труда в рыночной системе.

8. В современных условиях восходящая социальная мобильность, с одной стороны, ведет к росту межэтнической интеграции. С другой стороны, оказывает влияние и на развитие противоположных процессов из-за усиления роли этнического фактора, этнической идентификации у респондентов, повысивших социальных статус и представляющих собой наиболее активную, перспективную группу людей, наиболее успешно приспособившихся к новой жизни.

Глава 4

ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ ВО ВЛАСТИ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП

Участие во власти — один из значимых индикаторов равенства-неравенства этнических групп как в реальной жизни, так и в представлениях людей. В ряде глав книги мы рассматриваем его в разных вариантах интерпретаций. В данной главе анализируется фактический материал на уровне высших эшелонов власти — правительств и представительных органов республик и Оренбургской области в некоторой исторической перспективе.

В такой полиэтнической стране, как Россия, вопрос справедливого распределения власти, представительства в ней различных этнических групп не может не быть актуальным. Участие во власти может стать одной из значимых причин, способствующих возникновению межнациональных противоречий как в субъектах Российской Федерации, так и между центром и регионами страны. Пример президентских выборов в Карачаево-Черкесии (1999) наглядно демонстрирует такой вариант развития событий. В республике, где 31,1% населения составляют карачаевцы, 9,7% — черкесы, 42,4% — русские, после выборов президента-карачаевца возникло противостояние двух национальных республикообразующих общин, чуть было не закончившееся кровопролитием.

История знает многочисленные примеры, когда в разных странах споры о доступе к власти национальных меньшинств перерастали в межэтнические конфликты.

Дональд Л. Горовиц по этому поводу пишет: «...одна группа включается в государство, берет бразды власти и получает доступ к «кормушке» власти, тогда как другая группа отстраняется от всего этого. Часто этот процесс сопровождается острыми случаями насилия, принимали форму этнических беспорядков, сопровождаемых массовыми убийствами, чудовищными пытками и увечьями, а также значительными потоками беженцев»¹.

Тимоти Д. Сиск считает, что понятие «распределение власти» (power sharing) стали активно применять вслед за Арендтом Липхартом. Оно трактуется им как множество принципов, которые, будучи операционализированы посредством соответствующих практик и институтов, обеспечивают каждой самобытной (и отождествляющей себя в таком качестве, т.е. обладающей собственной идентичностью) груп-

---

¹ Горовиц Д.Л. Урожай вражды: межнациональные конфликты и самоопределение после «холодной войны»: Доклад на международной научно-практической конференции «Национальная политика в Российской Федерации». М., 1991. 20—26 сентября.

пе в составе общества возможности для представительства и участия в принятии решений по вопросам, касающимся всех, и известную степень автономии в вопросах, важных для данной группы².

В мировой научной практике существуют различные точки зрения на проблему распределения власти в полиэтнических обществах. Одни отстаивают консоциональный подход (*consociatio* (лат.) — объединение, альянс), когда этнические группы получают представительство через этнические политические партии. Другие ратуют за интегральный (имморалистический) подход, предусматривающий в идеале создание предвыборных коалиций между этническими партиями или создание полиэтнических партий, основанных на интересах, выходящих за границы этнической принадлежности. А. Липхарт предлагает консоциональный подход к распределению власти в случаях, когда конфликт зашел далеко и предлагаемый им подход становится способом разрешения этого конфликта. А. Д. Горовиц придерживается скорее интегрального подхода.

Т. Д. Сиск, описывая подходы к распределению власти, определяет следующие их принципы. Консоциональный подход — предполагает широкие коалиции, наделение меньшинств правом вето, пропорциональность занятия постов в государственном управлении и общественных фондах, автономию групп. Интегральный подход — это рассредоточение и передача властных полномочий, предотвращающие внутриэтническое соперничество, стимулирование межэтнического сотрудничества. Институты и практики для реализации перечисленных принципов у каждого подхода различные. Консоциональный подход предполагает парламентское правление: пропорциональное резервирование мест и избирательную систему, основанную на пропорциональном представительстве. Интегральный предполагает федерализм президента, избираемого расширенным большинством³. В полиэтнических обществах оба подхода создают возможность для политического участия во власти этнических групп, но на разных основаниях. Критический анализ этих подходов применительно к российским условиям содержится в книге «Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов»⁴.

Этнический фактор при распределении власти учитывался и в Российской империи, и в Советском Союзе. К примеру, в составе I Государственной думы России, функционировавшей с апреля по июль 1906 г., были представлены 17 национальностей, причем почти 60%

---

² Сиск Т. Д. Распределение власти в полиэтнических обществах: принципиальные подходы и используемые практики: Доклад на международном семинаре «Предотвращение смертоносных конфликтов: стратегии и институты». Москва, 1996. 14—16 августа. С. 5.

³ Там же. С. 5.

⁴ Дробижева Л. М., Аклаев А. Р., Коротева В. В., Солдатов Г. У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 1996.

депутатов составляли русские⁵. Как считал депутат I Государственной думы Н. Бородин, «иностранцы, все взятые вместе, составляют всего немного более 1/5 всего числа членов Думы и, конечно, не могли и не могут оказать решающего влияния на мнения и суждения остальных 4/5 думского состава»⁶. Великороссы, малороссы и белорусы составляли 3/4 общего состава депутатов, т.е. подавляющее большинство. Во II Государственной думе, работавшей с 20 февраля по 2 июня 1907 г., русские составляли 87,6%⁷. Представительство национальностей ограничивалось законом. По сравнению с русскими другие народы страны могли избирать значительно меньше депутатов. Так, от 537 тыс. иностранцев Туркестана в думу прошли 6 депутатов, а от 322 тыс. русского и так называемого пришлого населения края — 7 депутатов⁸.

Проблема доступа к власти различных этнических групп остро стояла и в советское время в союзных республиках, хотя официальная пропаганда стремилась ее замолчать. Вместе с тем это являлось одной из причин неравноправия в обществе и возникновения межнациональных противоречий, которые выражались в недовольстве части интеллигенции некоторых национальностей. (Это касалось в первую очередь представителей депортированных народов: немцев, крымских татар, турок-месхетинцев и др.)

Так в Узбекистане в первые десятилетия советской власти упор делался на политику «коренизации». В 1928 г. ЦИК и СНК Узбекской ССР приняли постановление «О узбекизации государственного аппарата».

Эта линия отразилась и в решениях съездов партии. Абсолютизация сформулированной на XXV съезде КПСС установки на выдвижение к руководству, как правило, местных работников привела к искажению кадровой политики на местах. Последствия прослеживаются на примере Ташкентской городской партийной организации, где сложился дисбаланс между национальным составом руководителей, с одной стороны, и трудящихся — с другой. Среди руководящих работников торговли, бытового обслуживания, планово-финансовых органов узбеки в начале 1985 г. составляли 60%, в учреждениях здравоохранения, науки, народного образования — 83%, тогда как среди трудящихся этих отраслей их было не более половины от общего числа

---

⁵ Зорин В.Ю., Аманжолова Д.А., Кулешов С.В. Национальный вопрос в Государственных думах России. М., 1999. С. 73.

⁶ Хмара Н. Национальный состав высших законодательных, представительных органов власти Российской империи и Советского Союза // Обозреватель. 1998. № 10. С. 75.

⁷ Государственная дума: Указатель к стенографическим отчетам. Второй созыв. СПб., 1907. С. 3—26.

⁸ Зорин В.Ю., Аманжолова Д.А., Кулешов С.В. Национальный вопрос в Государственных думах России. С. 101.

работающих. Удельный вес узбеков в общем числе номенклатурных работников горкома партии в 1984 г. составил 55%, хотя среди населения их было чуть более 40%. Недостаточно были представлены в номенклатуре русские, казахи, татары, корейцы. Отступления от принципов кадровой политики — выдвижения работников по деловым качествам, недооценка национального фактора в этой работе — привели в итоге к обострению межнациональных отношений. Об этом, в частности, говорится в записке ЦК Компартии Узбекистана «О трагических событиях в Ферганской области», обсужденной бюро ЦК: «... в области допускались просчеты при выдвижении кадров на руководящие должности, формировании депутатского корпуса. В последнее время уменьшилось число руководящих партийных, советских, хозяйственных работников из числа турок, корейцев, крымских татар, армян и других национальностей. Если же мы обратимся к цифрам сегодня, то увидим, что в номенклатуре Ферганского обкома партии число представителей коренной национальности уменьшилось с 83% до 82%, повысился процент представителей некоренной национальности»⁹.

В то же время партийные органы власти строго следили за тем, чтобы основные национальные группы были представлены в составах Советов трудящихся, а позже — Советов народных депутатов. В составе исполнительных комитетов местных Советов Оренбургской области, избранных в 1987 г. (кроме областного), были представлены более 30 национальностей, проживающих в регионе¹⁰. Несколько меньше представителей национальностей (всего 10) были избраны в состав областного Совета народных депутатов (выборы 1987 г.)¹¹.

Национальный состав Оренбургской областной партийной организации за несколько лет до роспуска наглядно подтверждает следование той же политике. При общей численности коммунистов 154 031 человек, русские составляли 72,9%, украинцы — 7,9, белорусы — 0,6, казахи — 3,4, башкиры — 1,8, евреи — 0,6, мордва — 3,1, немцы — 1,4, татары — 6,6, чуваша — 1, прочие — 0,7%. В составе членов КПСС было представлено 64 нации и народности, т.е. структура областной партийной организации в основном соответствовала национальному составу населения¹².

⁹ Амелин В.В. Учет национального фактора в работе в кадрами // Партийная жизнь (ЦК КП Узбекистана). 1990. № 7. С. 70—71.

¹⁰ Статистический отчет Оренбургского областного Совета народных депутатов о составе депутатов исполнительных комитетов и постоянных комиссий местных Советов народных депутатов, избранных в 1987 году. Форма 1. Архив областного Законодательного собрания. 1987.

¹¹ Там же.

¹² Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДНИОО). Фонд. 6002. Оп. 2. Д. 596. Л. 129. Национальный состав областной партийной организации на 1.01.1988.

Среди хозяйственных руководителей представительство национальностей также регулировалось. К примеру, национальный состав председателей колхозов в 1988 г. был следующим: русские — 63,7%, украинцы — 7,4, белорусы — 0,3, казахи — 1,6, чуваша — 1,9, татары — 11,8, мордва — 8, евреи — 0,3, немцы — 4,4¹³.

На руководящую советскую работу, правда и незначительно, выдвигались казахи, чуваша, татары, чеченцы, украинцы, мордва¹⁴. В партийных органах секретарями обкомов, горкомов, райкомов преимущественно избирались русские и украинцы, хотя по одному человеку были и представители от немцев, мордвы и татар. Руководителями отделов и инструкторами райкомов, горкомов партии работали представители десяти ведущих по численности национальностей. В основном они выдвигались на должности в местах их компактного проживания, и всё же в единичных случаях.

Распад СССР, затем суверенизация республик с начала 90-х гг. коренным образом изменили в них этносоциальный состав руководства. Заботясь о сохранении этнонации, родного языка, о поддержке и развитии национальной культуры, быта, традиций, этническая элита фактически узурпировала там власть. Так, с созданием суверенной Республики Адыгеи адыги стали занимать все больше и больше руководящих постов. В результате положение о паритете, введенное в Конституцию республики и применяемое только к формированию законодательного органа власти, трансформировалось в узурпацию власти одним этносом: из 52 высших должностей республики — от президента и министров до председателей комитетов, управлений (в том числе федеральных структур) и высших судебных инстанций — русские занимают только 18. Среди 7 руководителей высшим образованием и наукой вообще нет ни одного представителя славянских народов, а из 65 деканов и заведующих кафедрами Адыгейского государственного университета лишь 17 — русские¹⁵. Это при том, что адыгейцы составляют 22,1% населения республики.

Аналогичные процессы имеют место и в других республиках. Так, З. Анайбан считает, что этническое представительство в Туве в последние годы претерпело существенные изменения, доля депутатов-не-тувинцев в Верховном Хурале (парламенте) Республики Тувы в 1996 г. составляла лишь 12%, тогда как в Верховном Совете республики последнего созыва в 1993 г. их было 40%. В том же году доля русскоязычных среди сотрудников госаппарата управления оценивается примерно в 15—18% при общей численности русских в Туве — 32%¹⁶.

¹³ ЦДНДОО. Ф. 371. Оп. 97. Д. 350. Статистический отчет о составе и сменяемости кадров Оренбургской областной партийной организации. 1988.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Шаров В. Адыгейский паритет // НГ-Регионы. 2000. 11 января.

¹⁶ Анайбан З. Республика Тыва. Модель этнологического мониторинга. М., 1996. С. 32.

Доминирование калмыцкого компонента в административном аппарате Республики Калмыкия, фиксирует Эльза-Баир Гучинова¹⁷.

В Республике Саха (Якутии) якуты, составляющие 37% населения, имеют 69% должностей в правительственных структурах¹⁸.

В Государственном совете Республики Татарстан во второй половине 90-х гг. из 123 депутатов русские составляли 22%. Между тем в республике их проживает 43% от общего числа населения. Из 52 глав администраций только 9 русские, а 43 человека — татары, в том числе из 10 глав администраций городов республиканского подчинения только один русский.

Национальный состав населения Республики Башкортостан также неадекватно представлен в структурах органов власти¹⁹. При том, что в республике проживают 22% башкир, 29% — татар, 39% — русских и др., титульная национальность превалирует на руководящих должностях в различных отраслях экономики, сельского хозяйства, а также в структурах исполнительной и законодательной властей. К примеру, в Палате представителей Госсовета башкиры составляют 41,1% депутатов, а в Законодательной палате — 55,2%. В то же время русские, доля которых около 40% населения республики, имеют в парламенте чуть более 20% депутатов. В Кабинете министров 67,5% составляют также башкиры, а среди глав администраций городов и районов республики — 58,5%. Русские же составляют 19 и 15% соответственно²⁰.

Президент Республики М.Г. Рахимов так объяснил проблемы учета этнического фактора в кадровой политике: «...кадры оцениваем только по деловым качествам. Глав администраций я назначаю указом... Конечно, приходится учитывать и национальность. Скажем, если в районе большинство населения — русские, значит, желательно видеть там главой администрации русского. Но не всегда так получается. Вот, например, в одном районе я назначил русского главой администрации, а он не справился, оказался пьяницей. Пришлось поставить на этот пост татарина, но, учитывая, что жена у него русская, я думаю, у них там — интернационал. Так что подход дифференцированный, хотя на селе в основном ставим местные кадры, А там живут, главным образом, татары, башкиры, удмурты, марийцы, чувашаи...»²¹.

Национальные организации — Татарский общественный центр, «Идель-Урал» и «Русь» — выступают против «коренизации» власт-

---

¹⁷ Гучинова Э.Б. Республика Калмыкия. Модель этнологического мониторинга. М., 1997. С. 28.

¹⁸ Винокурова У.А. Сказ о народе Саха. Якутск, 1994. С. 129.

¹⁹ Часть текста данной главы, посвященная ситуации в Башкортостане, подготовлена при участии И.М. Габдрафикова.

²⁰ Габдрафиков И.М. Республика Башкортостан. Модель этнологического мониторинга. М., 1998. С. 35—36.

²¹ Труд. 1996. 6 февраля.

ных структур и особенно исполнительной власти — президентской администрации в столице и на местах. «Действия Президента, по их мнению, направлены на создание и укрепление моноэтнической государственности...»²². Пока будет сохраняться такое соотношение национальностей в составе руководящих кадров в Башкортостане, всегда будут предпосылки к возникновению межэтнических противоречий.

Претензии предъявляются не только русскими и татарскими организациями, что вполне прогнозируемо, учитывая заметную диспропорцию в этническом представительстве в органах власти, но также и представителями башкирского этнополитического движения. Как в публикациях, отражающих чье либо личное мнение, так и в различного рода официальных документах (заявлениях, обращениях, постановлениях, резолюциях и т.д.) лидеры башкирских активистских групп особенно часто жалуются на то, что специалисты из башкир не могут пробиться в руководящие органы, что среди руководителей крупных промышленных объектов, акционерных обществ, банков, по существу, нет башкир и что все ключевые позиции в экономической сфере занимают татары и русские²³. Противоположная точка зрения содержится в публикациях, тиражируемых от имени татарских и русских активистских групп.

Этнический фактор оказывает заметное влияние на электоральное поведение граждан. Например, в 1998 г. национально ориентированные общественные организации башкир, русских и татар выдвинули своих кандидатов. Этнические предпочтения избирателей также довольно четко прослеживались и во время выборов в Государственное собрание РБ, состоявшихся в марте 1999 г. Наиболее очевидно это было в столице республики — Уфе. В семи из восьми округов победу одержали кандидаты с русскими фамилиями.

Проблема участия во власти актуализируется в связи с использованием властного ресурса для получения собственности, проведения выгодных решений, а также для усиления чувства равенства, достоинства группы.

Что касается представительства национальных меньшинств в органах власти федерального уровня постсоветского периода, то оно тоже значительно отличается от ситуации, характерной для советского периода. К примеру, в составе Государственной думы предыдущего созыва были представлены 30 национальностей (табл. 1).

²² Габдрафиков И.М. Республика Башкортостан... С. 37.

²³ Отчётный доклад председателя БНЦ «Урал» М. Кульшарипова и председателя Народной партии Башкортостана Р. Нигматуллина // Замандаш. 1995. № 4; Файзуллин Ф. Мы капитализируемся? // Известия Башкортостана. 1996. 26 февр.; Ирназаров Р.И. Равенство этносов в Республике Башкортостан. Уфа, 1997. С. 148.

Таблица 1

Национальный состав Государственной думы 1993—1999 гг.

Национальности	Количество	Доля от общей численности, %
Русские	355	80,7
Украинцы	27	6,1
Татары	8	1,8
Белорусы	7	1,6
Башкиры	4	0,9
Евреи	4	0,9
Осетины	4	0,9
Армяне	3	0,7
Буряты	2	0,5
Ингуши	2	0,5
Кабардинцы	2	0,5
Корейцы	2	0,5
Лакцы	2	0,5
Мордва	2	0,5
Адыгейцы	1	0,2
Балкарцы	1	0,2
Казахи	1	0,2
Калмыки	1	0,2
Коми-пермяки	1	0,2
Коряки	1	0,2
Кумыки	1	0,2
Лезгины	1	0,2
Марийцы	1	0,2
Немцы	1	0,2
Тувинцы	1	0,2
Хакасы	1	0,2
Чеченцы	1	0,2
Чуваши	1	0,2
Эвенки	1	0,2
Якуты	1	0,2

Источник: Текущий архив Комитета Государственной думы по делам национальностей РФ. 1999.

Пропорционального представительства национальностей в Государственной думе нет и вряд ли может быть при мажоритарном принципе выборов. Конфликтной воспринимается этнически активными группами ситуация, при которой интересы тех или других народов не могут быть учтены в силу их меньшинства.

Проблема участия во власти этнических групп время от времени возникает и в областях. Показательным в этом отношении представляется пример Оренбуржья.

Оренбургская область — крупнейшая в России. Ее территория 124 тыс. кв. км. На этой территории свободно разместились бы Бельгия, Швейцария, Дания, Люксембург, вместе взятые. Западные и восточные границы разделяют 750 км. Область граничит на протяжении 1876 км с Республикой Казахстан, а внутри РФ с двумя республиками — Башкортостаном и Татарстаном. Оренбуржье лежит на перекрестке важнейших путей, соединяющих европейские районы страны со странами Центральной Азии.

В регионе проживает 2,2 млн. человек, представителей более 80 национальностей. Это русские — 72,3%, татары — 7,3, казахи — 5,1, украинцы 4,7, мордва — 3,2, башкиры — 2,4, немцы — 0,2, чуваша — 1, белорусы — 0,5, евреи — 0,2% и др. (армяне, азербайджанцы, чеченцы, ингуши, поляки, корейцы, представители народов Дагестана).

Оренбуржье сегодня — это относительно благополучный регион, который не затронули массовые открытые межнациональные конфликты и противостояния. Между тем мониторинговый характер проведенных в регионе с 1992-го по 1999 г. социологических опросов, и в частности опрос в рамках проекта «СН» в 1999 г, позволяют дать оценку состояния межнациональных отношений. Вот как оценивали в 1999 г. межнациональные отношения в области две самые крупные этнические группы (табл. 2).

Таблица 2

Оценка межнациональных отношений горожанами Оренбургской области
(% от опрошенных)

Варианты оценки межнациональных отношений в области	Русские	Татары
Спокойные	65,8	80,8
Внешне спокойные, но внутренне напряженные	24,9	14,0
Напряженные	1,1	0,9
На грани открытых столкновений	0,6	0,5

Наиболее благополучными выглядят межнациональные отношения в глазах татар (80,8%). Русские в большей степени, чем татары, воспринимают межнациональные отношения как напряженные. Сравнивая полученные данные с результатами предыдущих исследований (1997) можно прийти к заключению, что межнациональная напряженность не снижается, а в некоторых группах даже растет.

Вместе с тем социологические опросы в рамках проекта «СН» подтверждают отсутствие каких-либо признаков межэтнического антагонизма в трудовых коллективах Оренбуржья. На вопрос «Приходилось ли Вам в жизни испытывать несправедливое отношение к себе на

работе, связанное с национальностью?» лишь 3,5% опрошенных татар заявили, что это с ними случалось часто, 12,5 — ответили, что очень редко, 82,1% — не приходилось. У русских эти цифры составляют соответственно 1,2; 2 и 91%.

Сложный полиэтнический состав населения обязывает органы государственной власти строить политику с учетом особенностей и специфики этнических групп, стремиться обеспечить правовые гарантии равенства людей различных национальностей и не допускать дискриминации на этнической основе, в том числе и в такой сфере, как доступ к власти национальных меньшинств.

Изучение проблемы доступа к власти этнических групп в рамках осуществленного в 1999 г. проекта подтвердил, что эта проблема является важнейшим фактором оценки той или иной этнической группой своего положения в обществе. В Оренбуржье, по данным 1999 г., среди татар 67% считают, что очень важно или важно иметь представительство людей своей национальности в органах власти, не очень важным это признают 22,7% опрошенных. У русских Оренбуржья эти показатели соответственно — 63 и 25,0%.

Обратим внимание на оценки татар и русских в Татарстане. Важным и очень важным представительство во власти своей национальности считают 63% русских и 63,4% татар.

На вопрос «Как бы Вы отнеслись к тому, чтобы Вашим непосредственным начальником был бы человек иной национальности, чем Ваша?» 52,4% русских оренбуржцев ответили, что им безразлично; 24,1 — предпочли бы человека своей национальности, но, если бы назначили человека другой национальности, возражать бы не стали и лишь 15,4% предпочли бы человека только своей национальности. У татар Оренбуржья ответы распределились соответственно — 69,4; 20,4; 6,5%.

Оценки по этому вопросу у тех же этнических групп, проживающих в Татарстане, были более осторожны: около половины русских (47,5%) ответили, что им это безразлично; лишь 5% предпочитают человека своей национальности, но если бы назначили человека другой национальности, возражать не стали, 45,2% предпочли бы человека своей национальности. У татар Татарстана оценки соответственно — 40,7%; 9,7%; 44,5%.

Таким образом, в Оренбургской области, в отличие от Татарстана, татары нейтральнее относятся к тому, кто будет по национальности их руководитель. Тем не менее в областной прессе время от времени появляются статьи, обсуждающие проблему национального представительства в региональных органах власти. Например, татарские активисты на страницах областной газеты «Южный Урал» спрашивают: «... есть ли татары в руководстве администрации области или хотя бы один руководитель администрации района? Их нет...». Далее они заявляют: «... негры в Африке давно уже имеют возможности для раз-

вития языка и культуры. Чем татары (оренбургские — *Прим. авт.*) хуже негров...»²⁴.

Оренбургский областной Татарский общественный центр ранее ставил вопрос о включении в Устав области пунктов: 1) о выделении квот при выборах в областное Законодательное собрание для депутатов, представляющих все национальности Оренбуржья, с правом выдвижения кандидатов от национально-культурных центров и выборами по отдельному списку; 2) о создании двухпалатного Собрания или действующей Ассамблеи народов Оренбуржья²⁵. Это объяснялось отсутствием представителей из числа татар в высшем областном представительном органе.

К сожалению, некоторые исследователи, глубоко не вникая в суть проблем и процессов, которые происходят в постсоветском обществе, делают совершенно необоснованные, поверхностные выводы по ряду аспектов жизнедеятельности этнических меньшинств, в частности в Оренбуржье. Как пишет Г.Г. Косач, «...годы, прошедшие с момента крушения Советского Союза, продемонстрировали, что активисты тюрко-мусульманских национальных обществ Оренбургской области не только не смогли стать элементом «правлящего класса», но и попали в положение маргиналов. Власть не допускает их к принятию решений, не дает им возможности оказывать реальное влияние на региональную общественно-политическую жизнь...»²⁶. Мы полагаем, что этот вывод применительно к указанному региону несостоятелен. Попробуем это обосновать.

Анализ состава руководящих кадров области свидетельствует о том, что основные национальные группы (русские, татары, казахи, украинцы, мордва, башкиры, чуваша, белорусы, немцы, евреи и др.) пропорционально представлены на всех уровнях. К примеру, вторая по численности национальная группа — татары (7,2%) — среди глав администраций сельских, поселковых советов составляют 10,3%, среди заведующих районных и городских отделов образования — 6,3, среди депутатов областного Законодательного собрания — 6,3, среди директоров школ — 8,3, работают директорами акционерных обществ — 9,7%. Среди студентов татар 7,7%, а среди профессорско-преподавательского состава — 4,8%.

Казахи представлены в качестве глав администраций поселковых, сельских Советов — 4,5%. Среди начальников районных, городских отделов внутренних дел их 4,4%, среди директоров школ — 9,3%.

Среди депутатов Законодательного собрания 8,5% украинцев (в составе населения Оренбуржья украинцы составляют 4,7%), среди студентов вузов их — 6,6, среди начальников районных, городских отделов и управлений внутренних дел — 15,5%. Мордва представлена

²⁴ Южный Урал. 1994. 16 июня.

²⁵ Амелин В.В., Торукало В.П. Оренбуржье в этнополитическом измерении. М., 1996. Т. 1. С. 94.

²⁶ Косач Г.Г. Российский регион в постсоветское время: тюрко-мусульманское меньшинство Оренбургской области // Вестник Евразии. 1999. №1—2 (6—7). С. 189.

прокурорами городов и районов — 8,2%, главами администраций поселковых, сельских советов — 6,8, начальниками районных и городских отделов внутренних дел — 6,6%²⁷.

Можно выделить следующие механизмы вовлечения национальностей в местные органы государственной власти Оренбуржья: в первую очередь это создание консультативных, совещательных, рекомендательных Советов из числа этнических меньшинств. В Оренбургской области созданы областной Межнациональный координационный совет, Совет по делам национальностей при главе администрации области. В его составе руководители 15 областных национальных общественных организаций, а также представители структур органов власти, связанных со сферой межнациональных отношений. С помощью этих общественных структур регулярно осуществляется диалог официальных представителей местных властей с представителями национальностей. Правовая база, появившаяся в последние десятилетия в России на федеральном и региональном уровне, позволяет эффективно привлекать актив национально-культурных общественных организаций — культурных центров, просветительных обществ, национально-культурных автономий — к решению проблем по развитию национальных культур, родных языков. К примеру, на заседании Совета по делам национальностей²⁸ рассматриваются вопросы состояния и развития национальной системы образования, состояния и развития национальных культур народов, развития гуманитарных связей этнических групп с титульными республиками и т.п. Совместно со структурами органов исполнительной власти принимаются рекомендации по выполнению решений Совета.

Другой механизм привлечения этнических меньшинств в органы власти предусматривает поддержку проектов их культурных центров и вовлечение активистов этих центров в разработку программ культурного развития и изучения родных языков, создания механизмов финансирования подобных проектов. С 1993 г. в Оренбуржье действовали три целевые комплексные программы поддержки развития национальных культур народов Оренбуржья, а также программа по реализации модели региональной национальной политики в области. Эти документы разработаны при непосредственном участии представителей национальностей. В областном бюджете в разделе «Культура» появилась строка «Мероприятия по национальной политике» с финансированием в объеме 1 млн руб.

Третьим механизмом вовлечения этнических меньшинств в управление является приглашение их представителей на работу в структу-

---

²⁷ Текущий архив Оренбургской области. Комитет по межнациональным отношениям. Национальный состав руководящих кадров, студентов и профессорско-преподавательского состава вузов Оренбургской области на 04.11.1998 г.

²⁸ Совет по делам национальностей — совещательный, консультативный, рекомендательный орган, созданный распоряжением Главы Администрации области в 1995 г.

ры государственной службы. Принцип равных возможностей в Оренбуржье несомненно реализуется, об этом свидетельствует хотя бы вышеприведенный анализ национального состава руководящих кадров в районах и городах области. Действует этот механизм и на уровне администрации области. Заместителем председателя комитета по межнациональным отношениям администрации области работает татарка, консультантом аналогичного комитета по связям с религиозными организациями — казашка, начальник Центра по связям с общественностью администрации области — татарин, заместитель главы администрации области — украинец, на различных уровнях аппарата администрации области работают немцы, евреи, белорусы и др.

Одним из решений проблемы участия в управлении для ряда этнических меньшинств, как представляется, было бы создание в области национально-территориальных образований. В первое десятилетие Советской власти в СССР было создано 250 национальных районов, 5 300 — национальных сельсоветов²⁹. Один из таких районов появился и в Оренбуржье. В 1930 г. в Покровском районе проживало свыше 14 тыс. немцев. Сначала был организован Кичкасский немецкий подрайон, а в декабре 1934 г. в связи с административно-территориальным делением Кичкасский немецкий подрайон стал самостоятельной единицей — Кичкасским районом³⁰. Штат подрайона состоял из 5 человек (председатель, секретарь, инструктор, счетовод и производитель). Помимо этих должностей, в штат Покровского райисполкома была введена должность инструктора-немца по оргмассовой работе, а аппарат РИК(а) был укомплектован работниками-немцами (нарсудья, зав. общим отделом и т.д.)³¹. В районе издавалась своя собственная газета «*Stalins Weg*». Район просуществовал до 1938 г. В начале 90-х гг., когда в России проходили перестроечные процессы, а эмиграция российских немцев в Германию только начинала набирать масштабы, в Оренбуржье высказывалось мнение о воссоздании немецкого района.

Первая попытка была предпринята в 1993 г., когда областное немецкое общество «Возрождение» подготовило проект его создания на базе трех районов — Акбулакского, Соль-Илецкого, Беляевского. Именно в этих трех районах немецкое население проживало еще компактно в отличие от западных районов области, откуда немцы начали активно переселяться в Германию³². Идея создания района как дела уже решенного была озвучена с трибуны съезда Всероссийского об-

²⁹ Калинин М.И. Вопросы советского строительства: Статьи, речи (1919—1946). М., 1958. С. 509.

³⁰ Путеводитель по Государственному архиву Оренбургской области. М., 1986. С. 348.

³¹ *Orenburger Allgemeine*. 1993. № 3—4. С. 7.

³² Райзих Л.Л. К проблеме организации немецкого национально-территориального образования в Оренбургской области // Оренбургские немцы: этническая история и духовные культуры. Оренбург, 1998. С. 48—54.

щества «Возрождение» вице-премьером С.М. Шахраем, а также г-ном Х. Ваффеншмидтом, уполномоченным по делам переселенцев Министерства внутренних дел ФРГ.

Однако руководство Оренбургской области не пошло на такой шаг, опасаясь того, что если немцы создадут свое национально-территориальное образование, то за ними последуют казахи, татары, башкиры. А потом они могут выдвинуть требование об отделении этих территорий от Оренбуржья и вхождении их в соседние республики. (Справедливости ради следует отметить, что прецеденты такого рода уже были.) Ведь в ряде районов области, граничащих с Республикой Казахстан, а также республиками РФ Татарстаном, Башкортостаном, казахское, татарское, башкирское население проживает очень компактно и составляет соответственно 52, 45 и 25%. В итоге время было упущено, процессы эмиграции набрали силу, и в настоящее время из проживавших ранее в области 47,6 тыс. немцев осталось не более 7 тыс.

И все же желание иметь национально-территориальную единицу у оренбургских немцев не ослабевает. По инициативе немецкой общины предполагается внесение изменения в Устав области. В проекте Устава (Основного Закона) Оренбургской области записано: «В местах компактного проживания народов, не имеющих национально-государственных образований в республиках СНГ и титульных республик в России, могут создаваться национально-территориальные образования в соответствии с законом Оренбургской области». Проект Устава уже принят в первом чтении на заседании Законодательного собрания. Немцы надеются на местную власть.

Кстати, отношение к власти различного уровня у оренбуржцев разное. При ответах на вопрос «Какой власти больше доверяют оренбуржцы?» выяснилось, что областной власти оказали доверие 9,9% русских, 23,6% — татар, а общероссийской власти — 1,4% русских и 1,5% татар; той и другой одинаково — 10,8% русских и 8% татар; ни той, ни другой — соответственно 71,8 и 57,5%.

На вопрос «На кого надеются в защите своих интересов жители региона?» 23,9% русских и 31,1% татар ответили, что надеются на местные власти, на областные — соответственно 11,0 и 15%. А вот на российское правительство надеялись в 1999 г. лишь 4,6% русских и 6,7% татар.

На основе вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

- этнический фактор все больше влияет на современное общество. Участие в управлении, доступ к власти этнических групп — один из важнейших факторов равенства национальностей и стабильности в стране, гарантия межнационального согласия в полиэтническом регионе;
- отстранение от участия во власти на региональном и местном уровне, так же как и на общегосударственном, провоцирует противоречия и напряженность.

Раздел II

Интерпретации неравенства

Глава 1

СТАТУС ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ И ИНДИВИДУАЛЬНОМ ОПЫТЕ

ЭТНИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ И ЭТНИЧЕСКИЕ СЕТИ

В последние десятилетия в социальных науках утвердилось представление об этничности как о многоуровневом, гибком, зависимом от социального контекста явлении. Очевидно, что и понятие «этническая группа» также используется с определенными оговорками. Этничность не обязательно подразумевает существование четко отграниченных групп, члены которых находятся в постоянных и многообразных контактах между собой, а может иметь и иные способы выражения.

Эту идею хорошо выразил в своей статье, опубликованной в 1977 г., Дон Хандельман¹. Он предложил типологию этнических связей в зависимости от того, насколько тесно они объединяют людей, и выделил формы такого объединения — этническую категорию, этническую сеть, этническую ассоциацию и этническую общину. *Этнические категории* — одна из форм социальной классификации. Они всегда контрастны и позволяют идентифицировать членов группы и аутсайдеров. При этом реальные межличностные взаимоотношения между людьми, отнесенными к одной категории, могут и отсутствовать. *Этническая сеть* включает в себя множество децентрализованных контактов между людьми, объединенными общей этнической категорией. В таком случае этничность становится каналом, через который идет информация, происходит обмен услугами и осуществляется взаимопомощь. *Этнические ассоциации* возникают для коллективной защиты того, что можно назвать «общим интересом» всех членов данной категории. Наконец, *этническая община* является устойчивой группой, сосредоточенной на определенной территории и благодаря этому поддерживающей наибольшую густоту и разнообразие связей. Таким образом, вместо единого понятия «этническая группа» мы получаем целую шкалу, где переменной является само свойство «быть группой».

Для наших целей особое значение имеют понятия «этническая категория» и «этническая сеть». Противопоставление этих двух понятий лежит в основе ряда теоретических подходов к этничности. Так, американский социолог и антрополог Крэг Калхун предложил разделять две формы идентичности. Одна базируется на сети социальных отно-

---

¹ *Handelman D. The Organization of Ethnicity // Ethnic Groups. 1977. Vol. 1.*

шений, другая формируется путем соотнесения с категорией, выделенной по какому-то признаку (категориальная идентичность). Если родство или первичная община являются примером первой, то нация как абстрактное сообщество — примером второй. Формы существования этничности в современном мире допускают как живое, так и опосредованное взаимодействие (путем приписываемых категорий)².

Наконец, полезно различие между «номинальной» и «действительной» идентичностью, разрабатываемое британским антропологом Ричардом Дженкинсом³. Первая является результатом процесса социальной категоризации — приписывания извне и идентификации изнутри — и выражается прежде всего в ассоциации с коллективным именем. Реальная идентичность имеет практические последствия для ее носителей. При одной и той же номинальной идентичности степень влияния ее на жизненный опыт индивидов может сильно отличаться.

В данной главе мы проанализируем, в какой степени этнические категории распространены в сознании жителей многонациональных регионов России. Проблема не сводится к тому, каким образом люди относят себя или других к какой-то этнической категории, т.е. определяют номинальную идентичность. Благодаря советской и постсоветской практике фиксации национальности в официальных документах внимание к этой категории в повседневной жизни возникает вполне естественно. Можно предположить, что в таких республиках, как Татарстан, Башкортостан и Саха (Якутия), где этническая мобилизация акцентировала деление населения на титульное и нетитульное, национальность, естественно, становилась категорией. Это относится и к Оренбургской области, где этническое разнообразие увеличивается благодаря миграциям из новых независимых государств.

Вопрос состоит в том, насколько национальность ассоциируется с другими социальными делениями. Прежде всего нас интересует, как часто и по каким поводам люди используют категорию национальности для описания экономической жизни. Надо проверить, какое место этническая принадлежность человека занимает среди объяснительных схем социального успеха. Вполне вероятно, что возможности социального продвижения связываются скорее с индивидуальными усилиями, способностями и обстоятельствами, чем с членством в группе. Мы сопоставим общие суждения наших респондентов о значении национальности в обществе с их индивидуальным опытом.

Сама методология социального исследования с помощью опроса таит в себе опасность принять статистические категории за реальные группы, существующие в действительности. Ведь фиксация национальности наших респондентов и затем группировка данных по национально-

² Calhoun C. Nationalism. Minneapolis, 1997. P. 42—48.

³ Jenkins R. Rethinking Ethnicity. Arguments and Explorations. L., 1997.

стям как бы создает группы из людей, связанных между собой только номинальной идентичностью. Это делает этнические деления значимыми для самого исследователя, даже если они не столь существенны для респондентов. Избежать такой опасности можно, если поместить этнические признаки наряду с другими, совершенно с ними не связанными. Такой прием был применен при разработке вопросника исследования по проекту «СН», поэтому мы можем сравнить относительную важность этнических и внеэтнических категорий. В данной главе мы будем использовать материал только по городскому населению, ибо именно здесь смешение национальностей наиболее велико и межэтнические сопоставления присутствуют более часто, чем на селе.

НАЦИОНАЛЬНОСТЬ КАК УСЛОВИЕ ЖИЗНЕННОГО УСПЕХА

Чтобы оценить, как часто люди используют категорию национальности в своих объяснениях социальной жизни, нашим респондентам было предложено определить для себя важность отдельных условий для достижения индивидуального успеха. Варианты ответа были следующие: «очень важно», «скорее важно», «совсем не важно». Первые два варианта находятся как бы на положительной стороне шкалы «важно—не важно», третий — на отрицательной. Отсутствие мнения по данному вопросу можно признать нулевой оценкой. Так как шкала не сбалансирована, то мы условно приписали ответу «скорее важно» — (1), «очень важно» — (2), а «совсем не важно» — среднее значение между ними, но только с отрицательным знаком — (-1,5). Затем был рассчитан средний балл для каждой из этнических групп. Результаты приведены в табл. 1.

Приведенные условия можно подразделить на три группы. Первая основана на разных формах категориальной идентичности, т.е. вхождении в абстрактное сообщество на основе какого-то общего признака — в данном случае национальности и пола (условия 5 и 8). Вторая группа отражает реальные связи с конкретными людьми: родителями, родственниками, «полезными знакомыми», земляками (условия 1—4). Наконец, третья учитывает жизненные обстоятельства — проживание в крупном городе или возрастную стадию (условия 6 и 7). Общее между этими тремя группами условий состоит в том, что они не учитывают индивидуальные способности или усилия человека, так что в некотором смысле являются внешними условиями для карьеры (хотя можно допустить, что проживание в крупном городе или установление нужных связей для некоторых людей явилось результатом их собственной активности).

У всех этнических групп, кроме русских Татарстана, национальность стоит на последнем или предпоследнем месте по важности. За исключе-

Таблица 1

**Оценка городским населением Татарстана, Башкортостана, Саха (Якутии)
и Оренбургской области важности отдельных условий
для индивидуального успеха (баллы)**

Условия успеха	Татарстан		Башкортостан			Саха (Якутия)		Оренбургская обл.	
	Татары	Русские	Башкиры	Русские	Татары	Якуты	Русские	Русские	Татары
1. Богатые родители	1,05	1,01	1,28	1,09	1,20	1,09	0,82	1,23	1,20
2. Родственники на руководящих постах	1,21	1,09	1,28	1,02	1,17	1,04	0,84	1,16	1,13
3. Полезные связи с нужными людьми	1,50	1,29	1,29	1,31	1,35	1,37	1,29	1,43	1,45
4. Поддержка земляков	0,42	0,33	0,31	0,09	0,18	0,78	0,32	-0,09	0,34
5. Подходящая национальность	-0,39	-0,13	-0,06	-0,17	0,05	-0,33	-0,63	-0,46	-0,31
6. Проживание в столице, в большом городе	-0,11	-0,26	0,24	0,08	0,30	0,66	-0,21	-0,01	-0,16
7. Подходящий возраст	0,58	0,55	0,70	0,67	0,74	0,84	0,45	0,66	0,51
8. Соответствующий пол	-0,37	-0,39	0,11	-0,34	0,05	-0,21	-0,49	-0,28	-0,08

нием татар Башкортостана, все остальные группы дали ее значению отрицательную оценку. Такое же малое значение, по мнению опрошенных, имеет только пол. Лидируют же по важности «полезные связи с нужными людьми» наряду с «богатыми родителями» и «родственниками на руководящих постах» (первые три ранга у всех групп). Эти результаты говорят о том, что в конечном счете межличностные связи, а не принадлежность к определенной категории, оказываются для людей основной поддержкой при социальном продвижении.

Между тем на основе данных таблицы еще нельзя заключить, что наши респонденты практически исключают национальность из условий успеха. При разном доступе к власти отдельных национальностей, о чем речь пойдет дальше, вероятность иметь родственников на руководящих постах у представителей этих национальностей неодинаковая. Так же обстоит дело и с полезными связями. Например, якуты в большей степени, чем другие национальности, ценят поддержку земляков (это отражено и в табл. 1). Известно, что среди якутов отчетливо выделяются западная (вилюйская), центральная и северная группы. Выходцы из одних мест предпочитают иметь деловые связи внутри своего круга, что сказывается на подборе персонала. Русские, которые выросли и прошли через комсомольскую и партийную карьеру в якутских районах, следуют в своей профессиональной мобильности за земляками-якутами, т.е. земляческие связи оказываются более важными, чем этнические. Но в силу того, что реально этнические группы в Саха (Якутии) изолированы друг от друга (кроме самого Якутска), под-

держка земляков для якутов косвенно означает поддержку людей своей национальности. Все это свидетельствует о том, что национальность как категориальная идентичность может порождать сети взаимосвязей, а уже те в свою очередь влияют на жизненные шансы людей.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ЭТНИЧЕСКОМ РАВЕНСТВЕ СРЕДИ ОБЩИХ ИДЕЙ О РАВНОПРАВИИ

Мы проследили, какое место представления о равенстве этнических групп занимают среди общих идей о равенстве. Нашим респондентам было предложено оценить степень важности отдельных проявлений равенства, используя варианты «очень важно», «важно», «не очень важно». Эти варианты можно расположить в виде шкалы со значениями 3, 2, 1. Далее мы суммировали индивидуальные оценки внутри этнических групп и нашли средний балл по каждой группе. Ранг указывает, в каком порядке по значимости находится тот или иной аспект равенства в целом для представителей данной этнической группы (табл. 2).

Одни высказывания касаются индивидуальных прав и возможностей, таких, как равенство перед законом, возможность работать на любой должности, получить образование или приобрести собственность. Другие затрагивают групповые права — мужчин и женщин, религиозных и этнических общин. К этническим аспектам равенства можно отнести 4-е, 5-е и 8-е высказывание и в некоторой степени 2-е. Как правило, они охватывают всю этническую группу и являются коллективными. Только «возможность работать на любой должности» — право индивидуальное именно из-за отрицания его связи с национальностью.

Рассмотрим сначала каждый из ответов изолированно, как ответы на восемь разных вопросов. Ответы якутских респондентов, отчасти и русских Саха (Якутии), выделяются своими особенностями, так что имеет смысл проанализировать их отдельно. Пока остановимся на суждениях респондентов из Татарстана, Башкортостана и Оренбургской области.

Наиболее важным для всех групп оказалось «равенство всех граждан перед законом». Это самый общий юридический принцип, относящийся к индивидуальным правам. «Образование» и «уважение достоинства каждого народа» занимают по значимости второе-третье места. Любопытно, что по своему смыслу они сильно различаются. Образование — первоначальное условие индивидуального жизненного успеха, оно имеет явный прагматический смысл. Уважение достоинства народа — понятие гораздо менее осязаемое и непосредственно не связанное с возможностями каждого из представителей народа. Но именно этот аспект этнического равенства опережает по значимости все другие: человек ощущает, что его индивидуальное достоинство зависит от достоинства его группы, он соучаствует в достижениях своей общности. Политическое представительство, казалось бы, тоже выра-

жает статус группы и благодаря этому может иметь большую символическую нагрузку, однако этого не происходит как у титульных, так и у нетитульных групп в республиках и в Оренбургской области. Оно стабильно оказывалось среди других представлений о равенстве на последнем месте по важности для наших респондентов. Это неожиданный результат, так как данные предыдущих исследований указывают, что политическое представительство в регионах называлось русскими одним из неперемненных условий «возрождения своего народа»⁴. Возможно, эти различия связаны с тем, что в данном исследовании выяснялась значимость политического представительства для каждого отдельного человека. В иной постановке вопроса — о «возрождении народа» — речь шла не об индивидуальных потребностях, а о потребностях «воображенного сообщества».

Таблица 2

**Оценка отдельных аспектов равенства городским населением
Татарстана, Башкортостана, Саха (Якутии) и Оренбургской области
(баллы/ранги)**

Аспекты равенства	Татарстан		Башкортостан			Саха (Якутия)		Оренбургская обл.	
	Татары	Русские	Башкиры	Русские	Татары	Якуты	Русские	Русские	Татары
1. Равенство всех граждан перед законом	2,63/1	2,58/1	2,63/1	2,58/1	2,46/1	2,51/2	2,73/1	2,63 /1	2,72/1
2. Равенство всех религий перед законом	2,28/4	2,31/5	2,27/5	2,27/5	2,15/6	2,00/8	2,12/7	2,21/5	2,52/4
3. Реальное равноправие женщин и мужчин	1,97/7	2,03/7	2,26/6	2,19/7	2,12/7	2,23/5	2,27/4	2,18/7	2,35/7
4. Представительство людей Вашей национальности в органах власти	1,78/8	1,82/8	1,84/8	1,90/8	1,75/8	2,14/6	1,74/8	1,86/8	1,99/8
5. Возможность работать на любой должности независимо от национальности	2,16/5	2,37/4	2,30/4	2,34/4	2,26/4	2,13/7	2,15/6	2,19/6	2,47/5
6. Возможность получить образование	2,41/3	2,47/3	2,46/2	2,50/2	2,38/2	2,62/1	2,59/2	2,51/2	2,62/3
7. Возможность приобрести собственность	2,15/6	2,10/6	2,23/7	2,26/6	2,23/5	2,33/4	2,20/5	2,25/4	2,40/6
8. Равное уважение к достоинству каждого народа	2,47/2	2,53/2	2,35/3	2,45/3	2,37/3	2,50/3	2,58/3	2,38/3	2,69/2

⁴ Дробужева Л.М. Политические и социальные ориентации этнических групп как фактор межэтнической границы // Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России / Авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробужева. М., 1998. С. 48.

Вопрос о реальном равноправии мужчин и женщин явно не центральный в российской идеологической жизни, отсюда его предпоследнее место по значимости для изучаемых групп.

Если посмотреть на оценку важности трех других компонентов понятия равенства — «равноправия религий», «возможности работать на любой должности» и «возможности приобрести собственность», то можно заметить, что, несмотря на различия в ранге, эта оценка в баллах не сильно расходится среди отдельных групп.

У якутов на первое место по значимости выходит возможность получить образование. Ценность образования для них действительно высока: об этом свидетельствует большое число людей с высшим образованием среди якутов, расширение университетской сети в республике с начала 1990-х гг., особая политика республиканских властей по организации обучения жителей республики в российских вузах и за рубежом. Равенство же религий перед законом оказывается на последнем месте среди якутов и на предпоследнем среди русских Саха (Якутии), что сильно отличается от данных по другим регионам. Для этого существуют объяснения. Предыдущие исследования религиозной ситуации в отдельных республиках показали, что из всех изучавшихся групп якуты и русские Саха (Якутии) выделяются наименьшей религиозностью⁵.

Мы также проанализировали, насколько связаны между собой ответы на приведенные выше вопросы о разных аспектах равенства. Для этого мы посчитали попарные коэффициенты ассоциации (сопряженности) между отдельными ответами для каждой из этнических групп (работа проделана только по республикам)⁶.

Работа проходила в три этапа. На первом этапе для каждой из семи выделенных этнических групп в республиках были рассчитаны коэффициенты ассоциации. Полученные данные были затем сгруппированы в треугольные таблицы, состоящие из 28 элементов. Наконец, для каждого из аспектов равноправия были выбраны показатели наибо-

---

⁵ Коростелев А. Д. Религиозность в контексте межэтнических отношений // Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России / Авт. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. М., 1998.

⁶ Мы выбрали коэффициент τ_b («тау-би») М. Кендэла как наиболее соответствующий характеру данных: используемые переменные являются порядковыми (изменяются от 1 до 3) и есть достаточно много совпадающих значений как по столбцам, так и по строкам таблицы. Нулевое значение коэффициента свидетельствует об отсутствии связи. Если переменные изменяются согласованно, т. е. большему значению первой соответствует более высокое значение второй, коэффициент увеличивается. Для наших данных коэффициент является значимым с доверительной вероятностью в 0,99%, начиная от величины в 0,142 для городских якутов (наименьшая выборка) и от 0,107 для городских русских Саха (Якутии) (наибольшая выборка). Характеристику коэффициента см.: Agresti A. Analysis of Ordinal Categorical Data. N. Y., 1984. P. 161—163. Упрощенный способ расчета значимости коэффициента см.: Bohrnstedt G., Knoke D. Statistics for Social Data Analysis. Itasca, 1988. P. 321.

лее существенных связей с другими аспектами. Данные оказались слишком громоздкими для представления в табличном виде. Поэтому мы опишем только содержательные выводы, приводя для иллюстрации некоторые значения коэффициента ассоциации.

Одно из предположений, которое предстояло проверить в результате анализа коэффициента ассоциации, состояло в том, что разные аспекты этнического равноправия (в табл. 2 — строки 2, 4, 5, 8) в большей степени связаны между собой, чем с другими, внеэтническими аспектами равноправия. Это предположение не подтвердилось в полной мере.

«Равенство всех граждан перед законом» у всех групп наиболее тесно связано с «равенством всех религий перед законом», причем эта связь взаимная (коэффициент ассоциации варьирует от 0,424 среди русских Саха (Якутии) до 0,633 у татар Башкортостана). Оба понятия имеют юридический смысл и провозглашаются в основных документах демократических стран. Вторым по тесноте связи с «равенством перед законом» является «равное уважение к достоинству каждого народа» (от 0,200 у татар Татарстана до 0,481 у татар Башкортостана). Это также один из главных принципов общественного устройства, хотя в данном случае гораздо сложнее найти строгие критерии его соблюдения. Таким образом, этот аспект этнического равноправия в сознании людей близок к основным гражданским свободам.

Другая наиболее сильная взаимная связь существует между «возможностью получить образование» и «возможностью приобрести собственность» (от 0,420 у русских Саха (Якутии) до 0,627 у татар Башкортостана). Данную группу условий можно обозначить как социально-экономическую. Для опрошенных людей это два проявления равных возможностей добиться социального успеха в жизни. Именно с ними ассоциируются другие компоненты этнического равноправия (помимо «равного уважения к достоинству каждого народа»).

До этого момента мы описывали данные по трем республикам. В дальнейшем обнаружили некоторые особенности ответов якутов и русских Саха (Якутии), как и в предыдущем случае, когда мы обращались к табл. 2. Среди башкир, а также татар и русских в Татарстане и Башкортостане тенденции более сходные. Поэтому мы сначала охарактеризуем мнения жителей этих двух республик.

«Возможность получить образование» наиболее сильно связана с «возможностью приобрести собственность» (коэффициент от 0,512 у русских Татарстана до 0,627 у татар Башкортостана), затем с «возможностью работать на любой должности независимо от национальности» (от 0,406 у татар Татарстана до 0,587 у татар Башкортостана), а также с «равным уважением к достоинству каждого народа» (от 0,830 у татар Татарстана до 0,571 у русских Башкортостана). Это говорит о том, что русские, татары и башкиры рассматривают получение образования прежде всего как предпосылку производственной карьеры и лишь во вторую очередь как символ социальных достижений. Но «воз-

«возможность приобрести собственность» также часто называется вместе с «равным уважением к достоинству каждого народа». Можно предположить, что обладание собственностью для опрошенных является существенным маркером статуса: в свою очередь от статуса группы зависит признание ее достоинства со стороны окружающих.

«Представительство людей Вашей национальности в органах власти» находится среди других представлений о равенстве на последнем месте по значимости для респондентов, оно мало связано с другими аспектами равноправия. Единственным исключением является «возможность работать на любой должности независимо от национальности» (от 0,308 у татар Татарстана до 0,429 у башкир Башкортостана). В определенной степени политические и экономические шансы этнических групп являются зависимыми друг от друга, но нет никаких оснований говорить о причинной связи между ними. Интересно, что самым слабым образом «политическое представительство» связано с «равенством граждан перед законом», так как предоставление особых прав отдельным группам может находиться в противоречии с индивидуальным равенством граждан.

Основное отличие схемы взаимосвязей между отдельными ответами в Саха (Якутии) состоит в том, что образование и для якутов, и для русских в большей степени связано не с работой, а с «равным уважением к достоинству каждого народа», т.е. является скорее показателем статуса.

Анализ коэффициентов сопряженности позволил обнаружить некоторые не вполне очевидные связи, например между «возможностью приобрести собственность» и «равным уважением к достоинству каждого народа» или указал на отсутствие жесткой связи там, где ее можно было бы ожидать, например между «политическим представительством» и «уважением к достоинству каждого народа».

Он также показал, что элементы этнического равноправия не представляют собой целостного комплекса в сознании наших респондентов. Эти элементы распадаются на две группы. Первую можно обозначить как символично-юридическую. Сюда входят «уважение к достоинству каждого народа» и «равенство всех религий перед законом». Во вторую, экономико-политическую, попадают «возможность работать на любой должности независимо от национальности» и «представительство людей Вашей национальности в органах власти», т.е. экономические и политические возможности человека в зависимости (или вне зависимости) от национальности. Каждая из этих групп находится в тесном взаимоотношении с другими, внеэтническими компонентами понятия «равенство». Между собой две группы связаны посредством таких социально-экономических условий, как возможность получить образование и приобрести собственность. Таким образом, если этнические проблемы являются значимыми для индивидов, то эти индивиды не обязательно равным образом озабочены всеми проявлениями этничности: для некоторых на первом плане будут символично-юридиче-

ческие, для других — экономико-политические аспекты этнического равноправия.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП В ОЦЕНКАХ ЖИТЕЛЕЙ РЕГИОНОВ

Этносоциальная структура населения осмысливается в категориях этнического равенства или неравенства. Независимо от того, насколько обоснованно мнение о неравенстве этнических групп (часто само употребление этих терминов является предметом разногласий как внутри групп, так и между ними), если оно разделяется большим числом людей, то становится политическим фактом. Этническая принадлежность человека, согласно этому мнению, будет определять его жизненные шансы, а социальная мобильность будет зависеть скорее от статуса этнической группы, нежели от индивидуальных качеств. В таком случае понятие этнической группы из статистической категории превращается в категорию сходного опыта и потенциально — общности интересов, солидарности и совместного действия.

В исследовании опрашиваемым задавался вопрос о возможностях людей разных национальностей добиться успеха в экономике и политике. Сам вопрос как бы подталкивал наших респондентов согласиться с тем, что национальность может быть значимым фактором в жизни. Несмотря на это, многие из респондентов заявляли, что индивидуальные шансы людей не зависят от национальности, а связаны прежде всего с качествами самого человека. Мы выделили этот ответ в отдельную категорию. Он выражает наиболее последовательное отрицание самой логики вопроса — иногда вопрос вызывал и активное неприятие. В ряде случаев респонденты затруднялись с ответом, не могли указать какую-то этническую группу или группы. Это отсутствие ответа может быть по смыслу близко к утверждению о том, что не национальность, а другие обстоятельства влияют на жизненные шансы людей. Поэтому, анализируя распределение ответов, стоит рассматривать две категории — «не зависит от национальности» и «затрудняюсь ответить» в соотнесении. При ответах на вопрос о наихудших шансах тех или иных этнических групп число затруднившихся или указавших, что национальность не имеет значения, было больше, соответственно содержательных ответов было меньше. Вопрос был открытым, в нем не содержалось списка национальностей, и приводимые далее варианты ответов сгруппированы по каждому региону. В одном ответе могли перечисляться несколько национальностей, поэтому сумма процентов в ряде случаев превышает 100 (табл. 3—6).

При первом же взгляде на приведенные таблицы заметно, что опрошенные во всех регионах одинаковым образом оценивают степень

Таблица 3

**Мнения городского населения Татарстана о возможности
социального успеха для людей различных национальностей в республике
(% от опрошенных)**

У людей каких национальностей в Вашей республике больше возможностей...	Не знают, нет ответа	Не зависит от национальности	У татар	У русских	У других национальностей	Другой ответ
Татары						
занять высокий пост в органах власти	20,1	31,9	43,4	8,5	1,7	1,1
получить хорошо оплачиваемую работу	17,4	49,7	26,2	13,9	3,0	1,6
открыть свое дело	24,5	54,9	13,0	10,2	3,4	1,7
Русские						
занять высокий пост в органах власти	15,1	14,3	66,3	3,7	1,8	0,7
получить хорошо оплачиваемую работу	14,5	25,5	55,3	7,3	1,2	2,9
открыть свое дело	23,7	43,0	24,6	6,5	2,8	5,6

значимости этничности в политике по сравнению с экономикой. Этничность, по их мнению, наиболее важна при занятии высоких постов в органах власти, затем для получения хорошо оплачиваемой работы и в наименьшей степени влияет на возможность открыть собственное дело (об этом свидетельствует последовательное увеличение значений в первых двух колонках). Не вызывает сомнения у большинства опрошенных и то, что титульные национальности в республиках и русские в Оренбургской области обладают политическими преимуществами. Отметим, что люди титульных национальностей утверждают это менее уверенно, но в целом соглашаются с такой оценкой своего положения со стороны других групп. Вообще, сравнение того, что представители самой этнической группы говорят о себе, с тем, что говорят о ней другие, может характеризовать межэтнические взаимоотношения в регионе. На примере этнических стереотипов подобные сопоставления провела в ряде своих работ Г.У. Солдатова⁷. Описанное психологами явление этноцентризма (приписывание собственной группе более положительных качеств, чем другим группам) в нашем случае имеет явный социологический аналог: люди склонны преувеличивать ущемленность собственной группы и преуменьшать ее привилегии. Мы проиллюстрируем этот эффект данными по отдельным регионам. При ин-

⁷ Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998.

терпретации результатов надо постоянно иметь его в виду: если опрашиваемые отмечают, что их группа находится в более благоприятном положении, а какая-то иная испытывает дискриминацию, значит, есть очень веские основания для такого вывода.

В Татарстане и татары, и русские строят сходную социальную иерархию этнических групп в республике. Наилучшие возможности во всех сферах жизни у татар, за ними следуют русские. Распространен ответ «у татар и русских». До 3% опрошенных в обеих группах отмечали хорошие шансы открыть свое дело у евреев. Ответы на вопрос о наименьших возможностях более разнообразны: наряду с русскими здесь появляется категория «у всех, кроме татар», перечисляются народы Кавказа и этнические меньшинства Поволжья (чуваши, марийцы, мордва и др.). Несколько отличается только порядок, в котором располагаются отдель-

Таблица 4

Мнения городского населения Башкортостана о возможности социального успеха для людей различных национальностей в республике
(% от опрошенных)

У людей каких национальностей в Вашей республике больше возможностей...	Не знают, нет ответа	Не зависит от национальности	У башкир	У русских	У татар	У других национальностей	Другой ответ
Башкиры							
занять высокий пост в органах власти	45,3	17,4	28,6	6,3	4,3	1,8	1,0
получить хорошо оплачиваемую работу	45,1	29,4	12,6	7,8	5,2	3,7	0,8
открыть свое дело	54,7	29,5	4,3	7,0	2,4	1,6	2,4
Русские							
занять высокий пост в органах власти	39,6	9,5	46,8	1,9	4,6	0,5	2,0
получить хорошо оплачиваемую работу	48,2	20,2	25,7	2,3	5,6	0,6	2,5
открыть свое дело	54,1	34,2	5,5	2,3	0,7	0,6	2,9
Татары							
занять высокий пост в органах власти	38,8	13,2	44,0	4,0	2,0	0,3	1,6
получить хорошо оплачиваемую работу	40,6	34,1	17,6	2,2	5,0	1,6	0,4
открыть свое дело	50,6	34,3	4,4	6,0	2,8	0,7	4,0

ные национальности. По мнению татар, наименьшие возможности устроиться на работу и открыть свое дело — у выходцев с Кавказа, а занять высокий пост — у русских, а затем «у всех, кроме татар». Русские же чаще всего считают ущемленными именно себя, затем «всех, кроме татар» и лишь потом выходцев с Кавказа. Интересно, что русские не обращают внимания на поволжские меньшинства, эти группы мало заметны для них в этнической структуре республики.

В политической и экономической сфере в Татарстане складывается представление о том, что более успешной, доминирующей группой являются татары. Это подтверждают непротиворечивые ответы обеих групп, а также применяемая категория — «все, кроме татар», распространенная и среди самих татар. Реже в понятие преуспевающих включают и русских, отсюда варианты ответа о преимуществах «у татар и русских», неблагоприятных возможностях у «всех, кроме татар и русских». Но в любом случае картина межэтнического взаимодействия в республике определяется прежде всего отношениями между татарами и русскими. Если русские чаще всего упоминаются среди групп с наименьшими возможностями, то это не потому, что их относительное положение хуже, чем, например, у народов Кавказа или Поволжья, а потому, что это наиболее значимая группа для сопоставления с татарами. Ситуация в Татарстане является уникальной по сравнению с другими изучаемыми регионами (как, впрочем, практически со всеми российскими регионами). Татар в республике примерно половина населения, поэтому демографические пропорции национальностей не оказывают существенного влияния на наблюдаемые пропорции в политическом представительстве. Вместе с тем социальная структура татар и русских близка, близок уровень профессиональной квалификации, и у обеих групп есть потенциальные возможности выполнять все виды работ, существующие в республике. Поэтому сопоставление того, кому достается наиболее престижная и высокооплачиваемая работа, может проводиться в чистом виде, лишь с относительным учетом различий в квалификации. В других случаях надо делать такую поправку на демографические и социально-профессиональные условия.

В Оренбургской области русские находятся в явном демографическом большинстве (72%, по переписи 1989 г.), в то время как татары составляют 7% населения. В целом более благоприятные условия для русских в области отмечает большинство людей из тех, кто обращает внимание на национальность как условие успеха. Однако здесь труднее дать однозначную интерпретацию полученных данных: под лучшими условиями часть опрашиваемых могла понимать и просто численное преобладание русских в органах власти или среди занятых престижными видами деятельности. Среди групп, также пользующихся преимуществами во всех сферах, назывались татары и евреи. Их жизненные шансы, по мнению и татар, и русских, приблизительно равны. Некоторые русские также полагают, что у народов Кавказа есть

Таблица 5

Мнения городского населения Саха (Якутии) о возможности социального успеха для людей различных национальностей в республике
(% от опрошенных)

У людей каких национальностей в Вашей республике больше возможностей...	Не знают, нет ответа	Не зависит от национальности	У якутов	У русских	У других национальностей	Другой ответ
Якуты						
занять высокий пост в органах власти	16,5	12,6	54,9	22,6	2,0	0,6
получить хорошо оплачиваемую работу	17,8	24,9	23,6	30,3	10,4	—
открыть свое дело	23,3	30,2	18,4	30,3	6,3	—
Русские						
занять высокий пост в органах власти	13,2	11,6	69,4	3,3	4,0	2,3
получить хорошо оплачиваемую работу	14,4	18,7	54,0	6,5	8,3	3,3
открыть свое дело	20,6	36,5	20,6	12,0	7,3	5,8

Таблица 6

Мнения городского населения Оренбуржья о возможности социального успеха для людей различных национальностей в области
(% от опрошенных)

У людей каких национальностей в Вашей республике больше возможностей...	Не знают, нет ответа	Не зависит от национальности	У русских	У татар	У других национальностей	Другой ответ
Русские						
занять высокий пост в органах власти	54,9	11,3	21,1	3,7	13,6	0,7
получить хорошо оплачиваемую работу	55,5	17,2	14,1	6,7	12,1	0,3
открыть свое дело	60,5	24,9	8,5	—	34,2	—
Татары						
занять высокий пост в органах власти	31,2	24,8	36,5	2,4	8,9	1,0
получить хорошо оплачиваемую работу	29,6	37,5	24,7	2,8	9,1	1,0
открыть свое дело	34,3	42,2	11,8	4,3	4,3	6,5

возможности для устройства на хорошо оплачиваемую работу и открытия своего дела, но не для назначения на высокий пост.

И русские, и татары согласны, что казахи, выходцы из Средней Азии и с Кавказа испытывают сложности как в экономической, так и в политической жизни. Но при этом русские чаще называют себя, чем эти группы, среди имеющих наименьшие шансы устройства на высокооплачиваемую работу или открытия собственного дела. Таким образом, психологическое восприятие себя в качестве ущемленной группы может быть распространено среди численно доминирующей и, согласно общему мнению, политически преобладающей группы. Татары же не считают себя дискриминируемым меньшинством и оценивают свое положение гораздо лучше, чем положение недавних мигрантов из Средней Азии и Кавказа.

Демографические факторы оказывают влияние и на оценку возможностей разных национальностей в Башкортостане. Башкиры составляют незначительную долю городского населения (14,5%), еще меньшую, чем в населении республики в целом. Если в политике это не имеет существенного значения, и титульная национальность все равно оказывается в выигрышном положении по сравнению с другими этническими группами, то в экономике это ощущается значительно сильнее. Наши респонденты в Башкортостане чаще, чем в других регионах, затруднялись с ответом на вопрос об экономических преимуществах и в еще большей степени — о неблагоприятных условиях для каких-то групп. Особенно заметно, что в сфере бизнеса национальность играет совершенно незначительную роль. В республике также практически не упоминались другие национальности, кроме башкир, русских и татар, т.е. этническая структура, хотя и сложнее с точки зрения наиболее крупных национальностей (по сравнению, например, с Татарстаном), но фактически ими и исчерпывается.

Если политическое доминирование башкир признается всеми, то с точки зрения преимуществ в экономической сфере национальности ранжируются по-разному: по мнению башкир и татар, за башкирами следуют русские, по мнению русских — татары. Только в предпринимательстве, по мнению всех групп, кроме самих русских, явно преобладают русские. Сильно отличается Башкортостан от других регионов тем, что очень небольшое число представителей всех национальностей считают, что их этническая группа находится в ущемленном положении.

Русские довольно часто объединяют татар и башкир, в то же время для самих татар и башкир это не характерно.

Ситуация в Саха (Якутии) сильно отличается от других республик. Якуты и русские согласны между собой только в том, что якутам легче устроиться в органы власти республики, свои же экономические возможности они видят прямо противоположным образом. Особенно расходятся их оценки по поводу шансов получить хорошо оплачиваемую работу. Это может быть связано с глубоким этнокультурным раз-

делением труда в городах республики: русские преобладают в добывающей промышленности, якуты — в непроеизводственной сфере (здравоохранение, образование, наука и культура, финансовые органы и органы управления — см. разд. III, гл. 1). «Хорошо оплачиваемой работой» каждая из групп может считать ту, где ее представительство наименьшее. Однако, когда якуты говорят о наилучших возможностях, они довольно часто называют якутов и русских вместе — по 6% в отношении экономики, 10% — в отношении политики. Среди русских этого не происходит — русские чаще однозначно видят в якутах доминирующее большинство как в политике, так и в экономике. В то же время сами якуты считают, что делят политическую власть с русскими. В экономике же доминирование русских не кажется якутам абсолютным.

При группировке ответов в Саха (Якутии) мы выделили категорию «коренные народы». Она несколько двусмысленна. Иногда опрашиваемые прямо перечисляли эвенков, эвенов, юкагиров, чукчей или использовали категорию «народы Севера» или «северные меньшинства». В ряде случаев они употребляли термины «коренные» или «местные» национальности. В зависимости от контекста остальных высказываний было понятно, что речь шла о других северных группах, помимо якутов. Но уверенно утверждать это все же нельзя, так что «коренные народы» могут включать и якутов. Только у русских эта группа появляется в ответах на вопрос о наилучших социальных шансах (якуты оценивают ее положение как однозначно неблагоприятное). И якуты, и русские упоминают также выходцев с Кавказа, когда рассматривают экономические преимущества, якуты отмечают хорошие шансы устроиться на высокооплачиваемую работу у евреев.

Список этнических групп, имеющих наименьшие шансы в республике, у якутов и русских сходен, отличается только порядок, в котором их располагают респонденты. К якутам, русским, «коренным» народам добавляются выходцы с Кавказа, из Средней Азии, китайцы, корейцы и просто «приезжие». Последнюю категорию мы выделили, когда опрашиваемые не уточняли национальность, а говорили о приезжих, мигрантах, выходцах из бывшего Советского Союза или иностранцах. В отношении устройства на работу или открытия собственного дела якуты считают ущемленными прежде всего себя, затем «коренные» народы, потом всех остальных. Замыкают список русские. Русские чаще считают, что они находятся в наихудших условиях, затем, как правило, следует категория «все, кроме якутов», а дальше уже остальной список, возглавляемый народами Кавказа. Характерно, что якуты упоминаются только в связи с возможностями открыть свое дело.

Таким образом, оценка иерархии этнических групп у якутов и русских серьезно различается.

Сопоставление ответов на вопрос о наилучших и наихудших возможностях для разных национальностей в отдельных регионах пока-

зало разнообразие представлений о «большинстве» и «меньшинстве». Следует подчеркнуть, что эти категории являются не этнодемографическими, а этнополитическими, хотя численное соотношение национальностей и оказывает влияние на представления о политическом и экономическом доминировании. В Татарстане и Оренбургской области существует согласие между татарами и русскими по поводу того, кто является большинством: в первом случае — татары, во втором — русские. В Башкортостане и Республике Саха (Якутии) взгляды представителей разных национальностей сходятся лишь по поводу политического преобладания титульных национальностей. Что же касается экономической области, то в Башкортостане наши респонденты вообще не выделяют доминирующую группу, а в Саха (Якутии) якуты и русские склонны видеть преимущества друг у друга.

Интересно сопоставить ответы наших респондентов об относительном положении своей и других групп с информацией об их собственной жизни. В исследовании выяснялось, приходилось ли людям испытывать несправедливое отношение к себе на работе и если да, то с чем это было связано (табл. 7).

Таблица 7

Представления о факторах дискриминации городского населения Татарстана, Башкортостана, Саха (Якутии), Оренбургской области
(% к опрошенным)

Несправедливое отношение ко мне было связано...	Татарстан		Башкортостан			Саха (Якутия)		Оренбургская обл.	
	Татары	Русские	Башкиры	Русские	Татары	Якуты	Русские	Русские	Татары
...с тем, что я женщина (мужчина)	7,1	9,0	14,3	20,1	15,4	9,5	14,8	17,1	11,8
...с моей национальностью	5,8	7,0	19,7	8,5	12,8	19,7	8,0	4,4	18,2
...с моими политическими взглядами	3,8	5,5	9,8	4,9	6,7	7,1	6,7	5,4	6,1
...с тем, что я не местный	3,1	1,7	9,8	3,2	6,2	8,1	6,6	2,4	9,7

Свой собственный опыт лишь в небольшом числе случаев мог определить суждения наших респондентов о неблагоприятных экономических условиях для своей этнической группы. Если учесть, что дискриминация по полу относится прежде всего к женщинам, то получается, что она выражена сильнее, чем дискриминация на основе национальности. О несправедливости на работе в связи с национальностью более часто упоминают башкиры, татары Оренбурга и якуты. Интересно, что все эти группы являются демографическими меньшинствами в городах. Возможно, именно этот факт, а не политическое положение, воздействует на индивидуальное самочувствие на рабочем месте.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ СТАТУС: ЭТНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ

Статус этнических групп как явление коллективное связан с индивидуальным статусом их членов и можно предположить, что связь эта взаимна. От социального положения и самоощущения индивидов зависит групповой опыт. В то же самое время статус — это категория относительная, выводимая из сопоставления с окружающими, и такое сопоставление ведется не просто между отдельными людьми, но и между группами, к которым они себя причисляют.

Рассмотрим, в какой степени индивидуальные оценки статуса различаются в этнических группах. Ранее, в 1997 г., в проекте «Этнические и административные границы: факторы стабильности и конфликтности» исследовалась социально-культурная дистанция между этническими группами и в связи с этим измерялась самооценка респондентов по шкале власти. Они должны были поставить себя на одну из 9 ступеней «лестницы» власти — от низшей до высшей. В Татарстане и Саха (Якутии) было обнаружено, что русские чаще всего помещают себя на самые низшие ступени, а на каждой более высокой ступени их число, как правило, сокращается, до вершины же лестницы не дошел ни один человек. И у татар, и у якутов тенденции были совсем иные. Они редко считали себя совершенно бесправными, в отношении власти оценивали свой статус как средний, а некоторые даже полагали, что им принадлежит большая власть. Был сделан вывод, что коллективная самооценка у титульных национальностей в отношении власти выше⁸.

В нашем исследовании 1999 г. «лестница» власти была дополнена «лестницами» богатства и престижа. Это три измерения статуса, используемые в социологической традиции. Опрашиваемые могли поставить себя на одну из 7 ступеней каждой из «лестниц». В табл. 8 мы приводим обобщенные по отдельным этническим группам ответы.

В целом люди во всех группах наиболее низко оценили степень власти, которой они располагают. Но титульные национальности в республиках и русские в Оренбургской области чувствуют себя в этом отношении более уверенно, чем другие этнические группы. Исключение составляет Татарстан. Хотя мы не можем прямо сопоставить данные исследования 1999 г. с предыдущими результатами 1997 г., но соотношение оценок русских и татар за этот период изменилось. Произошло это за счет резкого понижения самооценки татар по шкале власти, как можно предполагать, из-за общего отчуждения от руководящей элиты.

В отношении же богатства и престижа отмеченная тенденция продолжает действовать: титульные группы в соответствующих регионах более оптимистично характеризуют свое положение.

---

⁸ Коротеева В.В. Экономические интересы и национализм. М., 2000. Гл. 4.

Таблица 8

**Оценка городским населением Татарстана, Башкортостана, Саха (Якутии)
и Оренбургской области своего положения на «лестницах» власти,
богатства и престижа**

Этнические группы	Положение на шкале власти	Положение на шкале богатства	Положение на шкале престижа
Татары Татарстана	1,73	3,05	2,94
Русские Татарстана	1,84	2,78	2,82
Башкиры Башкортостана	2,29	2,92	3,02
Русские Башкортостана	1,41	2,68	2,69
Татары Башкортостана	2,09	2,93	2,99
Якуты Саха (Якутии)	2,53	3,10	3,35
Русские Саха (Якутии)	2,10	2,93	3,22
Русские Оренбургской обл.	1,79	2,40	2,38
Татары Оренбургской обл.	1,39	2,17	2,14

Примечание: В таблице использованы не средние значения, а медианы. Медиана соответствует тому значению на шкале, относительно которого половина опрошенных поместила себя ниже, а половина — выше.

Мы решили выяснить, как на эти мнения влияет «объективный» социальный статус опрашиваемых. «Объективный» мы поместили в кавычки, так как несмотря на множество предложенных моделей социальной стратификации переходного общества, достаточно точного измерения статуса на основе формальных показателей достичь трудно. Мы воспользовались группировкой социально-профессионального статуса, зафиксированной в опросном листе на основе анализа записей о месте работы и должности опрашиваемых.

В отношении всех трех измерителей статуса заметные различия наблюдаются прежде всего между руководителями высшего звена и крупными бизнесменами, с одной стороны, и всеми остальными, с другой. Но сама эта группа очень малочисленна. Другое серьезное деление проходит между работниками умственного и физического труда. Это особенно заметно в отношении престижа. У всех этнических групп специалисты высшей и средней квалификации, кроме русских Саха (Якутии), считают свое положение более престижным, чем даже наиболее квалифицированные рабочие свое (в случае с русскими рабочими, возможно, помимо материальных факторов, играет роль и престиж покорителя природы северного края). Как правило, так думают и служащие без специального образования. Только у татар во всех трех регионах высококвалифицированный физический труд пользуется большим престижем, чем конторская работа без специального образования. В отношении богатства такой четкой закономерности нами не было обнаружено.

Для нас было важно сопоставить субъективный статус людей разных национальностей, занимающих сходную позицию в социально-профессиональной структуре. Среди русских, татар и башкир социальная дифференциация внутри этнической группы практически не меняла то соотношение между субъективной оценкой разных групп, которое отражено в табл. 8. На этом фоне сильно выделяется Саха (Якутия). Специалисты-якуты намного более высоко характеризовали свой статус, чем специалисты-русские. В то же время якутские рабочие не только считают себя в значительно более худшем положении, чем якуты, занятые умственным трудом, но и более негативно оценивают свой статус по сравнению с русскими рабочими. Русские преимущественно работают в добывающей промышленности, где заработки по сравнению с другими отраслями промышленности (пищевой, легкой), в которых заняты якуты, выше. К тому же ценность интеллектуальных занятий в якутском обществе настолько велика, что городские жители, вынужденные работать на производстве, оценивают свое положение достаточно низко — а специалисты-якуты, наоборот, гордятся своим положением.

Помимо формальных критериев профессии, существуют, таким образом, и другие факторы, влияющие на восприятие субъективного статуса. Обнаруженные межэтнические различия в том, куда люди помещают себя на «лестницах» власти, богатства и престижа, указывают на то, что индивидуальный статус имеет групповое измерение. Оно связано как с внутренними ценностями группы, так и с ее относительным положением в этнической иерархии региона.

Профессиональный состав лишь один из компонентов социального статуса этнической группы. Вместе с политическими возможностями группы, со статусом ее языка и культуры он является важным фактором в групповой самооценке. За годы утверждения суверенитета республик сложилось новое отчетливое этнокультурное разделение труда, которое по значимости превзошло другие социальные деления предшествующего периода. Политическая ниша стала в основном, хотя и не полностью, заполняться представителями титульных национальностей. Влияние этого фактора на групповую самооценку дает себя знать. В целом титульные национальности в соответствующих регионах не только более благоприятно оценивают свое индивидуальное положение в отношении власти, но и при прочих равных условиях считают себя более обеспеченными, а свою социальную позицию более престижной, чем представители других групп. Таким образом, индивидуальный статус в значительной степени является производным от коллективного.

* * *

Этнические категории присутствуют в общественном сознании на нескольких уровнях. Они существуют в виде самых общих суждений о значении национальности для жизненного успеха. Они используются

также для оценки того, какие этнические группы находятся в наиболее и наименее благоприятных условиях в экономической и политической жизни региона. Наконец, они характеризуют жизненный опыт самого человека, осознание преимуществ или дискриминации на основе национальности. Эти уровни, как показало наше исследование, не обязательно согласуются между собой. Когда речь идет о наиболее общих условиях, необходимых для успешного продвижения в жизни, опрашиваемые практически отрицают значимость национальности и подчеркивают важность материальных возможностей семьи, а также социальных связей. Сама по себе национальность как категориальная идентичность не ассоциируется с карьерой отдельного человека. То же самое происходит и при оценке собственного жизненного пути. С несправедливым отношением к себе на работе из-за своей национальности приходилось сталкиваться относительно небольшому числу людей, хотя опыт меньшинств в этом отношении более негативный.

Что же касается экономической и политической ситуации в конкретном регионе, то здесь этнические категории применяются достаточно часто. Это происходит и в тех случаях, когда сам человек не сталкивался с ограничением своих возможностей из-за национальности. Здесь действует логика групповых сопоставлений. Информация, которой оперируют люди, черпается не только из бытовых наблюдений, но и из обсуждения обстановки в регионе в средствах массовой информации. В результате складывается обобщенное представление об иерархии этнических групп. Этнические категории прямо прилагаются к сфере политики. В экономике же наряду с ними имеют значение как унаследованное от советских времен культурное разделение труда (наиболее контрастно оно в Саха (Якутии), наиболее сглажено — в Татарстане), так и этнодемографические факторы (является ли группа демографическим меньшинством в городах, как башкиры Башкортостана, татары Оренбургской области и якуты Саха (Якутии), а также новые возможности благодаря переходу к рыночной экономике (в сфере предпринимательства этнические деления выражены в меньшей степени, чем в других сферах экономики). Совокупность этих обстоятельств привела к тому, что в Татарстане и Оренбургской области как политические, так и экономические возможности непротиворечивым образом признаются наилучшими соответственно у татар и русских. В Башкортостане политическое доминирование башкир не влечет за собой их преобладания в экономике. В Республике же Саха (Якутии) не существует единого мнения среди якутов и русских об этнической иерархии в сфере экономики.

Таким образом, этнические категории используются прежде всего при межгрупповых сравнениях, а не для объяснения собственного успеха или неуспеха в жизни.

Глава 2

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

О СПРАВЕДЛИВОСТИ И ДОВЕРИИ У РАЗНЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП

В условиях возрастающего социально-экономического неравенства во взаимоотношениях между представителями различных этнических групп все большее значение приобретают психологические критерии оценки межэтнического обмена, статуса групп как справедливых или несправедливых и взаимной оценки группами друг друга как заслуживающих или не заслуживающих доверия.

Анализ психологических исследований по феноменам справедливости и доверия в социальном контексте показал, что они рассматриваются обычно как специфические психологические состояния общественного сознания, как социальные чувства и исследуются на основе методологии психологических установок¹.

Л.М. Дробижева всегда рассматривала в структуре этнического самосознания этнические чувства как разновидность социальных и подчеркивала их важную роль в межэтнических отношениях². Мы вполне разделяем эту точку зрения и вслед за П. Стерном, рассматривая этническую идентичность как эмоционально-нормативную категорию³, включаем в число важнейших этнических чувств — комплексных аффективно-когнитивных образований — чувства справедливости и доверия как важные составляющие психологической основы межэтнической интеграции. Оценки взаимных позиций групп и межэтнического обмена как справедливых, а другой группы как заслуживающей доверия входят в число базовых установок толерантного сознания, необходимых для позитивного развития межэтнических отношений.

На основе наших исследований межэтнической напряженности мы пришли к пониманию критериев справедливости и доверия как важной части сложных мотивационных состояний, существенно влияющих на уровень напряженности в социальных отношениях, в том числе и в межэтнических⁴. Взаимодействие этнических мотивов (аффилиативных, статусных, архетипических), порождаемых потребностью

---

¹ Зинченко В.П. Психология доверия. Самара, 1998; Скрипкина Т.П. Методологический анализ проблемы доверия // Прикладная психология. 1998. № 1. С. 76—85; Соснин В.А., Збанкз Л.М. Проблема социальной справедливости и межэтнические конфликты // Этническая психология и общество. М., 1997. С. 156—164.

² Дробижева Л.М. Национальное самосознание: база формирования и социально-культурные стимулы развития // Советская этнография. 1985. №5 С. 5—23.

³ Stern P.C. Why do People Sacrifice for Their Nations? // Political Psychology. 1995. № 2. Vol. 16. P. 217—235.

⁴ Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998.

в этнической идентичности, и чувств несправедливости и недоверия (в числе других чувств: зависимости, вины, обиды, враждебности, страха, несовместимости и др.) определяет формирование групповых мотивационных состояний, влияющих на развитие дезинтеграционных процессов в обществе. Расхождение по критериям справедливости и доверия порождает взаимную подозрительность и напряженность в отношениях, что, в свою очередь, включает действие целого ряда психологических механизмов.

В предыдущих исследованиях у нас не было возможности эмпирически исследовать доверие и справедливость в качестве феноменов, влияющих на уровень межэтнической напряженности и на процессы межэтнической интеграции. Последовательное расширение в проектах, выполненных под руководством Л.М. Дробижевой, круга вопросов, связанных с проблемами взаимодействия этнических групп и их жизнедеятельностью, позволило получить репрезентативный эмпирический материал для уточнения системы базовых психологических параметров межэтнической напряженности как содержательно-динамического феномена.

Исследование базируется на данных опроса, проведенного в рамках проекта «СН». Конструируя наши вопросы, мы исходили из тезиса, с которым в той или иной степени согласны многие исследователи: для решения этнических проблем необходимо мыслить более масштабными категориями, чем, например, этническая группа. Поэтому можно утверждать, что нет этнической справедливости без справедливости социальной, а межэтнического доверия — без доверия вообще как фундаментального условия взаимодействия человека с миром. Соответственно, справедливость и доверие исследовались нами в широком социальном контексте.

Анализ эмпирических материалов позволил получить некоторую картину представлений о справедливости и доверии у разных этнических групп, включенных в исследование. Цель настоящей главы — представить некоторые результаты изучения проблем межэтнической интеграции и социальных отношений равенства-неравенства через критерии справедливости и доверия у разных этнических групп. Феномены доверия и справедливости исследовались через систему обобщенных оценок в форме психологических установок с выходом на критерии справедливости и несправедливости и критерии дихотомии «доверие-недоверие».

Кратко рассмотрим основные психологические исследования, связанные с проблемой социальной справедливости. Согласно Т. Тайлер, Р. Бэкман, Х. Смит и И. Хуо исследования социальной справедливости, как правило, задаются пятью вопросами⁵. Первый вопрос — какое вли-

---

⁵ Tyler T.R., Boeckmann R.J., Smith H.J., Huo Y. Social Justice in a Diverse Society. Boulder, 1997.

яние представления о справедливости и несправедливости оказывают на формирование чувств и установок людей. Обнаружено, что когда люди просят указать источники или причины субъективных состояний, например удовлетворенности или неудовлетворенности, то эти источники или причины оказываются связанными с представлениями о нарушении норм справедливости, а не только с личными или групповыми интересами. Восприятие справедливости связывают с чувствами гнева⁶, зависти⁷, депрессией⁸, самооценкой⁹. Понятие справедливости изучают в контексте межличностного восприятия¹⁰, политических установок¹¹, предубеждений в отношении других социальных групп¹².

Второй вопрос — какие критерии используют люди, чтобы определить, что является справедливым, а что нет. В попытках ответить на этот вопрос обнаружено, что атрибуция несправедливости часто не может быть объяснена тем, кто ее атрибутирует. Т. Тайлер и Х. Смит отмечают важность психологических исследований представлений о справедливости ввиду того, что субъективные переживания справедливости или несправедливости имеют существенные установочные и поведенческие последствия¹³. Они также отмечают, что субъективные представления о справедливости особенно интересуют социальных психологов потому, что стандарты справедливости — это социально формируемая реальность и эти стандарты никак не связаны с внешними физическими объектами, а создаются и развиваются индивидами, группами, организациями и обществами.

Третий вопрос — как люди себя ведут, определив ситуацию или какой-нибудь факт как несправедливый. Будут ли они молча соглашаться с несправедливостью? Будут ли искать индивидуальное средство борьбы с ней или попытаются бросить ей коллективный вызов? Различают индивидуальные и коллективные реакции на несправед-

---

⁶ Montada L., Schneider A. Justice and Emotional Reactions to the Disadvantaged // Social Justice Research. N.Y., 1989. P. 313—314.

⁷ Smith H.J., Spears R., Oyen M. The Influence of Personal Deprivation and Salience of Group Membership on Justice Evaluations // Journal of Experimental Social Psychology. 1994. № 30. P. 277—299.

⁸ Walker I., Mann L. Unemployment, Relative Deprivation and Social Protest // Personality and Social Psychology Bulletin. 1987. № 13. P. 275—283.

⁹ Koper G., Van Knippenberg D., Bouhuijs F., Vermunt R., Wilke H. Procedural Fairness and Self-Esteem // European Journal of Social Psychology. 1993. № 23. P. 313—325.

¹⁰ Lerner M.J. The Justice Motive in Human Relations: Some Thoughts on What we Know and Need to Know about Justice // The Justice Motive in Social Behavior. N.Y., 1981. P. 11—38.

¹¹ Tyler T.R., Rasinski K., McGraw K. The Influence of Perceived Injustice on Support for Political Authorities // Journal of Applied Social Psychology. 1985. № 15. P. 700—725.

¹² Lipkus I.M., Siegler I.C. The Belief in a Just World and Perceptions of Discrimination // Journal of Psychology. 1993. № 127. P. 465—474.

¹³ Tyler T.R., Smith H.J. Social Justice and Social Movements // Handbook of Social Psychology. N.Y., 1998. P. 595—629.

ливость, последние связывают с социальными движениями, коллективными протестами и политическими волнениями¹⁴. Так, Е. Линд и Т. Тайлер связывают представления о справедливости-несправедливости с готовностью принять третейское решение в споре или конфликте, а также с готовностью оказывать помощь группе¹⁵. Другие исследования связывают недостаток справедливости с явлениями саботажа, воровством и, на коллективном уровне, с готовностью протестовать или восставать¹⁶.

Четвертый вопрос — насколько справедливость важна для людей. Некоторые теории предполагают, что справедливость является базовой мотивацией, присутствующей во всех социальных интеракциях. Другие же утверждают, что есть область, за пределами которой люди не интересуются вопросами справедливости, что существует ограничение заинтересованности в социальной справедливости или, по крайней мере, что сила заинтересованности в социальной справедливости различается в зависимости от ситуационных факторов. Исследователи рассматривают несколько факторов, которые могли бы влиять на важность справедливости. Это социальные роли, депривация и культура¹⁷.

И наконец, пятый вопрос — почему справедливость оказывается такой важной темой. В современной социальной психологии обсуждаются две парадигмы мотивации интереса к социальной справедливости: основанная на интересах «Я» теория социального обмена и теория моделей социальной идентификации. Теория моделей социальной идентификации пытается доказать, что люди используют понятие справедливости, чтобы определить и оценить статус своей группы, а внутри группы — свое социальное положение, свою самооценку и свою концепцию «Я». В теории социального обмена проблема справедливости неотделима от проблемы равенства. Эта связь показана в обзорной статье социальных психологов В.А. Соснина и Л.М. Збанкэ¹⁸.

Четко обозначенный данными пятью вопросами диапазон проблемных исследований социальной справедливости позволяет и нам поставить ряд вопросов, представляющих, на наш взгляд, наибольший интерес в изучении справедливости в контексте межэтнических отношений. Во-первых, это вопрос о мотивационных функциях феномена справедливости-несправедливости, во-вторых, «вклад» представлений о справедливости в формирование субъективных групповых состояний неудовлетворенности, влияющих на развитие межэтнических отношений, в-третьих, взаимосвязь феномена справедливости с такими фак-

¹⁴ Taylor D.M., Moghaddam F.M. *Theories of Intergroup Relations*. N.Y. 1994

¹⁵ Lind E.A., Tyler T.R. *The Social Psychology of Procedural Justice*. N.Y. 1988.

¹⁶ Tyler T.R., Smith H.J. *Social Justice and Social Movement*.

¹⁷ Tyler T.R., Boeckmann R.J., Smith H.J., Huo Y. *Social Justice in a Diverse Society*.

¹⁸ Соснин В.А., Збанкэ Л.М. Проблема социальной справедливости и межэтнические конфликты // Этническая психология и общество. М., 1997. С. 156—164.

торами, как депривация и межкультурные различия, в-четвертых, связь справедливости с проблемами социально-экономической дифференциации и межэтнического равенства-неравенства. В данном исследовании мы в определенной степени затронем все указанные вопросы, но особый интерес для нас представляет последний.

Рост социально-экономического неравенства в России ставит на повестку дня вопрос о социальной справедливости. В «Социологическом словаре» справедливость рассматривается как понятие о должном, соответствие между практической ролью индивида и социальным положением, между правами и обязанностями, трудом и вознаграждением, заслугами и общественным признанием, преступлением и наказанием¹⁹. Рассмотрение всех этих пунктов в социальном контексте неизбежно ставит вопрос о взаимосвязи справедливости и проблемы равенства.

К сожалению, у нас нет возможности опереться на эмпирические исследования общих представлений о справедливости, распространенных в нашем обществе и связанных с широко известным феноменом «веры в справедливый мир», открытым М. Лернером. Этот феномен описывает нашу склонность верить в то, что мир справедлив, что выражается в следующем тезисе: «я живу в справедливом мире, где люди получают то, что заслуживают». Эта установка существенно корректирует восприятие реальности, искажая ее тем, что делает человека индифферентным к социальной несправедливости не потому, что его не заботит вопрос о справедливости вообще, а потому, что он не замечает несправедливости. Такая установка лежит в основе идеологии тоталитарного общества, где поиски социальной справедливости уже в прошлом, нормы справедливости установлены и общество не заинтересовано в их пересмотре. Эта установка и на идеологическом уровне, и на уровне обыденного сознания была достаточно выражена у граждан СССР — жителей «справедливого общества».

На основе имеющихся на сегодняшний день данных мы можем предположить, что за последние годы эта установка, несмотря на высокую инерционность, претерпела определенные изменения, а тема несправедливости стала открыто артикулируемой. Чаще, чем в других этнических группах в этнической сфере ее отмечали наши респонденты из среды городских башкир, якутов и татар Оренбургской области.

Осознание несправедливого отношения к себе существенно мотивирует реальные действия. В условиях социально-экономического расслоения общества несправедливость становится легко распознаваемой, и в этом случае людям уже трудно оставаться беспристрастными. У них возникает стремление действовать, что не может не являться важным фактором усиления напряженности в обществе.

---

¹⁹ Социологический словарь. М., 1995.

В первую очередь становится значимой распределительная справедливость, которая, по мнению П. Лафарга, ученика К. Маркса, основана на присущем человеку тяготении к равенству. Помимо распределительной П. Лафарг выделял еще возмездную справедливость, воздающую, апеллирующую к чувству мести. И в том и в другом случае основное содержание справедливости — идея меры, адекватное воздаяние за содеянное, равная по своему масштабу в отношении всех и каждого оценка поступков. По мнению Дж. Ролса, автора нашедшей в свое время книги «Теория справедливости», наличие неравенства само по себе не является несправедливостью, задано естественно, изначально. Оно им становится лишь тогда, когда нарушается идея «справедливости как честности», как принципа равного права на свободу и равномерного распределения ценностей в обществе²⁰.

Равенство может быть достигнуто на основе разных критериев или норм справедливости. Наиболее полный их перечень в соответствии с результатами распределительной деятельности выделил Перельман: 1) каждому одно и то же; 2) каждому по заслугам; 3) каждому по труду; 4) каждому по потребностям; 5) каждому по рангу; 6) каждому то, что положено по закону²¹.

Имеет свою историю спор об этих критериях, которые так или иначе в случае распределительной справедливости сводятся к практически универсальному принципу существования баланса между вкладом и доходом. Как правило, справедливым считается баланс, когда вклад соответствует доходу или вознаграждение соответствует заслугам и, если говорить более конкретно, когда вклад определяется продуктивностью. Тут следует подчеркнуть то, что отмечал еще Аристотель: люди, считая, что справедливая доля должна в определенном смысле соответствовать заслугам, подразумевают иногда совершенно разные виды заслуг.

Такой принцип характеризует распределительную справедливость в западных индивидуалистических культурах. Существует мнение, что приверженцы теории баланса слишком категорично предполагают, что экономические принципы западных стран универсальны. М. Дойч подчеркивает, что и в индивидуалистических культурах справедливость может определяться на основе иных критериев. Например, в семье критерием может быть потребность, в дружеских отношениях — «уравниловка»²².

Помимо продуктивности выделяются еще три наиболее общепринятых критерия, которые могут определять справедливый баланс. Это принцип жесткого равенства в распределении, принцип удовлет-

²⁰ Rowls J. A Theory of Justice. Cambridge (Mass.), 1972.

²¹ Перельман Ф. Справедливость и разум. М., 1963.

²² Deutch M. Equity, Equality and Need: What Determines Which Value will be Urged as Basis of Distributive Justice? // Journal of Social Issues. 1975. V. 31. P. 1 37—150.

ворения потребностей и принцип авторитета. Кроме того, что идеал справедливости меняется исторически, нормы справедливости, сам подход к определению соответствующего вклада зависят от типа культуры, например индивидуалистическая эта культура или коллективистская. Кросскультурные исследования обнаружили, что существуют базовые представления о справедливости, наблюдаемые в разных культурах²³. Так, Китаёма и Маркус утверждают, что в коллективистской, уважающей старость культуре зарплаты редко основаны на производительности, а чаще — на старшинстве²⁴. Когда вознаграждения распределяются внутри какой-то группы, люди, социализированные в рамках коллективистской культуры, например китайской или индийской, благосклоннее относятся к уравнительному распределению или распределению по потребностям, чем в индивидуалистической Америке²⁵. Г. Триандис утверждает, что при распределении наград и ресурсов коллективисты используют норму «по результатам» с членами другой группы и «уравниловку» с членами своей группы²⁶. На нормы справедливости может влиять также и возраст — тот, кто старше, может считать, что оплата должна основываться на заслуженности и маститости, в то время как его младший коллега ставит на первое место продуктивность труда²⁷.

В индивидуалистической Америке за оплату по труду высказываются 53% опрошенных, в Британии — только 32, в Испании — 26%. На вопрос, следует ли правительству уменьшать дифференциацию доходов или гарантировать минимальный доход, «да» отвечают 39% американцев, 48 — канадцев и 65% британцев. Выбирая норму справедливости в будущем, когда их положение на экономической лестнице будет неизвестно, американские студенты отдают предпочтение уравниловке, гарантируя себе прожиточный уровень, но также приветствуют некоторые премии за производительность²⁸.

Нередко встречается мнение, что в бывших социалистических странах справедливость определялась как уравниловка или даже как удовлетворение потребностей («от каждого по способностям, каждому по по-

---

²³ Lind E.A., Earley P.C. Procedural Justice and Culture // *International Journal of Psychology*. 1992. № 27. P. 227—242.; Leung K. Some Determinants of Reactions to Procedural Justice Models for Conflict Resolution: A Cross-National Study // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1987. № 51. P. 898—908.

²⁴ Markus H., Kitayama S. Culture and the Self: Implications for Cognition, Emotion and Motivation // *Psychological Review*. 1991. № 98 (2). P. 224—253.

²⁵ Leung K., Bond M. The Impact of Cultural Collectivism on Reward Allocation // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1984. № 47. P. 793—804.

²⁶ Triandis H. Collectivism vs. Individualism: A Reconceptualization of a Basic Concept in Cross-Cultural Psychology // Ed. by C. Bagley, G. Verma. *Personality, Cognition, and Values: Cross-Cultural Perspectives of Childhood and Adolescence*. L., 1986.

²⁷ Майерс Д. Социальная психология. М., 2000.

²⁸ Там же. С. 645.

Таблица 1

**Отношение населения Татарстана
к распределению заработанных денег
(% от ответивших)**

Варианты справедливого деления коллективного дохода	Татары		Русские	
	Город	Село	Город	Село
Поделить всю сумму поровну	27,7	12,1	28,5	23,8
Распределить каждому по результатам его работы	59,3	68,5	60,5	61,9
Больше должны получить те, кто больше нуждается	4,0	14,8	4,3	7,6
Руководитель должен поделить по своему усмотрению	9,1	4,7	6,6	6,7

Таблица 2

**Отношение населения Башкортостана
к распределению заработанных денег
(% от ответивших)**

Варианты справедливого деления коллективного дохода	Башкиры		Русские		Татары	
	Город	Село	Город	Село	Город	Село
Поделить всю сумму поровну	34,7	36,0	23,5	16,9	23,7	9,3
Распределить каждому по результатам его работы	57,8	57,0	66,3	73,8	69,0	85,3
Больше должны получить те, кто больше нуждается	5,6	4,0	5,6	4,6	3,6	2,7
Руководитель должен поделить по своему усмотрению	1,9	3,0	4,6	4,6	3,6	2,7

Таблица 3

**Отношение населения Саха (Якутии)
к распределению заработанных денег
(% от ответивших)**

Варианты справедливого деления коллективного дохода	Якуты		Русские	
	Город	Село	Город	Село
Поделить всю сумму поровну	23,8	26,7	22,8	33,3
Распределить каждому по результатам его работы	66,2	63,4	68,0	59,2
Больше должны получить те, кто больше нуждается	5,2	5,1	5,1	3,9
Руководитель должен поделить по своему усмотрению	4,8	7,8	4,1	9,8

требностям» — известная формула социализма как «общества равных возможностей»). Т.Г. Стефаненко, рассматривая ситуацию распределения денег за совместно выполненный труд, считает, что если в США преобладает «норма справедливости», в соответствии с которой Джон и

Таблица 4

**Отношение населения Оренбургской области
к распределению заработанных денег
(% от ответивших)**

Варианты справедливого деления коллективного дохода	Русские		Татары	
	Город	Село	Город	Село
Поделить всю сумму поровну	19,1	33,0	16,8	19,1
Распределить каждому по результатам его работы	70,5	54,2	69,4	72,5
Больше должны получить те, кто больше нуждается	3,9	5,7	5,6	2,3
Руководитель должен поделить по своему усмотрению	6,6	7,1	8,2	6,1

Генри разделят деньги согласно вкладу каждого в общий труд, то для России больше характерна «норма равенства: почему бы Ивану и Петру не разделить деньги поровну?»²⁹. Соответствует ли это реальной картине? Мы решили проверить его эмпирически (табл. 1—4).

В нашем исследовании мы использовали четыре основных критерия распределительной справедливости: «принцип равенства» («уравниловка»), «баланс вклада и дохода», «принцип удовлетворения потребностей» («от каждого по способностям, каждому по потребностям») и «принцип авторитета». Вопрос звучал следующим образом: «Представьте ситуацию, когда небольшой коллектив людей, включая Вас, получил некоторую сумму денег за совместно выполненную работу. Как нужно справедливо поделить деньги?». Дальше предлагалось выбрать только один из следующих вариантов ответов: «поделить всю сумму поровну», «распределить каждому по результатам его работы», «больше должны получить те, кто больше нуждается», «руководитель должен поделить по своему усмотрению».

Результаты исследования показали, что в российском обществе четко определилось два идеала справедливости — распределение доходов по вкладу в общее дело и, в гораздо меньшей мере, распределение поровну. Представленные в табл. 1—4 данные показывают, что идеала «уравниловки» придерживаются до трети респондентов, а идеала распределения по результатам труда — более половины всех ответивших на данный вопрос.

На фоне всех регионов выделяются ответы как сельских, так и городских башкир в Башкортостане. Здесь самые высокие цифры высказавшихся за «уравниловку» и самые низкие — за оплату по результатам труда: 37,4% городских башкир и 36% сельских хотели бы «поделить всю сумму поровну», в то время как, например, в Татарстане со-

²⁹ Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 1998. С. 21.

ответственно 27,7% городских и 12,1 % сельских татар придерживаются того же мнения, а в Оренбургской области — 19,1% городских и 33% сельских русских. Вариант «распределить каждому по результатам его работы» предпочли 57,8% городских башкир и 57% — сельских, в Татарстане для татар эти цифры соответственно составляют 59,3 и 68,5%, а в Оренбургской области для русских — 70,5 и 54,2%. Как мы видим, есть значимые различия между этническими группами, но в целом цитированное выше утверждение Т.Г. Стефаненко относительно предпочтительного выбора русскими «уравниловки» не соответствует действительности. Даже если мы будем говорить только о тех, кто выбрал именно этот вариант распределения доходов, роль этнической составляющей в механизме такого выбора нуждается в уточнении.

Для объяснения указанных различий в выборе модели распределения коллективного дохода можно сформулировать целый ряд гипотез. Во-первых, наблюдаемые в табл. 1—4 различия могут быть связаны с разницей в уровне социально-экономического развития регионов. Во-вторых, они могут быть сопряжены не столько с региональными различиями, сколько с этническими особенностями населения регионов. В-третьих — с особенностями менталитета городских и сельских жителей. И наконец — с взаимным наложением каждого из указанных факторов друг на друга. Для проверки адекватности перечисленных гипотез мы произвели проверку статистической связи по критерию χ^2 выбора первых двух (самых массовых) вариантов ответа на рассматриваемый вопрос с этнической принадлежностью и средой проживания (город — село).

Как оказалось, не обнаруживается общей статистической закономерности выбора модели разделения коллективного дохода в связи с этнической принадлежностью респондентов. В Татарстане и Саха (Якутии) значимость связи этих переменных не столь очевидна, как в случае с Башкортостаном и Оренбургской областью. Башкиры в своих предпочтениях заметно отличаются от русских и татар. Из всех опрошенных в Башкортостане, выбравших первые два варианта ответа на вопрос о справедливом распределении доходов, «уравниловку» выбрали 32,5% башкир, 20,9 — русских и 19,4% татар. В Оренбуржье в этом отношении лидируют русские (22,9% против 18,5% у татар Оренбуржья).

Если обратиться к связи выбора модели распределения доходов со средой проживания, то здесь обнаруживается более значимая статистическая связь в Татарстане и Оренбургской области, но менее значимая в Башкортостане и Саха (Якутии).

В итоге получается следующая картина. В целом более половины респондентов независимо от региона проживания, этнической принадлежности и среды проживания делают выбор в пользу модели распределения коллективных доходов на основе учета вклада в общее дело.

Что же касается выбора «уравниловки» в Татарстане, то он оказался связанным со средой проживания: *городские* жители здесь не реже, чем сельчане, предпочитают «уравниловку» (соответственно —

27,3 и 17,2%). Это скорее всего связано с тем, что немалая часть городских татар — недавние выходцы из села.

Еще более специфические, как выяснилось, распределения в Оренбургской области: значимыми оказались связи выбора как с этнической принадлежностью респондентов («уравниловку» выбрали 22,9% русских и 17,5% татар), так и со средой их проживания. Но в отличие от Татарстана в Оренбуржье *сельские* жители в большей степени, чем горожане, предпочитают «уравниловку» (18,5% горожан против 25,6% сельчан). В Башкортостане, как уже было показано выше, выбор модели распределения был связан только с этническими особенностями.

Приведенные выше данные заставляют нас вспомнить о том, что в исследованных республиках русские — преимущественно городское население, а на селе большинство — титульные этнические группы. В Оренбуржье подавляющее большинство городского и сельского населения — русские. Кроме того, необходимо учесть, что на сегодняшний день этнические группы России характеризуются разным уровнем урбанизированности (см. разд. I, гл. 2 и 3).

Все это позволяет предположить, что в механизме предпочтения той или иной модели распределения указанные нами параметры (этническая принадлежность, среда проживания, регион проживания) действуют как факторы разного уровня. На уровне сохраняющейся аграрной ментальности (в том числе и в городской среде) действуют этнические особенности. Но по мере урбанизации среды (в том числе и сельской) этнические различия стираются и на выбор в большей степени начинают влиять социальные особенности и ценности городской и сельской трудовой деятельности. Региональные различия, надо полагать, это равнодействующая от уровня урбанизированности титульного населения и уровня представленности контактирующих этнических групп в городской и сельской средах. Этот вывод подтверждается и тем, что во всех без исключения массивах обнаруживается значимая статистическая связь выбора модели распределения с таким сопряженным с урбанизированностью показателем как уровень образования: чем выше уровень образования, тем меньше доля тех, кто выбирает «уравниловку».

Общая приверженность идеалу распределения по вкладу в общее дело нашла свое подтверждение и по другим критериям. Свыше 70% всех опрошенных считают, что «наиболее предприимчивые, талантливые люди должны жить лучше других». Свыше 76% в среднем по всему массиву также считают, что «человек не обязан принудительно делиться тем, что заработал собственным трудом».

Чувство справедливости очень часто связано с чувством доверия. М. Дойч выявил тесную корреляцию между этими феноменами³⁰. Трудно не согласиться с тем, что доверие часто возникает тогда, когда удовлетворяется чувство справедливости. В нашем исследовании, в частно-

³⁰ Deutch M. Equity, Equality and Need... P. 137—150.

сти, предпочтение в выборе той или иной модели распределения оказалось статистически значимо связанным в большинстве случаев с показателем доверия. Причем общая тенденция такова, что чем выше уровень доверия, тем менее предпочтительной оказывается «уравниловка». В этом есть своя логика, поскольку оценка различий вклада в общее дело предполагает определенный уровень доверия, в то время как безусловно равное распределение вообще снимает проблему доверия.

Рассматривая социально-психологический феномен доверия, мы связываем его в первую очередь с интеграционными аспектами межэтнических отношений. И это не случайно, поскольку, по нашим данным, в большинстве изученных регионов (исключение составляют данные по Башкортостану) индекс доверия оказался статистически значимо связан с оценкой межнациональных отношений: чем выше уровень доверия, тем более благоприятна оценка межнациональных отношений.

Очертив наш интерес рамками данной проблемы, коротко представим с этой позиции существующие взгляды на феномен доверия в психологической науке. Анализируя зарубежные исследования по психологии доверия, Т.П. Скрипкина отмечает, что доверие исследуется то как убеждение, как фактор надежности и эмоциональности, то как «неосязаемая сущность», обладающая огромной мощью³¹. В системе субъект-объектных отношений выделяются три основных аспекта изучения доверия. Во-первых, доверие к миру. Как известно, по Э. Эриксону, это первая базовая установка младенца³². Вслед за Эриксоном в психологии базисное доверие рассматривается как стержневой элемент социального и психологического благополучия индивида. Во-вторых, на наш взгляд, следует выделить доверие к другому — частный случай доверия к миру. В-третьих — доверие к себе.

В целом доверие в психологии рассматривается с трех позиций:

- как фундаментальное условие взаимодействия человека с миром. Это предполагает рассмотрение доверия как условия открытости миру. (В интеракционистских теориях, если в условиях кооперации доверяет только один, а другой лишь использует это доверие, то взаимодействие прекращается);
- в качестве фонового условия существования таких межличностных отношений, как дружба, кооперация, вражда, зависимость, и в соответствии с этим как важнейший фактор, на основе которого предсказывается поведение индивида или группы. В.П. Зинченко показывает, что доверие в огромной своей части относится к эмоциональной, т.е. плохо рационализируемой сфере человеческой психики. Именно в этом смысле, считает он, оно представляет собой базисное чувство, которое способно по-

---

³¹ Скрипкина Т.П. Методологический анализ проблемы доверия // Прикладная психология. 1998. № 1. С. 50.

³² Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.

рождать многие другие чувства (от любви до ненависти), состояния (от комфорта до стресса и фрустрации), социальные установки (от приятия до отторжения)³³;

- доверие как ощущение безопасности (уверенность индивида, группы в том, что окружающий мир и его обитатели не намерены причинить вред). Т.П. Скрипкина подчеркивает, что любой объект окружающего человека мира и мир в целом вызывают отношения доверия только в том случае, если они обладают свойством безопасности (надежности)³⁴.

Доверие всегда существует со своим антиподом — недоверием. По мнению Б.Ф. Поршнева, это зыбкое соотношение и составляет феномен доверия. Через специфический фильтр доверия-недоверия проходит любая информация между людьми, таким образом он выполняет роль шлюза в общении людей. В соответствии с этим Б.Ф. Поршнев в дихотомии «доверие-недоверие» вторую часть рассматривает как охранительный механизм психики, а первую — как исходное психологическое отношение между людьми³⁵.

Доверие как исходное психологическое отношение между людьми является важнейшим условием возникновения и существования общности «Мы». Б.Ф. Поршнев подчеркивает, что полное «доверие тождественно принадлежности обоих участников данного акта или отношения к одному «Мы»»³⁶. Таким образом, для возникновения между людьми чувства принадлежности к «Мы» необходима определенная мера доверия, основанная на взаимопонимании и представлении о другом человеке, которое формируется в процессе взаимодействия с ним.

В случае положительного разрешения конфликта «доверие-недоверие» формируется психосоциальное качество или психологическое новообразование, которое Эриксон в своих работах обозначал как надежду и рассматривал его в качестве фундамента осознания индивидом смысла своего существования. Хочется верить, что не только в младенчестве, но и на всех этапах жизненного пути человека конфликт между доверием и недоверием в подавляющем большинстве случаев разрешается именно таким образом. Поэтому и «надежда умирает последней», поддерживая смысл нашего существования.

Как итог этого небольшого обзора отметим несколько моментов, по которым исследователи доверия делают однозначные выводы. Так, анализируя многочисленные зарубежные исследования по доверию, Т.П. Скрипкина замечает, что при всем многообразии феноменологических проявлений доверия условия его возникновения, характерис-

³³ Зинченко В.П. Психология доверия. Самара, 1998. С. 89—90.

³⁴ Скрипкина Т.П. Методологический анализ проблемы доверия. С. 80.

³⁵ Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1966. С. 19.

³⁶ Там же. С. 14.

тики проявления и закономерности функционирования остаются сходными во всех сферах жизнедеятельности человека³⁷.

Отметим также, что исследователи доверия, как правило, подчеркивают, что это очень динамичное образование, но степень этой динамичности различается от доверия к недоверию и обратно. Несмотря на то, что доверие можно легко потерять, его не так просто приобрести.

Все исследователи сходятся также в том, что определенная степень доверия — первичный фактор для долговременной связи и интеграции. Успешное существование социальной системы требует высокого уровня доверия к миру и взаимного доверия между людьми. В.П. Зинченко пишет, что «хотя в разных культурах и социальных классах учат доверию и недоверию по-разному, путь приобретения базисного доверия по самой своей сути универсален: человек доверяет социуму подобно тому, как он доверяет собственной матери, словно она вот-вот вернется и накормит его в подходящее время подходящей пищей. Если же этого не происходит, то неизбежно возникает чувство страха, подозрительность, мрачные предчувствия по отношению к людям и к миру в целом, то есть весь комплекс недоверия, подобный тому, который формируется у маленького ребенка благодаря несостоятельному или отвергающему стилю материнского воспитания»³⁸.

Вышесказанное определило рассмотрение доверия как важной составляющей позитивного психологического фона межгрупповых и межличностных отношений, как открытости по отношению «к другим», как ощущения безопасности. В соответствии с этим респондентам предлагался вопрос «Считаете ли Вы, что большинству людей можно доверять?» и четыре варианта ответа: «большинству людей можно доверять», «в отношениях между людьми всегда надо быть осторожным», «никому нельзя доверять, кроме себя» (табл. 5—8).

В целом, как видно из таблиц, у большинства респондентов независимо от региона, среды проживания и этнической принадлежности преобладает тенденция осторожного отношения к людям, что можно обозначить как «осторожную доверительность». Однако в каждом регионе имеются свои нюансы значимой связи уровня доверия с такими социально-демографическими параметрами, как среда проживания, возраст и образование. Все эти нюансы, на наш взгляд, отражают региональные особенности уровня урбанизации и распространенности образования у представителей разных поколений, разных поселенческих и этнических сред. Так, в Татарстане уровень доверия значимо связан с уровнем образования и возрастом: здесь представители более молодого поколения (до 35 лет) по сравнению с людьми самой старшей группы (свыше 51 года) в большей мере склонны выбирать «осторожную доверительность»

³⁷ Скрипкина Т.П. Психология доверия. Ростов-на-Дону, 1997.

³⁸ Зинченко В.П. Психология доверия. С. 46.

Таблица 5

**Распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы, что большинству людей
можно доверять!» в Татарстане**
(% от ответивших)

Уровни доверия	Татары		Русские	
	Город	Село	Город	Село
Большинству людей можно доверять	18,3	21,9	22,7	18,4
В отношениях между людьми надо быть осторожным	56,6	52,1	57,6	58,3
Никому нельзя доверять, кроме себя	25,1	26,0	19,8	23,

Таблица 6

**Распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы, что большинству людей
можно доверять!» в Башкортостане**
(% от ответивших)

Уровни доверия	Башкиры		Русские		Татары	
	Город	Село	Город	Село	Город	Село
Большинству людей можно доверять	19,3	31,5	16,3	19,0	18,6	14,1
В отношениях между людьми надо быть осторожным	61,3	34,3	63,5	58,7	58,0	66,7
Никому нельзя доверять, кроме себя	19,3	34,3	20,2	22,2	23,4	19,2

Таблица 7

**Распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы, что большинству людей
можно доверять!» в Саха (Якутии)**
(% от ответивших)

Уровни доверия	Якуты		Русские	
	Город	Село	Город	Село
Большинству людей можно доверять	13,5	16,3	21,6	26,0
В отношениях между людьми надо быть осторожным	75,0	68,9	58,1	58,0
Никому нельзя доверять, кроме себя	11,5	14,8	20,3	16,0

Таблица 8

**Распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы, что большинству людей
можно доверять!» в Оренбургской области**
(% от ответивших)

Уровни доверия	Русские		Татары	
	Город	Село	Город	Село
Большинству людей можно доверять	25,8	19,2	15,2	26,9
В отношениях между людьми надо быть осторожным	54,9	53,1	67,2	47,0
Никому нельзя доверять, кроме себя	19,2	27,7	17,7	26,1

(соответственно 62,5 и 51,7%). Еще более отчетливо эта тенденция проявляется у представителей разных образовательных когорт: чем выше уровень образования, тем больше доля выбравших «осторожную доверительность» и меньше доля тех, кто вообще склонен никому не доверять («осторожную доверительность» выбрали 43,1% татарстанцев с неполным средним образованием и 63,8 — с высшим; никому не доверяют соответственно 38,6 и 10%). При этом следует иметь в виду, что особенностью татарстанской выборки является значимая связь образования и возраста, в частности существенная концентрация людей с неполным средним образованием в старшей возрастной группе (75% данной образовательной группы имеют возраст свыше 51 года).

В Саха (Якутии) обнаружилась значимая связь уровня доверия с этнической принадлежностью респондентов (якуты в большей мере, чем русские жители Саха (Якутии), склонны выбирать вариант «осторожной доверительности» (соответственно 71,3 и 58,2%), а русские в большей мере ориентированы на крайние позиции — полное доверие или полное недоверие (русские — 22,1 и 19,7%, якуты — 15,2 и 13,5%). Но это связано прежде всего с более высоким уровнем образования среди якутов. Люди с высшим образованием составляют у них 21,4%, в то время как среди русских — 12,1%. В свою очередь в этой республике с ростом образования уменьшается и доля ориентированных на недоверие к людям.

Наконец, в Башкортостане и Оренбургской области тенденции связи уровня доверия, возраста и образования те же самые, что и в Татарстане. Дополнительно здесь обнаруживается связь уровня доверия со средой проживания: среди городских жителей Башкортостана больше, чем среди сельчан, доля тех, кто выбрал позицию «осторожной доверительности» (в Башкортостане эту позицию выбрали 61,5% горожан и 51,3% жителей села), в Оренбургской области — различия между городскими и сельскими жителями в большей мере проявились в выборе позиции общего недоверия — 19,4% горожан и 26,1% сельчан Оренбургской области указали, что никому нельзя доверять.

Основываясь на данных табл. 5—8, можно говорить и о наличии определенной этнической традиции в высказываемых респондентами установках на категорическое доверие или недоверие к социуму. Так, ориентация на доверие больше выражена у русских городских жителей Татарстана и Саха (Якутии) и Оренбургской области, а недоверие в большей мере демонстрируют сельские татары и в Татарстане, и в Башкортостане, и в Оренбургской области. Однако, как показывает проведенный выше анализ связей степени доверия с другими параметрами³⁹ имеются более мощные факторы, такие, как образование и взаимные позиции контактирующих этнических групп в социальной

³⁹ В том числе и отсутствие значимой прямой связи этнической принадлежности с высказанным уровнем доверия везде, за исключением данных по Саха (Якутии).

структуре региона, которые приводят противоположные этнические традиции к общей ориентации на «осторожную доверительность». Надо полагать, что сам по себе статус «образованный человек» заставляет перейти от крайней предрасположенности к доверию или недоверию, т.е. от некоторых предрассудков в этом отношении, к «презумпции невиновности», к рассудочной или рациональной доверительности.

Выше мы уже отмечали, что демонстрируемый индекс доверия значимо связан с оценкой межнациональных отношений. Даже там, где по сравнению с другими регионами отмечаются самые неблагоприятные оценки межнациональных отношений — в Саха (Якутии) — с ростом уровня образования возрастает доля выбравших позицию «осторожной доверительности» и доля положительных оценок межнациональных отношений.

Помимо оценки межэтнических отношений, индекс доверия оказался связанным с такими показателями, как общая оценка жизненной ситуации (становится ли жизнь со временем лучше или хуже) и отношением себя к определенному слою общества (среднему или низшему). Необходимо отметить, что два последних показателя также значимо связаны и между собой.

В целом, как мы уже отмечали, установки на «осторожную доверительность» придерживается подавляющая часть опрошенных, что позволяет говорить о настороженности, готовности рефлексировать как о ведущей характеристике психологического фона. Такой высокий процент условно, рационально доверяющих говорит о том, что ощущение безопасности окружающего мира — одно из центральных социально-психологических ощущений современного россиянина. Рефлексирующее доверие выступает как первичная психологическая основа защитных механизмов личности в подобного рода ситуациях.

* * *

Итоговый анализ эмпирических данных в соответствии с поставленной целью позволил нам сделать следующие выводы.

1. В исследовании выявлено, что из двух характерных для российского общества идеалов справедливости — «уравниловки» и распределения по вкладу в общее дело — с большим перевесом доминирует последний. Это противоречит существующим до сих пор представлениям о российском обществе как о преимущественно аграрном по менталитету, одной из характерных особенностей которого является приверженность идеалам «уравниловки». Выявленное преобладание мнения о распределении по вкладу как о наиболее справедливом позволяет нам говорить о значительных изменениях в общественном сознании россиян, происшедших за последние 10 лет. И все же группа считающих справедливой «уравниловку» и, следовательно, рыночные

формы распределения несправедливыми, достаточно велика — до 1/3 всех ответивших. И эти люди (в основном старшей возрастной группы, с низким уровнем образования, преимущественно сельчане) будут воспринимать рыночную ситуацию как несправедливую. Если же такие результаты совпадают с определенными этническими границами, что, наблюдается, например, в нашем исследовании в отношении сельских башкир, то мы получим группу, ощущающую себя находящейся в ситуации этнического неравенства со всеми вытекающими отсюда последствиями.

2. Проведенный нами анализ позволяет также сделать вывод о том, что вариации в выборе справедливой модели распределения и уровень доверия к социуму взаимосвязаны. На данном уровне анализа мы не можем пока говорить о направленности этой связи, но нами установлено, что выбор «уравниловки» и низкий уровень доверия сопровождают друг друга и характерны для россиян, имеющих определенные социально-демографические характеристики. В основной массе россияне придерживаются принципа «осторожной доверительности», предполагающего рефлекссию в отношении фактов или людей до оценки их как заслуживающих доверия или нет. Можно предположить, что этот феномен является одним из компонентов, определяющих высокую политизированность российского общества. Иначе говоря, большинство россиян воспринимает текущую социальную ситуацию как неопределенную с точки зрения привычных стереотипов.

3. Эмпирические данные позволяют сделать вывод, что для довольно значительной части российского общества базовыми личностными установками являются представления о нарушении норм справедливости и связанное с этим недоверие к социуму, что может быть для этой части населения важным источником субъективного состояния неудовлетворенности.

В связи с этим большой интерес в дальнейших исследованиях для нас представляет проработка следующей гипотезы: критерии социальной справедливости и степень доверия к миру у разных этнических групп определяются социально-статусными позициями и особенностями социально-экономической дифференциации в системе межэтнического взаимодействия. Эта гипотеза опирается на работы зарубежных и отечественных исследователей, установивших прямую связь между ростом межэтнической напряженности, с одной стороны, и усилением относительной депривации у некоторых этнических групп в условиях резких социально экономических трансформаций общества — с другой.

Как один из объяснительных механизмов в теории модернизации С. Хантингтона, которую впоследствии развил Т. Гурр, рассматривается проблема депривации. Городской образ жизни, грамотность, глобальная сеть массовой информации подвергают традиционного человека соблазну новых возможностей. Однако, по мнению С. Хантингто-

на, в переходном обществе удовлетворить новые потребности непросто и, следовательно, неизбежен разрыв между ожиданиями, устремлениями и их реализацией⁴⁰. В работе Т. Гурра формулируется теория относительной депривации, в которой решающее значение придается проблеме реализации базовых потребностей человека и субъективному восприятию расхождений между ценностными ожиданиями и нереализованными возможностями, между ожиданием удовлетворения потребностей и действительным их удовлетворением⁴¹. Анализ полученных нами эмпирических данных позволяет нам рассматривать вариативность уровней справедливости и доверия в качестве важнейших симптомов относительной депривации, являющейся результатом процесса социально-экономической дифференциации общества.

---

⁴⁰ *Huntington S.P.* Reform and Stability in a Modernizing Multi-Ethnic Society // *Politicon*. 1981. V. 8. № 2. P. 8—26.

⁴¹ *Gurr T.R.* Minorities at Risk. A Global Risk of Ethnopolitical Conflicts. Washington, 1993.

Глава 3

ТИП ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОРИЕНТАЦИЙ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП

Проблема реального или воспринимаемого этнического неравенства в различных сферах нынешнего российского социального пространства настолько остра и болезненна, что часто возникает соблазн скорее «отменить» ее или политкорректно затушевать¹, чем попытаться уяснить причины практической целесообразности использования этнических категорий в контекстах, где, казалось бы, применение таких категорий неуместно или необоснованно. Однако раз существует повседневный шаблон восприятия ряда социальных ситуаций в этнических категориях (даже несмотря на то, что эти категории «сконструированы»), то в этом должна быть своя латентная прагматика, логика и смысл. Их необходимо знать, в том числе и для того, чтобы регулировать межэтнические взаимодействия во избежание насильственных противостояний.

Для понимания механизмов воспроизводства этнического неравенства в условиях становления общероссийского гражданского общества в проекте «СН» использовался, как уже говорилось, структурно-конструктивистский подход. Прежде всего в рамках этого подхода отметим разнообразие смыслов, придаваемых ключевому для нашего исследования понятию «равенство-неравенство» в современном российском академическом, повседневном и политическом дискурсе. Имеется как минимум два контекста этого понятия, различающихся по смыслу. Одним из таких контекстов является оценка сложившейся ситуации с точки зрения определенных общественных идеалов и ценностей² как справедливой — равной, несправедливой — неравной. Однако, несмотря на ценностный генезис такого понимания равенства-неравенства, это понятие используется как субстанциональная структурная характеристика объекта, т.е. в совершенно ином, не оценочном значении.

В ином контексте понятие «равенство-неравенство» применяется для описания соотносительного положения рассматриваемых объектов в социальном пространстве либо как равных — находящихся в одинаковой статусной позиции, либо неравных — находящихся в разных позициях. В этом смысле действительно, «...говоря «социальная струк-

---

¹ См., например: *Тишков В.А.* Забыть о нации (постнационалистическое понимание национализма) // Вопросы философии. 1998. № 9. С. 3—26.

² См., например: *Голенкова З.Т.* Социальное неравенство и социальная стратификация в российском обществе // Социология и общество: Тезисы докладов... СПб., 2000. С. 18—19.

тура», мы автоматически подразумеваем социальное неравенство»³. Однако последнее отнюдь не предполагает оправдания или признания справедливости социального неравенства с точки зрения общечеловеческих ценностей (в чем обвиняли эту точку зрения на равенство-неравенство почти все советские критики «буржуазного режима»). Скорее наоборот, степень цивилизованности любого режима измеряется степенью развитости и эффективностью деятельности институтов, отвечающих за компенсацию такого неизбежного неравенства.

Коротко говоря, в рассуждениях о равенстве-неравенстве на всех уровнях — от академического до повседневного — некорректное использование разных смыслов этого понятия проявляется при ценностном подходе к описанию онтологического, социально-структурного неравенства с неизбежной постановкой нерешаемых в рамках онтологии проблем «разумной, справедливой меры неравенства» и т.п. Столь же некорректным оказывается применение онтологического понимания равенства-неравенства при формулировке ключевых общественных ценностей и критериев справедливости, что неизбежно ведет к оправданию сложившегося социально-экономического неравенства разных социальных статусов.

В настоящей главе мы будем оперировать понятием «равенство-неравенство» преимущественно в онтологическом смысле для обозначения отсутствия (равенство) или наличия (неравенство) определенной иерархии объектов нашего исследования, независимо от того, существует ли эта иерархия де-юре. Говоря о социально-экономическом или другом аспекте этнического неравенства, мы имеем в виду вероятное появление или воспроизводство этнических иерархий в социальной, экономической, ментальной и других плоскостях социального пространства. Вопрос о том, насколько оправданны или справедливы такие иерархии, здесь не рассматривается.

Однако, как мы уже упомянули выше, проблема этнического неравенства довольно специфична и здесь не будут лишними некоторые замечания, проясняющие нашу позицию и собственно постановку вопроса о сочетании экономических ориентаций населения и бытовых классификаций по этническим признакам. Во-первых, вслед за Ч. Тилли мы признаем, что феномен этнического неравенства относится к разряду категориальных неравенств, т.е. таких, которые распространяются на определенные социальные категории (расовые, конфессиональные, половые и т.п.), независимо от индивидуальных различий в свойствах, способностях или видах деятельности людей, составляющих данную категорию⁴. По мнению Ч. Тилли, категориальные формы неравенства являются относительно устойчивыми, поскольку при ре-

---

³ Ильин В. Социальное неравенство / Центр социологического образования Института социологии РАН. М., 2000. С. 11.

⁴ Tilly Ch. Durable Inequality. Berkeley: University of California Press, 1998. P. 7.

шении текущих жизненных проблем люди предпочитают использовать привычные наиболее общие категории независимо от их контекстуальной адекватности⁵. Одной из таких широко используемых социальных категорий является этническая принадлежность. Этнические различия — это прежде всего исторически сложившиеся различия в схемах восприятия и оценивания повседневных ситуаций; системах повседневных социальных практик (или «габитусе», используя термин П. Бурдьё). Эти различия сами по себе не могут быть основанием для выстраивания иерархии этнических культур или групп. Иерархии появляются, например, при европоцентристской оценке тех или иных этнических общностей как менее или более приближающихся в своей развитости к европейским (или американским) образцам. Такая оценка может делаться из самых гуманных побуждений, но она порождает представление об этническом неравенстве, которое начинает эксплуатироваться во многих дискурсах, не имеющих отношения непосредственно к этническим различиям — в сфере экономики, гражданских прав и во многих других, давно уже унифицированных плоскостях социального пространства. Основная задача настоящего исследования: на каких основаниях возможно выстраивание и воспроизводство этнических иерархий на современных, унифицированных (применительно к этнокультурному многообразию) социальных полях российского сообщества и каковы его механизмы.

Для конкретного анализа с использованием эмпирических данных мы избрали феномен взаимосвязи привычной этнической категоризации российского социального пространства и бытовых представлений о предпочтительных моделях получения социальных благ, сосуществующих в общественном сознании и повседневной экономической практике.

За 70 с лишним лет существования советского варианта социального устройства для многих нынешних россиян привычной стала распределительная модель, основанная на ценностной (по своему контекстуальному генезису) трактовке равенства-неравенства. Равенство как идеологическая ценность стало ключевой онтологической характеристикой мифической социальной иерархии, где возможно равенство-справедливость доступа к общественному благу независимо от позиции в иерархии, хотя именно различием в мере присвоения благ и маркируется, если не определяется фактически, социально-статусная позиция.

В идеале равенство такого рода предполагает одинаковость полученной доли. А неизбежно возникающие в повседневной жизни отклонения от идеальной распределительной модели связываются со стадийным несовершенством общественных отношений. Латентной формой признания объективно существующего в любой иерархии со-

---

⁵ Tilly Ch. *Durable Inequality*. P. 8—9.

циального неравенства является определение «положенного» («справедливого») для каждого социального статуса коэффициента использования доли общественного блага. В свою очередь неизбежно волонтаристское определение властными структурами коэффициента доступа к благам порождает соответствующую, «теневую» социальную иерархию и соответствующую онтологию неравенства, которого де-юре как бы и нет, а следовательно, нет и проблемы бедности, стратификации по доходам, нет объективного, присущего общественному порядку, как таковому, неравенства социальных групп. Есть лишь ошибки отдельных руководителей и временные трудности.

Такая модель является питательной средой для воспроизводства клиентелистских отношений в структурах власти всех уровней, поскольку власть оказывается практически единственным гарантом благосостояния и справедливости для населения, а волонтаристское управление распределением — основным рычагом завоевания престижа и популярности для властных фигур и средством покупки лояльности к власти лидеров общественного мнения. В то же время распределительная модель предоставляет широкие возможности для превращения властных статусных позиций в самый надежный и самый масштабный источник личного благосостояния. Это не может не приводить к расширенному воспроизводству управленческих структур, обслуживающих распределение. Последние, в свою очередь, заинтересованы в воспроизводстве и поддержании престижа распределительной модели, сохранении ее в меняющейся социально-политической ситуации. В этом смысле переход от распределительной к рыночной экономической идеологии неизбежно должен сопровождаться попытками аппарата управления компенсировать утраченную возможность распределять социальные и материальные блага возможностью распределять инструменты рыночной предпринимательской деятельности (начальный капитал, права собственности, налоговые льготы и т.п.).

Провозглашаемая и в какой-то степени реализуемая в последние 10 лет ориентация на западноевропейские образцы социального устройства сопровождается постепенным распространением в повседневном сознании прежде неприемлемой («несправедливой») модели присвоения благ, основанной на онтологическом понимании неравенства: «достижительной» модели социальной деятельности⁶. Равенство здесь понимается как равенство возможностей производить или приобретать совокупность жизненных благ, объем которых ограничивается лишь общественно значимым *индивидуальным* потенциалом. В рамках достижительной модели неравенство получает экономическое и юриди-

---

⁶ Достижение — «приобретение социального положения либо статуса благодаря личным усилиям в открытом соревновании с другими» (Большой толковый социологический словарь (Collins). М., 1999. Т. 1. С. 193).

ческое оправдание, а ответственность за жизненные последствия нахождения в неравных статусных позициях перекладывается с властных структур на отдельных членов общества. Вопросы социальной компенсации объективного неравенства и обеспечения стартового равенства возможностей в обществе переходного периода вытесняются как правило на периферию сферы управления.

Если в распределительной модели мифом, прикрывающим фактическое неравенство, является идеологически ключевое представление об «иерархии равных», то в идеологии достижения также есть свои мифы. Это, во-первых, миф о возможности обеспечения равного старта для всех членов общества, наследующих разные статусные позиции. И, во-вторых, миф об индивидуальном, приватном характере социально-экономической карьеры (миф о «self-made-man»), поскольку в любой современной сфере социально значимой деятельности, от шоу-бизнеса до розничной торговли, жизненный успех достигается в группе («в упряжке») и во многом за счет совокупных возможностей группы, а не только и не столько благодаря индивидуальным качествам заявленного лидера такой группы.

Говоря о мифах, мы хотим подчеркнуть, что при практической реализации обеих моделей возможно появление и воспроизводство латентных или явных категориальных иерархий, которых не должно быть с точки зрения господствующих идеологий или общечеловеческих ценностей, т.е. «несправедливых» (или искусственно сконструированных) иерархий, в том числе и этнических. В связи с этим исходная («нулевая») гипотеза настоящего исследования формулируется следующим образом. *В гражданском демократическом обществе этническая и экономическая идентичности являются независимыми друг от друга системами соотнесения, восприятия и оценки социальных ситуаций; доминирование в сознании и в повседневной практике экономических категорий идентификации может служить реальной основой межэтнической интеграции.* Если это так, то на уровне эмпирических данных мы должны ожидать внутри групп по экономическим интересам статистически значимые, независимые от этнического состава этих групп солидарные оценки социальных ситуаций и институтов, имеющих отношение к экономической деятельности. Следует ожидать также статистически значимых расхождений в этих оценках между группами разных экономических интересов. Все вместе взятое должно означать, во-первых, что ориентированные на развитие рыночной экономики социальные институты фактически, а не формально функционируют именно в экономическом поле по законам рынка, во-вторых, что в самом деле актуальна социальная категоризация по экономическим критериям и, наконец, что экономическая групповая солидарность действительно вытесняет в качестве системообразующего ядра этническую групповую солидарность. Только в этом случае мы можем говорить о вытеснении этнического самосоз-

нения общероссийским гражданским и об окончании эпохи этнических дифференциаций в России.

И наоборот, статистически значимые расхождения в оценках одних и тех же социальных ситуаций и институтов разными этническими составляющими одних и тех же этнических групп, независимо от разнообразия их экономических интересов, свидетельствуют, во-первых, о том, что действующие ситуации и институты функциональны скорее в этническом поле, т.е. служат основой внутриэтнической консолидации и межэтнической дифференциации, и, во-вторых, о том, что практикуемые (а не манифестируемые как демократические) преобразования актуализируют в обыденном сознании значимость этнических категорий и таким образом ведут к воспроизводству «теневых» этнических иерархий и этнического неравенства, т.е. воспроизводству этнического клиентелизма как дезинтегрирующей силы в мультикультурном обществе.

Наконец, значимость указанных выше распределений только для некоторых этнических групп может означать, что этнические различия сами по себе выступают как фактор неравенства возможностей участия в экономическом поле и что, следовательно, речь может идти об этнических или этнорегиональных вариантах рыночной экономики и гражданского сообщества.

В инструментарии и выборке опроса, осуществленного в рамках проекта «СН», была заложена возможность проведения анализа влияния системного этнического фактора⁷ на распространенность среди населения конкретного региона распределительных или достижительных ориентаций и связанные с этим перспективы этнической дифференциации и межэтнической интеграции на общероссийском социальном пространстве.

На базе выборок, представительных для основных этнических групп каждого из 4 изучаемых регионов, было сформировано 18 *аналитических* групп респондентов, которые мы в дальнейшем будем условно называть «корпоративными» группами для отличия их от просто этнорегиональных групп, сформированных по признаку этнической и региональной принадлежности, а не по экономическим предпочтениям. Контролируемыми переменными при формировании этих корпоративных групп явились: 1) характер ориентаций (на распределительный или на независимый доход) и 2) этнорегиональная

---

⁷ То есть включающего в себя как особенности прошлого исторического опыта данной этнической общности, геополитические и экономические особенности территории ее компактного проживания, так и особенности собственно этнокультурного традиционного ядра, особенности нынешнего государственно-политического статуса, восприятие своего группового статуса в полиэтнической среде и т.п.

принадлежность (башкиры Башкортостана, русские Башкортостана, татары Башкортостана, татары Татарстана, русские Татарстана, якуты Саха (Якутии), русские Саха (Якутии), русские Оренбуржья, татары Оренбуржья) — всего 9 этнорегиональных групп, каждая из которых подразделяется на две группы преимущественных экономических ориентаций.

Операционально тип экономических ориентаций определялся через выбор респондентом одного из 4 вариантов ответа на проективный вопрос о предпочитаемом характере оплаты труда «Какую работу Вы бы предпочли, если бы могли выбирать?», с вариантами ответов: 1) Иметь пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне; 2) Иметь твердый, пусть и небольшой заработок, но больше свободного времени и более легкую работу; 3) Много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее; 4) Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск. Предполагалось, что выбор первых двух вариантов ответа свидетельствует об общей ориентации на распределительную модель, а двух последних — на принципиальное предпочтение «достижительной» модели⁸. В дальнейшем мы будем условно обозначать подмассив респондентов, выбравших первые два варианта — «ориентированные на распределяемый доход» (сокращенно группа ОР), а последние два — «ориентированные на достижительность» (сокращенно группа ОД).

Разумеется, принималось в расчет то, что выбор того или иного варианта из перечисленных ответов может быть симптомом более широкого комплекса социальных предпочтений, чем просто ориентации на тип заработка. Например, в дальнейшем мы будем говорить о распределительных или рыночных ожиданиях, понимая под последними то, что обычно в социально-психологической литературе обозначается термином «экспектации», т.е. «настоятельные» ожидания, предполагающие соблюдение определенных негласных правил игры, в том числе и согласованных понятий о справедливости. В то же время высокая вероятность ориентаций на распределяемый доход в данном регионе (и по России в целом) может свидетельствовать о том, что большинство населения воспринимает новую рыночную ситуацию (и соответственно формирует свои оценки и деятельность) не как существенно новую, а как прежнюю, распределительную, но под новыми «знаменами». Наконец, предпочтение распределяемого дохода может быть демонстрацией повышенной потребности в стабильности и социальных гарантиях, что в жизненном опыте россиян прочно увязано с распределительной моделью — гарантированным минимальным жизнеобеспечением при любых обстоятельствах.

---

⁸ В несколько ином виде, но с аналогичной интерпретацией ответов, этот вопрос впервые был использован в опросах ВЦИОМ в 1989 г. и повторен в 1999 г., см.: «Простой советский человек». М. 1992. С. 45.

В настоящей главе обобщены результаты дескриптивного анализа полученных распределений. Технически процедура анализа состояла на первом этапе в сопоставлении статистической значимости (по χ^2) распределений ответов анализируемых нами корпоративных групп и этнических групп регионов на одни и те же вопросы (например, о доверии властям разного уровня). Таким образом мы определяли, с какой точки зрения — этнической или/и экономической — актуален для наших респондентов данный сюжет (например, доверие к власти). Если мы наблюдаем неслучайное расхождение в реакциях на данный сюжет (наличие связи по χ^2) представителей разных *этнических* групп, то это означает что указанный сюжет воспринимается в этнических категориях, т.е. как поле реализации каких-то индивидуальных характеристик, связанных с этнической принадлежностью респондентов. И наоборот, если мы наблюдаем такое расхождение мнений у представителей разных корпоративных групп, то данный сюжет воспринимается скорее в социально-экономических категориях, т.е. как поле для реализации характеристик, связанных с экономическими предпочтениями (распределительными или рыночными). Наконец, если мы наблюдаем одинаково значимые распределения по обеим группировкам респондентов, то это означает, что имеет место совпадение, слияние этнической и экономической категоризаций в сфере, связанной с данным сюжетом (например, властью), то есть либо использование этнических различий и выстраивание этнических иерархий внутри экономических полей деятельности, либо формирование экономической иерархии в этническом поле.

Второй этап анализа — сопоставление статистически значимых распределений оценок респондентов разной этнической принадлежности внутри каждой из корпоративных групп. Это позволяет судить о том, какая из анализируемых экономических сфер — распределительная или рыночная — наиболее открыта для воспроизводства этнических иерархий и, следовательно, для этнического неравенства, а какая из сфер экономики, наоборот, может служить вероятной основой межэтнической интеграции.

Как уже было отмечено выше, на всех этапах анализа мерой солидарности или расхождения мнений является значимость анализируемых парных распределений по критерию χ^2 . Превышение критического уровня значений этого показателя интерпретируется нами как сигнал неслучайной внутригрупповой дифференциации. И наоборот, отсутствие значимости по этому критерию говорит об определенном сходстве мнений, т.е. об определенной степени внутригрупповой интегрированности. Разумеется, содержательный анализ распределений, а именно сопоставление процентных соотношений ответивших, мы проводим только для значимых распределений. Хотя для полноты картины в таблицах представлены все распределения.

Сразу же отметим, что данные по корпоративным группам ОР и ОД имеют значимую степень связи (по χ^2) с большинством объектив-

ных характеристик выборочных совокупностей: полом респондентов, возрастом, образованием, а также качественным показателем доходов⁹.

Если говорить об этих группах как о некоторых симптомокомплексах, то прежде всего необходимо отметить статистически значимую взаимосвязь таких характеристик, как доход (в качественном выражении), возраст, уровень образования, общий уровень социального оптимизма и позитивное или негативное отношение к реформам. Совокупностью этих показателей группы, ориентированные на распределяемый доход, существенно отличаются от групп, ориентированных на достижительность. Особняком стоит такая характеристика корпоративных групп, как пол. Она не всегда статистически связана с остальными перечисленными, но в группе ориентированных на распределяемый доход женщины составляют 2/3 респондентов.

Перечислим на примере Татарстана типичные характеристики обеих корпоративных групп. В группе ориентированных на достижительность мужчины и женщины представлены в соотношении 56 и 44%, рельефно выражена «мода» возраста — до 30 лет (41%), «модой» образования является группа респондентов со средним специальным и неполным высшим образованием (38,5%), причем преобладают люди с высоким уровнем образования. «Мода» качественного дохода для этой группы — «Можно купить кое-что из необходимых вещей» (34,3%), а второе место занимает группа, указавшая, что «Денег хватает, но покупка дорогих вещей вызывает затруднения» (29,3%). У респондентов, ориентированных на достижительность, отчетливо выражен социальный оптимизм (вариант ответа «Все не так плохо и можно жить» выбрали 38,3%) и преобладает положительное отношение к рыночным реформам (80,1%).

Для группы ориентированных на распределяемый доход характерно преобладание женщин (62,2%), возрастной «модой» является когорта 41—54 года (32,7%), «модой» образования — группа респондентов со средним специальным и незаконченным высшим образованием (38,1%), «модой» дохода — группа, указавшая, что «Денег хватает только на еду» (48,8%). Для этой группы характерны в равной степени как социальный оптимизм («Все не так плохо и можно жить» — 20,7%), так и пессимизм («Терпеть наше бедственное положение уже невозможно» — 20,5%) и, соответственно, примерно одинаковое позитивное (59,8%) и негативное (40,2%) отношение к рыночным реформам. Все эти признаки статистически значимо связаны как с ориентацией на распределяемый доход, так и (кроме пола) между собой, т.е. представляют взаимосвязанный кластер.

---

⁹ Вопрос «Как бы Вы оценили свое материальное положение за последние два месяца». Варианты ответа: 1) Денег не хватает даже на еду, приходится постоянно брать в долг; 2) Хватает только на еду; 3) Можно купить кое-что из необходимых вещей; 4) Денег хватает, но покупка дорогих вещей вызывает затруднения; 5) Ни в чем себе не отказываем.

Что же касается этнических различий между рассматриваемыми корпоративными группами, то они проявляются в тех случаях, где обнаруживаются столь же значимые статистически различия по этническому признаку. Так, например, в татарстанской выборке не случайно оказывается различие между русскими и татарами в оценке своего материального положения. Соответственно и татарская часть корпоративных групп не случайно отличается по этому признаку (оценке материального положения) от русской части.

В табл. 1 представлены ключевые для нашего анализа данные об этническом составе выделенных групп по ориентациям. Эти данные свидетельствуют о наличии этнической дифференциации среди респондентов, ориентированных и на распределяемый доход, и на достижительность. Насколько эта дифференциация статистически не случайна, а в какой мере она лишь отражает сложившийся этнический состав населения регионов — вопрос нашего последующего анализа.

Однако для того, чтобы предупредить неправильное истолкование приводимых в настоящей главе данных и последующих выводов, мы считаем необходимым сделать следующую оговорку. Термины «русские», «татары Башкортостана», «якуты» и другие подобные применяются здесь исключительно в соотносительном контексте для обозначения различающихся по тем или иным этнорегиональным параметрам аналитических групп. Мы категорически против того, чтобы какие-то выводы, сделанные применительно к аналитическим группам, сформированным по этническому признаку рассматривались в качестве устойчивых характеристик некоего «национального характера» реальных этнических групп. Для этого по меньшей мере недостаточно средств описательной статистики, применяемых на данном уровне анализа.

Продemonстрированные в табл. 1 этнорегиональные различия в экономических предпочтениях определенно говорят о том, что в России пока не существует единого, равного для всех этнорегиональных групп экономического пространства для реализации ориентаций на распределяемый доход или достижительность, или (можно рассматривать это в качестве дополнительной, но не исключающей первую гипотезы) что не все этнорегиональные группы определяют текущую экономическую ситуацию в своем регионе как новую, рыночную, и это тоже ведет к неравенству в реализации экономических интересов разными этническими группами. И для того, чтобы это неравенство устранить, необходимо при выработке и реализации стратегий развития России учитывать существенное влияние системного этнического фактора. Пренебрежение им может восприниматься теми или другими этническими группами как создание заведомо неравных стартовых условий и, следовательно, увеличивает риск дезинтеграции страны.

На наш взгляд, невнимание к этническому фактору на современном уровне развития России в большей степени может провоцировать этнические движения, чем откровенный конкретный учет этого фак-

Таблица 1

Этнический состав региональных групп по ориентациям
(% от ответивших)

Группы по ориентациям	Этнические группы в регионах					
	Саха (Якутия)					
	Якуты			Русские		
	Всего по региону	Горожане	Всего по региону	Горожане	Всего по региону	Горожане
Группа ОР	84,5	73,4	78,3	77,7		
Группа ОД	15,5	26,6	21,7	22,3		
	Татарстан					
	Татары			Русские		
	Всего по региону	Горожане	Всего по региону	Горожане	Всего по региону	Горожане
Группа ОР	73,4	72,6	79,4	75,7		
Группа ОД	26,6	27,4	20,6	24,3		
	Башкортостан					
	Башкиры		Русские		Татары	
	Всего по региону	Горожане	Всего по региону	Горожане	Всего по региону	Горожане
Группа ОР	74,5	70,9	62,8	61,6	65,6	64,5
Группа ОД	25,5	29,1	37,2	38,4	34,4	35,5
	Оренбургская обл.					
	Русские			Татары		
	Всего по региону	Горожане	Всего по региону	Горожане	Всего по региону	Горожане
Группа ОР	75,8	75,4	72,7	69,1		
Группа ОД	24,2	24,6	27,3	30,9		

тора. Не стоит повторять ошибки прошлого и идеологически подгонять процесс образования единой вненациональной гражданской общности только потому, что в развитых странах мира этот процесс более продвинул. По крайней мере одной из таких характеристик продвинутой современная Россия очевидно не обладает. Это — относительно выравниваемые условия жизни в городской и сельской местности.

Неравная представленность этнических групп в составе городского и сельского населения регионов является фактором, влияющим на степень готовности к рыночным отношениям (или степень распространенности патерналистских, консервативных ожиданий). В выбранных для анализа российских республиках, по нашим данным, прослеживается значимая связь χ^2 между средой проживания (городской или сельской), этнической принадлежностью, с одной стороны, и предпочтением распределительных или достижительных ориентаций — с другой (за исключением Оренбуржья, где такой связи не обнаружено).

Все это вместе взятое означает, что если в региональных средах в составе сельского населения преобладает одна этническая (титульная, как правило) группа, а в составе городского населения — другая (как правило, нетитульная), то достаточно мощный фактор социально-демографической дифференциации населения (на городское и сельское) в выборе той или иной экономической модели превращается в фактор этнического неравенства возможностей участия в экономической деятельности, разделяющий не только горожан и сельских жителей, но прежде всего представителей разных этнических групп внутри городской и сельской сред. В городской среде этот фактор действует в той мере, в какой, во-первых, оказывается актуальной внутренняя солидарность контактирующих национальных групп и, во-вторых, насколько внутриэтническая солидарность реализуется в данной региональной среде. Все последующие рассуждения мы будем строить, опираясь только на данные по городскому населению регионов.

Имея в виду приведенные в табл. 1 данные, мы вряд ли можем утверждать, что даже в условиях конституционных гарантий равенства этнических групп и перехода на рыночную модель функционирования экономики, этническая категоризация социальных ситуаций становится практически неактуальной для самих людей и превращается в некоторый бесполезный для повседневной жизни анахронизм (разумеется, речь идет о современной России).

Рассмотрим теперь некоторые особенности группы ориентированных на распределяемый доход. Как видно из табл. 1 большинство респондентов во всех регионах ориентированы на распределение. Опираясь на данные ВЦИОМ, можно сказать, что в эту группу входит большинство населения России и что эта группа с начала рыночных реформ лишь увеличилась (табл. 2).

Таблица 2

**Динамика предпочтения россиянами экономических ориентаций
(1989—1999 гг., % от опрошенных)**

Группы по ориентациям	1989	1999
Группа ОР	55	63
Группа ОД	35	29

Источник: АиФ. 2000. №13. С. 6 (со ссылкой на ВЦИОМ).

Такая большая распространенность распределительных ожиданий нередко объясняется идеологической ностальгией населения, поскольку стабильный распределяемый доход отчетливо ассоциируется с социализмом и коммунистическими идеями.

Но этот тезис можно проверить, рассмотрев отношение анализируемых нами корпоративных и этнических групп к утверждению

«Коммунизм — правильная идея, но ее плохо реализовали», т.е. отношение к идеальной распределительной модели. В самом деле, обнаруживается значимая связь χ^2 ответов на этот вопрос в группах ОР и ОД для всех этнорегиональных выборок (табл. 3).

Очевидно более положительное отношение к коммунистической идее в группах ОР. Однако нельзя сказать, чтобы оно было существенно более отрицательным в группах ОД: около половины респондентов, ориентированных на достижительность положительно относятся к коммунизму как идеальной модели. Различия между корпоративными группами здесь скорее в интенсивности, нежели в полярности. И итоге можно утверждать, что россияне с преимущественно распределительными ожиданиями не интегрированы на каких-то идейных основаниях, т.е. гипотеза об идеологических основаниях распределительных ориентаций не подтверждается. Позитивное отношение к коммунистическим идеалам или, может быть, некоторая идеологическая ностальгия — общая особенность нынешнего российского менталитета, которая существенно не влияет на выбор той или иной модели получения общественных благ. Как мы попытаемся показать далее, солидарность здесь является скорее негативной.

Для того чтобы определить основания такой солидарности в группе ориентированных на распределяемый доход более точно, рассмотрим другие параметры социальной интеграции или дифференциации, имеющиеся в инструментарии опроса. Обратимся прежде всего к разбору центрального для тематики настоящего исследования параметра этнической интеграции — значимости и конкретным распределениям в различных этнорегиональных средах собственно уровня, интенсивности этнической идентичности.

Инструментарий опросника, подготовленного участниками проекта «СН», позволяет измерять два важных параметра этнической идентичности¹⁰. Первый из них — частота актуализации национальной принадлежности как социального статусного маркера. Это вопрос «Какое суждение больше соответствует Вашему мнению?». Варианты ответов: 1) Редко задумываюсь о том, кто я по национальности; 2) Никогда не забываю о том, что я русский (татарин, якут, башкир). В контексте настоящей главы этот параметр мы интерпретируем как некоторую характеристику возможного давления социальной среды, которая способна стимулировать или ослаблять восприятие человеком себя и других в этнических категориях. По выбору того или иного варианта ответа на этот вопрос мы судим о том, насколько часто респондент опреде-

---

¹⁰ Вопросы сформулированы С.В. Рыжовой и детально ею проанализированы как показатели этнической идентичности, см.: Рыжова С.В. Установки этнического самосознания русских (по материалам эмпирического исследования в Москве и Тверской области) // Конфликтная этничность и этнические конфликты / Под ред. Л.М. Дробжевой. М., 1994.

Таблица 3

Оценка идеи коммунизма в региональных корпоративных группах
(% от ответивших)

Корпоративные группы	«Коммунизм — правильная идея, но ее плохо реализовали»	
	Саха (Якутия)	
	Согласны	Не согласны
Группа ОР	67,1	32,9
Группа ОД	48,4	51,6
	Татарстан	
	Согласны	Не согласны
Группа ОР	73,1	26
Группа ОД	51,6	48,4
	Башкортостан	
	Согласны	Не согласны
Группа ОР	72	28
Группа ОД	58,1	41,9
	Оренбургская обл.	
	Согласны	Не согласны
Группа ОР	62,3	37,7
Группа ОД	42,6	57,4

ляет или вынужден определять текущую ситуацию взаимодействия (межличностного и/или межгруппового) как межэтническую.

Второй параметр этнической идентичности — потребность в этнической аффилиации, т.е. потребность ощущать себя частью этнической общности. Это вопрос «Какое суждение больше соответствует Вашему мнению?». Варианты ответов: 1) Современному человеку необходимо чувствовать себя частью какого-то народа; 2) Современному человеку необходимо ощущать себя частью своего народа. В настоящей главе мы интерпретируем этот параметр как меру актуализации этнокультурных особенностей в современной повседневной жизни, меру востребованности групповых этнических референций различными этнорегиональными группами и в то же время как показатель внутренней солидарности тех или иных этнических групп. Преимущественный выбор того или иного варианта ответа на этот вопрос говорит о том, насколько широко в данной этнорегиональной среде или в данной корпоративной группе распространено использование этнической общности как значимой референтной системы.

С «этнической» точки зрения по сравнению с «корпоративной», значимость реакций на параметры этнической идентичности совершенно различна (см. распределения по первым двум строкам в таблицах 4—7). И хотя непосредственным предметом анализа для нас являются оценки

этничности корпоративными группами, тем не менее детальное рассмотрение тех же оценок, но с этнической точки зрения необходимо, поскольку позволяет выявить некоторые особенности этнорегиональных сред, влияющие на поведение корпоративных групп.

Таблица 4

Зависимость ориентаций на распределяемый доход или достижительность от параметров этнической идентичности в Саха (Якутии)
(% от ответивших)

Этнорегиональные группы	Параметры этнической идентичности			
	1	2	3	4
Якуты	39,0	61,0	15,7	84,3
Русские	76,1	23,9	42,3	57,7
Группа ОР	64,2	35,8	32,7	67,3
Якуты	28,6	71,4	15,4	84,6
Русские	76,9	23,1	40,4	59,6
Группа ОД	64,2	35,8	36,7	63,3
Якуты	41,5	58,5	15,4	84,6
Русские	76,3	23,8	50,7	49,3

Примечание: Расшифровка параметров в таблице: 1 — Редко задумываюсь о том, кто я по национальности; 2 — Никогда не забываю о том, что я... (национальность); 3 — Современному человеку необязательно чувствовать себя частью какого-то народа; 4 — Современному человеку необходимо ощущать себя частью своего народа. Выделенные ячейки означают, что распределения здесь незначимы по χ^2 .

Таблица 5

Зависимость ориентаций на распределяемый доход или достижительность от параметров этнической идентичности в Татарстане
(% от ответивших)

Этнорегиональные группы	Параметры этнической идентичности			
	1	2	3	4
Татары	48,0	52,0	34,5	65,5
Русские	63,0	37,0	40,9	59,1
Группа ОР	54,3	45,7	37,2	62,8
Татары	44,4	55,6	28	72
Русские	62,4	37,6	45,3	57,4
Группа ОД	60,2	39,8	39,3	60,7
Татары	54,7	45,3	38,8	61,2
Русские	71,6	26,4	41,1	58,9

Примечание: См. примечание к табл. 4.

Таблица 6

**Зависимость ориентаций на распределяемый доход или достижительность
от параметров этнической идентичности в Башкортостане**
(% от ответивших)

Этнорегиональные группы	Параметры этнической идентичности			
	1	2	3	4
Башкиры	45,4	54,6	37,3	62,7
Русские	60,5	39,5	41,7	58,3
Татары	56,7	43,3	45,8	54,2
Группа ОР	57,4	42,6	44,6	55,4
Башкиры	42,8	57,2	36,3	63,7
Русские	68,0	32,0	47,9	52,1
Татары	55,1	44,9	46,5	53,5
Группа ОД	49,3	50,7	38,6	61,4
Башкиры	45,3	54,7	39,0	61,0
Русские	46,8	53,2	33,7	66,3
Татары	58,2	41,8	46,5	53,5

Примечание: См. примечание к табл. 4.

Таблица 7

**Зависимость ориентаций на распределяемый доход или достижительность
от параметров этнической идентичности в Оренбургской области**
(% от ответивших)

Этнорегиональные группы	Параметры этнической идентичности			
	1	2	3	4
Русские	60,4	39,6	40,3	59,7
Татары	43,2	56,8	24,6	75,4
Группа ОР	55,5	44,5	33,6	66,4
Русские	61,2	39,8	34,5	65,5
Татары	42,7	57,3	19,7	80,3
Группа ОД	58,9	41,1	45,3	54,7
Русские	60,8	39,2	52,7	47,3
Татары	51,7	48,3	35,9	66,1

Примечание: См. примечание к табл. 4.

Для всех рассматриваемых регионов статистически значимой с точки зрения этнических групп является актуализация этнических маркеров. Очевидно, в этих республиках между этническими группами имеется существенное расхождение в частоте использования этнической

категоризации при восприятии и оценке текущих социальных ситуаций. При этом именно титульные национальности республик (и татары Оренбуржья) в большей мере склонны к такой категоризации. Возможно, сам факт «титулования» региона по имени одной из этнических групп вместе с другими факторами задает выстраивание латентных этнических иерархий. Этот вывод не следует понимать так, что мы призываем отказаться от подобного титулования, напротив, по нашему мнению, это только усугубит этнические разногласия. Но не учитывать негативных последствий этого для общественного сознания также нельзя, тем более в нынешней ситуации, когда не утихли дискуссии о том, кто кого завоевал, кто у кого сколько отнял и т.п. Очень возможно, что именно такого рода дискуссии и стимулируют стихийный процесс формирования этнических иерархий, особенно в очереди за распределяемыми благами. О последствиях всего этого для граждан России, ориентированных на свободный доход, мы будем говорить ниже.

Мы полагаем, что действующим фактором здесь является именно «титульность» одной из этнических групп, а не собственно какие-либо исторические культурные или конфессиональные их особенности. В самом деле, несмотря на единообразную реакцию на анализируемый вопрос, титульные этнические группы в республиках РФ различаются как по историческому опыту взаимодействия с русскими (второй основной этнической группой во всех исследуемых регионах), так и по особенностям традиционной культуры и конфессиональной принадлежности.

В пользу нашего вывода говорят и расхождения в оценке рассматриваемого параметра этнической идентичности у татар в разных регионах. Так, татары Башкортостана как вторая по численности нетитульная этническая группа в этой республике демонстрируют оценки, прямо противоположные оценкам татар Татарстана¹¹ (но близкие к оценкам русских). Обратим также внимание на единообразные ответы русских во всех регионах, включая Оренбуржье, независимо от различий в этнорегиональных средах и несмотря на укорененный в общественном сознании (но не совсем точно отражающий реальность) стереотип о «титульном» статусе русских в областях РФ. При этом схожесть оценок татар Оренбуржья и Татарстана наводит на мысль о том, что приписывание статуса «титульности» русским в Оренбуржье характерно скорее для татар этой области по аналогии с этнической иерархией в соседнем Татарстане.

Важный для нашего исследования вывод следует из анализа ответов на тот же самый вопрос о частоте актуализации этнической принадлежности тех же самых респондентов, но сгруппированных по эконо-

---

¹¹ Редко задумываются о своей национальности 48% татар Татарстана и 56,7% татар Башкортостана; никогда не забывают о своей национальности 52% татар Татарстана и 43,3% татар Башкортостана, т.е. разность между вариантами ответов 1 и 2 в Татарстане составляет —4 пункта, а в Башкортостане +13 пунктов.

мическим предпочтениям, т.е. по корпоративным группам. С этой точки зрения, в отличие от «этнической», распределения ответов оказываются статистически незначимыми. Другими словами, нет никаких существенных расхождений в оценках частоты актуализации этнических маркеров, обусловленных собственно предпочтением той или иной модели получения общественных благ. В этой части подтверждается наша гипотеза о том, что этническая и экономическая идентичности являются относительно независимыми и что доминирование в сознании и в повседневной практике экономических категорий самоопределения может служить реальной основой межэтнической интеграции.

Однако если мы рассмотрим отношение респондентов, принадлежащих к разным этническим группам, но имеющих одинаковые экономические ориентации (т.е. входящим в одну и ту же «корпоративную» группу), то опять обнаружим статистически значимые расхождения по этническому признаку. В группе респондентов, ориентированных на распределяемый доход (см. в табл. 4—7 данные по этнорегиональным группам ОР), распределения, отличающиеся от средних, характерны для титульных этнических групп (и татар Оренбуржья). При этом респонденты группы ОР титульной национальности в большей степени склонны воспринимать текущие социальные ситуации с учетом своей этничности, чем это делают русские. Иначе говоря, именно распределительная сфера региональных экономик наиболее подвержена влиянию последствий «титульности», а сами распределительные отношения являются питательной средой для воспроизводства латентных этнических иерархий, а следовательно, и этнического неравенства — воображаемого или реального.

О правомерности этого последнего вывода свидетельствуют и данные об отношении к частоте этнической маркировки респондентов разной этнической принадлежности, ориентированных на достижительность (см. в табл. 4—7 распределения по этнорегиональным группам ОД). Здесь также обнаруживаются статистически значимые расхождения по этническому признаку, но, во-первых, не везде, а в двух регионах из четырех анализируемых — в Татарстане и Саха (Якутии). Во-вторых, титульные группы, ориентированные на достижительность, в этих регионах демонстрируют тенденцию, прямо противоположную той, что характерна для титульных групп, ориентированных на распределяемый доход. В группе ОД респонденты титульной этнической группы в меньшей степени указывают на частую актуализацию этнических маркеров. Например, в Татарстане в группе ОР разность между татарами, выбравшими ответ «Редко задумываюсь о том, кто я по национальности» и ответ «Никогда не забываю, что я татарин», составляет -11,2 пункта, а в группе татар ОД эта цифра равна +9,4. Отсюда дополнительный вывод: условия взаимодействия в рыночных сферах экономики либо полностью нейтрализуют, либо значительно снижают потребность (или привычку) в этнической категоризации социальных ситуаций и таким

образом служат реальной почвой для межэтнической интеграции в полиэтнических средах. Но то, что этническая категоризация среди респондентов, ориентированных на рыночную деятельность все таки существует и является значимой, заставляет предположить (с учетом указанной выше важности этнической категоризации для распределительной сферы), что рыночная экономика в ряде регионов является таковой лишь условно и во всяком случае воспринимается населением как вариант распределительной экономики.

Напомним, что выше мы рассматривали параметр этничности, характеризующий скорее влияние социально-политической среды на этнические группы, а не особенности этих групп как таковых.

Второй из рассматриваемых параметров этничности — потребность в этнической аффилиации — характеризует меру внутриэтнической солидарности. Очевидно, что этнокультурные особенности влияют на формирование каких-то аспектов этнополитической среды, но это отнюдь не означает, что, например, высокая функциональность этнических традиций в современных условиях, высокая степень этнической солидарности сами по себе с неизбежностью ведут к восприятию множества социальных ситуаций как этнически обусловленных. Иначе говоря, несмотря на жесткую статистическую связь двух анализируемых параметров этничности между собой, они выражают различные аспекты функционирования этничности. И приведенные в табл. 4—7 данные (колонки 3 и 4) подтверждают это.

Даже с «этнической» точки зрения этот параметр не везде оказывается статистически значимым — только в Саха (Якутии) и Оренбуржье. Якуты и татары Оренбуржья показывают высокую степень важности этнической аффилиации и, следовательно, этнической солидарности. Русские, как и в случае с предыдущим параметром, демонстрируют примерно одни и те же частоты, свидетельствующие о более низкой потребности в этнической аффилиации по сравнению с титульными национальностями, независимо от особенностей этнорегиональной среды. В Татарстане и Башкортостане ни одна из сопоставляемых этнических групп не выделяется особенным отношением к важности этнической аффилиации (все распределения близки к средним). Дополнительно обратим внимание на различия в значимости и количественном разбросе показателей уровня этнической аффилиации у татар Татарстана и Оренбуржья. Проведенный нами анализ позволяет сделать вывод о том, что государственно-политическая институализация этничности в сочетании с другими условиями, в частности примерно одинаковым уровнем урбанизированности основных контактирующих групп, приводит к снижению ценности этнической солидарности в этническом сознании. Более того, на базе институализированной таким образом солидарности формируются какие-то протоформы государственнической солидарности. О последнем свидетельствует то, что сопоставляемые в рамках республик этнические группы не дают час-

тот, сильно отличающихся от средних. Другими словами, в российских республиках появляются и отчасти реализуются основания для внутриреспубликанской гражданской солидарности. И на это заметно влияет и/или положительно реагирует рыночная сфера экономики, в отличие от распределительной, которая оказывается полем воспроизводства дифференцированной этнической солидарности.

Как и следовало ожидать, не обнаружена статистически значимая связь корпоративных ориентаций с показателями этнической аффилиации. Это значит, что распределения этого параметра по группам ОР и ОД не отличаются заметно от средних по этническим группам. Для распределений по этническому признаку внутри группы ОР наблюдаются статистически значимые расхождения (исключая Башкортостан) за счет нестандартно высоких показателей важности этнической аффилиации в титульных этнических группах и у татар Оренбуржья. Это тоже не является неожиданным и подтверждает вывод о том, что распределительные экспектации в оплате труда являются благодатной почвой для формирования или воспроизводства латентных этнических иерархий. Как мне кажется, можно предположить, что для респондентов, ориентированных на распределяемый доход, определенная этническая принадлежность и высокая степень этнической солидарности являются либо аргументом для начисления какого-то специального коэффициента к стандартной доле, либо инструментом давления на распределительные структуры, либо тем и другим одновременно. Если иметь в виду, что таких людей в современной России большинство (судя по данным ВЦИОМ), то можно сказать, что, несмотря на декларации о соблюдении прав человека в России, в сознании подавляющего большинства населения регионов их благополучие или выживание заметным образом увязано с «правильной» этнической принадлежностью. Этот вывод отнюдь не противоречит данным о том, что большая часть населения России (43%) одобрила отсутствие графы «национальность» в новом российском паспорте¹².

Внутри группы респондентов, ориентированных на достижительность, этнические расхождения в оценке важности аффилиации статистически значимы там, где эти расхождения весомы с «этнической» точки зрения — в Саха (Якутии) и Оренбуржье. Это подтверждает вывод об особенностях функционирования разных этнических групп на рыночном поле. Вероятно, в своей деятельности по организации рыночных структур представители разных этнических групп стремятся использовать привычные, традиционные схемы солидарного взаимодействия (например, по образцу большой семьи, соседской общины, землячества и т.п.), разумеется, если такие схемы сегодня еще не размыты. В полиэтнической среде возможна и конкуренция нескольких

---

¹² <http://www.fom.ru./reports/frames/t8029610.html>

традиционных схем. Однако, как можно судить по данным в Татарстане и Башкортостане, в случае формирования некоторого общерегионального поля солидарности одна из схем (возможно, титульной этнической группы) как наиболее эффективная в данных конкретных условиях среды, становится доминирующей и используется всеми участниками рынка, независимо от этнической принадлежности. Последнее само по себе является достаточно мощным фактором межэтнической интеграции на региональном уровне и, в свою очередь, усиливает поле общерегиональной гражданской солидарности.

Общим показателем институциональной объективации солидарности любого качества мы считаем интенсивность консолидационных установок респондентов по территориально-административному признаку. Это вопрос о том, кем себя в большей степени чувствует респондент (татарстанцем, оренбуржцем и т.п. или россиянином). В инструментарии опроса была заложена шкала вариантов ответов, позволяющая мерить степень привязки к территориально-административным общностям разного уровня: от региональной привязки на одном конце шкалы до общероссийской, а также отдельный индекс нулевой привязки. Эту шкалу мы условно называем «мерой региональной консолидации». Данные по этому вопросу представлены в табл. 8—11; там же дана и расшифровка шкальных индексов для каждого из регионов.

Применительно к территориально-административной привязке, так же как и в отношении параметров идентификации, значимой для этнорегиональных групп оказывается «этническая» точка зрения. Новый аспект, открываемый в анализе данного параметра, состоит в том, что в Оренбургской области статистически значимой оказывается «корпоративная», а не «этническая» точка зрения.

В республиках отчетливо (больше статистически ожидаемой) проявляется тенденция титульных этнических групп консолидироваться преимущественно вокруг своей республиканской территории. Таким образом, и на этих распределениях подтверждается наш тезис о том, что для титульных групп республик можно говорить о феномене государственно-политической институализации этничности и о том, что республика, несмотря на официальный статус административно-территориальной, а не этнонациональной единицы, воспринимается ее населением скорее в этнических категориях. Еще один аргумент в пользу такого вывода — этнические расхождения внутри корпоративных групп в целом повторяют распределения с «этнической» точки зрения.

Появляется также новый аспект в позиции русских в республиках. Эту позицию можно определить как типично маргинальную, а намекающие тенденции отклонений в ту или иную сторону (т.е. в пользу общероссийского и республиканского гражданства) целиком и полностью зависят от конкретных характеристик данной этнорегиональной среды. Так, в Татарстане заметен уклон русских в сторону республиканской интеграции, а в Башкортостане и Саха (Якутии) с большей

Таблица 8

Мера региональной консолидации этнорегиональных групп Саха (Якутии)
(% от ответивших)

Этнорегиональные группы	Индексы региональной консолидации			
	1	2	3	0
Якуты	78,2	18,4	1,5	2,4
Русские	13,8	30,9	48,7	6,6
Группа ОР	34,0	28,3	31,7	6,0
Якуты	78,8	8,0	1,3	2,7
Русские	15,6	31,1	45,9	7,4
Группа ОД	34,2	25,0	34,9	5,9
Якуты	87,6	18,2	3,6	1,8
Русские	9,7	32,9	52,4	4,9

Примечание: Расшифровка индексов консолидации: **1.** — Чувствую себя только... (гражданином республики) или в большей мере... (гражданином республики); **2.** — Чувствую себя и тем и другим в равной мере; **3.** — Чувствую себя только россиянином или в большей мере россиянином; **0.** — Не чувствую себя ни тем ни другим. Выделенные ячейки означают, что распределения здесь *незначимы* по χ^2

Таблица 9

Мера региональной консолидации этнорегиональных групп Татарстана
(% от ответивших)

Этнорегиональные группы	Индексы региональной консолидации			
	1	2	3	0
Татары	63,2	29,6	3,0	4,2
Русские	28,3	43,2	23,5	5,2
Группа ОР	44,7	37,0	12,4	5,9
Татары	63,9	30,8	0,8	4,4
Русские	29,2	42,4	21,6	6,8
Группа ОД	45,1	34,6	17,0	3,3
Татары	61,4	25,0	7,9	5,7
Русские	25,9	45,7	27,2	1,2

Примечание: См. примечание к табл. 8.

вероятностью можно говорить о тенденции усиления у русских общероссийского сознания. Однако если рассмотреть позиции русских, относящихся к разным корпоративным группам, то можно увидеть определенные, общие для русских этих групп, тенденции выхода из маргинального статуса. Русские, предпочитающие распределительную

Таблица 10

Мера региональной консолидации этнорегиональных групп Башкортостана
(% от ответивших)

Этнорегиональные группы	Индексы региональной консолидации			
	1	2	3	0
Башкиры	61,3	26,5	6,4	5,9
Русские	16,3	45,4	32,1	6,2
Татары	47,9	30,5	15,1	6,8
Группа ОР	42,1	34,8	17,9	5,3
Башкиры	62,1	28,0	6,2	3,7
Русские	20,2	41,5	32,8	5,5
Татары	52,1	30,5	12,3	5,8
Группа ОД	35,3	38,9	20,1	5,7
Башкиры	61,7	23,5	5,8	8,8
Русские	10,9	53,8	32,0	3,4
Татары	49,4	27,1	17,7	5,9

Примечание: См. примечание к табл. 8.

Таблица 11

Мера региональной консолидации этнорегиональных групп
Оренбургской области
(% от ответивших)

Этнорегиональные группы	Индексы региональной консолидации			
	1	2	3	0
Русские	42,8	30,9	17,9	8,4
Татары	48,1	27,9	20,8	9,1
Группа ОР	41,4	32,5	18,6	7,5
Русские	43,3	31,9	18,5	6,4
Татары	41,7	26,5	22,0	9,8
Группа ОД	45,3	25,0	15,1	14,5
Русские	46,2	22,6	15,1	16,1
Татары	42,4	28,8	20,3	8,5

Примечание: См. примечание к табл. 8.

модель, более ориентированы на республиканское гражданство, а те, кто выбирает достижительность, — на общероссийское, что уже нельзя объяснить особенностями того или иного региона. Здесь мы видим еще одно свидетельство того, что участники рыночного поля чаще реагируют негативно на возможность этнической дифференциации этого

поля, которая, как мы уже обнаружили выше, характерна для российских республик.

В связи со всем сказанным выше в отношении республик интерес представляют распределения по индексам региональной консолидации в Оренбуржье как примере иного типа административно-территориального устройства. Здесь и русские, и татары демонстрируют единство в отношении территории своего проживания. Для контактирующих национальностей Оренбуржья это их «малая» Родина в составе большой России, этнической категоризации территории не наблюдается ни со стороны русских, ни со стороны татар. В то же время отношение к территории статистически значимо различается у респондентов с разными экономическими ориентациями. Обращает на себя внимание сравнительно большая доля респондентов (как видно из табл. 11, преимущественно русских) группы ОД, не чувствующих себя ни россиянами, ни оренбуржцами. Иначе говоря, в отличие от ситуации в Татарстане те же самые этнические группы в условиях Оренбуржья формулируют территориальные предпочтения скорее в экономических, нежели этнических категориях, что само по себе служит основой межэтнической интеграции в рамках региона.

В целом, если нет институциональной основы для объективации этнической солидарности в рамках общей территории проживания, то нет и этнической дифференциации на экономическом поле территорий. Этнотерриториальные группы, ориентированные на достижительность, имеют тенденцию к снижению этнической дифференциации в сферах своих интересов настолько, насколько позволяет конкретная региональная ситуация. Значит, территориальное поле именно рыночной экономики может служить и служит, при отсутствии там реальных или воображаемых этнических дифференциаций, основой для межэтнической интеграции.

Значимость упомянутых для корпоративных групп Оренбуржья расхождений связана с довольно высокой (по сравнению со статистически ожидаемой) долей оренбургских «рыночников», которые не чувствуют себя гражданами в любом варианте. Обращает на себя внимание также и то, что во всех этнорегиональных группах, ориентированных на достижительность, не обнаруживается сколько-нибудь заметная тенденция выхода на общероссийское поле, по крайней мере в плане осознания общероссийского гражданства. И здесь мы можем поставить вопрос о функциональности властей того или иного уровня на экономическом поле.

Определение населением региона ситуации как преимущественно этнической или экономической во многом зависит от того, насколько структуры власти разного уровня поддерживают этническую и экономическую категоризацию региональной ситуации. Последнее отражается в мере доверия власти со стороны этнических групп или групп по экономическим интересам. Кроме того, мера доверия властям раз-

ного уровня может служить дополнительным признаком наличия или отсутствия внутригрупповой или межгрупповой солидарности. В нашем исследовании доверие к властным структурам измерялось по шкале от доверия преимущественно региональной власти до доверия в большей степени общероссийской власти. Мы интерпретируем распределения по этой шкале и как меру функциональности и как дополнительный к территориальному признак возможной солидаризации как с «этнической», так и с «корпоративной» точек зрения.

Прежде чем перейти к анализу полученных данных об отношении к властям разного уровня, необходимо отметить, что опрос проводился в июне — ноябре 1999 г. В целом это время можно охарактеризовать как кризис доверия власти вообще, о чем свидетельствуют, в частности, простые частотные распределения ответов на вопросы о доверии к власти в региональном срезе (рис.). Из сопоставления позиций 0 и 1 на рис. ясно, что кризис этот преодолевался более или менее успешно именно на уровне региональных властей (наиболее успешно в Татарстане и наименее — в Оренбуржье) и причем не за счет понижения авторитета центральной общероссийской власти, а скорее за счет привлечения на свою сторону тех, кто вообще во власти разуверился. На рис. хорошо видно, что чем выше уровень доверия к региональной власти, тем ниже уровень недоверия к власти вообще в регионе при практически одинаковой доле доверяющих общероссийской власти во всех

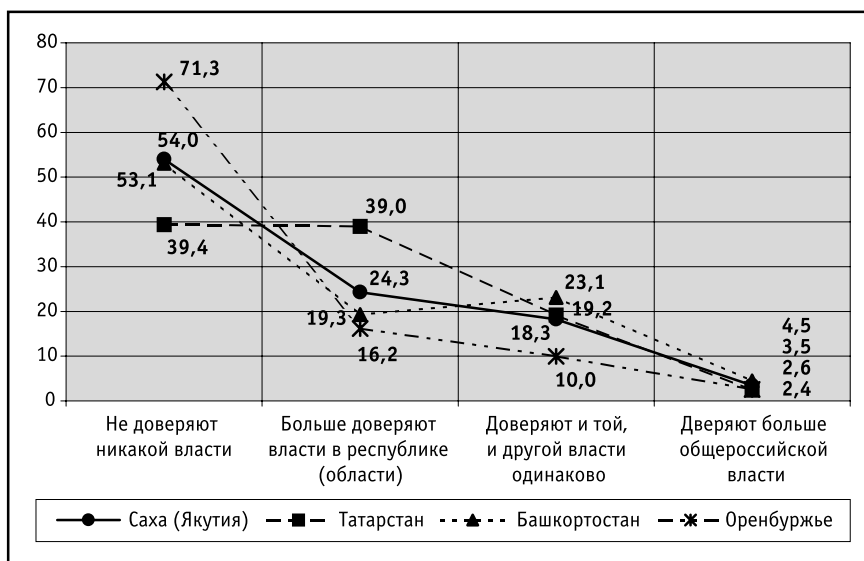

Рис. Какой власти Вы больше доверяете...
(% от ответивших горожан региона)

регионах. Последний из названных индексов — доверие к общероссийской власти — вообще настолько низок, что без дальнейшего анализа можно говорить о нефункциональности (на момент опроса) общероссийской, т.е. центральной, власти во всех аспектах. В общественном сознании россиян центральной власти как какой-то позитивной действующей структуры как бы и не существует. Возможно, сейчас поло-

Таблица 12

Мера доверия властям разного уровня у этнорегиональных групп

Саха (Якутии)
(% от ответивших)

Этнорегиональные группы	Индексы доверия властям			
	1	2	0	3
Якуты	48,3	19,0	30,7	2,0
Русские	11,1	18,4	66,0	4,5
Группа ОР	24,6	18,5	53,7	3,2
Якуты	48,3	20,8	30,2	0,7
Русские	12,0	17,8	65,5	4,7
Группа ОД	22,0	19,9	53,2	5,0
Якуты	47,2	15,1	32,1	5,7
Русские	4,1	23,3	68,5	4,1

Примечание: Расшифровка индексов доверия властям: **1.** — Больше доверяют власти республики; **2.** — Доверяют и той и другой власти одинаково; **3.** — Больше доверяют общероссийской власти; **0.** — Не доверяют ни той ни другой власти. Выделенные ячейки означают, что распределения здесь *незначимы* по χ^2

Таблица 13

Мера доверия властям разного уровня у этнорегиональных групп Татарстана

(% от ответивших)

Этнорегиональные группы	Индексы доверия властям			
	1	2	0	3
Татары	43,8	17,8	37,5	1,0
Русские	33,9	21,1	41,3	3,7
Группа ОР	40,4	19,2	39,0	1,5
Татары	46,7	17,0	35,4	0,9
Русские	34,3	20,9	42,7	2,1
Группа ОД	35,9	20,0	40,6	3,5
Татары	41,7	16,7	41,7	0,0
Русские	27,8	25,0	40,3	6,9

Примечание: См. примечание к табл. 12

Таблица 14

**Мера доверия властям разного уровня у этнорегиональных групп
Башкортостана**
(% от ответивших)

Этнорегиональные группы	Индексы доверия властям			
	1	2	0	3
Башкиры	26,5	29,9	40,5	3,0
Русские	12,7	19,8	60,8	6,8
Татары	19,4	21,3	56,3	3,0
Группа ОР	21,7	21,2	52,2	4,9
Башкиры	27,3	29,7	41,2	1,8
Русские	17,6	15,4	58,8	8,2
Татары	19,1	19,7	56,1	5,1
Группа ОД	15,8	23,3	57,1	3,8
Башкиры	27,9	26,5	39,7	5,9
Русские	5,6	24,1	66,7	3,7
Татары	19,8	19,8	60,5	0,0

Примечание: См. примечание к табл. 12.

Таблица 15

**Мера доверия властям разного уровня у этнорегиональных групп
Оренбургской области**
(% от ответивших)

Этнорегиональные группы	Индексы доверия властям			
	1	2	0	3
Русские	15,4	8,4	73,2	3,0
Татары	22,8	6,2	66,3	4,7
Группа ОР	17,6	9,6	70,8	2,0
Русские	18,9	8,6	70,8	1,7
Татары	17,1	7,8	72,1	3,1
Группа ОД	18,3	6,9	66,9	8,0
Русские	8,3	7,3	77,1	7,3
Татары	34,5	3,4	53,4	8,6

Примечание: См. примечание к табл. 12.

жение изменилось. Тем не менее необходимо иметь в виду, что речь идет о доверии к власти (аппарату управления), а не к определенному лидеру, эту власть олицетворяющему. Первое, на наш взгляд, меняется гораздо медленнее, чем второе.

В связи со всем вышесказанным мы считаем уместным в качестве другого полюса индекса доверия к региональным властям рассматривать здесь индекс недоверия к власти вообще, а не показатель отношения к общероссийской власти, поскольку, как мы обнаружили, такого полюса на момент опроса в общественном сознании фактически не было (табл.12—15).

В целом профиль распределений ответов по индексам доверия к властям с «этнической» и «корпоративной» точек зрения повторяет те же распределения по индексам региональной консолидации. И здесь и там мы наблюдаем статистически значимую связь индексов с «этническим» раскладом массивов и отсутствие такой значимой связи в «корпоративной» группировке в российских республиках; в области наблюдается обратная картина. И это само по себе составляет новый ракурс анализа в дополнение к предыдущим — показатели региональной консолидации и доверия региональным властям содержательно взаимосвязаны. Они, по нашим подсчетам, статистически значимы для всех группировок, рассматриваемых здесь (и на региональном, и на этническом, и на корпоративном уровне). Это означает, что чем выше уровень доверия к региональной власти, тем выше уровень региональной консолидации. И наоборот, высокий уровень региональной консолидации сопряжен с высоким уровнем доверия к региональным властям. К сожалению, статистически незначительные доли доверия к общероссийской власти не позволяют пока сформулировать аналогичные выводы относительно сопряженности этого уровня власти и общероссийского полюса консолидации.

Другой новый и чрезвычайно важный для нас ракурс состоит в том, что если в отношении региональной консолидации мы говорили о маргинальной позиции русских в республиках, то по признаку доверия к властям (который также можно интерпретировать как показатель солидарности) в маргинальной позиции оказываются все этнорегиональные группы. Причем один полюс колебаний — позитивная консолидация вокруг региональных властей, а другой — негативная солидарность на основе недоверия к нынешним (на 1999 г.) властям вообще.

При более детальном сопоставлении «этнической» и «корпоративной» точек зрения рассматриваемые распределения сходны с данными по показателю региональной консолидации в том, что и здесь и там нельзя обнаружить какие-то единые для всех регионов тенденции как в плане наибольшей притягательности одного из полюсов доверия (недоверия), так и в плане того, насколько эти полюса являются основой межэтнической солидарности. Здесь все зависит от уникальной региональной конкретики. Так, с одной стороны, в Татарстане (если как-то ранжировать степень притягательности региональной власти) заметна определенная и достаточно сильная тенденция межэтнической консолидации вокруг региональной власти, при доминирующей роли та-

тарской этнической группы; с другой стороны, в Оренбуржье столь же отчетлива тенденция к межэтнической консолидации на почве недоверия властям вообще при доминировании в этом процессе русской этнической группы. Саха (Якутия) в этом ряду стоит ближе к Татарстану, а Башкортостан — к Оренбуржью.

Для нас важно, как эти тенденции работают в корпоративных группах. Вышеизложенный вывод верен преимущественно для этнорегиональных групп, ориентированных на распределяемый доход. Оказывается, на сегодняшний день проблемы межэтнической интеграции решаются в регионах в известной мере на довольно рискованном в этом отношении поле распределительных отношений, т.е. за счет более (в одних регионах, например, в Татарстане) или менее (в других регионах) этнически взвешенной распределительной политики властей.

Как мы уже показали выше, распределительные отношения в полиэтнической среде чреваты выстраиванием латентных этнических иерархий и потому уже являются противоречивой основой для межэтнической солидарности и интеграции. В силу самой субъективной природы распределительных принципов, достижение межэтнической интеграции на этой почве возможно лишь благодаря благим намерениям и опыту тех или иных лидеров региональной политики или властвующих элит и до тех пор, пока эти намерения актуальны, что и подтверждается самим фактом неравномерности показателей межэтнической интеграции в разных регионах. Это, во-первых. Во-вторых, при реальном прогрессе рыночных реформ в России поле распределительных отношений будет неизбежно сужаться, а потому будет неизбежно сужаться и основа подобной рискованной интеграции.

Рыночные модели экономики являются более надежной основой межэтнической интеграции, поскольку объективно требуют доминирования экономической категоризации над этнической в целях большей конкурентоспособности. Рассмотренные выше данные об оценке параметров этничности респондентами, ориентированными на достижительность, подтверждают это. Однако совместный анализ распределения признаков региональной консолидации и доверия к власти внутри этой группы свидетельствует о намечающихся тенденциях выхода из маргинальной позиции, противоположной той, что была зафиксирована для группы адептов распределительной экономики. Прежде всего это заметная даже в Татарстане этническая разобщенность в оценках доверия к региональной власти. У представителей титульных групп ОД (и соответствующей группы татар Оренбуржья) индекс доверия региональной власти находится примерно на том же уровне, что и в данной этнической группе в целом. А у русских, ориентированных на достижительность во всех регионах (особенно в Оренбуржье) наблюдается выраженный дефицит доверия к власти вообще. Таким образом, в отношении этой корпоративной группы мы можем говорить о существовании этнической дифференциации. Однако

она базируется на столь же противоречивой, нерелевантной для нее почве, а значит, и столь же неустойчива, многовариантна по своим источникам и последствиям, как и межэтническая интеграция в распределительной сфере.

В самом деле, во-первых, дефицит доверия к власти вообще не является, по сути, конкурирующим полюсом доверия к региональной власти. Напротив, как мы уже обратили внимание выше, анализируя графики на рис., это скорее просто не задействованный региональным уровнем ресурс, из которого региональная власть черпает своих сторонников. Во-вторых, этот ресурс и не может быть задействован регионом полностью, поскольку основные инструменты организации нормального рыночного поля находились в руках нефункциональной (на момент опроса) общероссийской власти. Так что проблема преодоления этнической дифференциации в сфере рынка, превращение его из потенциального в реальное и перспективное ядро межэтнической интеграции на общероссийском уровне — это проблема общероссийской власти.

* * *

В заключение коротко подытожим выводы, сделанные в ходе анализа.

1. В России пока не существует единого, равного для всех этнорегиональных групп экономического пространства, независимо от ориентаций на распределение или свободное предпринимательство. Не все этнорегиональные группы определяют текущую экономическую ситуацию в своем регионе как новую, рыночную, что тоже ведет к неравенству в реализации экономических интересов разными этническими группами.

2. Если в этнорегиональных средах в составе сельского населения преобладает одна этническая (титульная, как правило) группа, а в составе городского населения — другая (как правило, нетитульная), то достаточно мощный фактор социально-демографической дифференциации населения (на городское и сельское) в выборе той или иной экономической модели превращается в фактор этнического неравенства возможностей участия в экономической деятельности того или иного типа, разделяющий не только горожан и сельских жителей, но прежде всего представителей разных этнических групп внутри городской и сельской сред. В городской среде этот фактор действует в той мере, в какой, во-первых, оказывается актуальной внутриэтническая солидарность контактирующих национальных групп и в какой, во-вторых, эта мера этнической солидарности реализуется в данной региональной среде.

3. Даже в условиях конституционных гарантий равенства этнических групп и перехода на рыночную модель функционирования экономики на уровне повседневного общественного сознания в современной России сохраняется востребованность в этнической категоризации социальных ситуаций. Потребность в этнической категоризации стиму-

лируется самим фактом «титулования» некоторых регионов по одной из этнических групп. Это — одна из причин выстраивания латентных этнических иерархий на экономическом поле.

4. Распределительная сфера региональных экономик в наибольшей степени взаимосвязана с символической «титульностью», а сами распределительные отношения являются питательной средой для воспроизводства латентных этнических иерархий, а следовательно, и этнического неравенства, воображаемого или реального.

5. Для респондентов, ориентированных на распределяемый доход, определенная этническая принадлежность и относительно высокая степень этнической солидарности являются либо аргументом в пользу введения какого-то специального коэффициента к стандартной общероссийской доле, либо инструментом давления на распределительные структуры, либо тем и другим одновременно. Если иметь в виду, что таких людей в современной России большинство (судя по данным ВЦИОМ), то можно сказать, что, несмотря на декларации о соблюдении прав человека в России, в сознании подавляющего большинства населения регионов их благополучие или выживание значимо увязано с фактом этнической принадлежности.

6. Конкурентная борьба и неравенство, присущие рыночной экономике, в случае этнической категоризации экономических ситуаций, превращаются из естественных рыночных конкуренции и неравенства в межэтническое противостояние и этническое неравенство, проявляющиеся даже более конфликтно, чем в распределительной сфере.

7. В целом, если нет институциональной основы для объективации этнической солидарности в рамках общей территории проживания, то нет и этнической дифференциации на экономическом поле территорий. Этнорегиональные группы, ориентированные на достижительность, имеют тенденцию к снижению этнической дифференциации в сферах своих интересов настолько, насколько позволяет конкретная региональная ситуация. Значит, территориальное поле именно рыночной экономики может служить основой для межэтнической интеграции.

8. На сегодняшний день проблемы межэтнической интеграции решаются в регионах на довольно рискованном в этом отношении поле распределительных отношений, т.е. за счет более или менее этнически взвешенной распределительной политики региональных властных элит. И наоборот, в среде респондентов, ориентированных на достижительность, т.е. на рыночные отношения, существуют заметные этнические дифференциации. Однако основа этих дифференциаций столь же противоречива, объективно нерелевантна для рыночной среды, а значит, и столь же бесперспективна, субъективна по своим источникам, как и межэтническая интеграция в распределительной сфере.

Глава 4

ВОСПРИЯТИЕ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА И СТРАТЕГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОТИВАЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП

Идея о неизбежности социального неравенства и его «правомерности» достаточно новая для россиян. Она возникает в последнее десятилетие в результате осознания процессов крушения старой системы социальной стратификации и возникновения нового социального расслоения на богатых и бедных, преуспевающих и выживающих. Понимание происходящих в России социально-экономических изменений сопровождается формированием нового знания о богатстве и бедности и — одновременно — представлениями о путях достижения желаемого материального благополучия (достатка или богатства) и избегания нищеты.

Одну из задач проекта «СН» мы видели в том, чтобы не только содержательно описать сформировавшиеся в массовом сознании в последнее десятилетие представления о богатстве и бедности, но и связать мотивационный импульс к достижению богатства и избеганию нищеты с ценностными характеристиками изучаемых нами субкультур. В данной главе мы это делаем на примере русских, татар и саха (якутов).

Можно говорить, по крайней мере, о трех пластах ценностных ориентаций, влияющих сегодня на формирование стратегий экономического поведения людей. Это культурно-традиционная этика труда и достижительства; советский и досоветский патернализм и эгалитарные ценности советской и традиционно-православной идеологии, а также новая экономическая мораль, раскрывающаяся как через агрессивное захватничество, так и предполагающая прагматичный расчет на собственные силы и «умение крутиться». О значимости этих детерминант говорят многочисленные российские исследования экономического сознания и поведения (Н.И. Лапин, Г.Г. Дилигенский, В.С. Магун и др.)¹.

Через призму некоторых из этих ценностных влияний мы намереваемся рассмотреть стратегии экономического целеполагания этнических групп русских, татар и саха в республиках Татарстан и Саха (Якутия), а также русских и татар Оренбургской области.

Наша задача в конечном итоге — через сравнительный анализ обыденных представлений о нищете и богатстве и ценностно-трудовых установок в сфере экономического поведения найти очаги конфликтности и несогласованности или согласованности и взаимной дополняемости стратегий экономической мотивации исследуемых этнических

---

¹ Лапин Н.И. Пути России. М., 2000.; Дилигенский Г.Г. Что мы знаем о гражданском обществе? // Pro et Contra. 1997 Осень.; Магун В.С. Российские трудовые ценности: идеология и массовое сознание // Мир России. 1998. № 4.

групп. Мотивационные экономические стратегии, по-разному проявляясь в изучаемых этнических средах, могут обуславливать со стороны какой-либо этнической группы восприятие происходящих рыночных изменений как неравноправных для возможного участия собственной группы в экономических и социальных преобразованиях и формировании ее социально-экономического статуса. Очевидно, что этнокультурно обусловленные стандарты качества жизни и вектор трудовой мотивации создают неодинаковый потенциал стремления этнических групп к социальному достижению и успеху. Преимущества в новых экономических условиях сегодняшней России (при благоприятном развитии социально-политической и экономической ситуации) будут иметь те группы, психологический потенциал и культурный багаж которых позволит максимально успешно включиться в ценности новой жизни, чьи стратегии экономической мотивации окажутся наиболее целенаправленными и устойчивыми, адекватными социальным запросам трансформирующегося общества.

В рамках поставленных нами эмпирических задач мы определили индикаторы, показывающие значение труда и усилий, отношение к богатству (поощрение или осуждение его), веру в возможность праведным путем достичь материального благополучия, а также индикаторы «достижительских» и «аскриптивных» (по Т. Парсонсу²) моделей мотивации социально-экономического действия.

Современными исследователями показано, что советская трудовая этика строилась на внеэкономических, по сути принудительных, или, что тоже было достаточно распространенным, просто не-эгоистических мотивационных началах³. В последние 10 лет стихийно формируется новая модель экономического поведения, но она существует без целостной и аутентичной идеологической базы. Перечисленные нами три пласта ценностных/идеологических ориентаций, имеющих непосредственное отношение к экономическому поведению (культурно-традиционная этика труда и достижения, досоветский и советский патернализм и новая экономическая мораль) причудливо уживаются в повседневном опыте, являя собою некий мотивационный «синкрет»⁴ как объединение разноуровневых и во многом противоречивых установок, питающих экономическое поведение.

---

² Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2000. С. 496—498.

³ Магун В.С. Российские трудовые ценности в сравнительной перспективе // Социологические чтения. Вып. 2. М., 1997.

⁴ Под синкретом в психологии мышления понимается нерасчлененное объединение различных представлений и впечатлений, которые составляют первичное ядро восприятия. Понятие введено Ж. Пиаже и разработано Л.С. Выготским.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА

Прежде чем перейти к анализу эмпирического материала, определимся в теоретических подходах к его исследованию.

Наиболее востребованной (вынужденно востребованной, в силу радикальных общественных изменений) антитезой достигательской стратегии сегодня является стратегия выживания. Современное российское общество далеко от однородности; крушение прежних единых коллективных представлений и ряда социальных институтов способствовало тому, что часть общества спустилась на адаптационный уровень социальности, главной движущей силой которой является выживание (Т. Парсонс, В. Федотова⁵). В главе будет рассмотрено соотношение достигательских и адаптационных стратегий экономического целеполагания, их диспозиция в изучаемых этнических средах. Собственно мотивация достижения рассматривается с позиций теории Маклеланда-Аткинсона, согласно которой актуализация мотива достижения у членов общества сопряжена с его экономическим ростом⁶.

В соответствии с общей задачей осуществленного проекта — рассмотреть существующее ныне социальное неравенство, опираясь в том числе и на этнокультурно обусловленные критерии его восприятия, мы стремились к тому, чтобы через анализ *ценностных ориентаций* (проявляющих себя в установках экономического сознания) и *категорий повседневного знания* выявить мотивационные стратегии экономического поведения этнических групп как возможный фактор субъективно переживаемого ими социально-экономического неравенства.

Суть используемого нами метода в том, что поиск мотивационных экономических стратегий мы осуществляем через анализ категорий обыденного знания, связанного с пониманием того, что значит в современной России быть нищим, бедным, жить в достатке и быть богатым.

Доступ к обыденным представлениям о нищете, бедности, достатке и богатстве мы получили, включив в ткань опросника 4 открытых вопроса «Что значит, по-Вашему мнению, быть нищим? Быть бедным? Жить в достатке? Быть богатым?». Доступ к ценностным ориентациям экономического сознания получен через анализ соответствующих установок, функционирующих в поле экономического поведения и выражающих собой отношение к труду и усилиям, отношение к богатству (поощрение или осуждение его), веру в возможность праведным путем достичь материального благополучия, а также через анализ традиционных и новых рыночных устремлений.

---

⁵ Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. М., 1997; Федотова В.Г. Необучаемые? // Независимая газета. 1999. 30 июня.; Парсонс Т. Указ. соч.

⁶ McClelland D., Atkinson J. et al. The Achievement Motive. N.Y., 1953; McClelland D. The Achieving Society. N.Y., 1961.

Происходящее сегодня в России оформление институциональных форм богатства и нищеты позволяет заключить, что именно «дотеоретическое знание»⁷ в форме представлений — о богатстве, достатке и нищете, о значении труда и способах накопления богатства, о достижительности или фатальности в вопросах экономического поведения — задает собственно мотивационный импульс разворачивающегося институционализированного экономического поведения.

Подобный подход позволил бы не только оценить содержательную направленность достигательского потенциала экономических устремлений исследуемых этнических групп, но и спрогнозировать «стили»⁸ межэтнических взаимодействий, складывающиеся между русскими и саха в Саха (Якутии), русскими и татарами в Татарстане.

Такая ориентация исследования дает возможность применить социально-психологический понятийный аппарат внутри собственно социологического исследования, т.е. в чем-то соединить психологические и социологические методы анализа данных. Мы отдаем себе отчет, что соединение социологических и психологических понятий и методов анализа оправдано в данном случае лишь тем, что в обществе происходят серьезные и быстroteкущие трансформации, сопровождающиеся революционными изменениями сознания, сменой социальных установок, которые, как известно, являются регулятором деятельности в самом широком смысле слова⁹. Поэтому психологический фактор сегодня выполняет функции не столько адаптации к происходящим переменам, сколько реально в значительной мере задает вектор социального развития, особенно в ситуации этнического многообразия и определенной конкуренции культур в России.

Анализ мотивационных стратегий в сфере экономического поведения в различных этнических средах осуществлялся в сравнительной перспективе, поэтому группы, обнаружившие большую выраженность (сформированность, представленность) той или иной установки экономического сознания или мотивационной стратегии, мы рассматриваем как обладающие большим (в сравнении с другими) потенциалом по ее реализации. В этих группах больше представлены социальные агенты — носители данной установки или мотивационной стратегии. (Везде в данном тексте слова «превышает», «значительно превышает», относящиеся к числовым характеристикам изучаемых установок и мотивационных стратегий, означают, что разница в цифровых значениях проверялась соответствующими статистическими критериями и является статистически значимой ($p=0,05$).

---

⁷ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 109—110.

⁸ Ионин Л.Г. Социология культуры. М., 1998.

⁹ Асмолов А.Г. Деятельность и установка. М., 1979.

При вычленении этнокультурной составляющей мотивационных детерминант экономического целеполагания мы руководствовались тезисом Ф. Барта о том, что этнические различия, будучи формой социально-организованных различий, могут пронизывать не всю социальную жизнь, а функционировать только в отдельных «секторах действительности», создавая очаги этнокультурной конкурентности либо взаимной дополняемости¹⁰. Дальнейший анализ покажет, что и в сфере экономического поведения этнические различия имеют силу лишь в отдельных «секторах действительности».

По сути, изучаемые нами мотивационные стратегии отражают репертуар наиболее устойчивых практик (по П. Бурдьё), используемых для достижения достатка и богатства и избежания нищеты и бедности, поэтому для нас плодотворным оказывается понятие габитуса как набора интериоризированных социальных практик. Поскольку «категории социального восприятия и оценивания вписаны в габитус агента, производящего определенную практику»¹¹, мы соответственно и полагаем, что в изучаемых оценках богатства, достатка, бедности и нищеты проявляются мотивирующие экономическую практику агента структуры.

Следует отметить, что в настоящее время традиционный для советского периода характер взаимоотношений русских и титульных групп в республиках меняется. Изменения эти инициированы как реальным перераспределением политических, а в каких-то случаях и материальных ресурсов в пользу титульных этнических групп (например, в Саха (Якутии) и Татарстане), так и субъективным переживанием происходящих в 90-е гг. социальных трансформаций как процессов с неодинаковыми психологическими последствиями: с известным психологическим «выигрышем» для титульных народов и определенным психологическим «проигрышем» для русских.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ САМОЧУВСТВИЕ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП

Психологический проигрыш и выигрыш — категории относительные. Судя по данным осуществленного проекта, русские в республиках в иноэтнической среде (Татарстане, Саха (Якутии) и даже в своей этнической среде (в Оренбургской области) чувствуют себя заметно хуже в сравнении с татарами и якутами. Это зафиксировано на уровне оценок материального положения, отнесения себя к среднему классу (ре-

¹⁰ Barth F. Introduction // *Ethnic Groups and Boundaries: the Social Organizations of Culture Difference* / Ed. by F. Barth. Oslo: Universitetsforlaget, 1969. P. 30.

¹¹ Бурдьё П. Практический смысл. СПб.; М. 2001; Шматко Н.А. Генетический структурлизм Пьера Бурдьё // *История теоретической социологии*. Т.4. СПб., 2000. С. 395—396.

ально срединному социальному слою), общего социального оптимизма/пессимизма.

Однако данные, полученные нами и которые приводятся далее в настоящей главе, позволяют заключить, что русские оказались в ситуации известного психологического проигрыша не только в результате перераспределения политических, а иногда и экономических ресурсов в пользу титульного представительства и негативного восприятия этого перераспределения, но и в силу собственных культурных (и не только) особенностей, воплощающихся в характеристиках *группового габитуса* русских.

Начнем с того, что начальные (стартовые) условия реализации той или иной экономической стратегии, т.е. социально-экономический фон, по-разному переживаются русскими и титульными народами в Татарстане и Саха (Якутии) и в Оренбургской области. Если говорить об общих тенденциях, то можно фиксировать, что русскими они переживаются более болезненно.

В городской среде Татарстана это проявляется и в более пессимистической оценке русскими собственного материального положения (37,5% татар и 47,5% русских определили свое материальное положение как «денег хватает только на еду»), и в восприятии жизни как становящейся хуже с течением времени, и в социальной самооценке (более 40% городских русских отнесли себя к низшему классу, в то время как среди татар так оценили себя 28%). Четверть городских русских и 17% сельских исчерпали потенциал терпения в отношении социальной действительности, выразив согласие с суждением «терпеть наше бедственное положение далее невозможно», среди татар эти значения меньше — соответственно 15,3% в городах и 8% на селе.

То же самое мы наблюдаем и в Саха (Якутии). Социально-экономический фон благоприятнее воспринимается саха-якутами, чем русскими. Городские якуты демонстрируют большую, нежели городские русские психологическую готовность к восприятию рыночных реформ (за то, чтобы продолжать рыночные реформы, высказались 60% саха и 43% русских); у городских саха заметнее выражена тенденция к позитивной личностной самооценке в вопросах экономического достижения (чаще соглашались с суждением «у меня достаточно способностей и умения, чтобы воплотить в жизнь задуманное»), они значительно чаще соглашались с тем, что «в последние годы люди стали жить труднее, но интереснее». Русские же чаще оценивают свою жизнь как становящуюся хуже с течением времени (41% русских и 26% саха в городах против 53 и 36% на селе).

Таким образом, у городских русских в Татарстане хуже самооценка по социально-экономическому положению и больше выражена социальная усталость. Городские русские Якутии в большей мере, нежели якуты, устали от жизни в условиях рыночных реформ, у них ниже показатели индивидуальной самооценки.

В Оренбургской области, где русские ощущают себя в своей этнической среде, оценки городскими русскими собственного материального положения лишь чуть лучше, чем в республиках, но социально-классовая самооценка такая же, как в Татарстане, и даже ниже, чем в Саха (Якутии). У русских в Оренбуржье еще значительнее, чем в республиках, выражено социальное недовольство: более 1/3 городских и сельских русских исчерпали потенциал терпения («терпеть наше бедственное положение далее невозможно» — 38%). Особенно заметны эти тенденции в русской сельской среде, где зафиксированы наибольшие показатели неприятия рыночных реформ — за то, что их «следует прекратить» высказались 45%.

Поэтому в целом можно говорить, что сложившиеся социально-психологические предпосылки для формирования нового экономического поведения, фиксируемые нами в изучаемых регионах, были более позитивными в среде титульных народов, нежели у русских.

Естественно, что этому есть политические и социально-экономические объяснения. Анализу этих причин посвящены наши предыдущие проекты «Национальное самосознание, национализм и разрешение конфликтов в РФ», «Этнические и административные границы: факторы стабильности и конфликтности»¹². Мы же рассмотрим культурно-психологические детерминанты такого отношения русских и титульных групп к трансформационным процессам последнего десятилетия, а также мотивационные структуры экономического поведения населения, обусловленные в том числе и политическим статусом региона.

Очевидно, что мотивационных детерминант экономического поведения очень и очень много. Во многом они сплетаются с личностными и демографическими характеристиками, во многом обусловлены глобальными ценностными паттернами¹³, подвержены ситуационным влияниям, обусловлены культурным багажом, а также актуальными общеполитическими событиями (например, динамикой курса доллара). Мы сделали попытку обнаружить ресурсы и стратегии экономического целеположения в различных этнических средах через содержательный и количественный анализ категорий, описывающих богатство и нищету, бедность и достаток.

Существовавшее в течение периода советской власти совмещение (наложение) традиционно-культурного и прокоммунистического хозяй-

---

¹² Дробижина Л.М., Аклаев А.Р., Коротева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 1996.; Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России / Авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижина. М., 1998.

¹³ Магун В.С., Литвинцева А.З. Жизненные притязания ранней юности и стратегии их реализации: 80-е и 90-е годы. М., 1993; Inglehart R. Modernization and postmodernization: cultural, economic and political change in 43 societies. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1997.

ственных этосов должно было сформировать у советского человека в области его экономического поведения уникальные мотивационные структуры, в которых при единой уравнилельской и в целом утопической идеологии реальное экономическое поведение должно было опираться на различную (Россия — страна полиэтническая) в культурном отношении и единообразную в идеологическом содержании мотивацию.

Прежде чем обратиться к рассмотрению собственно мотивационных стратегий экономического поведения исследуемых этнических групп, позволим себе цитату из М. Вебера. Как известно, М. Вебер показал, что постоянный рост интенсивности и производительности труда несовместим с традиционным типом хозяйствования. В основе традиционного жизненного уклада лежит — согласно Веберу — такой хозяйственный этос, который предполагает достаточно безмятежное существование и наслаждение жизнью. «Не слишком утомительный рабочий день — около 5—6 рабочих часов... сносный заработок, позволявший вести приличный образ жизни, а в хорошие времена и откладывать небольшие суммы; в целом сравнительно лояльные, основанные на совпадении деловых принципов отношения между конкурентами; частое посещение «клуба»; в зависимости от обстоятельств кружка пива по вечерам, семейные праздники и в целом размеренная спокойная жизнь»¹⁴.

Это достаточно близкий образ и для характеристики советского работника. Однако последнее десятилетие политического и экономического развития России подтвердило тезис М. Вебера о том, что вторжение «капиталистического духа» несовместимо с безмятежным существованием и простыми житейскими радостями экономически легкой жизни.

Перестройка и последовавшие за ней экономические реформы выпустили джина из бутылки, в Россию действительно вторгся «дух капитализма». Но это вторжение было спровоцировано не частной инициативой, подвижной определенным идеалом благочестия и поисками индивидуального спасения в труде и следовании профессиональному призванию, а возможностью выйти из-под опеки государственного контроля — для одних, и потребностью физически выжить — для других.

В возникшей ситуации идеологического вакуума и процессов серьезных общественных изменений мотивационные структуры экономического поведения стали подпитываться традиционно-культурными характеристиками хозяйственного этоса. Поэтому, говоря об экономических мотивационных стратегиях, мы были нацелены на поиск латентно существующих в русской, татарской и якутской культурах ценностей, которые могли бы быть востребованы в современных усло-

---

¹⁴ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. // Избранные произведения. М., 1990. С. 86—87.

виях трансформационных процессов и помогли бы осуществить переход «к таким формам производства, которые требуют труда, внимания и инициативы»¹⁵.

Переход к новым формам трудового поведения, зарождение предпринимательского духа возможно, по Веберу, тогда, когда для этого вызревают необходимые идейные воззрения, не обязательно сугубо религиозного толка, главное, это этически опосредованное отношение к собственным мирским обязанностям, связанным прежде всего с трудом и профессией¹⁶.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Чтобы оценить меру подготовленности массового сознания к восприятию и продуцированию предпринимательских идейных установок, мы включили в опросник русские пословицы и псевдопословицы. В них отражено такое отношение к труду и накоплению, которое зафиксировано повседневным опытом как некий рецепт, с помощью которого возможно групповое и индивидуальное «самопрограммирование» (П. Бергер, Т. Лукман) экономического поведения. Операционально они представляют расхожие установки экономического сознания в отношении труда, накопительства и богатства, воплощающие определенный «вектор» хозяйственного этоса.

«Кто правдой живет, тот добро наживет» — пословица, выражающая уверенность в возможности праведным путем достичь материального благополучия; «От работы не будешь богат, а будешь горбат» — выражает восприятие труда с позиций личной непроизводительности и некоей обреченности; пословица «Богатому черти деньги куют» несет заряд этического осуждения богатства; «Если бедный украдет, его Бог простит» — выражает этически снисходительное отношение к воровству. Этот перечень дополняется псевдопословицами, в основе которых лежат различные стандартные переменные¹⁷ мотивационных моделей социального действия: аскриптивная («Человеку на роду написано, жить в богатстве или бедности») либо достижительная («Любой человек может стать богатым, если этого захочет»).

Как проективный индикатор уровня экономических притязаний населения, за которым тоже стоят реальные мотивации экономического поведения, нами используется суждение «Если человек сыт, то его нельзя считать бедным». Уровень экономических притязаний был необходим для нашего анализа, так как показывает меру распространения первичных, адаптивных критериев социального благополучия.

¹⁵ Вебер М. Протестантская этика... С. 82.

¹⁶ Там же. С. 99.

¹⁷ Парсонс Т. О структуре социального действия. С. 496.

Свободное описание нищеты-богатства, данное в ответах на открытые вопросы «Что значит, по-Вашему мнению, быть нищим? Быть бедным? Жить в достатке? Быть богатым?», на наш взгляд, можно рассматривать как ассоциации. Именно поэтому в этих описаниях спонтанно проявляется актуальная мотивационная детерминанта, развертывающаяся в поле экономического поведения¹⁸.

Такой подход «через ассоциацию» к исследованию восприятия значимых социальных представлений (Московичи) может быть плодотворным, если допустить, что за этими представлениями стоит реальный уровень экономических притязаний и определенные, стихийно складывающиеся экономические стратегии. Поэтому свободное описание нищеты, бедности, богатства и достатка мы намереемся использовать в качестве *инструмента* исследования экономической мотивации.

Свободными ассоциациями как проявлением бессознательных мотивационных тенденций впервые заинтересовался З. Фрейд¹⁹. К. Юнг применял ассоциативный эксперимент уже как метод для обнаружения реальных мотивов, детерминирующих психологическое состояние и поведение человека²⁰, а также для поиска *смысловой обусловленности* продуктов психической деятельности²¹.

Естественно, что, проводя социологическое исследование, было бы неразумно полагать, что имеешь дело с индивидуальным бессознательным и его продуктом — свободными ассоциациями, понимаемыми в духе З. Фрейда или К. Юнга, как свидетельства аффективно заряженных комплексов. Ассоциации, о которых можно говорить применительно к нашему материалу (т.е. ответы на открытые вопросы «Что значит быть нищим? Быть бедным? Жить в достатке? Быть богатым?») следует рассматривать как результат актуализации латентных, стихийно складывающихся социальных представлений, связанных с меняющейся экономической ситуацией в стране в целом, с экономическим сознанием, стандартами жизни, многими другими переменными, а также интересующими нас экономическими мотивационными стратегиями.

Вычленение из ответов-высказываний определенных смысловых категорий (процедура кодирования) осуществлялось эмпирическим образом — через многократное прочитывание их и отсеивание схожих ответов, которые постепенно, накапливаясь, складывались в определенную категорию²². В результате по каждому из понятий (нищета,

¹⁸ Общая психодиагностика / Ред. А.А. Бодалев, В.В. Столин. М., 1987.

¹⁹ Метод свободных ассоциаций был изложен З. Фрейдом в работе «Толкование сновидений» (1900).

²⁰ Юнг К. Вспоминания. Сновидения. Размышления. Киев, 1994. С. 122—125.

²¹ Там же. С. 132.

²² В соответствии с рекомендациями методологов по качественному анализу социологических данных, см.: Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманитаристическую социологию. М., 1998. С. 183—189.

бедность, достаток и богатство) в каждом массиве данных (Татарстан, Саха (Якутия), Оренбургская область) сложился перечень категорий, которыми это понятие описывается. Следует сказать, что кодировка осуществлялась в целом по республиканскому (или областному) мас-сиву, без предварительной разбивки массивов по этническому призна-ку, что автоматически означало инвариантность кодируемых катего-рий относительно этнических групп.

Анализ представлений о нищете-богатстве и вычленение их этно-культурной составляющей строились на основании содержательных и частотных характеристик *категорий*, употребляемых этническими группами при описании нищеты-богатства. Ниже приводится перечень сложившихся категорий-описаний и примеры ответов, образующие данную категорию. В скобках обозначена национальность респонден-та, чей ответ цитируется (р — русский, т — татарин, я — якут). Отде-лу, содержащему более одного определения, присваивалось несколь-ко кодов. Например, ответ «быть голодным, никому не нужным, попро-шайничать» кодировался как (2, 3, 8).

НИЩЕТА

1. Ничего не иметь — «ничего нет» (р).
2. Голод, недоедание — «на хлеб не хватает» (р), «не иметь пищи» (т), «не иметь еды» (я), «покушать нечего» (р), «не иметь хлеба» (р).
3. Одиночество, отсутствие первичных социальных связей, поддер-жки, — «человек без родственников, одиночка» (я), «не иметь семьи» (р), «не иметь друзей» (р), «нет родных, близких» (т).
4. Неприложение усилий (как некий дефект человека), лень, ал-коголизм — «быть ленивым» (т), «опуститься до такого состоя-ния, когда не можешь заработать кусок хлеба» (р), «слоняться без дела» (р), «кто не любит работать» (т), «бездельник» (я), «быть пьяницей, тунеядцем» (я), «быть лодырем» (р).
5. Беспомощные, в силу каких-либо причин, люди; несчастные — инвалиды, больные (в Якутии — многодетные) — «нездоровые люди» (я), «это несчастные, остается им только умереть» (р), «инвалиды» (р), «калеки» (р), «многодетные, вдовы, одинокие матери» (я), «старость, болезни» (т), «обделенные люди» (т), «быть нетрудоспособным» (р).
6. Страшно, унижительно, комплекс безысходности — «это самый край» (р), «ужасное положение» (р), «быть изгоем» (т), «нет стремления жить, пустота» (т), «быть бесправным» (р), «песси-мизм» (я), «это ад» (р), «оскорбительно, унижительно» (я), «быть обезличенной, униженной, ненужной» (я).
7. Ссылки на государство — «в этой стране все нищие» (р), «госу-дарство довело людей до нищеты» (я), «незащищенность от го-сударства, вранье от правительства, человек остается один на один как волк» (я), «у нас полстраны нищих» (р), «Борис Е. сде-

- лал нас всех нищими» (р), «работать и ничего не получать» (р), «мы нищие, но не по своей воле» (р).
8. Иждивенчество, милостыня, попрошайничество — «попрошайка» (я), «побираться» (р), «люди, которые побираются по вокзалам, помойкам» (р), «жить подаванием» (р), «сидеть с протянутой рукой» (р), «стоять с протянутой рукой» (т).
  9. Духовная нищета, духовная оценка — «духовно беден» (т), «отсталый в моральном смысле, невоспитанный и духовно необразованный» (т), «моральное бескультурье» (р), «внутреннее состояние души» (р), «без морально устойчивых взглядов» (я), «духовная нищета» (я, р), не иметь никакой цели в жизни, не стремиться ни к чему» (р).
  10. Отсутствие денег, доходов — «не иметь денег на существование» (я), «не иметь стабильный доход» (я), «у которого нет денег» (р), «нет денег» (т).
  11. Отсутствие жилья — «быть без крова» (я), «не иметь крыши над головой» (р), «не иметь квартиры» (р), «не иметь жилья» (р), «нет жилья» (т).
  12. Нет работы и заработков, профессии, образования — «безработица» (я), «не иметь работу» (р), «не имеющий профессии» (я), «быть безработным» (я) «безграмотные» (я).
  13. Жизнь ниже прожиточного минимума — «ниже прожиточного минимума» (р).
  14. Мизерная зарплата, ее «тянуть» — «сводить концы с концами» (р), «иметь маленькую зарплату» (р), «не иметь зарплаты или иметь мизерную зарплату» (р).
  15. Бомж, бич, беженец.

На подобные категории разбились и ответы на вопрос «Что значит быть бедным?». Несколько изменилось только их содержательное наполнение.

БЕДНОСТЬ

1. Только еда — «не быть голодным» (р), «хватает только на пропитание» (р), «можно купить только продукты питания и все» (т), «работать полностью на пропитание» (т), «иметь только на хлеб» (я).
2. Голод, недоедание — «быть постоянно голодным» (я), «не хватает на еду» (я), «не иметь куска хлеба, пустой холодильник» (р), «жить впроголодь» (я), «не досыта есть» (т).
3. Отсутствие первичных социальных связей, поддержки — «не иметь друзей, родственников» (р), «некому помочь» (т), «который не имеет близких, родственников» (я), «не иметь друзей» (я).
4. Неприложение усилий, лень, алкоголизм — «ленивые, распущенные» (я), «выпивающие люди» (я), «не стремиться к рабо-

- те» (р), «быть ленивым до безграничья (р), «сидеть и ничего не делать» (р), «такие не стараются нормально жить» (т).
5. Низкооплачиваемая работа, маленькая зарплата — «зарплата, которая не дает ничего» (я), «работающие, но имеющие малооплачиваемую работу» (я), «работать за гроши» (р), «работать, но получать мало» (р).
  6. Безысходность, унижительность — «безнадежное положение» (р), «это ужасно, никому не пожелаешь, стыдно» (т), «быть злым, постоянно находиться в депрессии» (р), «быть несчастным» (я), «чувствовать оскорбительность, невозможность жить нормальной человеческой жизнью» (я), «влачить жалкое существование» (р).
  7. Ссылки на государство (или замещающих его персонажей) — «имеет работу, но не выплачивают зарплату» (я), «сейчас все бедные, безработные, это зависит от власти» (я), «бедняками сделали демократы» (р), «когда оплата не соответствует труду» (т), «ненужным быть государству» (т).
  8. Бедность не порок (зафиксировано только в Татарстане и Оренбургской области) — «если чем-то увлекаешься, то бедность не порок» (р), «он бьется, бьется, а не может ничего, счастье не дается» (р), «временное явление, те, которые могут выбраться со дна» (т), «у кого есть совесть, честные» (р).
  9. Духовная бедность (или оценка через нематериальные категории) — «значит быть духовно бедным» (р), «ни к чему не стремиться» (р), «нельзя реализовать то, что хочется» (т), «иметь очень мало в духовном плане» (т), «не иметь возможности думать о культурном досуге» (р).
  10. Есть необходимое, прожиточный минимум — «человек, имеющий прожиточный минимум» (р), «иметь все необходимое» (р), «иметь только крайне необходимое» (я), «иметь минимум, поддерживать физиологическое существование» (р), «хватает на то, что необходимо» (т).
  11. Нехватка денег, средств к существованию, доходов — «у кого мало денег» (т), «недостаток средств» (я), «почти не иметь средств к существованию» (р).
  12. Нужда, жизнь ниже прожиточного минимума — «испытывать нужду во всем» (т), «когда не хватает на самое необходимое» (р), «лишен самого элементарного» (р), «ограничивать себя во всем» (я), «жить ниже черты бедности» (р).
  13. Отсутствие работы и заработков, профессии, образования — «не иметь постоянного заработка» (т), «мало зарабатывать» (т), «быть безработным» (я,р), «не иметь определенной профессии» (я), «не иметь образования» (р), «безграмотные» (я).
  14. Есть жилье, пусть и плохое (в Татарстане и Оренбургской области).

- 14а. В Якутии: старость, болезни, многодетность, инвалидность — «нет здоровья» (я), «многодетные вдовы» (я), «быть больным или инвалидом» (я), «матери-одиночки» (я).
Идентификация с бедностью (в Оренбургской области) — «как мы с мамой» (р), «как я» (р), «как мы» (р), «какие мы все стали» (т), «таким и являюсь, часто занимаю деньги на хлеб» (р).
- 15а. Пенсионеры.

Несколько слов о категориях-описаниях бедности. Объединение «работы (профессии/образования)» и «зарботков» в единую категорию диктовалось тем соображением, что и в «работе», и в «зарботках», и в «профессии», и в «образовании» речь идет о работе и собственных усилиях/достижениях. Категория «старость, болезни, многодетность, инвалидность» проявилась только в Саха (Якутии). В Татарстане и Оренбургской области такие ответы практически не встречались. Аналогично и с категориями «есть жилье» и «бедность не порок». Их употребление, достаточно заметное в Татарстане и Оренбургской области, в Саха (Якутии) практически не отмечалось.

Если в описании нищеты и бедности респондентами использовались категории, репрезентирующие потребности физиологического и микросоциального уровня (наравне с универсальными типа «деньги» и «духовность»), то в описании достатка наряду с категориями, описывающими удовлетворение физиологических и микросоциальных потребностей, уже звучат и категории иного порядка — малых социальных возможностей («путешествия, развлечения, отдых») и крупных социальных возможностей («власть, положение в обществе...»), а также эмоционального позитива («свобода, уверенность, независимость, счастье...»).

ДОСТАТОК

1. Сытость, хорошее питание — «каждый день есть фрукты, мясо» (р), «полный холодильник» (т), «хорошо кушать, покупать вкусные продукты» (р), «хорошо питаются» (я), «есть колбасу и хлеб с маслом» (р), «быть сытым» (р).
2. Одежда + обувь — «одеваться современно» (р).
3. Жилье (дом, квартира), обстановка.
4. Дача, коттедж.
- 4а. В Якутии — подсобное хозяйство и сельхозтехника — «средне, как все люди, иметь 10 голов скота, 2-3 коровы, 2 быка на убой» (я), «частное хозяйство» (р); «свое хозяйство, несколько коров, лошадей» (я).
5. Машина.
6. Семья, социальная поддержка — «чтоб семья была любимая» (я), «чтоб был муж» (р), «имеющий родных» (р), «хорошие дети» (т), «иметь богатых родственников в Америке» (р), «благополучие в семье» (я).

7. Здоровье.
8. Власть, положение в обществе, должность, связи — «иметь власть» (т), «иметь положение в обществе» (т), «быть у власти» (я), «у кого должность» (р), «руководители живут в достатке» (р), «большие начальники» (р).
9. Деньги, материальные средства, доход — «иметь много денег» (р), «не нуждаться в деньгах» (т), «иметь достаточно средств» (я), «иметь нормальный доход» (р).
10. Хорошая работа, предпринимательство, профессия, образование, труд, ум, умение жить (т.е. собственные усилия) — «это значит трудиться» (т), «достаток будет тогда, когда будешь работать» (р), «иметь хорошую профессию» (р), «есть голова на плечах» (т), «свое небольшое предприятие» (р), «быть предпринимателем» (я), «быть работающим, зарабатывать честным трудом» (я), «когда есть высшее образование» (я), «хорошо оплачиваемая работа» (р).
11. Хорошая зарплата — «зарплата высокая» (я), «хорошая зарплата» (р).
12. Разумные ограничения — «расходовать деньги бережно» (т), «денег зря не тратить» (р).
13. Необходимое, отсутствие нужды — «есть возможность отвечать на свои потребности» (я), «в доме есть все необходимое» (р), «хватает на жизнь» (т), «ничего лишнего, но все есть» (т).
14. Эмоциональный позитив (достоинство, уверенность, свобода, счастье) — «жить с достоинством» (р), «жить счастливо и красиво» (т), «счастье, любовь, понимание» (т), «жить независимо ни от кого» (я), «жить свободно, без проблем» (я), «вера в завтрашний день» (р), «ни у кого ничего не просить» (р), «быть веселым, жизнерадостным, иметь перспективы в будущем» (р).
15. Духовность, культура, помощь другим — «повысить свой интеллектуальный уровень» (р), «иметь возможность удовлетворять духовные потребности» (р), «помогает другим» (я).
16. Путешествия, развлечения, отдых — «можно отдохнуть на курорте» (т), «иметь возможность поездок, путешествий» (р), «можешь сесть в самолет и слетать, куда захочешь, без ущерба для семьи» (р).
17. Ни в чем себе не отказывать — «когда все есть, что захочешь» (р), «иметь, что хочешь» (т), «ни в чем себе не отказывать» (р), «не отказывать себе ни в чем» (я), «иметь все, что душа пожелает и не отказывать себе ни в чем» (р).

В описании богатства в отдельную категорию выделились ответы, описывающие предпринимательские усилия, необходимые для достижения богатства, которые имеют определенно другой «масштаб», чем при описании достатка.

Здесь также, как и в описаниях нищеты и бедности, звучат эмоционально окрашенные негативные оценки, а также категории социального осуждения.

БОГАТСТВО

1. Иметь все.
2. Путешествия, развлечения, отдых — «ездить по заграницам»(р); «ездить, куда захочешь» (я).
3. Воры, жулики, обидчики — «люди, которые воруют» (я), «обижать других людей» (т), «жулики» (т), «мафиозники» (р), «получают кредит в банке, а не возвращают»(я), «имеющие незаконно присвоенные материальные ценности» (я).
4. Эмоциональная негативная оценка — «один страх» (р), «не надо» (р), «проблемы — как бы чего не украли» (я), «жрать от пуза, спать, жировать» (т), «это много проблем, богатство тяготит» (т), «не хочу про это говорить, богатым быть плохо» (р), «быть несчастливым, они не так относятся к людям, не уважают» (т), «не приемлю» (р).
5. Духовное богатство — «иметь большую духовную силу» (т), «быть богатым духовно» (р), «это люди, которые морально воспитаны, энергичны» (т), «заниматься благотворительной деятельностью» (я), «иметь возможность быть меценатом» (я).
6. Гедонизм, жизнь в свое удовольствие, без ограничений — «иметь все, что захочется, без ограничений» (я), «имеет все, что пожелает, сам не работает» (я), «как сыр в масле катается» (р), «ни в чем себя не ограничивать» (р), «жить беспечно в свое удовольствие» (т), «позволяешь себе любую прихоть» (т).
7. Предпринимательство, свое дело — «быть предпринимателем, коммерсантом» (т), «заниматься предпринимательством, богатство наживать, иметь свое дело» (р), «владеть предприятием» (т), «5–6 магазинов» (р), «собственное дело» (я), «иметь работников» (я), быть владельцем предприятия» (р).
8. Власть, престиж, положение в обществе, должность, связи — «человек, имеющий власть» (я), «люди, занимающие большие посты» (я), «с большими хорошими связями» (я), «власть, пост, большие возможности, связи» (р), «люди у власти» (р), «депутатствовать» (т), «иметь большие связи» (т), «политики, руководители» (р), «у которого власть, престижное положение» (я).
9. Хорошая работа, ум, труд, образование, профессия (собственные усилия) — «трудом добиться богатства, материального благополучия» (р), «иметь хорошую специальность» (т), «умные, грамотные» (р), «иметь хорошие мозги» (т), «хорошая работа» (т), «умный человек» (я), «разбогатеть своим трудом» (я).
10. Конкретные материальные ценности — «иметь самолет» (р), «остров на Ямайке» (р), «загородный 2-этажный дом, машина, вилла на Канарах» (т), «дорогой автомобиль, дом, прислуга» (т).

11. Деньги, капитал.
12. Излишества и роскошь — «иметь то, что тебе не нужно» (т), «все есть, даже слишком» (р), «иметь излишки» (т), «излишества большие» (я), «иметь излишние деньги на причуды» (р).
13. Благополучное первичное социальное окружение — «иметь семью, детей» (я), «иметь друзей, любимого человека, хорошую семью» (р), «любить» (т).
14. Эмоциональный позитив (свобода, счастье, уверенность) «уверенно чувствовать себя» (р), «иметь счастливую волну, попасть под нее» (т), «быть свободным» (т), «быть независимым во всех отношениях» (я), «быть счастливым» (р).

Нас интересовала частота употребления той или иной категории в различных регионах в целом (Татарстан, Саха (Якутия), Оренбургская область) и в различных этнических средах: саха и русскими в Саха (Якутии), татарами и русскими в Татарстане и Оренбургской области.

Полагая, что в свободных описаниях нищеты, бедности, достатка и богатства имплицитно присутствуют мотивационные детерминанты экономического поведения, мы были нацелены, с одной стороны, на поиск наиболее значимых категорий, которые репрезентируют главные компоненты субъективного восприятия причин (и следствий) «нищенского», «бедного», «богатого» и «зажиточного» образа жизни. С другой стороны, мы ставили задачу поиска связей между этими категориями с целью выявления относительно небольшого числа категорий, коррелирующих (связанных) между собой, образующих определенный фактор и вносящих наибольший вклад в вариативность (дисперсию) ответов. Для этого нами было проведено как частотное распределение/(условное) ранжирование категорий по каждому из понятий (нищета, бедность, достаток и богатство), так и факторный анализ категорий, показывающий, к каким главным компонентам (факторам) может быть в основном сведен набор используемых категорий. Необходимость факторизации была вызвана тем, что ответы респондентов в основном содержали несколько категорий и для нас важно было выяснить, какие категории коррелируют друг с другом, образуя тот или иной фактор. Результаты факторного анализа сведены в отдельные таблицы по регионам и этническим группам. Мы ограничились для каждого региона и этнической группы 3—4 факторами, «берущими» на себя порядка 70—75% общей дисперсии признаков. Такие факторы естественно называть основными или главными факторами (к тому же и метод выделения этих факторов называется в факторном анализе методом главных компонент). Факторы в этих таблицах расположены в порядке убывания их вклада в общую дисперсию, т.е. первым идет фактор, вносящий наибольший вклад в общую дисперсию признаков. В каждом из факторов нами выделяются и приводятся в таблицах 1-2 категории, имеющие наибольшую нагрузку по данному фактору. Если фактор образован категориями, приближи-

тельно равными по своей факторной нагрузке, то обе эти категории составляют ядро фактора и соответственно приведены в таблице. Если же какая-то одна категория имела факторную нагрузку, значительно превышающую нагрузку остальных, то в таблице приведена только эта категория как фактообразующая.

Вхождение категории в первые по значимости факторы означает, что вариативность ответов вносится преимущественно этими категориями, т.е. что именно эти категории являются дифференцирующими. Анализ факторов был осуществлен вместе с Е.М. Мартыновым.

ОБЫДЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НИЩЕТЕ, БЕДНОСТИ, БОГАТСТВЕ И ДОСТАТКЕ В ИССЛЕДОВАНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОТИВАЦИИ

Постсоветское развитие РФ, с одной стороны, подорвало былую уверенность граждан в собственной экономической безопасности, сломало привычные стереотипы социально-экономического сознания, а с другой — предоставило тот наглядный эмпирический «строительный» материал, который лег в фундамент новых стереотипов и представлений о том, что значит в современной России «быть нищим», «бедным», «богатым»... Понятия о бедности и богатстве стали наполняться новым социальным значением. Пока они являют собой эмоционально окрашенные представления, достаточно диффузные, еще не устоявшиеся стандарты качества и образа жизни.

Категории описания нищеты, бедности, богатства и достатка были выявлены нами эмпирическим путем как часть повседневного знания. По сути, они представляют собой полный перечень всех потребностей человека, которые, в свою очередь, могут быть

- фрустрированы (как в описании нищеты);
- нести печать дефицитности (что проявилось при описании бедности);
- описываться через категории удовлетворенности (как при описании достатка);
- иметь «сверхнормативное» развитие (при ассоциированности с богатством).

В ходе исследования мы четко наблюдали, что в свободном описании нищеты, бедности, достатка и богатства проявляется весь спектр потребностей человека, которые репрезентируются в различных сферах жизни. Если прибегнуть к концепции «иерархии потребностей» А. Маслоу, то мы увидим, что обнаруженные нами категории укладываются (хотя и не полностью и с определенным «экономическим» акцентом) в предложенную им схему:

1. Физиологические потребности (*голод, недоедание, жизнь ниже прожиточного минимума, сытость...*).
2. Потребности в безопасности, которые репрезентируют минимально необходимый социальный комфорт (*одежда, обувь, здоровье, жилье/дача...*).
3. Потребности в принадлежности и привязанности (*благополучное социальное окружение, первичные социальные связи, семья, социальная поддержка*).
4. Потребность в уважении и самоуважении (*комплекс безысходности — «безысходность, унижительность» как фрустрирование этой потребности и эмоциональный позитив — «достоинство, уверенность свобода, счастье..» как удовлетворение ее*).
5. Потребность в самоактуализации (*духовная нищета и духовная бедность — как фрустрирование этой потребности и духовное развитие, благотворительность, доступ к культуре как удовлетворение ее*).

Вне этой иерархии, однако, оказываются потребности активистского толка — в труде, в деятельностном наполнении жизни, потребность что-то делать, рассчитывая на себя. Прделанный автором качественный анализ более 12 тыс. высказываний, описывающих, что значит «быть нищим», «бедным», «жить в достатке» и «быть богатым», обнаружил еще одну потребность, сопоставимую по своей значимости с базовыми потребностями — это *потребность в достижении* (achievement motive, по Макклеланду), содержательное и предметное воплощение того принципа, который А. Шюц называл жизненным активизмом²³. При этом предметом активистской потребности, т.е. тем, что мотивирует экономическое поведение действующего человека, может быть все что угодно — от простой сытости (как предела желаемого) до жилья, обстановки, бытовой техники, дачи, вплоть до реальных символов (знаков) социального успеха.

А. Маслоу полагал, что актуализирующихся личностей, т.е. занимающихся саморазвитием, не может быть более 1%, так как для удовлетворения потребности в самоактуализации необходимо, как условие, удовлетворение потребностей предыдущего уровня. Наши данные, однако, дают основание предположить, что потенциально актуализирующихся личностей (на территории исследуемых нами регионов), т.е. осознающих, показавших значимость духовных моментов в описании нищеты-богатства несколько больше. Частота употребления категорий, связанных с фрустрированностью, дефицитом или удовлетворением

---

²³ Ионин Л.Г. Диффузные формы социальности // Социологические чтения. М., 1997. Вып. 2., С. 69; Ионин Л.Г. Социология культуры. М., 1998. С. 112; Schutz A. Common-Sense and Scientific Interpretation of Human Action // Collected Papers. V. 1. The Hague. 1962.

духовных потребностей — в личностном развитии, самосовершенствовании, доступе к культуре — составляет от 0,3 до 4,3% в различных региональных и этнических средах.

Личностной самоактуализации, по А. Маслоу, предшествует удовлетворение базовых потребностей. В его иерархии это физиологические потребности, потребность в безопасности, в принадлежности и самоуважении. Мы, в целях нашего исследования, базовыми назовем те потребности, которые чаще всего проявляются в ответах на вопросы («Что значит быть...»). Они заявляют о себе в первой пятерке наиболее употребляемых категорий-описаний нищеты и бедности, достатка и богатства.

При этом с нищетой будем связывать фрустрирование этих потребностей, с бедностью — восприятие их в категориях дефицита, с достатком — их удовлетворение, а с богатством — «сверхнормативное» развитие.

Восприятие нищеты и бедности в различных региональных и этнокультурных средах

Итак, **базовая экономическая фрустрация** (описание нищеты) во всех регионах складывается из категорий *безденежья, голода и бездомности*. При этом в республиках — Саха (Якутии) и Татарстане — в первую пятерку наиболее употребимых описаний причин нищеты входит категория «нет работы и заработков, профессии, образования» (первое место частотного ряда в Саха (Якутии) и пятое в Татарстане), а в Оренбургской области — категория «безысходности, унижительность» (табл. 1, 2, 3).

Таблица 1

Восприятие нищеты саха и русскими Саха (Якутии)
(категории описания, % от ответивших)

Регион в целом		Саха		Русские	
Нет работы и заработков, профессии, образования	25,9	Нет работы и заработков, профессии, образования	34,9	Безденежье, отсутствие средств	21,6
Ничего не иметь	21,5	Ничего не иметь	20,3	Ничего не иметь	21,2
Безденежье, отсутствие средств	19,2	Отсутствие жилья	19,2	Отсутствие жилья	16,8
Отсутствие жилья	18,0	Безденежье, отсутствие средств	17,9	Голод, недоедание	15,7
Голод, недоедание	12,8	Лень и пьянство	12,0	Нет работы и заработков, профессии, образования	15,5

Таблица 2

Восприятие нищеты татарами и русскими Татарстана
(категории описания, % к ответившим)

Регион в целом		Татары		Русские	
Ничего не иметь	23,3	Безденежье, отсутствие средств	23,7	Ничего не иметь	22,1
Безденежье, отсутствие средств	23,2	Ничего не иметь	23,6	Безденежье, отсутствие средств	21,7
Отсутствие жилья	18,7	Отсутствие жилья	23,0	Голод, недоедание	17,8
Голод, недоедание	18,4	Голод, недоедание	19,0	Отсутствие жилья	13,3
Нет работы и заработка, профессии, образования	9,3	Нет работы и заработка, профессии, образования	8,8	Милостыня, подавание, иждивение	9,9

Таблица 3

Восприятие нищеты русскими и татарами Оренбургской области
(категории описания, % к ответившим)

Регион в целом		Татары		Русские	
Ничего не иметь	19,2	Голод, недоедание	21,8	Ничего не иметь	18,1
Голод, недоедание	17,5	Ничего не иметь	20,5	Безденежье, отсутствие средств	16,8
Безденежье, отсутствие средств	16,4	Безденежье, отсутствие средств	20,3	Голод, недоедание	15,2
Отсутствие жилья	14,6	Отсутствие жилья	15,0	Отсутствие жилья	14,4
Безысходность, унижительность	7,5	Нет работы и заработка, профессии, образования	10,4	Безысходность, унижительность	7,3

Экономическая фрустрированность, воспринимаемая как отсутствие заработков, профессии, образования, неодинаково переживается титульными этническими группами и русскими республик. Так, в Саха (Якутии) для якутов эта категория оказывается во главе частотного ряда (34,9%), образуя ядро первого по значимости фактора (табл. 1, 4), а для русских — имея значительно меньшую частоту (15,5%), она и менее значима, так как наравне с «отсутствием жилья» образует второй по значимости фактор восприятия нищеты.

В Татарстане категория «нет работы и заработка, профессии, образования» реже ассоциируется с нищенским образом жизни. При практически одинаковых абсолютных значениях (8,8% у татар и 9,6% у русских) она занимает и одинаковое место в факторной иерархии, входя в ядро третьего по значимости фактора восприятия нищеты как в «татарской», так и «русской» подвыборках (см. табл. 3, 5).

Для русских в республиках — в сравнении с титульными группами — более весомой оказалась категория «голода», порождающая са-

мостоятельные факторы в Саха (Якутии) и Татарстане. У саха (в сравнении с русскими) выделяется фактор «социальное одиночество»; а у татар Татарстана (в сравнении с «своими» русскими) в первый по значимости фактор наряду с безденежьем входит «отсутствие жилья».

Таблица 4

Основные факторы в представлениях о нищете саха и русских Саха (Якутии)

Саха		Русские	
Факторы	Категории, образующие фактор	Факторы	Категории, образующие фактор
1	Нет работы и заработков, профессии, образования	1	Безденежье, отсутствие средств
2	Безденежье, отсутствие средств	2	Отсутствие жилья Нет работы и заработков, профессии, образования
3	Ничего не иметь	3	Голод, недоедание
4	Отсутствие жилья Социальное одиночество	4	Ничего не иметь

Таблица 5

Основные факторы в представлениях о нищете татар и русских Татарстана

Татары		Русские	
Факторы	Категории, образующие фактор	Факторы	Категории, образующие фактор
1	Отсутствие жилья Безденежье	1	Безденежье, отсутствие средств
2	Ничего не иметь	2	Ничего не иметь
3	Нет работы и заработков, профессии, образования	3	Отсутствие жилья Нет работы и заработков, профессии, образования
		4	Голод, недоедание

Таблица 6

Основные факторы в представлениях о нищете татар и русских Оренбургской области

Татары		Русские	
Факторы	Категории, образующие фактор	Факторы	Категории, образующие фактор
1	Безденежье, отсутствие средств Отсутствие жилья	1	Отсутствие жилья Безденежье, отсутствие средств
2	Голод, недоедание	2	Голод, недоедание
3	Нет работы и заработков, профессии, образования	3	Ничего не иметь
4	Безысходность, унижительность	4	Беженец, переселенец, бомж

Как видно из таблиц, специфика Оренбургской области как региона в целом проявляется в том, что здесь в первую пятерку наиболее часто встречающихся описаний нищеты (голод, безденежье, бездомность) входит категория «безысходность, унижительность» как фрустрирование потребности в самоуважении и уважении, по Маслоу. При практически равных абсолютных значениях (9% среди татар и 7,3% среди русских) это состояние в равной мере переживается как русскими (пятое место частотного ряда), так и татарами, у которых эта категория образует самостоятельный фактор (табл. 3, 6).

В Оренбуржье дифференцирующим татар и русских критерием (в восприятии нищеты) выступает категория «нет работы и заработков, профессии, образования». У татар эта категория на пятом месте (10,4%, у русских — 5,8%), ею образован третий по значимости фактор восприятия нищеты татарами; у русских она не вошла ни в один из главных факторов.

Базовая экономическая дефицитность (восприятие бедности) во всех регионах ассоциируется с *безденежьем, нуждой и голодом/недоеданием*. В описании бедности проявляется несколько больше региональной специфики, чем в описании нищеты. Так, в Саха (Якутии) и Оренбургской области достаточно заметной оказывается категория «низкооплачиваемая работа, маленькая зарплата»; в Татарстане и Саха (Якутии) — «нет работы и заработков, профессии, образования» (табл. 7, 8, 9).

Таблица 7

Восприятие бедности саха и русскими Саха (Якутии)
(категории описания, % к ответившим)

Регион в целом		Саха		Русские	
Нехватка денег, средств к существованию	18,6	Низкооплачиваемая работа, маленькая зарплата	19,7	Нехватка денег, средств к существованию	18,2
Низкооплачиваемая работа, маленькая зарплата	14,4	Нет работы и заработков, профессии, образования	19,3	Нужда	13,1
Нет работы, заработков, профессии, образования	13,5	Нехватка денег, средств к существованию	17,7	Голод, недоедание	12,3
Нужда	11,4	Старость, болезни, многодетность, инвалидность	14,0	Низкооплачиваемая работа, маленькая зарплата	8,8
Голод, недоедание	9,2	Нужда	9,8	Нет работы и заработков, профессии, образования	7,5

Таблица 8

Восприятие бедности татарами и русскими Татарстана
(категории описания, % к ответившим)

Регион в целом		Татары		Русские	
Нужда	24,7	Нехватка денег, средств к существованию	25,5	Нужда	25,3
Нехватка денег, средств к существованию	20,3	Нужда	24,1	Нехватка денег, средств к существованию	15,4
Голод, недоедание	11,7	Голод, недоедание	11,4	Голод, недоедание	12,3
Только еда	7,9	Только еда	8,7	Только еда	7,7
Нет работы, заработков, профессии, образования	6,0	Нет работы и заработков, профессии, образования	6,4	Безысходность, страшно	7,3

Таблица 9

Восприятие бедности русскими и татарами Оренбургской области
(категории описания, % к ответившим)

Регион в целом		Татары		Русские	
Нехватка денег, средств к существованию	18,0	Нехватка денег, средств к существованию	22,9	Нехватка денег, средств к существованию	16,0
Нужда	12,9	Голод, недоедание	14,3	Нужда	12,1
Голод, недоедание	12,0	Нужда	12,3	Голод, недоедание	10,7
Только еда	9,9	Низкооплачиваемая работа, маленькая зарплата	9,9	Только еда	10,1
Низкооплачиваемая работа, маленькая зарплата	8,8	Только еда	8,0	Низкооплачиваемая работа, маленькая зарплата	9,3

Проявились и некоторые этногрупповые различия. Саха, в сравнении с русскими, чаще описывают бедность через «аскриптивные» категории старости, болезни, многодетности, инвалидности (14% против 1,1% у русских), которые к тому же образуют один из главных факторов восприятия бедности (см. табл. 10). Они реже используют категории еды («голод» — 6,5%; «только еда» — 5,8%), эти категории не входят ни в один из основных факторов. Наиболее часто встречающимся среди саха (якутов) оказалось описание бедности через оперирование понятиями, выражающими дефицит работы, заработков, профессии, образования, а также неудовлетворенность работой и зарплатой (первое и второе места частотного ряда, табл. 7), которые составляют ядро двух наиболее значимых факторов восприятия бедности у саха (табл. 10).

У русских категории низкооплачиваемой работы и безработицы соответственно на четвертом и пятом местах, а на первых трех — дефицит денег, нужда и голод (см. табл. 7) — образующие и наиболее значимые факторы (табл. 10).

Проявившаяся среди русских Саха (Якутии) определенно большая (в сравнении с саха) значимость денег (наибольшая частота в описании нищеты и бедности) и меньшая работы, заработков, образования, профессии также подтверждается данными факторного анализа, в соответствии с которым основными факторами восприятия экономического дефицита русскими являются «нехватка денег, средств к существованию» и «голод, недоедание», а уже после них идет фактор «низкооплачиваемая работа, маленькая зарплата» (табл. 7, 10).

Таблица 10

Основные факторы в представлениях о бедности саха и русских Саха (Якутии)

Саха		Русские	
Факторы	Категории, образующие фактор	Факторы	Категории, образующие фактор
1	Низкооплачиваемая работа, маленькая зарплата	1	Нехватка денег, средств к существованию
2	Нет работы и заработков, профессии, образования	2	Голод, недоедание
3	Нехватка денег, средств к существованию	3	Нужда
4	Старость, болезни, многодетность, инвалидность	4	Низкооплачиваемая работа, маленькая зарплата

Большая значимость денег для русских легко объясняется традиционной денежной мотивацией трудовой миграции людей на Север за высокими северными заработками.

В Татарстане и Оренбургской области в восприятии бедности татарами и русскими обнаружилось много общего; здесь практически совпадает частотный ряд первых четырех категорий описаний (табл. 8). Правда, городские русские Татарстана несколько больше (в сравнении с городскими татарами) эмоционально вовлечены в негативные стороны образа жизни, ассоциирующегося с бедностью, чаще при ее описании оперируют категориями безысходности и унижительность: «*безнадежное положение*», «*полное ощущение собственного бессилья*», «*быть злым, постоянно находиться в депрессии*» (8,5% русских, 1% татар).

Факторный анализ показал, что в Татарстане и Оренбургской области у татар в число наиболее значимых факторов входит дефицит хорошей работы и зарплаты, а русские в большей мере вовлечены в негативные стороны бедного образа жизни, ассоциирующегося с дефицитом денег и еды (в Оренбургской области), фактор же, связанный с работой, не входит в число главных (табл. 11, 12).

Таблица 11

Основные факторы в представлениях о бедности татар и русских Татарстана

Татары		Русские	
Факторы	Категории, образующие фактор	Факторы	Категории, образующие фактор
1	Нужда	1	Нехватка денег, средств к существованию
2	Голод	2	Нужда
3	Нехватка денег, средств к существованию	3	Голод, недоедание
4	Нет работы и заработков, профессии, образования		

Таблица 12

Основные факторы в представлениях о бедности татар и русских Оренбургской области

Татары		Русские	
Факторы	Категории, образующие фактор	Факторы	Категории, образующие фактор
1	Низкооплачиваемая работа, маленькая зарплата	1	Нехватка денег, средств к существованию
2	Голод, недоедание	2	Голод, недоедание
3	Нужда	3	Только еда

Специфика Оренбургской области еще и в том, что только в этом регионе звучали ответы, обнаруживающие прямую идентификацию людей с бедностью (в равной мере среди татар и русских, частотные значения — на уровне 3%): «как мы с мамой», «наша семья в таком положении», «какие мы все стали», «как я», «как мы».

Характерно, что и в Оренбургской области, где русские находятся в абсолютном большинстве, не сталкиваются с политическим доминированием татар и определенно находятся под российской идеологической «крышей», они тем не менее аналогично русским Саха (Якутии) и Татарстана в меньшей степени, чем титульный народ-сосед (применительно к Оренбургской области — меньше, чем татары) озабочены отсутствием хорошей работы и зарплаты, заработков, профессии и образования при описании нищеты и бедности. Татары Оренбургской области несколько острее, чем русские (хотя и при схожих абсолютных частотных значениях при описании бедности, но в два раза чаще при описании нищеты), воспринимают бедность через дефицит хорошей работы и зарплаты. Эти тенденции подтверждает и анализ факторов: в первом по значимости факторе восприятия бедности татарами Оренбуржья основную факторную нагрузку несет категория «низкооплачиваемая работа, маленькая зарплата», а у русских в первом

по значимости факторе основную нагрузку несет категория «нехватка денег, средств к существованию» (табл. 12).

Частотное распределение категорий и факторный анализ, показывающие групповую субъективную значимость и этногрупповую дифференциацию в восприятии отдельных проявлений нищеты и бедности, свидетельствуют, что для титульных групп республик и татар Оренбуржья экономическая фрустрация и базовый дефицит в большей мере, в сравнении с русскими, связываются с дефицитом работы, заработков, профессии, образования. Русскими в большей мере, чем иными этническими группами, нищета и бедность воспринимаются через дефицит еды и денег.

В Оренбуржье, в сравнении с республиками, значимой в оценке нищеты оказалась категория негативного эмоционально-оценочного характера, связанная с фрустрацией потребности в самоуважении и уважении: *«терпеть унижения»*, *«плохо и унижительно»*, *«катастрофа»*, *«быть никем»*. Эта тенденция в одинаковой мере проявилась как среди русских, так и среди татар Оренбургской области. Эта же тенденция проявилась и среди городских русских Татарстана, которые (в сравнении с городскими татарами) в большей мере эмоционально фрустрированы нищенским образом жизни.

ДОСТАТОК КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ОБРАЗА ЖИЗНИ СРЕДНЕГО КЛАССА

Под достатком повседневным сознанием сегодня, как правило, понимаются те стандарты потребления и образ жизни, которые приблизительно соответствуют относительно новому для нас понятию «уровень жизни среднего класса». Достаток — это представление, которое в отличие от богатства и нищеты имеет достаточно длительную историю наполнения реальным социальным содержанием. В отличие от богатства оно задает реально достижимый уровень экономического благополучия и поэтому представляет особый интерес.

Действительно, при описании достатка использовалось больше, чем при описании бедности, нищеты или богатства, категорий, и сама частотная наполняемость этих категорий выше: люди охотнее давали описание «зажиточного» образа жизни.

Общими для всех регионов в описании достатка выступили категории «деньги, доход», категория собственных усилий «хорошая работа, предпринимательство, профессия, образование, труд» и «иметь необходимое, не нуждаться».

«Хорошая работа, предпринимательство, профессия, образование, труд», как и следовало ожидать, наиболее значимы в Саха (Якутии) (табл. 13).

«Деньги» как неотъемлемая часть достатка наиболее популярны в Татарстане (первое место частотного ряда), а стремление избавиться от базового экономического дефицита («иметь необходимое, не нуждаться») — в Оренбургской области (первое место), что подчеркивает невысокий уровень экономического благосостояния населения этого региона (табл. 14, 15).

Таблица 13

Восприятие достатка саха и русскими Саха (Якутии)
(категории описания, % к ответившим)

Регион в целом		Саха		Русские	
Хорошая работа, предпринимательство, профессия, образование, труд	30,4	Хорошая работа, предпринимательство, профессия, образование, труд	39,8	Иметь необходимое, не нуждаться	20,6
Хорошая зарплата	15,6	Хорошая зарплата	22,1	Хорошая работа, предпринимательство, профессия, образование, труд	18,8
Жилье, обстановка	15,5	Жилье, обстановка	17,4	Деньги, доход	17,7
Иметь необходимое, не нуждаться	14,8	Сытость	12,6	Ни в чем себе не отказывать	15,4
Деньги, доход	14,7	Деньги, доход	11,0	Жилье, обстановка	12,9

Таблица 14

Восприятие достатка татарами и русскими Татарстана
(категории описания, % к ответившим)

Регион в целом		Татары		Русские	
Деньги, доход	24,9	Иметь необходимое, не нуждаться	23,9	Деньги, доход	26,4
Иметь необходимое, не нуждаться	24,7	Деньги, доход	23,2	Иметь необходимое, не нуждаться	25,3
Хорошая работа, предпринимательство, профессия, образование, труд	15,0	Жилье, обстановка	18,1	Хорошая работа, предпринимательство, профессия, образование, труд	16,6
Ни в чем себе не отказывать	13,6	Хорошая работа, предпринимательство, профессия, образование, труд	15,6	Сытость	13,6
Жилье, обстановка	13,5	Ни в чем себе не отказывать	13,3	Ни в чем себе не отказывать	13,3

Таблица 15

Восприятие достатка русскими и татарами Оренбургской области
(категории описания, % к ответившим)

Регион в целом		Татары		Русские	
Иметь необходимое, не нуждаться	25,1	Иметь необходимое, не нуждаться	30,4	Иметь необходимое, не нуждаться	20,2
Эмоциональный позитив — свобода, независимость	16,2	Ни в чем себе не отказывать	16,6	Эмоциональный позитив — свобода, независимость	15,5
Ни в чем себе не отказывать	14,3	Эмоциональный позитив — свобода, независимость	16,4	Ни в чем себе не отказывать	13,5
Деньги, доход	13,5	Деньги, доход	14,6	Деньги, доход	13,2
Хорошая работа, предпринимательство, профессия, образование, труд	12,1	Хорошая работа, предпринимательство, профессия, образование, труд	14,2	Сытость	12,4

Эти данные косвенно отражают экономическое положение регионов и связанные с ним мотивационные детерминанты экономического поведения населения. В Оренбургской области как экономически менее благополучном (хотя и достаточно ресурсном) регионе достаток и русскими, и татарами воспринимается через обретение минимума физического и социального комфорта, сопровождающегося позитивными эмоциональными переживаниями (*«иметь перспективы в будущем»*, *«жить с уважением к себе»*, *«жить достойно»*, *«не думать о завтрашнем дне»*, *«быть веселым, жизнерадостным»*...), а также гедонистическими устремлениями. Гедонистическая составляющая *«жить в свое удовольствие»*, *«ни в чем себе не отказывать»* в восприятии достатка у татар наиболее сильно коррелирует с другими категориями и потому образует ядро наиболее значимого фактора восприятия достатка (табл. 16).

Категория собственных усилий — «хорошая работа, предпринимательство, профессия, образование, труд» — входит в пятерку наиболее часто употребляемых в ряду групповых описаний татар Оренбуржья (и в регионе в целом). И хотя эта категория у русских формально не входит в пятерку наиболее употребимых (см. табл. 15), однако имеет практически равные с татарами значения (11,6% — у русских, 14,2% — у татар) и в силу высокой корреляции с ответом «жилье и обстановка» образует ядро первого, наиболее значимого фактора. У татар категория «хорошая работа, предпринимательство, профессия, образование, труд» входит во второй по значимости фактор. Это позволяет заключить, что в стратегиях стремления к достатку «хорошая работа, предпринимательство, профессия, образование, труд» в равной степени значимы, как для русских, так и для татар Оренбургской области.

Таблица 16

**Основные факторы в представлениях о достатке татар и русских
Оренбургской области**

Татары		Русские	
Факторы	Категории, образующие фактор	Факторы	Категории, образующие фактор
1	Ни в чем себе не отказывать	1	Жилье, обстановка Хорошая работа, предпринимательство, профессия, образование, труд
2	Хорошая работа, предпринимательство, профессия, образование, труд Жилье, обстановка	2	Сытость
3	Эмоциональный позитив — уверенность, свобода, независимость	3	Эмоциональный позитив — уверенность, свобода, независимость Сытость
4	Сытость Машина	4	Деньги, доход

В Татарстане русские и татары воспринимают достаток (как образ жизни среднего класса) схожим образом: при практически совпадающих абсолютных значениях одинаково ценят деньги и собственные усилия («хорошая работа, предпринимательство, профессия, образование, труд»). Татары несколько больше ценят наглядные проявления материального благополучия: жилье и обстановку (18,1%; у русских — 9,3%), машину (8,4%; у русских — 4,1%). Русские в Татарстане, при одинаковых с татарами абсолютных значениях частот выбора (табл. 14), несколько больше значения придают «хорошей работе, предпринимательству, профессии, образованию, труду» в оценивании достатка. Это проявляется в том, что категория «хорошей работы...» вместе с «жильем, обстановкой» входит в число основных факторов (так же, как и у русских Оренбуржья) (табл. 14, 17).

Таблица 17

Основные факторы в представлениях о достатке татар и русских Татарстана

Татары		Русские	
Факторы	Категории, образующие фактор	Факторы	Категории, образующие фактор
1	Деньги	1	Деньги
2	Иметь необходимое	2	Сытость
3	Сытость Жилье, обстановка	3	Иметь необходимое, не нуждаться
		4	Хорошая работа, предпринимательство, профессия, образование, труд Жилье, обстановка

В Саха (Якутии) категория собственных усилий («хорошая работа, предпринимательство, профессия, образование, труд») оказывается при описании достатка наиболее популярной. И это тоже отражает экономическое положение региона. В Якутии сегодня происходит переориентация экономического сознания — от восприятия собственных природных ресурсов как существующих в качестве сырьевой базы России до такого отношения, которое предполагает самостоятельное освоение природных богатств, создание собственного квалификационного потенциала для алмазодобывающей промышленности²⁴. Такая переориентация инициирована процессами политической и экономической суверенизации республики. В результате подписания Соглашения о разграничении собственности между Россией и республикой, объекты алмазной, золотодобывающей, угольной, газовой промышленности, энергетики и других важнейших отраслей стали распределенной собственностью Федерации и республики²⁵. Поэтому саха, чувствуя политическую и социальную поддержку, в большей мере, чем русские, связывают достаток с собственными усилиями в экономической сфере (39,8%, первое место частотного ряда, табл. 13).

Следует сказать, что в стремлении к достатку индивидуально-трудо-вой мотивационный импульс русских в Саха (Якутии) тоже достаточно силен. Категория собственных усилий «хорошая работа, предпринимательство, профессия, образование, труд» занимает второе место частотного ряда и образует, так же как и у саха, ядро первого, наиболее значимого фактора восприятия достатка. (табл. 18). Правда, можно считать, что этот импульс у русских несколько слабее, и, выступая в паре с гедонистической категорией «ни в чем себе не отказывать» (15,4%, четвертое место, но при этом в 2 раза выше, чем у саха) и денежной мотивацией (третье место), обнаруживает определенную нацеленность русских Саха (Якутии) (в сравнении с саха) на восприятие достатка в категориях преимущественно материального благополучия. Дополнительное свидетельство этому — вхождение в число основных факторов восприятия достатка фактора с ядром «сытость» и «одежда, обувь».

Анализ, основанный на изучении распределений частот, обнаружил групповую субъективную значимость тех или иных категорий описания нищеты, бедности и достатка. Факторный анализ категорий показал, к каким главным компонентам может быть редуцирован набор категорий-описаний нищеты-богатства и какие категории являются дифференцирующими для изучаемых групп.

²⁴ Кузьмина Л.А. Занятость якутов и русских в индустриальных видах труда в Саха- (Якутии): опыт и перспективы взаимодействия // Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России / Авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробизева. М., 1998.

²⁵ Там же. С.73.

Таблица 18

Основные факторы в представлениях о достатке саха и русских Саха (Якутии)

Саха		Русские	
Факторы	Категории, образующие фактор	Факторы	Категории, образующие фактор
1	Хорошая работа, предпринимательство, профессия, образование, труд	1	Хорошая работа, предпринимательство, профессия, образование, труд Жилье, обстановка
2	Хорошая зарплата	2	Иметь необходимое, не нуждаться
3	Подсобное хозяйство	3	Деньги, доход
4	Жилье, обстановка	4	Сытость Одежда, обувь

Для титульных групп в республиках и татар в Оренбургской области в стратегиях избегания нищеты и бедности более значимыми (в сравнении с русскими) оказываются категории собственных усилий; русские же чаще, чем титульные группы, описывают нищету и бедность через категории дефицита денег и еды.

Достаток дает более схожие в этнокультурном плане картины. Более того, тенденции, проявившиеся в восприятии русскими нищеты и бедности, а именно *меньший расчет на собственные силы* в стратегиях избегания нищеты и бедности, не обнаруживаются при описании достатка. Для нас этот вывод имеет принципиальное значение, так как свидетельствует о паритетности стратегий экономической мотивации русских и иных этнических групп, если эти мотивации нацелены не на избегание экономических трудностей, а на достижение экономических благ. Иными словами, русские, по данным проведенного исследования, более равнодушны, более терпимы и в некотором роде пассивны в отношении нищеты и бедности. Однако такую терпимость нельзя связывать с низким уровнем экономических притязаний, так как в восприятии достатка проявились вполне адекватные новым рыночным отношениям и практически не уступающие (по степени сформированности) иным этническим группам мотивационные устремления.

Однако в восприятии богатства проявились те же тенденции, что и в описании нищеты и бедности. В целом во всех регионах и всех этнокультурных средах наиболее часто встречающиеся описания богатства складываются из категорий *гедонизма, денег и материальных ценностей*.

Существовавшее в течение периода советской власти замещение традиционно-культурного хозяйственного этоса прокоммунистическим сформировало у россиянина в области его экономического поведения уникальные мотивационные структуры, опирающиеся на уравниТЕЛЬСКУЮ и в целом утопическую идеологию. Это наглядно проявилось в восприятии богатства. Выразилась эта тенденция в высоком статусе гедонистических устремлений, звучавших при описании богатства (табл.

Таблица 19

Восприятие богатства саха и русскими Саха (Якутии)
(категории описания, % к ответившим)

Регион в целом		Саха		Русские	
Деньги, капитал	22,0	Деньги, капитал	23,2	Деньги, капитал	20,8
Гедонизм, жизнь в свое удовольствие, без ограничений	15,6	Конкретные материальные ценности	15,0	Гедонизм, жизнь в свое удовольствие, без ограничений	17,2
Конкретные материальные ценности	13,9	Гедонизм, жизнь в свое удовольствие, без ограничений	14,2	Конкретные материальные ценности	12,9
Иметь все	12,1	Предпринимательство, свое дело	14,2	Иметь все	12,6
Предпринимательство, свое дело	11,3	Хорошая работа, профессия, образование труд	14,1	Излишества, роскошь	8,3

Таблица 20

Восприятие богатства татарами и русскими Татарстана
(категории описания, % к ответившим)

Регион в целом		Татары		Русские	
Гедонизм, жизнь в свое удовольствие, без ограничений	22,8	Гедонизм, жизнь в свое удовольствие, без ограничений	23,8	Гедонизм, жизнь в свое удовольствие, без ограничений	23,3
Деньги, капитал	14,9	Деньги, капитал	18,4	Конкретные материальные ценности	12,8
Конкретные материальные ценности	12,5	Конкретные материальные ценности	11,9	Деньги, капитал	11,4
Иметь все	11,6	Иметь все	11,8	Иметь все	10,3
Излишества, роскошь	8,6	Власть, престиж, положение в обществе, связи	8,7	Излишества, роскошь	9,4

19—21). В Татарстане, как у татар, так и у русских, а также у русских Оренбургской области, «гедонизм, жизнь в свое удовольствие, без ограничений» оказывается наиболее упоминаемой категорией в описании богатства. У татар Оренбуржья и русских Саха (Якутии) эта категория на втором месте, и только у саха — на третьем. А согласно Т. Парсонсу²⁶, гедонистическая составляющая экономической мотивации, стремление к удовольствию «может лишь в очень относительном смысле рассматриваться как элемент мотивации или как независимый фокус ориентации действия». Иными словами, в рассмотренных группах пока недо-

²⁶ Парсонс Т. О структуре социального действия. С. 342.

Таблица 21

Восприятие богатства русскими и татарами Оренбургской области
(категории описания, % к ответившим)

Регион в целом		Татары		Русские	
Гедонизм, жизнь в свое удовольствие, без ограничений	19,0	Деньги, капитал	20,3	Гедонизм, жизнь в свое удовольствие, без ограничений	20,9
Деньги, капитал	16,7	Гедонизм, жизнь в свое удовольствие, без ограничений	16,6	Деньги, капитал	15,0
Излишества, роскошь	11,8	Конкретные материальные ценности	15,8	Эмоциональный позитив — свобода, счастье, уверенность	9,7
Конкретные материальные ценности	10,7	Излишества, роскошь	15,3	Иметь все	9,3
Иметь все	9,8	Предпринимательство, свое дело	11,3	Конкретные материальные ценности	8,5

статочно сформированы реальные мотивационные структуры, обеспечивающие деятельность, нацеленную на достижение богатства. Лишь саха в своих групповых оценках богатства предметные категории «деньги, капитал», а также «конкретные материальные ценности» оценили как более значимые, чем гедонистические устремления.

В восприятии богатства проявились те же тенденции, которые мы наблюдали при анализе представлений о бедности и нищете. Факторный анализ категорий-описаний богатства показал, что саха и татары (как в Татарстане, так и в Оренбуржье) в большей мере, нежели русские этих регионов, при ответе на вопрос «Что значит быть богатым?» оперируют категориями, репрезентирующими собственные усилия.

Наиболее выпукло эти тенденции проявились среди саха, где категория «хорошая работа, профессия, образование, труд» наравне с позицией «власть, престиж, положение в обществе, связи» образует ядро второго по значимости фактора восприятия богатства (табл. 22).

Как видно из табл. 19—21, у русских в Саха (Якутии), Оренбургской области и Татарстане категории предпринимательства и категории собственных усилий («хорошая работа, профессия, образование, труд») вообще отсутствуют в первой пятерке наиболее употребимых описаний богатства. Это, правда, в меньшей степени относится к русским якутянам, у которых «предпринимательство, свое дело», наряду с «конкретными материальными ценностями» образует третий по значимости фактор восприятия богатства, что, возможно, связано с тем, что среди них больше мобильного населения (табл. 22).

У саха упомянутые категории занимают четвертое и пятое места частотного ряда, у татар Оренбуржья — «предпринимательство, свое

Таблица 22

Основные факторы в представлениях о богатстве саха и русских Саха (Якутии)

Саха		Русские	
Факторы	Категории, образующие фактор	Факторы	Категории, образующие фактор
1	Деньги, капитал	1	Деньги, капитал
2	Хорошая работа, профессия, образование труд Власть, престиж, положение в обществе, связи	2	Гедонизм, жизнь в свое удовольствие, без ограничений
3	Конкретные материальные ценности Предпринимательство, свое дело	3	Конкретные материальные ценности Предпринимательство, свое дело
4	Гедонизм, жизнь в свое удовольствие, без ограничений	4	Иметь все

Таблица 23

Основные факторы в представлениях о богатстве татар и русских Татарстана

Татары		Русские	
Факторы	Категории, образующие фактор	Факторы	Категории, образующие фактор
1	Деньги, капитал	1	Деньги, капитал
2	Гедонизм, жизнь в свое удовольствие, без ограничений	2	Конкретные материальные ценности
3	Конкретные материальные ценности	3	Иметь все
4	Предпринимательство, свое дело Власть, престиж, положение в обществе, связи	4	Излишества, роскошь

Таблица 24

Основные факторы в представлениях о богатстве татар и русских Оренбургской области

Татары		Русские	
Факторы	Категории, образующие фактор	Факторы	Категории, образующие фактор
1	Деньги, капитал Конкретные материальные ценности	1	Деньги, капитал
2	Излишества, роскошь	2	Гедонизм, жизнь в свое удовольствие, без ограничений
3	Предпринимательство, свое дело	3	Поездки, путешествия Излишества, роскошь
4	Поездки, путешествия	4	Эмоциональный позитив — свобода, счастье, уверенность

дело» (частота 11,3%) — на пятом месте; у русских Оренбуржья — не входит даже в десятку наиболее популярных описаний богатства (4,3%).

В восприятии русских и саха Саха (Якутии) предпринимательские усилия воспринимаются в смысловой близости с материальным обогащением: категория «предпринимательство, свое дело», образует наряду с «конкретными материальными ценностями» ядро третьего по значимости фактора (табл. 22).

У татар Татарстана категория предпринимательства, так же как и у русских, не входит в пятерку наиболее популярных при описании богатства (табл. 20) однако татары его называют несколько чаще, чем русские (8,2% татар и 2,7% русских). Более того, у татар предпринимательские усилия образуют наряду с «властью, престижем, положением в обществе, связями» ядро одного из основных факторов (табл. 23).

Для русских же, как в Татарстане, так и в Оренбуржье, категория «предпринимательство, свое дело» в восприятии богатства не входит ни в один из основных факторов (табл. 23, 24), как и не входит в пятерку лидеров частотного ряда (табл. 20, 21). Эти данные косвенно подтверждают известный тезис о том, что именно русские в наибольшей степени психологически пострадали в советский период от идеологического влияния коммунизма, когда начиная с 70-х гг. общество стало проникаться духом «застоя» с последующей трудовой апатией.

Частотный и факторный анализ представлений о нищете, бедности, богатстве и достатке, показывающий групповую субъективную значимость и этногрупповые различия мотивационных стратегий экономического поведения, обнаружил, что русские (во всех исследуемых регионах) в меньшей степени, чем иные этнические группы (татары и саха) рассчитывают на собственные силы *в стратегиях избегания нищеты и бедности*²⁷ и в большей мере нищету и бедность воспринимают через оперирование категориями *еды и денег*. Титульные национальности республик и татары Оренбуржья экономическую фрустрацию (нищету) и базовый дефицит (бедность) чаще — в сравнении с русскими — связывают с дефицитом работы, заработков, профессии, образования.

²⁷ Наши данные конкретизируют вывод о трудовых мотивациях россиян, сделанный в исследовании динамики трудовых ценностей россиян первой половины 90-х гг. Исследование было осуществлено в ходе Всемирного исследования ценностей в 1990—1993 и 1995—1997 гг. под руководством проф. Р. Инглехарта. Согласно В.С. Магуну, руководителю исследования в Московском регионе, «...догнать продвинутые страны по такой характеристике, как страх безработицы, выражающей мотивацию избегания, России оказалось гораздо легче, чем приблизиться к ним по выраженности мотивации достижения», см об этом: Инглехарт Р. Меняющиеся ценности, экономическое развитие и политические перемены // Международный журнал социальных наук. 1996. Февраль.; Магун В.С. Об изменениях трудовых ценностей российского населения // Куда идет Россия? Власть, общество, личность. М., 2000. С. 443.; Магун В.С. Российские трудовые ценности: идеология и массовое сознание. // Мир России. 1998. № 4.

Эти различия, однако, полностью нивелируются, как только речь заходит о достатке. Это понятие для российского человека является синонимом зажиточности и традиционно представляет собой *реально достижимый* уровень экономического благополучия. В своем стремлении к достатку русские практически в той же мере, что и иные этнические группы, рассчитывают на «хорошую работу, профессию, образование, труд». В Саха (Якутии) мотивация к достижению достатка путем опоры на собственные силы проявилась практически одинаково среди русских и саха, а в Татарстане и Оренбургской области среди русских она выражена даже в несколько большей мере, чем среди татар.

Но в отношении к богатству снова проявился меньший расчет русских на свои силы. Данные частотных рядов и факторный анализ показали, что у русских в исследуемых регионах при оценке ими богатства категория «предпринимательство, свое дело» практически выпадает из ассоциативного поля представлений о богатстве. Единственное исключение — вхождение этой категории в третий по значимости фактор у русских в Саха (Якутии), но эти усилия ассоциируются ими в тесной смысловой близости с конкретными материальными ценностями, что подтверждает сделанный ранее вывод об определенной нацеленности русских Саха (Якутии) на материальное благополучие. Повидимому, здесь проявляется отголосок советского опыта, когда на Север ехали за высокими заработками, чтобы приобрести вполне конкретные материальные ценности (квартиру, машину, шубу...). При этом заработки были не только результатом собственных усилий, но и возрастали за счет «северной надбавки».

Таким образом, данные исследования позволяют заключить, что русские более терпимы, может быть более снисходительны или равнодушны, чем татары и саха, к бедному и нищенскому образу жизни. В экономических стратегиях русских проявилось сниженное — в сравнении татарами и саха — *стремление к избеганию* нищеты и бедности, а также, *при равнопредставленных стремлениях к достатку*, меньше *деятельностного начала* в стратегиях достижения богатства.

СТРАТЕГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОТИВАЦИИ И ИХ ЭТНОГРУППОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Наши выводы (сделанные на основе качественного и частотного анализа описаний нищеты, бедности, богатства и достатка) о наличии потребности в достижении, встроенной в иерархический ряд потребностей человека (предложенный А. Маслоу), вписываются в русло теории мотивации достижения, разработанной Аткинсоном-Макклеландом. Однако, переходя от психологического анализа мотивации достижения к социологическому, мы сталкиваемся с необходимостью и потребностью установления типологических особенностей мотивации достижения.

Все экономические стратегии, нацеленные на достижение каких-либо экономических благ, можно считать достигательскими по своей сути, но они имеют различную мотивационную направленность и наполняемость. Полученные данные позволяют предполагать, что эта мотивационная направленность может быть обусловлена предметом искомого блага — физиологической выживаемостью (сытостью), индивидуальной самореализацией и/или символическим социальным статусом, обусловленным, в свою очередь, деньгами и общественным положением.

Поэтому в качестве критерия типологизации экономической стратегии нами выбраны указанные «предметы» достигательской потребности — сытость, активность и статус.

Со *стратегией выживания* (адаптации) мы будем связывать мотивацию, предметом которой является сытость (еда). Мы намеренно исключаем из этой стратегии такие предметы первичных потребностей, как одежда, обувь, жилье, потому что они могут выступать социально значимым маркером преуспевания (или неудачи), а еда, просто пища — в силу наиболее приватного характера потребления — практически в таком качестве выступать не может.

Со *стратегией индивидуальной самоорганизации* (активистской) мы будем связывать экономическую мотивацию, замкнутую на усилиях как таковых, направленную в стратегиях избегания нищеты/бедности и достижения достатка/богатства — на реализацию и совершенствование личностного ресурса (ум, профессия, хорошая работа, бизнес, предпринимательство, крутиться, уметь жить...), а также использующую категории индивидуально-личностной ущербности, воспринимаемые как причины бедности и нищеты — нежелание работать, лень, алкоголизм, т.е. неприменение усилий как некий приобретенный (а не врожденный), личностный дефект человека.

Со *статусной стратегией* нами связывается, соответственно, мотивация, направленная на обладание социально значимыми индексами успеха — деньгами, властью и престижем, т.е. критериями и символами социальной стратификации.

Употребляя понятие «стратегия экономической мотивации» (вместо просто «экономическая мотивация»), мы имеем в виду, во-первых, что это понятие отражает комплексный характер изучаемой мотивации, и, во-вторых, ее ситуационность, обусловленность настоящим и прошлым опытом — социальным и политическим, групповым и индивидуальным, традиционно культурным и современным.

Рассмотрим, как эти стратегии экономического целеполагания представлены в исследуемых регионах и конкретнее — в этнических средах татар, якутов и русских.

При определении числовых характеристик мотивационных стратегий мы агрегировали с последующим взвешиванием частотные значения соответствующих категорий-описаний нищеты, бедности, достатка и богатства, звучавших при ответах на открытые вопросы (с ко-

торыми мы работаем) «Что значит, по-Вашему мнению, быть нищим? Быть бедным? Жить в достатке? Быть богатым?».

Так, *стратегия выживания* сложилась из категорий «голод, недоедание», звучавших при описании нищеты; категорий «голод, недоедание» и «только еда» при описании бедности и категории «сытость» при описании достатка.

Стратегия индивидуальной самоорганизации (активистская) соответственно сложилась из категорий «хорошая работа, предпринимательство, профессия, образование, труд» и «хорошая зарплата» при описании достатка, категорий «хорошая работа, профессия, образование, труд» и «предпринимательство, свое дело» при описании богатства. А также категорий «неприложение усилий, лень и пьянство», «нет работы и заработков, профессии, образования» при описании нищеты и бедности; «низкооплачиваемая работа, маленькая зарплата» при описании бедности. (Категорию «зарплата» мы намеренно объединили с активистской стратегией, так как она подразумевает получение денег за работу).

Статусная стратегия сложилась на основе категорий «деньги, доход», «положение в обществе, должность, связи» при описании достатка, категорий «деньги, капитал» и «власть, престиж, положение в обществе, связи» при описании богатства, категории «безденежье, отсутствие средств» при описании нищеты, а также «нехватка денег, средств к существованию» при описании бедности.

Рассмотрим распространение выделенных стратегий экономической мотивации в городской и сельской среде изучаемых этнических групп, полагая, что для титульных групп Татарстана и Саха (Якутии) носителем традиционно-культурного хозяйственного этоса выступает именно село. И в этнокультурной среде республик эта тенденция проявляется в большей мере, чем в русской среде.

В Саха (Якутии), как и показывали данные предыдущего анализа, преобладающее развитие получила мотивационная стратегия индивидуальной самоорганизации, нацеленная на реализацию личностного ресурса.

Статусная экономическая стратегия в равной мере представлена как в якутской, так и русской среде — как в селах, так и в городах. И русские, и саха в равной мере (на уровне 20% опрошенных) акцентируют значение власти, денег, престижа и социальных связей в экономических достижениях и неудачах. Однако экономическая мотивация активистского толка, связанная с категориями личностной самоорганизации на основе собственных усилий в большей степени свойственна саха-якутам, чем русским (табл. 25).

Предыдущий анализ показал, что только в стратегиях стремления к достатку русские практически в той же мере, что и якуты, рассчитывают на собственные усилия, связанные с работой, профессией, образованием и предпринимательством. В стратегиях же избегания бед-

Таблица 25

**Стратегии экономической мотивации городских и сельских саха и русских
Саха (Якутии)**

Стратегия выживания (еда)		Стратегия индивидуальной самоорганизации/ активистская (реализация личностного ресурса)		Статусная стратегия (власть, престиж, должность, связи, деньги...)	
Город					
Якуты	Русские	Якуты	Русские	Якуты	Русские
9,8	15,8	38,9	21,8	22,9	21,0
Село					
Якуты	Русские	Якуты	Русские	Якуты	Русские
13,3	8,5	48,5	12,3	20,4	22,5

Примечание. В таблице представлены агрегированные и взвешенные частотные значения соответствующих категорий-описаний нищеты, бедности, достатка и богатства, выраженные в %.

ности и нищеты (а также и стремления к богатству) русские в меньшей мере, чем саха опираются на собственный потенциал.

Активистская экономическая мотивация саха шире представлена в селе, где практически каждый второй (48,5%) при описании нищеты, бедности, достатка и богатства упоминает категории «собственных усилий» (или отсутствие/дефицит таковых), хотя и в городах Саха (Якутии) сохраняется та же тенденция: саха чаще, чем русские, рассчитывают на собственные силы в экономических стратегиях избегания нищеты и бедности, а также стремления к богатству (статистически значимые различия частот по критерию χ^2).

Предыдущий анализ показал, что в стремлении к достатку русские Саха (Якутии) в своих экономических мотивациях не меньше саха рассчитывают на собственные силы. Иными словами, стратегия индивидуальной самоорганизации русских в большей мере реализуется в стремлении к материальному благосостоянию, чем в избегании бедности и нищеты.

Мотивационные структуры экономического поведения, обнаруженные в сельской среде, в большей мере, чем в городской, питаются традиционно-культурным хозяйственным этосом. Саха-якутам свойственен высокий уровень экологического сознания, ценностное восприятие природы²⁸ и обусловленная суровыми климатическими условия-

²⁸ Романова Г.Р. Этнический феномен народа саха: мифосимволическая система, «культуротворчество» и понятие «границы» // Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России / Авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробизева. М., 1998. С.158.

ми активная жизненная позиция, предполагающая расчет на свои силы. Она подкрепляется и более высоким образовательным статусом саха.

Мотивация саха, нацеленная на реализацию личного ресурса, опирается на прочный фундамент трудовых установок экономического сознания. В частности, она базируется на почти абсолютной (81,4%) вере сельских саха в возможность праведным путем достичь материального благополучия, более «оптимистичном» (в сравнении с русскими, как городскими, так и сельскими) восприятии труда и на меньшем (относительно других групп) этическом осуждении богатства (табл. 26, 27).

Таблица 26

**Ценностно-трудовые установки экономического сознания саха и русских
Саха (Якутии) (на материале пословиц, % выразивших согласие)**

Пословицы, отражающие ценностно-трудовые установки	Саха		Русские	
	Город	Село	Город	Село
Кто правдой живет, тот добро наживет	60,0	81,4	45,7	39,7
От работы не будешь богат, а будешь горбат	33,0	30,5	61,2	75,9
Богатому черти деньги куют	56,8	50,1	64,8	52,6

Таблица 27

**Ранговый ряд выраженности ценностно-трудовых установок экономического
сознания этнических групп Саха (Якутии), Татарстана, Оренбургской области
(на основе пословиц, % выразивших согласие)**

Вера в возможность праведных экономических достижений («Кто правдой живет, тот добро наживет»)	Пессимистическое, непроизводительное отношение к труду («От работы не будешь богат, а будешь горбат»)	Этическое осуждение богатства («Богатому черти деньги куют»)
81,4 — якуты/село Якутия	75,9 — русские/село Якутия	67,7 — русские/село Татарстан
64,5 — русские/село Татарстан	65,0 — русские/село Татарстан	65,5 — русские/город Татарстан
60,0 — якуты/город Якутия	61,2 — русские/город Якутия	64,8 — русские/город Якутия
57,9 — татары/село Татарстан	56,4 — русские/город Татарстан	63,7 — татары/город Оренбуржье
47,5 — татары/город Татарстан	56,4 — татары/город Оренбуржье	59,5 — татары/город Татарстан
45,7 — русские/город Якутия	54,5 — татары/город Татарстан	58,1 — русские/село Оренбуржье
45,6 — русские/город Татарстан	51,6 — русские/село Оренбуржье	56,8 — якуты/город Якутия
41,4 — татары/город Оренбуржье	48,2 — татары/село Татарстан	55,8 — русские/город Оренбуржье
39,7 — русские/село Якутия	43,7 — татары/село Оренбуржье	54,3 — татары/село Оренбуржье
36,4 — татары/село Оренбуржье	40,4 — русские/город Оренбуржье	52,6 — русские/село Якутия
35,1 — русские/село Оренбуржье	33,0 — якуты/город Якутия	50,1 — якуты/село Якутия
30,1 — русские/город Оренбуржье	30,5 — якуты/село Якутия	31,0 — татары/село Татарстан

Примечание: Верхняя тройка значений каждого рангового ряда демонстрирует наибольшую выраженность исследуемых нами установок, а нижняя тройка — наименьшую.

Мера разброса значений этих установок (σ — среднее квадратичное отклонение) в изучаемых этнических группах и регионах неодинакова. Наибольшая согласованность ответов выявлена в установке, осуждающей богатство ($\sigma = 9,4$), наименьшая — в установке, декларирующей возможность праведных экономических достижений ($\sigma = 14$). То есть вера в возможность накопить «добро» праведным путем в наибольшей степени поляризует изучаемые нами этнические и социальные группы.

Говоря об этической компоненте ценностно-трудовых установок, мы имеем в виду их связь, возможно опосредованную, с традиционными религиозными верованиями. Несмотря на широкое обращение саха в православие, нельзя сказать, что христианство пустило глубокие корни в их культуре²⁹. В последние 10 лет здесь происходит массовое возрождение и даже «социальное конструирование» традиционных верований саха, основанных на политеистическом восприятии мира. «Но кардинальным отличием традиционных верований саха от христианства является, по всей видимости, их большая личная независимость от общинного начала, связанная со скотоводческой специализацией, предполагающей относительную территориальную обособленность семейных хозяйств друг от друга, процветание и благосостояние которых зависит только от самих себя»³⁰. Вот этот аспект традиционной «трудовой этики» саха, видимо, и оказывается востребованным новыми экономическими и политическими условиями жизни региона.

Итак, у русских в Саха (Якутии), как городской, так и в сельской среде, одинаковая с саха мера сформированности статусной экономической мотивации. Что касается конструктивности ценностно-трудовых установок, то, несколько чаще этически осуждая богатство (в городской среде), чаще воспринимая труд сквозь призму обреченности, меньше веря в возможность праведных экономических достижений, русские, в сравнении с саха, на рубеже веков имели меньший деятельностный, активистский потенциал мотивационных моделей социального действия (табл. 25, 26).

Хотя стоит сказать, что русские якутяне, живущие в городах, сами по себе будучи людьми предприимчивыми и в чем-то «пассионарными», готовыми к мобилизации своих сил, безусловно, ориентируются в своих экономических стратегиях на саха, их традиционный хозяйственный или, точнее, экологический этос и на локальные идеологические установки, провозглашавшиеся президентом Саха (Якутии) М.Е. Николаевым в сфере экономического развития: «Мы исходим из того, что каждый якутянин должен располагать всеми правовыми га-

²⁹ Иванов В.Н. К некоторым вопросам этносоциального развития региона: вместо заключения // Этносоциальное развитие республики Саха (Якутия). Новосибирск, 2000.

³⁰ Попов В.Б. Интеллигенция в структуре общества власти. // Этносоциальное развитие республики Саха (Якутия). Новосибирск, 2000. С.74.

рантиями и экономическими условиями для собственного экономического самоопределения, полной свободой для предпринимательской деятельности и бизнеса, необходимой защитой государства»³¹.

И по результатам исследования видно, что мотивационные установки, связанные с реализацией личностного ресурса, у городских русских Саха (Якутии), выше, чем, например, у русских в Татарстане и Оренбургской области.

Как уже говорилось, складывающаяся активистская экономическая мотивация саха и русских инициируется и поддерживается масштабными изменениями в общественной жизни республики, точнее, изменением приоритетов ее экономического развития, а также большей (в сравнении с русскими) представленностью саха во властных структурах республики³². Растущая мотивация достижения активистского толка позволяет допустить, что и перспективы экономического роста в республике достаточно высоки, так как согласно теории Аткинсона-Маклеланда рост мотивации достижения сопутствует экономическому всплеску, а активная трудовая позиция — это основное требование предпринимательской трудовой этики³³. Дополнительное свидетельство этому — достаточно высокие (в сравнении с другими регионами) показатели собственно экономических «достижительских» (по Парсонсу) установок саха и русских, выявленные на материале восприятия псевдопословиц (табл. 28).

Таблица 28

«Аскриптивность-достижительность» как установки экономического сознания саха и русских Саха(Якутии) на материалах псевдопословиц
(% выразивших согласие)

Псевдопословицы	Саха		Русские	
	Город	Село	Город	Село
Человеку на роду написано, жить в богатстве или бедности	35,1	16,7	35,4	43,1
Любой человек может стать богатым, если этого захочет	55,6	58,1	44,4	40,0

По мнению якутских исследователей, участвовавших в нашем проекте, перед народом саха сегодня стоит проблема «повышения конкурентоспособности в условиях многонациональности и развития ры-

³¹ Цит. по: Иванов В.Н. К некоторым вопросам социального....С.273.

³² Спиридонова И.Е. Актуальные проблемы этнокультурного взаимодействия в РС(Я): 90-е годы XX века // Этносоциальное развитие республики Саха (Якутия). Новосибирск, 2000. С.204.

³³ Вебер М. Протестантская этика...; Ионин Л.Г. Диффузные формы социальности // Социологические чтения. М., 1997. Вып. 2. С. 69.

ночных отношений»³⁴. Наши данные говорят о том, что на уровне мотивационных стратегий экономического поведения народ саха вполне конкурентоспособен и даже в чем-то с точки зрения социально-психологического достижительского и активистского потенциала имеет преимущества в сравнении с русскими в республике.

Многолетние этносоциологические исследования в Татарстане показывают устойчивую картину «паритетных» отношений русских и татар в республике. Обладая практически одинаковым численным статусом (48,3% татар и 43,3% русских, по переписи 1989 г.), схожим социально-профессиональным составом, русские и татары имеют и длительную (с конца XVI в.) историю совместного проживания. И хотя на территории Татарстана и выделяются локальные местности с преобладающим татарским и преобладающим русским населением, «основная часть населения живет в этнически смешанных районах либо чересполосно»³⁵. Взаимное приятие и согласованность оценок русских и татар строится «не только на традиции толерантности, но и на общих интересах»³⁶, что и проявляется в сфере межэтнических, культурных и ценностных установок. Согласованность установок выразилась и в одинаковых пропорциях «достижительных» ориентаций татар и русских, проявившейся в выборе псевдопословиц (табл. 29).

Таблица 29

«Аскриптивность-достижительность» как установки экономического сознания татар и русских Татарстана на материалах псевдопословиц
(% выразивших согласие)

Псевдопословицы	Татары		Русские	
	Город	Село	Город	Село
Человеку на роду написано, жить в богатстве или бедности	44,3	46,0	51,0	43,5
Любой человек может стать богатым, если этого захочет	42,9	50,1	40,2	48,4

Однако, переходя от этнокультурного к этнополитическому ракурсу рассмотрения отношений татар и русских, нельзя не отметить, что в условиях доминирования титульной группы во властных структурах для русских Татарстана встает вопрос паритетного участия и в органах власти Татарстана. Этот вывод был сделан в ходе реализации

³⁴ Брагина Д.Г. Современные этнокультурные процессы у народа саха. Якутск, 1996. С. 13.

³⁵ Мусина Р.Н. Религиозность как фактор межэтнических отношений в Республике Татарстан // Социальная и культурная дистанции... С. 230.

³⁶ Дробужева Л.М. Статус субъектов Федерации: конфликт и общность интересов // Асимметричная Федерация: взгляд из Центра, республик и областей. М., 1998. С. 191.

предыдущего исследовательского проекта — «Этнические и административные границы: факторы стабильности и конфликтности».

Наши данные подтверждают и дополняют этот тезис, правда, с некоторым экономическим «акцентом». С одной стороны, русские Татарстана чувствуют потребность соответствующего представительства в структурах власти, а с другой стороны, «статусные» мотивационные структуры русских Татарстана лишены соответствующей культурной поддержки, которую могла бы формировать сельская русская среда, аналогично той поддержке, которая формируется внутри сельской татарской среды. В предшествовавший период русские чаще уезжали из села, чем татары, которых сдерживал не только традиционный уклад жизни, но и языковой фактор: в городе говорили по-русски.

Таблица 30

Стратегии экономической мотивации городских и сельских татар и русских Татарстана

Стратегия выживания (еда)		Стратегия индивидуальной самоорганизации/ активистская (реализация личностного ресурса)		Статусная стратегия (власть, престиж, должность, связи, деньги...)	
Город					
Татары 20,5	Русские 16,6	Татары 11,5	Русские 10,2	Татары 21,1	Русские 22,5
Село					
Татары 13,3	Русские 19,4	Татары 15,0	Русские 16,0	Татары 35,5	Русские 15,2

Примечание: В таблице представлены агрегированные и взвешенные частотные значения соответствующих категорий-описаний нищеты, бедности, достатка и богатства, выраженные в %.

Сельская среда и сейчас выступает хранителем традиционных культурных установок. И наши данные показывают, что при практически одинаковой распространенности стратегий экономической мотивации среди русских и татар собственно «статусная» мотивационная стратегия значительно шире представлена в сельской среде татар, а стратегия выживания больше свойственна сельским русским (статистически значимая разница соответствующих показателей по критерию χ^2), что дает основания связать эти характеристики с этнокультурной обусловленностью (табл. 30). Возрастная структура русских и татар в селах относительно схожая, но среди татар несколько больше людей с высшим образованием, а среди русских — со средне-специальным.

Городская среда Татарстана представляет собой унифицированное (в этнокультурном смысле) мотивационное поле: на фоне равнопредставленных в этнических средах стратегий экономической мотивации единственным отличием русской городской модели, как мы отметили выше, является (на период конца 90-х гг.) несколько большая (в сравнении с татарами) фрустрированность потребности в самоуважении и уважении.

Однако при исследовании сельских групп Татарстана обнаруживается другая картина. По выраженности установки, осуждающей богатство, русские и татары находятся на противоположных полюсах — от максимальных (в сравнении с остальными выборками) значений осуждения богатства у русских (67,7%) до минимальных у татар (31%); (табл. 31, см. также табл. 27).

Русская сельская среда в Татарстане в сравнении с сельской татарской выступает источником достаточно противоречивых экономических установок. При достаточно высокой вере в возможность праведных экономических достижений (64,5%), здесь одновременно в наибольшей мере осуждается богатство (максимальные значения по всем выборкам — 67,7%) и наблюдаются очень высокие (65%) показатели пессимистического восприятия труда, что дает основание связать такую ориентацию экономического сознания с невысоким уровнем экономических притязаний. Среди русских сельчан Татарстана к тому же и максимальные показатели согласия с суждением «Если человек сыт, то его нельзя считать бедным» (табл. 33).

Таблица 31

**Ценностно-трудовые установки экономического сознания русских и татар
Татарстана**
(на материале пословиц, % выразивших согласие)

Пословицы	Татары		Русские	
	Город	Село	Город	Село
Кто правдой живет, тот добро наживет	47,5	57,9	45,6	64,5
От работы не будешь богат, а будешь горбат	54,5	48,2	56,4	65,0
Богатому черти деньги куют	59,5	31,0	65,5	67,7
Если бедный украдет, его Бог простит	28,5	28,8	34,8	49,6

В силу относительно низкой распространенности осуждения богатства (31%) и более «творческого» восприятия труда, а также подкрепленные — на сегодняшний день — несколько большим образовательным потенциалом, традиционно-татарские этико-экономические установки оказываются более последовательными и непротиворечивыми и в целом более «рыночными» по своему духу, что, в общем, согласуется с этикой джадидизма, в которой богатство и успех оцениваются по-

ложительно. По этой причине «татарская» модель вхождения в рынок, основанная на более позитивном отношении к богатству и труду, а также подпитываемая такими «статусными» экономическими мотивами, как стремление обладать деньгами, властью, престижем, пока дает известное преимущество татарам перед русскими, в среде которых показатели осуждения богатства — и в городе, и в селе — в числе максимальных. Негативно для русских и то, что практически половина русских сельчан Татарстана готовы мириться с воровством, вызванным бедностью — проявили согласие с пословицей «если бедный украдет, его Бог простит» (а среди татар и городских русских с этим согласны не более трети).

Характеристики экономической мотивации русских горожан такие же, как и у городских татар. Городские русские и татары ни в активистских, ни в статусных экономических устремлениях практически не отличаются. Единственное своеобразие русских во всех регионах (нашего исследования) — определенный акцент на еде (который чаще проявляется в селах) и негативных эмоциональных оценках нищеты, связанных, как было показано, с несколько большей, чем у татар, фрустрацией потребности в уважении и самоуважении.

Русские же сельчане менее активны в статусных устремлениях и в большей степени опираются на стратегию выживания, обладают более размытой мотивацией, с акцентом на сытости, милостыне, обладании конкретными материальными ценностями.

Предыдущие исследовательские проекты — «Посткоммунистический национализм, этническая идентичность и разрешение конфликтов в РФ», «Этнические и административные границы: факторы стабильности и конфликтности» — показали, что этничность, рассмотренная как на уровне ее субъективного переживания, так и через анализ ее социальных функций, значит для татар гораздо больше, чем для русских. Поэтому и городские татары в силу большего значения для татар этнических связей должны в большей степени, чем русские, испытывать поддержку собственной традиционной экономической мотивации в сферах экономического целеполагания.

В городах в русской и татарской среде масштабы распространения различных стратегий экономической мотивации практически совпадают. Однако русские здесь лишены позитивной поддержки традиционной русской культуры — в основном по причине формируемых ею достаточно противоречивых установок экономического сознания (осуждение богатства с одновременной уверенностью в возможность праведных экономических достижений и более пессимистичным/обремененным восприятием труда) и вообще потому, что этнические связи для русских значат меньше.

Оренбургская область — регион, по своим ресурсным характеристикам не уступающий Татарстану. Он богат нефтью и газом, однако по уровню жизни и оплаты труда входит в десятку экономически слабых

территорий России³⁷. Причину плохого материального положения области региональные эксперты видят в отсутствии хотя бы частичной финансовой самостоятельности региона, непомерных налоговых сборах, отсутствии инвестиций³⁸. Оренбургская область не обладает теми финансово-экономическими привилегиями, которых добились Татарстан и Башкортостан. Спад производства, работа в режиме неполной рабочей занятости и безработица, кризис в аграрном секторе — все эти социально-экономические показатели положения региона рассматриваются как следствие неотрегулированных (в сравнении с Татарстаном) взаимоотношений области с центральной федеральной властью. Как образно выразился заместитель председателя Законодательного собрания Оренбургской области г-н Нефедов в 1997 г. (цикл интервью Л.М. Дробижевой с экспертами), сравнивая положение области с Татарстаном, «...у нас нет национального флага, то есть того, чем машут», чтобы добиваться самостоятельного доступа к распоряжению финансами. Однако у Самарской области в сравнении с Оренбуржьем тоже не было «национального флага», но по уровню жизни и расходов бюджета на душу населения она практически не отличалась от Башкортостана и обгоняла Татарстан³⁹.

Русских в Оренбуржье абсолютное большинство, и здесь они (в сравнении с республиками) живут в своей этнической среде. В регионе проживают также татары, они составляют 7,2% жителей области, расселены достаточно компактно, сохраняют свою этничность, культуру.

Для нас было важным рассмотреть, каковы характеристики стратегий экономического поведения русских в своей этнической среде? В какой мере экономические стратегии татар близки к стратегиям татар Татарстана?

Условно этико-экономическую ориентацию городских русских Оренбуржья можно назвать ориентацией экономической «апатии/нереализованности». Проявляется она в том, что при относительно невысоком по сравнению с другими группами (55,8%) осуждении богатства и невысоких показателях «пессимистического» восприятия труда (40,4% — в нижней тройке рангового ряда), а также максимально высоком уровне экономических притязаний (22,8%; табл.33) здесь обнаруживается минимальная (30,1% — самая низкая по всем выборкам) уверенность в возможности праведных экономических достижений (табл. 27). Проще говоря, городские русские Оренбуржья имеют в срав-

---

³⁷ Амелин В.В. К проблеме взаимоотношений субъектов Федерации с центром: опыт Оренбургской области // Асимметричная Федерация: взгляд из Центра, республик и областей. М., 1998. С. 101.

³⁸ Там же. С. 99.

³⁹ Коротеева В.В. Регионализм в республиках и областях: права территорий и благосостояние населения // Асимметричная Федерация: взгляд из Центра, республик и областей. М., 1998. С. 158.

нении с другими исследуемыми этническими группами — на уровне психологического потенциала — достаточные возможности для успешной экономической деятельности (самореализации), но не обладают необходимой уверенностью в возможность «нажить добро» праведным путем, отставая — в городах — в своей статусной экономической мотивации от татар (табл. 32).

Таблица 32

Стратегии экономической мотивации городских и сельских русских и татар Оренбургской области

Стратегия выживания (еда)		Стратегия индивидуальной самоорганизации/ активистская (реализация личного ресурса)		Статусная стратегия (власть, престиж, должность, связи, деньги...)	
Город					
Русские	Татары	Русские	Татары	Русские	Татары
12,9	19,5	11,5	14,1	15,2	22,6
Село					
Русские	Татары	Русские	Татары	Русские	Татары
22,8	15,7	12,3	17,5	22,1	18,8

Примечание: В таблице представлены агрегированные и взвешенные частотные значения соответствующих категорий-описаний нищеты, бедности, достатка и богатства, выраженные в %.

Таблица 33

Уровень экономических притязаний этнических групп Саха (Якутии), Татарстана и Оренбургской области. Согласие с суждением «Если человек сыт, то его нельзя считать бедным» (% выразивших согласие)

Татарстан				Якутия				Оренбургская обл.			
Татары		Русские		Якуты		Русские		Татары		Русские	
Город	Село	Город	Село	Город	Село	Город	Село	Город	Село	Город	Село
42,6	59,6	49,9	66,5	32,4	28,3	37,3	27,6	37,9	33,7	22,8	34,4

Городские татары в Оренбуржье имеют те же характеристики экономической мотивации, что и в Татарстане. И так же, как в Татарстане, оренбургским татарам в большей степени, чем русским, свойственна статусная экономическая мотивация, нацеленная на восприятие богатства, достатка, бедности и нищеты через категории власти, денег, престижа и связей (или их дефицита). Но если в Татарстане это проявляется в сельской среде, то в Оренбуржье — в городской. В городской

среде Оренбургской области у татар и русских одинаковые возрастные и образовательные структуры, поэтому сводить этот факт только к образованию и/или возрасту не представляется возможным. Дополнительное свидетельство этому — в Оренбуржье сельские татары уступают своим «татарстанским братьям» в статусных устремлениях, хотя среди них в 2,5 раза больше лиц с высшим образованием. Поэтому эти данные можно связать, скорее, с этнокультурной обусловленностью статусной мотивации татар в Оренбуржье и Татарстане, чем с их образовательным или возрастным статусом.

Если в Татарстане экономическая «достижительность» как стандартная переменная социального действия была одинаково выражена в городской и сельской среде русских и татар, то в Оренбургской области у городских татар она проявилась более выпукло, чем у русских: 40,6% татар и 28,5% русских согласны, что «любой человек может стать богатым, если этого захочет».

И «богатство», задающее метаэкономический уровень мотивации, татарами чаще, в сравнении с русскими описывается через оперирование категориями «бизнес, предпринимательство», «деньги» и «конкретные материальные ценности», а также «излишества, роскошь, пресыщенность»; русскими, в сравнении с татарами, чаще через оперирование категориями эмоционального позитива и гедонизма.

Имея в виду, что городские русские Оренбуржья в сравнении с другими этническими и региональными группами обладают наиболее высоким уровнем экономических притязаний (22,8%, табл. 33) и то, что в своих стратегиях избегания нищеты, бедности, в стремлении к богатству в меньшей мере, чем татары рассчитывают на собственные силы, и, наконец, более низкие, чем и у титульных групп и русских Татарстана и Якутии показатели статусных мотивационных стратегий, мы допускаем, что действительно имеет смысл говорить о субъективно переживаемой экономической нереализованности русских Оренбуржья.

Руководители региона объясняют это правовым положением области в составе РФ, меньшей фактической экономической самостоятельностью региона. Но оценки населения дают основание связывать такое положение дел не только с правовыми аспектами, но и затрагивать вопрос об эффективности руководства области: рейтинг доверия населения Оренбургской области местной власти был значительно ниже, чем в республиках⁴⁰.

---

⁴⁰ Дробижева Л.М. Политические и социальные ориентации этнических групп как фактор межэтнической границы. // Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России / Авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М., 1998. С. 98.

* * *

Все исследуемые нами «эмпирические факты» — ценностно-трудовые установки экономического сознания, представления о нищете и бедности, достатке и богатстве, а также обусловленные ими стратегии экономической мотивации (проявления которых рассмотрены в различных этнических средах) — смыкаются в единой «точке приложения»: они обслуживают реальные экономические практики людей-агентов действия.

Используя в связи с этим понятие габитуса П. Бурдьё, мы допускаем, что можно говорить о культурно-специфических особенностях последнего. Именно в таком его понимании, как запускающего социальные практики «механизма», существующего одновременно «в виде схем восприятия, мышления и действия»⁴¹, можно говорить об этнокультурных особенностях, проявляющихся на уровне группового габитуса русских, татар и саха-якутов.

Трудноуловимая специфика восприятия русскими происходящих социально-экономических преобразований/трансформаций достаточно очевидно проявляет себя, если к ней подойти с этой понятийной меркой.

Мы выяснили, что у русских в республиках социальные жалобы выражены сильнее, чем у титульных групп, а у русских Оренбуржья — сильнее, чем у «местных» татар.

Городские русские в республиках не отстают в темпах формирования *статусной* стратегии экономической мотивации, понимая — наравне с титульными группами — значимость денег, власти, престижа и связей в складывающихся социально-экономических отношениях. Русские не отстают и в стремлении к *реально достижимому уровню благосостояния* (достатку), в той же мере, что и иные этнические группы, рассчитывая здесь на свои силы. Но они пока психологически проигрывают титульным народам из-за заниженной в сравнении с ними социальной самооценки и социального «наследования» менее конструктивных и рыночных по своему духу ценностно-трудовых и «достижительских» установок экономического сознания, а также определенно меньше рассчитывая на собственные силы в *стратегиях избегания бедности и нищеты*.

Мотивационная экономическая стратегия русских — на фоне стратегий татар и саха-якутов — выглядит более размытой и несфокусированной, с акцентированием на категориях еды (в городах Саха (Якутии), селах Татарстана и Оренбуржья), негативных (в городах Татарстана) и позитивных (в селах Оренбуржья) эмоционально-оценочных

---

⁴¹ Шматко Н.А. Генетический структурализм Пьера Бурдьё... С. 397; Bourdieu P. *Raisons pratiques. Sur la theorie de l'action*. P., 1994.

категориях, а главное — с *меньшим расчетом на собственные силы* в стратегиях избегания нищеты и бедности.

Эта большая — в сравнении с якутами и татарами — пассивность русских, терпимость или равнодушие к бедности и нищете в некотором роде отражает их актуальное положение. Для русских в республиках (и не только) характерна невысокая степень самоорганизации. Не исключено, что немалую роль здесь сыграло то обстоятельство, что Русская православная церковь до недавнего времени — в силу исторически обусловленных причин — занимала позицию социального невмешательства в мирские дела (социальная доктрина РПЦ была принята только в 2000 г.).

Возможно также, что собственно достижительская установка русских, как городских, так и тех сельчан, которые попадали в города в результате «трудовой мобилизации» 20—30-х гг.⁴², была реализована в период идентификации с государством в статусе «старшего брата» и носителя индустриальных устремлений страны и держалась главным образом на идеологическом фундаменте.

Поэтому этничность в складывающихся социально-экономических отношениях между русскими и титульными народами может обуславливать субъективно переживаемое экономическое неравенство. Для русских оно может воплощаться в ином векторе стратегий экономической мотивации и неодинаковой (с титульными группами) значимости этнических связей, которые для титульных групп являются реальным социальным капиталом.

Данные предыдущего исследования — «Этнические и административные границы: факторы стабильности и конфликтности» — показали, что титульный статус этнической общности/группы непосредственно влияет на ее самооценку. Экономические трудности, переживаемые татарами Татарстана, якутами Якутии и русскими этих республик одинаковы, но не одинаково «психологическое сопровождение» этого процесса, так как титульные народы переживают экономическую реформу не только «в условиях выигрыша в социальном и политическом положении»⁴³, но и в условиях «расцвета» собственного этнокультурного габитуса.

Русские же оказываются в ситуации некоторой психологической дестабилизации, с одной стороны, в результате перераспределения политических и в известной мере экономических ресурсов в пользу титульного представительства и негативного восприятия этого перераспределения, с другой — в силу собственных культурных особенностей,

⁴² Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998.

⁴³ Дробижеева Л.М. Политические и социальные ориентации этнических групп как фактор межэтнической границы // Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России / Авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижеева. М., 1998. С. 57—58.

воплощающихся в характеристиках собственного группового габитуса. Эти особенности обусловлены особым положением русских, как в период царской России, так и в период советской власти. Доминирующее идеологическое положение русских в досоветский период закреплялось известной формулой «Православие, самодержавие, народность», а в советский период именно русские выступали носителями интернациональной, внеэтнической по своей сути советской идеологии.

Психологические потери русских, как мы стремились показать, вызваны не только процессами суверенизации в республиках. Определенный вклад в субъективно переживаемый психологический дискомфорт, вызванный постсоветскими общественными трансформациями, вносят и этнокультурные особенности. Наши данные дают основание считать, что на уровне «схем социального восприятия, мышления и действия» групповой габитус русских в силу очень существенных по своему действию причин несколько отстает от реалий сегодняшнего дня. Он в меньшей степени, чем групповой габитус татар и саха-якутов, продуцирует и «понуждает» своих носителей (т.е. русских) к усилиям и активному расчету на свои силы, меньше стимулирует к освоению разнообразных социально-экономических практик.

Эти особенности, выявленные нами на материалах восприятия и оценивания, проявляются и в иных сферах. Все социально-политические реалии последних десяти лет позволяют заключить, что русские — по сравнению с другими российскими «этничностями» — проявляют меньший *потенциал к самоорганизации*.

Мы уже упоминали, что в последние десять лет в России формируется новая модель экономического поведения, которая существует без целостной и аутентичной идеологической базы. Однако многолетние исследования ученых, работавших над проектами по инициативе Л.М. Дробижевой в республиках РФ, показали, что для титульных групп существует *локальная* идеологическая база: это стимулированное процессами политической и экономической суверенизации формирование новой «мы-концепции» (мы-татарстанцы, мы-якутяне). В основе своей она строится на этнорегиональной консолидации, но декларирует и реально имеет под собой и *локально-гражданские* основания. Поэтому русские в республиках — при определенном социально-психологическом дискомфорте, вызванном как длительной нестабильностью власти в центре, так и реальными политическими потерями (меньшим «участием во власти») — тем не менее чувствуют себя включенными в локальную гражданскую общность. И можно прогнозировать, что в регионах будет формироваться согласованная, во всяком случае толерантная к этнокультурным особенностям экономическая мотивация у взаимодействующих этнических групп.

Глава 5

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

Эффективность этнокультурной и этнополитической интеграции двух этнических общин (русских и татар), проживающих на территории Татарстана, зависит от разных факторов и, в значительной мере, от степени совпадения их социальных интересов. Важным источником, помогающим охарактеризовать эти интересы, может стать республиканская пресса.

Современные исследователи СМИ, изучающие спектр их социального действия, говорят о появлении новых функций, характерных для состояния современного российского общества. Они обращают внимание на тот факт, что в условиях дезинтеграции политических институтов и социальных групп СМИ реализуют всю интегративную функцию по линиям: «центр — регионы», «исполнительная — законодательная ветви власти», «русские — другие этносы», «богатые — бедные», «отечественная культура — западная культура», «русская культура — культура других народов и этнических групп России». Массмедиа объединяют различные уровни российского социума в единое социокультурное и информационное пространство¹. Информационное поле, представленное русскоязычными и татароязычными изданиями, не только отражает современную ситуацию в культурной, политической и социально-экономической сферах жизни татарстанского сообщества. Характеристики самого института СМИ и особенности его деятельности могут послужить индикаторами современного состояния двух названных общин, так же как и косвенными характеристиками их социально-экономического и культурного развития.

Рассматривая современную ситуацию в Татарстане, мы попытались сопоставить данные этносоциологического исследования по проекту «СН» с результатами опроса общественного мнения, проведенного Республиканским информационно-аналитическим центром (рук. Г.А. Исаев, май 1999 г.), а также с данными проведенного нами контент-анализа республиканской прессы².

---

¹ Комлев Ю.Ю., Толчинский Л.Г., Хисамутдинов Ф.Р. Генезис и современное состояние отечественных масс-медиа // Кому принадлежит культура? Казань, 1999. С. 204.

² В качестве источников отобраны наиболее тиражные и влиятельные татароязычные и русскоязычные издания: «Ватаным Татарстан», «Мгд'ни ъомга», «Татарстан яшьл'ре», «Республика Татарстан», «Время и деньги», «Вечерняя Казань», «Столичная», «Казанское время» (1999—2000). Кроме того, в статье использованы данные этносоциологического опроса, проведенного в рамках проекта «НИК» и исследования «Роль республиканской прессы в формировании новой системы ценностей в условиях социально-экономической трансформации общества (на примере Республики Татарстан)» (1997 г., рук. Л.В. Сагитова), осуществленного при финансовой поддержке Фонда К. и Дж. Макартуров.

Особенностью этнокультурной ситуации в постсоветском Татарстане стала попытка повышения статуса этнической культуры и языка татар. Исследование информационного поля на протяжении 90-х гг. показывает, что доминирующей остается тема языкового неравенства. Потенциал напряженности, связанной с этноязыковой политикой в республике, исследовался в предыдущих исследовательских проектах («НИК» и «Этнические и административные границы: факторы стабильности и конфликтности»). В середине 90-х гг. участниками этих исследований А.Д. Коростелевым и Т.С. Гузенковой был сделан вывод о том, что этническая дифференциация в восприятии ценности языка, национальной культуры, вместе с идеей суверенитета республик, несут в себе ситуационное конфликтогенное начало. Они также констатировали, что в конце 80-х — начале 90-х гг. проблема возрождения национальных языков достигла значительной остроты. Активной частью татарской интеллигенции выдвигались требования защиты позиций татарского языка, его разностороннего функционирования, а с другой стороны, законотворческая деятельность в суверенных республиках в сфере языковой политики вызвала серьезные опасения относительно того, не окажутся ли принятые законы о языке инструментом дискриминации русскоязычного населения республик³.

Сегодня можно говорить о том, что прежняя система детерминации языковых характеристик на массовом уровне остается достаточно инерционной и не подвергается заметному изменению. Также подтверждается вывод авторов о том, что активные административные меры, направленные на изменение тенденций в языковом поведении, в настоящий момент скорее осложняют межнациональные отношения, нежели реально трансформируют направленность языковых процессов.

Подтверждается и то, что проблемы, связанные с расширением функций татарского языка и образования на татарском языке в республике, остаются полем столкновения интересов русскоязычной части населения и этнически ориентированных татар. Социологи — представители русской этнической группы критически отмечают «реассимиляционные тенденции в образовательной политике: увеличение количества часов на преподавание татарского языка в ущерб другим предметам; введение нового предмета — «Истории Татарстана», на который отводилось не менее 34 часов в год; по разным параллелям это составляло от 25 до 50% всего учебного времени, отведенного на изучение истории»⁴.

Меняющаяся политическая ситуация стимулирует открытые выступления стороны, считающей себя ущемленной. В одной из республиканских газет опубликована заметка под названием «Без вины ви-

---

³ Этнополитическая ситуация в республиках Российской Федерации: Информационный бюллетень. М., 1994. Вып. 4. С. 6.

⁴ Сергеев С.А., Сергеева З.Х. Этнокультурная политика и этнический национализм в Татарстане // Кому принадлежит культура? Казань, 1999. С. 194.

новатые, или что делает ТОЦ в казанских школах»⁵, где сообщалось, что в одной из казанских школ не принимают ученицу из-за «ее русской фамилии», рассказывалось, как представители ТОЦ (Татарского общественного центра) посещают городское управление образования, школу, о которой идет речь, и пытаются диктовать свои условия. Таким образом, «осуществляется дискриминация по национальному признаку и татарский национальный радикализм».

Если учесть, что читают в большей мере городские русскоязычные жители республики, то можно предположить: такого рода информация стимулирует настороженность и напряженность у русских. К чести газеты, она напечатала ответ профессора, представителя общества «Магариф» (Просвещение), который обрисовал истинную картину. Оказалось, что в районе города, где расположена школа, работает 40 школ, 3 из которых ориентированы на обучение на татарском языке. В самой школе, о которой идет речь, в 20 классах из 27 обучение ведется на русском языке, а в остальных намечается постепенный переход на татарский язык⁶.

С другой стороны, доминирование русского языка во всех сферах общественной жизни тревожит этнически ориентированных татар. Особенно наглядно эта озабоченность проявляется на страницах татароязычной прессы. Один автор приводит в пример детский лагерь «Полет», где отдыхают 500 девочек и мальчиков, и сетует на то, что все они разговаривают только на русском языке, все мероприятия проходят на русском языке, кругом звучит русская музыка. Автор считает, что предпринимаемые республиканским Министерством образования меры: издание учебников, проведение конкурсов и олимпиад на татарском языке — идут впустую, так как «вот в таком лагере дети быстро забудут «этот проклятый язык» — так называют его! Здесь в лагере нет места другому языку». Выход в том, чтобы построить лагерь по типу «Малый Артек», где будут жить и отдыхать дети татар⁷.

Среди причин сужения сферы употребления татарского языка национальной интеллигенцией выделяется главная — отсутствие вузов с обучением на этом языке. Авторы публикаций сетуют на то, что Госсовет республики принял в 1997 г. решение о создании национального университета, но до сих пор нет ни университета, ни его концепции⁸. Т. Айди в связи с этим пишет: «Открытие татарского национального университета поможет поднять статус татарского языка. Но чтобы сохранить татарина как татарина — этого еще мало. Потому что программа, которая будет отражать потребности империи, не будет соответствовать и совпадать с потребностями татар. История мировоззре-

⁵ Вечерняя Казань. 2000. 8 марта.

⁶ Вечерняя Казань. 2000. 15 марта.

⁷ Мгдҗни ўомга. 1999. 21 июля.

⁸ Мгдҗни ўомга. 1999. 6 авг.

ния, обычаи и традиции там всегда будут в качестве половой тряпки. Вот почему нужна школа, которая будет существовать не на деньги государства, а на наши. А денег у нас сегодня нет. Значит, мы зря мечтаем об университете»⁹.

Ситуация в этноязыковой сфере — закономерный итог исторически сложившегося неравенства между доминирующей русской культурой этнического большинства и культурами этнических меньшинств в России. Сформировавшаяся диспропорция между образовательной пирамидой (по Э. Геллнеру) общесоветской «высокой культуры»¹⁰ и усеченной пирамидой этнической культуры татар (верхняя часть которой заканчивалась на среднем школьном образовании) привела к социально-профессиональному неравенству у части татар (как правило, сельчан), которые получили среднее образование на родном языке и не могли продолжить его на более высоких образовательных ступенях, где обучение проходило только на русском языке.

Неудовлетворительное состояние национальной культуры и языка стимулировало реанимацию идеологических дискурсов татарского национального движения конца XIX — начала XX вв. Кадимисты видели путь сохранения общности через ее консервацию. Декларировалась стратегия самодостаточности мусульманской общины, обеспеченной социально-экономическим укладом жизнедеятельности, традиционным соблюдением шариата во внутренней жизни и догматической системой образования.

Воспитание конформной и ограниченной личности оспаривалось сторонниками реформаторского движения — «Гсул Джадидит». Введение джадидистами светских наук, творческий подход к изучению ислама, введение русского языка, наряду с татарским языком обучения, — должны были, по их замыслу, преодолеть инертность сельского менталитета и способствовать формированию личности, адаптированной к требованиям капитализма и воспитанной на основе своей национальной «высокой культуры».

Современные интерпретации противостоящих друг другу течений — джадидизма и кадимизма — имеют одну и ту же цель: сохранение этнической и религиозной идентичности татар в современных условиях.

Сегодня позиции кадимистов представляют Милли Меджлис, партия «Иттифак» и часть мусульманского духовенства. Сторонниками идей джадидизма являются Татарский общественный центр, большинство татарской интеллигенции, представители духовенства. В последнее время о приверженности этому течению открыто заявляет и партия власти. Обе стороны сходятся в одном, считая, что именно ис-

⁹ Мгдҗни ўомга. 2000. 21 январь.

¹⁰ Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991. С. 23.

лам помог татарам сохраниться как этнической общности. Однако позиции резко расходятся, когда речь заходит о решении проблем, связанных с модернизацией татарского общества.

Ф. Байрамова, лидер «Иттифака», видит главную угрозу целостности татар в «погоне за Европой» через русскую культуру: «стремление татарских ученых узнать русскую культуру, язык, достичь их уровня — погубило татарскую нацию... жертвами обрусения сегодня стали образованные и городские татары»¹¹. Спасение нации она видит в изоляции татар от влияния Запада и России и в возврате к кадимизму. А письменность татар должна вернуться к арабскому, а не латинскому алфавиту, который «был принят в Турции под дулом пистолета»¹². Надежды на сохранение татарского народа Ф. Байрамова возлагает на крестьянство, сохранившее связь с национальной культурой и менее подверженное русскому влиянию¹³.

Ей возражает татарский писатель А. Еники, который видит в участии татар в модернизационных процессах залог полноценного развития нации в соответствии с требованиями времени. Изоляция татарского общества от внешних влияний — это регресс, считает он. Называя джадидистов прогрессивными реформаторами, писатель говорит о пользе овладения русской культурой и языком: «Невозможно жить, отгородившись от русского общества. В том, что татары сегодня образованны, есть влияние и русского прогресса». По мнению писателя, благодаря знакомству с европейской культурой через русский язык татары вышли на первое место среди других тюркских народов бывшего СССР. Подчеркивая значимость ислама для татар, он заявляет об опасности фундаментализма.

Приведенные высказывания позволяют выделить основную ось напряжения — роль русского языка и русской культуры в жизни татарского сообщества. Для представителей национал-радикального крыла они лишь средства для ассимиляции татар. Сторонники либерального подхода видят в них не только богатство культурного опыта русского народа, но и своего рода «мост» к достижениям европейской культуры и прогресса.

Обозначение поля конфликта закономерно требует ответа на вопрос: в какой степени приведенные выше дискурсы, генерируемые представителями национальной интеллигенции и духовенства, находят отклик в массовом общественном сознании? Выявление его поможет определить дезинтеграционный или, наоборот, интеграционный потенциал каждого дискурса в контексте взаимодействия двух этнических общин в республике.

¹¹ Байрамова Ф. Миллѣт, дин иѣм хакимият // Мѣдѣни ѣомга. 1998. 3 апр.

¹² Мѣдѣни ѣомга. 1997. 19 дек.

¹³ Мѣдѣни ѣомга. 1998. 3 апр.

Преимственность модернизационной направляющей в этнонациональном дискурсе заставляет задуматься о причинах ее актуальности в татарском обществе. Ведь сегодня татары по своей социальной структуре близки к русским. Их уровень урбанизированности, включенности в современную социально-экономическую инфраструктуру общества довольно высок. Исследования этносоциологов в ходе реализации проекта «СН», так же как и проекта «Национальное самосознание, национализм и регулирование конфликтов в Российской Федерации» («НИК»), показали, что национальная интеллигенция Татарстана имеет явно более полиструктурный и более сходный с русской интеллигенцией состав, чем во многих других республиках. Это сходство проявляется в том, что у татар значительна доля производственной интеллигенции: по данным переписи 1989 г., 44,7% в составе городской интеллигенции у татар, и соответственно, 49,8% у русских. Выявлена также возникшая в 80-е гг. тенденция увеличения доли административно-управленческой интеллигенции в составе титульных народов республик в сравнении с русскими, а также интеллигенции художественно-творческой, преподавателей вузов, работников печати. К началу 90-х гг. доля занятых в партийно-государственном аппарате у татар была более чем в полтора раза больше, чем у русских, так же как и доля художественно-творческой интеллигенции. В целом, по подсчетам исследователей, доля татарской интеллигенции по сравнению с 60-ми гг. выросла в два раза¹⁴.

На наш взгляд, существуют две взаимосвязанные причины, влияющие на динамику состава интеллигенции. Первая заключается в том, что модернизация татарского общества, начавшаяся в советский период, осуществлялась не на татарском языке. Отстраненность культуры и языка от модернизационного процесса привела к сужению сферы его употребления, а вслед за этим — и к остановке в развитии.

Вторая причина — естественное следствие первой. Воспроизводство национальной культуры только на уровне средней школы лишило ее функциональной значимости. Возникла форма социального неравенства, когда носители татарского языка, закончившие национальную школу, не могли успешно включаться в модернизационно продвинутые сферы трудовой деятельности. Именно на это указывали представители национальных движений, говоря о том, что среди татар много неквалифицированных рабочих и мало технической и естественно-научной интеллигенции. Поскольку национальная школа оставалась только на селе (к 1988 г. в Казани насчитывалась всего одна национальная школа), то понятно, что ограничения, о которых говорилось выше, распространялись на сельчан.

Генератором идей национального модернизационного дискурса выступает этническая элита. Большая часть татароязычных писате-

¹⁴ Дробижеева Л.М., Аклаев А.Р., Коротева В.В., Солдатов Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 1990-х гг. М., 1996. С. 252.

лей и журналистов, гуманитарной интеллигенции — выходцы из села, горожане в первом поколении. Статистический анализ книги «Кто есть кто в Республике Татарстан» (1996) показал, что 60,7% научной и творческой интеллигенции татар — выходцы из села, 39,3% — горожане во втором и более поколениях.

Исследования свидетельствуют о том, что сегодня татарское общество разделяется на две примерно равные части: русскоязычную и татароязычную¹⁵. Первую составляют татары-горожане, получившие образование на русском языке. Многие из них получают высшее образование и включаются в высокотехнологичные, модернизационно продвинутые сферы деятельности. В татароязычной части — сельчане. Одни из них остаются в аграрном секторе, другие мигрируют в города, становясь рабочими промышленного производства и сектора обслуживания; еще небольшая часть поступает в высшие учебные заведения, чаще — в гуманитарные. Кроме того, до сих пор продолжается инерция политики «коренизации», начатой в советское время, когда республиканский административно-управленческий аппарат комплектовался из представителей титульной национальности, преимущественно выходцев из села¹⁶.

В условиях этнического ренессанса ведущая роль принадлежит «партии бывших провинциалов», выражающей интересы и устремления в большей мере татароязычной части татарского общества. Таким образом, национальный вектор модернизации отвечает чаяниям именно этой части современного татарского общества; для большей же части русскоязычных татар этническая основа модернизационных процессов малоактуальна.

Состояние социально-экономической структуры современного татарского общества детерминирует появление устойчивых связей между экономическими характеристиками социальных групп и их приверженностью противостоящим идеологиям: джадидизму и кадимизму. Практически большая часть татарской интеллигенции и татароязычные татары-горожане, сумевшие так или иначе адаптироваться к меняющимся условиям (многие из них пополнили ряды мелкого и сред-

---

¹⁵ Об этом подробнее см.: Сагитова Л.В. Этничность в современном Татарстане. Казань: Татполиграф, 1998. Разд. 4; Мухаметшин Ф.Х., Лозовой А.П. Татарстан на перекрестке мнений. Проблемы, тенденции, перспективы. Казань, 1993. С. 98—99.

¹⁶ В руководстве Татарстана начала 1990-х гг. выходцы из сельской местности составляли 73%; представители титульной национальности — 77% (Мансурова Г.М. Динамика ротации политических элит РФ и РТ // Региональные элиты и общество: Материалы республиканской научно-практической конференции. Казань, 1995. С. 52.). Итоги выборов в Госсовет РТ 1995-го и 2000 гг. свидетельствуют о сохранении этой тенденции. Среди недавно избранных депутатов 95 татар, 27 русских, 1 мордвин. Из них 58 человек — работники исполнительной власти: главы администраций городов и районов и их заместители. (Молодежь Татарстана. 2000. 3 февр.).

него бизнеса), разделяют позиции джадидского «Ислама», открытого для влияний европейской, русской и восточной культур. Одним из ярких примеров служит консолидация группы татарских интеллектуалов с представителями Союза правых сил (СПС) в республике. Результатом стала организация круглого стола при редакции газеты «Звезда Поволжья» (ред. Р. Ахметов). Проходящие в его рамках дискуссии ученых, журналистов, предпринимателей по проблемам государственного устройства России, суверенитета Татарстана, экономики, евразийства, ислама, национальной культуры постоянно находят отражение на страницах издания.

Среди приверженцев консервативной стратегии (кадимизма) можно назвать татар-сельчан, жизнь которых протекает в традиционной сельской среде. Оторванность от модернизационных процессов вызывает у них недоверчивое отношение к городу, его культуре, образу жизни. Сельчане нередко пытаются замкнуться в самодостаточности в ответ на техногенные угрозы привычному укладу жизни. Консервативный ислам помогает укрепить эту самодостаточность и замкнутость.

Отсутствие перспектив и низкий уровень социальной мобильности заставляет наиболее способную и честолюбивую молодежь уезжать в город. Однако и здесь выходы из села испытывают большие трудности. Платное образование и высокий уровень требований при поступлении в высшие и средние учебные заведения ограничивают доступ к обучению, если не закрывают его совсем. На рынке труда они не включатся в престижные виды деятельности. Поэтому молодые сельчане пытаются достичь социального успеха в пока мало занятой духовной сфере. Многие из них поступают учениками-шакирдами в медресе или проходят курсы обучения в исламских лагерях, в которых преподают специалисты из арабских стран, часто являющиеся носителями фундаменталистского направления в исламе¹⁷.

По последним данным, в республике работают около 20 религиозных школ и медресе. В них обучаются около 1 тыс. шакирдов. Высшее духовное образование дает Российский исламский университет, образованный в 1998 г. Сегодня обучение в нем проходят около 50 студентов¹⁸.

Для 90-х гг. характерно было усиление влияния религиозного фактора. Впечатляет динамика роста религиозных общин: православных общин в республике в 1988 г. было 18, в 1990-м — 50, в 1999 г. — 171; мусульманских — соответственно 19, 170, 802¹⁹.

По результатам опроса в рамках проекта «НИК», в 1994 г. в Татарстане 87,9% сельчан и 69,8% горожан-татар назвали себя мусульмана-

¹⁷ Хотя в последнее время усиливается контроль со стороны Духовного управления мусульман РТ над содержанием учебных дисциплин и кадровым составом в медресе.

¹⁸ Этничность и религия в молодежной среде Республики Татарстан. Казань, 2001. С. 11.

¹⁹ Там же. С. 9.

ми и 63,6% горожан и 78,5% сельчан-русских — православными. Этнокультурные и религиозные процессы последних лет безусловно повлияли на поведение представителей этнических общин. В республике существенно возросла доля тех, кто высказывает отрицательное отношение к межнациональным бракам. В 1989 г. среди татар таких было 13%, в 1994 г. — 31%, опрос 1999 г. показал, что 55,6% татар-сельчан и 36,9% татар-горожан предпочитают в браке человека своей национальности, у русских — соответственно 14,7 и 19,6%²⁰.

Однако эти данные, на наш взгляд, нельзя интерпретировать как показатель социально-культурной дезинтеграции и настороженности по отношению друг к другу представителей русской и татарской общин в республике. Речь идет о стремлении сохранить свою культуру, обычаи, язык на уровне семьи. Этот вывод подтверждают этнические ориентации в производственной сфере (по данным нашего опроса 1999 г.). Так, отвечая на вопрос о предпочтительности национальности непосредственного начальника, 44,5% татар-горожан и 39,7% татар-сельчан выделили приоритет профессионализма начальника, ответив, что в этом случае национальность не имеет значения; 40,7 и 56% соответственно вообще не обращают внимания на этот фактор. Близкими показатели оказались и у русских, составив соответственно: 45,1 и 38,5%; 47,5 и 52,3%. Из предпочитающих в качестве начальника представителя только своей национальности выделилась группа татар-сельчан — 6,0%, среди сельчан-русских таких 1,8%; среди горожан — 2,7% татар и 1,2% русских.

Другой подтверждающий фактор выявила Р.Н. Мусина: по материалам опроса «Национальное самосознание, национализм и регулирование конфликтов в Российской Федерации» отчетливо прослеживалось положительное воздействие религиозности на межэтническую толерантность. Именно для верующих характерна «позитивная идентичность» и поддерживающее отношение к развитию иной культуры в отличие от неверующих, которые были в большей степени склонны к «этнотолерантности»²¹.

Казалось бы далекие друг от друга сферы — этнической культуры и языка, социально-экономического развития общности, обусловленного исторической спецификой становления ее социальной структуры, — тесно переплетаются. Сегодня основное зерно противоречий лежит в плоскости отношений сильно изменившейся татарской общности к традициям национальной культуры и языку. Суть — в слабой во-

²⁰ Данные получены в ходе республиканского этносоциологического исследования «Межнациональные процессы ТССР» (1989 г., рук. Д.М. Исхаков, Р.Н. Мусина); проекта «НИК»; проекта «СН»

²¹ Мусина Р.Н. Религиозность как фактор межэтнических отношений в РТ // Социальная и культурная дистанции / Авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М., 1998. С. 239—241.

стребованности отставшей в развитии (по объективным причинам) этнической культуры у ее далеко ушедших в модернизационном процессе наследников. Востребованность в ней имеет теперь в большей мере гуманитарный характер, оставляя за рамками рациональную, социально-экономическую и правовую мотивацию.

Важный индикатор степени включенности национальной культуры в модернизационные процессы — деятельность русскоязычных и татароязычных СМИ. Это также может служить показателем этнокультурной интеграции двух общин в республике.

По оценкам специалистов, исследующих СМИ, татароязычные СМИ неконкурентоспособны в сравнении с русскоязычными²².

Показательна тематическая ограниченность татароязычных изданий: большая часть публикаций посвящена официальной хронике, состоянию сельского хозяйства, проблемам национальной культуры и языка, национального воспитания и религии. Мало освещаются факты финансово-экономической жизни, проблемы бизнеса, правовой сферы, индустриального и постиндустриального развития общества. Замкнутость информационного дискурса обусловлена рядом факторов. Первый из них — ориентация на татароязычную аудиторию, преимущественно сельчан и горожан в первом поколении. Второй является следствием первого: в татароязычных СМИ нет заметных качественных различий в подаче информации для жителей города и жителей села. Третий фактор — журналисты из татароязычных изданий сами выходцы из села, их менталитет и, видимо, интересы ближе к традиционной культуре, нежели к городской. Совокупность перечисленных факторов приводит к невостребованности татароязычных СМИ в качестве рекламного агента. Этот факт имеет непосредственное отношение к тому, насколько своеобразным может быть издание в выражении своего мнения. Его красноречиво иллюстрирует высказывание журналиста, работающего в татароязычном издании: «Нет еще такой татароязычной газеты, о которой можно было сказать, что она защищает права граждан. Тираж у татароязычных газет падает, они перегружены «серыми статьями». Я испытываю белую зависть к коллегам из русскоязычных изданий. Несмотря на то, что газету «Вечерняя Казань» ругают руководители всех уровней республики, она непременно лежит у них на столе. А мои коллеги остерегаются братья за правозащитную тему. Мы не умеем еще и сами защищаться, тем более — защищать людей»²³.

---

²² Низамова Л.Р. Массмедиа в постсоветском Татарстане: бикультуризм или параллельные культуры?; Шайхитдинова С.К. Нормативные концепции СМИ в ситуации конфликта (на примере концепции национального развития СМИ в РТ) // Кому принадлежит культура? Казань, 1999.

²³ Цит. по: Шайхитдинова С.К. Нормативные концепции СМИ...С. 233.

Специалисты по СМИ приходят к выводу о том, что концепция татароязычных СМИ поддерживает и развивает культурный традиционализм. На эту стратегию влияют берущие начало с революционных времен профессиональные традиции, определяющие ее просветительский журнальный характер, и традиции советской эпохи²⁴.

При рассмотрении интеграционного потенциала существующего информационного поля можно отметить две характерные особенности. Первая из них состоит в том, что русскоязычные СМИ охватывают большую аудиторию в сравнении с татароязычными изданиями. В нее включается и татароязычная часть, поскольку русским языком владеет подавляющее большинство населения республики. Вторая — свидетельствует о дезинтеграционном потенциале татароязычных СМИ. Ограниченность их дискурса неизбежно приводит к выстраиванию границ, в данном случае внутренних. В качестве маркеров выступают языковая компетенция и принадлежность к определенным социальным группам²⁵.

Подобная замкнутость усиливается сегодня и ограниченными возможностями людей приобрести несколько изданий, разнонаправленность которых помогает выработать критический подход и плюралистическое восприятие реалий современной жизни.

Правительством республики предпринимаются попытки преодоления этнокультурного неравенства. При этом наблюдается тенденция усиления административных мер. Так, на вопрос «Что сделать для реального двуязычия в Татарстане?» Председатель депутатской комиссии по науке, образованию, культуре и национальным вопросам, депутат Госсовета Республики Татарстан Р. Валеев ответил, что в числе первых предполагается предложить закон об административной ответственности за нарушение Закона о языках, и подчеркнул, что при этом нужно вводить материальную ответственность²⁶.

На обсуждение Госсовета выносилось предложение о 15-процентной надбавке за знание татарского языка. Но пока не разработан список профессий и должностей, для которых необходимо обязательное знание двух государственных языков. Поэтому законодательного утверждения данное предложение не получило, хотя в отдельных учреждениях в середине 90-х гг. 15-процентная надбавка выплачивалась работникам, знающим татарский язык. Реакция населения на этот шаг, ставший темой обсуждения в республиканских СМИ, была двоякой: часть населения стала изучать татарский язык, часть — расценила его как дискриминацию по отношению к русскоязычному населению.

²⁴ Там же. С. 231.

²⁵ Хотя нельзя не отметить стремления преодолеть эти границы. За последние годы увеличивается число изданий, выходящих одновременно на русском и татарском языках: в 1998 г. в РТ было зарегистрировано 31 такое издание; в 1999 г. — 94.

²⁶ Казанские ведомости. 2000. 3 февр.

* * *

Культурное измерение конфликта — в различных ориентациях и ожиданиях представителей двух этнических общин в ситуации этнокультурного ренессанса у татар. Русские в целом доброжелательно воспринимают эти этнокультурные изменения, но с тревогой реагируют на акты этноязыковой политики татарстанского правительства. Для татар же — это попытка обретения духовных и исторических корней, а также шанс преодолеть исторически сложившееся социально-культурное неравенство.

Стремление спасти свою культуру и язык в условиях доминирующего русскоязычного окружения вызывает у определенной части татар изоляционистские установки: предлагается открывать отдельные больницы, школы и лагеря отдыха для детей-татар.

Объявленный политической элитой курс на демократизацию общества и принципы культурного плюрализма с неизбежностью требуют удовлетворения интересов и потребностей данной группы. Во многом климат сосуществования русских и татар в республике будет зависеть от того, насколько продумана будет этнокультурная политика правительством республики. Среди тех мер, что предпринимаются сегодня, можно выделить содержащие конфликтный потенциал, а именно: попытку форсированного введения татарского языка в образовательный процесс с переходом на латинскую графику без основательно разработанной и подготовленной методической базы и преподавательских кадров; введение административных санкций при реализации Закона о языках в республике.

Недовольство этими мерами русского населения, а также части русскоязычных татар усиливает их апелляции к федеральному центру как к единственному защитнику прав и ведет к политической дезинтеграции в республике.

Глава 6

РЕЛИГИОЗНОСТЬ И ОРИЕНТАЦИИ НА ДОСТИЖИТЕЛЬНОСТЬ

Религиозность в интересующем нас контексте была впервые исследована М. Вебером в его классической работе «Протестантская этика и дух капитализма». В ней убедительно показано влияние протестантизма, в особенности кальвинизма и методизма, на становление капиталистической трудовой этики. Специфическими особенностями капитализма Вебер считает стремление к непрерывно возобновляющейся прибыли, к рентабельности и рационально-капиталистическую организацию формально свободного труда с вытекающим из нее основным классовым противоречием пролетариата и буржуазии. «Соединение этих особенностей не имело места нигде и никогда, кроме Европы нового времени», — пишет А.И. Неусыхин¹. В большой незаконченной работе «Хозяйственная этика мировых религий» М. Вебер рассматривал конфуцианство и даосизм, индуизм и буддизм, а также иудаизм, устанавливая тесную связь этих религий с социальным и политическим строем Китая, Индии и древней Иудеи. Вебер описывал различные типы взаимоотношения религиозно-этических представлений и социально-экономического фундамента, им соответствующего. Он первым положил в основу общественно-экономических формаций религиозные воззрения членов общества.

Основополагающими считал религиозные воззрения и С. Хантингтон. «В современном мире религия является одной из основных, а может быть и главной силой, которая формирует мотивации и мобилизует людей», — пишет он². В получившей широкую известность книге С. Хантингтона основное внимание уделяется цивилизационным противоречиям между современной западной цивилизацией и остальным миром. В основе цивилизаций, по Хантингтону, лежит религия.

Рассматривая идеологию недавнего социалистического прошлого, В. Магун усматривает в нем черты, роднящие его с эпохой становления капитализма³. Так, в основу трудовой этики и там, и здесь были положены мотивы самоценного труда и аскетического потребления.

Ныне, в период распада прежней советской идеологической системы и возвращения религии как мировоззренческой основы бытия, осо-

---

¹ Неусыхин А.И. Эмпирическая социология Макса Вебера и логика исторической науки // М. Вебер. Избранное. М., 1994.

² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999.

³ Магун В.. Российские трудовые ценности: идеология и массовое сознание // Мир России. 1998. № 4.

бое значение приобретает изучение особенностей конфессионального компонента этносоциальных сообществ, относящихся по Хантингтону к разным цивилизациям. В соответствии с его концепцией в России проживают народы, принадлежащие к православной, мусульманской, буддийской цивилизациям. На территории страны находятся зоны соприкосновения и взаимодействия цивилизаций. Постоянно происходят контакты народов, представляющих различные цивилизации. Это придает особую актуальность изучению различных аспектов религиозности, лежащей в основе цивилизационных типов.

Религиозный ренессанс в России начался задолго до горбачевской перестройки и уже к 80-м гг. окончательно опрокинул надежды профессиональных атеистов, что вера угаснет со смертью последних верующих.

Возвращение религиозной и политической свободы, особенно осязаемое после празднования 1000-летия Крещения Руси (1988) и 1100-летия принятия ислама народами Поволжья (1989), привело к стремительному росту числа религиозных организаций. Сегодня на всем постсоветском пространстве наблюдается резкий подъем религиозности.

Религиозность рассматривается в единстве трех взаимосвязанных признаков: собственно религиозность, дихотомия «вера-неверие»; конфессиональная принадлежность; принадлежность к конкретной религиозной организации.

По данным, полученным Русским социально-экономическим агентством во второй половине октября 1998 г. при опросах населения в 81 регионе Российской Федерации — с разбросом от Пскова до Дальнего Востока, верят в Бога более 60% населения страны, 21% опрошенных признают «существование некоей высшей силы», но их «не привлекают традиционные религии», 16% равнодушны к вере⁴.

В 1989 г., по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), основанным на всероссийской репрезентативной выборке, считали себя православными 30% населения⁵. В 1993 г. православными себя считала уже половина населения. Такой резкий рост религиозности можно объяснить исчезновением страха открыто говорить о своей вере в Творца, отсутствием опасений репрессивных действий властей. В 1994 г. уровень религиозности достиг 57%.

В 1996 г. в Российской Федерации было зарегистрировано 13 073 религиозные организации, из них 7 195 приходов Русской православной церкви, 5 878 — других⁶.

Данные опроса, проведенного Институтом социологии в Нижегородской области, говорят о высокой, учитывая недавний государствен-

⁴ Русь державная. 1999. №1.

⁵ Дубин Б.В. Православие в социальном контексте // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1996. № 6.

⁶ Полонский А. Православная Церковь и общество в посткоммунистической России // Фактор этноконфессиональной самобытности в постсоветском обществе. М., 1998.

ный атеизм, религиозности населения: 59% респондентов религиозны, твердо верующими считают себя 23% опрошенных, 36% респондентов не вполне уверены в своей вере. Возможность выбрать нетвердый вариант ответа «скорее да» значительно снижает число людей, ответивших «да», так как настраивает на сомнения. «Скорее нет» — довольно странный вариант ответа, предполагающий, видимо, не выбор между верой и неверием, а отвлеченность от мировоззренческих вопросов, незабоченность этим — 20%. Неверующими и атеистами себя считает 21% опрошенных — ничтожно малая цифра для населения страны, в которой атеизм был активно насаждаемой государством религией и малейшее заметное для окружающих отступление от атеизма сурово каралось: увольнением с работы, отчислением из учебного заведения, фактически — изгнанием из социума. Мы видим почти равные доли твердо верующих и неверующих.

Однако население Нижегородской области менее религиозно, чем население России в целом. Обследование проводилось в четырех регионах Российской Федерации: Нижегородской и Воронежской областях, Краснодарском и Ставропольском краях. Наиболее религиозно население Воронежской области — твердо верующих там 29%.

По данным РОМИР, религия является очень важной составляющей жизни для 11,6% респондентов и еще 31,3% опрошенных находят ее довольно важной. Не важна религия для 33,7% россиян, и совсем не важна для 19,6%. Затруднились с ответом 3,7%. Рождество, Пасху и другие религиозные праздники считают самыми радостными 13,5% россиян⁷.

Опрос общественного мнения, проведенный журналом «Огонек» в 1990 г., дал сенсационные результаты: после 73 лет коммунистической диктатуры Православная церковь оставалась самым устойчивым институтом общества — ей доверяли около 67% граждан. С годами ситуация не изменилась. Православная церковь стабильно имеет самый высокий рейтинг доверия. Патриарх Алексей II лидирует в списках наиболее влиятельных политиков. Он — единственный человек, занимающий высокие места в рейтингах на протяжении всего десятилетия.

Безусловным критерием возрождения ислама является рост числа мусульманских общин и количества мечетей. На 1 января 1997 г. в России зарегистрировано 2 738 мусульманских религиозных объединений, из них 2 587 общин, сформировавшихся вокруг мечетей⁸. В целом же мусульманские объединения составляют пятую часть всех зарегистрированных в стране религиозных объединений. Автор «Независимой газеты» Р. Тухватуллин утверждает, что в 1995 г. в России было 5 тыс. мечетей⁹. Не считая Северного Кавказа, больше всего ме-

⁷ НГ-Религии. 2000. 12 янв.

⁸ Малашенко А. Исламское возрождение в современной России. М., 1998.

⁹ Тухватуллин Р. За кого будут голосовать мусульмане? // Независимая газета. 1996. 1 июня.

четей действует в Татарстане, где на начало 1997 г. их количество достигло 700 (18 только в Казани)¹⁰.

Однако исламское возрождение, на взгляд А. Малащенко, имеет некоторые существенные отличия от возрождения православия. Ислам в отличие от православия не подвергся такому страшному разгрому, «поскольку острие атеистической пропаганды и политических репрессий было направлено против основной религии страны... Ислам при советской власти был унижен, деформирован, но ему удалось сохраниться на бытовом уровне, удержаться в своей этнокультурной среде, иными словами, в канун «перестройки» он имел органичную социокультурную основу для возрождения. В православии же эта основа была почти полностью уничтожена, и потому его возрождение приходилось начинать чуть ли не с нуля, символом чего стало *строительство заново храма Христа Спасителя*»¹¹.

Во-вторых, ислам в России — религия национальных меньшинств. Обращение к исламу является фактором этнической самоидентификации мусульман. Особенно это характерно для татар. Еще в 1993 г. верующими себя считали 67% российских татар¹². В 1994 г. в Татарстане верующими себя назвали 86% сельских жителей и 66,6% горожан¹³. К настоящему времени доля верующих, несомненно, возросла.

Вера — тот параметр, который нельзя игнорировать при рассмотрении важнейших процессов, протекающих в обществе. Огромное количество верующих заслуживает того, чтобы отношение к важнейшим вопросам общественного бытия рассматривалось в зависимости от религиозности респондентов, их вероисповедания, воцерковленности.

Огромный интерес представляет возможное влияние религиозности на жизненные достижения людей, на достигательную ориентацию. Нам это нужно потому, что мы хотим знать, влияет ли религиозный фактор на неравенство этнических групп и интеграцию внутри них и между ними. Этот вопрос и будет рассмотрен в данной главе.

Материал, на основании которого рассматривается проблема, представляет собой результаты исследования «Этнические и административные границы: факторы стабильности и конфликтности». Опрос проводился летом 1997 г. в Татарстане. В регионе по репрезентативной выборке опрошено более 1 тыс. человек. Приводимые данные относятся к городскому населению титульной и русской национальностей.

¹⁰ Малащенко А. Исламское возрождение в современной России.

¹¹ Малащенко А. Исламское возрождение в современной России.

¹² Воронцова Л., Филатов С. Религиозность, демократичность, авторитарность // Полис. 1993. № 3.

¹³ Мусина Р. Ислам и межэтнические отношения в современном Татарстане // Иман нуры. 1996. № 4.

Рассмотрим подробно пример Татарстана, в населении которого представлены последователи двух мировых религий — христианства и ислама.

Русские, в подавляющем большинстве, исповедуют православие. Большинство татар — мусульмане-сунниты, но есть среди них и православные крещены. Кроме того, православные есть и среди татар-некрещен. Так, православный архиепископ Казанский и Татарстанский Анастасий — татарин, но он не крещен. Раз есть прецедент такого высокого уровня, значит, есть и гораздо более частые случаи среди рядовых верующих.

Для анализа влияния различных религий на достигательные ориентации населения Татарстан — очень удобный объект. Население почти поровну распадается на православных и мусульман. Прямых показателей достигательности у нас практически нет, зато много косвенных, таких, например, как оценки «уверенности в завтрашнем дне», степень удовлетворенности своей работой и своим материальным положением, отношение к частной собственности и к предпринимателям и многие другие.

Мы анализируем следующие совокупности респондентов:

- «Верующие — неверующие» здесь сгруппированы те, кто, отвечая на вопрос об отношении к религии, назвал себя либо верующим и скорее верующим, либо неверующим, скорее неверующим и атеистом.
- В группе верующих мы проводим сравнительный анализ «православные — мусульмане», т.е. тех, кто сам себя причислил к православной или мусульманской конфессии.
- Внутри той и другой конфессиональной группы мы особо выделяем и сопоставляем группы «воцерковленных» верующих, т.е. тех, кто придерживается установленных религиозных постов, таких, как Великий пост в православии и пост ураза в мусульманской традиции. Критерий соблюдения поста кажется нам наиболее подходящим критерием воцерковленности, ибо свидетельствует о добровольно накладываемых на себя ограничениях ради своих убеждений. Праздновать наиболее значимые религиозные праздники могут отнюдь не только верующие люди. Совершить над своими детьми крещение или обряд «суннат» можно не только по твердому убеждению, но и под влиянием настроения, мнения друзей, моды, наконец. Но нельзя ограничивать себя в еде без твердого убеждения в необходимости этого. Поэтому критерий самоограничения — соблюдение поста — мы считаем наиболее показательным.

Начнем с рассмотрения основных демографических характеристик. По возрасту между верующими, неверующими, мусульманами и православными существенных различий нет. Однако мусульмане чуть моложе православных: среди них меньше доля пожилых людей и больше молодежи (табл. 1).

Таблица 1

Распределение по вероисповеданию горожан Татарстана
(% от опрошенных)

Группы горожан по отношению к вероисповеданию	До 30 лет	31-50 лет	Свыше 50 лет
Все горожане	21,2	49,8	29,0
Православные	18,8	49,7	31,5
Мусульмане	23,5	50,9	25,6

Воцерковленные люди намного старше, среди них сильно повышена доля пожилых людей: среди православных их почти половина, среди мусульман чуть меньше. Доля молодежи и лиц среднего возраста среди них понижена (табл. 2).

Таблица 2

Распределение воцерковленных горожан Татарстана по возрасту
(% от ответивших)

Группы горожан по отношению к вероисповеданию	До 30 лет	31 — 50 лет	Свыше 50 лет
Постящиеся православные	12,7	39,4	47,9
Постящиеся мусульмане	15,7	40,9	43,5

Пожилые люди воспринимали религиозность как живую традицию от поколений своих родителей и прародителей, поэтому такой элемент религии, как соблюдение постов не кажется им излишним или обременительным. Молодые люди, воцерковляющиеся самостоятельно, ко многим традиционным элементам религии подходят критически. Пост некоторые из них считают делом второстепенным. Многим хлопоты, связанные с переменной питания, кажутся затруднительными, требующими излишне много усилий. Ориентированные часто исключительно на духовные аспекты религии люди не всегда хотят и не способны полностью перестроить свой быт.

Возрастные различия между православными и мусульманами не существенны, ими можно при дальнейшем анализе пренебречь. Возрастные отличия воцерковленных респондентов очень сильны, они оказывают заметное влияние на все анализируемые параметры.

Таблица 3

**Распределение горожан Татарстана по уровню образования
и вероисповеданию
(% от опрошенных)**

Группы горожан по степени религиозности и вероисповеданию	Неполное среднее и ниже	Общее среднее	Среднее специальное и незаконченное высшее	Высшее и ученая степень
Верующие	17,5	25,8	38,4	18,3
Неверующие	10,0	32,9	34,1	22,9
Постящиеся мусульмане	20,9	27,3	30,0	21,8
Постящиеся православные	37,7	15,1	26,4	20,8

Как видно из табл. 3, уровень образования верующих ниже, чем у неверующих. Среди верующих велика доля тех, кто не имеет общего среднего образования.

Среди соблюдающих пост уразы татар пятая часть не имеет среднего образования, что в два раза превышает долю татар со средним образованием в городской выборке. Лиц же с образованием выше среднего среди постящихся татар на 7,5% меньше их доли в городской выборке.

Та же картина и у постящихся православных христиан: сразу бросается в глаза огромный перевес лиц с низким образованием у постящихся. Может быть, дело в том, что среди постящихся много пожилых людей, которым традиции православного образа жизни переданы их предками. Пожилые люди выучились в то время, когда среднее образование еще не было обязательным.

Перейдем к рассмотрению социального статуса. Для его характеристики использовалась шкала из 3 ступеней — от совсем бесправных к тем, у кого большая власть. Опрашиваемые могли поместить себя на любую из них (табл. 4).

Таблица 4

**Самооценка социального статуса у верующих и неверующих горожан
Татарстана
(% от ответивших)**

Уровень самооценки	Верующие	Неверующие
Низкая	53,8	68,5
Средняя	41,1	30,3
Высокая	5,1	1,2

Самооценка верующих значительно выше, хотя к низшему классу себя относит половина опрошенных верующих, это на 14,7% меньше,

чем у неверующих. Соответственно к среднему классу себя относят 41,1% верующих и менее трети неверующих. К высшему классу относят себя 5,1% верующих и всего лишь 1,2% неверующих.

Мусульмане оценивают свой социальный статус значительно выше православных (табл. 5).

Таблица 5

**Самооценка социального статуса православных горожан
и горожан-мусульман Татарстана
(% от ответивших)**

Уровень самооценки	Православные	Мусульмане
Низкая	65,0	46,3
Средняя	33,1	46,3
Высокая	1,9	7,3

Равные доли мусульман оценивают свой социальный статус как низкий и как средний, 7,3% — как высокий. Большая часть православных относит себя к низшему классу, треть — к среднему и менее 2% указывают на свой высокий социальный статус.

Более оптимистичный настрой по сравнению с православными мусульмане демонстрируют и в ответах на другие вопросы, касающиеся иных жизненных условий. Уверенность в завтрашнем дне есть у 57,5% мусульман и только у 38,4% православных. Особенно это характерно для соблюдающих пост уразы: уверены в завтрашнем дне 61,9% против всего лишь 44% прочих респондентов.

Разница в оценке своего материального положения между православными и мусульманами громадная: своим положением довольны 42,4% мусульман и всего 28,1% православных. При этом удовлетворенность высказывают почти половина (48,3%) постящихся мусульман и всего треть (32,7%) прочих верующих. Оценки воцерковленных мусульман более оптимистичны и по сравнению с городскими татарами в целом (46,8%, тогда как в целом по совокупности татар — 40,7%).

Большая часть верующих (76,9%) признает, что для их родителей было важно научить своих детей зарабатывать деньги. Среди неверующих эта доля заметно меньше — 65,9%. Родители учили в детстве зарабатывать деньги 83,7% мусульман и 70,3% православных. Это правило еще сильнее проявлялось у соблюдающих пост уразы: 87,8% подтвердили что, их учили зарабатывать деньги. Среди других горожан этот факт отметили 72,2% респондентов. В отличие от мусульман, родители православных реже уделяли внимание этой проблеме (70,4% воцерковленных православных и 64,8% прочих верующих православных).

Сами опрошенные в целом значительно прагматичнее своих родителей. В подавляющем большинстве они признают необходимость учить детей зарабатывать деньги (96,5% верующих и 92,3% неверующих).

За установление государством верхнего предела личного дохода, чтобы не было слишком богатых людей, выступают 29,2% православных и 27,4% всех мусульман, но среди постящихся мусульман 38,5% (по отношению ко всему городскому мусульманскому населению Татарстана). Эта группа мусульман разительно отличается от остальных татар, среди которых это мнение поддерживают 20,8% опрошенных.

Важнейшим показателем активности является миграционная подвижность. Многочисленные исследования показывают, что активные в миграционном отношении люди, активнее прочих и в других сферах жизни¹⁴. Почти половина верующих (47,9%) меняли когда-либо место постоянного жительства. Среди неверующих мигрантов — всего треть (30,3%). Эти различия выглядят особенно показательными на фоне небольших различий между группами с разным уровнем миграционной подвижности в городской выборке в целом.

Особенно выделяются соблюдающие пост уразы: две трети из них в течение жизни хотя бы раз переезжали, среди горожан в целом доля переезжавших составляет 40,4%, в том числе среди татар — 47%.

Мусульмане гораздо мобильнее православных: меняли хотя бы один раз место проживания свыше половины мусульман — 52,7% и лишь 39,7% православных.

В значительной мере это связано с тем, что среди татар совсем недавно было намного больше сельских жителей, чем среди русских. Процесс переселения в города затронул современное поколение татар гораздо сильнее. Многие же русские переезжали не из татарского села в город, а из других мест страны в города Татарстана, например в город-новостройку Набережные Челны.

Рассмотрим инновационные ориентации. К частной собственности верующие относятся несколько более настороженно, чем неверующие. Положительно к частной собственности на небольшие участки земли относятся 82% верующих и 91% неверующих.

Воцерковленные мусульмане к частной собственности на землю менее лояльны (71,6%), чем горожане в целом и татары, в частности (83,1%). Этот вывод подтверждается и ответами на другие вопросы.

Об одобрении или неодобрении новых экономических отношений свидетельствует и мнение о предпринимателях. Воцерковленные православные относятся к ним хуже других. Более одной трети воцерковленных респондентов (37,1%) относятся к предпринимателям отрицательно. Это на 17,6% больше, чем по городской выборке в целом. Положительное же отношение продемонстрировали 24,3% воцерковленных, что на 9,5% меньше, чем в целом по городскому населению.

---

¹⁴ См., например: *Переведенцева А.* Миграционные биографии и условия жизни молодежи // Бывший СССР: внутренняя миграция и эмиграция. М., 1992.

Этот результат выглядит парадоксальным, так как среди воцерковленных православных в два раза больше владельцев или совладельцев предприятия, организации, где они работают, — 31% против 15,5% в целом по совокупности. Если выделить только русских, различия будут еще разительнее: 37,5% постящихся являются владельцами и совладельцами предприятий, притом что среди городских русских Татарстана таковых 12,4%. Возможно, частное предпринимательство в нашей стране еще так непривлекательно, что даже значительная часть владельцев и совладельцев предприятий не решает его одобрить. Возможно и то, что инновационность и риск, присущие предпринимательству, делают его адептов особенно религиозными. Предприниматели, как ни одна другая профессиональная группа, ощущают недостаточность собственных усилий для становления своего дела. Им более других необходима помощь свыше, везение.

Все эти парадоксальные вещи говорят о том, что мировоззрение людей не устоялось, в том числе и отношение к религии.

Постящиеся мусульмане, и еще в большей мере постящиеся православные, в подавляющем большинстве (61,3 и 71,7% соответственно) считают, что земля не должна продаваться и покупаться, тогда как в среднем по городской выборке такой точки зрения придерживаются всего 44,4%. Среди воцерковленных православных и мусульман мало сторонников рыночной экономики вообще (39,4%). Нелюбовь постящихся православных и мусульман к капиталистическим изменениям налицо. Скорее всего, дело в большой доле пожилых людей среди постящихся.

Итоговым в группе вопросов, касающихся перехода к рынку, был вопрос «Как Вы считаете, в конце концов переход к рыночной экономике принесет пользу, ничего не изменит или принесет вред?» (табл. 6).

Таблица 6

**Отношение верующих и неверующих горожан Татарстана
к рыночной экономике**
(% от ответивших)

Как Вы считаете, в конце концов переход к рыночной экономике...	Православные	Мусульмане	Неверующие
принесет пользу	29,1	30,2	26,8
ничего не изменит	55,6	53,8	55,0
принесет вред	13,1	10,8	13,4

Как среди православных, так и среди мусульман пока преобладает скептическое отношение к рыночной экономике, но все же верующие лояльнее к ней, чем неверующие, и доля оптимистов в 2,5 — 3 раза больше, чем пессимистов.

В итоге получается, что верующие хуже образованы, но, несмотря на это, они больше удовлетворены жизнью, т.е. у них ниже уровень

притязаний. Они активнее и прагматичнее, но в рыночных условиях чувствуют себя менее комфортно, чем неверующие. Портрет получается противоречивый. Возможно, это следствие объединения в одну группу православных и мусульман. Рассмотрим их по отдельности.

В связи с религиозностью мы проанализировали ряд параметров. Здесь описаны только те из них, по которым есть определенные различия между воцерковленными верующими и всеми прочими горожанами. В результате можно сделать вывод, что исламу присуще побудительное, будоражащее воздействие, подталкивающее его последователей к достижению конкретных жизненных целей, формирующее ориентацию на успех в этой жизни. Православным такое мироощущение в целом не присуще, хотя среди них в два раза больше предпринимателей.

Как мы видели, своим социальным и материальным положением постящиеся мусульмане удовлетворены более прочих, они более уверены в завтрашнем дне, более мобильны, но парадоксальным образом эта уверенность мало связана с расчетом на свою способность зарабатывать, на профессию. Все это сочетается с изначально худшими стартовыми условиями (более низким образовательным уровнем). Можно сказать, что принадлежность к исламу оказывает определенное влияние на успехи в реальной, земной жизни. Но в то же время твердые последователи ислама отрицательно относятся к рыночной экономике. Как ни странно, предшествующий идеологический режим, душивший религию, в экономическом отношении оказался многим из них ближе. Воцерковленные православные по всем рассмотренным критериям, кроме участия в бизнесе, менее активны.

Посмотрим теперь, как влияет религиозность на мнение о преимуществах той или иной национальности и этническую толерантность (табл. 7).

Таблица 7

Мнение русских горожан Татарстана о влиянии национальности на возможность хорошего трудоустройства и занятия высокого поста в зависимости от соблюдения ими основных религиозных предписаний (% от ответивших)

Группы горожан по степени воцерковленности	Национальность влияет на возможность...	
	устройства на самую лучшую работу	занять высокий пост в органах власти республики
Празднующие Пасху, Рождество	59,4	64,7
Соблюдающие посты	50,0	54,5
Крестившие своих детей	62,1	66,8
Верующие	55,4	60,7

Показатель влияния национальности на возможность хорошего трудоустройства и высокой карьеры у просто верующих несколько ниже, чем у отмечающих религиозные праздники и крестивших детей, однако у соблюдающих посты — воцерковленных верующих — он ниже, чем у просто верующих. Воцерковленные люди *меньше* ощущают национальную дискриминацию, чем представители всех других мировоззренческих групп. Возможно, дело в смещении, ином направлении вектора интересов воцерковленных людей. Их больше волнуют другие проблемы, по сравнению с которыми национальное ущемление отступает на второй план. Воцерковленные люди часто живут религиозной приходской общиной, тесно общаясь между собой и, вероятно, меньше общаясь с остальным миром, меньше соприкасаясь с внецерковными проблемами, меньше ощущая их остроту. По сравнению с проблемой спасения души в падшем мире проблема некоторого национального ущемления может казаться не стоящей внимания: при напряженных эсхатологических ожиданиях что такое небольшая дискриминация.

А возможно, дело в том, что воцерковленные люди, группирующиеся вокруг церкви, меньше стремятся занять высокие посты в органах власти или устроиться на самую лучшую работу. Им это не интересно. А когда к чему-либо не стремишься, и препятствия для тебя не имеют значения. (Напомним, что анализ проводится независимо от основных социально-демографических характеристик. Вполне вероятно, что в чем-то сказывается влияние пола и возраста.)

Посмотрим, как обстоят дела у представителей титульной национальности.

Таблица 8

**Мнение городских татар о влиянии национальности на возможность
хорошего трудоустройства и занятия высокого поста
в зависимости от соблюдения ими основных религиозных предписаний
(% от ответивших)**

Группы татар-мусульман по степени религиозности	Национальность влияет на возможность...	
	устройства на самую лучшую работу	занять высокий пост в органах власти республики
Празднующие Курбан-байрам, Ураза-байрам	20,6	30,1
Соблюдающие пост уразы	16,2	24,3
Совершавшие над своими детьми обряд «сунат»	13,3	19,3

Татары-мусульмане мало ощущают национальную ущемленность, видимо, она их почти не касается. Меньше всего указывают на наличие национального неравенства лица, совершавшие над детьми обряд «су-

нат», далее следуют соблюдающие пост уразы, и затем — отмечающие религиозные праздники. Воцерковленные татары-мусульмане — группа, наименее ощущающая возможность национальной дискриминации.

Какие же национальности пользуются преимуществами и какие дискриминируются при приеме на работу? По мнению русских, живущих в Татарстане, преимуществами пользуются татары (табл. 9).

Таблица 9

Преимущества татар по мнению русских верующих и неверующих горожан Татарстана
(% от ответивших)

Группы русских горожан по отношению к религии	Больше возможностей для устройства на самую лучшую работу	Больше возможностей занять высокий пост в органах власти республики
Верующие	47,1	52,5
Неверующие	61,8	73,5

Мы выделили крайние мировоззренческие группы: верующих и неверующих, опустив колеблющихся. Как видно из табл. 9, и те и другие считают, что национальность оказывает гораздо большее влияние на возможность занять высокий пост, чем на возможность хорошего трудоустройства. Неверующие острее воспринимают ситуацию, разница с верующими составляет почти 15% в отношении оценки возможностей для устройства на лучшую работу и свыше 20% занять высокий пост в органах власти.

Празднующие Пасху и Рождество (эта группа шире группы верующих) чуть больше верующих видят преимущества татар: 51,3% — при устройстве на лучшую работу и 64,4% — при занятии высокого поста. Среди крестивших детей 54,4% видят преимущества татар при устройстве на хорошую работу. Из соблюдающих посты видят преимущества татар при устройстве на работу 37,7%. Это почти на 10% меньше, чем среди верующих. В группе соблюдающих посты 54,7% видят преимущества татар при занятии высокой должности в органах власти, это более чем на 7% меньше, чем среди верующих. Мы видим большую разницу в долях людей, уверенных в преимуществах титульной нации при устройстве на работу и уверенных в преимуществах при занятии высокого поста.

Подытоживая, можно определенно сказать, что верующие меньше неверующих ощущают национальные противоречия. Наименее остры они для воцерковленных верующих.

Посмотрим, каково мнение русских горожан Татарстана о том, какие национальности подвергаются дискриминации. Наиболее частое мнение — все, кроме татар, следом идет мнение о дискриминации русских (табл. 10).

Таблица 10

**Мнение русских горожан Татарстана об ущемленности людей
в зависимости от их национальности
(% от ответивших)**

Группы русских горожан по отношению к религии	У людей какой национальности меньше всего возможностей			
	устроиться на самую лучшую работу		занять высокий пост в органах власти республики	
	У русских	У всех, кроме татар	У русских	У всех, кроме татар
Верующие	9,2	13,3	9,1	18,2
Неверующие	12,1	27,3	17,6	32,4

Респонденты полагают, что во властных органах национальная дискриминация сильнее, чем на других местах работы, однако доля считающих, что существует дискриминация русских при устройстве на работу, чуть больше, чем доля считающих, что дискриминация наблюдается при занятии постов в органах власти. Но суммарная доля считающих, что есть дискриминация определенных национальностей при занятии поста во властных органах, на 5% выше. Неверующие полагают дискриминацию гораздо более сильной. Доля считающих, что дискриминации подвергаются все, кроме татар, среди них больше в два раза. Прочие варианты ответов очень редки, среди них нет статистически значимых.

Таблица 11

**Мнение верующих русских горожан Татарстана
об ущемленности людей в зависимости от национальности
(% от ответивших)**

Группы русских горожан по степени воцерковленности	У людей какой национальности меньше всего возможностей			
	устроиться на самую лучшую работу		занять высокий пост в органах власти республики	
	У русских	У всех, кроме татар	У русских	У всех, кроме татар
Празднующие Пасху и Рождество	11,3	16,0	15,4	22,1
Соблюдающие посты	11,3	11,3	15,4	17,3

Празднующие Пасху и Рождество несколько сильнее, чем соблюдающие посты, ощущают дискриминацию (табл. 11). Но напомним, что эта группа шире группы верующих: чтобы праздновать праздники, не обязательно твердо и последовательно верить, можно и сомневать-

ся, и быть неверующим. Яркая, светлая сторона религии усваивается людьми быстрее всего.

Татары-мусульмане, празднующие Курбан-байрам и Ураза-байрам, считают привилегированной национальностью татар; 14,5% полагают, что им легче устроиться на самую лучшую работу, 27,6% — занять высокий пост в республиканских органах власти.

Воцерковленные татары-мусульмане не так резко замечают противоречия между национальностями. Они тоже считают, что у татар есть привилегии, но доля согласных с этим мнением значительно ниже: 9,0% — при хорошем трудоустройстве и 19,6% — при карьерном росте.

* * *

Подведем основные итоги.

В структурном отношении (по возрасту, по образованию) верующие в целом почти не отличаются от неверующих. Тогда как воцерковленные верующие в этом отношении очень сильно отличаются от остальных. В целом они значительно старше (почти половина старше 50 лет) и менее образованны (свыше трети не имеющих среднего образования у православных и пятая часть — у мусульман).

Верующие меньше рассчитывают в этой жизни на себя, на свою способность заработать, профессию в силу своего более пожилого возраста и более низкого образования. Кроме того, они больше рассчитывают на помощь Бога.

Ислам ориентирует своих последователей на достижение в жизни. По многим критериям позиции постящихся мусульман лучше: они выше оценивают свой социальный статус, у них больше уверенности в завтрашнем дне, они более довольны своим материальным положением, активнее в миграционном отношении. Возможно, более высокие оценки связаны с более низким уровнем притязаний, так как многие мусульмане — горожане в первом или втором поколении.

На рыночные отношения мусульмане ориентированы более православных, они видят в переходе к рыночной экономике больше пользы и меньше вреда, чем последние.

Воцерковленные православные по перечисленным выше критериям не отличаются от всех горожан, но доля предпринимателей среди них выше в два раза.

Воцерковленные люди, как православные, так и мусульмане, менее терпимы к современным социально-экономическим преобразованиям в жизни: они чаще выступают за установление верхнего предела личного дохода и против частной собственности на землю по сравнению с остальными горожанами. Почти две трети постящихся мусульман считают, что земля не должна продаваться и покупаться.

Воцерковленные православные хуже относятся к предпринимателям. Но среди них в два раза больше субъектов новых экономических отношений — владельцев и совладельцев предприятий. Похоже, что группа постящихся православных не однородна. На одном полюсе находятся предприниматели, на другом — те, кто предпринимателей не любит. Возможно, трудности, которые приходится в процессе становления преодолевать предпринимателям, делают их особенно религиозными. Им труднее других. И они больше нуждаются в помощи свыше.

Все эти парадоксальные вещи говорят о том, что мировоззрение людей не устоялось, в том числе и отношение к религии.

Верующие меньше неверующих ощущают национальные противоречия. Наименее остры они для воцерковленных верующих. Воцерковленные татары-мусульмане — группа, считающая национальную дискриминацию наименьшей.

Глава 7

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ НЕРАВЕНСТВА

В данной главе рассматриваются этнические аспекты реального экономического и политического неравенства женщин и его психологического восприятия людьми в связи с их национальным самочувствием.

Объектом нашего исследования были городские женщины титульной и нетитульной национальностей Татарстана, Башкортостана, Саха (Якутии) и Оренбургской области. Для более адекватного понимания ситуации гендерных восприятий социальной стратификации были рассмотрены представления мужчин этих регионов, что позволило выявить процессы, связанные с гендерной спецификой.

Задачи работы заключались в том, чтобы на основании материала полученного в ходе реализации проекта выяснить:

- 1) специфику восприятия женщинами и мужчинами экономического и политического пространства, его дифференцирующие и интегрирующие параметры;
- 2) представления о равенстве женщин титульной и нетитульных национальностей изучаемых регионов;
- 3) наличие социальной дистанции в этническом измерении между мужчинами и женщинами указанных регионов.

В основу исследования была положена гипотеза о преобладающем влиянии новой экономической ситуации в России на поведение женщин в экономической и политической сфере разных регионов в сравнении с культурно-историческими традициями, формирующими представления об образах западной и восточной женщины. Еще в 80-е гг. такие традиционные представления фиксировались как значимые в этносоциологических исследованиях Института этнографии АН СССР¹. Однако начиная со второй половины 90-х гг. исследования показывали, что самочувствие населения в республиках, обладающих природными ресурсами и в политическом отношении акцентированных на суверенизацию (Татарстан, Саха (Якутия), Башкортостан), оптимистичнее, чем у жителей Оренбургской области, в большей степени испытывавших разочарование в связи с экономически неэффективным развитием области и всей страны в целом. По этой причине жизненные стратегии, ориентации, притязания женщин титульной национальности Татарстана, Саха (Якутии), Башкортостана и по многим параметрам превосходили аналогичные характеристики русских женщин.

---

¹ Социальное и национальное. Опыт этносоциологического исследования по материалам Татарской АССР. М., 1972.

Продemonстрируем это на конкретных жизненных практиках. Наиболее остро неравенство между мужчинами и женщинами проявляется в экономической сфере. Известно, что наименее оплачиваемыми остаются социальные отрасли: образование, здравоохранение, социальное обслуживание, но именно в них высок удельный вес женщин — 81%.

В промышленности, где оплата труда выше, количество женщин за период с 1990-го по 1998 г. сократилось почти в два раза².

Традиционно женские сферы, такие, как торговля, финансово-кредитная, страховая, стали активно пополняться за счет мужчин, так как возможность заработать в них стала реальнее. По данным Госкомстата, в торговле и общественном питании число занятых мужчин увеличилось в 3 раза, а женщин — только в 1,2. В финансово-кредитной области и в страховании соответственно в 5 и в 1,5 раза³.

Результаты нашего исследования также подтвердили эту тенденцию. Доля мужчин во всех исследуемых регионах значительно выше в промышленности, строительстве, транспорте и связи, в МВД, т.е. в традиционно мужских сферах с более высокими заработками. Но в ряде субъектов Федерации мужчины стали доминировать и в традиционно женских видах деятельности. Так, в Оренбургской области в торговле, общественном питании, бытовом обслуживании доля занятых мужчин в 2 раза больше, чем доля занятых женщин. В Саха (Якутии) в кредитно-финансовой сфере мужчин в 2 раза больше, чем женщин.

С точки зрения оплаты труда существует гендерное неравенство и внутри отраслей. Женщины в большинстве получают меньшую зарплату по сравнению с мужчинами. Исследования показали, что в 1998 г. зарплата женщин в России составила 70% от зарплаты мужчин⁴. При этом уровень образования женщин в стране выше, чем у мужчин. Тем не менее присутствие мужчин на рынке труда растет, а женщин — сокращается. Они все чаще попадают в число безработных.

Обратимся к социальной стратификации женщин на основе их представлений об идентификации с социальными слоями. В соответствии с методикой проекта респондентам предлагалось отнести себя к низшему, среднему и высшему слою общества (табл. 1). Поскольку процент отнесших себя к высшему слою был незначительным, мы эту позицию не рассматриваем отдельно, объединяя со средним слоем.

Мы видим, что женщин титульной национальности в Татарстане, Башкортостане и Саха (Якутии), отнесших себя к среднему слою, примерно на 10% меньше, чем мужчин. В Оренбургской области еще большие гендерные различия: это единственный регион, где доля женщин отнесших себя к низшему слою выше отнесших себя к среднему.

---

² Труд и занятость в России: Стат. сб. М., 1999. С. 62.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 315.

Таблица 1

**Представления мужчин и женщин Татарстана, Башкортостана, Саха (Якутии)
и Оренбургской области о своей социальной идентификации**
(% от опрошенных)

Социальная идентификация	Татары Татарстана		Башкиры Башкортостана		Якуты Саха (Якутии)		Русские Оренбургской обл.	
	Муж- чины	Жен- щины	Муж- чины	Жен- щины	Муж- чины	Жен- щины	Муж- чины	Жен- щины
Средний слой	71	60	70	62	67	59	50	44
Низший слой	26	27	24	23	30	29	43	52

Женщины — представители титульных национальностей в республиках чаще ассоциируют себя со средним слоем, чем русские женщины в Оренбургской области.

Мы попытались проследить связь между профессиональной деятельностью и идентификацией себя с тем или иным слоем. К среднему классу относят себя 100% женщин — служащих государственного аппарата и военнослужащих, 77% ИТР и квалифицированных рабочих. Среди женщин много домохозяек, причисляющих себя к среднему слою. Среди титульных национальностей больше сельских жителей, относящих себя к среднему слою, а среди русского сельского населения республик большинство женщин идентифицирует себя с низшим слоем. Безработные женщины и пенсионерки чаще относят себя к низшему слою.

Нам представляется интересным рассмотреть особенности отношения к труду женщин и мужчин.

Отношение к труду в постсоветский период приобрело разные оттенки. В советский период труд был обязанностью каждого, моральным долгом. Работать было престижно. Ценился творческий труд, пусть и с небольшой зарплатой. В настоящее время труд является прежде всего средством достижения благосостояния. Необходимость много и эффективно работать тоже особенность нашего времени. На второй план отходит труд по интересам, если он не приносит денег. Работа без достаточного заработка невысоко оценивается или считается печальной неизбежностью, какой бы интерес она ни вызывала.

Исследователи отмечают гендерные различия в отношении к труду, связанные с неравенством заработной платы мужчин и женщин. Подавляющая часть женщин занимает рядовые должности в сфере физического и интеллектуального труда. Может быть поэтому женщины относятся к труду не только как к средству заработка или карьерного роста, а также как к возможности уйти от рутинных домашних дел, ощутить поддержку трудового коллектива, воспользоваться социальными благами, которые дает работа.

Таблица 2

**Ответы женщин и мужчин титульных национальностей Татарстана,
Башкортостана, Саха (Якутии) и Оренбургской области на вопрос
«Чем для Вас является труд?»
(в % от опрошенных)**

Отношение к труду	Татары Татарстана		Башкиры Башкортостана		Якуты Саха (Якутии)		Русские Оренбургской обл.	
	Муж-чины	Жен-щины	Муж-чины	Жен-щины	Муж-чины	Жен-щины	Муж-чины	Жен-щины
Труд доставляет мне удовольствие	33	39	30	26	29	38	24	30
Тружусь ради денег	42	21	32	35	25	23	38	29
Труд просто привычка	8	8	12	6	13	8	7	6
Работа — моральный долг	7	9	7	15	24	17	13	8
Труд — тяжкая необходимость	12	11	7	7	5	6	11	12
Не знаю	7	13	12	5	6	7	15	15

Как видно из табл. 2 теперь чаще конкурируют два мотива труда: «труд ради денег» и «труд как источник удовольствия», Мужчины чаще вынуждены трудиться ради денег. Для русских женщин это практически равные стимулы к труду, а для татарок и якуток источником удовольствия труд выступает даже чаще.

Есть некоторые гендерные и этнические различия в удовлетворенности той работой, которую выполняют респонденты (табл. 3).

Таблица 3

**Удовлетворенность работой мужчин и женщин Татарстана, Башкортостана,
Саха (Якутии) и Оренбургской области
(% удовлетворенных работой от числа ответивших)**

Пол	Татары Татарстана	Башкиры Башкортостана	Якуты Саха (Якутии)	Русские Оренбургской обл.
Мужчины	65	56	55	37
Женщины	47	49	45	27

Мы видим, что мужчины (татары, башкиры, якуты и русские) в целом больше удовлетворены работой, чем женщины. Среди женщин несколько больше удовлетворенность работой у женщин Башкортостана, а ниже — у женщин Оренбуржья.

Источником основного денежного дохода у женщин и мужчин всех этнических групп является постоянное место работы, однако многие

женщины и мужчины подрабатывают, для поддержания нормального материального положения.

Подчас дополнительное место работы приносит больший доход, чем постоянное, и вдобавок скрыто от налогов. Женщины подрабатывают торговлей с рук, шитьем, работают дома на телефоне, трудятся на приусадебных участках. Большинство женщин на дополнительной работе работает 16 часов в неделю, но есть и более высокие показатели — 20–30 часов. Имеющих дополнительный заработок среди мужчин больше, чем среди женщин в 1,5 раза. Однако продолжительность дополнительной работы у женщин больше, чем у мужчин. Подрабатывая, женщины предпочитают не менять профессию или работать там, где не нужна профессиональная подготовка⁵.

Трудовая мобильность женщин ниже мужской, стиль их поведения больше адаптационный. Мужчины, судя по опросам, чаще готовы рисковать, менять профессию, начинать новое дело. Женщины предпочитают повышать квалификацию внутри привычного им дела или искать подработку. При этом есть некоторая вариативность социально-деятельностной активности, которая, возможно, связана с экономическим положением региона (табл. 4).

Таблица 4

**Готовность женщин
Татарстана, Башкортостана, Саха (Якутии) и Оренбургской области
к действиям для улучшения своего положения.
(% от опрошенных)**

Возможные действия для улучшения своего положения	Татарки Татарстана	Башкирки Башкортостана	Якутки Саха (Якутии)	Русские Оренбургской обл.
Повысить квалификацию	34	53	61	24
Изменить профессию	24	33	30	18
Искать новую работу	41	44	48	41
Найти подработку	31	45	43	37
Начать свое дело	12	9	20	10
Поменять место жительства	8	9	5	8
Наладить связь с нужными людьми	29	35	50	10
Уехать за границу	4	7	6	15
Другое	2	4	6	2

Многие женщины готовы повысить свою квалификацию, искать новую работу или найти подработку. Особенно активны в этом отно-

⁵ Всероссийский женский конгресс. Труд, занятость, безработица. М., 1996. С. 66.

шении башкирки и якутки, но к поискам новой работы готовы и русские, и татарки. Желających открыть свое дело больше среди якуток.

Женщины зарабатывают меньше, чем мужчины, о чем свидетельствуют полученные данные о главном кормильце семьи (табл. 5).

Таблица 5

Мнения мужчин и женщин Татарстана, Башкортостана, Саха (Якутии) и Оренбургской области о том, кто главный кормилец в семье
(% от опрошенных)

Главный кормилец	Татары Татарстана		Башкиры Башкортостана		Якуты Саха (Якутии)		Русские Оренбургской обл.	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Я сам(а)	62	37	28	28	57	38	69	39
Мой муж (жена)	6	34	11	33	14	27	7	31

Среди женщин примерно одна треть считают, что зарабатывают больше мужа, но в целом мужчины чаще женщин считают себя главными кормильцами семьи.

Женщины, даже если их мужья больше зарабатывают, ориентированы на работу. В интервью мы задавали вопрос «Если семья вполне обеспечена и не нуждается в заработке жены, следует ли ей работать или достаточно заниматься домашним хозяйством?». И, как правило, получали ответ о желании работать (табл. 6).

Таблица 6

Мнения мужчин и женщин Татарстана, Башкортостана, Саха (Якутии) и Оренбургской области о предпочтительном виде занятий для женщин
(% от опрошенных)

Предпочтительный вариант занятий для женщин	Татары Татарстана		Башкиры Башкортостана		Якуты Саха (Якутии)		Русские Оренбургской обл.	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Работа	35	39	31	31	44	40	25	36
Домашнее хозяйство	41	42	41	35	20	30	47	26

Мы видим, что ориентированы на работу якутские, татарские и русские женщины примерно в одинаковой степени (35—40%), чуть меньше — башкирки (31%).

Среди мужчин больше всего сторонников женского труда у якутов (44%), затем среди татар и башкир (35%) и меньше всего среди русских (25%).

«Женщине лучше заниматься домашним хозяйством», — так считают 47% русских мужчин, среди татар и башкир — 41% и только 20% якутов. Неожиданным для нас было то, что русские мужчины оказываются главными сторонниками патриархального образа жизни женщин. В этом они демонстрируют наибольшую рассогласованность в ответах с оренбургскими женщинами, значительная часть которых ориентированы на работу.

Женщины больше ориентированы на работу в молодые годы (до 25 лет) и после 40.

Еще в советское время для выявления предпочтений мужских и женских профессиональных занятий использовался перечень профессий, из которых предлагалось выбрать наиболее подходящие для женщин. В доперестроечный период мужскими считались профессии конструктора, министра, адвоката, писателя, бетонщика, а женскими — врача, учителя, официанта, кассира. Как веяние нового времени в перечень была включена профессия бизнесмена.

Мужчины и женщины к выбору женских профессий подошли традиционно — учитель, врач, кассир заняли первые три места, на четвертое место вышла профессия адвоката, что явилось новацией в сравнении с советскими профессиональными предпочтениями.

Роль министра считают вполне подходящей для представительниц своего пола 20% якуток, 10 — башкирок и русских и 4% татарок. Ранее профессия писателя считалась в большей мере мужской, в настоящее время от 10 до 17% женщин разных национальностей считают ее приемлемой и для женщины.

Мужчины к новым женским занятиям в качестве министра, писателя, бизнес-леди относятся более критично: их оценки возможности такой деятельности для женщин в два, три раза ниже. Ответы женщин титульных и нетитульных национальностей на этот вопрос ближе, чем ответы представительниц одной национальности, проживающих в разных республиках.

Помимо трудовой жизни, для нас важно было проследить психологическое самочувствие женщин, о чем можно судить по уровню их тревожности. Индикаторами в этом вопросе служат оценка женщинами жизненных перспектив, их отношение к возможности потерять работу, характеристика страхов.

Результаты нашего исследования показывают, что доля женщин, столкнувшихся с дискриминацией по половому признаку в сфере трудовой деятельности, составляет от 15 до 20%, их чаще увольняют, отправляют в неоплачиваемые отпуска, задерживают зарплату.

Что касается общей оценки жизни, то вариант «Все не так плохо и можно жить» выбрали 12% русских женщин Оренбургской области, 19% — башкирок, 23 — татарок и 35% якуток. Вариант оценки «Терпеть наше бедственное положение уже невозможно» предпочли 43% русских женщин Оренбуржья, 17 — башкирок, 15 — якуток и 13% та-

тарок. Мужчины продемонстрировали больший оптимизм, опережая в этом отношении женщин своей национальности в два раза, за исключением якутских мужчин, более пессимистичных, чем якутки.

Ответы русских женщин в республиках более соотносились с ответами татарок, башкирок и якуток, чем с ответами русских Оренбуржья. Мы наблюдали большее влияние на ответы женщин положения в регионе, чем их национальной принадлежности.

Среди женщин всех регионов оптимисток больше всего в возрасте до 25 лет, терпеливость характернее для женщин возрастной группы до 40 лет, женщины после 50 чаще отвечали, что «жить так больше невозможно».

Безусловно, на самочувствие женщины влияет ее семейное положение, т.е. замужем ли она или одинока. Совместное распределение признаков показало, что замужние женщины легче переносят внешние невзгоды, среди них меньше готовых к протестным выступлениям, они в большей степени согласны с рыночными реформами.

Среди жизненных ценностей и у женщин, и у мужчин доминирует семья, на втором месте — материальный достаток, на третьем — уважение людей, но для мужчин хорошая работа — большая ценность, чем для женщин. В два раза больше, чем женщин, мужчин привлекает власть.

Страхи женщин и мужчин в основном связаны с угрозой войны. Преступности же больше опасаются женщины Оренбуржья, а экологической катастрофы — якутки. Распада России сейчас уже не боится никто, а национальных конфликтов опасаются женщины Татарстана..

Важной жизненной сферой, в которой проявляется гендерное неравенство, является политика. Участие женщин в политической жизни в советский период имело заданный, формальный характер. Известно, что на все государственные и партийные должности выдвигался заранее определенный процент женщин разных профессий, часто из рабочей среды. Женщине доставались посты, связанные с социальной сферой, считавшейся второстепенной. Однако после отмены квоты, достигавшей 33%, популярность женщины как политика резко снизилась. Не последнюю роль в этом вопросе сыграло ужесточение экономической ситуации в стране. Данное явление характерно для большинства посткоммунистических стран (табл.7).

Социологические исследования, проведенные в рамках федеральной программы «Женщины России» в 1994—1997 гг., показали, что заинтересованность в политике граждан в целом невелика — не более 27% мужчин и 15% женщин. Только 20% респондентов связывают политику со своей жизнью. Остальные считают, что политические события никак на нее не влияют.

Среди характеристик политического поведения женщин исследователи фиксируют пассивный характер их участия в политической жизни и отсутствие установок на радикальные способы защиты своих прав. Для

Таблица 7

**Представительство женщин в парламентах
посткоммунистических стран
(% от общего числа членов парламентов)**

Страны	1990—1991	1992
Россия	32,0	5,6
Польша	35,0	3,5
Венгрия	20,0	7,0
Болгария	21,0	8,5
Чехословакия	29,5	8,5

Источник: Силласте Г. Женские элиты в России. Женщина и свобода: Материалы международной конференции. М., 1993. С. 35

женщин характерно легитимное поведение — участие в избирательной кампании, сбор подписей, законные митинги и демонстрации.

Наше исследование показало, что большинство женщин и мужчин по-прежнему выступают за продолжение реформ, но среди мужчин сторонников реформ чуть больше (на 10%). Несмотря на то, что среди женщин больше ответивших, что существующее положение терпеть далее невозможно, протестовать против этого готовы в большей мере мужчины, чем женщины, за исключением якуток, которые наравне с якутами проявляют свою гражданскую позицию.

Данные свидетельствуют, что среди мужчин намного больше занимающих тот или иной руководящий пост. Наши материалы показали, что индекс по шкале власти у мужчин на 10% выше, чем у женщин. На вопрос об участии в управлении коллективом мужчины в три раза чаще давали положительный ответ. Российское общество не готово принять женщину как политического лидера. Как показывают социологические исследования, сами женщины считают, что занятие политикой — это не женское дело⁶.

Исследования выявили обусловленность степени вовлеченности женщин в политику уровнем образования, доходов и возраста. Наиболее активная возрастная группа — 25—45 лет. Женщины — служащие из высокооплачиваемых профессиональных сфер, предприниматели, и окончившие высшие учебные заведения придерживаются мнения, что женщин необходимо выдвигать на руководящие должности в политической сфере страны⁷.

⁶ Бабаева Л.В. Женщины России в условиях социального перелома: работа, политика, повседневная жизнь. М., 1997, С. 92.

⁷ Социальная феминология. Иваново, 1998.

Как показал анализ, этнические различия в социальном положении женщин, в их жизненных ориентациях и поведении не столь велики. Большее значение имеют различия регионального характера, обусловленные особенностями экономического развития регионов. Обыденные представления о меньшей деятельностью активности женщин нерусской национальности (башкирок, татарок в повседневном сознании обычно относят к «женщинам Востока») не подтвердилось. По некоторым позициям — ориентации на успех, социальной продвинутости — русские в области оказывались даже менее активными, что связано скорее всего не с какими-то ментальными характеристиками, а с последствиями распада Союза ССР, трудностями переходного периода, т.е. с ситуативными психологическими состояниями.

Важны выявленные в ходе исследования поколенческие различия. Именно молодые женщины, особенно 20—24 лет, оптимистичны, деятельны, образованны, готовы к риску, борьбе за успех. Они обладают большим потенциалом, чем женщины, которые были такими же молодыми десять лет назад, а это вселяет надежду на то, что этот потенциал не будет потерян.

* * *

Таким образом, сравнительный анализ экономических и политических ориентаций мужчин и женщин различных регионов позволяет определить факторы, способствующие появлению гендерной асимметрии в оценке социальной ситуации.

1. Гендерной асимметрии способствовало появление в постсоветский период «новой» идеологии по отношению к женщинам, которая базируется на «идее их естественного предназначения», на возврате женщины в семью, в противовес советской идеологии, где доминировал образ женщины-труженицы.

2. Существенным фактором невысокой трудовой активности женщин является кризисная ситуация в экономике страны, разрушение социальной инфраструктуры, традиционное сохранение за женщиной обязанностей по воспитанию детей и ведению домашнего хозяйства. Все это не дает женщине возможности активно продвигаться по карьерной лестнице.

3. В области экономических отношений гендерное неравенство проявилось наиболее ярко. Женщины особенно пострадали из-за диспропорции в социально-профессиональном разделении труда. Именно женщины составляли основную часть бюджетных работников, которых больше всего коснулись сокращения и низкая оплата труда.

4. Трудовая мобильность женщин ниже мужской, она носит адаптивный характер внутри известной им сферы деятельности, в то время как мужчины ведут активный поиск лучших заработков, готовы к

переквалификации. Больше мужчин работает на дополнительной работе. Женщина, перегруженная семейными обязанностями, не может себе позволить.

6. Мужчины в целом лучше обеспечены, они занимают более высокое место по шкале «богатство-бедность» и по шкале престижа.

7. В последнее время меняется отношение к профессиям. Женские виды труда, характерные для советского периода, завоевывают мужчины (торговля, бытовое обслуживание, банковское и страховое дело), поскольку они становятся доходными. Женщины потенциально готовы овладеть мужскими видами деятельности, повышающими их статус (адвокат, бизнесмен, министр, писатель).

8. Участие женщин в политической жизни носит более пассивный характер, чем у мужчин. Они меньше склонны к активным проявлениям протеста. Женщины меньше ценят власть, они реже управляют разного рода коллективами. Отношение женщин к партиям и реформам более индифферентное. Объединяет женщин с мужчинами региональное самосознание, сознание двойного гражданства, ориентация на местные органы самоуправления.

9. Существует региональная специфика в ответах женщин. Более динамично развиваются Саха (Якутия), Башкортостан и Татарстан. Женщины этих регионов продемонстрировали более оптимистичный взгляд на жизнь, ориентированы на активность в трудовой сфере, в области политической деятельности. Женщины Оренбургской области ощущают себя в большей степени ущемленными, в их ответах больше пессимизма, недоверия властям, разочарования в экономических реформах. Здесь самая большая дистанция в ответах мужчин и женщин. Можно сказать, что в этом регионе имеют место классические патриархальные отношения.

Напротив, в Саха (Якутии) ответы мужчин и женщин сближены, в ряде случаев ответы женщин опережают в цифрах ответы мужчин по вопросам динамики трудовой и политической позиции. Можно говорить о связи неблагоприятной экономической ситуации с ростом патриархальности во взаимоотношениях между мужчинами и женщинами, и наоборот.

10. По многим параметрам оценки женщин разных национальностей более согласованны, чем оценки мужчин и женщин одной национальности.

Раздел III

РЕГИОНАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ САХА И РУССКИХ В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИИ)

Социальная структура этнических групп всегда была объектом пристального внимания как отечественных, так и зарубежных социологов. Социальная структура определяет разнообразие и динамику социальных процессов, переживаемых этническими группами, и позволяет понять состояние и вектор развития межэтнических отношений, уровень солидарности или конфликтности, укрепляющих или дестабилизирующих полиэтнические общества. Сходство или различие социальных структур контактирующих народов имеют как позитивные, так и негативные последствия. Близость социальных структур ведет к соперничеству и усиливает конкуренцию, но и одновременно уменьшает социальную дистанцию, увеличивая взаимопонимание между народами. Существенные различия в социальной структуре, даже при отсутствии конкурентных отношений, влияют на величину социальной дистанции, что может явиться фактором межэтнической напряженности, социальных конфликтов¹.

Демократические преобразования в России, суверенитет республик, переход к рынку, повлекли за собой изменение экономических, социальных и культурных приоритетов. Главный вопрос, ответ на который мы пытались получить в ходе осуществления проекта «СН», — это насколько общий процесс социально-экономической дифференциации затронул основные этнические группы Республики Саха (Якутия) и что является следствием данного процесса: интеграция или дезинтеграция на внутриреспубликанском и российском уровнях.

Под социальной структурой мы понимаем многомерное иерархически организованное социальное пространство, в котором социальные группы и слои занимают различные, неравные по степени обладания собственностью, властью и социальным статусом позиции.

Для более полного анализа особенностей социальной структуры саха и русских были использованы как объективные, так и субъективные показатели. В первую группу вошли такие объективные социально-экономические индикаторы, как отраслевая и социально-профессиональная структуры занятых, миграционная подвижность и срок проживания мигрантов на новом месте, уровень образования населе-

---

¹ Дробжи́ева Л. М. Историко-социологический очерк межнациональных отношений. М. 1981. С. 77—130; Русские. этносоциологические очерки. М., 1992. С. 100; Симпсон Дж., Ингер Дж. М. Социология расовых и этнических отношений // Социология сегодня. Проблемы и перспективы. М., С. 425—429.

ния. Вторую группу составили показатели самоидентификации по шкалам богатства, власти и престижа, а также наиболее важные социальные и политические ориентации саха и русских.

Республика Саха (Якутия) является регионом, для которого характерно множество асимметричных стратификаций основных этнических групп. Удельный вес в численности населения наиболее высок у русских в сравнении с саха и с другими этническими группами, по степени урбанизации преобладает городское население у русских и сельское — у саха, по занятости в сферах экономики и видах деятельности — более высокая занятость в промышленности русских и более низкая — саха, в интеллектуальных видах труда — большее представительство саха, меньшее — русских.

Особенности социальной структуры основных этнических групп республики (саха и русских) имеют глубокие исторические корни. Уже сам процесс заселения Саха (Якутии) русскими в XVII в. и дальнейшая их хозяйственная деятельность на новом месте отделяли русских как территориально, так и по сферам занятости от местного населения. Как отмечает И.А. Аргунов, русские поселенцы занимались привычной для них хозяйственной деятельностью — земледелием, кустарным ремеслом, извозным промыслом и очень редко «вторгались» в традиционные занятия саха. Это происходило из-за заселения русскими малопригодных для животноводства мест, сложностей получения покосных наделов в якутских улусах, непривычности и явной нерентабельности северного скотоводства. Разделение сфер приложения труда смягчало остроту хозяйственных противоречий между русским и якутским населением, облегчало взаимный обмен результатами своего производства, способствовало более быстрой адаптации русских на новом месте².

В дальнейшем территориальное, отраслевое и социально-профессиональное разделение саха и русских усугублялось в связи со спецификой промышленного освоения Саха (Якутии), разными темпами развития процессов индустриализации и урбанизации, особенностями кадровой политики в республике. Промышленное освоение Саха (Якутии) носило преимущественно очаговый характер: все предприятия горнодобывающей промышленности (золото, алмазы, затем и уголь) были отдалены от традиционных районов проживания саха (занятых в основном сельскохозяйственным трудом). Низкий уровень образования, отсутствие профессиональных навыков механизированного труда, опыта работы в инонациональной среде у саха затрудняли их участие в промышленном развитии республики. Формирование рабочего класса происходило за счет русских и представителей других национальностей, направленных сюда из России. Данный процесс про-

---

² Аргунов И.А. Социальное развитие якутского народа. Новосибирск, 1985. С. 64.

должался даже тогда, когда саха сравнивались с русскими по уровню образования и технической подготовке³.

Приобщение якутов к городскому образу жизни, городским видам труда происходит в основном в г. Якутске, который по своему статусу столицы, административного и культурного центра, выгодному географическому положению и удельному весу саха среди его жителей занимал и занимает особое место среди остальных монопромышленных городских поселений республики. В отличие от других городов такого типа Якутск не имеет мощной профилирующей отрасли экономики, работающие там предприятия связаны с обслуживанием деревообрабатывающей, пищевой, полиграфической и металлообрабатывающей отраслей промышленности. Положение Якутска как административного, культурного и научного центра обуславливает высокий удельный вес занятых в непроеизводственных отраслях. Сельские мигранты стремились устроиться в тех сферах производства, где можно было получить работу, сходную по характеру с приобретенной на селе специальностью. И они находили такую работу главным образом в непроеизводственных отраслях, не требовавших специальной технической подготовки⁴.

С ростом численности горожан у саха более быстрыми темпами по сравнению с русскими росла численность интеллигенции. Так, доля лиц с высшим образованием у саха в городах составляла в 1970 г. — 8,7%, в 1979 — 13,8%, в 1989 — 21%, у русских — соответственно 5,3, 8,5 и 11,7%. А в целом по республике саха в 1989 г. «догнали» русских по удельному весу лиц, имеющих высшее образование⁵.

Состав интеллигенция у саха и русских заметно различался. При формировании интеллигенции из представителей саха в предвоенные и послевоенные годы основное внимание обращалось на подготовку кадров гуманитарного направления, что было обусловлено необходимостью общего подъема культуры и образования. Долгое время Якутский педагогический институт был единственным высшим учебным заведением в республике, его выпускники составляли основу в органах народного образования и культуры, в административно-управленческом аппарате. Уже в конце 50-х гг. доля саха, занятых в партийно-государственном аппарате, более чем в 4,5 раза превышала долю рус-

---

³ Кузьмина Р.А. Занятость якутов и русских в индустриальных видах труда в Саха (Якутии): опыт и перспективы взаимодействия // Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России / Авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М., 1998. С. 69.

⁴ Васильев Н.В., Кузьмина Р.А. Социально-профессиональная структура городского населения Якутской АССР // Социальное развитие городского населения Якутской АССР. Якутск, 1981. С. 50.

⁵ Итоги Всесоюзной переписи населения на 12 января 1989 года: Стат. сб. №10. Якутск, 1990. С. 34—35.

ских (12 и 2,6%)⁶. Целенаправленная политика «коренизации» органов управления в союзных и автономных республиках, проводимая советской властью на всей территории страны, в условиях Саха (Якутии), при разбросанности на огромной территории многочисленных сельских населенных пунктов, привела к столь значительной разнице в национальном составе административно-управленческого аппарата. Саха также преобладали среди художественно-творческой (3,6% саха и 1,2% русских) и массовой интеллигенции (47,5 и 35,1%). Русские составляли большинство среди производственной интеллигенции (51,5 и 20,1%) и научной (3,2 и 0,85%). Таким образом, русские в Саха (Якутии), как и в большинстве союзных и автономных республик, играли не столько политическую, сколько хозяйственно-организаторскую роль.

В последующие десятилетия в связи с укрупнением сельских населенных пунктов, высокими темпами роста городского населения, вызванными промышленным освоением алмазных месторождений в Западной, а позднее угольных — в Южной Саха (Якутии), различия в представительстве саха и русских во власти стали заметно меньше. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., саха среди партийных и государственных руководителей было в 2 раза больше, чем русских⁷. По сравнению с 1950-ми гг. увеличилась доля русских среди руководителей предприятий и учреждений. И это тоже способствовало паритетному участию русских в управлении республикой.

Опережающие темпы социально-культурного развития саха, имевших на старте более низкие показатели развития, привели в дальнейшем к определенным сокращениям национальных различий в социально-профессиональном составе населения республики, а затем и к постепенному снижению численности саха в группах работников физического труда и увеличению удельного веса среди занятых умственным трудом⁸.

В отраслевой структуре занятости эти явления проявились в снижении удельного веса саха в промышленности, транспорте, связи и строительстве и увеличении в образовании, культуре и искусстве, здравоохранении, физической культуре и социальном обеспечении.

Таким образом, результатом «советского» этапа развития Саха (Якутии) стали довольно заметные этнические различия в отраслевой и социально-профессиональной структурах, несмотря на увеличение сходства за счет большей мобильности отстававших в прошлом саха. И социальные последствия этих различий имели глубокое историчес-

---

⁶ Здесь и далее использованы материалы Всесоюзной переписи населения СССР 1959 г. Рассчитано Р.А. Кузьминой.

⁷ Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 1996. С. 254.

⁸ О национальном составе Якутской — Саха ССР: Аналитическая записка по итогам переписи населения 1989 года. Якутск, 1990. С. 9.

кое значение в дальнейшем политическом и социально-экономическом развитии республики⁹.

Радикальные изменения экономического и политического строя в начале 90-х гг. затронули коренные интересы всех слоев общества независимо от национальности. Ход экономических реформ в Республике Саха (Якутии), как и повсеместно в Российской Федерации, сопровождался спадом производства, снижением занятости, ростом безработицы, падением уровня жизни населения. Региональная специфика последствий переходного периода проявилась в значительном росте миграции, резкой и углубляющейся социально-экономической дифференциации населения республики. По данным Госкомстата РС(Я), коэффициент дифференциации среднедушевого денежного дохода по улусам республики вырос с 1994-го по 1999 г. в 1,8 раза. (табл. 1).

Таблица 1

**Коэффициент дифференциации денежного дохода
по улусам Республики Саха (Якутии)**

1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г. (1-е полугодие)
3,63	4,03	4,53	5,15	6,19	6,49

Источник: Социально-экономическое положение РС(Я) в 1-м полугодии 1999 г. Якутск, 1999. Т.2. с.12.

Указанная величина имеет выраженную тенденцию к росту. Невыплаты заработной платы во многом способствуют снижению уровня среднедушевых денежных доходов и покупательской способности населения. Происходит концентрация денежных доходов в городах республики. При этом все большая часть доходов сосредоточивается в руках наиболее обеспеченной части населения: на долю 20% представителей этой категории приходится почти половина всех денежных доходов, следствием чего является постоянно углубляющееся социальное расслоение населения. Соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения возросло с 13,4 раз в 1998 г. до 18,1 — в 1999-м¹⁰.

Негативные изменения в социально-трудовой сфере, связанные с переходом к рынку, отразились прежде всего на занятых в материальном производстве — как на саха, так и на русских. Значительное сокращение работников (в 2 раза по сравнению с 1992 г.) в материальном производстве и некоторый рост их числа в непроизводственной

⁹ Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. М., 1999. С. 122.

¹⁰ Социально-экономическое положение Республики Саха (Якутия), январь—декабрь 1999. Т. 1. С. 157.

сфере (кредитовании, финансах, страховании и пенсионном обеспечении, аппарате органов управления) привели к практически равному соотношению между ними¹¹. Особенно большие сокращения произошли в строительстве, геологии, геодезической и гидрометеорологической службах, на предприятиях связи и в лесном хозяйстве. Процесс реорганизации и реструктуризации как результат продолжающегося спада производства захватил и горнодобывающую отрасль, особенно угледобывающую и золотодобывающую, что неизбежно повлекло за собой значительное высвобождение работников. Сокращение численности занятых по темпам существенно отстает от падения объемов производства: в 1992—1998 гг. валовой региональный продукт снизился более чем на 46%, а численность занятых — менее чем на 15%. Это означает скрытую безработицу, снижение производительности труда, уменьшение заработной платы. Поддержка государством отдельных убыточных отраслей и производств, сдерживание процедуры банкротства, существующая система налогообложения не стимулируют уменьшения численности работников. Наибольшее накопление скрытой безработицы отмечается в таких отраслях промышленности, как электроэнергетика, топливная, алмазодобывающая, производство стройматериалов, пищевая и др.

Радикальные социально-экономические изменения произошли в сельскохозяйственном производстве, где в основном заняты саха. В результате аграрной реформы в республике созданы основы многоукладной экономики, сформирован широкий круг сельскохозяйственных товаропроизводств, отличающихся разнообразием форм собственности и хозяйствования, осуществлены земельные преобразования. Доля предприятий, имеющих государственную форму собственности, составляет не более 10%¹², что вызвало масштабные сокращения работников. В 1999 г. число занятых в сельском хозяйстве составило 7% от общей численности занятых в республике и сократилось по сравнению с 1989 г. более чем в 5 раз¹³. По данным Института региональной экономики АН РС(Я), около 75% работников сельскохозяйственного производства могут составить перераспределяемое внутри республики население, устремляющееся на заработки в города и рабочие поселки¹⁴. Заработная плата сельчан, работающих в сферах образования, здравоохранения, культуры, лесного и сельского хозяйств, не обеспе-

¹¹ Труд и занятость в Республике Саха (Якутия). Якутск, 1998. С. 15; Статистическое обозрение. Якутск, 1999. № 4. С. 11.

¹² Социально-экономическое положение Республики Саха (Якутия)... Т. 1. С. 53.

¹³ Там же. С. 69.

¹⁴ О становлении и развитии рынка в Республике Саха (Якутия): Научный доклад по заданию Президента республики / Академия наук Республики Саха (Якутия); Институт региональной экономики. Якутск, 1999. С. 13.

чивает прожиточный минимум¹⁵. Сельские саха выживают за счет личных подсобных хозяйств и только с весны 1999 г. стали получать поддержку на правительственном уровне в виде товарного кредита. Началась реализация новой социально-экономическая политики семейной экономики, направленной, в первую очередь, на решение кризисных явлений в селах республики, связанных с безработицей, низким уровнем доходов и заработной платы, снижением уровня жизни населения, чрезмерной миграцией сельской молодежи.

Сложное экономическое положение на селе выталкивает сельское население в города, точнее, в столичный город, который принимает до 90% всех сельских мигрантов¹⁶. Выезжают из села в основном молодые люди в возрасте 16—29 лет на учебу и в поисках работы, а также представители среднего поколения, обеспокоенные будущим своих детей. Объем внутриреспубликанской миграции растет с каждым годом, и, по оценке, в 1999 г. составил уже половину от общего ее объема. Городское население республики ежегодно увеличивается в пределах от 0,4 до 4,0 тыс. человек и соответственно уменьшается сельское¹⁷. Как показали результаты нашего исследования, в городах республики, особенно в ее столице, удельный вес мигрантов-саха, со сроком проживания меньше 10 лет, в 4,5 раза превышает аналогичную группу русских. При этом 81% саха переехали из сельской местности, у русских же бывших сельчан в 2,4 раза меньше (32,7%).

Таблица 2

**Распределение горожан Саха (Якутии) по срокам проживания в городе
(% от опрошенных)**

Срок проживания в городе	Саха	Русские
С рождения	27,4	30,1
Более 20 лет	17,9	39,0
10—19 лет	17,4	22,5
5—9 лет	16,0	3,7
3—4 года	11,8	2,2
До 2 лет	9,4	2,4

Пик миграционного оттока населения, преимущественного русских, за пределы республики пришелся на первую половину 90-х гг., когда потери за счет миграции в совокупности с естественным приростом привели к тому, что общее количество жителей республики уменьшилось на 7%. Определенную роль в общей картине миграции сыграл рас-

¹⁵ Социально-экономическое положение Республики Саха (Якутия)... Т. 1. С. 160.

¹⁶ О становлении и развитии рынка в Республике Саха (Якутия)... С. 28.

¹⁷ Социально-экономическое положение Республики Саха (Якутия)... Т. 1. С. 146.

пад Советского Союза, вызвавший возвратную миграцию в бывшие союзные республики¹⁸. В последующие годы число выбывших за пределы республики менялось скачкообразно, последний всплеск миграционного оттока после 1995 г. произошел в 1997—1998 гг. и отчасти был связан со свертыванием производства в северных улусах республики и переходом на вахтовый метод добычи полезных ископаемых¹⁹. Некоторое снижение миграционного оттока населения за пределы республики в 1999 г. не свидетельствует о стабилизации миграционных процессов, а вызвано скорее причинами экономического характера, когда желающие выехать не имеют средств и условий для этого и вынуждены отложить переезд²⁰.

Форсированная миграция населения, как внешняя, так и внутренняя, несет в себе много отрицательных последствий как для города, так и для села. В селах происходит деформация возрастно-полового и семейного состава, сужение брачного рынка, старение населения, уменьшение трудового потенциала и в конце концов — обезлюдение населенных пунктов. В городах возникает опасность быстрого роста маргинализированных слоев населения из вчерашних сельских жителей, что может создать проблемы как для социального, так и для культурного развития саха. А это, в свою очередь, может сказаться на социальном самочувствии контактирующих этносов — саха и русских, на характере межнациональных отношений между ними.

Миграционный отток русского населения не только сказывается на его численности, но и ухудшает качественный состав населения республики, и особенно русских, как по уровню образования, так и по уровню квалификации. Число выбывших за пределы республики лиц с высшим образованием в среднем на 1,1 тыс. человек в год превышает число прибывших в республику специалистов с высшим образованием²¹. Материалы исследования по проекту «СН» показали, что среди русских как в городе, так и на селе в два с лишним раза меньше по сравнению с саха лиц, имеющих высшее образование: 17,8 и 35,8, 5,7 и 13,2% соответственно. Происходит утрата квалифицированных и высококвалифицированных трудовых ресурсов, адаптированных к северным условиям. В результате может возникнуть ситуация, когда снова придется применять экстренные и дорогие меры для привлечения квалифицированных кадров из других регионов.

За годы экономических и демократических реформ, в условиях социально-экономической дифференциации населения, непропорци-

¹⁸ Информационная записка № 5 Госкомитета Республики Саха (Якутия) по статистике. Якутск, 1996. С. 11.

¹⁹ Социально-экономическое положение Республики Саха (Якутия)... Т. 1. С. 146.

²⁰ Железнова Г.А. Современные тенденции в миграционных процессах Республики Саха (Якутия) // Наука и образование. 2000. № 2. С. 62.

²¹ Социально-экономическое положение Республики Саха (Якутия)... Т. 1. С. 168.

ональное представительство основных этнических групп республики в сферах занятости получило свое дальнейшее развитие. За последние десять лет радикально изменилось соотношение среди занятых саха в производственной и непроизводственной сферах в пользу последней. Так, если в 1989 г. 60,9% саха были заняты в материальном производстве и 39,1% в непроизводственной сфере, то, по данным нашего исследования, это соотношение составило в 1999 г. соответственно 17,9 и 36,0%. У русских преобладание занятых в материальном производстве сохранилось: 71 и 28,9% — в 1989 г. и 36,0 и 26% — в 1999 г.

Сохранилась большая занятость русских в промышленности, строительстве, транспорте, а саха — в образовании, здравоохранении, СМИ, спорте. Произошло существенное уменьшение численности саха в сельском хозяйстве. Увеличился разрыв в представительстве во власти русских и саха: если в 1989 г. доля занятых в партийно-государственном аппарате саха была в 2 раза больше, то сейчас разница увеличилась до 3,2 раз. Более чем в 2 раза уменьшилось среди русских количество руководителей и хозяйственников. В «советскую» эпоху, при сравнительно ограниченном представительстве русских в партийно-государственных органах, именно присутствие в составе корпуса руководителей предприятий и хозяйственников давало им возможность участвовать в сфере республиканского управления. Переход к рыночным условиям, закрытие ряда производств, ликвидация промышленных поселков, миграция высококвалифицированных специалистов из республики и сокращение их притока извне привели к значительному уменьшению числа русских в составе руководителей производства и к дальнейшему отстранению их от власти. Такой вариант событий еще в начале 90-х гг. прогнозировался московскими этносоциологами при изучении социальной структуры бывших союзных республик, и в Республике Саха (Якутии) он подтвердился²².

К новым явлениям этносоциальной структуры республики следует отнести и большой по сравнению с саха удельный вес русских среди предпринимателей и в сфере частного бизнеса. Эта социальная группа пока заметно уступает по численности массовым социально-профессиональным группам специалистов, рабочих и служащих, но в условиях, когда государственные посты в министерствах и ведомствах республики заняты в основном саха, она является более или менее свободной нишей, которая заполняется русскими (табл. 3). Как показывает опыт Прибалтийских республик, данная тенденция выглядит вполне закономерной при строительстве национально-государственных образований на постсоветском пространстве.

---

²² Русские. Этносоциологические очерки. М., 1992. С. 122.

Таблица 3

Социально-профессиональная структура населения Саха (Якутии)
(% от опрошенных)

Социально-профессиональный статус	Город		Село	
	Саха	Русские	Саха	Русские
Руководители предприятий и организаций	2,8	1,2	0,7	0,0
Работники госаппарата	2,8	1,9	2,3	0,0
Специалисты, ИТР	5,7	10,5	1,3	3,8
Служащие	29,2	21,3	24,7	20,8
Неквалифицированные рабочие	4,2	6,1	11,9	3,8
Квалифицированные рабочие	8,0	17,6	5,3	7,6
Крестьяне	0,5	0,7	7,3	7,6
Предприниматели	1,9	4,4	0,1	1,9
Военные	0,9	1,0	0,3	3,8
Учащиеся	12,3	4,7	4,0	3,8
Домохозяйки	5,2	5,6	5,3	28,3
Пенсионеры	14,6	15,9	23,8	17,0
Безработные	10,4	5,6	11,2	17,0

Таким образом, сложившаяся к этому времени отраслевая и социально-профессиональная структура основных этносов была во многом predetermined теми социальными процессами, которые происходили в республике накануне перестройки, и последовавшими политическими, экономическими и социальными изменениями.

Этноотраслевые и этнопрофессиональные различия с разной степенью адекватности отражаются в массовом сознании саха и русских. Отвечая на вопрос «В каких видах деятельности, по Вашему мнению, достигают больших успехов якуты (русские) в Вашей республике?», респонденты выстраивали иерархические структуры оценок успехов своего и основного контактирующего этноса, по степени сходства и различия которых можно было судить о восприятии социальной дистанции саха и русскими. Оценки саха, данные русским, и русских — самим себе, намного превышают по степени соответствия и по количеству положительных оценок аналогичные показатели у саха. Ранжированные самооценки русских совпали в шести из девяти видов деятельности, при этом в промышленности, предпринимательстве, торговле, финансовой и юридической сферах оценки саха, данные им, были выше. Оценки русскими саха совпали только по трем показателям, в остальных удельный вес положительных оценок был существенно ниже, чем самооценки саха. Таким образом, саха демонстрируют большее понимание русских, чем русские — саха. Меньшая социальная дистанция со стороны саха объясняется не только количественным преобладанием русских, но их значимостью для экономики республики. Русские более дистанцированы от

сахы и в смысле отдаленности «русских» отраслей хозяйства от мест традиционного проживания саха. Об этом косвенно свидетельствуют данные о национальном составе трудовых коллективов: более половины (56%) русских в городской местности работают в коллективах, где саха не преобладают, и только 5,2% трудятся в якутских коллективах.

Отношение к рыночным реформам является еще одним стратифицирующим фактором в социальных ориентациях саха и русских. В ходе социологического исследования было зафиксировано более негативное отношение русских к рыночным реформам в сравнении с саха как в городе (34,3 и 23,6%), так и на селе (49,0 и 34,0%). За прекращение рыночных реформ выступают в основном рабочие и пенсионеры. Следует отметить, что в этом, как и в предыдущих проектах, были выявлены практически одинаковые у саха и русских как в городе, так и на селе трудовые ценности, степень удовлетворенности работой²³.

Определенный вклад в формирование социальных ориентаций у русских внесли социальные невзгоды, связанные с проведением экономических реформ в республике и переживаемые ими в больших масштабах, чем саха. Так, уменьшение зарплаты, задержки с ее выплатами, изменения на работе в худшую сторону отметили соответственно 27,9, 55,2 и 19,1% русских и 17,0, 42,0 и 10,0% саха. В сельской местности ситуация иная, здесь уменьшение заработной платы отметили более половины (52,5%) саха и значительно меньший процент русских (39,6%), что объясняется занятостью сельских саха в самых низкооплачиваемых секторах бюджетной экономики — образовании, культуре, здравоохранении, лесном и сельском хозяйстве.

Результаты социологического мониторинга «Межнациональные отношения: власть и политика»²⁴, проводимого в республике с 1995 г., подтверждают существенное снижение оценок материального положения русских, начавшееся с реформированием экономической и политической систем республики и России. Русские респонденты на всех этапах мониторинга оценивали его ниже по сравнению с респондентами саха и представителями других национальностей. И на последнем этапе мониторинга (декабрь 1999 г.) саха составили самую малочисленную группу респондентов, отметивших ухудшение своего материального положения за последние два года: саха — 47,5%, русские — 61,2%. Более высокие оценки своего материального положения респондентами из сельскохозяйственных улусов противоречат данным официальной статистики, согласно которым г. Нерюнгри в 1995 г. по уров-

²³ Дробижеева Л.М. Политические и социальные ориентации этнических групп как фактор межэтнической границы // Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России / Авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижеева. М., 1998. С. 56.

²⁴ Кузьмина Р.А., Горохова Т.К. Социальная адаптация населения Республики Саха (Якутия) к рыночным реформам (по материалам мониторинга) // Наука и образование. 2000. № 2. С. 31.

ню среднедушевых доходов занимал пятое ранговое место, а Чурапчинский улус — двадцать пятое, ситуация не слишком изменилась в 1999 г. — третье и двадцать пятое места соответственно (табл. 4)²⁵.

Таблица 4

**Распределение оценок материального положения
в промышленных и сельских регионах Саха (Якутии)
(1996-й и 1999 гг., % от опрошенных)**

Материальное положение	Промышленные районы (Нерюнгри)		Сельскохозяйственные районы (Чурапча)	
	1996 г.	1999 г.	1996 г.	1999 г.
Улучшилось	6,3	2,4	14,8	6,7
Осталось прежним	11,7	18,7	24,0	43,8
Ухудшилось	78,7	75,4	52,9	43,8

Источник: Наука и образование. 2000. № 2. С. 31.

Таким образом, можно констатировать наличие этноспецифического восприятия действительности саха и русскими. Данный факт массового сознания отражает не только реальное снижение уровня и качества жизни представителей всех национальностей по сравнению с началом 90-х гг., но и содержит субъективные различия динамики оценок ухудшения материального положения среди национальных групп. Это объясняется как существующей этнопрофессиональной дифференциацией населения республики и существованием вследствие этого изначально неравного уровня жизни, так и различиями между этносами в представлениях о материальном благополучии. Уровень жизни русского населения и представителей других нетитульных национальностей, занятых в основном в наиболее важных отраслях экономики, связанных с добычей угля, золота и алмазов, был намного выше, чем у саха — работников преимущественно сельского хозяйства, здравоохранения, культуры, образования. Очевидно, на полученные результаты повлияло и то, что русские как выходцы из городов ориентированы на общеевропейские стандарты жизни, а сельские — на традиционные, заниженные по сравнению с последними.

Более болезненная адаптация русских к рыночным условиям связана еще и с тем, что их благосостояние напрямую зависит от заработка по основному месту работы. Русские Саха (Якутии) не имеют такой мощной поддержки родственников, как саха, представляющие более коллективистскую культуру²⁶. В качестве одного из основных источ-

²⁵ Социально-экономическое положение РС(Я) в 1-м полугодии 1999 года. Якутск, 1999. Т. 2. С. 12.

²⁶ Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998. С. 94.

ников доходов, имеющих очень важное значение с точки зрения респондентов, саха отметили помощь родственников в 2,5 раза в городе и 5,6 раз чаще на селе, чем русские (табл. 5).

Таблица 5

Основные источники доходов населения Саха (Якутии)
(% от ответивших)

Основные источники доходов	Город				Село			
	Саха	Ранг	Русские	Ранг	Саха	Ранг	Русские	Ранг
Заработок по основному месту работы	73,6	1	78,7	1	76,2	2	60,4	2
Пенсии, социальные пособия	56,1	2	48,5	2	80,2	1	75,5	1
Помощь родственников	55,6	3	22,5	4	52,8	3	9,4	5
Заработок на дополнительной работе	31,6	4	26,7	3	27,4	4	15,1	3
Сбережения	8,5	5	13,5	5	3,0	7	11,3	4
Мелкая торговля на рынке	6,6	6	4,2	7	6,6	6	1,9	8—9
Проценты на вклад	5,7	7	7,3	6	1,6	9—10	5,6	6
Благотворительность, гуманитарная помощь	2,8	8	2,7	8	16,2	5	1,9	8—9
Сдача квартир	1,9	9	0,5	10	1,6	9—10	0,0	10
Другие источники	0,5	10	2,4	9	2,0	8	3,7	7

Русских в несколько раз больше, чем саха как в городе (31,1 и 10,8% соответственно), так и на селе (20,7 и 11,6%) беспокоит угроза безработицы.

Разумеется, саха также испытывают экономические трудности переходного периода, но переживают их легче, во-первых, из-за не утратившего среди них своего влияния традиционного института родственной взаимопомощи, во-вторых, из-за выигрыша в социальном и политическом положении, связанного с принятием республикой суверенитета и обретением собственной государственности, выходом на международную арену, приданием языку саха статуса государственного. Все это повышает политическую и социальную роль саха в республике. Русские же за годы реформ, помимо материальных невзгод, лишились представительства в республиканской власти, произошло понижение их социально-политического статуса.

И именно ответы на вопрос о наилучшем политическом устройстве республики разделили саха и русских в гораздо большей степени, чем их отношение к рыночным реформам. За политический статус Саха (Якутии) в качестве республики в составе Российской Федерации выступают большинство русских в городе (61,0%) и половина на селе (50,9%). Среди саха таковых в городе 20,3% и на селе — 12,9%. Обратное соотношение по удельному весу саха и русских зафиксировано в их отноше-

нии к суверенитету республики в составе России: в городе 59,4 и 26,9%, на селе 62,7 и 26,4%. При этом следует отметить, что первый вариант политического статуса республики особенно активно поддерживается русскими руководителями, специалистами, служащими (именно они потеряли статус «старшего брата» в новых политических условиях), а в рабочей среде позиции русских практически не изменились.

Анализ субъективных показателей стратификации саха и русских по шкалам власти, престижа и богатства показал, что, во-первых, различия между саха и русскими в субъективных ощущениях неравенства по шкале власти наибольшие по сравнению с остальными шкалами, во-вторых, территориальные различия внутри этнической группы русских (между жителями города и села, города и поселками городского типа — пгт) проявились по всем трем шкалам в большей степени, чем среди саха (табл. 6—8).

Таблица 6

Самоидентификация населения Саха (Якутии) по шкале власти
(% от ответивших)

Позиция по шкале власти	Саха		Русские			
	Город	Село	Города +пгт	Город	пгт	Село
1 (минимум власти)	43,4	49,2	48,3	47,0	51,2	79,2
2	14,6	17,8	12,5	13,0	11,0	9,4
3	19,8	14,2	23,0	21,7	26,8	5,6
4	16,5	16,2	11,8	13,3	7,4	3,7
5	3,8	1,3	1,8	2,0	1,0	1,8
6	0,9	0,7	0,2	0,3	—	—
7 (максимум власти)	0,5	0,3	0,2	0,3	—	—

Преобладающее большинство русских из села (79,2%) отнесли себя к самой низшей ступени иерархической шкалы власти, среди саха таковых в селе заметно меньше (49,2%), в 4,4 раза больше саха находятся на средней позиции: 16,2 и 3,7% соответственно. Больше их и на самых высоких позициях, где вообще нет русских сельчан и жителей поселков. Если учитывать, что сельские жители имеют в основном схожие социально-профессиональные структуры (кроме участия во власти), то столь значительное различие между этническими группами объясняется отсутствием русских во власти на селе, низким статусом группы по критерию обладания власти. Различия зафиксированы и между русскими из пгт и горожанами-саха. При этом примерно одинаковы отклонения по позициям шкалы русских сельчан как от саха, так и от русских горожан.

По шкале престижа также выявлены различия между русскими и саха в сельской местности и между русскими городов, рабочих поселков и сел (табл. 7).

Таблица 7

Самоидентификация населения Саха (Якутии) по шкале престижа
(% от ответивших)

Позиция по шкале престижа	Саха		Русские			
	Город	Село	Города +пгт	Город	пгт	Село
1 (минимум престижа)	23,6	28,0	22,3	19,0	31,5	49,0
2	11,8	19,8	14,7	16,0	11,0	9,4
3	23,6	20,5	24,3	23,3	26,8	22,6
4	21,2	20,0	26,0	27,3	22,2	15,0
5	10,4	4,6	5,1	5,7	3,7	3,8
6	2,4	1,3	2,2	2,7	1,0	—
7 (максимум престижа)	4,7	1,0	1,2	1,0	1,8	—

Стратификационные различия между саха и русскими по критерию богатства проявились в наименьшей степени по сравнению с остальными критериями неравенства. Однако, несмотря на реально существующие территориальные различия по уровню и качеству жизни между городами, поселками городского типа и селами республики, в субъективных ощущениях неравенства у саха отмечается большая однородность самооценок по сравнению с русскими (табл. 8).

Таблица 8

Самоидентификация населения Саха (Якутии) по шкале богатства
(% от ответивших)

Позиция по шкале богатства	Саха		Русские			
	Город	Село	Города +пгт	Город	пгт	Село
1(минимум богатства)	19,8	20,1	19,4	19,3	19,4	35,8
2	14,6	25,4	18,6	18,3	19,4	20,7
3	32,0	28,0	32,6	32,0	34,3	30,2
4	27,4	25,7	23,0	22,7	24,0	13,2
5	4,7	0,7	3,2	3,7	1,8	—
6	0,5	—	0,7	1,0	—	—
7 (максимум богатства)	0,9	—	0,2	—	1,0	—

Социально-психологическая стратификация саха и русских по шкалам власти, престижа и богатства в целом довольно точно отражает их позиции в республике: при примерно равном материальном положении саха и русских русские не обладают властью в той мере, что саха, но с ними считаются, так как от них в первую очередь зависит экономическое благополучие республики.

Русские ощущают дискриминацию в трудовой сфере. При ответах на вопрос «Что для Вас лично особенно важно для ощущения равенства

или неравенства?» такая ценность, как «возможность работать на любой должности независимо от национальности», заняла у них в городе пятое и на селе четвертое ранговые места. У саха эта потребность актуализирована заметно меньше и занимает соответственно предпоследнее шестое и последнее восьмое ранговые места. Сложившееся положение не устраивает русских. Так, по данным наших информаторов, в Мирном, городе с наиболее высоким уровнем жизни в республике, многие инженеры, специалисты и квалифицированные рабочие собираются в будущем уехать, несмотря на хорошую зарплату и жилищные условия. Основной мотив выезда — «для детей нет будущего из-за отсутствия роста их социального статуса, все ведущие посты заняты местным населением, нет реальной возможности самореализоваться».

* * *

Таким образом, социально-экономическая дифференциация в Республике Саха (Якутии) по результатам этносоциологического исследования по проекту «СН», зафиксирована на двух уровнях: территориальном (между городом и селом) и этническом (между основными этническими группами республики). Анализ результатов исследования показал, что в республике за годы реформ произошли заметные изменения в перераспределении власти и престижа среди основных этнических групп — саха и русских. Это находит подтверждение как в объективных показателях социальной структуры, так и в субъективных ощущениях неравенства респондентов, выявленных в ходе исследования. Непропорционально большее представительство русских в промышленности, строительстве, транспорте, а саха в образовании, здравоохранении, культуре не только не исчезло, но усугубилось. Отмечается рост бюрократического аппарата, связанного с управлением и финансовыми структурами, и заполнение его представителями титульной национальности.

Социальное и экономическое неравенство в гораздо большей степени затронуло русских, чем саха: различия между городскими и сельскими русскими по всем стратификационным критериям примерно такие же, как между русскими и саха.

Положение Республики Саха (Якутии) в качестве суверенной в составе Российской Федерации устраивает в большей степени саха, чем русских, на самоощущение которых повлияло как изменение их социально-экономического статуса, так и отстранение от власти.

Социальная трансформация 90-х гг., укрепившая консолидацию саха и усилившая разобщенность русских, с одной стороны, не способствует интеграционным процессам внутри республики, а с другой — снижает вероятность возникновения там межэтнических конфликтов.

Глава 2

ОСНОВНЫЕ ИНДИКАТОРЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО НЕРАВЕНСТВА ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП БАШКОРТОСТАНА

В настоящее время в России, и в частности в Башкортостане, проходят испытание практикой основные институты демократии и федерализма. Экономическое и социальное расслоение, неминуемое в условиях системного кризиса, пока остается доминирующей тенденцией в российском социальном пространстве. Об этом свидетельствуют результаты практически всех социологических исследований¹. Процессы расслоения продолжают сказываться практически во всех сферах общественной жизни, в том числе и в сфере национальных и межнациональных отношений. В этой связи возникает вопрос о том, способна ли будет новая Россия к интеграции на новом качественном уровне, предполагающем учет особенностей и взаимное уважение участников процесса интеграции? Станут ли принципы демократии и федерализма основой построения гражданского общества в трансформируемой России?

Не менее важен вопрос о том, какие из имеющихся проблем интеграции являются следствием неадекватной социально-экономической и национальной политики, а значит, при определенных условиях могут быть постепенно решены; а какие являются естественными и объективно обусловленными и поэтому будут и дальше существенно влиять как на интеграционные, так и на дезинтеграционные процессы. То есть речь идет об условно естественных и искусственных, объективных и субъективных составляющих существующих дифференциаций как между регионами-субъектами Российской Федерации, так и между отдельными этническими группами внутри них.

Трансформация российского общества сопровождается углублением неравенства между регионами. Предпринимаемые в последнее время политические шаги с целью сглаживания (или ликвидации) этого неравенства имеют скорее искусственный характер, не продиктованы логикой развития рыночных отношений в экономическом аспекте и логикой развития федеративных отношений в политическом и правовом аспектах. Все это еще раз свидетельствует, во-первых, о неразвитости самих рыночных институтов государства, призванных обеспечивать естественный ход интеграционных процессов, и во-вторых, о постепен-

---

¹ Социальное расслоение и социальная мобильность. М., 1999. С. 25.

ном отказе от идеи и самой концепции асимметричной федерации, априори предполагающей неодинаковость и несхожесть ее субъектов.

Трансформация современного российского общества характеризуется также возрастающим процессом его расслоения, возникновением новых форм социальной дифференциации, в том числе и в этнической сфере. В условиях полиэтничности, характерной для России, особую значимость приобретает изучение и анализ этнических особенностей социального неравенства и связанных с ними проблем социально-экономического и социально-культурного взаимодействия народов. Сложившееся расслоение этнических групп следует рассматривать, на наш взгляд, не столько как причину дезинтеграционных процессов, сколько в качестве отправной точки для интеграции на новом качественном уровне.

Необходимо отделить вопрос о различиях между субъектами Российской Федерации и вопрос о расслоении этнических групп внутри того или иного субъекта Федерации. В первом случае правильнее будет говорить о территориальном (или территориально-этническом) неравенстве, нежели собственно об этническом. Ряд исследователей в этом контексте выделяют также внешнюю и внутреннюю стратификации².

В данной главе нас интересуют проблемы социально-экономического и социально-культурного неравенства этнических групп внутри одного субъекта — Республики Башкортостан. Изучение основных индикаторов и показателей этносоциальной стратификации на примере одного из самых полиэтничных регионов Российской Федерации, каковым является Башкортостан, представляется интересным и в научно-теоретическом, и в практическом аспектах. Социально-экономическое и социально-культурное неравенство этнических групп охватывает весьма широкий спектр показателей, таких, как уровень доходов, социальный статус, владение собственностью, уровень и качество жизни; социально-профессиональная структура, социальная структура с разным удельным весом тех или иных этнических групп в высшем, среднем и низшем слоях; занятость в различных отраслях промышленности, сельского хозяйства, науки, образования, культуры; различия в уровне образования, потребления национально-культурных ценностей и т.д. Анализ основных индикаторов социального и этнического неравенства этнических групп Башкортостана непременно выводит нас на анализ самой социальной структуры исследуемых и сопоставляемых народов (в данном случае башкир, русских и татар, составляющих вместе примерно 90% населения республики).

Специфика Республики Башкортостан заключается в том, что в этническом отношении она не только одна из самых полиэтничных в России, но и одна из тех республик РФ, в которых доля коренного (ти-

---

² Галиев Г.Т., Гилязитдинов Д.М., Латыпова Ф.Б. Этническая стратификация и ее влияние на межнациональные отношения. Уфа, 1994.

тульного) населения является наименьшей (21,9%) по сравнению с другими этническими группами.

В отличие от других республик и регионов сравнение в разрезе всех анализируемых проблем следует делать не по двум, а по трем большим этническим группам — русским, татарам и башкирам, что существенно осложняет анализ данных.

Почти во всех работах, в той или иной мере затрагивающих этнические аспекты развития Республики Башкортостан, приводятся данные переписи населения 1989 г. с неопременной оговоркой, что башкиры составляют только 21—22%, русские примерно 39—40, татары 28—29% ее населения. На наш взгляд, всегда следует иметь в виду, что полиэтническая структура населения на территории республики формировалась постепенно. Для более полного и объективного анализа современных процессов очень важно знать и учитывать динамику изменения численности этнических групп Башкортостана на протяжении более длительного отрезка времени. На рис. приведены данные, характеризующие эту динамику за почти сто последних лет³.

Изменение численности населения непосредственным образом сказалось на анализируемых нами основных социально-экономических и национально-культурных показателях развития этнических групп Башкортостана. По мнению этнодемографов, уменьшение удельного веса того или иного народа свидетельствует, в первую очередь, о неблагоприятных тенденциях в его этническом развитии. И наоборот,

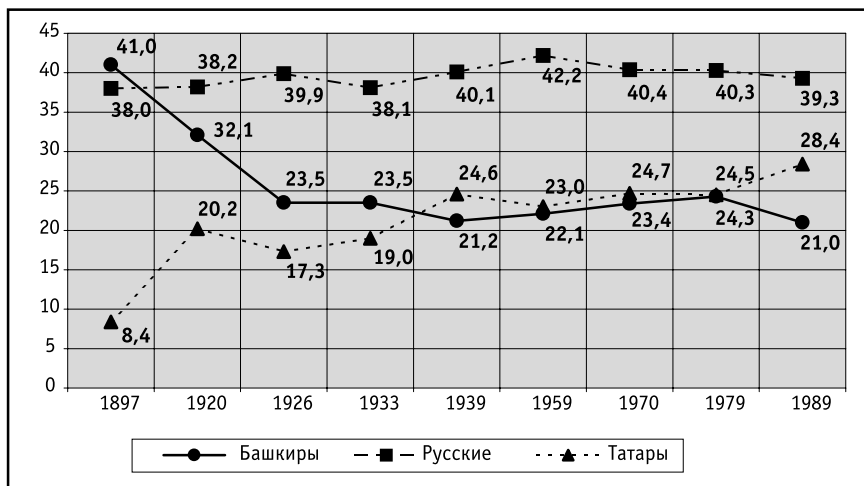

Рис. Динамика численности основных этнических групп Башкортостана

³ Рассчитано и составлено по: Юлдашбаев Б.Х. Башкиры и Башкортостан. XX век. Этностатистика. Уфа, 1995. С. 23, 28, 31.

значительное увеличение численности этнической группы является показателем ее успешного развития и воспроизводства. Рассматривая в этой связи проблемы этнической стратификации в Башкортостане, нельзя не учитывать реальные процессы ассимиляции и аккультурации, которые имеют место и усиливают стратификацию.

Анализируя проблемы башкир, следует иметь в виду, что примерно 40% народа живет за пределами Республики Башкортостан и, кроме причин такого положения исторического и административно-территориального характера, есть причины, обусловленные и детерминированные социально-экономическими мотивами. Вынужденная трудовая миграция в Тюменскую, Свердловскую, Челябинскую области, в другие края и республики свидетельствовала о неблагоприятных тенденциях в развитии башкирского этноса в Республике Башкортостан.

Очень важно, особенно для анализа этнического представительства в органах государственной власти и управления, а также для объективного изучения национально-культурных и этноязыковых проблем, иметь в виду, что около четверти башкир (24,7%) говорят на татарском языке. Поскольку каждый четвертый башкир говорит на татарском языке, априори каждый четвертый руководитель тоже является татароязычным. Они, как правило, не воспринимаются башкирами как «свои», часто бывают дистанцированы и от представителей татарской национальности; и фактически являются этническими маргиналами. Этот феномен еще недостаточно изучен, но он должен обязательно учитываться. Главным этнодифференцирующим признаком для башкирского и татарского населения, по результатам практически всех исследований, является язык общения. Р.Г. Кузеев, например, предупреждает, что по этой причине Башкирия может потерять примерно еще 200 тыс. башкирского населения в пользу татарского⁴.

Для анализа современного социально-экономического неравенства этнических групп Башкортостана необходимо определить те стартовые возможности и условия, которыми обладали исследуемые этносы к определенному периоду. Очень важно в этой связи подчеркнуть, что последние официальные статистические данные (1989 г.) совпадают с началом рыночных преобразований. Они свидетельствуют о том, что при одинаковых предперестроечных общественно-политических и общих социально-экономических условиях предрыночные стартовые позиции разных народов оказались различными. Наиболее рельефно проявились они в таких показателях, как отраслевая и профессиональная структуры населения, доли занятых физическим и умственным трудом, доли городских и сельских жителей и т.д. Эти и другие показатели непосредственно сказались на мере вовлеченности отдельных этнических групп в рыночные отношения, степени их участия в при-

---

⁴ Кузеев Р.Г. Демократия. Гражданственность. Этничность. М., 1999. С. 93.

Таблица 1

**Распределение всего занятого населения отдельных национальностей
Башкортостана по отраслям народного хозяйства
(1989 г., % от общей численности занятых данной национальности)**

Отрасли народного хозяйства	Всего	В том числе						
		Башки- ры	Рус- ские	Татары	Укра- инцы	Мари- йцы	Чува- ши	Другие
Все отрасли народного хозяйства	100	100	100	100	100	100	100	100
В том числе:								
Промышленность	33,5	24,1	42,3	30,2	37,6	23,3	26,1	30,9
Сельское хозяйство	18,9	30,8	8,0	21,8	9,7	39,7	32,7	23,1
Лесное хозяйство	0,9	1,5	0,6	0,7	0,3	1,1	5,1	0,6
Транспорт	6,0	4,4	7,2	5,8	7,9	4,1	1,4	6,1
Связь	1,1	1,0	1,2	1,1	1,4	1,1	8,2	1,1
Строительство	8,7	8,0	9,0	8,6	9,6	8,9	4,5	9,0
Торговля и общественное питание	5,9	5,3	5,7	6,9	4,8	3,6	0,6	5,0
Материально-техническое снабжение и сбыт	0,7	0,5	0,8	0,7	0,8	0,4	0,3	0,7
Заготовки	0,3	0,4	0,3	0,4	0,2	0,2	0,5	0,3
Прочие отрасли материального производства	0,8	0,6	0,9	0,4	0,9	0,9	2,9	0,9
Жилищно-коммунальное хозяйство и бытовое обслуживание населения	3,2	2,6	3,6	3,3	3,7	2,4	4,0	3,1
Здравоохранение, физкультура и соц. обеспечение	4,5	4,5	4,5	4,6	4,7	3,3	8,2	4,2
Народное образование	8,4	9,8	7,9	8,1	8,0	7,5	1,1	7,6
Культура и искусство	1,2	1,5	1,1	1,1	1,2	0,9	0,6	1,0
Наука и научное обслуживание	1,9	1,2	2,7	1,6	2,7	0,6	0,4	2,2
Кредитование и государственное страхование	0,5	0,5	0,5	0,6	0,5	0,4	2,0	0,3
Управление	2,6	2,4	2,7	2,7	5,0	1,6	—	3,1

Источник: Башкортостан и башкиры в зеркале статистики. Уфа, 1995. С. 93.

ватизации и владения собственностью, в их представительстве в новых сферах деятельности, на числе безработных и т.д.

Как видно из данных табл. 1, башкиры занимают предпоследнее место среди шести наиболее многочисленных этносов республики по удельному весу среди лиц своей национальности занятых в промышленности. Доля башкир, занятых в сельском хозяйстве (30,8%), значительно больше аналогичных показателей у русских (8%) и татар (21,8%). Численно преобладает башкирское население и в традиционной для него отрасли — лесном хозяйстве.

Одним из основных индикаторов этносоциальной стратификации является распределение этноса по признаку «город — село». Как известно, город обладает большими возможностями, социально организованными условиями и инфраструктурой для обеспечения более успешной, восходящей социальной мобильности. Для Башкортостана в целом, ввиду быстрого развития его промышленности, характерны высокие темпы роста городского населения, возникновение и развитие новых городов и поселков городского типа. При росте численности всего населения Республики Башкортостан в 1,4 раза городское население увеличилось по сравнению с 1913 г. в 17 раз. До конца 60-х гг. быстрый рост городского населения происходил в основном за счет русских и татар.

Среди горожан преобладают, как видно из табл. 2, русские (51,1%), за ними следуют татары (25,7%) и только потом башкиры (14,5%).

С 70-х гг. наблюдается бурный рост башкирского городского населения. В этой связи особый интерес для нас представляет сама динамика соотношения численности сельского и городского башкирского населения (табл. 3).

Приведенные выше этностатистические данные свидетельствуют о довольно высоких темпах роста городского башкирского населения. С учетом этого можно прогнозировать, что к следующей переписи населения удельный вес городского населения среди башкир (составлявший в 1989 г. 42,4%) примерно сравняется с удельным весом сельского населения.

Таблица 2

Динамика национальной структуры городского населения Башкортостана (1970-1989 гг., % от общей численности населения республики)

Национальности	1970 г.	1979 г.	1989 г.
Русские	59,8	55,8	51,1
Татары	22,2	23,6	25,7
Башкиры	9,6	12,1	14,5
Другие национальности	8,4	8,5	8,7

Таблица 3

Динамика соотношения численности городского и сельского башкирского населения Башкортостана
(1926—1989 гг., % от общей численности башкирского населения республики)

Годы	Сельское население	Городское население
1926	98,0	2,0
1939	96,0	4,0
1959	86,4	13,6
1970	80,0	20,0
1979	71,9	28,1
1989	57,6	42,4

Источник: Юлдашбаев Б.Х. Башкиры и Башкортостан. Этностатистика. Уфа, 1995. С. 86.

В общей поселенческой структуре сельские жители Республики Башкортостан составляют 36,2%, городские — 63,8%. К общереспубликанскому показателю сельского населения наиболее близки башкиры, их удельный вес составляет 34,9% (табл. 4).

В то же время удельный вес башкир-горожан всего лишь 14,5% (см. табл. 2.). Исторически сложившаяся профилирующая хозяйственная деятельность продолжает пока оставаться определяющим фактором преимущественно сельского расселения башкир. Хотя в последнее годы рост городского башкирского населения идет более высокими темпами, чем у других этнических групп, тем не менее башкиры остаются пока менее урбанизированными, чем русское и татарское население республики.

И среди наших респондентов (опрос по проекту «СН»), тех, кто живет в сельской местности с рождения, башкир оказалось значительно больше (58,1%), чем русских (37,8%) и татар (36,4%); и соответственно меньше тех, кто живет с рождения в городе (37,4, 50,2 и 43,7%). Зна-

Таблица 4

Национальный состав сельского населения Башкортостана
(1989 г., % от общей численности населения)

Национальность	Удельный вес
Башкиры	34,9
Татары	33,2
Русские	18,4
Другие национальности	13,5

Источник: Юлдашбаев Б.Х. Башкиры и Башкортостан. Этностатистика. Уфа, 1995. С. 87.

чительное превышение доли башкир, проживающих в городе менее 10 лет (17,5%) над аналогичными показателями русских (4,1%) и татар (9,4%) еще раз свидетельствует о высоких темпах урбанизации башкир в последние десятилетия (табл. 5).

В условиях Республики Башкортостан принципиально важным является изучение этнических процессов, социально-экономических и национально-культурных проблем с учетом сложившейся территориальной дифференциации отдельных зон (подрайонов) республики. Традиционно прослеживается резкая дифференциация в их социально-экономическом развитии, в территориальной организации производительных сил и социальной инфраструктуры. Они существенно различаются также по отраслевой структуре и направлениям специализации промышленного производства. Наиболее развитыми и многоотраслевыми промышленными комплексами являются Центральный, Южный, Западный, Северо-Западный подрайоны, в которых сконцентрировано 9/10 всего экономического потенциала республики, в том числе 93,7% ее промышленного потенциала, 74,4 — сельскохозяйственного, 95,7 — строительного, 92,4% — транспортного и почти весь научный и научно-педагогический персонал. В Уральском, Северном и Северо-Восточном подрайонах, площадь которых составляет 35,5% территории республики, проживает 14% населения и сосредоточено лишь 6,3% промышленного потенциала. Уровень концентрации промышленности в расчете на 1 тыс. кв. км площади в Уральском подрайоне в 4,5 раза, а в Северном и Северо-Восточном — в 30,4 раза ниже, чем в среднем по республике⁵.

Слаборазвитый Уральский подрайон имеет узкоотраслевую структуру экономики с черной и цветной металлургией, лесной и деревообра-

Таблица 5

**Длительность проживания представителей основных этнических групп
Башкортостана в городе и сельской местности
(% опрошенных)**

Длительность проживания	Башкиры		Русские		Татары	
	Город	Село	Город	Село	Город	Село
С рождения	37,4	58,0	50,2	37,9	43,7	36,5
Более 20 лет	26,3	15,2	40,2	30,3	34,9	27,1
10—19 лет	18,2	15,2	5,3	19,7	11,5	10,4
5—9 лет	9,4	3,6	2,4	3,0	5,1	15,6
3—4 года	5,1	4,5	0,6	4,6	2,7	5,2
До 2 лет	3,0	3,61	1,2	4,6	1,7	4,2

⁵ Оценка ресурсного потенциала Республики Башкортостан (препринт). Уфа, 1995. С. 31, 34.

батывающей промышленностью, а в Северной и Северо-Восточной зонах находятся лишь несколько предприятий лесозаготовительной и пищевой промышленности. В целом уральские, зауральские, северные и северо-восточные районы Башкортостана получили развитие как сельскохозяйственные, хотя по сравнению с другими районами они отличаются неблагоприятными климатическими условиями для земледелия.

Структурные преобразования в экономике Башкортостана только начались, они ориентированы на перспективу и еще не могут дать ощутимых результатов, поэтому обозначенные выше особенности в территориальной и социально-экономической дифференциации подрайонов республики продолжают иметь место. Они существенно сказываются и на этнической стратификации, так как национальный состав населения Республики Башкортостан имеет четко выраженную территориально дифференцированную структуру (табл. 6).

Приведенная таблица наглядно иллюстрирует, что большая часть башкир проживает в менее развитых зонах — Уральской, Северной и Северо-Восточной. Значительно меньше их в индустриально-промышленных зонах — Центральной, Западной и Северо-Западной. Русское сельское население преобладает в Центральной зоне, татарское — в Западной и Северо-Западной; при этом русских больше, чем татар, в Уральской зоне, а татар больше, чем русских в Северной.

В соответствии с логикой нашего исследования для более полного представления специфики социально-экономического неравенства этнических групп Башкортостана большое значение имеют данные о социально-профессиональной структуре населения (табл. 7 и 8).

Таблица 6

Национальный состав Башкортостана по отдельным социально-экономическим зонам
(без учета городов республиканского подчинения,
1989 г., %)

Зоны	Башкиры	Русские	Татары
Центральная	15,4	33,5	33,2
Западная	20,8	15,2	49,3
Северо-Западная	25,7	12,1	35,1
Северная	43,5	9,4	35,2
Северо-Восточная	40,9	30,5	27,0
Южная	36,9	24,1	26,2
Уральская	72,4	19,7	5,2

Источник: *Валиахметов Р.М.* Национально-культурное развитие башкир в сельской местности на современном этапе. Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Уфа, 1993. С. 56.

Таблица 7

**Профессиональный состав, занятых преимущественно физическим трудом
в Башкортостане
(1989 г., %)**

Занятия	Башкиры	Русские	Татары
Все занятое население по каждой национальности	100	100	100
Занятые преимущественно физическим трудом	72,2	65,8	69,6
В том числе:			
на силовых установках	1,4	1,5	1,2
горняки	1,1	0,8	1,1
металлурги, литейщики	0,4	0,6	0,3
в машиностроении и металлообработке	11,2	19,5	13,9
химики	0,9	1,6	1,2
в производстве строительных материалов, стекольных и фарфорово-фаянсовых изделий	0,6	0,7	0,7
на лесозаготовках, по охране и выращиванию леса	0,9	0,2	0,3
деревообработчики	1,0	1,0	0,9
полиграфисты	0,1	0,2	0,1
текстильщики	0,4	0,6	0,5
швейники	1,3	1,5	1,4
кожевники и меховщики	0,1	0,1	0,1
обувщики	0,1	0,2	0,1
пищевики	0,9	0,7	0,9
строители	4,9	3,1	4,3
в сельском хозяйстве	21,2	5,0	14,5
работчие железнодорожного транспорта	0,7	0,9	0,6
водники	0,1	0,2	0,1
на автотранспорте и городском электротранспорте	6,7	6,8	8,1
на прочих видах транспорта	0,8	1,2	0,9
работчие связи	0,7	0,6	0,6
на подъемно-транспортных механизмах	1,1	1,3	1,2
работчие в торговле и общественном питании	3,7	3,0	4,2
работчие жилищно-коммунального, хозяйственного и бытового обслуживания	3,0	3,0	2,8
киномеханики	0,2	0,1	0,1
санитары, няни	1,5	1,2	1,3
работчие общих для всех отраслей	5,5	8,3	6,5

Источник: Юлдашбаев Б.Х. Башкиры и Башкортостан. Этностатистика. Уфа, 1995. С. 80—83.

Таблица 8

**Профессиональный состав, занятых преимущественно умственным трудом в
Башкортостане
(1989 г., %)**

Занятия	Башкиры	Русские	Татары
Все занятое население по каждой национальности	100	100	100
Занятые преимущественно умственным трудом	27,8	34,2	30,4
В том числе:			
руководители органов государственного управления и их структурных подразделений	0,3	0,2	0,2
руководители и инструкторы партийных и общественных организаций и их структурных подразделений	0,4	0,3	0,4
руководители предприятий (промышленности, строительства, сельского и лесного хозяйства, транспорта и связи) и их структурных подразделений	1,6	2,3	1,8
инженерно-технические работники	5,1	11,1	7,2
агрономы, зоотехники, ветеринарные работники и лесничие	1,0	0,2	0,8
медицинские работники	3,1	2,7	3,1
научные работники, преподаватели, воспитатели	6,8	5,6	5,5
работники литературы и печати	0,2	0,1	0,1
культурработники	1,0	0,6	0,7
работники искусства	0,3	0,4	0,3
юридический персонал	0,2	0,1	0,2
работники торговли, общепита, заготовок, снабжения и сбыта	1,1	1,4	1,5
работники планирования и учета	4,1	5,2	5,3
работники канцелярии и делопроизводители	0,7	1,2	0,9
работники предприятий коммунального хозяйства и бытового обслуживания населения	0,1	0,2	0,2
служащие, не включенные в другие группы	1,4	2,2	1,7

Источник: Юлдашбаев Б.Х. Башкиры и Башкортостан. Этностатистика. Уфа, 1995. С. 80—83.

Среди башкир, занятых преимущественно физическим трудом, наибольший удельный вес приходится на работающих в сельском хозяйстве (21,2%), следующую строку занимает машиностроение и металлообработка (11,2%). И по первому, и по второму показателям «разрыв» между башкирами и русскими максимален, но в обратной пропорции: доля русских, занятых в сельском хозяйстве, почти в 4 раза меньше, чем башкир; в машиностроении и металлообработке русских больше примерно в 2 раза. Татарское население представлено примерно одинаково и в первом, и во втором случаях (14,5 и 13,9% соответственно). Кроме сельскохозяйственных занятий, башкиры преоблада-

ют на работах, связанных с лесозаготовкой, охраной и выращиванием леса, а также в группе строительных профессий. Русские больше представлены в тех сферах деятельности, которые традиционно требуют высокой рабочей квалификации. Татары преобладают в сфере торговли и общественного питания, а также среди занятых на автотранспорте и городском электротранспорте.

Распределение основных этносов Республики Башкортостан по группам профессий подтверждает тезис о существенных различиях в их социально-профессиональной структуре. Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что доля занятых физическим трудом наименьшая у русских (65,8%) и наибольшая у башкир (72,2%); соответственно трудом в интеллектуальной сфере больше заняты русские — 34,2%, чем башкиры — 27,8%, промежуточное положение в обоих случаях занимают татары (69,6 и 30,4%) (табл. 7 и 8).

Распределение каждой этнической группы по признакам занятости преимущественно физическим или умственным трудом позволяет, на наш взгляд, не только увидеть различия в характере труда, но и определить, в какой сфере деятельности были объективно «заложены» потенциальные зоны конкуренции между этническими группами. В сфере занятости преимущественно умственным трудом такие зоны существовали и сейчас продолжают существовать прежде всего среди руководителей органов государственного управления и их структурных подразделений, юристов и медицинских работников. Башкиры существенно уступают русским и татарам в группе инженерно-технических работников и руководителей предприятий; а также в группе работников торговли, общепита, заготовок, снабжения и сбыта, работников планирования и учета. При этом если в первых двух группах лидируют русские, то в двух последних — традиционно марку первенства держат татары.

Приведенные выше данные о социальном неравенстве этнических групп Башкортостана проанализированы на основе объективной статистической информации. О том, какие изменения происходят в социально-экономической структуре, каковы направления и тенденции развития этих процессов, можно судить по некоторым субъективно-оценочным данным, полученным в ходе настоящего исследования.

В связи с происходящими изменениями в отраслевой и социально-профессиональной структурах населения и возрастающей конкуренцией этнических групп большой интерес представляют для нас субъективно-оценочные представления этих групп, обнаруженные в ходе осуществления проекта «СН» (табл. 9).

Сопоставление полученных результатов — субъективных оценок успехов своей этнической группы в различных видах деятельности — с ранее приведенными статистическими данными о социально-профессиональной и отраслевой структурах населения подтверждает вывод о том, что в республике сложилась своеобразная «специализация» отдельных этнических групп по сферам занятости. Есть определенные

Таблица 9

Оценка успехов собственной этнической группы в различных видах деятельности в Башкортостане

Добиваются наибольших успехов	Добиваются наименьших успехов
Башкиры	
в сельском хозяйстве	в предпринимательстве
в культуре, искусстве, спорте	в торговле
в управленческой деятельности	в финансовой и юридической деятельности
в промышленности	
Русские	
в промышленности	в культуре, искусстве, спорте
в образовании, науке	в финансовой и юридической деятельности
в предпринимательстве	в здравоохранении
	в управленческой деятельности
Татары	
в промышленности	в управленческой деятельности
в сельском хозяйстве	в здравоохранении
в предпринимательстве	в образовании, науке
в торговле	

виды деятельности, в которых та или иная этническая группа добивается наибольших результатов. Для башкирского населения наиболее успешными остаются сельскохозяйственные занятия, управленческая деятельность, сфера культуры и искусства, а также промышленность, особенно добывающая и перерабатывающая. Интересно отметить, что «точки пересечения» видов успешной деятельности башкир и русских, башкир и татар совпадают только по базовым отраслям — по промышленности и сельскому хозяйству.

По самооценке русских и татар, в числе успешных видов деятельности, в отличие от башкир, присутствует новая сфера деятельности — предпринимательство, которая у татар дополняется наибольшими успехами в торговле, а у русских — в науке и образовании. Это свидетельствует об их больших адаптационных способностях и возможностях, о динамизме их перемещений в социальной структуре. Им удалось успешно использовать знания и опыт привычных и традиционных для них занятий для адаптации в сфере предпринимательской деятельности.

Сравнивая оценки успешности и неуспешности собственной этнической группы в отдельных видах деятельности и оценки, которые дают данной группе представители других народов, нетрудно заметить, что большинстве случаев они совпадают (табл. 10).

Интересно заметить, что не только башкиры, но и другие этнические группы (русские и татары) не включают предпринимательскую деятельность и торговлю в группу занятий, где башкиры достигают

Таблица 10

**Оценка успехов в различных видах деятельности одних этнических групп
другими этническими группами в Башкортостане**

Добиваются наибольших успехов	Добиваются наименьших успехов
Башкиры (оценка русских)	
в управленческой деятельности	в предпринимательстве
в сельском хозяйстве	в финансовой и юридической деятельности
в промышленности	в здравоохранении
	в торговле
Башкиры (оценка татар)	
в управленческой деятельности	в предпринимательстве
в сельском хозяйстве	в торговле
в промышленности	в здравоохранении
в культуре, искусстве, спорте	в финансовой и юридической деятельности
Русские (оценка башкир)	
в промышленности	в сельском хозяйстве
в предпринимательстве	в культуре, искусстве, спорте
в финансовой и юридической деятельности	в здравоохранении
Русские (оценка татар)	
в предпринимательстве	в сельском хозяйстве
в промышленности	в управленческой деятельности
в образовании, науке	в здравоохранении
	в финансовой и юридической деятельности
Татары (оценка башкир)	
в торговле	в управленческой деятельности
в предпринимательстве	в финансовой и юридической деятельности
в сельском хозяйстве	в здравоохранении
в культуре, искусстве, спорте	
Татары (оценка русских)	
в сельском хозяйстве	в управленческой деятельности
в торговле	в образовании, науке
в здравоохранении	в предпринимательстве
в финансовой и юридической деятельности	

успехов. Башкиры не проявляют сегодня деловой активности и предприимчивости, что может обернуться негативными последствиями в самое ближайшее время. По мнению Р. Г. Кузеева, малочисленность предпринимателей в социальной структуре башкирского народа может снизить конкурентоспособность и адаптивность к рыночной экономике в современных условиях⁶.

⁶ Государственная программа «Народы Башкортостана» (концепция). Уфа, 1999. С. 47.

Таблица 11

Самооценка основных этнических групп Башкортостана по шкале богатства
(% от ответивших)

Ступени богатства	Башкиры		Русские		Татары	
	Город	Село	Город	Село	Город	Село
1 Бедные	17,9	21,4	35,2	30,3	18,6	28,1
2	25,9	19,6	18,8	18,2	24,4	24,0
3	32,7	33,0	27,9	24,2	33,6	22,9
4	16,5	20,5	15,3	24,2	19,3	20,8
5	4,4	1,8	2,46	1,5	1,7	1,0
6	0,7	0,0	0,0	0,0	1,7	1,0
7 Богатые	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0

При переходе к рыночной экономике доход как главный источник социальной дифференциации стал определяющим критерием в оценке успешности карьеры, достижений, социального статуса человека и его семьи.

Сравнительные исследования, основанные на субъективной оценке материального положения и дохода, выводят на сопоставление полученных данных по шкале «бедные—богатые». В нашем исследовании респондентам предлагалось определить свое место на аналогичной шкале, состоящей из семи восходящих ступеней, где на низшей, первой, ступени стоят «бедные», а на высшей, седьмой, — «богатые».

Как видно из табл. 11, никто из опрошенных не разместил себя на самой высокой — «богатой» ступени лестницы. Шестую и пятую высшие ступени отметили 5,1% городских и 1,8% сельских башкир; 2,5% городских и 1,5% сельских русских; 3,4% городских и 2,0% сельских татар. При этом следует подчеркнуть, что русские, в отличие от татар и городских башкир, вовсе не указали и шестую позицию. Третью и четвертую ступени, соответствующие позициям условно среднеобеспеченных, выбрали 49,2% городских и 53,5% сельских башкир; 43,2% городских и 48,4% сельских русских; 52,9% городских и 43,7% сельских татар. Самые низшие первую и вторую ступени заняли 43,8% и 41% башкир в городе и на селе, соответственно 54 и 48,5% русских, 43 и 52,1% татар.

Анализ этих данных показывает, что представители разных этнических групп по-разному оценивают свое местонахождение на лестнице «материального достатка». Обращает на себя внимание тот факт, что русское население, особенно городское, более критично относится к оценке своего положения на шкале «бедные—богатые», число стоящих на отдельных ступенях уменьшается здесь по мере подъема вверх, где, как было отмечено нами, никого из русских не остается уже после пятой ступени. У них же самый высокий удельный вес тех, кто занимает первые две низшие позиции данной лестницы. У башкир и городских татар в

Таблица 12

Самооценка основных этнических групп Башкортостана по шкале власти
(% от ответивших)

Ступени власти	Башкиры		Русские		Татары	
	Город	Село	Город	Село	Город	Село
1. Низшая	43,8	58,9	65,1	63,6	49,2	63,5
2	20,2	10,7	13,5	12,1	19,7	9,4
3	26,3	12,5	10,0	10,6	18,3	12,5
4	6,4	11,6	7,0	10,6	9,8	10,4
5	1,0		2,1	1,5	1,7	1,0
6	0,3	0,0	0,1	0,0	0,3	0,0
7. Высшая	0,0	0,0	0,0	0,0	0,3	0,0

группе среднеобеспеченных заметно больше занимающих низшие позиции. Причина отличающихся оценок, на наш взгляд, заключается в разном представлении этнических групп о самих критериях бедности и богатства, в разном уровне их экономических притязаний. Последние слабее всего проявляются у башкирской части населения, т.е. у них значительно ниже критерии бедности и богатства.

Эти выводы подтверждаются и другими данными, полученными в ходе опроса. Например, к низшему слою отнесли себя только 24,2% городских и 28,6% сельских башкир, в то время как у русских респондентов эти оценки составили соответственно 41,3 и 33,3%. Аналогичные показатели городских татар (25,4%) близки к ответам городских башкир, а сельских татар (37,5%) — к оценке сельских русских.

Изучение проблем этнической стратификации предполагает использование не только иерархического, но и многомерного и многофакторного подходов. Поэтому наряду с оценкой собственного имущественно-экономического положения большой интерес для нас представляют позиции респондентов во властной структуре и оценка ими своего положения по шкале престижа. В табл. 12 приведено распределение ответов опрошенных, характеризующее их субъективную оценку доступа к власти.

На «властной лестнице» из 7 ступеней самую высшую почти никто не отметил (за исключением очень незначительной доли городских татар — 0,3%). Относительно высокие позиции — пятую и шестую ступени — заняли только 1,3% городских башкир; 2,2% русских в городе и 1,5% на селе; 2 и 1% городских и сельских татар.

Эти весьма скромные цифры не позволяют говорить о каких-либо существенных этнических приоритетах в распределении власти, высшая ее ступень одинаково далека практически для всех групп респондентов. Вместе с тем значительные расхождения в ответах респондентов по первым двум — низшим — ступеням данной «лестницы» свиде-

Таблица 13

Самооценка основных этнических групп Башкортостана по шкале престижа
(% от ответивших)

Ступени престижа	Башкиры		Русские		Татары	
	Город	Село	Город	Село	Город	Село
1. Низшая	24,2	34,8	38,1	33,3	27,1	35,4
2	18,2	19,6	17,3	24,2	17,3	25,0
3	28,0	14,3	18,2	18,2	30,2	17,7
4	19,2	17,0	16,4	18,2	17,6	17,7
5	4,4	3,6	4,1	1,5	2,4	0,0
6	1,0	0,9	0,9	0,0	2,4	0,0
7. Высшая	1,7	0,0	0,0	1,5	0,0	0,0

тельствуют о больших нереализованных возможностях и притязаниях татарской и, особенно, русской этнических групп на участие во власти.

Анализируя проблемы доступа к власти и ее «этнического распределения», некоторые авторы необоснованно считают, что в Башкортостане идет процесс «кланизации» в высших эшелонах власти. Аргументы о том, что чуть ли не все высшее руководство республики «происходит из Юго-Восточной Башкирии», не выдерживают критики. Есть общепринятое в науке и практике районирование Республики Башкортостан на социально-экономические зоны (регионы). Президент М. Рахимов — выходец из Южного региона, Премьер-министр — из Уральского, Государственный секретарь РБ — из Северо-Восточного, Глава Администрации Президента — из Западного.

Распределение оценок и ответов по шкале власти демонстрирует еще одну особенность, которая заключается в том, что доля башкир, занимающих средние — третью и четвертую ступени — оказывается выше, чем аналогичные показатели русских и татар. Это свидетельствует, на наш взгляд, о более нейтральном («среднем») и спокойном отношении башкирской этнической группы к данной проблеме. Следует подчеркнуть и то, что разница в ответах городских респондентов трех этнических групп более ощутима и значительна, чем в ответах жителей села.

Примерно та же логика сохраняется в ответах респондентов разных этнических групп по шкале престижа.

Однако в оценке статусных позиций по престижу различия в ответах респондентов разных этнических групп, во-первых, несколько сглаживаются (по горизонтали); и, во-вторых, они как бы рассредоточиваются между отдельными ступенями «лестницы престижа» (по вертикали). В результате доли респондентов, занимающих среднее положение на шкале престижности, оказываются более близкими к тем, кто занимают низшие (первую и вторую) ступени. Обращает на себя внимание и то, что по сравнению с самооценкой по шкале власти в

данном случае несколько возрастает доля тех, кто относит себя к более высоким ступеням «лестницы престижа», особенно проявляется это у городских респондентов.

Доступ к высшему образованию, возможность самореализации в самых различных сферах интеллектуальной деятельности является одним из наиболее значимых индикаторов социокультурного неравенства этнических групп. Существующее неравенство в сфере высшего образования непосредственно сказывается не только на развитии национальной интеллигенции, но и на функционировании основных социальных институтов, обеспечивающих воспроизводство этнических ценностей.

Анализируя проявление данной проблемы в условиях Республики Башкортостан, следует подчеркнуть, что в начале 90-х гг. у башкир доля специалистов с высшим образованием была выше по таким специальностям, как учителя, врачи, юристы, специалисты сельского хозяйства, но в то же время у этой же этнической группы наблюдается отставание по инженерно-техническим и экономическим специальностям. В целом башкиры продолжают пока отставать от русских и татар по удельному весу специалистов с высшим образованием.

Этносоциальная дифференциация проявляется и в доле специалистов с высшим образованием по отраслям народного хозяйства и сферам социальной жизнедеятельности. В начале 90-х гг. доля башкир в здравоохранении, физической культуре и социальном обеспечении соответствовала их удельному весу в структуре населения и незначительно превышала его в народном образовании (24,8%); в культуре, литературе и искусстве (26,2%); в науке и научном обслуживании (26,4%). Доля русских была равной в сферах здравоохранения, физической культуры и социального обеспечения (39,8%); несколько ниже в народном образовании (36%); культуре, литературе и искусстве (36,6%); и особенно низкой в науке и научном обеспечении. Доля татар примерно соответствовала их удельному весу в структуре населения в сферах здравоохранения, физической культуры и социального обеспечения (29,9%); в народном образовании (28,1%); в культуре, литературе и искусстве (27,8%) и была высокой в науке и научном обеспечении (45,3%).

Своеобразно проявляются этнические различия при рассмотрении доли представителей трех рассматриваемых этнических групп Башкортостана среди работников науки и высших учебных заведений. В целом среди штатных работников УНЦ РАН и Академии наук РБ, имеющих ученую степень и обучающихся в аспирантуре, доля башкир выше их удельного веса в структуре населения (30,3%). Таково же положение у русских (44,1%), у татар этот показатель ниже (20,1%). Из шести вузов, по которым у нас имеются данные, удельный вес башкир среди профессорско-преподавательского состава выше их доли в структуре населения в четырех вузах и существенно ниже в Уфимском авиационном техническом университете (8,3%). У русских этот показатель весьма высок в Уфимском авиационном техническом уни-

Таблица 14

**Численность студентов, представителей основных этнических групп
Башкортостана, в вузах республики
(% от числа учащихся)**

Вузы	Башкиры	Русские	Татары
Башгосуниверситет	32,2	31,5	30,3
Башгоспедуниверситет	31,8	31,7	28,5
Бирский пединститут	30,8	27,3	29,9
Стерлитамакский пединститут	35,3	30,0	24,0
Башкирский медицинский университет	30,3	28,3	34,5
Башкирский аграрный университет	36,6	11,1	41,7
Уфимский авиационный технический университет	18,1	50,8	24,7
Уфимский нефтяной университет	17,8	44,9	30,8
Башкирский государственный институт искусств	26,4	52,1	14,1
Уфимский институт сервиса	20,8	41,8	32,6
Уфимский филиал Московского коммерческого института	20,2	38,8	38,5
Итого	27,2	36,7	29,7

верситете (66,6%), по остальным вузам показатели примерно равные. У татар во всех вузах, кроме Аграрного университета (37,1%), их доля среди профессорско-преподавательского состава ниже, чем удельный вес в структуре населения.

Неравномерность в числе вузов, студентов, специалистов с высшим образованием наблюдается в республике и в региональном разрезе. Вузы в основном сосредоточены в Центральном регионе. Их нет в Северо-Восточном и Западном регионах. Поскольку расселение этноареальных народов носит в значительной мере региональный характер, то эта проблема имеет и этнический характер.

Для подготовки национальных кадров и формирования интеллигенции определяющее значение имеет численность студентов в высших учебных заведениях (табл. 14).

Из этих данных видно, что в целом в вузах доля студентов-башкир была выше их удельного веса в структуре населения, доля татар — примерно равна, доля русских ниже их удельного веса (21,9%) в общей структуре населения. По конкретным вузам доля башкир выше их удельного веса в структуре населения в Башгосуниверситете, в Башгоспедуниверситете, в Бирском и Стерлитамакском педагогических институтах, в Башкирском институте искусств; несколько ниже в Уфимском институте сервиса и Уфимском филиале Московского коммерческого института.

Доля русских выше их удельного веса в структуре населения в Уфимском авиационно-техническом университете, Уфимском нефтяном институте, в Башкирском институте искусств, примерно равна —

в Уфимском институте сервиса, Уфимском филиале Московского коммерческого института, в остальных вузах — ниже их удельного веса в структуре населения.

Удельный вес татар в большинстве вузов соответствовал их доле в общей структуре населения. Этот показатель у татар выше в Башкирском аграрном университете, в Башкирском медицинском университете. Существенно ниже этот показатель только в Башкирском институте искусств.

* * *

Таким образом, очевидно, что изменения в социально-экономическом и национально-культурном неравенстве происходят под воздействием как объективных условий и факторов, так и под влиянием субъективной деятельности государства и других социальных институтов. В современных условиях Башкортостана на все процессы социально-экономического и национально-культурного развития этнических групп значительное влияние оказывает процесс становления государственности Башкортостана в конституционных рамках Российской Федерации. На саму же динамику социально-экономического неравенства большое влияние оказывают процессы перехода к рыночной экономике. Различные этнические группы в неодинаковой мере вовлечены в рыночные отношения, что отражается на их социально-экономическом статусе, находит отражение в их этническом сознании и поведении. Неодинаково проходит процесс адаптации к изменившимся социально-экономическим условиям в башкирских, русских, татарских и других, в том числе и в национально смешанных, семьях. Этот фактор непосредственным образом сказывается и на особенностях этнической социализации в условиях семьи, на этнических установках представителей различных национальностей, на изменении статусного положения этнических групп.

Очень многое в изменениях социально-экономического неравенства, в выравнивании уровня социального и национально-культурного развития зависит от национальной, социальной, экономической политики и практической деятельности государства. В этой деятельности было много ошибок и непродуманных решений, которые в свою очередь являются следствием игнорирования или непонимания этнических факторов в социально-экономическом, национально-культурном и общественном развитии в целом. Практическая деятельность государственных и общественных институтов будет эффективной, если одновременно будут приниматься меры для преодоления социально-экономического отставания конкретных этнических групп и осуществляться линия на справедливое, пропорциональное, гармоничное социально-экономическое и национально-культурное развитие всех этнических групп Башкортостана.

Глава 3

ИНТЕРЕСЫ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП В КОНТЕКСТЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ ТАТАРСТАНСКОГО ОБЩЕСТВА

В 90-е гг. руководство Татарстана, опираясь на поддержку населения, стремилось реализовать политику в русле заявления Б. Ельцина, сделанного им на татарстанской земле: «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить».

Попытки татарстанской номенклатурной элиты освободиться от мелочной опеки Москвы и распоряжаться ресурсами республики по своему усмотрению были обусловлены рядом причин, в том числе объективного характера. Основанием, позволившим выдвинуть такую инициативу, являлось социально-экономическое развитие региона. Уже в советское время республика имела потенциал, равный потенциалу трех вместе взятых Прибалтийских республик. Удачное сочетание индустриального и аграрного секторов экономики могло обеспечить ее самодостаточность. Другим важным обстоятельством было социокультурное развитие: в республике имелись солидная многопрофильная база высшего и среднего профессионального образования, собственная многопрофильная интеллигенция, широкая сеть культурных учреждений.

Еще один немаловажный фактор, выполнивший роль детонатора в инициации общественного движения за суверенитет в конце 1980-х — начале 1990-х гг.: несоответствие юридически закреплённого статуса этничности реальному положению в сфере татарской национальной культуры, образования и языка.

Причины социально-экономического и этнокультурного неравенства по сравнению с другими наиболее развитыми республиками Союза и Москвой виделись в несправедливом распределении средств центральным правительством: всего лишь 2% от вырабатываемой республикой промышленной и продовольственной продукции оставалось на ее собственные нужды¹.

В общественном дискурсе тех лет доминировали две темы: социально-экономической и национально-культурной деградации региона. Политическая элита республики, в ситуации перераспределения властных ресурсов, приводила требования общественных движений в качестве аргументов в пользу передачи ей больших экономических,

---

¹ Публичная лекция Президента Татарстана М. Шаймиева в Гарвардском университете (США) в октябре 1994 г. (см: Суверенный Татарстан. М., 1997. С. 47).

а затем и политических полномочий; она заявляла о готовности взять на себя всю ответственность за экономическое и культурное развитие региона. Основными доводами местной элиты в противостоянии с федеральным правительством в начале 90-х гг. были:

- ее большая компетентность в вопросах социально-экономических и этнокультурных потребностей региона;
- ее республиканский патриотизм;
- интерпретация ею процесса децентрализации как основы становления и утверждения демократических принципов правления в современной России.

Результатами деятельности правительства, возглавляемого М. Шаймиевым в 80-х гг., стали: «мягкое вхождение в рынок»; паритетный подход в национальной политике; относительная экономическая и этнополитическая стабильность. Этносоциологические исследования, проведенные нами в этот период², констатировали усиление регионального самосознания у населения республики. Сопоставление степени доверия к Президенту РФ и Президенту Татарстана показало, что 42,1% русских и 63,4% татар в республике считали, что М. Шаймиев лучше других выражает интересы народа, Б. Ельцина назвали 11,6 и 3,5%, соответственно. В конце 90-х гг. (опросы 1997 г. по проекту «Этнические и административные границы: факторы стабильности и конфликтности» и 1999 г. по проекту «СН») за развитие Татарстана как суверенной республики в составе РФ высказались не менее 66,0% татар и 50,1% русских.

Однако динамика трансформирующейся России выдвигает новые вызовы самоопределившейся политической элите субъектов Федерации. Способность адекватно отвечать на них становится решающим фактором в обостряющейся борьбе центробежных и центростремительных тенденций. Изменение политического вектора реализуется действиями Президента России В. Путина, усиливающими властную вертикаль.

СМИ как чуткий индикатор ситуации делали темами своих обсуждений наиболее уязвимые места двух вновь начавших самоопределяться сторон. Журналисты и аналитики из числа сторонников суверенитета республики заговорили об опасности восстановления жесткой вертикали, в результате которой сведется на нет экономическая и этнокультурная самостоятельность Татарстана. Сторонники усиления центра упрекают власти республики в узурпации власти, тотальном контроле над экономикой, нарушении российских законов. Не случайно широкое обсуждение в республиканской прессе получила статья

---

² Проект «НИК» и проект «Роль республиканской прессы в формировании новой системы ценностей в условиях социально-экономической трансформации общества в Татарстане» (1996—1998 гг., рук. Л.В. Сагитова).

американской журналистки Селестин Боулин, которую подняли на щит противники М. Шаймиева. Вот одна из характерных цитат: «Местные жители возмущены, что они живут не в современном государстве, а в феодальном обществе, в котором правит клан президента Шаймиева. Он держит под контролем не только правительство, но и экономику, которая не имеет ничего общего с экономикой остальных российских регионов, стремительно идущих к свободному рынку»³.

Другие авторы публикаций обращают внимание на отход М. Шаймиева от твердой позиции отстаивания самостоятельности республики, иллюстрируя это многочисленными уступками федеральному центру, наиболее яркой из которых стал переход Президента республики от проигравшего на выборах в Госдуму блока «Отечество — Вся Россия» к победившему блоку «Единство».

Критиковали республиканское руководство за то, что выгоды от «мягкого вхождения в рынок», от возможности самим реализовывать половину добываемой нефти в республике ушли на обогащение местной элиты. Властные структуры сначала претерпели «татаризацию», а затем и «клановизацию». Сейчас, по словам одного из осведомленных лиц, нами правят три семьи из 49 человек. Татарская часть населения разочарована, русская возмущена⁴.

Итак, наиболее значимые из детерминант процесса регионализации были связаны с факторами:

- социально-экономического неравенства республиканского общества в целом (по сравнению с союзными республиками и во взаимоотношениях с центром);
- этнокультурного неравенства представителей титульной национальности, чья этническая культура не имела возможности развиваться наравне с общесоветской (на основе русской культуры).

Мы остановимся на вопросе, что сумела сделать властная элита Татарстана для решения проблем, обеспечивших ее политическую легитимацию, прежде всего в социально-экономической сфере.

Попытка охарактеризовать современную социально-экономическую ситуацию в Татарстане неизменно подводит нас к проблемам становления рыночной экономики. Именно с ее развитием идеологи реформ и властная элита связывали улучшение общей экономической ситуации, а вслед за этим — повышение уровня благосостояния каждого человека. Становление слоя мелких и средних собственников было условием достижения как экономической, так и политической стабильности. Являясь базой среднего класса, наряду с интеллектуалами, интеллиген-

³ Нью-Йорк таймс. 2000. 9 марта.

⁴ Сагадеев И. Тучи над Президентом Шаймиевым // Крис. 2000. 3 марта.

цией, этот слой способен обеспечить равновесие социальной структуры. Ученые выделяют гармонизирующую функцию среднего класса. В области социальных отношений (в сфере политики, семейных отношений) он сглаживает противоречия: между верхним и нижним слоями общества; между содержанием труда различных профессий; городским и сельским образом жизни. В политике средние слои чаще всего сторонники центристских позиций. В сфере культуры и семейных отношений они основные носители традиций, норм и знаний⁵.

Сегодня исследователи отмечают, что социальная структура российского общества выглядит как «придавленный к основанию треугольник» (в отличие от «лимона» в развитых странах, где средние слои — основа всей социальной структуры общества).

Как показывает жизнь, государство сегодня не способно обеспечить хотя бы средний уровень материального благосостояния значительной части своих граждан. Поэтому вся надежда на прорыв в экономической сфере связывается с внутренними ресурсами наиболее активных слоев населения. Хорошее образование, инновационный и личностный потенциал стимулируют к предпринимательской деятельности. Однако самым важным условием осуществления этими слоями инновационной практики является введение наиболее эффективных «правил игры» законодательного поля для осуществления экономической деятельности. А это — прерогатива властной элиты. Не случайно и отечественные, и зарубежные ученые выделяют среди важнейших элементов социального механизма трансформации: а) целевую реформаторскую деятельность, которую реализует преимущественно правящий слой; б) предпринимательскую деятельность широко понимаемых средних слоев⁶.

Во многом формирование «поля игры» зависит от стартовых условий, включающих системы уже сложившихся экономических институтов, междусубъектных и межличностных связей акторов экономической сферы, а также их интересов.

Поэтому, рассматривая современную социально-экономическую ситуацию в Татарстане, мы выделяем в качестве объекта исследования как процесс институционализации новых экономических отношений, который включает деятельность властной элиты в экономической сфере по развитию малого и среднего бизнеса в республике, так и деятельность представителей предпринимательского слоя; режим их взаимодействия, мотивируемый объективными потребностями и групповыми интересами.

⁵ Социальное расслоение и социальная мобильность. М., 1999. С. 33—34.

⁶ Заславская Т.И. Социальные результаты и задачи социальной политики // Куда идет Россия? М., 1998. С. 10; Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.

Анализ особенностей реформирования экономики в сторону развития рыночных отношений позволит рельефно рассмотреть региональные особенности становления среднего слоя, его перспективы. Одновременно предпринимается попытка определения степени актуальности этнического фактора в социально-экономической сфере. В совокупности все это поможет выявить факторы, влияющие на интеграцию или, наоборот, дезинтеграцию социальных групп татарстанского сообщества.

Интрига взаимоотношений акторов экономического поля требует рассмотрения их характеристик, поскольку многие из них становятся детерминантами групповых интересов, без прояснения которых сложно представить мотивацию тех или иных действий субъектов.

Обозначение акторов как властной элиты и предпринимательского слоя будет в сложившихся условиях неточным. Дело в том, что предпринимательский слой сам по себе неоднороден. А различия составляющих его групп принципиальны. Исследователи предпринимательского слоя в России выделяют в качестве определяющих характеристик:

- масштабы и сферу хозяйствования (директор приватизированного промышленного гиганта — распространитель мелкой посреднической конторы);
- происхождение капитала (государственный — личный);
- близость к каналам распределения дешевых государственных ресурсов и госсектору в целом: доступ к внешнеэкономической деятельности и связям с иностранным капиталом.

В целом предпринимательский слой представлен частично обуржуазившейся хозяйственно-партийной номенклатурой и новой деловой элитой, с одной стороны, и множеством мелких и средних слоев, поддерживаемых активностью самозанятых работников, — с другой. Первые группируются близ государства и внутри государственных секторов, вторые образуют почвенный уровень⁷.

В связи с этим мы выделяем в качестве действующих субъектов властную элиту, близкую к ней группу крупного бизнеса (в большей мере она представлена директорами крупных предприятий и промышленных гигантов) и группу мелких и средних предпринимателей. Близость директорского корпуса к властной структуре объясняется, во-первых, сохранением доли уставного капитала на крупных предприятиях за государством (субъектом, как правило, выступает Госкомимущество РТ); во-вторых, практикой назначений директоров хозяйственных объектов правительством республики; в-третьих, введением их в состав законодательных органов. Большинство депутатов Госсовета РТ

---

⁷ Радаев В.В. Явление предпринимательства и группы предпринимателей // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. М., 1995. С. 176—177.

представлено главами администраций районов республики (курирующими аграрный сектор) и директорским корпусом (в 2000 г. из 130 избранных депутатов: 51 — главы администраций городов и районов, 5 — их заместители; 47 — руководители предприятий и организаций всех форм собственности, что составляет 79,2% от всего состава)⁸. Обращает на себя внимание тот факт, что среди депутатов нет ни одного представителя мелкого и среднего бизнеса.

Интересы властной элиты и директорского корпуса во многом совпадают, кроме того, они представлены институционально и, следовательно, защищены, а экономическая элита приобрела еще и статус политической элиты. Все перечисленные характеристики не распространяются на слой мелкого и среднего предпринимательства.

Характеристика современной правящей элиты и ее деятельности не может быть адекватной без учета новых тенденций процесса, происходящего внутри этого слоя, так же как и региональной специфики социально-экономических и политических ресурсов, которыми она обладает, поскольку последние во многом детерминируют стратегию ее деятельности.

Для Татарстана, как и для других российских регионов, характерно завершение этапа открытости круга правящей номенклатуры, когда ее ряды пополнялись множеством новых акторов. Экономическая и политическая конкуренция ослабла. Как пишет Мари Мендрас, в игре остались одни инсайдеры: во многих региональных центрах элиты защищаются, отгораживаясь и даже возводя крепости из доморощенных правил и способов выживания. Условный рефлекс самозащиты приводит многих, в том числе занимающихся бизнесом, к желанию отгородиться от внешнего вмешательства — от тех, кто не принадлежит к сложившимся сетям и истеблишменту⁹.

В постсоветском Татарстане продолжалась инерция политики «коренизации», когда селекция во властные структуры осуществлялась по национальному признаку. Усиление этой тенденции было связано с либерализацией национальной политики в России и последовавшей за ней легитимацией этнических интересов. Таким образом, высшие эшелоны исполнительной и законодательной ветвей власти в республике сформировались из представителей титульной национальности. По этническому составу 78,1% правящей элиты составляют татары¹⁰

⁸ Молодежь Татарстана. 2000. 3 февр.

⁹ Мендрас М. Как региональные элиты защищают свою власть // Pro et contra. 2000. Т. 5. № 1: Зима. С. 74.

¹⁰ Фарушкин М.Х. Политическая элита в Татарстане. Вызовы времени и трудности адаптации // Полис. 1994. № 6. С. 69—70; Мансурова Г.М. Динамика ротации политических элит РФ и РТ (начало 90-х гг.) / Республиканская научно-практическая конференция «Региональные элиты и общество: процессы взаимодействия». Казань, 1995. С. 52.

В составе Госсовета РТ 2000 г. 95 человек — татары; 27 — русские; 1 — мордвин¹¹. Статистический анализ этнического состава экономической элиты подтвердил сложившуюся тенденцию: из 663 руководителей предприятий республики 68,1% составляют татары; 30,2% — русские; 1,7% — другие национальности. Данное процентное соотношение лишь с небольшими отклонениями воспроизвелось при статистическом анализе списков аффилированных лиц и советов директоров 12 наиболее крупных республиканских ОАО, АО и ООО. Из 155 человек — 64,5% — татары; 34,1 — русские и 1,4% — другие национальности¹².

В контексте наших рассуждений играют роль и социально-психологические характеристики названного слоя. По данным исследователей, три четверти состава руководства — выходцы из сельской местности¹³. Сам М. Шаймиев родом из крестьянской семьи. Он считает, что сельский труд воспитывает трудолюбие и ответственность и что на выходцев из села можно положиться. Это привносит в правящую элиту так называемый «синдром сельских парней». О них говорят, что они, в основном носители традиционной культуры, усваивают преимущественно внешние ритуалы городской культуры, превращаясь в маргинальный слой со свойственным ему внутренним неприятием инакомыслия и оппозиции, приверженностью традиционным нормам чиновничества, расположением к выходцам из своей среды и нередко подозрительностью к «чужакам», особенно к представителям высокообразованных городских кругов, а также иной национальности. Они не могут быть в должной мере носителями демократической культуры¹⁴. В условиях быстрой смены привычных ролей и статусов отношения личной зависимости и покровительства остаются основным принципом социального поведения.

В контексте данного исследования немаловажную роль играют некоторые показатели развития республиканской экономики. Они красноречиво характеризуют степень ее значимости для властной элиты и близких ей экономических кругов как в осуществляемой ими внутриреспубликанской политике, так и в отношениях с федеральным центром.

Сегодня экономика Татарстана во многом зависит от природных ресурсов и климатических условий: 90% экспорта приходится на нефтяную, нефтехимическую и другие, связанные с ними, отрасли неглубокой степени переработки¹⁵. В 90-е гг. республика полностью обес-

¹¹ Молодежь Татарстана. 2000. 3 февр.

¹² В качестве источника взят Реестр контрактов найма руководителей предприятий РТ Государственного комитета РТ по управлению государственным имуществом на 1 апреля 2000 г.

¹³ Фарухшин М.Х. Политическая элита в Татарстане; Мансурова Г.М. Динамика ротации политических элит...

¹⁴ Идиатуллина К.С. Региональное лидерство как феномен современной российской политики // Кому принадлежит культура. Казань, 1999. С. 93.

¹⁵ Республика Татарстан: время больших перемен. Казань, 1996. С. 102.

печивала себя продукцией сельского хозяйства и животноводства. В структуре промышленного производства доминирующее положение занимают химическая и нефтехимическая отрасли, топливная промышленность и машиностроение. Продукция топливной промышленности остается основной статьей экспорта: в 1995 г. на ее долю приходилось 55%, а в 1996 г. — 58% республиканского экспорта¹⁶. Именно эти отрасли обеспечивают возможность поддержки социальной сферы и составляют экономическую базу самостоятельности республики в ее отношениях с федеральным центром. Закономерно, что на эти сферы экономики направлено внимание правительства республики. Тем более, что названные отрасли обеспечивают валютный запас РТ. С начала 90-х гг. внешнеторговый оборот Татарстана имел тенденцию к росту. Преобладающую часть внешнеторгового оборота составляет экспорт, на долю которого, например, в 1996 г. приходилось более 70%. Структура экспорта носит в основном сырьевую направленность — это нефть и нефтепродукты (в 1996 г — 57,6%); продукция химической и связанных с ней отраслей (более 20%)¹⁷.

Приоритетность положения крупного бизнеса в республике подтверждается стратегией иностранных инвестиций. Основной формой иностранных вложений является финансирование крупных производственных проектов¹⁸.

Среди первых шагов правительства в процессе институциональных преобразований на пути к рыночной экономике была приватизация и акционирование предприятий, что должно было способствовать разрушению монополии государственной собственности. К 1997 г. приватизация крупных и средних предприятий в основном закончилась. Распределение зарегистрированных предприятий по формам собственности на начало 1997 г. выглядело следующим образом: 62,8% являлись частной собственностью; 10,2 — государственной собственностью; 8,5 — муниципальной собственностью; 8,4 — собственностью общественных объединений; 10,1% — прочие формы собственности. Отраслевая структура приватизированных предприятий в большей мере была представлена предприятиями торговли и общественного питания (29% в 1995 г.; 36% в 1996 г.). Удельный вес промышленных предприятий составил 24% в 1995 г. и 5% в 1996 г.¹⁹. Определяющей структурной составляющей сложившейся социально-экономической ситуации стало завершение раздела и приватизация общественного богатства. Основная его часть оказалась в руках бывшей партийной номенклатуры и новой элиты. Если учесть приведенные выше харак-

---

¹⁶ Лидеры бизнеса Татарстана: Аналитический рейтинг-справочник. Казань, 1997.

¹⁷ Там же. С. 20.

¹⁸ Лидеры бизнеса Татарстана... С. 21.

¹⁹ Там же. С. 44.

теристики этого слоя, а именно: закрытость круга политического и экономического истеблишмента; существующие в нем отношения личной зависимости и покровительства, доминирование татар в высших эшелонах власти, то можно предположить, что основной интерес данной социальной группы заключается в сохранении контроля над системообразующими субъектами экономики в республике и в ограничении претендентов на владение сконцентрированным в ее руках богатстве. Сырьевая база крупнейших субъектов экономики стимулирует пассивное экономическое поведение, основанное на стратегии продажи сырья и распределении полученных доходов, определенная часть которых расходуется на развитие самой экономической инфраструктуры республики. Наличие сырьевых запасов формирует психологию уверенности в завтрашнем дне. Этим можно объяснить равнодушие властной элиты к развитию альтернативных секторов экономики, в частности малого и среднего предпринимательства.

Преобладание в рядах властной элиты этнических татар, а также сложившийся принцип селекции кадров позволяет предположить, что имеет место стратегия этнического протекционизма на высшем уровне кадровой политики в республике.

Приведенные соображения дают возможность сформулировать следующую гипотезу: частные интересы высших элитных слоев блокируют развитие субъектов экономической сферы на основе конкуренции, а закрытость этих слоев и этнический протекционизм снижают уровень мобильности и эффективности отбора управленческих кадров. Все это обуславливает вялость экономических процессов, снижение числа потенциальных участников экономического поля, особенно в сфере малого и среднего бизнеса.

Для проверки гипотезы важно сопоставить факты и данные, характеризующие процесс институционализации крупного и малого бизнеса в Татарстане; декларации властной элиты и лидеров бизнеса; провести анализ информационного поля, формируемого республиканской прессой, с точки зрения выявления интересов и потребностей предпринимательского слоя.

Сам факт деления предпринимательства в республике на крупное и малое заставляет задаться вопросами: как делится экономическое пространство, существуют ли противоречия и имеются ли зоны столкновения интересов? Вот статистические данные. На 1 января 1999 г. в республике приватизировано 1 101 республиканское предприятие с численностью работающих более 620 тыс., что составляет около 35% экономически активного населения республики. На базе приватизированных предприятий создано 740 акционерных обществ, 87 обществ с ограниченной ответственностью.

Несмотря на то, что ведущее место в экономике РТ занял негосударственный сектор с акционерной формой собственности, государство продолжает играть ведущую роль в базовых отраслях промышленно-

сти (топливно-энергетической, нефтехимической, на транспорте и др.), сохраняя контрольные пакеты акций. В 392 акционерных обществах введено специальное право «золотой» акции. Помимо этого, обеспечивается избрание представителей государства не только в Советы директоров, но и в ревизионные комиссии²⁰.

Рейтинг предприятий — лидеров бизнеса республики показал, что среди 200 лидеров 20% составили государственные предприятия; 4,5 — муниципальные; 64,5 — акционерные общества различных типов; 4,5 — совхозы и колхозы; 8,5% — прочие. Среди отраслей наиболее эффективны: топливная, пищевая, машиностроение, химическая и нефтехимическая, промышленность стройматериалов. На долю этих 200 предприятий — лидеров приходится 49,8% общереспубликанского объема реализации, 76,5% прибыли, 23,9% среднесписочной численности работников²¹.

В сфере малого бизнеса наблюдается рост предприятий: с 15 тыс. в 1996 г. до 28 699 в 1999 г. Отраслевая структура представлена в основном предприятиями торговли и общественного питания (36,6%), строительство (23,7%), промышленности (10,8%), транспорта и связи (3,1%), фермерством (1,6%) и другими отраслями (24,2%)²².

В ходе нашего исследования²³ выяснилось, что сферы крупного и малого бизнеса сосуществуют не мешая друг другу и прямого столкновения интересов нет. Но есть определенный вид неравенства, который негативно сказывается на развитии малого предпринимательства. Он выражается в слабой представленности интересов этого слоя во власти. Несмотря на то, что правительство республики декларирует

---

²⁰ Бикбов Д. Реализация программы приватизации в Татарстане // Экономика Татарстана после 17 августа. Казань, 1999. С. 44.

²¹ Лидеры бизнеса Татарстана... С. 40, 44.

²² Аналитический отчет по результатам мониторинга субъектов малого предпринимательства Департамента по поддержке и развитию малого и среднего предпринимательства РТ.

²³ Анализ ситуации включает: контент-анализ республиканской прессы по экономической тематике с января по сентябрь 2000 г. (6 наиболее представительных изданий); экспертные опросы представителей государственной сферы управления и бизнесменов. Среди опрошенных: Ш.Р. Агеев — генеральный директор Торгово-промышленной палаты РТ; Н.А. Мустафаев — генеральный директор Департамента по поддержке и развитию малого и среднего предпринимательства; Г.А. Исаев — советник Председателя Государственного совета РТ; Р.С. Хакимов — советник Президента РТ по политическим вопросам, председатель политсовета республиканской партии «Татарстан — новый век» (ТНВ); Л.В. Овсиенко — заместитель Председателя Государственного комитета имущества РТ; А.В. Татьянчиков — глава представительства в России корпорации «Уайт Беар Интернэшнл Инк» (США); Ю.Ю. Шаймарданова — главный редактор газеты «Предприниматель»; А. Виниченко — заместитель директора общественно-благотворительного фонда РТ «Миллет»; А.В. Иванов — менеджер фармацевтической фирмы; А.Л. Мавзютов — главврач медицинского кооператива; Е.Н. Хадеева — частный торговый предприниматель.

необходимость государственного стимулирования малого и среднего бизнеса²⁴, практика показывает, что именно сфера государственного управления названным сектором экономики концентрирует в себе большинство проблем. Так, говоря о проблемах малого предпринимательства, генеральный директор Торгово-промышленной палаты РТ Ш.Р. Агеев представил рейтинг проблем, отмеченных предпринимателями: 90% опрошенных считают главным препятствием налоговую политику государства; 81 — отсутствие нормального законодательства; 67 — затруднительный доступ к капиталу, 66 — нестабильность банковской системы, 55% — коррупцию во властных структурах (все они находятся за рамками бизнеса как такового), более 1/3 предпринимателей считают, что административных барьеров в последние годы стало значительно больше, причем в Татарстане их намного больше, чем по России в целом²⁵.

По результатам проведенного Л.В. Сагитовой экспертного опроса, самые болезненные точки в сфере малого предпринимательства следующие: существование дополнительных налогов, помимо федеральных; затрудненность процесса регистрации предприятий; усложненность порядка получения лицензий; огромное число контролирующих, проверяющих, штрафующих государственных структур.

Равнодушие республиканского правительства к решению перечисленных проблем стимулировало частных предпринимателей республики обратиться с письмами сначала к Президенту Татарстана, а затем и к Президенту России с просьбой навести порядок в данном секторе. Безысходность борьбы с чиновничьим аппаратом заставляет частных предпринимателей проводить акции протеста.

Отчаянность попыток частных предпринимателей защитить свои интересы свидетельствует либо об отсутствии у властных структур желания вести диалог, либо о слабости социальных институтов, представляющих их интересы.

В Татарстане организован ряд институтов, во многом при поддержке президента РТ, для обслуживания потребностей малого бизнеса. В 1992 г. учреждена Торгово-промышленная палата (ТПП) РТ как независимая, некоммерческая, негосударственная организация. Ею создана сеть филиалов в городах и районах республики. На начало 1999 г. ТПП объединяла 901 предприятие всех форм собственности. Немного позже учрежден Департамент по поддержке и развитию малого и сред-

---

²⁴ Доклад Премьер-министра РТ Ф.Х. Мухаметшина на Пленарной сессии Госсовета РТ 8 июля 1996 г. «О Государственной программе экономического и социального прогресса РТ и неотложных мерах по ее реализации» // Республика Татарстан: время больших перемен. Казань, 1996. С. 33; Послание Президента Республики Татарстан Государственному совету. Казань, 1999.

²⁵ Агеев Ш. Некоторые проблемы развития предпринимательства в Татарстане после 17 августа. Казань, 1999. С. 56.

него предпринимательства (ДПРП) при Министерстве экономики и промышленности РТ. Сегодня это единственный орган, призванный осуществлять государственную поддержку предпринимательства. Департаментом, совместно с ТПП, разработана Программа государственной поддержки малого предпринимательства в РТ, которая завершилась в 1999 г. В ходе ее реализации было создано 5 фондов финансовой поддержки малого бизнеса, открыто 5 представительств лизинговой компании. Созданы свои информационные источники: газета «Предприниматель», телепрограмма «Бизнес-TV». О постепенной координации и объединении усилий предпринимательских структур можно судить по проведенному в 1999 г. I съезду предпринимателей РТ, на котором обсуждались проблемы частного предпринимательства и пути их разрешения.

Предприниматели считают, что отсутствие системного подхода к развитию малого бизнеса в государственных структурах мешает ускорению таких имеющихся преград и ограничений на пути его становления, как:

- часто меняющиеся законы, постановления, что мешает реализации долгосрочных проектов, связанных с производством;
- сложная процедура налогообложения;
- вольное толкование законов на местах;
- высокая стоимость капитала, неэффективная банковская система.

Бизнесмены говорят о том, что практика их деятельности свидетельствует: власти рассматривают частный бизнес, коммерческие банки как элемент государственной системы и пытаются руководить бизнесом в рамках административного типа управления²⁶.

Генеральный директор Департамента по поддержке и развитию малого и среднего предпринимательства (ДПРП) Н.А. Мустафаев вынужден признать, что осуществление фискальных функций государства дублируется различными министерствами, ведомствами, государственными учреждениями, а это ставит предпринимателя в тяжелейшие условия и не способствует доверию к государству. Сегодня за возможность заниматься собственным делом, говорит он, человек должен платить и платить. Проверяющие самых различных организаций имеют статус госслужащих, получают стабильную зарплату, порой за счет штрафов и налогов. При этом их отношение к предпринимателю негативное. Потребительское отношение к нашим бизнесменам приняло ужасающие формы. С предпринимателя, торгующего на рынке в дождливый день, умудряются брать штраф за то, что с уголков палатки стекает вода на асфальт. Н.А. Мустафаев видит в этом основную при-

---

²⁶ Агеев Ш. Некоторые проблемы развития... С. 59—60.

чину формирования «черного рынка» оборота наличных денег, «серого рынка» труда, который катастрофически растет изо дня в день и создает благоприятные условия для вывоза капитала за территорию республики²⁷.

Абсолютное недоверие предпринимателей к государству обусловлено не только его исключительно фискальным подходом к их деятельности, но и результатами экономического кризиса 1998 г., когда вследствие финансовой политики государства огромное число малых и средних предприятий разорились. «Сегодня нашему государству необходимо предпринять колоссальные усилия в сфере малого бизнеса для того, чтобы хоть в какой-то мере вернуть утраченное доверие бизнесменов», — эта реплика одного из опрошенных бизнесменов²⁸ звучала в различных вариациях у всех респондентов.

Как следствие экономического кризиса 1998 г., в 1999 г. возросло число зарегистрированных, но реально не осуществляющих финансово-хозяйственную деятельность субъектов малого предпринимательства. Если в 1998 г. их было 38 807, то в 1999 г. число увеличилось до 43 292. Их удельный вес составил в 1998 г. — 30,5%, в 1999 г. — 30,8%²⁹.

Сопоставление сегодняшних результатов взаимодействия чиновничьего аппарата и предпринимателей с результатами исследования поля их взаимодействия компанией «Монитор» в 1991—1995 гг. свидетельствует об отрицательной динамике³⁰.

Из проблем, выявленных исследовательской группой «Монитор», требовала безотлагательного решения защита интересов малого бизнеса от бюрократических препон: 2/3 опрошенных предпринимателей, у которых были взяты интервью, считали, что бюрократ в Татарстане может уничтожить предприятие, и лишь 0,7% не согласились с этим³¹. Показательны и результаты социально-психологического теста на доверие различных социальных групп друг к другу. По количеству баллов, характеризующих уровень доверия бизнесменов к чиновникам, последние оказались на предпоследнем месте — 7 из 60 баллов. Далее, с отрывом в два балла, следовала группа конкурентов (5 баллов)³².

Исследование группой «Монитор» такой базовой характеристики бизнес-слоя, как готовность к предпринимательству, показало, что среди татарстанских бизнесменов очень высокий процент респонден-

²⁷ Предприниматель. 2000. № 2.

²⁸ Из экспертного интервью, взятого у А. Виниченко 7 августа 2000 г.

²⁹ Информация о положении дел в сфере малого предпринимательства в РТ на 01.01.2000 г., подготовленная Департаментом по поддержке и развитию малого и среднего предпринимательства РТ. Казань, 2000.

³⁰ Панорама-форум. Экономическая стратегия Татарстана. Казань, 1996. № 2(5); Республика Татарстан...

³¹ Республика Татарстан... С. 126.

³² Там же. С. 137.

тов, стремящихся к работе, где отмечается их личный вклад. Они также акцентировали важность результатов деятельности при принятии решений³³.

Таким образом, интересы государственной бюрократии напрямую связаны с динамично развивающимся слоем предпринимателей. Однако эта заинтересованность обусловлена стремлением использовать служебное положение для получения дополнительного дохода. Тот факт, что сегодня слой чиновников укрепил свое влияние по сравнению с началом 90-х гг., связано не столько с бессилием правительства республики, сколько с рядом факторов объективного и субъективного характера.

К первым можно отнести сохраняющуюся инерцию советского мышления у руководства республики. Представители бывшей партийной номенклатуры, работавшие в условиях инвестиционной командной экономики, привыкли связывать эффективность экономики с привычными ее секторами: крупной промышленностью и сельским хозяйством. По данным опроса компании «Монитор», высшие государственные чиновники и представители «директорского корпуса» связывают экономический подъем и повышение конкурентоспособности республики с добычей нефти, развитием ряда отраслей крупной промышленности и аграрного сектора³⁴.

Сложившаяся система приоритетов усугубляется отсутствием знаний о функционировании и законах развития частного сектора экономики, так же как и опыта законодательного регулирования и управления им. К числу субъективных факторов можно отнести систему функционирования сложившихся сетей истеблишмента республики. Как и во всех субъектах Российской Федерации, в Татарстане наблюдается рост влияния финансово-промышленных кругов. Здесь, как и во многих регионах, произошло сращивание крупного капитала с государственной властью³⁵. Их симбиоз взаимовыгоден. С одной стороны, наличие административной «крыши» избавляет предприятие от многих проблем и обеспечивает ему условия для экономического успеха. С другой стороны, утвердившаяся система выборов, где многое зависит от поведения электората и уровня финансового обеспечения, актуализирует заинтересованность политиков в лояльности и ресурсах (человеческих и финансовых) руководителей экономических структур.

Особенность симбиотических связей в Татарстане в их традиционализме. Исследователи отмечают приток новых предпринимателей в законодательные органы субъектов РФ. Они вытесняют традиционный директорат там, где велика доля «лежащих» индустриальных

³³ Республика Татарстан... С. 138.

³⁴ Там же. С. 132—134.

³⁵ Афанасьев М.Н. В России сформированы представительные собрания правящих региональных групп // Куда идет Россия?... Трансформация социальной сферы и социальная политика. М., 1998.

предприятий³⁶. В Татарстане, как об этом говорилось выше, подавляющее большинство бюджетообразующих предприятий уверенно стоят на ногах. Поэтому ротация кадров в высшем экономическом слое осуществляется в основном не за счет прихода новых руководителей, а за счет перестановки инсайдеров, что придает вотчинный колорит кадровой политике на уровне республиканского управления.

Присутствие «директорского корпуса» в законодательных органах позволяет представителям крупного бизнеса реализовывать свои частнокорпоративные интересы посредством доступа к важнейшим законодательным, контрольным и кадровым прерогативам публичной власти. Поскольку политическая власть и экономическое могущество сосредотачиваются в одних руках, теряет свое функциональное предназначение институт лоббизма. Получается так, что ничтожное представительство в парламенте таких социальных групп, как рабочие, крестьяне, интеллигенция, не создает субъектной основы, с которой могли бы взаимодействовать группы давления для отстаивания интересов этих слоев. А интересы слоя частных предпринимателей вообще остаются за рамками этого процесса. Показателен пример с законодательной инициативой Департамента по поддержке и развитию малого и среднего предпринимательства. Его глава, Н.А. Мустафаев, настаивает на необходимости проведения комплексной реформы государственной поддержки частного предпринимательства: «Нужно как можно быстрее принять в нашей республике законы о поддержке предпринимательства в РТ, о защите прав предпринимателей, чтобы предприниматель чувствовал, что находится под защитой государства. Департамент сейчас как раз занимается программой господдержки в РТ. Три раза Закон о государственной поддержке предпринимательства в РТ был представлен на согласование и три раза его возвращали на доработку с учетом интересов контролирующих и проверяющих органов»³⁷.

Отстаивание интересов крупного бизнеса дублируется Ассоциацией промышленных предприятий РТ (АПП РТ). Эта структура объединяет ключевые предприятия республики (более 100). На их долю приходится весь объем производства оборонно-промышленного комплекса, около 40% объема продукции машиностроительной отрасли; 53 — химии и нефтехимии; 75 — легкой и деревообрабатывающей промышленности; 100% — энергетики.

О целях этой организации можно судить по положению ее устава: АПП РТ создана для защиты законных прав, экономических и социальных интересов предприятий и их руководителей; координации и консолидации их деятельности, направленной на развитие и оздоровление промышленности. АПП представляет интересы своих участни-

³⁶ Афанасьев М.Н. В России сформированы... С. 141.

³⁷ Предприниматель. 2000. № 2.

ков в организациях государственной власти РТ и РФ; участвует в подготовке и экспертизе законодательных и иных нормативных актов, касающихся деятельности промышленных предприятий. Красноречиво характеризует данную структуру положение о том, что «АПП представляет интересы руководителей предприятий и организаций, то есть работодателей, при решении трудовых споров»³⁸.

Из общественных организаций интересы малого предпринимательства отстаивает Торгово-промышленная палата РТ. И хотя ресурсы ее влияния ограничены, благодаря ее посредничеству некоторые проблемы предпринимателей решаются. Так, удалось убедить Госсовет РТ прошлого созыва в том, что базовая ставка вмененного налога должна быть значительно меньше, чем предполагалось депутатами³⁹. Но, как говорят сами предприниматели, ТПП остается пока клубом по интересам, где бизнесмены высказывают друг другу наболевшее и заключают сделки⁴⁰.

Поскольку предприниматели не имеют своего представительства в законодательных органах, а деятельность таких институтов, как ТПП и ДПРП, затруднена, они возлагают надежды на средства массовой информации. Но, как показывает контент-анализ республиканской прессы, дискуссионное поле вокруг самых болезненных проблем малого бизнеса не сформировалось. Попытка выяснить причины этого вновь привела к ситуации конкуренции интегрированного в государство сектора экономики и аутсайдера — сферы малого предпринимательства. Дело в том, что большинство журналистов готовит свои материалы с позиции ведомств. Кроме того, с бизнесменов требуют плату за публикацию как за рекламу, даже если она не носит такого характера⁴¹.

Отсутствие необходимого эффекта в деятельности названных социальных институтов в сфере частного бизнеса объясняется прежде всего слаборазвитостью экономического и социального ландшафта Татарстана, несформированностью институтов гражданского общества, так же, впрочем, как и во всей России. Вследствие подобного положения воспроизводится и укрепляется традиция клиентельных отношений, получившая развитие в советский период. Как правило, представителей высшей политической элиты объединяют интересы и личные связи. Примат «института собственных сетей» объясняется формальным характером общественных институтов и несформированностью гражданского самосознания. По сути, он функциониру-

---

³⁸ Время и деньги. 2000. 11 февр.

³⁹ Молодежь Татарстана. 2000. 4 мая. В этом контексте показателен факт, свидетельствующий о том, что для крупного бизнеса были отменены авансовые платежи на прибыль как антирыночный метод, а для незащищенных представителей малого бизнеса эта мера преподносилась как благо.

⁴⁰ Молодежь Татарстана. 2000. 4 мая.

⁴¹ Там же.

ет на всех уровнях общества, но его действие усиливается в тех социальных группах, где есть что защищать. Хорошей иллюстрацией служат результаты теста на доверие групп друг другу. И правительственные чиновники, и бизнесмены на первом месте указали «друзей» (36 и 47 из 60 баллов соответственно); на втором — «руководство» (24 и 16 баллов)⁴².

С точки зрения нашей темы важно подчеркнуть, что стратегия поддержания сложившегося «института собственных сетей» на уровне правящей элиты ведет к игнорированию не только интересов различных социальных групп татарстанского сообщества, но и потребностей объективного развития экономики республики в целом.

Вполне понятно, что протекция руководства РТ крупному бизнесу связана с реализацией как корпоративных интересов политической и экономической элиты, так и татарстанского общества в целом. Банкротство бюджетно- и градообразующих предприятий республики чревато социальным взрывом. И, как уже говорилось, макроэкономические приоритеты в политике властной элиты сыграли положительную роль на первом этапе рыночных реформ. Но стабильность и развитие, хотя и взаимообусловленные и взаимосвязанные категории, однако ни одна из них в отдельности на способна обеспечить прогресс. В начале реформ стабильность была нужна как основа для дальнейшего развития. Сегодня для республики насущной потребностью стала необходимость создания институциональной базы экономического развития, которое впоследствии обеспечит социальную стабильность. Эффективность ее структур будет зависеть не столько от формального творчества, сколько от понимания специфики современных экономических условий и законов рынка представителями управленческой элиты и способности выйти за пределы частнокорпоративных интересов политической и экономической элиты в целом.

Специалисты по современным рыночным технологиям еще в начале 90-х гг. предупреждали: расчет на экономический рост Татарстана, который может быть достигнут путем эксплуатации нефтяных ресурсов, не обоснован. Несмотря на то, что разведанные запасы еще значительны (их должно хватить на 30—40 лет), они не смогут поддержать экономику республики в будущем⁴³. В связи с этим для любой модели будущего развития Татарстана нефть и нефтехимический сектор должны служить катализатором экономики.

Роль малого и среднего бизнеса в экономическом прогрессе Татарстана имеет крайне важное значение. Эксперты консалтинга приво-

⁴² Исследование компании «Монитор» (см.: Республика Татарстан... С. 137).

⁴³ У Татарстана нет больших валютных ресурсов, чтобы компенсировать возможные колебания цен на нефть, а также других резервов, которые позволили бы ориентировать его экономику на нефть. У Татарстана самые большие в Европе запасы битумной нефти (около 12 млрд. т), но не существует технологии их эксплуатации.

дят пример с Польшей, страной с переходной экономикой, где роль вновь созданных малых и средних предприятий была решающей, превосходившей роль даже реорганизованных крупных предприятий⁴⁴.

Внимание стратегически мыслящих республиканских политиков все больше и больше привлекает социальный слой с большим потенциалом. Сами предприниматели говорят о том, что у них появился надежный политический союзник — республиканское общественно-политическое движение «Татарстан — новый век» (ТНВ). Сегодня оно уже делает первые шаги по защите интересов предпринимателей: ТНВ провел работу по созданию льготных условий для малых предприятий, перерабатывающих сельхозпродукцию⁴⁵.

Один из лидеров этого движения, Р.С. Хакимов, так объясняет мотивы того, что одной из основных задач ТНВ является поддержка малого бизнеса: «Мы выступаем за рыночные отношения, а эти отношения без малого бизнеса — нелепость. Кроме того, существуют обстоятельства, которые заставляют переориентироваться именно на этот сектор экономики. Дело в том, что для больших предприятий и крупных отраслей нужны большие инвестиции, крупные финансы. Сегодня мы на это рассчитывать не можем. А малый бизнес может решать эти задачи без особых затрат. Единственное, что нужно создать для него — это хорошие законы, которые помогали бы ему развиваться. Взять, к примеру, Италию. Это развитая страна, а 78% валового продукта обеспечивается за счет малого бизнеса. Поэтому ошибочно считать малый бизнес маленькой экономикой. Это большая экономика. В развитых экономических системах тесно взаимодействуют крупные и малые предприятия. Последние производят необходимую продукцию — детали и т.д. для крупных предприятий. Такая модель отношений была бы перспективной и для нас. Нельзя не учитывать и такой социальный фактор, как занятость населения. Эффективно работающие крупные предприятия сокращают рабочие места. А создают их малые предприятия. Есть еще и политический аспект. Сегодня почти в каждой семье занимаются частным бизнесом. Мы же, работая на эту категорию населения, входим в каждый дом как защитники их интересов»⁴⁶.

Сегодня ТНВ пытается найти механизмы взаимодействия бизнеса и власти. Его члены организуют и проводят конференции, встречи, деловые семинары, непосредственно выезжая на места, где необходима их помощь. ТНВ инициировало обсуждение и принятие в Госсовете Программы по поддержке малого бизнеса.

Деятельность ТНВ демонстрирует становление ростков нового делового мышления. Его стратегия может служить обнадеживающей тен-

---

⁴⁴ Республика Татарстан... С. 120.

⁴⁵ Молодежь Татарстана. 2000. 4 мая.

⁴⁶ Из экспертного интервью с Р.С. Хакимовым, взятого 7 сентября 2000 г.

денцией, если учесть, что лидерами движения являются представители высшей политической элиты⁴⁷.

Консенсус между государственным и частным секторами по вопросу о мерах достижения стратегических экономических целей сегодня крайне важен. Проследим динамику этого процесса.

Еще в начале 90-х гг. исследователи компании «Монитор» зафиксировали преобладание «защитных реакций в отношении одной стороны к другой. Чиновники были склонны пытаться управлять предпринимателями как одним из секторов экономики. Представители частного сектора высказывали убежденность, что государственные служащие стремятся к политическому контролю ради собственных целей⁴⁸.

Сегодня государственные чиновники признают, что малый бизнес выходит из сферы внимания государства. Вот высказывание заместителя Председателя Государственного комитета имущества РТ (ГКИРТ): «Малым бизнесом мы почти не занимаемся. Мы ударились больше в декларации, чем в реальное дело. Наверное, это издержки нашего прошлого мышления. Во-вторых, малый бизнес, в том, как он сегодня работает, симпатий не завоевал. Можно на пальцах привести примеры, когда малые предприятия не пытаются спекулировать, а предоставить какую-то новую услугу. Наверное, малые предприятия более мобильные, оперативные, гибкие. Но я убеждалась не раз и не два, как используют людей на этих предприятиях. Это сверхэксплуатация, полное пренебрежение человеческими интересами, волонтаризм какой хотите. Там директор предприятия чувствует себя чуть ли не хозяином судьбы работника. Кто виноват? Думаю, обе стороны. Мы пытаемся у малого бизнеса фискалить и т.д. Но главная причина в том, что мы не занимаемся малым бизнесом как государственной политикой»⁴⁹.

Несмотря на справедливость упреков власти в «дикости» малого бизнеса, формирование его цивилизованности во многом зависит от нее самой. Стимулирование проектов с участием зарубежных инвесторов, создание совместных предприятий, могло бы, во-первых, повысить деловую культуру бизнесмена, приобщить его к опыту развитых стран. Во-вторых, это способствовало бы развитию и обогащению производственной инфраструктуры с участием малых предприятий. В-третьих, создало бы дополнительные рабочие места.

Какова же современная ситуация в инвестиционной политике? Основной показатель эффективности привлечения инвестиций — величина иностранных инвестиций на душу населения, по итогам 1999 г., составил в республике 6 долларов. (В Москве эта цифра равнялась 3 098

⁴⁷ Среди них: Председатель Госсовета РТ Ф.Х. Мухаметшин, Председатель Комиссии Госсовета РТ по вопросам экономического развития и реформ М.Г. Галеев, советник Президента РТ по политическим вопросам Р.С. Хакимов и ряд других деятелей.

⁴⁸ Республика Татарстан... С. 146.

⁴⁹ Из экспертного интервью Л.В. Овсиенко, взятого 12 октября 2000 г.

долларов, в Санкт-Петербурге — 150.) Несмотря на большую природную экономическую и промышленную привлекательность для инвесторов, в республике он катастрофически мал⁵⁰.

Причин неэффективности инвестиционной политики несколько. Первая из них — несовершенство нормативно-правовой базы. Закон об иностранных инвестициях требует пересмотра. Его неадекватность современной экономической ситуации приводит к тому, что из 14 инвестиционных проектов реализуются только 8 и лишь 2 предприятия смогли воспользоваться налоговыми льготами, предусмотренными законом⁵¹. Кроме того, отсутствие ясных законов, сохраняющих малые предприятия и защищающих их интересы, наряду с тем, что чиновники вольно интерпретируют юридические нормы, до предела усложняет деятельность предпринимателя.

До недавних пор инвестор не имел гарантий сохранения вложенных средств и имущества. Лишь с появлением Регистрационной палаты начинает совершенствоваться механизм осуществления гарантий частной собственности.

Еще одно препятствие — государственная власть отдает приоритет крупным инвестиционным проектам. Они привлекают большие ресурсы сразу, меньше поддаются контролю, здесь больше возможностей ввести своих людей, в отличие от малых проектов, которые почти невозможно контролировать.

В такие проекты, как правило, никого не пускают со стороны, поскольку руководитель заинтересован в эффективном использовании средств⁵².

Отношение государственного чиновника к иностранному инвестору чаще всего настороженное. Деловой интерес последнего он связывает с разграблением природных ресурсов и использованием дешевой рабочей силы. Стереотип восприятия иностранца как грабителя во многом мешает установлению взаимовыгодного диалога. Хотя примеры выгодного сотрудничества с иностранными инвесторами в сфере малого бизнеса в республике уже есть.

Открывший пиццерию Дж. Спарта не только обучает ведению своего дела работающую у него местную молодежь, но и спонсирует малые предприятия, в которых также занята молодежь. По его оценке, русская экономика плохо работает потому, что импортируется абсолютно все, даже то, что можно произвести на месте. Нужно создавать небольшие, но реальные проекты, небольшие совместные предприятия, фирмы, которые могут быстро окупить себя. Это предприятия по

---

⁵⁰ Время и деньги. 2000. 26 июня.

⁵¹ Там же.

⁵² Из экспертного интервью с А.В. Татьянчиковым, главой представительства в России американской корпорации «Уайт Беар Интернешнл Инк», взятого 17 августа 2000 г.

пошиву одежды, обработке камней и дерева; т.е. преобразованию сырья в законченный товар⁵³.

Сегодня, несмотря на сложности становления рыночной экономики, слой предпринимателей, занимающихся малым и средним бизнесом, значительно увеличился и окреп. Его здоровую основу составила активная часть тех, кто остался недоволен своим положением в период начала реформ. Это инженеры, преподаватели вузов, сотрудники НИИ, другая интеллигенция. Возрастные характеристики этого слоя (25—45 лет), говорят о том, что в этой сфере экономической деятельности работают люди, накопившие определенный опыт и в то же время имеющие возрастной резерв. За прошедшее десятилетие они сумели также приумножить капитал. Их стараниями частная собственность утвердилась, и сегодня они выступают за то, чтобы ее признавали и уважали. Для ее защиты они готовы применить разные средства давления на депутатов в Госсовете с целью обеспечения своих интересов⁵⁴.

Наблюдается и движение снизу. В последнее время возникают клубы предпринимателей. Некоторые из них стараются зарегистрироваться для того, чтобы иметь возможность реально воздействовать на государственные и общественные институты. То, что процесс регистрации таких клубов начался, говорит о том, что предприниматели осознают необходимость воздействия на власть, на республиканские и федеральные ведомства. Другой путь объединения — активная работа в политических партиях и движениях, таких, как ТНВ и СПС, что уже свидетельствует о перерастании экономических требований в политические. Вот как характеризует этот процесс один из активных членов Союза правых сил А.В. Татьянчиков: «Я сейчас ощущаю интенсивность этого процесса. К нам в исполком приходят предприниматели с предложениями участвовать в разрешении проблем. Они предлагают свою помощь и средства для объединения усилий в борьбе за отстаивание своих интересов»⁵⁵.

Сегодня такие партии в Татарстане, как «Новая сила», «Общее дело» и другие, входящие в блок «Союз правых сил», находят значительное число приверженцев из предпринимательского слоя, поскольку, по словам бизнесменов, пока нет организаций, которые «в такой концентрированной форме пытаются отстаивать интересы малого бизнеса»⁵⁶. А базовыми из этих интересов являются:

- незыблемость частной собственности;
- экономическая свобода;

⁵³ Как работает иностранный инвестор в Татарстане // Экономика Татарстана после 17 августа. Казань, 1999. С. 118—119.

⁵⁴ Вечерняя Казань. 2000. 29 апр.

⁵⁵ Из интервью с А.В. Татьянчиковым.

⁵⁶ Там же.

- функционирование экономических институтов;
- правовое общество, в котором закон правит всем.

Нельзя не заметить, что передел властных полномочий регионов и центра преломляется в деятельности политических партий, они ведут борьбу за увеличение сфер влияния. Поэтому региональные и федеральные партии стремятся привлечь потенциальных сторонников. В Татарстане это ТНВ, с одной стороны, и блок СПС с входящими в него партиями и движение «Развитие предпринимательства» во главе с И. Грачевым, депутатом Госдумы, лидером татарстанского блока «Равноправие и законность», с другой стороны. От продвижения основных интересов бизнес-слоя в структурах власти, законодательных органах и эффективности их защиты той или иной партией будет зависеть лояльность его представителей — часто независимо от национальности — республиканскому руководству или же федеральному центру. Если незыблемость частной собственности в большей мере прерогатива федеральных властей (проблема совершенствования законодательной базы на уровне центральной власти), то удовлетворение требования экономической свободы преимущественно связано с местным законодательством и политикой республиканских властей.

В начале 90-х гг., в ситуации противостояния федеральному центру, правительство Татарстана, осуществляя стратегию «мягкого вхождения в рынок», защитило малообеспеченные социальные слои. Механизм защиты опирался на сильную властную вертикаль — от президента до глав администраций и далее. В результате правительству удалось смягчить негатив первоначальных рыночных преобразований, сохранить сельское хозяйство и социально-политическую стабильность республики в целом. Однако со временем сложившаяся система начала тормозить продвижение рыночных реформ, и в большей мере это отразилось на деятельности предпринимателей. Ограничения на вывоз и ввоз отдельных видов продукции, введение суррогатных денег, вексельной системы и системы товарных кредитов в последние годы вызвали среди них большое недовольство.

Вексельная система привела к тому, что субъекты экономической сферы республиканского подчинения теряли возможность включаться в общее экономическое пространство России. Развитие межсубъектного сепаратизма связывают не только с политикой, но и с неразвитостью рынка, отсутствием соответствующего рыночного воспитания, господством государственно-административной системы. Вот мнение А.В. Татьянчикова, уже цитировавшегося выше, ярко иллюстрирующее практические результаты экономических ограничений: «Если сначала введение суррогатных денег в республике было спасением и заменило денежный дефицит, то позже настолько заигрались векселями (они как наркотик сильный), что в другой форме люди разучились работать... Сейчас товарные кредиты. Вместо денег, которые, безуслов-

но, в республике есть, выделяются товарные кредиты, которые распределяются по той же государственной вертикали... Там, где, например на селе, спускаются товарные кредиты, вместо реальных денег, которые должны быть кровью экономики, у нас цифры, взаимозачеты, а еще — бартер... Сегодня я ощущаю последствия этой схемы на практике. Мои поставщики — на селе. При всей заманчивости денег, они, по сути, не умеют с ними обращаться. Что они могут сделать с деньгами — раздать их в качестве зарплаты. Все остальное они умудряются получать бартерным способом. Я вижу, что они и особой потребности в деньгах не ощущают, а в товарах есть спрос. Но это же не движение вперед, это движение назад. В силу этого у нас сформировались свои условия этого замкнутого рынка, и мы не можем конкурировать с другими регионами в определенных сферах, например в сельском хозяйстве. Внутри республики — можем, но влетаться в более сложную систему российского рынка — не можем»⁵⁷.

С другой стороны, республика, по сравнению с федеральным центром, продвинулась в принятии рыночных законов. Например, Татарстан первым из субъектов принял закон «О купле-продаже земли». Частная собственность на землю провозглашена, но, как следовало бы ожидать, активного движения по приобретению земли не наблюдается, поскольку законодательная и институциональная база по обслуживанию аграрной отрасли предпринимательства не разработана. А с той базой, что имеется сегодня, фермеры не могут ни функционировать, ни конкурировать. Землю нужно обрабатывать, для этого нужны техника, кредиты, а соответствующей инфраструктуры нет. Хотя не последнюю роль играет субъективный фактор: собственник земли должен сочетать как достаточную степень агрономической культуры, так и деловое мышление. К сожалению, такое сочетание встречается не часто.

Таким образом, выстраивание диалога республиканской властной элиты с частными предпринимателями довольно сложный и противоречивый процесс. Наиболее сильными мотивами в социально-экономической политике являются интересы высших слоев политической и экономической элиты и политическая целесообразность, возникающая в процессе отстаивания своего регионального политического пространства. В ходе работы над предшествовавшими проектами ученые выделили две самостоятельные оси, по которым строилась экономическая политика регионов. Первая — степень интеграции в российскую экономику, взаимодействие с федеральным центром или дистанцированность от него. Вторая — глубина экономических преобразований, степень продвижения к рыночной экономике. Тогда же констатировали, что экономическая самодостаточность и независимость в принятии решений, являвшаяся одной из стратегических задач республиканс-

---

⁵⁷ Из интервью с А.В. Татьянчиковым.

кой элиты, была достигнута. Распределение по осям сложилось — в сторону большей дистанцированности от центра при малом продвижении к рыночной экономике. Участие государства в приватизации облегчило ему полный контроль над экономикой. Один из механизмов управления экономикой заключался в приобретении контрольного пакета акций приватизированных предприятий⁵⁸.

Развитие рыночной экономики неизбежно заставляет считаться с ее законами и требует последовательности. Иначе возникают сбои в системе. Результаты непоследовательности правительства в экономической сфере привели к «дикому» развитию малого предпринимательства. Но у и государственных предприятий большие проблемы. На прошедшем в феврале 2000 г. правительственном совещании по усилению взаимодействия министерств и ведомств в сфере государственного управления отраслями экономики республики констатировалось, что из 50 тыс. хозяйствующих субъектов большинство не контролируются ни по вертикали, ни по горизонтали⁵⁹. Сравнительный анализ работы 60 крупных и средних предприятий республики показал, что государственные унитарные предприятия значительно отстают по основным финансовым показателям: заработной плате, чистым активам. Поэтому сегодня власть ищет способы оптимизации экономики, находящейся в ее руках. Недавно подготовлена новая концепция управления государственным имуществом. С 2000 г. воплощается Программа повышения эффективности управления экономикой, в основе которой система индикативного управления, т.е. оценка деятельности и структур, и предприятий будет производиться на основе критериев, включающих конкретные показатели деятельности ведомств, а также чиновников и управляющих предприятиями⁶⁰. Надо признать, что, несмотря на объективную необходимость такой программы для нынешней социально-экономической ситуации в республике, это мера административного характера. Как власть будет выполнять правила игры, которые она сама для себя определила, покажет время.

Нельзя не признать и тот факт, что республиканская власть как-то реагирует на потребности рыночной экономики. По инициативе руководства РТ учреждена Торгово-промышленная палата, создан Департамент по поддержке и развитию малого и среднего предпринимательства. В интересах предпринимателей было отложено введение действия в республике федерального Закона о внедрении контрольно-кассовых аппаратов на рынках. Однако в противовес этим мерам предпринимались и другие: например, в проекте бюджета РТ на 2001 г. предлагалось упразднить Фонд финансовой поддержки пред-

⁵⁸ Дробжишева Л.М., Аклаев А.Р., Коротева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х гг. М., 1996.

⁵⁹ Время и деньги. 2000. 1 февр.

⁶⁰ Казанское время. 2000. 11—17 мая.

принимательства⁶¹. В июне 2001 г. государственное унитарное предприятие «Таттехмедфарм», образованное в 1999 г., «подмяло» под себя фармацевтические учреждения республики. Таким образом, на республиканском фармацевтическом рынке появился новый государственный монополист, который прибрал к рукам сильные аптеки, работавшие на хозрасчетной основе. Автор этой акции — Министерство здравоохранения⁶².

Итак, в Татарстане до сих пор имеет место командно-административный стиль руководства. В каких целях он используется? Безусловно, в интересах высшей политической и экономической элиты. В первой безусловно доминируют татары. Но властный ракурс используется также для поддержания социально-экономической и политической стабильности в республике, а в ней заинтересованы все жители республики и страны в целом.

Возникает вопрос: насколько сложившаяся система способна к саморазвитию? В.В. Коротеева, анализируя участие государства в сфере экономики, интерпретировала сохранение государственного контроля не как пережиток социалистических норм, а как новое явление утверждения национальной государственности⁶³.

Однако исследование развития сферы малого и среднего бизнеса подтверждает привычную для номенклатуры стратегию приоритетов. Сегодняшняя ситуация в экономике — показатель того, что укрепление регионализации идет сверху, на уровне обеспечения интересов властной элиты, через укрепление властных ресурсов, а не снизу, когда создаются условия для формирования эффективных институтов рыночной экономики и гражданского общества. Когда лояльность гражданина обеспечивается конкретными результатами экономической политики, созданием оптимальных условий для деятельности всех субъектов экономического поля, а не монополизацией всех сфер и укреплением вертикальной зависимости «патрон—слуга».

В складывающейся сегодня ситуации сложно прогнозировать, как будут взаимодействовать региональная и общероссийская идентичности на уровне массового сознания жителей республики. Последние события политической жизни России говорят о воспроизводстве государственной вертикали на уровне субъектов Федерации. Конкуренция вновь воспроизводится на уровне властных вертикалей: центра и регионов, а как это скажется на уровне «государство — гражданское общество» еще покажет время.

Наше исследование также продемонстрировало, что целый комплекс факторов: отсутствие эффективно работающего законодательного

⁶¹ Время и деньги. 2000. 3 ноября.

⁶² Время и деньги. 2000. 11 ноября.

⁶³ Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма... С. 236.

поля в сфере малого предпринимательства, условий для его развития; привилегированность слоя крупных предпринимателей, наряду с его закрытостью — создает ситуацию блокирования достаточной мобильности внутри данной страты общества. Она не воспроизводит социальных акторов, способных успешно выполнять общественную роль в экономической и политической жизни республики. Показательно высказывание Л.В. Овсиенко, заместителя Председателя Госкомимущества РТ, о работе Торгово-промышленной палаты РТ: «Торгово-промышленная палата работает на собственные средства. Они (руководство ТПП) формулируют проблемы от имени предпринимателей, но там, в активе, тоже только «сливки» предпринимательские. И там одни и те же люди от имени предпринимателей говорят. Это не потому, что Агеев этого не хочет, а просто их объективно нет, хотя эта сфера должна развиваться обязательно. Это — гибкая система»⁶⁴.

В сфере социально-экономических отношений, в процессе формирования среднего слоя действие этнического фактора практически нейтрально. Об этом свидетельствуют результаты массовых опросов, проведенных в Татарстане в рамках нашего исследования в 1999 г. Как показали результаты экспертных интервью, этнический протекционизм характерен в большей мере для высших слоев административной элиты. На уровне экономической элиты степень его действия слабее. В средних и нижних слоях управленческой иерархии он может проявляться лишь в частных случаях.

Тем не менее на уровне массового сознания русской части населения республики представления о привилегированном положении титульной этнической группы остаются. Безусловно, на эти представления влияет преобладающее представительство татар во власти. С одной стороны, это результат выравнивания социально-профессиональной структуры у татар с русскими еще в советский период; с другой, как уже говорилось, результат советской политики «коренизации», которая впоследствии воспроизводится уже за счет внутренних ресурсов номенклатуры. Наконец, сложившийся принцип селекции в высшие эшелоны власти республики зеркально отражает принцип отбора в управленческие структуры федерального центра, где преобладают русские. Названный факт можно интерпретировать как защитную реакцию.

Наглядность диспропорции во властном представительстве двух этнических групп в Татарстане, ее публичный характер неизбежно выводят ее на идеологический уровень массового сознания. Тем более, когда этому способствует политическая конъюнктура. Так, в газете «Казанское время» читаем: «...не один раз я писал о неуклонном и методичном выдавливании русских не только из структур государственной власти и управления республики, но и вообще с каких-либо более или менее ответственных или привлекательных в служебном отноше-

---

⁶⁴ Из интервью с Л.В. Овсиенко.

нии постов. Приватных разговоров на эту тему всегда было много. Но общественной реакции на эту оскорбительную для русских и разлагающую татар политику не было»⁶⁵.

В печати такие высказывания подтверждаются данными социологических опросов. По итогам опроса «Что я думаю о правах человека в РТ», 38% респондентов считают, что в РТ есть национализм, не согласны с ними 32%, остальные затруднились ответить. Национализм, по мнению первых, выражается: в существовании ТОЦ (Татарского общественного центра), в проведении кадровой политики (трудовые назначения происходят по национальному признаку, первые лица в правоохранительных органах — татары и т.п.), в этнической монополизации власти, в прибавке к зарплате за знание татарского языка⁶⁶. И хотя выборку опроса (200 человек) нельзя в полной мере считать представительной, круг наиболее острых тем очерчен.

Интеграционный потенциал русской и татарской общин в республике во многом коррелирует с деятельностью властной элиты в социально-экономической и этнокультурной сферах. Практика показывает, что эти сферы имеют точки пересечения. Как уже говорилось, борьба за экономический суверенитет в начале 90-х была сопряжена с определенными ожиданиями, содержание которых определялось этнокультурной дифференциацией населения. По результатам опроса «НИК» в 1994 г., 43% татар понимали экономические аспекты суверенитета как необходимое условие для возрождения народа, его культуры и языка; для русских этнокультурный аспект был менее существенен — 19%. Русское население (также, впрочем, как и татары) связывало с суверенизацией реализацию социально-экономических интересов: рачительное использование ресурсов, развитие экономики и, как следствие, повышение благосостояния граждан республики. Исследование «НИК» и нынешнее наше исследование «СН» 1999 г. устойчиво фиксируют объединяющее представителей обеих общин доминирование региональных интересов: в 1999 г. 50% татар и 44,9% русских заявили о том, что землей и природными ресурсами Татарстана должна распоряжаться только республика (в 1994 г. — 62% татар и 40% русских). Близость интересов русских и татар в социально-экономической сфере, которую показали наши исследования, подтверждают данные опроса общественного мнения, проведенного Г.А. Исаевым (1999). Среди самых болезненных проблем повседневности и татары, и русские выделили: рост цен — 59,1 и 57,7% соответственно; неплатежи, задержка зарплаты — 49 и 46,2%; нехватка средств на приобретение продуктов питания — 42,6 и 37,5%; обнищание населения — 28,2 и 28%; рост безработицы — 21,7 и 18,8%.

⁶⁵ Казанское время. 2000. 12—18 окт.

⁶⁶ Опрос проводился в рамках проекта «Информационное пространство гражданского общества в РТ» в г. Казани во второй половине 1999 г. Комитетом по защите прав человек в РТ (см.: Новая Вечерка. 2000. Февраль).

Более высок уровень тревожности у татар, причем эту тенденцию фиксируют и наши исследования. В ответ на вопрос «Чего Вы больше всего боитесь?» 44,4% татар-сельчан и 31% татар-горожан назвали «бедность» и «нищету», среди русских-сельчан — 22% и русских горожан — 25, 3%. Пока этот факт интерпретировать сложно.

Восприятие новой экономической стратегии властной элиты массовым сознанием противоречиво. Данные нашего исследования показали, что сторонники продолжения рыночных реформ явно преобладают над теми, кто их активно не приемлет. Поскольку различия между этническими группами незначительны, приведем общие цифры: 46% «за» и 26% «против». В то же время результаты опроса продемонстрировали преобладание патерналистских установок (подробнее об этом см. разд. II, гл. 3).

Ориентированные на самостоятельный доход 24,5% горожан-татар и 22,9% горожан-русских — это как раз та часть населения, которая аккумулирует модернизационный потенциал общества. То, что он сегодня в Татарстане невелик, объясняется тем, что пока мало кто рассчитывает на поддержку государством своей деятельности в сфере предпринимательства. Законодательное поле этой сферы таково, что риски преобладают над выигрышем.

Еще один важный аспект — восприятие массовым сознанием класса предпринимателей. Вновь приведем для иллюстрации средние цифры, так как восприятие русских и татар практически совпадает. Очень нравятся предприниматели лишь 8,3% опрошенных, спокойное отношение продемонстрировали 33,8%, очень не нравятся предприниматели 19,7%. Характерно, что восприятие слоя чиновников значительно хуже: они очень не нравятся 36,9%, спокойно к ним относятся, здесь между татарами и русскими большой разрыв, — 31 и 12,4% соответственно, очень нравятся чиновники 2%.

Последние цифры красноречиво демонстрируют отношение массового сознания к управленческим структурам. Если же сопоставить восприятие и отношение к слою предпринимателей, с одной стороны, чиновников, а с другой — массовое восприятие их, то вырисовывается удручающая картина. Тот слой, который способен активно менять условия жизни и продвигать реформы, оказывается в положении социального аутсайдера. Неспособность и нежелание заниматься социальным творчеством, которое бы оздоравливало социальную сферу, объясняется в первую очередь несовершенством поля игры, правила которой должна подготовить власть.

Решение экономических проблем, рост числа эффективных собственников, активно действующих в экономической сфере, будет, на наш взгляд, способствовать и снятию этнического напряжения, которое имеет свойство быстро прогрессировать в условиях социально-экономического неравенства, когда увеличивающаяся поляризация социальных групп создает для этого благоприятную почву.

Глава 4

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА: ПРИМЕР ТАТАРСТАНА

Современная общественно-политическая и социально-экономическая ситуация в России, ее регионах породила множество проблем, на которые пытаются найти ответы специалисты самых разных научных направлений. Получила признание следующая точка зрения: развитие страны в сторону прогресса, модернизации экономики, демократизации общества будет настолько успешным, насколько культурные характеристики общества, в том числе структура доминирующих ценностей, ориентаций, соответствуют инновационным потребностям. В настоящей главе мы рассмотрим структуру ценностей, в первую очередь ценностей, связанных с трудом, их связь с социальными ориентациями на материалах этносоциологических исследований, проведенных в Республике Татарстан в 1994-м и 1999 гг. в рамках проектов «НИК» и «СН». Кроме того, используются данные исследований, проведенных в мае 1999 г. отделом социально-политического анализа и изучения общественного мнения при Госсовете РТ, а также Молодежного проекта «Современные этнокультурные процессы в молодежной среде Татарстана» (лето 1999 г., рук. Р.Н. Мусина).

При анализе материалов мы исходили из наиболее близкой нашим целям трактовки ценностей, данной К. Клакхоном в работе «Культура и поведение» (1962), где они определяются как «устойчивые во времени обобщенные абстрактные стандарты, определяющие, что является правильным и что должно быть свойственно людям того или иного общества»¹.

Ценности являются частью мировоззрения различных социальных общностей, в том числе и этнических. Одним из вопросов, которые нас интересовали в данном исследовании, исходя из конкретной ситуации в Татарстане, являлся следующий: каким образом соответствие или несоответствие терминальных ценностей двух основных этнических групп влияет на консолидацию или дезинтеграцию татарстанского общества. Следующая проблема, рассматриваемая нами, — как совмещаются в исследуемом регионе в условиях трансформации общества ценности западного мира, влияние которых ныне имеет глобальный

---

¹ Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества. М., 1994. С. 57.

характер, и собственные этнокультурные ценности, а также что является определяющим для современной ситуации.

Эту проблему можно сформулировать и таким образом: может ли культура этноса, и в первую очередь его менталитет, через свои ценностные установки, которые, как известно, не подвержены быстрому изменению, способствовать или препятствовать социально-экономическому развитию нашего общества, стимулировать модернизационные процессы? Одну из попыток ответить на этот вопрос предпринял Г.А. Гольц², но с позиций экономгеографа, основываясь в своем анализе на положениях, связанных с воздействием природно-климатического фактора на результаты традиционного сельскохозяйственного труда, а также фактора принадлежности главного объекта собственности в патриархальном обществе — земли — Богу и обществу в целом. Сравнивая западное общество с его культурой труда, где интенсивный труд, устойчивое благосостояние являются общественными идеалами, с традиционным обществом, где на передний план выходят моральные устои, устойчивость социально-психологических отношений, а экономические блага имеют минимальное значение (автор называет эти культуры денежной и надденежной), он приходит к выводу о необходимости создания не западной, а другой, компромиссной психологии экономики.

Мы попытаемся проанализировать развитие современной системы ценностей, связанной с социально-экономическими процессами, методами социологии.

В этносоциологических исследованиях, начатых еще в СССР, была предложена и затем использована во многих исследованиях унифицированная шкала жизненных ценностей (семья, интересная работа, материальный достаток, спокойная жизнь, творчество, уважение других и др.). Материалы исследований выявили различные типы ценностных ориентаций у разных народов СССР: русских, узбеков, молдаван, эстонцев, грузин; а также связь этих ценностей с социально-демографическими признаками и реальным поведением людей³.

Эта шкала жизненных ценностей была применена и в исследованиях, проведенных в Республике Татарстан по проекту «СН». Анализ полученных данных свидетельствует, во-первых, о близости ценностных ориентаций частной жизни у двух основных этнических групп в республике — русских и татар (табл. 1). Так, и у тех и у других, первое место среди жизненных ценностей занимает семья, второе — обеспеченность, достаток, третье — работа (1994) или уважение людей (1999), четвертое — уважение людей (1994) или работа (1999).

Психологи утверждают, что близость ценностей различных групп в обществе является фактором его консолидации.

---

² Гольц Г.А. Культура и экономика: поиски взаимосвязей // ОНС. 2000. № 1. С. 23—35.

³ Социально-культурный облик советских наций. М., 1986.

Таблица 1

Распределение ответов горожан Татарстана на вопрос «Что, по-вашему, означает хорошо жить, чувствовать себя счастливым» (1994-й и 1999 гг., % от ответивших)

Варианты ответов	1994 г.		1999 г.	
	Татары	Русские	Татары	Русские
Пользоваться уважением людей	41,2	42,3	61,4	66,6
Иметь интересную работу	50,4	50,4	52,8	52,1
Иметь хорошую семью	76,8	74,0	83,2	87,6
Иметь власть, положение в обществе	7,8	7,8	9,1	5,0
Жить обеспеченно, в достатке	63,6	67,3	70,2	73,1

Примечание: Сумма превышает 100%, так как один респондент мог выбрать несколько вариантов ответов.

Здесь же, с учетом допустимой погрешности в 4—5%, мы можем говорить практически о совпадении жизненных приоритетов этнических групп Татарстана, что является одной из основ для осознания себя единой общностью.

Анализ полученных данных в динамике показывает усиление значимости почти всех рассматриваемых ценностей, особенно ориентации на «уважение людей», что может быть связано с ростом значимости статусного положения в обществе, причем необязательно властного статуса (позиция «иметь власть» получила наименьшее число голосов, лишь в молодежной группе 18—19 лет этот ответ был выбран значительным числом респондентов — 33% татар, 14% русских).

Заметно возросла ценность «обеспеченности, достатка» и совсем незначительно — «работы». При интерпретации этих изменений, скорее всего, надо исходить из внешних факторов — специфики сложившейся социально-экономической ситуации. В Татарстане, в России в целом проблема безработицы стоит достаточно остро. Хотя численность зарегистрированных безработных в декабре 1999 г. составила 29 тыс. человек, ищущих работу в 6 раз больше, т.е. практически каждый десятый работоспособный в Татарстане не имеет устойчивого заработка⁴. Поэтому значительная часть людей ориентируется не на «хорошую, интересную работу», а на работу вообще.

Ценность «обеспеченности, достатка» в нынешних условиях имеет, на наш взгляд, смысл, отличный от данного понятия в западных обществах. В нашей действительности «достаток» имеет значение минимальной обеспеченности всем необходимым для выживания. Не случайно в исследовании по проекту «СН» эту жизненную ценность при

⁴ Республика Татарстан. 2000. 29 февр.

среднем показателе в 70% назвали у татар среди неквалифицированных рабочих — 92%, безработных — 79, домохозяек — 77, предпринимателей — 76%, у русских среди неквалифицированных рабочих — 83%, домохозяек — 85, пенсионеров — 80%.

Несмотря на признание за Татарстаном по рейтингу качества жизни пятого места среди российских регионов⁵, мы можем констатировать стремительное падение уровня жизни. Так, по ценам на середину февраля 2000 г., средняя зарплата должна была быть не меньше потребительского бюджета (в республике принят соответствующий закон), т.е. около 2 500 руб., равнялась же она 1 646 руб. При этом зарплата бюджетников составляла 62% от средней по Татарстану, не говоря уже о пенсиях для пенсионеров⁶. По данным исследований, проведенных отделом социально-политического анализа Госсовета, если в августе 1997 г. людей, ответивших, что их материальное положение стало хуже, было 13%, то в ноябре того же года их стало 33%, а в мае 1999 г. — 79,2%.

В системе жизненных ценностей современной молодежи, выросшей в условиях рыночных реформ, материальное благополучие приобрело значение приоритетной ценности. По материалам молодежного исследования, проведенного в республике в 1999 г., при ответах на вопрос «Что для Вас означает хорошо жить, чувствовать себя счастливым?» позиция «жить обеспеченно, в достатке» заняла первое место (50,2%) после такой базовой ценности, как «иметь хорошую семью» (69,3%), остальные позиции распределились следующим образом: «иметь интересную работу» — 45,4%; «пользоваться уважением людей» — 36,1%; «иметь широкий круг знакомых и друзей» — 25,0%, «иметь образование» — 21,7%. Судя по ответам, стремление к материальному достатку в достаточной степени подкрепляется желанием иметь интересную работу, которая, очевидно, должна сыграть инструментальную роль в достижении материальных благ.

Небольшая разница между позициями «материальный достаток» и «интересная работа», образовалась, во-первых, за счет сельской молодежи республики, во-вторых, в большей степени татарской молодежи. Для молодых людей русской национальности эти позиции практически равнозначны: «интересная работа» — 49,9%; «материальный достаток» — 49,1%

Что касается соотношения труда и оплаты, данные наших исследований показывают, что для населения Татарстана в большей степени характерна традиционно «советская» ориентация на стабильный заработок (57—58%) в меньшей мере — ориентированность на рыночные отношения, характеризующиеся готовностью к риску, мобильностью, самостоятельностью и ответственностью (табл. 2).

⁵ Республика Татарстан. 2000. 28 янв.

⁶ Республика Татарстан. 2000. 18 февр.

Однако исследование, проведенное в молодежной среде республики (вторая часть табл. 2), показывает, что доля приверженных традиционно «советским» ориентациям и доля ориентированных на инициативу и рыночную стратегию примерно равны. При этом, при близости ориентаций татар и русских горожан республики, среди молодежи заметна несколько большая приверженность к традиционным ориентациям у татар, а к рыночным ценностям у русских.

Важное место в структуре жизненных ценностей современного человека занимает образование. Зачастую от его уровня зависят и материальное положение, и статусные позиции. В традиционном татарском быту образование всегда высоко ценилось. По материалам переписей населения конца XIX — первой четверти XX вв., грамотность среди татар была наиболее высокой в России — грамотные на родном языке составляли более 80%. Причем здесь не было больших различий по признаку пола, более того, у татар существовала поговорка «Белемле кыз — бирнҗле кыз» (Образованная девушка — девушка с приданым). Однако получение специального образования, особенно высшего, было сопряжено для татар с большими трудностями. Так, среди выпускников Казанского государственного императорского университета татары составляли менее 1%.

В советский период ситуация изменилась коренным образом, однако дисбаланс в этнической структуре городского и сельского населения на фоне исключительно русскоязычного обучения в высших и средних специальных учебных заведениях predetermined диспропорции в структуре образования. Соотношение русских и татар среди студентов вузов в 60-е гг. выражалось пропорцией 2:1. В результате, по материалам переписи 1989 г., доля лиц с высшим (полным и неполным) и средним специальным образованием составляла 33,1% среди русского и 24% — среди татарского населения республики.

Таблица 2

**Распределение ответов горожан Татарстана на вопрос
«Какую работу Вы бы предпочли, если бы могли выбирать»
(% от опрошенных)**

Варианты ответов	Проект «СН»		Молодежный проект	
	Татары	Русские	Татары	Русские
Иметь пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне	57,5	58,1	43,4	34,7
Много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий таких заработков на будущее	13,3	12,9	24,5	32,2
Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск	11,2	10	21,1	23
Иметь твердый, пусть и небольшой заработок, но больше свободного времени, более легкую работу	12,4	14,7	4,1	3,8
Затрудняюсь ответить	5,6	4,3	7	6,3

В первые годы постсоветского периода, на начальном этапе кардинальных социально-экономических реформ, ценность образования несколько упала. Но постепенно пришло понимание необходимости хороших профессиональных знаний, которые могли бы обеспечить хорошей работой с высоким уровнем оплаты труда. Престиж высшего образования начал расти. Данные молодежного исследования показывают, что 94,9% опрошенных хотели бы, если бы была такая возможность, получить высшее образование. Показатели у русских и татар практически одинаковы, сравнительно более низкая ориентация на обучение в вузе у сельчан.

С реформированием системы образования в республике у татар появились новые возможности для дальнейшего обучения. Интересен факт, что доля выпускников татарских гимназий Казани, поступивших в вузы, выше средних показателей в целом по городу и составляет 81,5% в 1998/1999 учебном году.

Сейчас доля татар среди студенчества республики практически соответствует их доле в национальном составе всего населения — 51% обучающихся в вузах, русских — 42,7%. Причем 10—15 лет назад татары преобладали в вузах сельскохозяйственного профиля, а в технических заметно отставали. Сейчас ситуация выравнивается. К тому же во многих вузах часть предметов преподается на татарском языке.

Существуют заметные различия в социально-профессиональной структуре населения республики (подробнее об этом см. разд. I, гл. 2 и 3). У татар больше, чем у русских, лиц, занятых преимущественно физическим трудом, причем заметно отставание и по уровню квалификации. Среди специалистов — лиц, занятых преимущественно умственным трудом, их значительно, порой в 1,5—2 раза, меньше.

Следует отметить также особенности социальной мобильности татар, причем не только межпоколенной, но и внутривнутрипоколенной. Так, анализ биографий руководителей высшего звена (опрос 1990 г.) показал, что 26% русских начинали свою трудовую деятельность рабочими, среди татар доля таких достигала 40%. К тому же у татар выше доля лиц, которые вынуждены были работать до поступления в вузы и техникумы (соответственно в 1,5 и 3 раза).

Заметны этнические диспропорции и в сфере науки. По данным на 1987 г., татары и русские составляли 34,9 и 56,2% научных работников Татарстана, тогда как доля этих национальностей в составе занятого населения была соответственно 48,3 и 42,9%. Причем научные работники-татары преобладали в общественных и гуманитарных науках, в технических науках представительство татар и русских было приблизительно одинаковым. Значительно меньше было татар в естественных-научных отраслях⁷.

---

⁷ Современные межнациональные процессы в ТССР. Казань, 1991. С. 45—46.

В общественном сознании сложилось представление о традиционном разделении сфер трудовой деятельности между представителями различных национальностей. По ответам наших респондентов на вопрос «В каких видах деятельности в республике достигают больших успехов русские (татары)?», у русских и татар выявлены согласованные позиции по ряду сфер. Так, и те и другие считают сферы промышленности, образования, науки в основном «русскими», а торговлю, сельское хозяйство, в том числе животноводство, управленческую деятельность — «татарскими». Одинаковые шансы на успех имеют представители обеих национальностей, по их мнению, в здравоохранении и предпринимательстве. Конкуренция прослеживается в финансовой и юридической сферах: здесь более успешными русские считают татар, а татары — русских.

Но и в согласованных сферах деятельности возможна конкуренция. Особенно это касается сферы управления, где следует говорить не столько о большей успешности, сколько существовании больших шансов для татар.

Анализ состава политической элиты середины 90-х гг. в Татарстане, осуществленный М.Х. Фарукшиным, выявил преобладание в ней татар (77%), причем на 75% сельского происхождения. Среди представителей татарской политической элиты 42% имели сельскохозяйственное образование, 35,6 — гуманитарное (из них около 13% выпускники университета), 22,4% — техническое⁸.

В основном из лиц татарской национальности состоит и нынешний состав Госсовета (77% татар и 22% русских). Преобладают они также среди глав администраций городов и районов республики (80% татар и 19% русских).

Рассмотрим ситуацию, сложившуюся в сфере реальной трудовой занятости жителей республики, на основе данных проекта «СН». В основном они заняты в промышленности (26% татар и 34% русских), в сфере образования, здравоохранения (соответственно 24 и 21%), в строительстве (13 и 9%). По форме собственности предприятия и организации, в которых работают респонденты, это государственные предприятия (их назвали 55% татар и 49% русских); государственные акционерные общества (24 и 29%), частные предприятия (14 и 10%), частные акционерные предприятия (1,5 и 4,5%) и др. Около 14% (как татар, так и русских) являются владельцами и совладельцами предприятий, на которых работают. Не удовлетворены или не вполне удовлетворены сейчас своей работой 46% татар и 42% русских. При этом более 60% работающих горожан (61% татар и 63% русских) считают, что устроиться на такую работу, как у них, достаточно трудно, около 70% бес-

---

⁸ Фарукшин М.Х. Политическая элита в Татарстане. Вызовы времени и трудности адаптации // Полис. 1994. № 5—6.

покоит возможность потерять работу. Отметим, что беспокойство по этому поводу испытывают в большей степени русские: вариант «немного беспокоит» выбрали 22% татар и 24% русских, тогда как ответ «очень беспокоит» — 36% татар и 42% русских. Вероятно, расхождение ответов в этом случае связано с тем, что русские больше, чем татары, заняты в промышленности, в том числе на предприятиях военного промышленного комплекса, и им чаще приходилось и приходится сталкиваться с различными негативными явлениями (табл. 3).

Таблица 3

Негативные явления в сфере труда, отмеченные горожанами Татарстана
(% от опрошенных)

Виды негативных явлений	Татары	Русские
Уменьшение зарплаты или часов работы не по собственному желанию	35,0	42,3
Вынужденный уход в неоплачиваемый отпуск	21,7	29,8
Несвоевременная выплата зарплаты	72,2	73,2

Примечание: Сумма превышает 100%, так как один респондент мог выбрать несколько вариантов ответов.

Именно эти негативные явления наряду с низкой заработной платой определяют тяжелое материальное положение людей (табл. 4).

Таблица 4

Оценка своего материального положения горожанами Татарстана
(% от ответивших)

Варианты оценки	Татары	Русские
Денег не хватает даже на еду, приходится постоянно брать в долг	12,3	15,6
Денег хватает только на еду	37,3	47,6
Можно купить кое-что из необходимых вещей	30,2	24,4
Денег хватает, но покупка дорогих вещей вызывает затруднения	20,2	12,4

Тем не менее основная часть опрошенных не готова к активным действиям для улучшения своего материального положения, например принять участие в каких-либо выступлениях, забастовках, митингах и т.п. Лишь 14% татар и 16% русских выразили такую готовность и около 20% (21% татар и 20% русских) заявили, что «это зависит от обстоятельств». Обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на все вышеизложенное, около половины опрошенных (46% как татар, так и русских), отвечая на вопрос об отношении к рыночным реформам, считают, что их нужно продолжить, и лишь около четверти респондентов (28% татар и 26% русских) — сторонники их прекращения. Более всего сторонников продолжения курса экономических реформ

у русских и татар среди предпринимателей, руководителей, квалифицированных рабочих, учащихся и домохозяек.

По данным наших исследований, свою жизненную ситуацию люди чаще оценивают без крайнего пессимизма (табл. 5), а если сравнить данные опросов 1994-го и 1999 гг., то можно заметить небольшое увеличение сторонников осторожного оптимизма — «все не так плохо и можно жить».

Таблица 5

**Общая оценка жизненной ситуации горожанами Татарстана
(1994-й и 1999 гг., % от ответивших)**

Варианты оценки	1994 г.		1999 г.	
	Татары	Русские	Татары	Русские
Все не так плохо и можно жить	22,5	16,9	24,8	21,5
Жить трудно, но можно терпеть	56,1	56,7	59,9	53,2
Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	16,3	22,8	15,3	25,3

Что же подпитывает их осторожный оптимизм, придает им чувство уверенности в завтрашнем дне? Рассмотрим ответы опрошенных в табл. 6.

Таблица 6

**Основания для уверенности в завтрашнем дне, отмеченные горожанами
Татарстана
(1994-й и 1999 гг., % от ответивших)**

Основания для уверенности в завтрашнем дне	1994 г.		1999 г.	
	Татары	Русские	Татары	Русские
Собственность, капитал	6,2	7,7	32,1	34,3
Способность зарабатывать, профессия	24,4	25,7	51,3	49,8
Пост, должность, связи по положению	5,6	1,1	24,8	22,9
Поддержка семьи, родственников, друзей	40,7	25,4	77,1	68,0
Надежда на поддержку со стороны государства	6,7	8,6	20,4	14,7
Мой собственный оптимизм	20,8	22,3	64,6	59,8
Ничто не дает	17,7	8,9	9,1	11,1

Примечание: Сумма превышает 100%, так как один респондент мог выбрать несколько вариантов ответов.

В первую очередь — социальные связи, поддержка семьи, родственников, друзей и собственный психологический настрой, затем факторы, связанные с трудом, — способность заработать, профессия, на третьем месте — собственность, капитал, на четвертом — пост, дол-

жность, связи по положению. Надежда на поддержку со стороны государства — на последнем месте.

Заметим, что распределение ответов татар и русских довольно сходное, и это является еще одним подтверждением их социально-психологической близости. Лишь несколько больше выражена ориентация татар на поддержку семьи, родственников, друзей (разница около 10%), а также на поддержку со стороны государства (разница около 5%).

В целом наше исследование показывает, что структура этнокультурных ценностей современного общества находится в некоем переходном состоянии. Достаточно сильны традиционалистские ценности, в первую очередь семейно-родственные связи. Одновременно получают признание жизненные ценности западного мира.

Необходимо отметить нетождественность отдельных понятий, ценностных представлений, распространенных в западных обществах и в исследуемом регионе. Так, «обеспеченность, достаток», особенно для представителей старшего поколения, в нашей действительности имеет значение минимальной обеспеченности необходимым для выживания (не случайно чаще это упоминалось безработными, неквалифицированными рабочими, пенсионерами). Неадекватны также и представления о «среднем классе»: в нашем исследовании таким образом самоопределялись люди, стоящие на самых разных ступенях шкалы богатства, престижности, власти, в том числе и самых низших. В отличие от западного мира в понятии «работа, труд» пока превалирует «советская» ориентация на небольшой, но стабильный заработок (57—58%), в меньшей степени — ориентированность на рыночные отношения, характеризующиеся готовностью к риску, мобильностью, самостоятельностью и ответственностью. Но в перспективе, как показывают данные по молодежным группам, возможен переход к новым трудовым стратегиям, в большей степени соответствующим требованиям времени. Представители этой категории чаще ориентированы на западные нормы трудовой стратегии и на профессии, соответствующие этим нормам (финансово-экономическая сфера, юриспруденция). Предпринимательство менее привлекательно для молодежи в силу отсутствия выгодной для среднего и мелкого бизнеса законодательной базы. Причем вопреки сложившимся представлениям среди русской молодежи выразили желание работать в этой сфере вдвое больше респондентов, чем среди татар (8,6 и 4,3%).

***

Говоря о перспективах развития татарстанского сообщества можно, с одной стороны, прогнозировать его дальнейшую консолидированность. Базой консолидации является практическое совпадение многих жизненных ценностей основных этнических групп Татарстана, доминирование у них представлений о психологической близости.

Одновременно есть основания и для дезинтеграционных процессов: изменение привычного социально-ролевого расклада в республике, существующий дисбаланс этнического представительства в руководящих органах республики в пользу татар, а также более выгодные для татар современные тенденции демографических процессов (у татар большая рождаемость, меньшая смертность, наличие значительного миграционного притока татар и оттока русских, причем и в том и в другом случае социально более продвинутых).

Все эти факторы необходимо учитывать в политике как республиканских, так и федеральных властей.

Глава 5

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ РУССКИХ И ТАТАР В ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

Оренбуржье является многонациональным регионом России, который по природным ресурсам близок к соседним Башкортостану и Татарстану. Оно имеет богатую этнополитическую историю. Этнонациональные и этноконфессиональные отношения здесь исторически тесно переплетены. Этой области свойственны наиболее типичные особенности приграничного региона постсоветской России. Работа в рамках исследовательского проекта «СН» позволила нам выявить характерные тенденции изменений в социальной стратификации и межнациональных отношений наиболее многочисленных этнических групп, проживающих в Оренбургской области (русских — 72% и татар — 7%). В отличие от этнополитической ситуации в Татарстане или Башкортостане русские здесь доминирующая общность, татары — в меньшинстве.

В концептуальную схему исследования вписывался блок проблем, характеризующих социальное самочувствие. Для социального самочувствия большую роль играет, как известно, даже не само социальное положение человека, а его представление о своем статусе. По данным исследования, 62% русских и 60% татар по положению и доходам относят себя к условно названному низшим классу и 28% русских и 33% татар относят себя к среднему слою по положению и доходам.

Социальное самочувствие русских и татар диагностировалось в исследовании по ряду критериев:

- удовлетворенность жизнью;
- удовлетворенность в трудовой сфере;
- успешность деятельности этнической группы в различных видах деловой активности;
- ближайшие жизненные перспективы, в том числе в отношении доступа к власти.

Отметим прежде всего, что, хотя степень удовлетворенности опрошенных как своей жизнью в целом, так и отдельными характеристиками складывающейся жизненной ситуации несколько разнится по районам области в представлениях и русских, и татар, тем не менее она везде достаточно низка. Давая оценку своим доходам, лишь около 12% русских и татар ответили, что денег достаточно, хотя покупать дорогие вещи все-таки затруднительно (табл. 1).

Учитывая ошибку выборки, мы видим, что в оценке материального положения различий у этнических групп практически нет. Русские лишь чуть ниже оценивают возможность необходимых приобретений.

Таблица 1

Оценка своего материального положения горожанами Оренбургской области
(% от ответивших)

Варианты оценки	Русские	Татары
Денег не хватает даже еду, приходится постоянно брать в долг	21,2	15,9
Хватает только на еду	36,6	36,5
Можно купить кое-что из необходимых вещей	30,5	35,8
Денег хватает, но покупка дорогих вещей вызывает затруднение	11,7	11,8

Причем женщины, как русские, так и татарки, более остро ощущают сложности своего материального положения.

Ситуация с материальной обеспеченностью определяется самими опрошенными как мало меняющаяся. Абсолютное большинство как русских, так и татар ответили, что улучшения материального положения своей семьи в ближайшее время не ожидают. Отсюда и оценки изменений в жизни (табл. 2).

Таблица 2

Оценка изменений в жизни горожанами Оренбургской области
(% от опрошенных)

Варианты оценки	Русские	Татары
Становится лучше	5,7	7,0
В чем-то лучше, в чем-то хуже	30,2	32,6
Становится хуже	52,7	49,5

Татары несколько оптимистичней в оценке изменения жизни, нежели русские. Пессимизм русских в оценке жизненной ситуации проявляется еще очевиднее при оценке жизненной ситуации в целом (табл. 3).

Таблица 3

Общая оценка жизненной ситуации горожанами Оренбургской области
(% от ответивших)

Варианты оценки	Русские	Татары
Все не так плохо и можно жить	14,7	11,2
Жить трудно, но можно терпеть	45,6	61,2
Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	39,7	27,6

Как видим, ощущающих свою жизнь как предел возможного среди русских больше — почти 40%, среди татар доля людей с подобными настроениями не превышает 30% и меньше, чем в среднем по массиву.

В соответствии с оценками социального самочувствия весь массив опрошенных можно разделить на три группы. Для первой группы характерно явно негативное и депрессивное социальное самочувствие, что выражается в преобладании отрицательных оценок материального положения и явном пессимизме в оценках жизненной ситуации. Эта группа составляет примерно 14% среди русских и 16% среди татар, т.е. их практически поровну.

Социальное самочувствие другой, самой большой по численности группы минимально удовлетворительное. Для нее характерны удовлетворительные оценки жизни в целом, а негативные оценки преобладают в сфере материального положения. Свои перспективы эта группа респондентов оценивает как более-менее стабильные, не ожидая каких-либо значительных изменений. Она составляет 35% среди русских и 38% у татар — тоже практически поровну. Эта группа психологически более адаптирована к условиям социального кризиса, чем предыдущая.

Третью группу составляют респонденты, социальное самочувствие которых можно назвать хорошим. Эти люди положительно оценивают свою жизнь в целом, ожидают либо улучшения своей жизни, либо стабильности в перспективе. Группа составляет примерно 8% среди русских и 10% среди татар.

Анализ факторов, лежащих в основе социального самочувствия, показал, что чаще всего ключевой в этом смысле является оценка материального положения.

Итак, если в общем самочувствии у русских и татар совершенно очевидно доминирует сходство, то в настроениях у русских явно больше пессимизма. У нас была возможность рассмотреть, не связаны ли такие настроения с какими-то различиями в жизненных ценностях (табл. 4)

Таблица 4

**Распределение ответов горожан Оренбургской области
на вопрос «Что для Вас значит “хорошо жить”?»
(% от ответивших)**

Варианты ответов	Русские	Татары
Пользоваться уважением людей	55	59,4
Иметь хорошую, интересную работу	55	54,6
Иметь хорошую семью	80,2	78,9
Иметь власть, положение в обществе	11,9	10,5
Жить обеспеченно, в достатке	70,4	68,0

Примечание: Сумма превышает 100%, так как один респондент мог выбрать несколько вариантов ответов.

Иерархия ценностей у русских и татар, как видим, одинакова: Первое место — иметь хорошую семью; второе место — жить обеспеченно, в достатке; третье — пользоваться уважением людей; четвертое — иметь хорошую, интересную работу.

Очевидно, что работа и достаток являются высокоценными в обеих этнических группах. А вот что касается удовлетворенности работой, то у русских она немного меньше (табл. 5).

Таблица 5

Удовлетворенность работой у горожан Оренбургской области
(% от ответивших)

Степень удовлетворенности	Русские	Татары
Удовлетворен	31,3	37,4
Не вполне удовлетворен	52,4	49,0
Не удовлетворен	16,3	13,5

Значительное число как русских, так и татар считают, что устроиться на такую работу, как у них, сегодня довольно трудно, но татары в доминирующей русской среде ощущают большую конкурентность (табл. 6).

Таблица 6

Распределение ответов горожан Оренбургской области на вопрос
«Легко ли устроиться на такую работу, как у Вас?»
(% от ответивших)

Варианты ответов	Русские	Татары
Легко	6,1	5,8
Пожалуй, можно устроиться	40,7	29,0
Устроиться трудно	53,2	65,2

Тем не менее как среди русских, так и среди татар более половины опрошенных испытывают тревожность по поводу возможности потратить работу.

Русские чаще (51,1% против 32,4% у татар) ощущают, что их положение на работе за последние 5 лет ухудшилось. Возможно, это было связано с тем, что почти трети русских (так же как и татарам) работа доставляла удовольствие, а заняты они были чаще всего в тех отраслях, которые испытывали значительные трудности в последнее десятилетие (добывающие отрасли, машиностроение, металлообработка).

Вместе с девальвацией ряда ценностей прошлой жизни труд перестал быть «делом чести, доблести и геройства». Возможно, русские переживали это острее. Татары же в Оренбуржье были больше заняты в сфере торговли, обслуживания, которые перестраивались быстрее и легче.

Рыночные реформы принесли с собой возможность выбора. Это, пожалуй, одно из серьезнейших завоеваний перестроечного периода. Все дело было в том, кто и как готов был этим воспользоваться.

Около 70% и русских, и татар в этом отношении преуспели. На вопрос «Была ли у Вас дополнительная работа или занятие, приносящее дополнительный доход за последние полгода?» они ответили, что такая работа у них была.

Поиск работы, приносящей дополнительный доход, можно считать одной из стратегий выживания в нынешних условиях, и, как видим, русские и татары плодотворно используют эту возможность. Готовность иметь собственное дело, готовность к риску ради более высокооплачиваемой работы и в той и в другой общности практически одинакова (об этом см. подробнее разд. II, гл. 3).

Но в чем-то потенциал у татар несколько выше, чем у русских: в готовности повышать квалификацию, изменить профессию, сменить работу (табл. 7). Именно этим определяется потенциал напряженности — менталитетом человека, воспитанного в системе определенных идеологических постулатов и стереотипов. Низкий уровень жизни и ограниченные возможности получения дополнительных доходов характерны для довольно большой части опрошенных. Респондентам для ответа на вопрос, какие именно усилия они готовы предпринять, чтобы улучшить свое положение, был предложен список из девяти вариантов.

Таблица 7

**Готовность горожан Оренбургской области к действиям
для улучшения материального положения
(% от ответивших)**

Варианты возможных действий	Русские	Татары
Повысить свою квалификацию	48,0	58,7
Изменить профессию	20,1	19,1
Искать новую работу с более высокой оплатой	49,5	43,9
Найти подработку, вторую работу	47,5	48,6
Начать свое дело	18,7	20,9
Поменять место жительства, уехать в другую область, республику РФ	11,8	9,9
Наладить связи с нужными людьми	46,5	50,3
Уехать за границу	20,5	11,6
Ничего предпринять не готов	24,6	30,3

Примечание: Сумма превышает 100%, так как один респондент мог выбрать несколько вариантов ответов.

Хотелось бы обратить внимание, что лишь по двум позициям статистически значимо различаются ответы русских и татар: русские

менее склонны повышать свою квалификацию, а татары — выехать за границу. Ничего не готовы предпринять для улучшения своего положения 24,6% русских и 30,3% татар. Это, видимо, те, кто надеется на государство, считая, что оно должно оставаться гарантом социальной защищенности личности, обеспечивая прожиточный минимум, оказывая необходимую помощь, или те, кто нуждается в помощи либо разуверился во всем.

У нас была возможность проверить, не связано ли общее самочувствие русских, их извечный пессимизм с оценкой самых общих перемен в стране.

Интересно проанализировать такой интегральный показатель отношения к переменам, как суждения о необходимости продолжения или прекращения экономических реформ. Отношение к рыночным реформам фиксировалось с помощью ответов на вопрос «Как Вы считаете, надо ли сейчас продолжать рыночные реформы или следует их прекратить?» (табл. 8)

Таблица 8

Отношение горожан Оренбургской области к рыночным реформам
(% от опрошенных)

Отношение к реформам	Русские	Татары
Нужно продолжать	41,4	46,0
Следует прекратить	26,2	29,7
Затруднились ответить	32,4	24,3

Как и в других исследованных регионах, большинство русских и татар Оренбуржья за продолжение реформ, хотя у русских наблюдаются большие колебания, неопределенность в ответах на этот вопрос, т.е. некоторая степень недоверия к реформам.

Именно одинаковость условий повседневной жизни, согласованность реакций на текущие жизненные проблемы, сходство в оценках перспектив лежит в основе общей положительной оценки межэтнических отношений в области. Причем этническое меньшинство в области — татары — оценивают их даже лучше русских (табл. 9).

Таблица 9

Оценка горожанами Оренбургской области межнациональных отношений
(% от ответивших)

Варианты оценки	Русские	Татары
Спокойные	70,0	82,2
Внешне спокойные, но внутренне напряженные	28,8	16,8
Напряженные	1,2	1,0

Наблюдается достаточно существенное расхождение в доле русских и татар, оценивших межнациональные отношения в области как спокойные или внутренне напряженные (12 пунктов и в первом, и во втором варианте). Русские в целом воспринимают межнациональные отношения как более напряженные. Возможно, это связано с последствиями распада Союза, с притоком в область мигрантов из сопредельных государств, а возможно, это проекция ухудшения экономического положения, относительной депривации.

Видимо, оценки русских чаще связаны не с их конкретными жизненными ситуациями, а с обеспокоенностью статусом группы вообще. Это подтверждается данными опроса о представлениях об успешности этнических групп — русских и татар в различных сферах деятельности, т.е. о неких этноэкономических авто- и гетеростереотипах. Как следует из этих данных, авто- и гетеростереотипы татар практически полностью согласованны. Иначе говоря, и русские, и татары согласны относительно тех экономических ниш, в которых наиболее успешны татары. Это — торговля, предпринимательство и сельское хозяйство. В то же время авто- и гетеростереотипы русских имеют несколько противоречивых позиций: русские переоценивают (по сравнению с татарами) свое участие в торговле и недооценивают — в сельском хозяйстве и управлении. Вероятно, несогласованность этих позиций и определяет несогласованность в оценке межнациональных отношений.

В связи с оценками успешности в различных видах деятельности приводим два свободных интервью, взятых у русской Марины Афанасьевой и татарки Венеры Мусиной.

Марина Афанасьева, 37 лет, владеет магазином «Морава». В 1986 г. окончила институт по специальности «журналистика». Жила с мужем (военным) в Чехии. Вернувшись в 1992 г., открыла фирму «Валерия». Брала ссуду. В 1993 г. ощутила на себе первый кризис. Были трудности и в 1995 г. Сейчас ведет магазин по продаже изделий фирмы «Bohemia» — посуда, люстры, фарфор, фаянс. Закупает товары в Чехии, непосредственно у производителей. После 17 августа 1998 г. выстояла. Салон красиво оформлен и товары представлены по ее собственному выбору. Продает изделия по стоимости ниже, чем в Москве, потому и приезжающие сюда делают покупки. У Марины своя клиентура. Люди теперь, те, что со вкусом, часто небогатые. Покупают к праздникам, юбилеям «в складчину». Важно, что им хочется прийти сюда снова. Собирается открыть ресторан, возможно, магазин в Казани. Интересуется туристическим бизнесом. Общается с женщинами-предпринимателями, ходит в клуб «Деловых женщин». Муж работает вместе с ней, двоих детей помогает воспитывать мама. Старший сын (15 лет) уже сейчас думает о карьере бизнесмена, прикладывает немало усилий в учебе, изучает английский язык. Марина считает, что экономические знания сына, которые он хочет получить, пригодятся в деле.

«Все думают, что я богатая, но у меня все деньги в деле, даже в костюмах я не шикаю», — говорит Марина. Жизнь оценивает как интересную, без гарантий, но доставляющую удовольствие. Работа оценена, она была приглашена на выставку в Москву и там на разных презентациях представляла что-то из своих вещей. Смогла сплотить коллегтив, все в нем живут «одной семьей», за счет прибыли оплачивают проезд и питание на работе. Испытывают трудности в связи с высокой платой за аренду помещения. Внешне очень доброжелательная женщина, мягкая мимика, хорошая речь, манера общаться.

Венера Мусина — управляющий банка «Связь—Банк». Окончила экономический факультет Оренбургского сельскохозяйственного института в 1980 г. Работала экономистом в крупных сельхозобъединениях области. В 1991 г., когда начали организовываться коммерческие банки, ей показалось это интересным, и она не отказалась от приглашения на работу в банк «Агросоюз». В 1993 г., когда был организован филиал московского банка «Связь—Банк», перешла туда на работу экономистом и за полтора года «дослужилась» до управляющего банком. Работает 7 лет. Общая ситуация в стране вызывает у нее некоторую тревожность, но есть и уверенность в устойчивости отраслевого банка. Муж работает вместе с ней, занимается развитием банка, маркетингом. Интерес не ограничивается только банком. Создание клуба «Деловые женщины» — это ее инициатива. Себя считает успешной, но не очень обеспеченной женщиной, если исходить из европейских стандартов жизни. Даже когда появляются дополнительные средства, думает, что лучше потратить их на дело, чем на себя. Считает себя счастливым человеком, так как самореализовалась и ощущает профессиональную самодостаточность.

Как видим, в тяжелейших условиях неразвитости предпринимательства, лишь формирующегося среднего класса в сфере бизнеса есть позитивные примеры настойчивости, профессионализма, упорства и успеха. И в этом отношении представители обеих этнических групп проявляют достаточно деятельностный подход.

Но в чем же люди разных национальностей чувствуют равенство или неравенство? Мы выясняли, что же лично для респондентов важно в этих ощущениях. Как показало исследование, равенство всех перед законом одинаково важно для русских и татар и в рейтинге факторов занимает первое место. Однако следует отметить, что для татар в значимо большей степени, чем для русских, важны равенство всех религий перед законом, возможность работать на любой должности, независимо от национальности, и равное уважение к достоинству каждого народа.

Специфика реакций опрошенных на проблемы, вызывающие социальную напряженность, восприятие социальных проблем и социальное самочувствие, проявляются в отношении респондентов к власти (табл. 10).

Таблица 10

**Доверие горожан Оренбургской области к региональной
и центральной власти**
(% от опрошенных)

Какой власти больше доверяют	Русские	Татары
Власти в области	14,5	21,8
Общероссийской власти	2,9	4,5
И той и другой одинаково	7,9	5,9
Ни той ни другой	68,8	63,4
Затрудились ответить	5,9	4,5

Данные, приведенные в табл. 10, показывают, что областной власти больше доверяют татары, но подавляющее большинство горожан Оренбуржья, как татар, так и русских, вообще не доверяют никакой власти.

Между тем тяжесть каждодневных будней, очень медленный выход из кризисной ситуации 1998 г. не порождали в области отчетливо выраженной готовности к различным формам социального протеста. На момент опроса (июль 1999 г.) доля готовых принять участие в акциях протеста была невелика (табл. 11).

Таблица 11

**Готовность горожан Оренбургской области принять участие
в каких-либо акциях протеста**
(% от ответивших)

Варианты ответов	Русские	Татары
Да	14,4	21,3
Зависит от обстоятельств	34,6	33,5
Нет	51,0	45,2

Как видим, менее 1/4 русских и татар готовы к протестным акциям, правда, каждый третий готов участвовать в акциях в «зависимости от обстоятельств». И это еще один фактор, влияющий на социальное самочувствие респондентов. Возможно, это обусловлено тем, что у подавляющего большинства опрошенных в ряду социальных ситуаций, которых они более всего боятся, традиционно доминирует опасность войны (и другие ситуации, связанные с физической гибелью — преступность, экологические катастрофы), а страх перед нищетой и бедностью отодвинут на четвертое место (из шести возможных). В этом отношении нет сколько-нибудь заметных различий между татарами и русскими. Но важно отметить, что татары и русские статистически значимо различаются в своем отношении к войне и национальным конфликтам. По этим двум позициям доля татар, выразивших опасения, заметно выше доли русских, кроме того, среди массива опрошенных

татар наблюдается значимая степень корреляции между теми, кто опасается войны и национальных конфликтов. Надо полагать, что в сознании опрошенных татар это ситуации равнозначные. Возможно, такие опасения — одна из причин того, что татары завывают, по сравнению с русскими, оценку межнациональных отношений в области.

Между тем деятельностный потенциал у русских и татар в Оренбуржье достаточный для того, чтобы использовать его во благо себе и обществу. Многое в области будет зависеть от возможностей, которые сумеет создать администрация, и главным образом от того, насколько сумеют мобилизовать свои возможности сами участники трансформационного процесса.

В ходе работы над предыдущими проектами, в том числе по проекту «Этнические и административные границы: факторы стабильности и конфликтности», были взяты интервью у представителей элиты Оренбуржья. Тогда некоторые из наших респондентов связывали неблагополучие в области с неравным статусом субъектов Федерации. Теперь, после согласования законодательной базы и выравнивания условий налогообложения (проблемы бюджетного федерализма), прежние аргументы не работают. Результаты деятельности напрямую будут зависеть от социально-деятельностных усилий и граждан, и администрации области. Учитывая социальное самочувствие граждан области, администрация должна рассчитывать на свой потенциал. Одной из составляющих этого потенциала является использование практически равностатусного развития основных этнических общин в регионе, которое важно сохранить, подключая по возможности к такому типу взаимодействия и другие этнические группы.

Глава 6

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ КУЛЬТУРНОГО ФАКТОРА НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НЕРАВЕНСТВО В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИИ)

Большинство российских исследователей полагают, что Россия в процессе модернизационных реформ должна сохранить культурную, духовную самобытность населяющих ее народов. В этой связи важным представляется рассмотрение влияния культурного фактора на социально-экономическое неравенство, т.е. плюрализации форм жизнедеятельности этнических групп в республике, в которой идет быстрое сближение народов по уровню социального развития¹. В главе, кроме данных этносоциологического опроса в Саха (Якутии), собранных в 1999 г. по проекту «СН», использованы также статистические материалы Госкомстата РС(Я).

Якутский этнос как титульный относится к интегрированным этносам, имеющим этнокультурную целостность и стабильно высокий уровень этнического самосознания. Саха составляют преобладающую часть населения в улусах сельскохозяйственного направления, а в преимущественно промышленных улусах республики и в столице, г. Якутске, саха по-прежнему составляют меньше половины населения. Исторически сложилось так, что в городах и рабочих поселках живут в основном русские, украинцы, представители других национальностей (кроме народностей Севера). Такие особенности расселения основных этнических групп во многом определяют и характер социально-экономического неравенства, проявляющийся, в частности, в жилищных условиях.

Традиционная скотоводческая направленность хозяйства саха работала стационарные типы жилищ, приспособленные к климатическим условиям Саха (Якутии). Обычным жилищем был балаган, состоящий из одной камеры на одном уровне, а в зимнем варианте добавлялся хлев для скота². Начало трансформации жилища было положено в советский период; в настоящее время в селах в основном живут в так называемых «пятистенках» и «шестистенках» разной давности постройки. В связи с этим в выступлении Президента Саха (Якутии) в начале 90-х гг. отмечалось: «Возьмем сельское жилье. Прямо скажем, не выложились в работе творческие коллективы архитекторов и инженеров гражданского и промышленного строительства. Не видно перспектив-

---

¹ Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России / Авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробизева. М. 1998. С. 13.

² Зыков Ф.М. Поселения: жилища и хозяйственные постройки якутов. Новосибирск, 1986. С. 8—9.

ных проектов фермерских подворий, новаторских решений, позволяющих селянину, не выходя на холод, попасть к животным, задать им сена, приготовить корм, напоить, подоить коров и т.д.»³.

В последние годы возрастают масштабы строительства индивидуальных жилых домов, которое ведется во многом благодаря реализации постановления Правительства РС(Я) «О государственной национальной политике жилищного строительства в Республике Саха (Якутия)». В селах, как и в городах, среди саха, в основном предпринимателей, престижным становится строительство индивидуального благоустроенного жилья. Но в целом для большинства сельских поселений характерно отсутствие домов с полным инженерным благоустройством.

У саха, составляющих в таких старых городах, как Вилюйск, Олекминск, Среднеколымск, Верхоянск (в основном это центры сельскохозяйственных улусов), половину или более половины их населения, уклад жизни приближен к сельскому. А это значит, что они также живут в лишь частично благоустроенных или неблагоустроенных домах. В отличие от названных городов, в таких новых городах, как Мирный и Нерюнгри, промышленных центрах Якутии, где проживают в основном русские, хотя и имеются старые кварталы (так называемые районы временной застройки), сложился урбанизированный стиль жизни. Его утверждению способствует и начатая АК «АЛРОСА» реконструкция Мирного.

В столице республики Якутске — самом старом из крупных городов РФ, расположенных на вечной мерзлоте, первоначально застроенном деревянными домами, возведение благоустроенного каменного жилья началось в 50—60-е гг. К настоящему времени в таких домах разной этажности и комфортности живут уже более половины горожан. Тем не менее многие жители Якутска, в том числе и старожилы (среди которых есть как саха, так и русские), живут в деревянных неблагоустроенных или частично благоустроенных домах. Причем из-за такой геоэкологической проблемы как обводнение и подтопление городской территории деревянные конструкции не выдерживают срок службы, превращаясь в ветхое и аварийное жилье, с печным отоплением и совершенно жуткими условиями (иногда случается, что вода в доме стоит по колено). «Я всю зиму жила в воде...» — так, например, называется публикация в газете, озаглавленная словами одной из жительниц города, произнесенными на встрече горожан с начальником Управления муниципального жилья. «Живу в этой квартире с 1941 года. Вся юность здесь прошла, дети родились...», «Живем в воде, в семье 10 человек, есть маленькие дети...», «Моя бабушка получила дом в 1932 году, здесь родилась моя мама, теперь живем мы. Хотелось бы улучшить положение. Мы на очереди 28 лет, замучились с печкой» — и т.п.⁴.

³ Якутия. 1993. 29 мая.

⁴ Эхо столицы. 1999. 27 марта.

И без того непростая ситуация с обеспеченностью благоустроенным жильем в столице в последнее время еще более обостряется в связи с активизацией притока в нее мигрантов — сельских саха, вынужденных селиться в основном на неблагоустроенных окраинах частного сектора. В кризисных условиях социально-экономического неравенства находит выражение в том, что по соседству с неблагоустроенными домами возникают коттеджи, которые нередко, как утверждают правоохранительные и контролирующие органы, строятся для номенклатурной и научной элиты за счет налогоплательщиков⁵. С другой стороны, появляются и состоятельные люди, ориентирующиеся, независимо от национальности, на западные стандарты, стремящиеся, в частности, жить в так называемых элитарных квартирах. Отметим, что это происходит в условиях, когда по-прежнему остается сильной дифференциация и поляризация населения по жилищным условиям, так как ослаблены социальные гарантии в области обеспечения жильем низко- и среднедоходной части населения⁶. Так, по данным Управления социальных проблем г. Якутска на 15 февраля 1999 г., из 2 337 многодетных семей в Якутске малообеспеченные составляли 95,8%. Больше половины многодетных семей (59,4%) нуждаются в улучшении жилищных условий, проживая в частично благоустроенном жилье, аварийных домах, общежитиях и т.д. О национальном составе малообеспеченных семей можно судить по составу членов клуба «Многодетная семья» при Управлении социальных проблем города: русские семьи составляют 57,5%, а саха, которые по переписи 1989 г. составляли только четвертую часть населения Якутска, — 38,0%.

Как показывают данные нашего опроса, среди опрошенных якутов-горожан своими жилищными условиями удовлетворены 52,4%, среди сельчан — 54,1%; среди русских — соответственно 46,6 и 52,8%. На наш взгляд, большая доля неудовлетворенных своим жилищным положением среди русских объясняется их большей ориентированностью на урбанизированный, комфортный стиль жизни. Очевидно, что якутское население республики, в основном проживающее в сельской местности, находится в отношении благоустройства жилищ еще в более худших условиях. Но, как оказалось, более половины сельских респондентов саха вполне устраивает исторически сложившийся культурно-бытовой уклад их жизни с присущей ему некомфортабельностью. Здесь сказывается, видимо, и то, что для многих селян, как, впрочем, и горожан, становится привычным равнодушие к гигиеническим условиям и эстетике среды их обитания, характерное ранее для мигрантов, так называемых «временщиков», прибывавших в республику только на заработки.

⁵ Якутия. 1998. 19 дек.

⁶ Социальная защита населения в Республике Саха (Якутия) на современном этапе. Якутск, 1997. С. 15.

В современном обществе жилищные условия являются одной из важных предпосылок для создания семьи и ее устойчивости. В свою очередь, обращение к такой традиционной институциональной сфере, как семья, позволяет дополнить изучение факторов, влияющих на социально-экономическое неравенство этнических групп.

Как для саха, так и для русских становится характерным разнообразие типов семей. Наряду с традиционной, оформленной юридически малой семьей (одна брачная пара с детьми, нередко живущая с родителями или одним из них), удельный вес которой все более снижается, начинают распространяться такие формы совместной семейной жизни, при которых брак юридически не оформлен. Эти брачные партнеры могут иметь или не иметь детей. Данные за 1990, 1995, 1996—1998 гг. показывают сокращение числа зарегистрированных браков по улусам и городам республики⁷. Кроме того растет число неполных семей и одиночек. По переписи 1989 г., в браке состояли 55,3% саха и 72,8% русских, никогда не состояли в браке — соответственно 32,2 и 14,5%; вдовыми были — 8,8 и 5,1%; разведенными — 3,7 и 7,6%⁸.

Различия между этническими группами в республике проявляются в структуре семьи. Якутские семьи, в особенности сельские, нередко многолюдны, детей в них больше, чем у русских. Эта ситуация отчетливо просматривается на материалах нашего опроса, что подтверждает современное многообразие форм семейной жизни. Данные опроса о составе семьи респондентов (включая проживающих вместе и имеющих общие доходы и расходы) показывают, что у саха и русских как в городе, так и на селе преобладают семьи, состоящие из родителей и их детей. При этом среди опрошенных у русских семей, состоящих только из мужа и жены, оказалось в среднем более чем в два раза больше, чем у опрошенных саха. Напротив, семей, состоящих только из одной матери или отца, их детей и родителей, у опрошенных саха оказалось больше, чем у русских в три—четыре раза.

Такая характерная особенность якутских семей, особенно сельских, как их многолюдность, объясняется не только жилищными проблемами, характерными и для русских, но и традициями более тесных, чем у русских, родственных связей и взаимопомощи. Так, среди саха нередко семьи, где, кроме супругов и их детей, а также родителей, ввиду различных обстоятельств проживают неженатые братья и незамужние сестры либо другие родственники. Но в селах такие формы совместной жизни в похозяйственных книгах сельсоветов, как правило, не фиксируются, так как из-за различных субсидий взрослым детям выгоднее значиться в них отдельными хозяйствами. Наши данные позволяют выявить более реальную картину. Например, среди

⁷ Демографический ежегодник Республики Саха (Якутия). Якутск, 1999. С. 24.

⁸ Итоги Всесоюзной переписи населения на 12 января 1989 г. Число и состав семей в Якутской — Саха ССР. Якутск, 1990. С. 34—40.

сельского якутского населения домохозяйств, состоящих из двух и более семей, оказалось в три, а иногда и в четыре раза больше, чем среди городского якутского и русского населения. Обращает на себя внимание также и то, что число семей, состоящих только из мужа и жены, у опрошенных городских саха в два раза больше, чем у сельских. Очевидно, молодые горожане-саха, как и русские, вступив в брак, не спешат иметь детей. В целом же среди русских таких семей оказалось в два с лишним раза больше, чем у саха.

Несходство жизненных ориентаций у саха и русских проявляется в сравнительно более высоких репродуктивных установках саха, у которых традиционно ценилась многодетность. По данным 1989 г., средняя численность семьи у городского населения равна 3,7 человека, а на селе, где большинство составляют саха, — 4,1. О сравнительно высоких репродуктивных установках сельских саха говорят и данные 90-х гг. Так, наиболее высокий уровень рождаемости, превышающий среднереспубликанский показатель в 1,5—1,7 раза, сохраняется в сельских улусах, местах традиционного расселения саха. Самая низкая рождаемость отмечается в промышленных улусах, где в основном проживают русские⁹. Но и здесь, несмотря на различия, намечилось сближение в репродуктивном поведении якутских и русских женщин, особенно городских, а именно снижение рождаемости.

В отношении численного состава семей респондентов из данных опроса видно, что если у русских респондентов сравнительно больше семей, состоящих из одного, двух человек, то у саха, напротив, почти в два раза больше семей, состоящих из пяти, шести человек. Причем у сельских саха семей, насчитывающих пять и более человек, значительно больше, чем у городских саха. Как и следовало ожидать, семей, получающих государственные пособия на детей, среди опрошенных саха оказалось почти в два раза больше, чем среди русских (34,9% городских якутских респондентов, 50,5 — сельских саха, 19,6 — городских русских, 28,3% сельских русских). В тоже время как среди опрошенных саха, так и среди русских наибольший удельный вес у семей, состоящих из трех—четырех человек.

Констатируя, таким образом, что этническое своеобразие современной якутской семьи становится менее заметным, отметим, что это связано также и с изменением в положении якутской женщины. Как и русская, она нередко обладает такими социальными качествами, как высокий уровень образования, профессионализм, материальная самостоятельность. Немаловажно, работает ли только один из супругов или оба. В этой связи определенный интерес представляют ответы респондентов на вопрос «Если семья вполне материально обеспечена и не нуждается в заработке жены, то следует ли ей работать или достаточно

---

⁹ Информационная записка о демографической ситуации в РС(Я) Госкомстата РС(Я). Якутск, 1994.

заниматься только домашним хозяйством и детьми?» Среди респондентов больше (39%) оказалось тех, кто считает, что женщине лучше работать. Это вполне оправданно, так как в современных условиях прожить на доходы только одного работающего весьма затруднительно. Но то, что 28% респондентов предпочли видеть женщину только в роли домашней хозяйки и матери, а 26% целесообразность ее работы ставят в зависимость от характера труда и особенностей семьи, позволяет сделать вывод об ориентации большей части респондентов (54%) на традиционное представление о роли мужчины и женщины в обществе и семье.

Продолжающие сохраняться у саха ориентации на такие традиционные ценности, как многодетность семьи, во многом обуславливают не только этническое своеобразие, но и социально-экономическое неравенство. С увеличением семьи наблюдается снижение ее доходов, как в городской, так и в сельской местности. Среди многодетных семей, как уже отмечалось, значительную долю составляют низкодоходные семьи, с трудом обеспечивающие свое пропитание. Как считают в Клубе многодетных семей Якутска, средний доход на одного члена семьи их шести человек составляет треть и менее прожиточного минимума. Например, семейный бюджет якутской многодетной семьи сантехника и жены-пенсионерки, имеющих пять детей, равен 3327 руб., складывающимся из пособий на детей, одной стипендии, пенсии и зарплаты. После оплаты коммунальных услуг на питание остается только 1 711 руб. По признанию хозяйки дома, ежедневный рацион семьи состоит в основном из хлеба, банки тушенки, маргарина. Такой же традиционный и основной продукт питания северян, как мясо, семья употребляет не чаще двух раз в месяц, а молочные продукты не покупает вообще. В своей бедности эта семья мало чем отличается от других многодетных малообеспеченных семей, независимо от их национальности. Определенное разнообразие в рацион питания городского и сельского населения вносит личное подсобное хозяйство, а также грибы и ягоды, причем, сельские жители, как известно, находятся в этом отношении в более благоприятном положении. Например, жители села Ой Хангаласского улуса, где проводился данный опрос, несмотря не безработицу, задержки мизерной зарплаты, «не падают духом, делая ставку на развитие личных подсобных хозяйств. Каждая семья имеет по одной-две кобылы, две-три дойных коровы, поросят, кур, гусей, на приусадебных участках выращивают картофель и овощи... По самым скромным подсчетам, жителями наслега реализовано сельхозпродукции на 2 миллиона рублей... За лето население... выдает свыше 1000 тонн молока, и все оно, за редким исключением, уходит на собственное потребление...»¹⁰.

¹⁰ Наше время. 2000. 16 июля.

Отметим также, что в настоящее время для малообеспеченных городских семей саха традиционные виды питания являются уже роскошью. И если ранее в условиях Севера в роли адаптогенов выступали активные вещества растений, кумыса, кисломолочных продуктов, мяса, рыбы, то сейчас антистрессорами становятся алкоголь и табак.

О социальном расслоении семей в результате дифференциации доходов можно судить по тому, что для более половины опрошенных городских саха и русских, денег хватает только на продукты питания, бывает, что на их приобретение приходится одалживать деньги. Статистические материалы Госкомстата РС(Я) также подтверждают, что основная масса населения республики практически все полученные доходы тратит на текущее потребление, т.е. на покупку продуктов питания, оплату необходимых коммунальных и других услуг. Проведенное им статистическое обследование домашних хозяйств показывает, что в 1998 г. на продовольственные товары населением расходуется около половины семейного бюджета (51%). Более того, покупательная способность населения в 1998 г. снизилась по сравнению с предыдущим годом за счет большинства основных продуктов питания¹¹. При этом в Саха (Якутии) из-за ее климатических условий расходы на питание у населения были всегда выше, чем у жителей других регионов страны. На непродовольственные товары уходит обычно около трети семейного бюджета (29,3%), остальная часть — на оплату услуг и покупку алкогольных напитков, причем сельское население меньше расходует на оплату услуг — 8,7%, против 19,9% в городе¹². Необходимо учесть, что за пять лет (1994—1998 гг.) расходы на оплату жилья и коммунальных услуг выросли в Саха (Якутии) практически в 10 раз. А это не могло не привести к дальнейшему снижению жизненного уровня населения, так как в среднем ежегодно на оплату жилья и коммунальных услуг оно тратило сумму, приблизительно в шесть раз выше той, что была в 1994 г.

О дифференциации доходов можно судить по наличию в семьях предметов длительного пользования и недвижимости. Ответы респондентов на вопрос «Есть ли у Вас (Вашей семьи...)» (и далее перечисляются предметы длительного пользования, включая недвижимость) показывают, в частности, что среди сельских респондентов, как саха, так и русских, значительно меньше распространены такие престижные предметы, как музыкальный центр, микроволновая печь, компьютер. По другим показателям они отстают от горожан незначительно: подавляющее большинство как саха, так и русских имеют такие престижные предметы длительного пользования, как цветной телевизор,

---

¹¹ Потребительский рынок Республики Саха (Якутия) за 1998 год: Информационно-аналитическая записка Госкомитета по статистике РС(Я). Якутск, 1999.

¹² Там же.

видеомагнитофон, холодильник, стиральная машина. Можно предположить, что многое было куплено в период либерализации цен. Ставшие привычными в быту, они уже не выполняют, как было ранее, дифференцирующую функцию в отношении имущественного положения. При этом если у саха несколько больше телевизоров и видеомагнитофонов, то у русских — холодильников и стиральных машин. Это можно объяснить тем, что для саха, с их относительно замкнутым характером поселений, традиционно высокую ценность имели новости, а также возможность просмотра на якутском языке телепрограмм национальной вещательной компании и местных улусных телепередач. В то же время наличие холодильников в большинстве сельских якутских семей является показателем приобщения к урбанизованным стандартам жизни. В домашних усадьбах сельских семей, как правило, имеются погребки, устроенные прямо в жилищах, или специальные ледники для длительного хранения продуктов. Если отсутствие у большинства опрошенных микроволновой печи можно объяснить также ее неукорененностью в быту якутян, то отсутствие у них автомобилей, дач, загородных домов, коттеджей и компьютеров говорит, конечно, об их недоступности для многих опрошенных саха и русских.

Обращает на себя внимание то, что среди русских респондентов владельцев автомобилей, как новых, так и подержанных, несколько больше, чем среди саха. В то же время среди сельчан, саха и русских, покупателей подержанных машин оказалось в два раза больше, чем среди горожан. И хотя, как уже отмечалось, доля владельцев дач, загородных домов, коттеджей, компьютеров весьма незначительна как среди саха, так и русских, все же нельзя не заметить, что среди саха таких собственников несколько больше.

Вместе с тем, как показывают данные опроса, за последние пять лет якутские и русские респонденты приобрели: цветной телевизор — соответственно 44,0 и 38,5%, видеомагнитофон — 30,0 и 26,2%, музыкальный центр — 8,7 и 10,2%, холодильник — 21,7 и 13,7%, стиральную машину — 18,3 и 17,1%, компьютер — 8,1 и 6,2%, новый автомобиль — 8,6 и 4,7%, подержанный автомобиль — 12,9 и 16,7%, микроволновую печь — 6,2 и 8,4%, дачу (садовый домик) городские саха и русские — 10,8 и 6,1%, загородный дом (коттедж) — 1,9 и 0,7%.

Таким образом, хотя за последние пять лет у саха и русских в целом покупательная способность находилась на достаточно низком уровне, саха все же приобрели сравнительно больше дорогостоящих вещей домашнего обихода и недвижимости. В связи с этим можно было бы предположить, что якутские семьи в последние пять лет жили несколько обеспеченнее, чем русские. Но такой вывод в свете имеющихся данных о заработной плате в аграрном и промышленном секторах представляется не очень убедительным. К примеру, согласно статистическим данным, если в промышленности номинальная начисленная заработная плата одного работника составляла 3808,1 руб., то в сельском

хозяйстве — 1029 руб., т.е. меньше более чем в 3,5 раза¹³. Конечно, непосредственно в сельском хозяйстве заняты далеко не все селяне, но если учесть, что в целом в сельском и лесном хозяйствах, в социальной сфере заработная плата ниже среднереспубликанского уровня на 34—62%, то можно говорить о явном отставании селян по заработной плате от горожан. Причем это отставание не компенсируется за счет доходов от личных подсобных хозяйств, развития, так называемой семейной экономики на селе. Один из авторитетных специалистов в области селекции животных указывал: «Наши крестьяне взяли свои паи и, не долго думая, забили домашний скот. Мясо превратилось в автомобили, мотоциклы, мебель. В результате — сокращение поголовья всех видов скота на 30—50%. Якуты не могут жить без скотоводства. С полной откровенностью я говорю, что без коров и мы, якуты, исчезнем как этнос. Если труд, в частности сельское хозяйство, перестанет иметь значения, культура тоже теряется»¹⁴.

Относительно большая обеспеченность саха предметами длительного пользования, исключая автомобили, а также недвижимостью, отчасти связана с миграционной подвижностью русских. В настоящее время в связи с закрытием многих промышленных предприятий в республике, выравниваем оплаты труда с центральными районами России, снижением уровня жизни и т.д. увеличивается выезд русских, украинцев, белорусов и представителей других национальностей за пределы республики. Если 28% опрошенных русских-горожан готовы ради улучшения своего положения выехать за пределы своей республики и 9,6% — за границу, то у горожан-саха — соответственно 5,2 и 8,5%. Между тем интересно отметить, что с рождения в городе живут 30,1% русских респондентов, более 20 лет — 39, от 10 до 19 лет — 22,5%, а у саха соответственно 27,4, 17,9 и 17,5%. Эти данные позволяют утверждать, что многие русские респонденты, желающие выехать за пределы республики являются, по сути дела, ее старожилами. А саха же, напротив, мигрируя в город (за последние четыре года в город въехали 21,3% якутских респондентов) и оседая здесь, приобретают вещи домашнего обихода и недвижимость.

Справедливо полагая, что можно и нужно жить лучше, респонденты готовы предпринять для этого следующее: повысить свою квалификацию, профессиональную подготовку — 50,5% саха и 45,0% русских, изменить профессию, специальность — соответственно 25,3 и 23,4%, искать новую работу с более высокой оплатой — 43,0 и 40,3%, найти подработку, вторую работу — 40,5 и 30,5%, начать свое дело — 22,8 и 13,8%, наладить связи с нужными людьми — 41,1 и 33,9%. Очевидно, что по степени готовности к предложенным вариантам улучшения своего по-

¹³ Текущие материалы Госкомитета по статистике РС(Я).

¹⁴ Наше время. 1999. 12 марта.

ложения саха несколько опережают русских, что свидетельствует о довольно активном воздействии рыночных отношений на систему ценностных ориентаций саха. Отметим и тот факт, что, хотя саха уступают опрошенным русским по удельному весу предпринимателей, среди них почти в полтора раза больше желающих начать свое дело, а также то, что для саха значимей оказались и связи с нужными людьми.

Действительно, в новых условиях поправить свое материальное положение, изменить статус, опираясь при этом только на свои силы и способности, становится все труднее, особенно для саха, которые традиционно выживают благодаря ориентации на первичную группу, т.е. на семейно-родственные, а также земляческие, дружеские, соседские связи. Так, в центральной группе улусов, например Таттинском, идея развития семейной экономики реализуется через введение на ее территории самоуправления в форме микрорайонов: «Соседи объединились, наладилась взаимопомощь. Работа по микрорайону перевернула установившиеся были новые представления о соседстве. Не чужие друг другу люди, соседи. Якуты всегда в близких, почти родственных отношениях с соседями состояли, одними радостями и заботами жили. Поддерживали друг друга, одалживались, непременно делились мясом свежего убоа или охотничьей, рыбацкой добычей. Хорошая традиция сохранилась в основном на уровне родственных связей. А таттинцы взялись возродить ее в прежних масштабах»¹⁵.

Немаловажное значение для осмысления социально-экономической дифференциации этнических групп имеет и рассмотрение самооценок их жизни, тесно связанных с теми или иными ценностными ориентациями. Ответы на вопрос «Как Вы оцениваете свою собственную жизнь: становится ли она лучше или хуже с течением времени» распределились следующим образом: жизнь становится лучше — для 11,4% саха и 7,6% русских; в чем-то лучше, в чем-то хуже — соответственно для 50,4 и 39,5%; становится хуже — для 30,8 и 50,0%; не ответили — 7,4 и 2,9%. Среди русских респондентов, как видно, материально живущих в целом не хуже, чем саха, оказалось меньше тех, для кого жизнь становится лучше, и значительно больше тех, для кого она становится хуже. Здесь, видимо можно говорить о наличии у русских, как более высоких, чем у саха, материальных запросов и стандартов, так и о более низком, чем у саха, уровне социального оптимизма. Напомним в этой связи, что еще данные опроса 1997 г. по проекту «Этнические и административные границы: факторы стабильности и конфликтности» показали, что среди саха, в сравнении с русскими, в три раза больше тех, кто согласен иметь минимальный прожиточный минимум. Но это не говорит о том, что сельские саха, которых в целом можно отнести к социальным группам с низкими доходами, хотят существовать так и далее. На встречах с мини-

¹⁵ Якутия. 1999. 10 июня.

стром труда и соцзащиты сельские жители говорили о том, что век якутов сокращают трудные, особенно на селе, условия жизни. Слишком велика дифференциация в зарплате. Давно пора привести ее в соответствие с разумными нормами, сократить руководителям их запределенные доходы — сытый голодного не разумеет. Богатые строят себе коттеджи, а в каждом селе есть семьи, бедствующие в полной нищете. Доходы сельских жителей мизерные, значит, не смогут заработать и достаточно на достойную жизнь на пенсии¹⁶.

Борьба за выживание в условиях формирования рыночных отношений, как показывает жизненная практика, способствует активизации среди населения поиска дополнительных источников дохода для семьи, обогащая тем самым «жизненно-стилевой репертуар индивидуумов»¹⁷ независимо от их национальности. В последние годы и в Саха (Якутии), как отмечается в статистических документах, нередко, «ради того, чтобы обеспечить свою семью хотя бы необходимым, люди либо совмещают основную работу с дополнительной, либо вообще оставляют ее из-за хронических невыплат заработной платы»¹⁸. В той или иной степени это подтверждается ответами на вопрос о наличии у респондента за последние полгода дополнительной работы или занятия, приносящего дополнительный доход. Констатируя, что среди русских респондентов, и среди саха достаточно невысок удельный вес тех, у кого была дополнительная работа, заметим, что в целом у селян, как и ожидалось, было меньше возможностей получения дополнительного дохода за счет другой работы или занятия.

Наши материалы показывают, каким образом распределились важные источники доходов у отдельных этнических групп. Эти данные еще раз подтверждают, что за заработной платой продолжает сохраняться доминирующее положение. По статистике, в 1987—1990 гг. доля заработной платы в структуре доходов населения колебалась в пределах 84—85%, а в 1996 г. составила 63,9%. К концу 90-х гг. в структуре доходов семьи появляются доходы от предпринимательской деятельности, продажи валюты, ценных бумаг¹⁹. Материалы опроса подтверждают, что среди источников доходов семьи традиционная помощь родственников имеет для саха более существенное значение, чем для русских. Обращает на себя внимание и довольно большой удельный вес гуманитарной помощи, получаемой сельскими якутскими семьями, — в среднем в 6,5 раза больше, чем у городских якутских респондентов и русских. Речь идет о гуманитарной помощи в виде наборов питания, поступающей в республику от разных благотворительных

¹⁶ Якутия. 1998. 22 дек.

¹⁷ Ионин Л.Г. Социология культуры. М., 1998. С. 249.

¹⁸ Информационная записка. Денежные доходы и расходы населения РС(Я) в 1990—1998 годах. Якутск, 1999. С. 5.

¹⁹ Там же. С. 7.

зарубежных организаций и распределяемой в том числе и многодетным семьям, пенсионерам и инвалидам.

При всем том, что социально-экономическое положение населения выдвигает на первый план проблему преодоления бедности, большинство опрошенных саха и русских предпочитают иметь небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне, т.е. проявляют вполне понятное стремление к стабильности, а отчасти, видимо, так называемую «совковую» ментальность. Так, например, в Сунтарском улусе «о многом из того, чем сейчас обладают деревенские люди, и не мечталось в совхозные времена. Тем не менее взрослое население Эльгья (в прошлом орденоносный совхоз) почти поголовно тоскует по совхозному прошлому. И это вполне естественно. Советское хозяйство не очень щедро оплачивало услуги своих работников, но все же гарантировало им определенный минимум жизненных благ»²⁰. И таких людей — носителей пассивного консерватизма в республике предостаточно.

В то же время лица, желающие иметь собственное дело и много зарабатывать без гарантий, на свой страх и риск, составляют среди опрошенных русских пятую, а среди саха — четвертую часть.

На отношение к бедности и богатству по-своему влияют трудовые нравственные ценности, находящие отражение, в частности, в пословицах и поговорках. Анализ показывает, что в отношении к русским пословицам о богатстве и бедности между опрошенными саха и русским существуют достаточно выраженные различия. Особенно зримо это проявляется по отношению к пословице «Кто правдой живет, тот добро наживет». Свое согласие с ней выразила большая часть как городских, так и сельских саха. Причем у последних таких оказалось более четырех пятых, в то время как среди сельских русских в два раза меньше. У русских, напротив, с данной пословицей согласны меньше половины опрошенных.

С пословицей «От работы не будешь богат, а будешь горбат» согласна только треть опрошенных саха, у русских же таковых оказалось в два и более раза больше. Солидарность с пословицей «Богатство создается трудом людским» выразили почти четыре пятых русских респондентов, а среди саха — подавляющая часть опрошенных, демонстрируя тем самым веру в труд как способ достойной жизни и источник богатства.

Одной из форм проявления социально-экономического неравенства этнических групп в республике в последние годы становится образование. Его актуализация в этом плане связана как с широким спектром предложений в области образования, так и с тем, что образование является ведущим фактором, определяющим связь экономических позиций и ценностных ориентаций у якутов. Так, лиц с высшим и незаконченным высшим образованием среди саха в 2,5 раза больше, чем

²⁰ Якутия. 1998. 23 сент.

среди русских. Лиц же со средним специальным образованием больше оказалось среди русских. В целом образовательный уровень русских респондентов оказался ниже, чем у саха, что потенциально ставит саха в более благоприятное с точки зрения конкурентоспособности положение. Отметим, что тенденция к повышению образовательного уровня саха наметилась еще в 70—80-е гг. Данные переписей 1970 и 1989 гг. показывают, что за этот период численность лиц с высшим образованием среди саха выросла более чем в 4 раза, а среди русских — в 3,8 раза²¹. Наблюдавшийся в 90-е гг. еще более динамичный рост числа лиц с высшим образованием среди саха связан как с национальной политикой в области образования, так и с процессами этнокультурного возрождения народа саха.

При всем том, что сегодня престиж высшего образования в республике весьма высок, доля русских, поступающих в ведущий вуз республики — Якутский государственный университет, не только не растет, но и сокращается. Так, если в 1989—1993 гг. в Якутском университете из общего числа абитуриентов саха составляли 67%, русские — 21,1, представители других народностей Севера — 4,9, других национальностей — 4,9%, то в 1999 г. саха составляют уже 78,8%, русские — 11,6%²². На наш взгляд, такая ситуация объясняется не тем, что русские не ориентируются на получение высшего образования. В республике действуют более 10 филиалов центральных вузов, предлагающих широкий спектр образовательных услуг, гибко реагирующих на изменяющуюся конъюнктуру на рынке профессий. А так как и ранее Якутский госуниверситет не являлся для русских престижным учебным заведением и они стремились поступить в вузы центра и Сибири, то теперь у них появилась возможность учиться в них, не выезжая за пределы республики.

Примерно в такой же пропорции, как в Якутском госуниверситете, обучаются саха и русские по целевой программе в вузах РФ, ближнем и дальнем зарубежье, получая профессии, позволяющие в дальнейшем работать в управленческой, правовой и финансовой сферах. Уже в настоящее время в высших органах государственной власти доля саха превышает 50%, вызывая тем самым беспокойство у русского большинства населения, выступающего за необходимость соблюдения принципа национально-пропорционального представительства во властных структурах. По данным статистики, численность саха во властных структурах росла постепенно и постоянно. По состоянию на 1959 г. эт-

---

²¹ Итоги Всесоюзной переписи населения. 1970. 1973. Т. IV. С. 444; Итоги Всесоюзной переписи населения на 12 января 1989 года. Уровень образования Якутской — Саха ССР. Якутск, 1990. С. 34

²² Горохов С.Н. К вопросу организации учебного заведения народов Севера: Сб. научн. тр. Сер. Гуманитарные науки. Якутск, 1991. С. 106.

нический состав работников аппарата управления был следующим: русские составляли 63,8%, саха — 33,1%; в партийных и других общественных организациях русских было 57,9%, саха — 38,6%. По переписи 1970 г., среди руководителей органов государственного управления русские составляли 54,0%, саха — 44%²³. В 90-е гг. доля саха в правительстве достигла уже примерно 60%. Притязания русских на равенство представительства во властных структурах в настоящее время показывают остроту этносоциальной конкуренции, в том числе и в сфере публичной власти.

Определенное влияние на социально-экономическую дифференциацию этнических групп оказывает и современная языковая ситуация, сложившаяся в Саха (Якутии) в период утверждения ее суверенитета. В октябре 1992 г. был принят Закон об языках, придавший статус государственного, наряду с русским, и якутскому языку. Признание одновременно двух языков государственными является мерой, направленной на восстановление и расширение сферы влияния якутского языка. Вместе с тем, несмотря на предпринятые усилия, говорить о реальном функционировании якутского языка как государственного пока не приходится. Как и прежде, русские в республике в подавляющем большинстве не владеют якутским языком, как и часть горожан-саха, о чем свидетельствуют полученные нами данные. Активное использование во многих сферах жизни русского языка якутским населением приводит к тому, что наиболее распространенным типом двуязычия в республике по-прежнему является двуязычие саха.

Если ранее незнание языка титульной национальности не могло существенно повлиять на выбор профессии, трудоустройство, в том числе в органах власти, то в последнее годы такое незнание нередко становится немаловажным фактором также в судьбе русскоязычных лиц якутской национальности: «Я якутка. Я не говорю и не понимаю по-якутски... Меня не воспринимают серьезно, не доверяют какую-либо работу, некоторые просто игнорируют...», «Это мешает моей работе, учебе, личной жизни»²⁴ — такие признания и сегодня не редкость.

Это положение способствует и углублению социально-экономического неравенства среди основных этнических групп. Так, часть русского населения считает, что обязательное двуязычие может рассматриваться как проявление дискриминации, а в программе русской общины в республике утверждается, что ее представители намерены через судебные органы добиваться установления единого государственного языка и гражданства для всех граждан России, а при выборах Президента Саха (Якутии) выдвинуть кандидатом на этот пост представителя русскоязычного большинства²⁵.

²³ Текущий архив Госкомитета РС(Я) по статистике.

²⁴ Молодая пресса. 1999. 6 июля.

²⁵ Республика Саха. 1995. 10 июня.

Известно, что знание или употребление того или иного языка становится необходимостью, если вызвано реальными потребностями жизни. По нашим данным, в условиях современной языковой ситуации городские саха стали активнее обучать своих детей как на якутском (10,8%), так и одновременно на якутском и русском языках (15,5%). Что касается опрошенных русских, то их дети как в городе, так и на селе обучаются, за редким исключением, только на русском языке, что потенциально, при сохранении данной языковой политики, может привести к снижению их социальных возможностей. В то же время специалисты начинают во многом пересматривать концепцию «национальной школы» в пользу концепции поликультурного образования.

Как свидетельствуют реалии, законодательные акты не всегда способствуют оптимизации языковых процессов, а нарушение паритета языков может приводить к усилению этносоциального неравенства. К тому же в этносоциальной конкуренции участвуют также саха, не владеющие свободно языком своей национальности и солидаризирующиеся во многих ценностных и жизненных ориентациях с русским населением. В целом же нельзя не заметить, что после принятия Закона о статусе якутского языка двуязычные саха объективно оказались в социальном плане в более выгодном положении по сравнению с русскими, не владеющими якутским.

Обращает на себя внимание тот факт, что среди якутских респондентов больше руководителей предприятий, организаций, работников госаппарата, служащих. Это вполне подтверждает отмечаемую тенденцию к дальнейшей неокоренизации управленческой сферы и вытекающему отсюда социально-экономическому неравенству этнических групп. Последнее в той или иной мере подтверждается и данными самооценок респондентами их принадлежности к низшему, среднему и высшему слою; бедным или богатым, а также занимаемого ими престижного или непрестижного положения. Среди саха, считающих себя принадлежащими к среднему и высшему слоям, оказалось несколько больше, чем среди русских. У последних, напротив, несколько больше тех, кто отнес себя к низшему слою. Опрошенные саха реже относили себя к беднякам и чаще к богатым, чем русские. Наконец, среди опрошенных саха больше оказалось и поставивших себя на высшую по престижности ступень. В целом можно сделать вывод, с одной стороны, о растущей этносоциальной дифференциации между саха и русскими, с другой — о дифференциации как внутри городского и сельского населения, так и между ними.

* * *

Подводя итоги, можно отметить, что влияние культурных факторов на социально-экономическое неравенство этнических групп носит достаточно сложный характер. Так, наблюдается усиление значения такого социально дифференцирующего параметра, как жилищные условия. С появлением весьма немногочисленного слоя владельцев элитного жилья, построенного по западным стандартам, отечественные типовые дома для многих живущих в них горожан, как саха, так и русских, уже не кажутся достаточно комфортабельными. Жители таких домов нередко считают себя принадлежащими к бедному и низшему слою. Материалы показывают также, что важным дифференцирующим признаком является уже не само наличие той или иной вещи, недвижимости, как это было ранее, а ее знаковый характер. Сельские же саха, демонстрируя готовность к инновационному поведению, вместе с тем во многом остаются приверженными традиционным ценностям, что, в свою очередь, ведет к определенным последствиям социально дифференцирующего характера. Многодетность семьи в современных условиях часто приводит к ее бедности, невозможности дать детям качественное образование, что делает их потенциально менее конкурентоспособными по сравнению с детьми из более обеспеченных семей.

Таким образом, культурно-бытовые реалии становятся не только интеграционным фактором между русскими и саха, но и социально-стратификационным, что позволяет говорить об усилении плюрализации форм жизнедеятельности этнических групп в республике. В целом же проблема формирования как у саха, так и у других этнических групп разнообразия в способах адаптации к новым условиям — от существования, базирующегося на традиционных способах выживания, и до современных, модернизированных, основанных на новейших технологиях — продолжает оставаться весьма актуальной.

Раздел IV

Потенциал интеграции: возможности и препятствия

Глава 1

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В САХА (ЯКУТИИ): ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 90-х ГОДОВ XX ВЕКА

Изменения в политическом, экономическом и социальном измерениях не могли не повлиять на формирование новых явлений в общественном самосознании населения республик и не сказаться на повышении в жизни общества роли и неформального значения гражданской инициативы. В последнем отражались интеграционные процессы внутри социальных групп, опосредованные необходимостью защиты «цеховых» интересов в условиях перехода к рыночным отношениям. На передний план в иерархии таких идентичностей нередко выдвигались приоритеты этнической консолидации. Следует отметить, что наибольшего подъема состояние этнической мобилизации в начале XXI в. достигло в Саха (Якутии) в период проведения выборов Президента республики в 2001—2002 гг. При этом наблюдалась картина, когда именно этническая консолидация якутов проявилась в голосах избирателей сельскохозяйственных районов, отданных за кандидата от оппозиции Ф.Г. Тумусова. В то же время, избиратели-горожане и население так называемых «промышленных улусов», где преобладает русское население, проголосовали за В.А. Штырова. Мы имеем достаточно серьезные основания предполагать, что важнейшей причиной такого разделения стали различия в восприятии так называемого фактора «федерального влияния».

Как предпосылки, так и причины актуализации этих явлений достаточно широко освещены в специальной литературе, в том числе изданной в свое время по итогам предыдущих научно-исследовательских проектов (см. введение). Анализ всего комплекса интеграционных процессов, переживаемых отдельными этническими общностями, на региональном (республиканском) или общероссийском уровнях гражданской самоидентификации не является предметом рассмотрения в данной главе. Здесь будут затронуты некоторые из особенностей, относительно новых для рассматриваемой сферы общественных отношений в Республике Саха (Якутии).

Важнейшие выводы, сформулированные по итогам реализации указанных научных проектов, вошли в проблемное поле настоящего исследования. В частности, к таковым относятся: выявление возможностей интеграции в условиях социального неравенства; неравенство и социальная стратификация этнических групп как факторы, влияющие на интеграционные и дезинтеграционные процессы, происходя-

щие в обществе и государстве в условиях РФ; проблемы интеграции в условиях полиэтнического общества.

Рассмотрение интеграционных процессов, разворачивающихся в российском полиэтническом обществе, предполагает их анализ на уровнях складывания общероссийской идентичности; формирования региональных общностей (например, феномен социокультурной надэтнической общности якутян); явлений внутри- и межэтнической консолидации. Здесь большое значение имеет различие интеграционных и дезинтеграционных процессов, протекающих в Республике Саха (Якутия) и в других республиках Российской Федерации, на уровнях формирования как гражданской, так и межэтнической консолидации.

Одной из причин ощущения дискомфорта, возникшего у русского населения республики в середине 90-х годов в условиях «национально-культурного возрождения саха», явилась сложность его адаптации к реалиям изменений в социально-экономическом, политическом и социально-культурном развитии республики в этот период по сравнению с общественно-психологической обстановкой в 70-е и даже в 80-е гг. Эта сложность заключалась в невозможности для русских быстрого перехода от психологии «старшего брата» к новым условиям, определяемым реализацией государственного суверенитета РС(Я) и связанным с этим постепенным вытеснением русской компоненты из структуры приоритетов референтного ряда. Последнее не раз отмечалось Л.М. Дробижевой¹. Достаточно точная характеристика объяснения причин проявления подобного «дискомфорта» содержится в докладе Департамента политических проблем Фонда «Реформа», подготовленного группой под руководством А. Миграняна и опубликованного на страницах «Независимой газеты». В нем говорится: «Распад СССР поставил Россию и русских в уникальное положение. Впервые за последние триста лет они оказались в непривычном для себя статусе — неимперском. На повестку дня встала задача обретения новой идентичности России, национальной консолидации, утверждения нового места в мире»². Здесь речь идет о том, что, согласно мысли авторов доклада, «русское сознание исторически складывалось прежде всего как государственническое, при одновременной слабости и размытости этнического компонента. Такая специфика русской идентичности была следствием и одновременно важной предпосылкой формирования континентальной империи»³.

¹ Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 1996. С. 310.

² «Русский фактор» в российской политике. Патриотизм и эволюция постсоветской власти: Доклад Департамента политических проблем Фонда «Реформа» под рук. А. Миграняна, при участии А. Елыманова, А. Рябова, В. Соловья // НГ — сценарии. № 6. С. 16.

³ Там же.

Одно из наблюдений, сделанных в ходе исследований в Республике Саха (Якутии), было сформулировано следующим образом: у русских, проживающих в Саха (Якутии), среди этнополитических характеристик доминируют этнические. «Не гражданская, а именно этническая принадлежность выступает для них главной объединяющей категорией с русскими России»⁴. Также было замечено, что в сравнении групповых образов в связках категорий «русский — гражданин республики» и «национальность (титulyная) — гражданин России» у русских «оказалось больше психологических возможностей адаптации к республиканской гражданственности, чем у титульных народов к российской»⁵. Это неудивительно, поскольку в соотношении характеристик «большинство — меньшинство» исторически сложившееся в 60—70-е гг. численное превосходство русских в Саха (Якутии) обусловило возникновение у них очень важного ощущения принадлежности в единому большому целому, уверенности и защищенности. Что, в свою очередь, отразилось и в меньшей значимости этномобилизующих характеристик в общественном сознании русских Саха (Якутии), конечно же относительно показателей уровня их актуализации для титульного населения республики.

Интеграционные процессы, продолжившиеся в республике под воздействием перечисленных выше явлений и процессов, представляют большой интерес для исследователей особенностей формирования элементов гражданского общества и его институтов на постсоветском территориальном пространстве как Российской Федерации в целом, так и ее субъектов. Важную роль в их становлении играла такая традиционная, на наш взгляд, для России особенность формирования общественных институтов, как преобладание «государственнических» факторов интеграции над собственно этническими. Это выразилось в относительной слабости общественных (прежде всего, общественно-политических) институтов, стоящих на националистической платформе, по сравнению с объединениями, отражающими интересы профессиональных и иных (в том числе политических, но выражающих общие надэтнические интересы) групп.

В этом контексте достаточно четко обрисовал соответствующую характеристику российской государственности в своем прогностическом труде «Монархическая государственность», написанном в начале уходящего века, апологет самодержавия Л.А. Тихомиров: «Государство, созданное одной основной нацией, в свою очередь, становится могущественным орудием создания еще более великого национально-го целого, реализуя в этом процессе объединения созидательные спо-

---

⁴ Дробужева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма... С. 311.

⁵ Там же. С. 253.

собности как нации-основательницы, так и собранных ею около себя наций-сотрудниц»⁶.

Для понимания роли русского традиционализма в активизации интеграционных процессов в российском обществе постсоветского периода, немаловажно рассмотреть сравнительно-исторические особенности формирования отношений в системе координат «средний класс, его общественные институты с их общественной инициативой, с одной стороны и, государство, с другой». Так, на наш взгляд, эти отношения, определяемые понятиями «взаимоотношение» и «взаимозависимость», опосредуют собой темпы, характер и направленность современного общественного развития. Возможно, что формальным обоснованием такой роли диалектичности отношений «средний класс — государство» в проявлении демократических традиций европейских государств (как конституционных монархий, так и республик) может выступать соответствие исторических этапов генезиса среднего класса в Европе с этапами бурного развития ее традиционных институтов буржуазной демократии. Последнее отразилось в возрастании роли общественных институтов среднего класса и его общественных инициатив, призванных противостоять экспансионистским устремлениям государственного аппарата (бюрократии) и выполнять защитные функции по отношению к ним (от них). Ясно, что в данном допущении речь идет о бюрократии, выражавшей интересы монархических режимов тогдашнего европейского континента.

В России же именно слабость среднего класса в тот исторический период позволила сформироваться условиям, в которых относительный приоритет завоевал личностный фактор (вождизм). Одним из крайних проявлений этого феномена в условиях слабости власти, беспрецедентной по размерам территории, неразвитости традиций гражданского общества, преобладания аграрной экономики стало создание такого государства, как Советский Союз. В основу этого государства был положен принцип полиэтничности, когда формально русский его субъект (РСФСР) был представлен национально-территориальными автономиями народов России и русскими административно-территориальными регионами (краями и областями)⁷.

Исследования различных аспектов гражданской самоидентификации населения республики, выявлявшие степень, глубину и направленность ориентаций на преимущественно общероссийскую или преимущественно республиканскую идентичности, систематически проводятся в течение 90-х гг.

---

⁶ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1998. С. 614.

⁷ «Русский фактор» в российской политике. Патриотизм и эволюция постсоветской власти...

За несколько лет наблюдений накоплен опыт и сравнительные материалы, позволяющие проследить динамику изменений, происходящих в общественном сознании населения Республики Саха (Якутии), других республик и областей Российской Федерации, где проводились исследования.

Установлено, что в группах с близкими объективными показателями материальной обеспеченности в республиках у титульных национальностей оценки социальной и политической ситуации более оптимистичны, чем у русских. В программе проекта была сформулирована задача выяснить, что же может выступать причиной таких расхождений: различия в социально-статусных позициях контактирующих этнических групп или определенные изменения в формировании этнополитической ситуации в регионах?

Интересно, что в оценке состояния межнациональных отношений в республике и саха, и русские оказались солидарны.

Однако ситуация меняется, когда сравниваются показатели городской и сельской выборок. Так, доли считающих, что межнациональные отношения «спокойные» и «спокойные, но внутренняя напряженность существует», среди городских жителей, как русских, так и саха, одинаковы. В то же время лишь 27% селян в целом согласились со второй, более негативной оценкой отношений, а 64% признали их «спокойными». Большая зависимость оценки состояния межнациональных отношений от места проживания и образа жизни (городской, сельский), а не от этничности подтверждается и распределениями ответов на вопрос об изменениях в оценке состояния межнациональных отношений в республике за последние два года. Несмотря на то, что подавляющая часть и городских и сельских респондентов считает, что изменений не произошло, все же именно городские респонденты чаще оценивали их как ухудшившиеся, таких среди горожан в два с лишним раза больше, чем среди селян.

Сказанное выше подтверждает гипотезу о том, что фактором, определяющим оценку состояния межнациональных отношений, является общий фон нестабильности (отражение в общественном сознании и социальном самочувствии) социально-экономического положения многочисленных категорий населения республики, чей прожиточный уровень низок. Следует отметить, что к таковым относится прежде всего население сельскохозяйственных районов (здесь речь идет о жителях села в целом, без деления на этнические группы). Так, по данным Государственного комитета РС(Я) по статистике, за 1999 г. покупательная способность населения была наиболее высокой в Мирнинском улусе, городах Якутске и Нерюнгри (промышленные районы и административные центры республиканского значения с преимущественно русским по этническому составу населением), где доходы обеспечивали от двух до трех прожиточных минимумов в среднем. В большинстве же центральных и вилюйских улусов (сельскохозяйственные

районы с преобладающим расселением саха) доходы были значительно ниже прожиточного минимума, в среднем 50%⁸. При этом нужно иметь в виду, что по уровню оплаты труда, обеспеченности материальными благами (по критерию обладания престижными вещами) и доступом к удовлетворению социальных запросов сельское население более однородно, в то время как уровень стратификации по перечисленным признакам среди горожан очень высок.

В то же время в ходе анализа итогов проекта «СН» выявлено возрастание уровня внутриэтнической интеграции и значения этнической идентификации среди русского населения республики. Как отметила в своем выступлении на конференции «Этническая и социальная мобильность в республиках Российской Федерации», проходившей 31 марта — 1 апреля 2000 г. в Джорджтаунском университете (США) Л.М. Дробизева, доля респондентов с высоким уровнем этнической самоидентификации среди русских в Республике Саха (Якутии) возросла с 37% в 1994 г. до 58% в 1999-м. При этом среди респондентов-саха в указанных временных рамках он уже был традиционно высок и возрос не столь значительно (с 74 до 84%).

Традиционно высокий уровень этнической самоидентификации якутов подтверждается почти двойным преобладанием у них ответивших, что они «не забывают о своей национальной принадлежности». Среди русских же респондентов почти такое же преобладание тех, кто редко задумывается о своей национальности. Тенденции акцентирования собственной этнической идентичности были характерны в среднем для трети респондентов титульных национальностей и пятой части русских⁹.

Здесь показательны сравнения между уровнями удовлетворенности жизнью (доступ к власти, к материальным благам и пр.) сельских русских и сельских саха, для которых характерна большая удовлетворенность. К факторам, объясняющим такие различия, можно отнести наличие больших возможностей для саха, постоянно проживающих в сельской местности. Для русских же (кроме русских старожилов) значимы характеристики, обусловленные временностью их проживания в сельской местности и вытекающими отсюда меньшими возможностями. Следует отметить, что если для русских респондентов-селян «быть бедным» значит «не иметь еды», то для сельских саха «быть бедным» равнозначно утверждению «не иметь собственного дома». Опять же фактором, объясняющим эти различия, может выступать разная направленность ценностных ориентации. Так, если для патриархального уклада сельского быта саха безусловной ценностью является наличие собственного (индивидуального) дома и подсобного хозяйства,

---

⁸ Социально-экономическое положение Республики Саха (Якутия) в январе — декабре 1999 года: Сб. стат. мат. Информационно-аналитический обзор. Якутск, 2000. Т. 1. С. 159.

⁹ Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998. С. 111.

как основного подспорья в материальном обеспечении семьи, то для русских, проживающих на селе преимущественно в муниципальных квартирах и, соответственно, больше зависящих от своевременности выплат заработной платы в бюджетной сфере, главным становится вопрос высокой стоимости продуктов в сложных условиях снабжения сельскохозяйственных улусов республики.

Важным фактором, обуславливающим и, одновременно, иллюстрирующим возрастание значимости этнической идентификации у русских, является их реакция на такие политические события, как подготовка и проведение избирательных кампаний и выборов всех уровней.

Так, в декабре 1999 г., на выборах депутатов в Государственную думу РФ по Нерюнгринскому избирательному округу, наибольшее количество голосов получил единственный среди девяти других русский кандидат. На территории округа в ходе своей предвыборной кампании он находился лишь несколько дней, в то время как его конкуренты уделяли этому району повышенное внимание. Их известность в самом начале кампании, как на республиканском, так и на федеральном уровнях была несоизмерима с известностью данного кандидата. Следует отметить, что г. Нерюнгри с прилегающей территорией является городом республиканского значения, индустриально развитым центром угольной промышленности в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке и постоянно проживающие саха занимают здесь около 1% в общем составе населения.

Судя по многолетним наблюдениям, избирательная активность русского населения, проживающего в основном в промышленных районах Якутии, зависит от уровня избирательных кампаний (местные — республиканские — общероссийские) и достигает наивысшего уровня в период проведения общероссийских.

Вместе с тем для русских характерно преобладание процессов общероссийской консолидации над внутриэтнической. Иными словами, русские в Республике Саха (Якутии) сегодня чаще осознают себя россиянами, нежели русскими.

Подтверждением этого служат и республиканские итоги последних выборов Президента РФ. В.В. Путина поддержало 52,5% избирателей, принявших участие в голосовании. Во многом этот показатель был достигнут благодаря мощной поддержке, полученной в промышленно развитых районах республики, в то время как в сельскохозяйственных итоговый показатель был гораздо ниже (на уровне 40%). Таким образом русские в республике являются не только носителями определенной этничности, но и обладают выраженным общегражданским сознанием.

В пользу такого объяснения говорит и распределение ответов на вопрос «Важно ли ощущать себя частью своего народа?». Так, если доля горожан-саха, выбравших вариант ответа «необходимо ощущать себя частью своего народа» составляет 84,3%, то доля горожан-русских, выбравших этот вариант, — 57,7%. В то же время лишь 15,7%

всех ответивших горожан-саха и 42,3% горожан-русских считают, что «современному человеку не обязательно чувствовать себя частью каково-то народа».

Таким образом, актуализация национального самосознания русских сопряжена с актуализацией их общероссийской гражданской идентичности. Русские обладают как бы двойственной идентичностью: этнической и гражданской (в смысле общероссийской, а не локальной) идентичностью»¹⁰. Эти явления и процессы, зафиксированные в материалах по итогам исследований 1994-го и 1997—1998 гг., судя по показателям 1999 г., не претерпели сколько-нибудь серьезных изменений (табл. 1). В этом плане консолидация русских в республике, в отличие от консолидации саха, по-прежнему может быть связана не столько с потребностями национального возрождения, сколько с идентификацией с российским государством в целом.

Таблица 1

Суждения горожан Саха (Якутии) о роли этничности
(1997-й и 1999 гг., % положительных ответов от числа опрошенных)

Варианты суждений	Саха		Русские	
	1997 г.	1999 г.	1997 г.	1999 г.
Считают, что межнациональные браки ведут к исчезновению нации	50,0	49,0	28,6	38,9
Раздражаются при близком общении с людьми других национальностей	6,1	7,7	4,7	4,9
Никогда серьезно не относились к межнациональным проблемам	45,0	43,8	57,1	52,5
Считают, что любые средства хороши для защиты интересов своего народа	33,9	33,2	27,4	25,7

Показателями развития интеграционных процессов среди саха в определенной мере могут рассматриваться распределения ответов на вопрос о наилучшем варианте развития Республики Саха (Якутии). Так, вне зависимости от места проживания (город — село) респонденты-саха таким вариантом считают возможность развития в качестве «суверенного государства в составе РФ». Интересно, что сельские респонденты-саха на второе место поставили вариант ответа «как независимое государство вне России», в то же время для городских саха на втором по значимости месте оказался ответ «как республика в составе РФ». Эта же позиция ответа оказалась наиболее предпочтительной для русских респондентов (табл. 2).

¹⁰ Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России / Авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробизева. М., 1998. С. 299.

Таблица 2

**Распределения ответов горожан Саха (Якутии)
на вопрос о наилучшем варианте развития республики
(% от опрошенных)**

Варианты ответов	Саха		Русские	
	Город	Село	Город	Село
Как республика в составе РФ	20,3	12,9	61,0	51,0
Как суверенное государство в составе РФ	59,4	62,7	27,1	26,4
Как независимое государство вне России	17,1	21,1	5,6	18,9

Интересно, что русские респонденты, отвечая на вопрос о праве выхода республик из состава РФ, почти в равной степени (и в городе, и на селе) высказались как за наличие такого права, так и за то, чтобы республики его не имели. При этом городские русские достаточно весомо поддерживали мнение респондентов-саха о том, что «каждая республика должна иметь такое право», но в то же время они так же единодушны с ними и в определении перспектив выхода Саха (Якутии) из состава РФ, утверждая, что «республика останется в составе РФ».

В приведенных в табл. 2 распределениях ответов достаточно четко выражена позиция респондентов-саха в отношении как суверенитета республики, так и возможности выхода из состава РФ. Данные вполне четко иллюстрируют общественное мнение, в соответствии с которым Республика Саха (Якутия) является неотъемлемой составной частью Российской Федерации.

Интеграционные процессы, характерные для этнической общности саха сегодня, выражают скорее новое качественное состояние, которое базируется на сохранении приоритета патриархальных ценностей, когда особую значимость в укладе жизни имеют поддержка родственников, уважение старших, подчинение их мнению и другие ценности, трактуемые как традиционно патриархальные.

Веской иллюстрацией вышеописанных наблюдений могут послужить и ответы на вопрос о множественности вариаций гражданского самосознания у жителей республики (табл. 3).

Как видно, для респондентов-саха наряду с ярко выраженной отрицательной динамикой ответов в третьей строке табл. 3 характерной особенностью становится возрастание почти в 1,6 раза положительной динамики ответов в первой строке. Большие изменения претерпели и показатели русских респондентов. Так, среди них почти в два раза увеличилось число тех, кто считает себя только якутянином, таковы же темпы положительной динамики и по позиции ответа «и тем и другим в равной степени». При этом в 1,6 раза снизился показатель второй строки.

Так, формирование регионального самосознания и сохранение его множественности («и тем и другим в равной степени») может трактоваться

ваться здесь как фактор, сопровождающий укрепление процесса общегражданской интеграции на уровне республиканской общности, выраженной в идеологеме «мы — якутяне».

Тем не менее высказанные выше суждения и наблюдения могут в определенной мере свидетельствовать о накоплении критического потенциала дезинтеграции общества по этническому параметру в республике. По-прежнему в основе этого лежит несоответствие между территориями расселения наиболее крупных этнических групп (саха и русских) и характером территориально-производственного разделения труда. Это несоответствие определяется исторически сложившейся особенностью расстановки социальных этнических групп, при которой саха заняты преимущественно в сельскохозяйственном производстве и, соответственно, традиционно проживают в сельской местности, а русские, в подавляющем большинстве занятые в промышленном и индустриальном производстве, расселены в промышленно развитых улусах республики. Именно это несоответствие является, на наш взгляд, основной причиной дисбаланса, состоящего в неравной представленности саха и русских в сфере управления. Так, саха безусловно преобладают в государственном аппарате на всех его уровнях, а русские — во всех управленческих и производственных звеньях промышленных предприятий в таких бюджетобразующих отраслях, как энергетика, алмазодобывающая, нефтегазодобывающая, угольные и золотодобывающие производства.

Доступ к власти, связанный со сферой государственного управления, не является в глазах русских признаком, характеризующим статусную престижность, поскольку большинство из них занято в промышленности и добывающей сфере. Для них важнейшим критерием престижности чаще выступает размер заработной платы. Именно это и отличает понятие престижности для саха от понятия престижности для русских.

Таблица 3

Российское и региональное самосознание горожан Саха (Якутии)
(1997-й и 1999 гг., в % от ответивших)

Кем Вы себя чувствуете в большей мере?	Саха		Русские	
	1997 г.	1999 г.	1997 г.	1999 г.
Только якутянином	26,8	42,2	3,6	6,3
Только россиянином	1,1	0,6	31,5	20,1
Тем и другим, но больше якутянином	52,9	38,5	10,5	9,0
Тем и другим, но больше россиянином	0,7	0,9	27,2	14,4
И тем и другим в равной степени	18,5	14,6	24,1	44,3
Ни тем ни другим	—	2,6	3,1	4,8

Таким образом, в соотношении интеграционных процессов и явлений, определяющих виды и типы социального неравенства в условиях Республики Саха (Якутии), можно отметить следующее.

Интеграционные процессы развиваются на уровнях внутриэтнической консолидации; формирования межэтнической региональной общности с выраженным надэтническим гражданским (республиканским) самосознанием; проявления тенденций, характеризующих складывание общероссийской общности. Явления, свидетельствующие об усилении процессов внутриэтнической консолидации, в большей мере характерны для якутов (преобладание показателей этноаффилиативных установок). Также заметны изменения в формировании республиканской общности под воздействием интеграционных процессов, переживаемых русскими в республике, они выражены в таком показателе множественности (двойственности) гражданского самосознания русских, как ощущение себя и якутянином, и россиянином в равной степени. Наконец, рассмотрение некоторых характеристик формирования общероссийской консолидированной общности обнаруживает дезинтеграционные черты.

Этническая принадлежность для русских в Саха (Якутии) попрежнему не имеет той высокой значимости, в которой она проявляется у саха-якутов. Если для подавляющего большинства русских здесь и характерны стремление к сохранению своего социально-профессионального статуса, устоявшаяся разделенность сфер занятости, более высокий уровень этнической толерантности, как это отмечалось в прежние годы, то по данным 1999 г. выявляется относительно заметный для этой категории населения республики рост значений уровня этнической идентичности. Связано это в том числе и с преимущественным представительством титульного этноса в сферах деятельности, ранее считавшихся нетрадиционными для него. При этом условием, определяющим относительно низкие для русских, в сравнении с якутами, уровень и темпы возрастания значения этнической самоидентификации и внутриэтнической интеграции, на наш взгляд, выступает исторически обусловленная рассредоточенность русских по всей территории Российской Федерации. Русские, численно преобладая в большинстве субъектов Федерации, выполняли государственно-образующую функцию. Данное обстоятельство, составляя традиционную суть государственной политики России по отношению к русским, обусловило доминирующее значение государственно-этнического, а не этномобилизационного начала в формировании идентичности русских.

Следует отметить, что современные этнополитические, этномобилизационные и консолидационные процессы, интеграционные тенденции всех уровней, выходящие в настоящее время на новую качественную ступень своего развития в Республике Саха (Якутии), при учете тех особенностей, которые описаны выше, на наш взгляд, вполне благоприятны для перемен.

Рассмотрение особенностей протекания современных интеграционных процессов в республике невозможно без более детального анализа межэтнических отношений в условиях многонациональной среды.

Межэтнические отношения, проблема достижения межэтнического согласия всегда были и остаются важным фактором, опосредующим общественную жизнь Саха (Якутии). На фоне острых межэтнических конфликтов в различных регионах постсоветского пространства в республике наблюдается относительная стабильность. Действительно, здесь нет явных предпосылок для быстрого развертывания межэтнического конфликта, хотя нельзя говорить об отсутствии угрозы возможных конфликтов в межэтнических отношениях в связи с обострением в социальной сфере. Так, согласно результатам опросов, в обществе все же существует определенная степень напряженности. Поэтому представления о Республике Саха (Якутии) как об относительно стабильном, в смысле межэтнических отношений, регионе требуют постоянного подтверждения.

Особенности развития республики в 90-е гг., полиэтнический состав населения, наличие исторически обусловленной зависимости между территориальной специализацией труда и этническим расселением определили существенное влияние этнического фактора на ход социально-экономических и политических процессов. Начавшееся весной 2000 г. не согласованное с общественностью субъектов Федерации реформирование федеративных отношений также сказалось на этих процессах.

И все же одним из ведущих факторов, влияющих на характер современных межэтнических отношений, является история взаимоотношений между народами, включая экономические связи и различного рода этнокультурные контакты.

Сосуществование в течение почти четырех столетий в едином жизненном пространстве в экстремальных условиях циркумполярной зоны, давние экономические, культурные связи безусловно наложили свой отпечаток на характер межэтнических контактов в регионе. История саха-русского взаимодействия не помнит острой конфронтации: имевшие место открытые конфликты носили скорее экономическую в своей основе, нежели этнокультурную подоплеку. Так, по свидетельству письменных источников, наиболее частыми были споры из-за земельных участков, воровства скота и т.п.

За минувшие столетия накоплен огромный исторический опыт сотрудничества народов, населяющих Саха (Якутию), сформировался общий пласт культуры, который, в свою очередь, выступает сегодня фактором относительной межэтнической стабильности в данном регионе. Длительный период межэтнического общения и контактов привел к высокой степени культурных взаимовлияний и интеграции саха и русской этнических групп. Историко-культурные связи народов, проживающих на территории Республики Саха (Якутии), складывались на протяжении нескольких столетий, существующая стабиль-

ность межэтнических отношений во многом будет зависеть от того, разрушатся или получают новое продолжение традиции взаимосвязей и взаимодействий саха и русского народов.

Вполне понятно, что тенденции в развитии межэтнических отношений, отражаемые в сознании народа, сложны и противоречивы, что и подтверждается данными проведенного в республике опроса в рамках проекта «СН». К примеру, русские, находясь в иной этногеографической среде, тем не менее проживают в основном в промышленных улусах республики, где возможные контакты с коренным населением сведены к минимуму. Другой причиной может выступать исторически обусловленный характер компактного проживания русских в иноэтнической среде. До недавнего времени немаловажным было и закрепление на уровне общественного сознания психологии русских как «старшего брата» по отношению к малочисленным аборигенным народам, когда естественная или принудительная русификация была повсеместным явлением.

Общая ситуация при оценке респондентами состояния межэтнических отношений в Саха (Якутии) в конце 1999 г. характеризуется в целом как «спокойная». Действительно, в республике практически отсутствуют явно выраженные очаги межэтнической напряженности. Отдельные негативные проявления в данной сфере не дают оснований отнести их к причинам, способным привести к серьезным конфликтам. Имеющиеся же расхождения во мнениях и оценках респондентов связаны, скорее всего, и с психологическим настроем опрошенных, и с частотой, с которой они встречаются с теми или иными противоречиями в сфере межэтнических отношений.

Сравнительные распределения ответов на вопрос об общей оценке населением характера межэтнических отношений позволяют сделать вывод, что существуют некоторые различия в характеристике состояния межэтнических отношений, определяемые скорее зависимостью от места жительства (город — село) респондентов, нежели уровнями этнической мобилизации. Так, из всего числа опрошенных русских доля горожан, считающих межэтнические отношения в республике «спокойными», составляет 39,7%, сельчан же — намного выше — 71,7% (для сравнения: среди саха 50,9% в городе и 55,8% на селе охарактеризовали межэтнические отношения в республике как «спокойные»).

Среди городского населения, по сравнению с сельским, независимо от национальной принадлежности, почти в два раза больше отметивших, что хотя межэтнические отношения в республике стабильны, но вместе с тем наблюдается и внутреннее напряжение. Расхождения показателей в зависимости от места проживания (город — село) могут объясняться возможностями межэтнического межличностного общения у жителей села, с одной стороны, и жителей города — с другой. На различия в оценках межэтнической ситуации городским и сельским населением влияют и такие факторы, как полиэтничность и наличие кросс культурных контактов, характерные в основном для г. Якутска.

В последнее десятилетие в столице республики наблюдается высокий уровень миграции. Сюда прибывают люди различного уровня культуры общения, образования, национальности. Именно в городе происходят наиболее интенсивные контакты с иноэтническим компонентом за счет более плотного миграционного потока из других регионов. Кроме того, большая часть мигрантов представлена выходцами из сельских улусов республики, им порой трудно адаптироваться к городской жизни, усвоить нормы и стандарты городского образа жизни. Все это в купе может провоцировать трения в межэтническом общении на бытовом. Для сельских жителей, по-видимому, не последнюю роль играют и проблемы вхождения в новую социально-экономическую среду и более обостренное восприятие на селе кризисных явлений.

Здесь можно подчеркнуть, что поскольку существуют социально-профессиональные различия между отдельными группами населения в уровнях квалификации и образования, которые обуславливают дифференциацию мнений (оценок) о ситуации в межэтнических отношениях, постольку существенны и различия в городской и сельской среде. Отмеченная особенность универсальна и существует как отражение объективных различий между городом и селом.

В 1994 г. 11,0% саха и 26,0% русских оценивали межэтнические отношения в республике как напряженные, в 1997 г. — соответственно 7,0 и 27,0%. На данный момент таковых — 1,0% саха и 3,7% русских. Скорее всего, низкая доля оценивающих негативно межэтнические отношения в республике еще не означает, что никаких противоречий между контактирующими этническими группами не существует и люди не сталкиваются с какими-либо отрицательными явлениями. В современном сложном обществе, с неустоявшимися нормами демократии, экономическими кризисами, трудно ожидать полного благополучия в любой сфере, в том числе и в межэтнических отношениях.

Рассогласованность мнений о состоянии межэтнических отношений в республике имеет место во всех социально-профессиональных группах. Так, например, среди русских руководителей предприятий и работников госаппарата 37,5% считают, что сегодня в этой области все спокойно, и до 20,0% отмечают существующее напряжение, вплоть до утверждения, что эти отношения в республике находятся на грани открытых столкновений. Более критичны и русские учащиеся — от 10,5 до 15,8% из них отметили напряженный уровень межэтнических отношений, переходящий на грань открытых столкновений. Также считают 11,1% пенсионеров и 9,1% безработных русских.

Совершенно иная картина среди саха: так, оценка «межэтнические отношения в республике спокойны» и «внешне спокойно, но внутреннее напряжение существует» преобладает и равномерно представлена среди всех социальных групп.

У предпринимателей и малоквалифицированных работников физического труда более согласованные оценки: как саха, так и русские

представители предпринимательского слоя не видят каких-либо проблем в межэтнических отношениях; среди малоквалифицированных рабочих 4,2% русских и 6,3% саха оценили их как напряженные.

Об интенсивности проявления межэтнических противоречий может свидетельствовать и тот факт, что 16,7% опрошенных саха и 13,0% русских в той или иной мере сталкивались с несправедливым к себе отношением из-за национальной принадлежности. Хотя при ответах на вопрос «Приходилось ли Вам в жизни испытывать несправедливое отношение к себе на работе?» подавляющее большинство респондентов, независимо от этнической принадлежности, отмечали, что им не приходилось сталкиваться с несправедливостью, связанной с национальностью или с тем, что «я не местный». Среди социально-профессиональных групп опрошенного населения чаще остальных отмечали, что приходилось испытывать ущемление своих прав или возможностей из-за своей национальной принадлежности, квалифицированные рабочие и служащие. В целом же национальная предубежденность, негативные национальные стереотипы не распространены в массовом сознании якутян, что подтверждается полученными в ходе опроса данными. Так, количество респондентов, которых раздражает близкое общение с людьми других национальностей, оказалось незначительным: среди городских жителей — 5,7% саха и 5,9% русских; среди сельских — 9, 6% саха и 3,8% русских.

Чаще всего негативное восприятие «иных» народов связано, скорее всего, с отношением коренного населения к мигрантам, а не с отношениями между постоянно проживающими в республике этническими группами. Здесь, вероятно, в основе чувство социальной неудовлетворенности, ощущение ущемленности своих интересов, несправедливого ограничения доступа к социальным благам или привилегиям.

Одним из показателей межэтнических установок, измеряющих дистанцию между этническими общностями, может выступать и распределение ответов на вопросы о том, насколько близки респондентам представители различных социальных, этнических и других групп. Интерес для рассматриваемой темы представляют вопросы об ощущении единства с людьми той же профессии, рода занятий; с представителями своего народа; с жителями республики.

Единство с людьми той же профессии или рода занятий отмечают большинство респондентов независимо как от места проживания, так и от этнической принадлежности: 59,8% русских и 60,9% саха. О единстве (более или менее выраженном) со всеми гражданами России чаще всего заявляют русские — до 48,7%. Среди саха, напротив, 65,0% никогда не испытывают подобного чувства. Для них более характерно ощущение единства с теми, кто живет в том же городе (селе).

Сохраняется связь между уровнем общения и оценкой межэтнических отношений: чем ближе круг оцениваемых отношений, тем чаще положительная оценка их. Именно в трудовых коллективах, где, как

правило, формируются наиболее стабильные межэтнические отношения, базирующиеся на реальном толерантном отношении к иноэтническим ценностям, судя по оценкам респондентов, национальный фактор занимает подчиненное положение. Более половины всех опрошенных — 59,3% русских и 69,9% саха — характеризуют межэтнические отношения в своих коллективах как «спокойные».

В ситуации межэтнической напряженности в трудовых коллективах и по месту учебы оказывается в основном русская учащаяся молодежь. Именно представители этой группы, а также русские служащие, инженерно-технические специалисты и неквалифицированные рабочие представляют основную долю отметивших напряжение.

Одним из качественных показателей социальной и этнической толерантности выступает динамика межэтнических браков. Современный период характеризуется медленным, но неуклонным спадом числа межнациональных браков среди населения республики. В настоящее время интенсивность заключения межнациональных браков во многом определяется зоной национально-этнических контактов: в центре расселения коренных народов региона она иная, чем в зоне национально-этнических границ; иная, чем в городах и промышленных районах, компактно заселенных людьми конкретной национальности с небольшими инонациональными вкраплениями. Другими словами, частота межэтнических браков зависит от численного соотношения коренных и некоренных национальных групп населения республики, подверженного постоянным изменениям. В целом смешанные браки в начале данного периода были характерны в основном для промышленных улусов и городов, а начиная с 1995 г., очевидно, в связи с увеличением показателей внешней миграции (оттока русскоязычного населения), происходит резкое сокращение их числа в промышленных улусах и некоторое увеличение в сельскохозяйственных, т.е. там, где явно преобладает моноэтническое расселение народа саха при одновременном проникновении в эти улусы русского населения. С другой стороны, это можно объяснить и некоторой активизацией внутренней миграции из промышленных улусов в связи с сокращением количества рабочих мест в промышленности. Немалую долю составляют и сезонные мигранты, беженцы (не имеющие официального статуса беженцев, но фактически являющиеся ими). Вполне очевидно, что все перечисленное выше сформировало те особенности и тенденции современной ситуации межэтнического общения, которые отражаются в массовом сознании населения республики. Остановимся подробнее на ответах респондентов на вопрос «Как бы Вы отнеслись к браку Вашей дочери или сына с человеком другой национальности?» как на наиболее чувствительном индикаторе. Неприятие этнически смешанного брака на значимом уровне остается у саха — 29,4% предпочли бы человека своей национальности, причем у сельских саха это более выражено — 34,7% предпочли бы человека только своей национальности. Готовность принять человека другой национальности

с условием, что он «соблюдает обычаи моего народа» характерна для 21,9% сельских и 25,6% городских саха. Для значительной части русских (43,4%) безразлична национальность мужа дочери или жены сына; 26,9% — предпочли бы человека своей национальности, но возражать бы против выбора не стали.

Характер межэтнических отношений во многом обусловлен также и теми проблемами, которые возникают в процессе трансформации общественно-политической и экономической систем. Социально-экономические изменения и реформы в республике за последнее десятилетие проходили в условиях системного кризиса экономики всей страны в целом. Несомненно, что затянувшийся кризис в экономике объективно привел к резкому падению жизненного уровня большинства населения. Русские в республике оказались менее защищенными и более чувствительными к экономическим и социальным изменениям. Поэтому они чаще оценивают межэтнические отношения как напряженные и отмечают их ухудшение за последние два года: лишь 3,4% русских видят положительную динамику в развитии межэтнических отношений, в то время как 27,3% из них считают, что межэтнические отношения за последние два года ухудшились.

Изменение в сторону ухудшения межэтнических отношений в республике чаще всего отмечают служащие, квалифицированные рабочие и пенсионеры. Саха настроены более оптимистично: 11,6% из них считают, что межэтнические отношения в республике за последние два года стали лучше. Общим для саха и русских (58,1 и 61,3% соответственно) оказалось мнение о том, что здесь не наблюдается никаких изменений.

Объяснением этого может служить резкое изменение в последнее десятилетие социально-политического статуса русских в республике, тяжелое экономическое положение промышленных предприятий, снижение возможностей социального продвижения, безработица и массовые миграции.

Глава 2

ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ ГРУППАХ ТАТАРСТАНА

Десятилетие рыночных преобразований значительно изменило социальную структуру российского общества. Актуализировались проблемы социальной стратификации и социально-экономического неравенства. В частности, как полагает ряд ученых, дальнейшие перспективы процесса модернизации общественной жизни России, перехода ее на путь развития обществ западного типа внушают серьезные сомнения. Основной адаптационный ресурс населения уже исчерпан¹. В условиях полиэтничности Российской Федерации конфликтный потенциал нынешней социально-экономической ситуации может стать источником усиления межэтнической напряженности. Для Татарстана данная проблема также является весьма актуальной. Исследования, проводившиеся в республике в 90-е гг., показывают, что условия для социальной и социально-экономической реализации негитуйной частью населения, в первую очередь русскими, воспринимаются и оцениваются как неравные в сравнении с титульной этнической группой. При этом общий этнический фон оставался достаточно стабильным.

Концептуальной основой при изучении проблемы послужило положение П. Бергмана и Т. Лукмана о том, что для современных плюралистических обществ характерно наличие некоего «центрального универсума», считающегося «само собой разумеющимся в качестве такового, и различные частные универсумы, соседствующие друг с другом и находящиеся в состоянии взаимного приспособления»². Суть этого универсума для татарстанского общества сформулировал нынешний Председатель Госсовета Республики Татарстан Ф.Х. Мухаметшин. По его мнению, в результате многовекового взаимодействия «сформировался уникальный этносоциальный тип населения с мировоззрением, ментальностью, «посредника-прагматика», знакомого с культурой, обычаями, правилами повседневного поведения и интересами каждой из сторон»³.

Тем не менее актуализированные в современном татарстанском обществе идеологии имеют этническую специфику, обусловленную историческим прошлым, в ходе которого «на определенных временных этапах обострялись или сглаживались различные компоненты

---

¹ Тихонова Н.Е. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М., 1999. С. 125.

² Бергман П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 203.

³ Мухаметшин Ф.Х., Исаев Г.А. Республика Татарстан в зеркале общественно-го мнения (90-е гг. Социально-экономический аспект). Казань, 1997. С. 164.

межэтнического взаимодействия»⁴. Особенностью нынешнего этапа является то, что межэтническое взаимодействие происходит на фоне стратификационных процессов и в условиях возросшей социально-экономической конкуренции. Поэтому состояние межэтнических отношений будет во многом зависеть от того, совпадут ли векторы социальной дифференциации и этнической. Как полагает Д.М. Исхаков, этого следует ожидать в Татарстане в перспективе и это повлияет на существенные расхождения между основными этническими группами «особенно по отдельным сферам жизни...»⁵.

Индикатором состояния межэтнических отношений в данном случае может выступать уровень этнической толерантности в социальных группах контактирующих этносов. Под толерантностью авторы понимают готовность принять других такими, как они есть, и взаимодействовать с ними на основе согласия⁶.

В круг проблем, которые, по мнению авторов, необходимо осветить для анализа общего уровня этнической толерантности в социальных группах, мы включили следующие:

- определение наиболее актуальных идентичностей в среде контактирующих этнических групп,
- взаимосвязь мобильности и уровня этнической толерантности,
- демографические различия как возможные факторы уровня этнической толерантности в социальных группах.

Для определения характера интеграционных процессов необходимо выявить, какие идентичности наиболее актуальны для татар и русских Татарстана в настоящее время. Результаты исследования показали, что этническая идентичность не является первичной с точки зрения респондентов обеих этнических групп: консолидация по национальному признаку занимает второе место у татар и четвертое — у русских. Наиболее часто, по мнению татар и русских, они ощущают единство с людьми своего возраста, поколения. Далее по частоте проявления для русских второе и третье места делят консолидация по профессиональной принадлежности и по уровню доходов, а у татар третье и четвертое места последовательно занимают консолидация по профессиональной принадлежности и уровню доходов. Наименее значимыми в обеих этнических группах оказались гражданская и политическая идентичности. Как показали результаты исследования, для русских не только характерна более распространенная, чем у татар,

---

⁴ Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России / Авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробжи́ева. М., 1998. С. 112.

⁵ Исхаков Д.М. Проблемы становления и трансформации татарской нации. Казань, 1997. С. 144.

⁶ Дробжи́ева Л.М. Толерантность и рост этнического самосознания: пределы совместимости // Толерантность и согласие. М., 1997. С. 63.

консолидация по уровню доходов, но и в целом гораздо более выраженная тенденция к негативной оценке своего социального статуса, в частности 42,5% из них отнесли себя к низшему классу. В то время как подобную оценку своего социального статуса разделяют 28% татар. В группе русских респонденты, низко оценившие свой социальный статус, имеют следующие социальные характеристики: это в большинстве своем люди со средним специальным образованием и пенсионеры. При этом имеется четкая статистическая взаимосвязь между оценкой социального статуса и возрастом респондентов. Поэтому больше всего низко оценивших свой социальный статус среди людей в возрастной группе от 60 лет и старше. Несмотря на количественные расхождения в самооценках между татарами и русскими, качественные характеристики у представителей обеих этнических групп, отнесших себя к низшему классу, в целом совпадают (у татар это люди с неполным средним и средним образованием, пенсионеры). Кроме того, прослеживается достаточно четкая взаимосвязь между оценками респондентами своего социального статуса и их готовностью к открытым формам протеста. Доля готовых принять участие в каких-либо выступлениях протеста против снижения уровня жизни вдвое выше среди респондентов, относящих себя к низшему классу, чем среди тех, кто относит себя к среднему. Насколько социально-стратификационные процессы совпадают с этносоциальными можно оценить, проанализировав структуру профессиональной занятости представителей обеих этнических групп, поскольку отнесение себя к определенному классу общества напрямую связано с общественно значимым статусом занимаемой должности, а также материальными благами, достигаемыми благодаря ей. Результаты исследования свидетельствуют, что имеющаяся этническая специфика профессионально-трудовой занятости в городском массиве не носит принципиальных различий.

По данным опросов 1998 г., 64,2% русских считают, что этническая принадлежность дает представителям татарской национальности преимущество при трудоустройстве, причем, 48,4% русских этот факт возмущает и беспокоит. В свою очередь, 12,9% татар полагают, что русские имеют преимущество при трудоустройстве, и 6,4% из них это также возмущает и беспокоит. Характерно, что 39,5% татар согласились с тем, что представители татарской национальности имеют преимущество при трудоустройстве, и около 20% из них это беспокоит. Это, по нашему мнению, является свидетельством того, что достаточно большую часть представителей татарской части населения волнует, что представители других этнических групп, проживающие в Татарстане, могут воспринимать их как конкурентов в реализации своих социально-экономических интересов. А значительная часть представителей нетитульных этнических групп, и особенно русские, воспринимает свои возможности социально-экономической реализации как неравные. В подобной ситуации для того, чтобы определить вероятность воз-

растания межэтнической напряженности, необходимо проанализировать источники вышеприведенных мнений. Для этого в ходе наших исследований был использован вопрос о характере информации, на которой основывались респонденты при составлении соответствующего мнения или убеждения. Как оказалось, большинство респондентов имели подобный личный опыт, в частности так ответили 36,3% респондентов-татар, 29,1% респондентов-русских. Кроме того, 14,5% респондентов татар и 19,3% респондентов-русских отметили, что подобный опыт имелся у их родственников, знакомых.

Таким образом, более половины всех опрошенных имели непосредственный или в некоторой степени опосредованный повод для своих мнений. Если разделить источники получения информации на непосредственные, т.е. основанные на личном опыте, и опосредованные, т.е. основанные на опыте других, то полученные данные свидетельствуют, что первый тип как основа для формирования определенного мнения более характерен для мужчин, людей среднего возраста, а также людей с высшим образованием и, напротив, более склонны к формированию мнения на основе опосредованного опыта женщины, молодежь, а также люди со средним профессиональным и общим средним образованием. Данные тенденции отмечаются по материалам исследований 1998 г. в обеих этнических группах. Но еще более показательным, что 27,1% респондентов-татар и 30,1% респондентов-русских основывались в своих мнениях на бытующем мнении и на простом предположении. То есть у трети опрошенных установки о неравных социально-экономических возможностях представителей различных этнических групп в Республике Татарстан усвоены на уровне мифологем.

Конечно, следует учитывать тот факт, что отдельные социальные категории, например государственно-управленческая элита республики, в значительном большинстве (по некоторым данным, до 78,1%)⁷ состоят из представителей титульной национальности. Это подтверждают и результаты выборов в Госсовет РТ, состоявшиеся в декабре 1999 г.⁸ Но так как эта категория, при всей своей значимости, не является по численности достаточно большой, чтобы непосредственно влиять на процессы этносоциальной стратификации, ее роль в данном случае представляется опосредованной.

Кроме того, показатели социальной иммобильности, по результатам исследования, у татар и русских близки — отметили, что положение на работе за последние пять лет ухудшилось, соответственно 26,2 и 27% из них.

⁷ Фарукшин М.Х. Политическая элита в Татарстане. Вызовы времени и трудности адаптации // Полис. 1994. № 6. С. 69.

⁸ Юдкевич М. Госсовет устранил национальный и половой дисбаланс // Вечерняя Казань. 2000. № 9. С. 1.

Таким образом, социальные идентичности являются для респондентов обеих этнических групп весьма значимыми, и актуализированы они в контексте современных социально-экономических процессов.

Чтобы выяснить, в какой мере социальная стратификация взаимосвязана с уровнем этнической толерантности, обратимся к анализу ответов респондентов на некоторые вопросы, выявляющие уровень декларируемой этнической толерантности и интолерантности, сопоставив эти данные с некоторыми объективными показателями. Результаты исследования показывают, что 36% респондентов-татар и 17,6 русских считают, что межнациональные браки ведут к исчезновению нации. В качестве брачного партнера для своих детей предпочли бы человека своей национальности 36,9% респондентов-татар и 19,6% русских. То есть декларируемое отношение к подобным бракам у представителей титульной национальности имеет значительно более выраженную негативную оценку, чем у русских. Но, как показывают статистические данные, в частности по городу Казани, в 1997 г. на долю национально-смешанных семей, в которых жена татарка, приходилось 24,1% из общего числа родившихся детей, а где жена русская — 26,1%. Разница в долях таких семей между татарами и русскими значительно меньше, чем разница в долях негативно оценивших подобные браки респондентов обеих национальностей.

Предпочли бы в качестве непосредственного начальника только представителя своей национальности 2,7% татар и 1,2% русских. Кроме того, предпочли бы в качестве непосредственного начальника представителя своей национальности, но не стали бы возражать при назначении представителя другой еще 9,7% татар и 5,0% русских. Эти цифры вполне соотносятся с оценками респондентов обеих национальностей межэтнических взаимоотношений внутри их трудового коллектива. Так, оценили эти отношения как напряженные 3% респондентов-татар и 5% русских, а 0,6% татар и 1,2% русских вообще отметили, что эти отношения находятся на грани открытых столкновений. То есть в целом определенные проявления интолерантности в ходе трудового взаимодействия могут иметь место, но являются незначительными, что подтверждается высокой актуализацией профессиональной идентичности как у татар, так и у русских, при том, что около 60% первых и более 60% вторых отметили, что работают в национально-смешанных трудовых коллективах с примерно равным представительством обеих этнических групп.

Акцентируем факт, что относятся к людям, которые раздражают при близком общении с людьми других национальностей, 3,8% респондентов-татар и 2,9% русских. Любые средства хороши для защиты интересов своего народа — полагают 19,2% респондентов татар и 19,4% респондентов-русских. Таким образом, здесь значимых отличий между позициями исследуемых этнических групп не выявлено.

Интересным представляется анализ позиций, занятых респондентами с точки зрения наиболее актуальных социальных идентичностей,

с тем, чтобы в общих чертах попытаться смоделировать социальный портрет наиболее и наименее толерантных категорий в обеих этнических группах и сопоставить их. Анализ ответов на вышеперечисленные суждения, выявляющие общий уровень декларируемой толерантности и интолерантности (отношение к межнациональным бракам, к инонациональному начальнику, к общению с людьми других национальностей и др.), с точки зрения возрастных, профессиональных и образовательных различий респондентов показал, что говорить о связи любого отдельно взятого критерия с уровнем толерантности не представляется достаточно корректным. Тем не менее комплексный анализ продемонстрировал, что несколько более толерантные позиции в группе татар заняли респонденты в возрасте от 20 до 30 лет, имеющие среднетехническое образование, относящиеся к социальной категории квалифицированных рабочих. Напротив, наиболее интолерантные позиции заняли респонденты в возрасте 50—59 лет, имеющие неполное среднее и среднее образование и находящиеся на пенсии.

В группе русских наиболее толерантные позиции заняли респонденты в возрасте 25—29 лет, имеющие среднетехническое и высшее образование, являющиеся квалифицированными рабочими и специалистами ИТР. И напротив, наиболее интолерантные позиции заняли респонденты — неквалифицированные рабочие и пенсионеры, имеющие неполное среднее и среднее образование, при этом возрастные рамки достаточно четко категоризировать по полученным данным не удалось.

Таким образом, и первая, и вторая категории респондентов в обеих этнических группах являются схожими в своих основных чертах, т.е. социальные детерминанты этнической толерантности более значимы, нежели их субъективные психоэмоциональные особенности. Кроме того, на наш взгляд, набор социальных характеристик, свойственных наиболее интолерантным респондентам, соответствует типу, характеризующему в современных российских социально-экономических условиях как наиболее близкий к иммобильному, и наоборот.

Анализ социально-атрибутивных характеристик респондентов обеих этнических групп в связи с показателями их социальной мобильности выявил имеющиеся определенные внутриэтнические особенности. Так, у татар показатели положительной социальной мобильности наиболее характерны для ИТР, служащих и квалифицированных рабочих. Например, у респондентов-татар среди ИТР разница долей положительно и отрицательно оценивающих свое положение на работе составила более 16%, в то время как у группы служащих — 8%, а в группе квалифицированных рабочих была близкой к нулю. У респондентов-русских наибольшая положительная разница в оценках изменений своего положения на работе была отмечена у служащих и составила 8%; у ИТР она была около 7%, а у квалифицированных рабочих, так же как и в группе татар, являлась близкой к нулю. Эти данные говорят, что, с одной стороны, у татар в целом уровень положительной социальной мобильности

выше, чем у русских. Но в то же время имеется достаточно четкая зависимость между уровнем положительной социальной мобильности и общественным статусом той социальной группы, к которой относит себя респондент, и в данном случае степень взаимосвязи этих характеристик в обеих этнических группах была близка, что наиболее заметно на примере группы квалифицированных рабочих.

Оценивая зависимость между показателями социальной мобильности респондентов обеих этнических групп и уровнем их образования, можно говорить, что она является достаточно четкой, т.е. высокая степень социальной мобильности характерна для респондентов с высоким уровнем образования. В группе русских респондентов такая зависимость выражена более ярко, нежели в аналогичной группе татар.

У русских, имеющих высшее образование, разница между положительно и отрицательно оценившими изменение своего положения на работе за последние пять лет составила более 13%, в то время как у татар в той же категории только 8%. При этом среди лиц со средним специальным и средним образованием она являлась приблизительно одинаковой и имела схожую зависимость, а именно: у респондентов со средним специальным образованием она составляла -3% у русских и около 0% у татар, а у респондентов со средним образованием — около -10% у русских и -7% у татар.

Влияние возрастных различий респондентов обеих этнических групп на уровень их социальной мобильности, так же как и в предыдущем случае, имела, по данным исследования, четкую зависимость, а именно: чем старше был возраст респондентов, тем более высок процент отрицательно оценивавших изменения своего положения на работе за последние пять лет. Исключение составили только респонденты в возрастной категории 40—49 лет у татар, среди которых доля положительно оценивших изменения на работе более чем на 10% превысила долю оценивавших эти изменения отрицательно. Среди других возрастных категорий характер зависимости между респондентами обеих этнических групп схож и достаточно близок по показателям. Наибольшую степень положительной социальной мобильности и у татар, и у русских продемонстрировали респонденты возрастных категорий 25—29 и 30—39 лет, а наименьшую — люди 50—59 лет.

Таким образом, взаимосвязь образовательных и возрастных различий респондентов со степенью их социальной мобильности в обеих этнических группах имеет общую направленность, но с некоторыми исключениями, имеющими, по нашему мнению, внутривнутриполитическую обусловленность. Под этим мы подразумеваем ту, достаточно характерную для Татарстана 90-х гг. ситуацию, когда условия для самореализации в некоторых сферах общественной, в том числе социально-экономической, жизни у представителей титульной этнической группы и нетитульных не являлись полностью адекватными. Но возросшая конкурентность, с одной стороны, требовала от представителей нети-

тульной национальности, и в частности русских, более высокого образовательного и профессионального уровня, а с другой — предполагала менее жесткие требования, в том числе и возрастные, для представителей титульной этнической группы. Конечно, это касалось достаточно престижных с точки зрения социального статуса занятий, поэтому в таких социальных группах, как рабочие, различий между татарами и русскими, как мы уже отмечали выше, не было выявлено.

На наш взгляд, следует обратить внимание и на взаимосвязь показателей социальной мобильности представителей обеих этнических групп с уровнем этнической толерантности, а также возможными этническими различиями уровня их толерантности в целом. В качестве индикатора уровня общей толерантности респондентов мы выбрали одну из наиболее актуальных сфер для любого человека, независимо от его этнической принадлежности, — социально-экономическую сферу. В качестве индикатора социально-экономической толерантности выступал вопрос, показывающий степень готовности или неготовности респондентов к реальным выступлениям протеста против снижения уровня жизни. Как показали полученные результаты, в обеих этнических группах имеется достаточно четкая взаимосвязь между показателями социальной мобильности респондентов и их готовностью к активному выражению протеста. И у татар, и у русских люди с положительной социальной мобильностью проявляли значительно меньшую готовность к различного рода выступлениям, и наоборот — среди тех респондентов, чье положение на работе за 5 лет ухудшилось, готовых к выступлениям протеста было значительно больше. Разница между долями респондентов с положительной социальной мобильностью и отрицательной, готовых к активным формам протеста, в группе русских составила 12%, а в группе татар 21%.

Для выявления степени взаимосвязи показателей социальной мобильности с показателями уровня декларируемой этнической толерантности у представителей обеих этнических групп мы рассмотрели различия в оценках суждения «Любые средства хороши для защиты интересов своего народа» респондентами, имеющими разные показатели социальной мобильности. Оказалось, что и в группе татар, и в группе русских в данном случае нельзя говорить о какой-либо определенной зависимости между особенностями социальной мобильности респондентов и уровнем их этнической толерантности. Так, разница согласившихся с вышеприведенным суждением респондентов с положительной и отрицательной социальной мобильностью была очень незначительной и колебалась в пределах 2—3%.

В то же время весьма интересным является выяснение того, могут ли показатели уровня этнической толерантности иметь значимую связь с другими видами толерантности; в частности, с рассматривавшейся нами выше социально-экономической толерантностью. Для этого мы проанализировали связь уровня этнической толерантности респонден-

тов со степенью их готовности к выступлениям протеста по социально-экономическим причинам. Оказалось, что такая взаимосвязь является гораздо более очевидной, чем между уровнем декларируемой этнической толерантности и особенностями социальной мобильности респондентов. Респонденты обеих этнических групп, выразившие готовность к различного рода выступлениям протеста против снижения уровня жизни, продемонстрировали в целом большую степень согласия с суждением, что «все средства хороши в интересах своего народа», чем респонденты, выразившие свою неготовность к каким-либо формам протеста. При этом если в группе татар разница между согласившимися с суждением респондентами составила около 6%, то в группе русских она достигала 16%. Это, по нашему мнению, свидетельствует о том, что, толерантность, в том числе и этническая, может быть обусловлена не только объективными социальными факторами, такими, как, например, социальная мобильность, но и субъективными. Поэтому и среди респондентов с положительной социальной мобильностью в обеих этнических группах были люди, готовые к активным формам проявления протеста. Результаты исследования показали, что уровень этнической толерантности у русских в большей степени, нежели у татар, определяется повышенной социально-экономической фрустрированностью.

* * *

В итоге можно отметить следующее.

1. Более высокая степень фрустрированности респондентов-русских в настоящий момент не оказала заметного влияния на уровень их этнической толерантности.
2. Социальная мобильность и русских, и татар обусловлена в большей степени социальными характеристиками, нежели этническими.
3. Данные исследования позволяют говорить о взаимосвязи между уровнем толерантности респондентов обеих этнических групп и их социально-демографическими характеристиками; рассмотренные характеристики имеют различную степень связи с уровнем декларируемой этнической толерантности, в частности большую степень связи имеет социальный статус и меньшую — образование и возраст.

Глава 3

ИЗМЕНЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЦЕНТРА И РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ ВЛАСТНОЙ ВЕРТИКАЛИ: ПРИМЕР ТАТАРСТАНА

Сохранение общественного согласия в регионах в условиях глубокой социальной дифференциации и убежденности большинства населения в значимости этнической принадлежности для достижения желаемого положения в обществе во многом зависит от того, как складываются взаимоотношения центра и субъектов Федерации. Для России в целом и для каждого региона это макро- и мезоуровень, на который выходят все групповые притязания. Поэтому специальную главу в книге мы посвящаем анализу проблем, связанных с трансформацией взаимоотношений центра и региональных элит.

Согласно логике региональных лидеров существует достаточно много причин, которые должны были подвигнуть В.В. Путина в начале его деятельности на посту Президента РФ к активному поиску союзников для укрепления своего влияния и расширения правящей коалиции за счет включения в нее элит из субъектов РФ. Подобная логика обуславливалась тем, что на президентских выборах региональные элиты внешне продемонстрировали монолитную лояльность по отношению к В.В. Путину. Именно их поддержка сыграла значимую (если не сказать определяющую) роль в его избрании на президентский пост. Союз с элитами позволил бы в кратчайшие сроки обеспечить административно-политическое укрепление нового режима и преодолеть зависимость от слабо контролируемых им партнеров по исходной коалиции из окружения «семьи» (транзитологические концепции выделяют консолидацию режима как одну из характерных черт переходного периода). Однако вместо подобного союза новый Президент предпочел не связывать себя какими-либо условиями и договоренностями. И для этого, по-видимому, также существовали вполне определенные политические основания.

Прежде всего, нельзя забывать, что определенная часть региональных элит, представляя важную составляющую формирующегося режима, связана крепкими многолетними узами совместной деятельности с окружением Б.Н. Ельцина и заменить ее в одночасье невозможно без нанесения ущерба самим себе. Региональные элиты это не только часть исторически изжившего себя «старого порядка» государственной организации, они, по сути, основа этого порядка и объективное

препятствие для масштабных преобразований. Наконец, «низкий уровень смены элит в ходе российской политической трансформации привел, как считают Г.В. Голосов и А.В. Лихтенштейн, к появлению целого ряда феноменов, которые, не являясь демократическими по существу, служат средствами адаптации авторитарных элит к новым институциональным условиям»¹, поэтому надеяться на их искренность и последовательность в рамках такого союза, видимо, не приходится.

Логика намечаемых командой В.В. Путина трансформаций, которые должны были затронуть интересы большей части элит, продиктовала Президенту РФ необходимость выстраивания отношений с элитами на основе законности и права, а не закулисных договоренностей. Здесь же необходимо сказать и о расколе путинского окружения, особенно на начальном этапе его правления. По утверждению А. Богатурова, «на Президента пытаются влиять либералы ельцинского набора (администрация), государственники-радикалы (они же «новые силовики»), придерживающиеся менее либеральных, но более жестких государственных взглядов с левоцентристским уклоном, и, наконец, государственники-либералы, самый любопытный и, похоже, наиболее перспективный вариант политической философии... Потрафить вкусам всех советчиков сложно, а сам Путин неохотно выражает предпочтения словами»².

Как бы то ни было, новый Президент в качестве важнейшей цели создаваемого политического режима избрал императив восстановления субъектности государства и концентрации власти в едином центре. Оценивая с сегодняшних позиций поставленные В.В. Путиным цели и степень их реализации, следует признать, что к началу 2002 г. значительный объем задуманного был сделан. Причем инновационные изменения осуществлялись постепенно, относительно мягко и без явно выраженных столкновений интересов федеральной и региональных элит: «В пользу вывода об усилении централизации власти свидетельствуют изменение расстановки сил в нижней палате нынешнего российского парламента... существенное изменение полномочий и политического влияния верхней палаты... усиление полномочий власти по отношению к региональным и отраслевым элитам в целом»³.

Ретроспективный анализ происшедших перемен, которые по сути своей имеют для российского государства далеко идущие последствия,

---

¹ Голосов Г.В., Лихтенштейн А.В. «Партии власти» и российский институциональный дизайн: теоретический анализ // Полис. 2001. № 1. С. 13—14.

² Богатуров А. Пять синдромов Ельцина и пять образов Путина. (Ретро-перспектива личностной дипломатии в России) // Pro et Contra. 2001. Т. 6. № 1—2. С. 130—131.

³ Гаман-Голутвина О. От коронации к инаугурации или от инаугурации к коронации? Истоки и современные особенности российской тенденции концентрации власти // Независимая газета. 2001. 5 апр.

позволяет ответить на вопрос о причинах мирного ухода региональных элит с политической сцены. Процесс сдачи ими своих позиций проходит несколько этапов.

Начало 2000 г. не было связано с какими-либо резкими мерами федеральных властей по ограничению политического и административного влияния руководителей регионов. Однако именно в это время начинает складываться общая архитектура будущей стратегии укрепления вертикали власти.

Последнее становится вполне очевидным, если вспомнить, что, выступая перед депутатами Государственной думы 16 августа 1999 г. еще в качестве претендента на пост Председателя Правительства РФ, В.В. Путин специальный акцент сделал на том, что в развитии «самостоятельности регионов» он видит «магистральный путь развития России как федеративного государства». Однако вместе с тем он считает опасным, «просто неприемлемым и вредным проявление как бесхребетности, так и двойных стандартов по отношению к разным субъектам Федерации. В основе отношений между федеральным правительством и региональными органами власти должен лежать закон и равенство субъектов Федерации... Не национальный признак должен определять политику центра в отношении того или иного субъекта Федерации, а реальное экономическое положение субъекта Федерации»⁴.

Накануне президентских выборов отношения между центром и региональными элитами определялись задачами консолидации «партии власти». Благодаря своему высокому рейтингу и фактической безальтернативности В.В. Путин оказался в положении, когда практически все региональные лидеры были вынуждены оказывать ему поддержку. В начале 2000 г. многие руководители субъектов РФ вошли в состав групп поддержки В.В. Путина: сторонники «Единства» — А. Назаров, В. Платов и А. Руцкой, «Всей России» — М. Шаймиев, В. Яковлев и М. Рахимов, НДР — Д. Аяцков и М. Прусак, «Отечества» — Ю. Лужков и И. Складов. Тем самым было обеспечено представительство большинства политических сегментов элит за исключением «красных» губернаторов. Со своей стороны, и.о. Президента РФ занял позицию, которая основывалась на отказе от практики обещаний при некотором усилении централизации.

Возникшая ситуация позволяла В.В. Путину не конкретизировать свое отношение к региональным проблемам и не обещать уступок. Ему удалось избежать дискуссии о будущем федерализма, демонстрируя стремление воссоздать сильную Россию и руководствоваться общегосударственными интересами. Элиты были поставлены в положение,

---

⁴ «Выборы — это борьба за власть, но не против государства. Выступление Владимира Путина перед депутатами Государственной думы 16 августа 1999 года // Независимая газета. 1999. 19 авг.

когда любые попытки торга и сепаратных соглашений были бы опрометчивыми. И хотя в дальнейшем губернаторы постепенно стали осознавать, что высказались в поддержку политика, чьи представления о принципах взаимодействия центра и регионов существенно отличаются от практики «ельцинской эпохи», однако эти опасения не вышли на уровень публичного обсуждения. Их актуализация лишь усилила неопределенность и неуверенность в стане элит⁵.

Одним из немногих свидетельств предполагаемой в будущем жесткой схемы взаимоотношений стало выступление и.о. Президента на заседании коллегии Минюста в феврале 2000 г., когда он особое внимание уделил проблеме законотворчества в регионах отметив, что 20% принятых в субъектах законодательных актов противоречат федеральным законам. В скором времени по итогам коллегии создается Межведомственная комиссия по вопросам конституционной безопасности при Минюсте РФ, которой было поручено проанализировать состояние законодательной базы субъектов Федерации и подготовить запросы в Конституционный суд РФ. В то время подобные заявления и организационные решения воспринимались элитами скорее как косметические, чреватые лишь отменой отдельных правовых актов регионов.

Но с мая по сентябрь 2000 г. президент переходит к принятию стратегических решений и первым из них стал Указ «О полномочном представителе Президента РФ в федеральном округе» (13.05.2000 г.). В политическом плане данное решение создало предпосылки для реального выведения представителей Президента РФ в субъектах Федерации и руководителей федеральных территориальных структур из-под контроля губернаторов. Более того, указ можно воспринимать и как начало создания правового фундамента для проведения административно-территориальной реформы. Хотя вполне очевидно, что подобная реформа возможна лишь в отдаленной перспективе, поскольку требует создания соответствующих политических и законодательных предпосылок, внесения изменений в Конституцию РФ.

Следующим шагом по ограничению влияния региональных лидеров стало внесение в Госдуму трех президентских законопроектов, которые

---

⁵ «Наиболее активно Путина поддержали в национальных республиках с «контролируемым» голосованием... Путину удалось привлечь на свою сторону руководителей республик, в том числе самых крупных — Татарстана, Башкирии и Дагестана... результат был достигнут не в ельцинском стиле односторонних уступок и "торговли" суверенитетом, а иными способами». Но в отличие от 1996 г. региональные элиты «рассчитывали не на новые уступки со стороны центра, а на то, что предполагаемое наступление "государственника" Путина на их права не перейдет некие рамки и сторонам удастся договориться» (Туровский Р., Макаренко Б. Аналитическая записка: Итоги президентских выборов и перспективы политического развития России. Новый глава государства стоит перед нелегкой задачей — выбором сбалансированной стратегии // НГ-Сценарии. № 4 (49). 2000. 12 апр.).

были направлены на достижение вполне конкретных политических целей. В первом речь шла об *изменении принципа формирования Совета Федерации*. Главными задачами здесь выступали: создание правовых и административных гарантий от возможности (пусть и гипотетической, но слишком свежи были воспоминания об инициативах Кремля по отрешению от должности Ю. Скуратова) формирования в верхней палате институциональной базы оппозиции; получение администрацией президента дополнительных механизмов контроля над Федеральным собранием в целом; устранение совмещения в верхней палате законодательных и исполнительных властных функций.

Второй законопроект предусматривал *законодательное оформление возможности отстранять губернаторов от должности и распускать законодательные собрания*. Данное решение должно было привести к усилению контроля со стороны Президента РФ и его Администрации за деятельностью губернаторов; повышению зависимости руководителей регионов от федерального центра; к обеспечению единого правового режима в российском государстве; снятию политических и экономических барьеров и ограничений на местных рынках и т.д.

Наконец, *законодательное обеспечение возможности губернаторов отстранять от должности руководителей органов местного самоуправления* должно было сформировать их относительную лояльность в проведении реформы управления; достроить «вертикаль власти» и довести «волю центра» до уровня отдельных городов и районов; разрушить систему местного самоуправления как независимую от государственной власти.

Принятие этих законопроектов объективно снижает «прозрачность» законодательной деятельности и процесса принятия решений в целом. В будущем Совете Федерации открытые дискуссии практически исключены. С одной стороны, в верхней палате уже возникла пропрезидентская сенаторская фракция «Федерация», которая начала свою деятельность с организации солидарных голосований, а с другой — формально члены Совета Федерации наделены полномочиями голосовать по важнейшим вопросам с учетом обязывающего решения соответствующей ветви власти на местах, что также может приводить к усложнению работы. И не всегда подходы фракции будут совпадать с установками региональных элит. Таким образом, уже сейчас можно прогнозировать возникновение противоречий в Совете Федерации, хотя в целом понятно, что в новом качестве верхняя палата станет значительно более управляемой, чем прежде.

В политическом плане появление законопроектов означало перевод противоречий во взаимодействии региональных элит с центром из латентной фазы в открытую. Главным следствием начавшейся административной реформы стал процесс приведения регионального законодательства в соответствие с федеральным. С этого времени суды и прокуратура становятся главными инструментами в реализации стра-

тегии централизации. В этих условиях подавляющее большинство региональных лидеров вынуждено было проявлять покорность. Началось явное снижение влияния элит на политические процессы в стране. Ослаблению их позиций способствовало и принятие поправок к Закону о принципах построения органов власти субъектов РФ, введение в действие нового Налогового кодекса.

В рамках наступления на региональные суверенитеты свои решения начинает принимать Конституционный суд РФ. Так, 7 июня 2000 г. он признает неконституционными государственный суверенитет Республики Алтай, а также норму, объявляющую недра, землю и леса собственностью республики⁶. Это решение фактически завершает период суверенизации. Сложившаяся в России политическая конъюнктура дала возможность судебным органам приступить к признанию республиканских суверенитетов юридически несостоятельными, причем без официального вовлечения в этот процесс президента РФ.

Справедливости ради следует признать, что в тот период стратегия поведения Президента РФ была направлена не на преодоление, а в определенной степени даже на углубление противоречий с региональной элитой. Его региональная политика оказалась органично вписанной в образ лидера, опирающегося на силовиков, готового осуществлять жесткую экономическую стратегию и в то же время достаточно отстраненного от региональных проблем, которые подавались в СМИ как «корыстные» интересы «региональных баронов».

Санкционировав «наведение порядка», администрация президента инициировала начало конфликта между региональными властями и судами. Знаковым в этом плане становится определение Конституционного суда от 27 июня 2000 г., в котором были признаны не соответствующими российскому законодательству ряд положений конституций Адыгеи, Башкортостана, Ингушетии, Республики Коми, Северной Осетии и Татарстана⁷. Речь шла о таких основах законодательства, как республиканский суверенитет, верховенство местного законодательства, право приостанавливать правовые акты РФ. Конституционный суд определил, что эти положения утрачивают силу и не подлежат

---

⁶ См.: Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 7 июня 2000 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального Закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2000. № 25. Ст. 2728.

⁷ См.: Определение Конституционного суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 92-0 «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке соответствия Конституции Российской Федерации отдельных положений конституций Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная Осетия — Алания и Республики Татарстан» // Собрание законодательства РФ. 2000. № 29. Ст. 3117.

применению, а по сути, это решение лишало республики статуса национально-государственных образований.

Параллельно на федеральном уровне активно начинают обсуждаться принципы формирования Государственного совета РФ и в этот процесс вовлекаются региональные лидеры. В дискуссию вносятся идеи, что в обозримом будущем Госсовет может стать конституционным органом, обеспечивающим представительство регионов и их интересы на федеральном уровне. Указ Президента РФ от 1 сентября 2000 г. поставил в дискуссии точку. Согласно принятому решению, Госсовет обладает исключительно совещательным правом голоса при решении общегосударственных проблем. Дальнейшее развитие событий ясно покажет, что федеральные власти изначально не были заинтересованы в создании дееспособного и авторитетного органа с участием региональных элит, влияющего на ход политического процесса. Весьма характерным в этом аспекте выглядит поручение губернаторам готовить тематические доклады. Новый институт, надо полагать, стал, по мнению центра, адекватной заменой не только Совету Федерации, но и всей системе отношений с губернаторами, созданной Б. Ельциным.

Другая стратегия в региональной политике на этом этапе связана с постепенным превращением федеральных округов в действенную силу. Полномочным представителям Президента было дано указание взять под контроль региональные выборы. Сам же В.В. Путин продолжил тактику «равноудаленности» от региональных процессов. Хотя именно в это время принимается решение о внесении изменений в его Указ «О государственных электронных СМИ в РФ». Получила дальнейшее развитие установка на перераспределение полномочий региональных властей в пользу полпредов. Таким образом, в то время как губернаторам был дан Госсовет, за членство в президиуме которого предполагалась конкуренция, внутри самой федеральной власти продолжалось формирование новой структуры, готовой отеснить губернаторов от принятия важных политических решений.

Начался новый раунд в отношениях между центром и регионами, когда федеральные власти и подконтрольная им Государственная дума стали определять ход региональной политики. На том этапе В.В. Путин демонстрировал минимальную склонность к компромиссам с региональными лидерами. Что касается элит, то они, не располагая механизмами и идеологией интеграции или нормативного политического протеста, а также навыками и традициями нестандартного в их среде политического поведения не проявили в тот момент какого-либо стремления к консолидации и даже не попытались организовать сопротивление этим процессам. В свое время П. Барнелл подчеркивал, «существенный инициативный выбор институциональных форм имеет тенденцию сопротивляться изменениям... Статусные книги можно переписать, гораздо труднее изменить неформальную практику»⁸. Вот эту «неформальную практику» политического поведения и реакций, сформированных в предше-

ствующую эпоху, элиты регионов и не смогли вовремя отразить и должным образом трансформировать⁹.

Как следствие, имеющиеся противоречия в системе «центр — элиты» не только не были сняты, но получили дополнительный импульс к своему дальнейшему развитию и углублению. Политико-организационное подтверждение получил тезис, что источником формирования политической конкуренции (без которой о демократизации говорить не приходится) в постсоветском обществе служат не «пакты», а расколы элит. В связи с этим напомним, что раздробленность элитных слоев общества, о чем писал А. Коли, часто выступала в качестве скрытого катализатора социальной нестабильности, которая возвещала о гибели многих демократических экспериментов¹⁰.

Особо следует подчеркнуть, что речь в данном случае должна идти не о «конфликтах на уровне отдельных персонажей и конкретных властвующих группировок», а о существовании в российской политической реальности объективных оснований для их появления. Как подчеркивает В. Гельман, эти конфликты, «открыто проявившиеся в постсоветский период, сформировались значительно раньше... они стали побочным продуктом советской модернизации, в рамках которой развивались латентные противоречия групп интересов. Эти противоречия, в свою очередь, отражали присущий модернизирующимся обществам — включая советское — конфликт между «центром» и «периферией», сыгравший позднее немалую роль в трансформации политических систем постсоветских государств»¹¹.

Конец 2000-го и начало 2001 г. связаны с демонстративно показательной работой Президиума Госсовета РФ. С его трибуны губернаторы получили возможность высказаться, но лишь по тем вопросам, которые были за ними закреплены Президентом. Что касается проблем взаимоотношений центра и регионов, то они как бы отходят на второй

---

⁸ Цит. по: Гельман В. Шахматные партии российской элиты // www.politic.donetsk.ua/ru/st001/gelman2.shtml

⁹ Как подчеркивает С. Мейнуоринг, большая роль в процессе движения к согласию «принадлежит структурным, институциональным и культурным факторам, при сохранении автономности политических элит. Иными словами, эти «макрофакторы» не являются определяющими: политические элиты (сами по себе, даже перед лицом угроз. — Прим. авт.) могут оказываться неспособными к достижению согласия в благоприятных условиях и, напротив, достигать его в неблагоприятных ситуациях» (Мейнуоринг С. Роль элит // Пределы власти // www.russ.ru:8080/antolog/predely/1/dem2-2.htm)

¹⁰ Коли А. Демократия и развитие // Льюис Д., Каллаб К. Пересмотр стратегий развития. Нью-Джерси, 1986. С. 178.

¹¹ Гельман В.Я. Постсоветские политические трансформации. Наброски к теории // Полис. 2001. № 1. С. 22; См. также: Р. Туровский. Политическое расслоение российских регионов (история и факторы формирования) // Партийно-политические элиты и электоральные процессы в России. Сер. Политология. Вып. 3. М., 1996.

план. Хотя некоторые из региональных лидеров вначале попытались поставить вопрос о конституционности законов, определивших контуры федеральной реформы, стремясь минимизировать негативный эффект процесса приведения в соответствие федеральных и региональных законов¹². В то же время члены Президиума Госсовета не торговались коллегиально обсуждать накопившиеся противоречия. В итоге Конституционный комитет верхней палаты Федерального собрания так и не внес вопрос о конституционности законов на заседание Совета Федерации.

Самым актуальным для наиболее влиятельных представителей региональных элит в этот период становится вопрос о сроках их полномочий. Его обсуждение было призвано создать видимость компромисса с президентской стороной. В конечном счете, чтобы снять напряженность в отношениях с некоторыми лидерами, федеральный центр пошел на эту уступку. Право участвовать в третьих по счету выборах вместе с М. Шаймиевым получили Н. Федоров, Р. Аушев, М. Рахимов, Э. Россель, К. Илюмжинов, В. Коков, А. Джаримов, Ю. Спиридонов, Ш. Ооржак, Е. Строев, М. Прусак, Е. Савченко, Л. Полежаев и В. Кресс. Со своей стороны, с принятием данной поправки Администрация Президента РФ получила возможность более жестко навязывать свою волю руководителям регионов, доказывая, что губернаторская оппозиция является лишь формой торга с центром, а не выражением принципиальных позиций.

Дальше последовало постепенное выведение руководителей субъектов Федерации из поля принятия политических решений общегосударственной значимости. Центр продолжал ориентировать губернаторов на две, казалось бы, полярные по своей сути линии поведения — участие в «глобальных» (общефедеральных и межрегиональных) проектах и решение конкретных хозяйственных задач на местах. На первом заседании Госсовета Президент сформулировал политический статус нового института, который должен способствовать определению вектора развития страны, не подменяя парламент и правительство. В.В. Путин призвал членов Госсовета «подняться над текучкой, над административной суетой, над сугубо региональными проблемами». В то же время проект стратегии развития России до 2010 г., с которым выступил В. Ишаев, был лишь принят к сведению.

Знаковым было и декабрьское (2000 г.) заседание Президиума Госсовета. По вопросу о разграничении полномочий между уровнями власти докладывал М. Шаймиев. Его трактовка тезиса об «инвентаризации» полномочий федеральной и региональной властей, изначально была отличной от позиции Кремля, поскольку по целому ряду признаков в

---

¹² Инициаторами стали — Президент Чувашии Н. Федоров и спикер Московской городской думы В. Платонов.

дальнейшем центральная власть совсем не предполагает, по-видимому, пользоваться договорной формой разграничения полномочий. В целом к началу 2001 г. наметились позитивные сдвиги в отношениях с республиками, что стало определенной «наградой» за внесение поправок в региональное законодательство. Однако это совсем не означало, что центр отказался от своей стратегии на усиление централизации.

Итоги первого года президентства В.В. Путина позволили аналитикам говорить о том, что Президент сохранил стратегическую инициативу и оформился как доминантный политический актор. В значительной степени ему удалось добиться успехов в реформировании федеративного поля (в том смысле, как он и его администрация понимают существо этого процесса).

Параллельно была решена задача сохранения и использования в целях укрепления федеральной властной вертикали институциональных и процессуальных основ политической системы, сформированной на правовой базе Конституции РФ. «Это позволяет Президенту в полной мере использовать властный ресурс своего поста, а также такие специфические характеристики существующей системы, как, например, доминирование исполнительной власти над представительными органами, разделение полномочий исполнительной власти между главой государства и Правительством — с переносом на последнее всей ответственности за социально-экономическую политику, — а также широкие возможности для политического маневрирования и применения неформальных механизмов принятия решений»¹³.

Во второй половине 2001 г. продолжалось снижение внимания к региональным элитам со стороны федеральных властей. Эта тенденция порой становилась особенно демонстративной, поскольку май 2001 г. должен был стать месяцем подведения промежуточных итогов «административной реформы». «Административная реформа» условно начинает признаваться «состоявшейся», хотя анализ показывает, что ситуация здесь далека от желаемой, а недоучет регионального фактора может обернуться в дальнейшем серьезными общегосударственными проблемами.

В этот период происходит переключение внимания центра на проблемы, связанные с запуском ряда экономических реформ и программ реструктуризации. Губернаторов стремятся сделать рядовыми «соучастниками» этого процесса, привязав к федеральным реформам. Показательной в этом плане явилась ситуация в Госсовете. Все действия центра свидетельствовали об отсутствии заинтересованности в разработ-

---

¹³ Бадовский Д.В. Эволюция политической системы: от модели «тотального диалога» к «огосударствлению элиты» // «Реконструкция» государства: современные задачи и организация эффективной исполнительной власти. 2001. № 4. // www.niiss.ru/Publications/Seminar/04/6.htm

ках, предлагаемых рабочими группами. После выступления М. Шаймиева о разграничении предметов ведения его доклад был отправлен на доработку и забыт; та же участь постигла и предложения рабочей группы во главе с В. Крессом о создании вертикально-интегрированных энергетических компаний, между которыми делилась бы территория страны, а также наработки В. Ишаева по экономической стратегии, Ю. Лужкова по государственному строительству и Л. Полежаева по реформе ЖКХ и др. Губернаторам в то время оставалось лишь заявлять о своем особом мнении по всем этим вопросам. А уход М. Шаймиева из Совета Федерации стал символьным с точки зрения ослабления позиций в этой структуре наиболее активных лоббистов региональных интересов. В целом же очевидно, что именно в этот период начинает расти губернаторское недовольство, которое увеличивалось пропорционально исчезновению надежды на повышение роли Госсовета.

К середине 2001 г. остро встал вопрос приведения регионального законодательства в соответствие с федеральным (несмотря на то, что 80% законодательных актов были приведены в соответствие). Оставшиеся 20% представляли самые спорные ситуации, требующие «точечного», а не обобщенного подхода. Это касается, прежде всего, проблем республиканского суверенитета и связанного с ним комплекса прав местного самоуправления. Такие проблемы особенно актуальны для наиболее «нетипичных» регионов России: национальных республик и Москвы. А то, что данный вопрос не снят с повестки дня, стало очевидно после решения Конституционного суда по ходатайству С. Кириенко (апрель, 2001 г.). Речь шла об официальном разъяснении решения Конституционного суда от 27 июня 2000 г., поставившего вне закона республиканский суверенитет. (Напомним, что это решение последовало через две недели после инаугурации Президента РТ М. Шаймиева.)

Стало очевидным, что процесс «наступления» на регионы будет продолжаться. Действия В.В. Путина открыли поток ведомственных интересов, когда практически каждая федеральная структура стала выстраивать собственную властную вертикаль, устанавливая контроль над территориальными подразделениями.

Президент «через голову» Совета Федерации подписал закон о разграничении государственной собственности на землю, вызвавший огромное неприятие ряда регионов. Центру удалось «продать» решение, лишаящее регионы «права голоса» при назначении региональных милициских начальников. Началось свертывание договорных основ Федерации. Произошло подчинение региональных избиркомов ЦИК. Президентом был подписан закон, запрещающий губернаторам участвовать в выборах в случае досрочной отставки или отрешения от должности.

В основном произошла концентрации власти и ресурсов в руках центра. Хотя к середине 2001 г. ситуация еще продолжала характеризоваться высокой степенью неопределенности. Усиление центром своего влияния в регионах сделало ситуацию на местах более противоре-

чивой, спровоцировало дробление региональных элит, деление ее на «федералов» и «регионалов» с «муниципалами», что, впрочем, выступает вполне логичным с точки зрения политического процесса¹⁴.

У региональных лидеров имеется ряд очевидных проблем. Во-первых, это *свертывание центром конституционно-договорной формы федерализма*, ликвидация системы договоров о разграничении полномочий. Федеральный центр начал демонстративно абсолютизировать примат равенства субъектов РФ, играя на амбициях регионов-реципиентов. Центр стремится представить эти тенденции как инициативу «снизу», добиваясь, чтобы губернаторы сами отказывались от своих полномочий. Инструментами давления выступают комиссия Д. Козака по разграничению полномочий между уровнями власти, Администрация Президента, полпреды, прокуратура и суды. В одном из своих выступлений Д. Козак отметил, что договоры о разграничении «засоряют» правовое пространство и большинство из них должно быть аннулировано¹⁵.

Становится вполне понятным, что федерализм как форма государственного устройства уже не воспринимается столичными структурами в качестве значимого ориентира и региональные элиты это понимают.

Во-вторых, *изменение типа властных отношений*. Если раньше опорой режима в России служили губернаторы, то теперь старая модель «Президент — губернаторы» находится в полуразрушенном состоянии, а новая не создана. Какой будет новая модель при том, что пока губернаторы остаются выборными, а Россия — федеративным государством — остается под вопросом.

В-третьих, *практически принятым можно считать решение об обязательном применении смешанной системы на выборах законодательных органов власти*. За смешанную систему высказался заместитель Главы Администрации Президента В. Сурков и Председатель ЦИК А. Вешняков. Кроме того, ЦИК предпринимает действия по созданию «избиркомовской вертикали».

В-четвертых, *усиление процесса перераспределения экономических ресурсов в пользу центра*. Ключевым здесь стал вопрос о земле. Принимаемые законы фактически делают землю федеральным ресурсом, лишая регионы и муниципальные образования значительной доли

---

¹⁴ Как подчеркивает В.Я. Гельман, «если в развитых демократиях политическая конкуренция (по крайней мере, на уровне партийных систем) поддерживается благодаря «замороженным» социальным расколам, то в процессе демократизации решающее значение имеют расколы элит, создающие базу для политической конкуренции. Особенно велика важность последних для политического развития постсоветских обществ, где относительно слабая выраженность социальных расколов на уровне идеологических альтернатив сочетается с высокой зависимостью «массовых клиентов» от патронажа со стороны элит» (Гельман В. Я. Постсоветские политические трансформации... № 1. С. 22.).

¹⁵ Бабаева С. Они больше не будут. Договоры между центром и регионами отменены // Известия. 2001. 11 окт.

собственности на землю и поступлений от арендной платы. В соответствии с законом перечни земельных участков, находящихся в государственной собственности, составляются в Правительстве РФ, которое их и утверждает.

Наконец, *принятие Земельного кодекса на фоне неоднозначной оценки регионов*. Показательно, что федеральные власти, открыто лоббируя законопроект, пренебрегли мнением территорий. Фактически была нарушена неформальная договоренность, достигнутая губернаторами и Президентом в ходе одного из заседаний Госсовета, когда В.В. Путин однозначно указал на необходимость решения земельного вопроса с учетом мнений регионов.

В результате региональная политика оказалась очень разбалансированной. Причинами тому стали: несовпадение федеральных ведомственных интересов в сочетании с попытками кулуарных договоренностей элит с Администрацией Президента. Сказалась также и непоследовательность Кремля в колебаниях между попытками жесткого давления на региональные элиты и «смягчающими» тенденциями, между явным желанием и ограниченностью возможностей превращения лидеров регионов в статистов центра.

Примером реальной направленности политики федеральных властей в отношении субъектов РФ стали предвыборные ситуации в Саха (Якутии) и Удмуртии, связанные с открытым давлением на регионы и их руководителей. ЦИК начал выступать в качестве центра политического влияния, стремящегося определять ситуацию на региональных выборах. Налицо тактика двойных стандартов федеральных ведомств и их чрезмерные претензии на влияние в регионах.

Та же региональная политика приводит к усилению противоречий с региональными элитами, поскольку затрагивает их сущностные интересы. И хотя проблемы пока удастся разрешать на уровне закулисных переговоров, ясно, что латентная напряженность останется.

Региональные элиты настаивают на стремлении центра полностью устранить из политики фактор регионального своеобразия. Данный подход, конечно, выглядит естественным с точки зрения федеральной бюрократии, однако даже гипотетически полностью исключить действия этого фактора нельзя. Если его своевременно не гармонизировать политико-правовыми способами, то этот фактор будет проявлять себя в формах сепаратизма и межнациональных конфликтов¹⁶. То же относится и

---

¹⁶ В связи с указанными процессами уместно вспомнить рекомендацию М. Ильина: «Прежде всего следует преодолеть искушение быстрых и радикальных «судьбоносных» решений. Принципиально важно проработать недостаточно освоенные модели развития, инвентаризировать и оценить все возможности политической организации: реально используемые, латентные или даже потенциально мыслимые в рамках различных хронологических логик» (Ильин М. Политическое самоопределение России // Pro et Contra. 1999. Т. 4. № 3. С. 84.).

к сфере совместного ведения. Опыт других стран показывает, что полномочия перераспределяются вместе с ответственностью, груз которой рано или поздно окажется для федеральных властей неподъемным и может привести к избыточным напряжениям во всей системе государственных отношений, появлению протестных очагов в регионах.

Параллельно федеральными институтами продолжают вводиться дополнительные ограничения для региональных элит. Государственная дума приняла в первом чтении поправки к Закону об общих принципах организации государственной власти в регионах, которая запрещает совмещение депутатской деятельности не только с государственной, но и с муниципальной службой. Процесс централизации вовлек в свою орбиту интересы самых разных федеральных структур (МВД, ФСНП, Минюст, ЦИК, прокуратура, суды и т.д.). В этой ситуации Президенту с неизбежностью придется брать на себя функции арбитра, смягчающего напряженные ситуации.

Что касается Госсовета РФ, то он как институт интеграции федеральных и региональных интересов работает все менее эффективно, решая лишь тактические задачи. Поэтому позиционирование Президента в системе «центр — регионы» также является актуальной проблемой. Региональные элиты ждут от него меры в политике централизации. Однако за время президентства В.В. Путина проблема конструктивного компромисса с региональными элитами ни разу не была обозначена в то время как создание для региональных элит безвыходных ситуаций, силовое давление на них наглядно проявлялось. Временные компромиссы с отдельными губернаторами пока носят тактический и локальный характер и не воспринимаются как модель сглаживания противоречий между центром и регионами.

Для понимания мобилизационных изменений в российской элитной структуре целесообразно обратиться к модели «элитной трансформации», предложенной в 1980—1990-е гг. американскими политологами М. Бартоном, Р. Гантером и Д. Хигли. По их трактовке, преодоление раскола элит является важнейшим элементом упрочения новых демократических режимов. При этом трансформации могут идти через две формы консолидации: 1) слияние элит, которое происходит в итоге длительного «эффекта накопления», приводящего к созданию «основанного на согласии союза элит», и 2) сообщество элит, которые после непримиримой конфронтации «сознательно реорганизуют свои интересы, договариваясь о компромиссах по основным расхождениям»¹⁷. Для Российской Федерации более продуктивным выступает второй путь. По мнению Ф. Шмидтера, «наиболее благоприятной средой для

---

¹⁷ M. Burton, R. Gunther, J. Higley. Introduction: Elite Transformations and Democratic Regimes // *Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. xi.

последующей консолидации является «согласованный переходный период», когда элита прежней автократии и оппозиция попадают в патовую ситуацию, вынуждающую уважать интересы друг друга»¹⁸. Однако само по себе сближение элит еще не ведет к демократии. Напротив, почвой для этого может стать стремление если не восстановить автократию, то ограничить плюрализм.

В нынешней ситуации, когда губернаторы остаются сильными игроками на своем уровне и сохраняют выборность, Президент России казалось бы объективно заинтересован в выполнении роли арбитра при столкновении федеральных и региональных интересов. Как считает М. Ильин, «президентская власть могла бы сыграть роль интегрирующего политического авторитета, который... исполнял бы исключительно функции интегратора и посредника»¹⁹. Но пока этот сценарий прослеживается крайне незначительно.

В.В. Путину сегодня во многом удалось справиться с рядом кризисов «общественного доверия». Для современной политической конструкции в России характерно стимулирование общественной поддержки как основного ресурса реализации решений и ограничения зависимости Президента от иных политических субъектов.

Развитие такой политической системы как раз и позволяет ограничивать процедуры согласования интересов, «тотальный диалог» между различными группами влияния, повышать скорость и эффективность принятия тех или иных решений, выполнять пропагандистские, организаторские, контрольные и, в случае необходимости, репрессивные функции по отношению к обществу и элитным группам.

При этом государство стремится не к уничтожению «групп влияния» как участников диалога с властью, но к выстраиванию иной системы отношений с ними, которая может быть названа системой «огосударствления интересов». Подобный подход предполагает исполнение основными элитными группами интересов таких требований, как согласие на самоограничение в определенных сферах (вплоть до самоограничения в личном поведении и стиле жизни), взятие на себя обязательств в ряде областей (внутренние инвестиции, дисциплина в уплате корпоративных и личных налогов и т.д.). Группы интересов также обязаны принимать на себя обязательства по деятельности в качестве агентов государства по поддержанию общественной стабильности и социальных гарантий. При этом также должно признаваться право государства проводить жесткие действия в отношении тех или иных групп влияния, в случае их отказа следовать государственным интересам. Именно на основе этих принципов формируется новая норма элитной конвенции.

---

¹⁸ Шмидтер Ф.К. Угрозы и дилеммы демократии // Пределы власти // www.russ.ru:8080/antolog/predely/1/dem2-2.htm

¹⁹ Ильин М. Политическое самоопределение России. С. 84—85.

В такой системе группы влияния сохраняют возможности для своего существования, но функционируют в первую очередь как агенты государственной политики. Они осуществляют свою деятельность под жестким контролем государства, которое имеет санкцию общественного мнения и политической легитимности на жесткую политику в отношении этих групп, и такие меры могут быть приведены в действие в любой момент посредством неформализованных процедур. Выстраивание государством подобной системы отношений имеет особый смысл в преддверии социально-экономического кризиса и ограничения количества ресурсов, поскольку в условиях дефицита ресурсов группы влияния склонны превращаться в агентов давления на государство.

Такая политика государства становится еще более понятной перед лицом долгосрочных вызовов, возникающих перед Россией и носящих преимущественно модернизационный характер (угрозы техногенных катастроф; проблемы внешнего долга; задачи структурной и технологической перестройки экономики и социальной сферы, создания новых технологий социальной политики; проблемы депопуляции и диспропорций в этнодемографической динамике развития России; многовекторное цивилизационное и геополитическое давление на Россию и т.д.).

Однако решение указанных стратегических модернизационных задач сегодня как раз и осложняется ограниченностью мобилизационных возможностей государства, неадекватным ресурсным перераспределением в процессе «тотального диалога». Конструкция нынешней политической системы не позволяет решить задачи мобилизации и накопления ресурсов в национальных интересах, поскольку построена на тотальном компромиссе различных групп влияния между собой и потребляет значительную, если не преобладающую, часть этих национальных ресурсов на согласование интересов элит.

* * *

Подводя итоги, необходимо отметить, что сегодня речь идет о попытке государства модернизировать существующую систему политического и социального развития, перейдя (возможно, на время) от модели «тотального диалога» к политике «огосударствления интересов» основных элитных групп при сохранении основ плебисцитарной демократии в отношениях с населением. Иначе говоря, новая элитная конвенция требует от ее участников признания первенства такой категории, как «национальные интересы», в их диалоге с государством и, соответственно, принятия на себя ряда функций в модернизационной социально-экономической политике.

Глава 4

ПОТЕНЦИАЛ ИНТЕГРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ВОЗРАСТАЮЩЕГО СОЦИАЛЬНОГО МНОГООБРАЗИЯ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

Рассматривая проблему неравенства в этническом ракурсе, мы сделали попытку в данном исследовании соединить три направления изучения. *Первое связано с ответом локальных сообществ на вызовы глобализации.* Локальными сообществами в исследовании по проекту «СН» выступают этнические и региональные (республики и область). Собранный социологическая информация давала возможность ответить на вопрос, как экономический национализм, ищущий ответ на неотвратимость глобализации, в которую встраивалась вся страна, влиял на социальные позиции и в целом на соотношение статусов этнических групп в регионах, и в то же время, как социально-культурный потенциал этнических групп стимулировал или, наоборот, ограничивал этнические и локальные претензии.

Другой аспект, связанный с глобализацией, — модернизационный потенциал культур, возможность профессионализации групп до уровня, достаточного для освоения новых технологий; способность гибкого реагирования на процессы углубления или, наоборот, сглаживания традиционных (например, гендерных, возрастных) неравенств, обусловленных глобализацией.

Второе направление — как влияли общие трансформационные процессы в российском обществе на старые и новые этнические неравенства.

Один из известных исследователей современных социологических теорий Петр Штомпка назвал трансформационные процессы постсоветского периода травматическими. Травматизм связывается прежде всего с тем, что изменения происходили сразу во всех сферах жизни: экономике, политике, социальных отношениях, культуре. Достаточно вспомнить, какие понятия появились в науке и обществе для описания происходящих явлений — «шоковая терапия», «катастрофическое сознание», «аномия»¹, чтобы понять сложность не только самой действительности, но и ее осмысления наукой.

Выступая на XV Всемирном социологическом конгрессе (июль 2002 г., Австралия), Джеффри Александер, развивая идею «травмы», верно, на наш взгляд, обратил внимание на то, что важно различать травму обще-

---

¹ Дезинтеграция нравственных ценностей, ценностных ориентаций, появление ценностного вакуума.

ства и травму группы, а в каком-то варианте — «травму случая». Это может быть стечение обстоятельств для страны, социальной группы, народа, травма геополитическая, экономическая или культурная.

Легко вспомнить, как одно и то же событие — распад Союза — для России и русских было травмой, заключавшейся в потере прежнего статуса в геополитическом пространстве, но для большинства эстонцев или латышей это воспринималось не травматически. В то же время в Эстонии или Латвии для большинства русских данное событие было не только политической, но и социальной, психологической и культурной травмой. Они сразу почувствовали неравенство во всех сферах.

То же самое и в российском обществе. Многими русскими национальные движения в российских республиках — Татарстане, Туве, Саха (Якутии), в республиках Северного Кавказа — воспринимались как продолжение сепаратизма в союзных республиках, как метастазы травмы распада Союза. Но в самих республиках большинством из среды титульных национальностей они воспринимались как возможность поднять свой статус, получить поддержку сохранения национального языка, престижа своей культуры. Трансформационные процессы как в политике — крах советского режима, допущение свободы слова, партий, передвижений, в экономических отношениях, так и в культуре — смену идеологии, культурный плюрализм — русские и нерусские народы в чем-то переживали схоже, но в чем-то и очень differently. И именно сходство фоновых практик и отличие конкретных реакций четко проявились в результате исследований по проекту «СН».

Наконец, *нашим третьим направлением изучения было влияние старых и новых этнических неравенств на процессы дифференциации и интеграции в российском обществе.*

ФРАГМЕНТАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА КАК ВОЗМОЖНАЯ ОСНОВА ДЛЯ ИНТЕГРАЦИИ

Изучая конкретные проявления равенства-неравенства на индивидуальном и групповом уровне, необходимо обратиться к общемировому контексту, связанному с глобализацией. Глобализацией М. Уотерс называет «процесс, в котором географические ограничения, налагаемые на социально-культурные нормы (установления), отступают и в ходе которого люди все более осознают, что эти ограничения отступают»².

Один из самых признанных авторов, анализировавших эволюцию мировой системы, И. Уоллерстайн показал, что в современной мир-экономике как социальной системе фундаментальные процессы диф-

---

² Waters M. Globalization. L.: Routledge. P. 3.

ференциации затрагивают не только индивидов, корпорации, классы, но прежде всего государства³.

Основой дифференциации, которую описывает Уоллерстайн, является международное разделение труда — и именно с этой точки зрения мир является единым целым.

Российские исследователи обсуждают, к какому из трех типов государств — участников современной мир-экономики можно отнести современную Россию. По Уоллерстайну выделяются:

- «ядерные» высокоразвитые государства, занимающие господствующие позиции в мир-экономике, извлекающие максимальную выгоду из всемирного разделения труда, обладающие сильной и эффективной политической организацией;
- так называемые «периферийные» государства, являющиеся преимущественно сырьевой базой для мир-экономики, зависящие от высокоразвитых государств и, как правило, со слабыми правительствами;
- условно говоря, «полупериферийные» государства, занимающие промежуточные позиции по степени зависимости в мировой системе от экономической поддержки высокоразвитых стран.

Но в самой громадной по территории России регионы оказываются балансирующими как в глобальной мир-системе, так и внутри страны, которая и объективно, и субъективно находится в положении далеко от определенности, где изменяется практически все. Узнаваемо-неузнаваемая актуальность, о которой пишут мыслители, характерна и для российского пространства⁴.

В этом мире время «утрачивает прошлый гранднарративный смысл», но пространство, «напротив, становится чуть ли не единственной мерой сведения деятельности людей к некоему культурному знаменателю»⁵.

Рассмотрение меняющейся природы времени и пространства привело, как пишет А. Согомонов, к формированию устойчивой метафазы «сжатия времени и пространства»⁶. Социальное время ускоряется, а социальное пространство фрагментируется. Глобальное и локальное

---

³ Идеи Уоллерстайна анализируются в работах И. Девятко «Понятие мир-системы и мирсистемный анализ современности» (История теоретической социологии. СПб., 2000. Т. 4), В. Садовникова «Мирсистемный анализ: происхождение и основные идеи» (Философские перипетии. Вестник Харьковского государственного университета. Харьков, 1998 № 409).

⁴ Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального. Екатеринбург, 2000; Согомонов А. Ю. Глокальность // Глобальность постсоветского общества. М., 2001.

⁵ Согомонов А. Ю. Глокальность. С. 63.

⁶ Там же.

являются наиболее фундаментальными проявлениями современной социальности и знаковым процессом становится *глокальность*.

Как видел читатель, рассматривая в ряде глав неравенства и сходства этнических групп в конкретных условиях субъектов Федерации, городской и сельской местности, мы чаще всего могли фиксировать малосравнимые социальные практики на фоне единых процессов. Напомню только один фрагмент. По важному критерию модернизации — уровню образования (доле специалистов с высшим образованием) якуты в Саха (Якутии) в городских условиях уже более десятилетия «обгоняют» русских. Но у якутов большая часть народа живет не в городе, а в сельской местности, где включенность жителей, тем более в условиях высокой дисперсии по территории, в современные виды деятельности очень невысокая.

В Татарстане совсем иное. Здесь русские и татары по уровню образования были очень сходными и, что особенно важно, они мало отличались уже в конце 80-х гг. по отраслевой занятости работников, в том числе по доле производственной, художественно-творческой интеллигенции, в то время как в Саха (Якутии) или Башкортостане доли производственной интеллигенции у русских и титульных национальностей различались более чем в 4 раза⁷. Процесс шел общий — модернизации, но вариации его в количественных выражениях, а тем более в качественных характеристиках, чрезвычайно богаты.

Поэтому для российских условий очень важны выводы ученых, изучавших процессы глобализации, прежде всего о «глокализации», понимаемой как процесс адаптации глобальных хозяйственных практик к местным условиям и как понятие для описания реструктуризации социального пространства⁸.

Приведу рассуждение А.Ю. Согомонова, которое, на мой взгляд, адекватно и прогностически описывает это явление: «Территории (и даже группы и индивиды!) отныне отличаются друг от друга не только историко-хронологической «развитостью» или «отсталостью» по воображаемой модернизационной шкале, а своими *неповторимыми рисунками того, как в них переплетаются включенность в глобальные потоки и следование местным культурным традициям, социальным устоям*. По глокальному критерию разнятся страны, города, регионы, организации и отдельные индивиды. Анализируя их, конечно же, можно говорить о неравномерности их развития по отношению друг к другу и неравнозначности их статусов, но *такое сравнение сегодня уже*

⁷ Конкретные данные см.: I разд., гл. 2.

⁸ Robertson R. Globalizations: Time-Space and Homogeneity — Heterogeneity // Global Modernities / Ed. by M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. L.: Sage, 1995. P. 28—29; Luke T. New World-Order and Neo-World Orders: Power, Politics and Ideology in Informationalizing Glolities / Ed. by M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. Global Modernities. L.: Sage, 1995, P. 91—107.

не образует символического капитала и вряд ли может использоваться солидаристически — в политическом ли смысле, или при формировании новых идеологий развития.

Идентичность места сегодня, скорее, детерминирована глокально, то есть структурирована пространственно, нежели предопределена логикой символического времени»⁹.

Время настоящее и прошлое, давнее и недавнее, по-разному воспринимается социальными акторами и целыми группами в процессе самоидентификации. Из глубинных интервью с людьми одной и той же национальности и даже близкого статуса видно, что одни в традициях культуры, подчас даже архаических, видят способ защитить общество от стандартизированной массовой культуры, нравственного опустошения и поддержать деятельностную позицию работников. Другие считают, что как можно быстрее надо уйти от прошлого, оно сковывает, сдерживает. Из интервью директора Департамента по реализации в Правительстве Саха (Якутии) Егора Павловича Журкова: «Как жить? Может быть две крайности... Свести все к самодостаточности, сохранить нетронутой самобытность народа. Второй путь — путь открытого миросуществования, вписывания в новые отношения. Этот путь, как мне кажется, больше отвечает новому времени. И мы видим мир перед собой, и мы оказываемся вписанными в мировые процессы... В комитетах (имеются в виду комитеты Правительства республики), особенно по бюджетной системе, мы видим, как отражаются эти споры».

Из интервью Николая Алексеевича Лугинова, директора Литературного музея (г. Якутск) (он рассуждает о том, что время сейчас иное, как раньше, жить нельзя, но что-то в прошлом было рациональным): «В жизни каждого народа есть та сфера производства, которая составляет исконное занятие народа. И подрыв этой сферы деятельности подрезает все национальные корни. И после этого происходят необратимые процессы... Чтобы менять внутренний склад жизни, нужно время. Нельзя сказать, что народ сломался, он, наверное, при новых условиях жизни становится другим... У нас есть глубоко порочный подход ко всему — единообразный. Пытаются сравнивать многомиллионные города и Якутию, а она вся — это миллион с небольшим жителей... Народы осваивают такую громадную территорию, на них держатся редчайшие сферы деятельности... Эти люди даже фактом своего существования, обитая на громадных территориях, несут дополнительную положительную силу».

Понятие исторического времени для сравнения и понимания своего места в настоящем меняется, и осмысление этого людьми имеет существенное значение для представлений о равенстве-неравенстве народов, этнических групп.

---

⁹ Согомонов А.Ю. Глокальность.

Как можно было заметить в нашей интерпретации итогов исследования, мы не использовали понятий «выравнивание уровней развития», «догоняют», «опережают». Мы говорили о своеобразии этнических групп, их позиций, статусов, о явлениях, формирующих представления о равенстве-неравенстве.

В концепциях глобализации есть, конечно, и другой подход, который нельзя не учитывать. Он более прагматический и связан с распространением новых технологий в глобальной экономике в век информационного общества. Речь идет о культурных особенностях того сообщества, которое лидирует в освоении новых технологий и, как следствие этого, фрагментирует экономическое и социальное пространство. Это особенно интересует экономическую социологию. В. Радаев пишет о неодинаковой адаптации этнических групп к одним и тем же условиям труда, обращаясь к примеру выходцев с мусульманского Востока, которым труднее приспосабливаться к жесткому ритму промышленного конвейерного производства. Но зато многие из них при первой возможности стремятся завести свое маленькое дело (торговое, ремесленное). Он пишет, что «очень трудно, порой, пожалуй, даже невозможно резко порвать с традиционными занятиями, с выработанными трудовыми обычаями и ритмами»¹⁰, и приводит цитату из Р. Миллера: «Иммигранты приносят с собой различное понимание труда и того, что является подходящей и желаемой работой; разные трудовые мотивы и ценности; разные ориентации по отношению ко времени, к оценке будущего, к уровню производительности; целостную систему значений и трудовых позиций — т.е. совершенно различную культуру труда»¹¹.

В мировой литературе выделяют направления исследований, дающих основание судить о готовности работников разных культур к современным видам производств. Одно из них акцентировано на изучение процессов модернизации в разных культурах. Как известно, наиболее масштабным в этом направлении был проект американского социолога А. Инкелеса, в котором сравнивались изменения в социальной сфере, культуре, психологии населения в странах Европы, Азии, Америки, Африки и были выделены характерные черты современного и традиционного типа¹².

Другое направление больше связано с изучением социально-психологических черт работников в разных культурах с целью облегче-

---

¹⁰ Радаев В. Сектора хозяйства // Российский экономический журнал. 1995. № 4. С. 86—87.

¹¹ Miller R.K., Jr. Patterns of Employment Difficulty among European Immigrant Workers during the Great Depression: Local Opportunity and Cultural Heritage // Ed. by Berg I. Sociological Perspectives on Labor Markets. N. Y.: Academic Press, 1981. P. 298.

¹² Inkeles A., Smith D.M. Becoming Modern: Individual Change in Six Developing Countries. 3rd ed. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1982; Inkeles A. National Differences in Individual Modernity // Comparative Studies in Sociology. Vol. 1. JAL Press, Inc., 1978.

ния взаимодействий при передаче управленческой и производственной культуры. Наиболее известными крупными исследованиями в этом направлении были работы Дж. Хофстеда¹³.

По инициативе Гарвардской академии международных и региональных исследований был осуществлен громадный межстрановой проект под руководством Лоуренса Харрисона по интерпретации фактора культуры в экономическом и политическом развитии стран мира. Целью исследования было выяснить, до какой степени культура предопределяет экономическое и политическое развитие, каким путем преобразуются культурные преграды, тормозящие прогресс¹⁴.

Под прогрессом имеется в виду «движение к экономическому развитию и материальному благосостоянию, социально-экономическому равенству и политической демократии». К культурным факторам отнесены «ценности, установки, верования, ориентации и убеждения, преобладающие среди членов общества».

Эти актуальные исследовательские задачи интересовали, естественно, и участников нашего проекта. Мы имели их в виду, рассматривая сложившиеся или складывающиеся этнические равенства-неравенства. Во всех главах читатель видел, как мы пытались находить реально работающие на нашем поле индикаторы интересующих нас процессов.

Обобщая международный и отечественный опыт, О.И. Шкаратан и В.В. Карачаровский выделили компоненты культуры этнических групп (преимущественно связанные с традиционной культурой), «которые в той или иной степени воздействуют на трудовую деятельность в современном производстве, на меру и структуру ее эффективности (т.е. на качество продукции, готовность к нововведениям, стабильность и текучесть кадров, удовлетворенность трудом и т.д.)¹⁵. К ним отнесены:

- 1) система общих ценностей культуры;
- 2) традиционные ценности и нормы трудовой деятельности и связанная с ними структура мотивов трудовой деятельности;
- 3) иерархическая модель престижности профессий и участия в профессиональных занятиях;
- 4) характер профессионально-статусных и образовательных притязаний;
- 5) распределение ролевых функций, закрепленных за половозрастными и другими категориями, традиционное для данной культуры.

---

¹³ Hofstede G. Culture's Consequences: Intern Differences in Work-Related Values. L.: Sage, Beverly Hills, 1980.

¹⁴ Культура имеет значение. М., 2002. С. 11.

¹⁵ Шкаратан О.И., Карачаровский В.В. Русская трудовая и управленческая культура // Мир России. 2002. № 1. С. 9.

Мы рассматривали распространение названных элементов культуры в изучавшихся этнических группах с точки зрения их влияния на восприятие равенства-неравенства групп.

Что касается проблемы общих жизненных ориентаций, ценностей, то уже в предшествовавших проектах, в том числе в проекте 1997—1998 гг., посвященном этническим и административным границам (в рамках концепции Ф. Барта), нами был установлен сходный комплекс ценностей семьи, достатка, работы у русских, татар, якутов. Различия были зафиксированы несущественные¹⁶, и то же самое повторилось в данном исследовании: свыше 80% русских, татар, якутов и почти столько же башкир среди первостепенных ценностей называют семью, 70% и выше — достаток, около 60% — хорошую работу.

Более тонкая вариабельность, связанная с культурными традициями, фиксируется в мотивах трудовой деятельности, в профессиональных ориентациях. Это показано в главах книги, посвященных стратегии экономической мотивации и типам экономических ориентаций. Наш материал подтверждает, что наряду с «протестантской этикой», описанной М. Вебером, существуют и другие «исторические формы», поддерживающие капитализм (о чем писал М. Кастельс¹⁷).

Вопреки ожиданиям, существенных расхождений в достигательских ориентациях разных этнических групп, действующих в одинаковых локальных условиях (город — село), мы не обнаружили. В разд. II, гл. 3 И.М. Кузнецовым был проведен специальный анализ, из которого видно, что в условиях города разница между русскими (традиционная православная этика) и татарами (традиционная исламская этика) по доле ориентированных на достигательную модель (выбор ответов «много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее», «иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск») была статистически незначима (24% у русских, 27% у татар). То же самое в Саха (Якутии), где контактируют русские с якутами, у которых уровень религиозности невысокий и частично связан с шаманизмом. Здесь тоже доля ориентированных на достигательную мотивацию в труде была практически одинаковой (соответственно 22 и 27%).

Отличия были выявлены по регионам. В Саха (Якутии) доля ориентированных на достигательность была 15%, а в Татарстане, Оренбуржье, Башкортостане 24 — 27%, что связано было прежде всего с уровнем урбанизации регионов и характером расселения сельских жителей, т.е. с региональными различиями в возможностях вовлечения в рыночную экономику.

---

¹⁶ Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России / Авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробжилова. М., 1998.

¹⁷ Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М., 2000. С. 194.

Исследование показало, что в одинаковых условиях города якуты не менее русских не только ориентированы на достижительную мотивацию в труде, но и проявляют большую заинтересованность в продолжении рыночных реформ (60% якутов и 43% русских), а также демонстрируют расчет на собственные силы, уверенность в себе (чаще соглашаются с суждением «у меня достаточно способностей и умения, чтобы воплотить в жизнь задуманное»).

Следовательно, инновационная готовность в условиях реформ у народов, дающих название республикам, не меньше, чем у русских. Причем речь идет о русских, как живущих в условиях давно освоенных территорий (Татарстан, Оренбуржье, Башкортостан), так и в условиях исторически недавнего освоения, куда едут обычно категории наиболее мобильного населения — Саха (Якутия).

Какие же варианты взаимодействия могут быть в таких условиях? Один — возрастание конкуренции этнических групп. Он возможен, если у них одинаковая сфера профессиональных интересов, например торговля, нефтяной или алмазный бизнес. Другой — взаимная заинтересованность друг в друге, когда этнические группы взаимодействуют в разных, но взаимосвязанных сферах деятельности.

Но реально в регионах складывается разная ситуация в конкретных сферах деятельности. Например, в Татарстане в нефтяной, нефтехимической и машиностроительной промышленности заняты как русские, так и татары. И те и другие одинаково заинтересованы в развитии этих отраслей.

В Саха (Якутии) несколько иная ситуация. В одних отраслях — алмазодобывающей, нефтяной — заняты преимущественно русские, в торговле русские и якуты конкурируют, а в науке русские доминируют в естественных и технических дисциплинах, а якуты — в гуманитарных.

Таким образом, на этих примерах видно, что и дифференциация, и интеграция в разных регионах возможны на разных основаниях. Либо на основе общих интересов в развитии отраслей региона превалирует интеграция, и тогда восприятие неравенства чаще всего, если и существует латентно, то не акцентируется. Либо интересы этнических групп локализуются в разных отраслях, но развитие их осознается как взаимно необходимое. Тогда тоже может иметь место интеграция, и она реально происходит на основе, условно говоря, «притяжения разностей» (вариант современной Саха (Якутии), Башкортостана), но неравенства осознаются острее.

Если первый вариант межгрупповой интеграции может сохранять в условиях сложного и даже конфликтного социально-политического контекста (пример Татарстана 1992—1993 гг.), то второй без более-менее стабильного социально-политического каркаса способен привести к серьезным трениям и возможности открытых конфликтов. Неоднозначность ситуации в том, что этот «каркас» может ассоцииро-

ваться и с авторитарной властью, а не только с той, которая умеет совмещать свободу и порядок.

Мировые информационные потоки (финансовые в изучаемых регионах еще малозаметны) в чем-то сглаживают (повсеместный рост образования), но чем-то одновременно усиливают разнообразие территорий, вариантов межэтнического взаимодействия.

Мы обращались к одной важнейшей стимулирующей ценности «достижительности», которая унифицирующе воздействует практически во всех сферах деятельности. Пересекая государственные границы, она имеет перспективу приживаемости в российских условиях не только среди русских. Ведь прошло еще лишь десятилетие рыночных реформ, а уже есть одинаковые последствия в непохожих ситуациях.

Еще более распространенной ценностью стала ориентация на образование. В отличие от «достижительности» эта ориентация имела устойчивую традицию и в советское время. В перестроечные годы на какой-то период казалось, даже «деньги можно добыть без образования». Как сказала одна бизнес-леди в Оренбургской области: «Мы думали, будут деньги — образованных людей найдем. Теперь мы понимаем: знаний не хватает. Мой сын должен получить первоклассные менеджерские знания, знания в финансовой области, и тогда он поможет мне или сменит меня».

В разд. I, гл. 2 и 3 показано, каковы позиции изучаемых этнических групп по уровню образования и профессионализации. Здесь же хотелось бы акцентировать роль социальных акторов и институтов, прежде всего лидеров регионов, в стимулировании образования.

Среди республик и областей, в которых мы работали, в двух республиках — Саха (Якутии) и Татарстане — образование благодаря особому вниманию президентов приобрело особую ценность.

Тогдашний Президент М.Е. Николаев (Якутия) говорил об этом в своих программных выступлениях. Им выделялись специальные средства для поддержки докторантов, выплачивались целевые стипендии, при его поддержке был построен новый современный университетский корпус для естественных и технических наук, оплачивались дорожные расходы тем, кто ехал учиться в Европу и США.

Во время интервью с ним Л.М. Дробижевой был задан вопрос, почему он так стимулирует образование, ведь получившим многие специальности негде будет работать (якуты уже имеют долю специалистов с высшим образованием среди населения более высокую, чем русские), он ответил: «Мы смотрели, как было в Южной Корее. Там тоже сначала подготовили специалистов, а потом создали рабочие места». На образование работал и авторитет Президента, и соответствующие институты.

В Татарстане наличие образованных специалистов стало аргументом для Президента и республиканской элиты в обосновании претензий на особый статус республики, способной принять на себя большую

ответственность за происходящее на ее пространстве¹⁸. В интервью руководителей двух департаментов Администрации Оренбургской области прозвучала одна и та же мысль: «Если бы у нас был такой образовательный потенциал, как у губернатора Росселя (имелись в виду специалисты в области экономики, бизнеса, политических технологий. — *Прим. авт.*), мы бы куда лучше жили, ведь область наша богатая».

Таким образом, стимулирующая роль лидеров в наращивании образовательного потенциала выступала очевидным статусным фактором, позиционирующим группы в условиях глобализации, сглаживающим неравенства этнических групп и одновременно выступающим как потенциал интеграционных процессов.

И все же при интегрирующей и нивелирующей этническое неравенство роли образования сама трудовая этика, культура труда, отношение к дисциплине, организации, бережливости остаются у народов различающимися. Влияет ли культура на неравенство?

«*Культура имеет значение*» — так называли книгу по результатам уже упоминавшегося межстранового исследования, осуществленного Гарвардской академией международных и региональных исследований, Л. Харрисон и С. Хантингтон.

Еще в 60—70-е гг. за рубежом, а у нас позже, особенно в конце 80-х — начале 90-х, неравенство в положении людей в разных регионах и у разных народов связывали с колониализмом или его последствиями, с имперской политикой метрополий. Но с 80-х гг. в Западной Европе, а с середины 90-х во всем мире уже активно обсуждали идеи Фрэнсиса Фукуямы, Лоуренса Харрисона, Сеймура Липсета, Сэмюэля Хантингтона о культуре как ведущем стимулирующем или препятствующем факторе в социальном, политическом и экономическом прогрессе.

Сейчас, на рубеже нового века, этот вопрос актуален и для нас. В условиях суверенитетов возможности развития регионов в значительно меньшей степени, чем прежде, определялись центром. Но вот итоги трансформаций были далеки от ожидаемых. И, как это показано в главах, слишком скромные итоги прогресса были причиной этнонациональной апатии и отсутствия какой-либо мобилизации, когда центр в лице Конституционного суда стал отменять суверенитеты и договоры между Правительством РФ и правительствами республик, активно вмешиваться в избирательный процесс в субъектах Федерации (см. разд. IV, гл. 1 и 3). Демократические институты оказались слабыми, а расширившийся диапазон свободы не помог преодолению бедности и неравенства. По оценкам независимого эксперта МОТ Лилии Овчаровой, за последнее десятилетие доля бедного населения в России

---

¹⁸ Интервью М.Ш. Шаймиева // *Говорит элита республик Российской Федерации*. 110 интервью Леокадии Дробилевой. М., 1996. С. 77.

увеличилась с 6 до 30%. За счет падения доходов произошло 40% прироста бедности, а 60% — за счет роста неравенства. В России в целом на протяжении последнего десятилетия высока была доля тех, кто отвечал во время опросов, что «терпеть наше бедственное положение уже невозможно» — свыше 30% до 2000 г., и только в 2002 г. она снизилась до 21%. Но среди людей, относящих себя к «низшему слою» так отвечало 50%¹⁹.

В полиэтнической среде причину жизненных трудностей люди часто связывают со своей этничностью. По результатам наших опросов, четверть городских и 17% сельских русских в Татарстане выбрали позицию «терпеть наше бедственное положение уже невозможно», а среди татар — соответственно 15 и 8%. Та же тенденция была и в Саха (Якутии): немногим более 20% городских якутов выбирали эту позицию (т.е. меньше, чем в среднем по стране в 1999—2000 гг.), а среди русских — более 30%.

Нерусским связывать бедность с «колониальным прошлым» уже было трудно (хотя говорить об этом не переставали и в условиях, когда «империи» уже не стало). В нашем опросном листе мы попросили респондентов оценить важность для них разных обстоятельств, влияющих на жизненный успех. Этнический признак был в ряду других обстоятельств, таких, как пол, возраст, полезные связи с нужными людьми, родственники на руководящих постах, поддержка земляков, проживание в столице, в большом городе. Все этнические группы оценили «подходящую национальность» как менее значимое условие в сравнении с другими (табл. 1).

Доля придающих значение этому фактору в индивидуальном успехе как «очень важному» колеблется и у русских в разных республиках, и у башкир, татар, якутов в пределах 14 — 18%, т.е. практически одинаково, а как «скорее важному» — от 13% (русские в Саха (Якутии)) до 30% (башкиры в Башкортостане). «Богатые родители» или «полезные связи» как условие успеха называются по меньшей мере в два раза чаще более важными. Хотя мы не можем сбрасывать со счетов пусть и не столь значительные группы людей, чувствующих национальность как препятствие или преимущество в жизни, тем не менее *этническая принадлежность сама по себе* как для народов, дающих название республикам России, так и для живущих там русских не играет решающей роли в их социальном росте и представлениях о неравенстве возможностей.

Именно поэтому имеет смысл обратиться к значимости культурных ценностей, жизненных ориентаций у этнических групп как фактору, влияющему на неравенство.

---

¹⁹ Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2002. № 5. С. 84—85.

Таблица 1

**Оценка горожанами Татарстана, Башкортостана,
Саха (Якутии) и Оренбургской области
важности различных обстоятельств для успеха в жизни
(% указавших «очень важно» и «скорее важно» от ответивших)**

Варианты обстоятельств	Татарстан		Башкортостан			Саха (Якутия)		Оренбургская обл.	
	Татары	Русские	Башкиры	Русские	Татары	Якуты	Русские	Русские	Татары
Богатые родители	82,4	81,4	92,0	87,5	90,7	88,4	77,1	89,5	85,9
Родственники на руководящих постах	86,6	83,7	93,2	86,0	87,9	84,2	76,5	88,9	85,3
Полезные связи	95,4	90,2	92,9	92,8	94,2	94,6	90,5	95,7	92,4
Поддержка земляков	65,6	62,3	64,2	57,1	60,0	82,1	62,4	46,2	68,2
Подходящая национальность	37,6	46,8	50,0	43,7	54,0	40,2	27,7	36,2	39,6
Проживание в столице	45,7	42,4	60,6	51,9	63,2	75,8	43,4	51,5	46,0
Подходящий возраст	72,9	70,5	78,7	78,2	50,0	82,0	64,3	76,9	67,9
Соответствующий пол	38,3	37,0	56,8	41,1	53,8	45,7	33,4	42,6	47,8

Примечание: Сумма превышает 100%, так как респондент мог выбрать несколько вариантов ответов.

С.В. Рыжова, которая анализировала представления русских, якутов, татар о нищете, бедности и богатстве (см. разд. II, гл. 4), обнаружила, что у русских не только в республиках, но и в Оренбургской области в восприятии нищеты и бедности (т.е. того, чего им не хватает), за исключением Саха (Якутии)²⁰, не прослеживалось потребностей активистского толка. А это уже фактор культуры. Выше мы констатировали, что не сама по себе этническая принадлежность (судя по оценке респондентов) важна для жизненного успеха. Но обратим внимание (табл. 1) на высокую значимость «поддержки родственников», «связей с нужными людьми», в Саха (Якутии) — земляческих связей — все эти факторы так или иначе связаны с культурными нормами — традиционными или оставшимися нам от советского прошлого. Это дает основание утверждать, что на нашем поле в фрагментации реального равенства-неравенства людей имеет значение культура.

Остается вопрос, в каких слоях общества этот фактор играет большую роль. На основе аналитической разработки С.В. Рыжовой видно, что в средних слоях значение этого фактора снижается. В представлениях о достатке активистские потребности (хорошая работа, предпри-

²⁰ Скорее всего, это можно объяснить тем, что немалая часть русских в Саха (Якутии) — это более активные мигранты, приехавшие сюда заработать.

нимательство, образование) присутствуют и у русских в разных регионах, и у якутов, татар, башкир. Не случайно на средние слои обычно возлагают надежды при оценке перспектив интеграции общества.

Остановимся и мы на обсуждении того, каков у нас формирующийся средний слой, и на его возможной роли в процессе межэтнической интеграции.

ОБЛАДАЮТ ЛИ СРЕДНИЕ СЛОИ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП ПОТЕНЦИАЛОМ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ?

В исследовании, как это читатель мог видеть (см. разд. I, гл. 2 и 3, разд. II, гл. 1 и др.), мы констатировали новую этносоциальную иерархию. Преимущественные позиции во властной нише повлияли на самооценку национальностей, дающих название республикам. При, казалось бы, мало отличающемся реальном положении в городах или селах республик они и считают себя более обеспеченными (оценка на шкале богатства), и как более престижные оценивают свои позиции (оценка на шкале престижа). В статусном положении они выиграли, а русские в большинстве своем, не потеряв профессиональных позиций в республиках, проиграли в статусных позициях.

В этих условиях важно выделить социальные слои, способные выполнить интегрирующие функции. Способен ли субъективный средний класс, на который возлагаются такие надежды в сфере социальных отношений, выполнить подобную роль в области межэтнических взаимодействий — проблема, требующая рассмотрения.

В отношении понимания среднего класса у нас нет надобности вступать в дискуссии. Для раскрытия вопроса, который поставлен, нам важно, что есть некоторый слой, «который можно рассматривать как прообраз среднего класса»²¹.

В конце 90-х гг. XX в. в России начала формироваться новая социальная дифференциация. Появление новой буржуазии, предпринимателей, новой бюрократии, наемных работников, «челноков» и безработных в той или иной ситуации ставило перед людьми необходимость определить свою личностную идентичность, так же как свою и других групповую принадлежность. Как фиксировали наши коллеги из ВЦИОМ, самоидентификация с низшими, высшими и средними слоями к 1996 г. уже не встречала затруднений, в то время как еще в 1991 г. 1/3 опрошенных затруднялись в ответах, к какому слою отнести себя, или вообще отрицали наличие в обществе такого деления²².

---

²¹ Хахулина Л. Субъективный средний класс: доходы, материальное положение, целостные ориентации // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 1999. № 2. С. 25.

²² Там же.

Для обсуждения вопроса о выделении в обществе слоев, которые могут выполнять некую интегрирующую функцию, важны именно субъективные оценки стратификационной системы, ибо в центре внимания субъективный мир людей, их оценки и ценности, жизненные ориентации. По данным проекта «СН», к 2000 г. люди, относящие себя к среднему слою, составили в регионах самую многочисленную группу (табл. 2).

Таблица 2

Этнический состав социальных слоев в самооценках горожан Татарстана, Башкортостана, Саха (Якутия) и Оренбургской области
(% от ответивших)

Социальные слои	Татарстан		Башкортостан			Саха (Якутия)		Оренбургская обл.	
	Татары	Русские	Башкиры	Русские	Татары	Якуты	Русские	Русские	Татары
Высший	0,3	0,9	0,7	0,9	0,7	0,5	1,1	2,1	0,5
Средний	70,4	57,6	75,1	58,8	75,7	72,1	64,8	52,4	49,5
Низший	23,3	41,5	24,2	40,3	23,6	27,4	34,1	45,5	50,0

Мы также понимали, что сами субъективные средние слои чрезвычайно разнообразны по социально-профессиональным позициям, уровню образования, доходам и их источникам, сбережениям, имущественному положению. В нашем исследовании мы констатировали отличия идентифицирующих себя как средние слои по названным показателям в этнических группах, и это важно для понимания субъективных представлений о равенстве-неравенстве этнических групп (табл. 3).

Таблица 3

Социально-профессиональная структура среднего слоя в городах Татарстана, Башкортостана, Саха (Якутия) и Оренбургской области
(% от ответивших)

Социально-профессиональные группы	Татарстан		Башкортостан			Саха (Якутия)		Оренбургская обл.	
	Татары	Русские	Башкиры	Русские	Татары	Якуты	Русские	Русские	Татары
Руководители	2,3	2,8	2,1	2,7	4,3	6,8	2,6	0,6	2,7
Работники госаппарата	1,1	0,9	3,1	0,9	0,9	6,8	3,8	5,2	5,5
Специалисты, ИТР	23,3	14,8	17,5	14,5	21,4	16,2	16,7	25,3	17,8
Служащие	31,8	30,6	33,0	35,5	29,1	55,4	35,3	48,7	47,9
Квалифицированные рабочие	34,1	44,4	38,1	37,3	36,8	9,5	33,3	15,6	11,0
Предприниматели	7,4	6,5	6,2	9,1	7,7	5,4	8,3	4,5	15,1

Малозначимые или статистически незначимые различия в этнических группах и между республиками были *в представительстве* руководителей предприятий и организаций, работников госаппарата, предпринимателей.

В составе якутского среднего слоя было больше, чем у русских в Саха (Якутии), служащих, а у русских в республике заметно больше квалифицированных рабочих (скорее всего, имела значение высокая оплата труда в алмазодобывающей промышленности). Это может быть препятствием в интеграционных процессах в республике.

В Татарстане у татар и русских в представительстве практически всех социально-профессиональных групп не было различий (чуть больше было квалифицированных рабочих у русских, а у татар — специалистов). Это сходство — значимая социальная характеристика контактирующих русских и татар в республике, потенциально содействующая внутриреспубликанской интеграции.

Но в целом, как видим, с точки зрения социально-профессионального состава средний слой разных этнических групп имеет больше сходства, чем различий.

К среднему слою чаще, чем в целом по выборке, относят себя служащие, работники госаппарата, рабочие высшей квалификации, предприниматели.

Факторный анализ²³ показал и другие важные сходные черты. По всем регионам и этническим группам наиболее высока корреляция соотношения себя со средним слоем и самоопределения на шкале «богатство-бедность» (вторая—третья позиции на шкале из семи ступеней). Далее по значимости в этнических группах было также одинаковое позиционирование себя на шкале престижа (вторая—третья позиции).

Вторая группа факторов, положительно влияющих на самоотношение к среднему слою, — это активистская ориентация. По всем подгруппам существует положительная корреляция самоотношения к среднему слою и характеристики себя как «человека, у которого достаточно способностей и умения, чтобы воплотить в жизнь задуманное», ощущение уверенности в завтрашнем дне за счет «способности зарабатывать, профессии», «собственного оптимизма».

Но, как было установлено уже в наших предыдущих исследованиях, положительная самооценка и субъективный положительный настрой групп коррелируют с толерантными установками в социальной сфере и сфере межэтнических взаимодействий и, следовательно, способствуют интеграции в обществе.

---

²³ Статистическая значимость основывалась на расчетах коэффициента «тау-би» Кэндала. Факторный анализ был осуществлен с помощью Е.М. Мартынова, которому мы выражаем искреннюю признательность.

Нашим респондентам мы задавали вопрос о возможностях людей разной национальной принадлежности добиться успехов в экономической сфере и в политике (распределение ответов на 1999 г. см. разд. II, гл. 1).

Каждый раз было очевидным, что и для русских, и для татар, якутов, башкир национальность человека важна чаще всего для занятия высоких постов в органах власти, а затем уж для того, чтобы получить хорошую работу, открыть свое дело.

Очевидно не только из мнений опрошенных, но и других, объективных источников (данных телефонных справочников правительств республик и областей, парламентов республик и законодательных собраний областей, президентских администраций и администраций областей), что во властных органах республик доминирует этнонациональная общность, дающая название республике, а в областях и федеральных органах власти — русские (специально этот сюжет раскрывается в разд. I, гл. 4).

В разд. I, гл. 3 у нас зафиксирована современная ситуация: *наиболее заметные различия* в социально-профессиональном составе национальностей заключались в *разной представленности среди них работников высших страт*, в том числе бюрократии, политической и культурной элиты.

Политика — та сфера, где этническое неравенство не вызывает сомнений у людей всех национальностей. А вот в сфере бизнеса (возможность открыть свое дело), преимущества опрошенными чаще признаются менее зависящими от национальности. Хотя понятно, что и доступ к власти имеет значение не только как признак высокой статусной позиции, но и в связи с представлениями о возможностях через власть получить какие-то льготы. Но все же очевидно, что сфера частного бизнеса чаще оценивается как результат индивидуальных усилий, меньше связанных с этнонациональными преимуществами. Нам важно это констатировать потому, что представители бизнеса как раз и формируют те средние слои, которые потенциально способны составить средний класс, сравнимый с тем, какой он есть на Западе. Выделив эту наиболее бесспорную группу, способную претендовать на роль среднего класса в разных этнических группах, мы наблюдали значительную положительную корреляцию с деятельностными жизненными установками (способность и умение воплотить в жизнь задуманное, добиться успеха), безусловное сходство в оценке своей жизненной ситуации («все не так плохо и можно жить»), своего материального положения, оценке реформ, выборе способа проведения отпуска и др. Именно эта часть субъективного среднего слоя более всего похожа на средний класс в западных странах. В силу своих жизненных интересов именно эти слои заинтересованы в стабильности.

Таким образом, основания *рассчитывать на средние слои как на социальную силу, интегрирующую общество и с точки зрения межэтнических отношений, есть.*

В предыдущих разделах книги (разд. III, гл. 4, разд. IV, гл. 1 и 2) было показано, как оценка своего социального статуса связана с межэтническими отношениями, толерантностью в этнических группах разных регионов и в связи с этим с потенциалом формирования у людей своей этнической, региональной и общероссийской идентичности. Далее в этой главе мы рассмотрим идентичности в сравнительной перспективе с точки зрения общих интеграционных процессов в стране.

ПРОТИВОРЕЧИТ ЛИ ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ

В течение десятилетия мы изучали изменения в самосознании этнических групп под разным углом зрения. В начале 90-х гг. основное внимание было приковано к факторам роста этнического самосознания в условиях национальных движений и суверенизации республик. В середине 90-х гг. этническое самосознание интересовало нас с точки зрения того, за счет чего в субъективном мире людей в современной России формируется так называемая «этническая граница», т.е. те маркеры, которые разделяют людей по этническому признаку. И вот на рубеже веков нам предстояло рассмотреть проблему восприятия этнического неравенства и в связи с этим — состояния этнического самосознания и межэтнических установок с точки зрения перспектив интеграции российского общества.

В той или иной мере эти проблемы уже были рассмотрены почти во всех разделах книги. Здесь же, учитывая, что все социальные и экономические проблемы актуализировали этническую идентичность, сосредоточимся на проблеме возможности сочетания этнического и общероссийского самосознания, а также на выявлении тех ситуаций, при которых такое непротиворечивое сочетание может стать реальным.

Мы исходим из широкого понимания идентичности. Компонентами идентичности являются: самоидентификация (отнесение себя к этнической группе, локальной, государственной общности), представления о своей группе — «образ мы» и интересы, которые связывают эмоционально окрашенное отношение к таким образам с поведением людей и групп (регулятивная составляющая идентичности).

В «образ мы» включаются автостереотипы, которые формируются на основании соотнесения с гетеростереотипами (представлениями о «других»), а также представления о культуре, языке, территории проживания, историческом прошлом, государственности.

Весь этот набор, как правило, присутствует на групповом уровне самосознания, идентичности. Он находит отражение в мифах, легендах, литературе, произведениях художественного творчества (триумфальные арки, гербы и т.п.), в текстах средств информации, выступлениях лидеров и т.д.

«Коллективные представления» — надиндивидуальные феномены сознания (Э. Дюркгейм), они имеют собственное содержание и не сводятся к сумме индивидуальных сознаний.

На индивидуальном уровне мы, как правило, не фиксировали полного набора представлений. Например, во время опросов 1992 г. среди русских москвичей примерно четверть идентифицировали себя по языку, другая четверть — по культуре, примерно 20% — по общности исторической судьбы и т.д. Особенно часто это происходит, когда вопрос задается открытым (без подсказок-ответов), между тем на идеологическом уровне русского национального самосознания мы имеем полный набор всех представлений.

Этот уровень идентичности изучается по литературе, прессе, мифам, дискурсу политических выступлений, институциональных документов.

В нашем исследовании мы в известной мере соединяем социально-психологический и идеологический уровни изучения идентичности. Представляя результаты изучения социально-психологического уровня идентичности, поясним, что к *социальным* представлениям мы относим не любые идеи, взгляды, теории, а лишь те, которые входят в сферу повседневного сознания людей, становятся «продуктом здравого смысла» (концепция С. Московичи и его последователей), способные регулировать поведение людей.

В измерениях категориальности и интервальности наиболее эффективным оказывается рассмотрение идентичности в трех направлениях — содержания, интенсивности и конкурентности.

Мы постараемся показать:

- 1) насколько интенсивна каждая из идентичностей;
- 2) насколько те или другие виды идентичности являются «удовлетворением для души» и насколько — «для своего кармана» (Хейс)²⁴;
- 3) основное содержание каждой идентичности;
- 4) конкурентность или совместимость этих идентичностей в современной России.

И этническая, и общероссийская идентичности, которые мы рассматриваем, в человеческом восприятии вписываются в другие множественные идентичности и на уровне личности в большинстве случаев в более-менее спокойной социально-политической обстановке отнюдь не являются доминирующими. Если мы специально не ориентируем наших респондентов на обсуждение этнической или общегосударственной идентичности, то они не часто актуализируют ее.

---

²⁴ Hayes C. Essays on Nationalism. N.Y., 1966. P. 18.

Тем не менее достаточно значимый уровень ее сохранялся и к началу XXI в. Мы задавали вопрос в следующей формулировке: «Встреча в жизни разных людей, с одними мы легко находим общий язык, понимаем их. Другие же, хоть и живут рядом, остаются всегда чужими. Если говорить о Вас, то как часто Вы ощущаете близость, единство с перечисленными ниже людьми, о ком Вы могли бы сказать — это мы?». Далее шло перечисление общностей. Для примера мы даем результаты опросов по городским татарам Татарстана и якутам Саха (Якутии) (табл.4), ответившим, что они часто ощущают близость с людьми, перечисленными ниже.

Среди идентичностей, интересовавших нас, на первом месте у татар, якутов, русских везде шла этническая, далее следовала республиканская и затем российская. Причем у русских в Саха (Якутии) последняя опережала республиканскую (71 против 60%). У татар и русских в Татарстане российская идентичность на 6—10 пунктов уступала республиканской в 1999-м и 2000 гг.

В 2002 г. интенсивность актуализации всех трех видов идентичности выросла, но соотношение их не изменилось. Можно говорить о *чувстве этнической солидарности*. Это подтверждается и выбором респондентами такого варианта ответа, как «Современному человеку необходимо ощущать себя частью своего народа». Его сделали более 60% городских татар, около 80% якутов, примерно половина русских в республиках и Оренбургской области.

Этничность стала социальным ресурсом. Вспомним Хейса, который полагал, что этничность — «удовлетворение для души» и «для своего кармана». Вспомним инструменталистов, которые считают этничность

Таблица 4

Интенсивная этническая, республиканская и российская государственная идентичность у татар Татарстана и якутов Саха (Якутии)
(2002 г., % к ответившим, часто ощущают близость с...)

Идентичности	Татары	Якуты
С людьми моего поколения, возраста	74,2	69,7
С людьми той же профессии, рода занятий	61,1	65,5
Со всеми гражданами России	31,1	26,4
С жителями республики	64,5	51,9
С теми, кто живет в том же городе (селе), что и я	73,2	71,9
С людьми моей национальности	80,0	76,9
С людьми того же достатка, что и я	66,3	68,1
С людьми моей веры	67,4	43,5

Примечание: Сумма превышает 100%, так как респондент мог выбрать несколько вариантов ответов.

ресурсом для экономического, социального благополучия. Для нас было важным установить, насколько выводы ученых отражают современные представления в массовом общественном мнении.

Напомним результаты наших опросов: более 69% русских и 40% татар пост в республике, более 50% русских и 26% татар полагали, что татарам легче получить хорошо оплачиваемую работу. Такие же представления были у русских и якутов в Саха (Якутии). А в Оренбургской области это касалось русских в представлении их самих и татар, живущих здесь. Не столь многим, но все же где-то около одной пятой опрошенных в Татарстане и Саха (Якутии), казалось, что и «открыть свое дело» проще лицам титульной национальности.

Эти оценки фокусированы на социальном поле конкурентных взаимодействий — власть, должность, бизнес.

Конечно, на такие оценки может влиять изменение статуса контактирующих этнических групп. Поколеблен статус русских как «старшего брата», получили суверенитет народы, давшие название республикам, и следствием этого были не только реальные ролевые изменения, но и приписывания. Но важно, что значимость этнической идентичности росла в глазах людей.

Не раз доказанная «теорема Томаса», согласно которой, если социальная ситуация воспринимается людьми как реальная, она реальна по своим последствиям, работала и на нашем поле. Данные объективных показателей — социальной мобильности (доля повысивших социальный статус), инновационные установки — готовность ради успеха сменить место работы, жительства, специальность, пойти на риск — у титульных национальностей были во всех изучаемых районах несколько выше, чем у русских. Таким образом, этничность, как уже указывалось в предыдущих главах, действительно стала одним из ресурсов «для кармана». Но не только.

Уже не раз мы отмечали, что в условиях, когда бывшие граждане СССР потеряли свою прежнюю государственную идентичность, веру в правильность своего исторического выбора и реальность многих достижений, когда значительная часть населения меняла свой привычный социальный статус, этническая солидарность стала представляться им ценностью неизменной, давала некоторую психологическую поддержку.

В поликультурной среде этническая идентичность приобретает особую чувствительность и к самооценке, и к оценке себя другими — другими на уровне повседневного общения и на уровне деклараций властных элит, в дискурсе СМИ, в текстах учебников, научной и художественной литературы. Все, кто изучает этничность, легко могут привести множество примеров подобных реакций. Достаточно вспомнить, как реагируют татары и русские на изменение содержания, которое вкладывается в понятия «татарское иго», «штурм» или «взятие» Казани и т.п.

Таблица 5

**Важность различных параметров равенства для респондентов Татарстана
(1999 г., % от ответивших)**

Параметры равенства	Город		Село	
	Татары	Русские	Татары	Русские
Равенство всех религий перед законом	53,3	48,7	40,1	38,5
Представительство Вашей национальности в органах власти	22,9	27,3	14,5	23,1
Возможность работать на любой должности независимо от национальности	38,6	50,1	21,6	33,3
Возможность получить образование	57,3	57,3	45,1	50,9
Возможность приобрести собственность	43	39,4	23,7	36,2
Равное уважение к достоинству каждого народа	56,7	59,2	33,3	46,2

Примечание: Сумма превышает 100%, так как респондент мог выбрать несколько вариантов ответов.

Чувство национального достоинства — неизменный спутник, а иногда и главный работающий элемент в этнической идентичности. Для примера приведем распределение ответов в Татарстане (табл. 5).

Практически у всех этнических групп это второй по значимости фактор после возможности получить образование. Чувство национального достоинства важнее даже в сравнении с возможностью получить работу независимо от национальности и приобрести собственность. Причем, за исключением одного случая (татары в селах), данные близки по значениям и сходны в одинаковых социокультурных условиях.

Мы уже отмечали, что и отношение к суверенитету республик связано не только с реальными экономическими и политическими интересами элит и представлениями масс о «чуть лучшей жизни за счет него», но и чувством компенсируемого достоинства — этнонационального для титульных национальностей, но в известной мере и для регионального самочувствия всех живущих в республиках. В этом региональном самочувствии осталось еще недавнее унижающее историческое воспоминание о поездках в Москву «за колбасой», да и теперешнее представление о несправедливости распределения благ для человека по параметру центр—периферия. Итак, этничность, так же как и региональность, нужна не только «для кармана»

Кто они, этнизированные акторы? Несмотря на то, что в целом этническая солидаризация типа «мы — татары», «мы — русские» распространена, как мы видим, широко и характерна более чем для 90% респондентов во всех этнических группах, все же доля тех, кто часто себя этнически идентифицирует, кто «никогда не забывает что «я — якут (татарин, осетин, русский)», больше среди сельских жителей, сре-

ди специалистов среднего звена и неквалифицированных работников, среди тех, кого можно отнести к низшему слою среднего класса и низшему классу. Это чаще всего немолодые люди. Среди саха в группе до 40 лет тех, кто себя часто этнически идентифицирует, — 34%, а среди более старших возрастов — 50%, у татар — соответственно 52 и 58%.

Среди специалистов высшей квалификации у татар, якутов, русских так себя идентифицируют 39—44%, а среди специалистов средней и низшей квалификации, работников физического труда — 52—70%. Те же тенденции в Оренбуржье. Так что если *акцентированная этничность и рудимент* в современном мире, то рудимент, *довольно широко распространенный в России*. Этническая акцентированность, выявленная в группах, чаще всего следствие обиды на социальные беды и результат поиска врага — «козла отпущения». Это та массовая этническая идентичность, которая стимулируется общим недовольством ситуацией. То же самое мы можем констатировать и применительно к новой российской идентичности.

В самом неблагоприятном варианте такая этническая идентичность выражается в готовности к любым средствам действия во имя своей национальности. В нашем опросном листе респондентам предлагалось согласиться или не согласиться с рядом высказываний, в том числе со считающими, что «любые средства хороши для защиты интересов своего народа». По данным наших прежних опросов, в 1997 г. так считало практически не менее четверти опрошенных (25% татар, 29% осетин, 34% саха, 23—29% русских в республиках). В 1999 г. агрессивная гиперидентичность не уменьшилась. Чаще всего она тоже была характерна для менее благополучного, обездоленного населения. Лечить социальные беды — одно из направлений снятия не только социальной, но и этнической напряженности и гипертрофии этничности.

Но это средство тоже не для всех. Ведь и в более благополучной, образованной среде, в группах мобильного населения, адаптировавшегося к новой жизни, от 30 до 40% — это тоже люди с актуализированной этнической идентичностью (не всегда гипертрофированной). Именно в их среде происходит рационализация этнической идентичности. И осуществляется она как на уровне повседневного восприятия, так и на идеологическом уровне.

Обыденное повседневное восприятие этнической идентичности изучалось нами через анализ ответов респондентов на вопрос «Что роднит Вас с людьми Вашей национальности?». После предварительного пилотажа нами было внесено в опросный лист несколько наиболее значимых описаний: «язык», «культура/обычай», «природа», «черты характера, психология», «религия», «историческое прошлое», «общая государственность», «внешний облик».

У русских первые четыре места из 8 вариантов описаний занимали язык, культура, природа, историческое прошлое. Первые три символа являются этнообъединяющими и у титульных народов респуб-

лик. На четвертое место у якутов в 1994 г. поставлены черты характера, в 1999 г. с культурой конкурировал признак — «родная земля, природа», у тувинцев (1994) — внешность, у татар — «родная земля, природа». Общность исторической судьбы большую значимость имела в Северной Осетии — Алании, для осетин и русских (39% против примерно 30% выборов в других республиках в 1994 г.). Сказывалось приграничное расположение республики в условиях попытки сецессии в соседней Чечне и борьбы за объединение с южными осетинами.

В Татарстане число определяющих себя по религиозности выше, чем в других республиках (30% у татар, 28% у русских при 7% у якутов и 10% у русских в Саха (Якутии)). Таким образом, в этнокатегоризации вполне отчетливо отражается реальность.

Мы не случайно методологически развели представления (по Московичи) и идеологию. На примере этнокатегоризации видно, что далеко не все задаваемые в идеологии постулаты глубоко осваиваются людьми. Политики нередко говорят о государственнической ментальности русских, хотя по государственной принадлежности идентифицируют себя не более 20—25% русских респондентов, причем чуть больше показатели как раз в самой дальней республике — Саха (Якутии).

На идеологическом уровне в декларировании ценностей этнической идентичности истории и государственности всегда отводится большое значение. Татарские идеологи, обращаясь к истории золотоордынского периода, «увеличивают вес» исторических обоснований значимости своего народа. Они дают правовые объяснения непреходящей ценности этничности. В «Сумерках империи» Р.С. Хакимов²⁵ обосновывал, почему в приоритете прав человека должна присутствовать этническая составляющая: «этничность это часть моих прав как личности».

Самое весомое обоснование этнической идентичности, конечно же, дается через значимость языка для культуры народа, отсюда шли требования государственного языка, без которого невозможно развивать высокую (по Геллнеру) культуру.

В дискурсе о татарской идентичности, например, много внимания уделялось воспоминаниям о распространении образования у татар через медресе, месте образования в системе традиционных ценностей. В последние годы, в связи с обоснованием введения латинской графики, выдвигалась идея о том, что это ускорит процесс интеграции Татарстана в мировое информационное поле.

В идеологическом обосновании этничности саха также заметное место уделялось историческому прошлому (жизнь до прихода русских, попытки складывания государственности, поиски археологических памятников, обосновывающих автохтонность саха). Так же как у других народов, выражалась обеспокоенность потерей культуры. Борьба с

---

²⁵ Хакимов Р.С. Сумерки империи: к вопросу о нации и государстве. Казань, 1993.

манкуртизмом выплескивалась на страницы литературы, в прессу и у татар, и у саха. Особенностью дискурса вокруг якутской идентичности была подчеркнутая тревога о потере своей особой природы, ресурсов и декларирование «природной толерантности», связанной с суровой природой. (О толерантности якутские идеологи заговорили раньше идеологической кампании в связи с объявлением ООН 1995 г. годом толерантности.)

Идеологическое поле для русской идентичности в республиках складывалось под влиянием как идеологов, формулируемых за пределами республик, так и ассоциированных с тем, что говорилось, писалось идеологами титульных национальностей. Не случайно анализ категоризаций обыденного сознания русских показывает высокое созвучие в выборе ими характеристик своей идентичности с теми народами, в среде которых они живут.

Идеологический накал в обосновании русской идентичности в республиках, конечно, меньше. Русские чаще живут идеями, транслируемыми из Москвы, а в самих республиках той информацией, которая поступает из местных газет оппозиционной направленности по отношению и к центральной, и к местной власти.

Республиканская идентичность у всех титульных народов выше, чем общероссийская, так же как, впрочем, и у русских Оренбуржья, но ниже, чем этническая. Для 97% татар «образ мы» ассоциируется с «людьми моей национальности», с жителями республики — у 94%, с гражданами России — у 30% (табл. 4). Обратим внимание на русских в республиках, для которых тоже характерна достаточно высокая ассоциированность с республикой проживания (табл. 6). В Татарстане часто себя ассоциируют с республикой 60,5% русских, а в Саха (Якутии) такая идентичность характерна для 52,8%.

Республиканская идентичность связана не только с естественной привязанностью большинства людей к месту, где они живут, работают, находятся в повседневном общении с природой, привычными людьми, но, так же как этническая идентичность, с политическими и экономическими интересами. Нам представляется важным разделить и республиканскую идентичность на то, что «важно для души» и «для кармана».

В интервью даже с представителями элит нередко встречались совершенно понятные обоснования привязанности к республике. Приведем некоторые высказывания из интервью с молодым бизнесменом — алмазником из Якутска: «Иногда утром просыпаюсь и вспоминаю красоту нашей природы, рыбалку, людей из села, которые учили меня охотиться, хвалили за учебу. Такой ягоды, как у нас, не найдешь в других местах, а река, солнце какое! Я учился в Ленинграде, а наши места всегда вспоминаю. Теперь я редко выбираюсь за город, но я знаю, что все это рядом и тут я свой, чтобы со мной ни случилось».

Русский преподаватель вуза рассказывал, что его не раз приглашали переехать в Москву (он хороший организатор, — *Прим. авт.*) и объяс-

Таблица 6

**Интенсивная этническая, республиканская и российская государственная
идентичность у русских Татарстана и Саха (Якутии)
(2002 г., % от ответивших, часто ощущают близость с...)**

Идентичности	Русские Татарстана	Русские Саха (Якутии)
С людьми моего поколения, возраста	71,2	64,9
С людьми той же профессии, рода занятий	60,1	68,5
Со всеми гражданами России	54,1	54,1
С жителями республики	60,5	52,8
С теми, кто живет в том же городе (селе), что и я	67,4	68,4
С людьми моей национальности	71,4	70,0
С людьми того же достатка, что и я	66,7	72,4
С людьми моей веры	64,1	49,0

Примечание: Сумма превышает 100%, так как респондент мог выбрать несколько вариантов ответов.

нял, почему он этого не делает: «Знаете, здесь все мое и все меня знают. Идешь по улице, многие здороваются. А потом, здесь такая рыбалка, охота. Я без этого уже не могу! Такое чувство, что это моя земля».

В записях интервью встречаются высказывания, которые, скорее всего, можно описать как гордость за данную республику — «ведь мы богатая республика», «всю страну «кормим», «какие у нас люди — ученые с мировым именем (называют Сагдеева, Халикова и др.), «у нас образованных людей много». И такие представления есть и в Татарстане, и в Саха (Якутии).

Образ республики, естественно, и на обыденном уровне формируется в сопоставлении с другими. «Другим» чаще всего выступает «центр», «Москва», которая часто принимает неверные решения («разрушили Союз, забирают деньги, ресурсы» и т.п.), «заставляли нас делать...» (строить экологически вредные предприятия, не платя работникам оборонных предприятий — «мы вынуждены платить из местного бюджета», «не дают денег для переезда в другие города России рабочим с закрывающихся приисков» и т.п.).

В республиках сравнение идет также с другими регионами. В Татарстане, Саха (Якутии) сравнивают себя с дотационными республиками, которым «приходится отдавать заработанное нами» («мы работаем больше, лучше»).

В Оренбургской области, конечно же, сравнивают себя с Башкортостаном и Татарстаном, которые «имеют больше прав», поэтому живут лучше.

Региональная идентичность на массовом уровне поддерживалась бóльшим доверием к местным властям. Когда уровень доверия к Б.Н. Ельцину падал до 10, 6, 4, 2%, рейтинг М.Ш. Шаймиева, М.Е. Николаева всегда был выше — 50—60%. Больше доверяли республиканской власти в 1994 г. не менее 40% саха, татар и одна пятая часть русских в Татарстане, Саха (Якутии), в то же время больше доверяли общероссийской всего 2—4% русских в республиках (никакой власти не доверяли тогда 20—30% у титульных национальностей и более 30% среди русских).

К 2000 г. в защите своих интересов на власти республики рассчитывало 20% татарстанских русских и татар, 40% саха и 12% русских в Саха (Якутии), а на российское правительство — не более 7—12% респондентов в республиках, а в Оренбургской области — 5%. К 2002 г. уровень доверия к центральной власти вырос, особенно к Президенту РФ (его рейтинг доходил до 70%).

В изучавшихся нами республиках уровень региональной идентичности выше, чем в областях (кроме Оренбуржья, мы в 1977 г. проводили опрос и в Магаданской обл.). Это связано не только с более широкими правами, которые они имели по договорам с центральным правительством и в соответствии с принятыми ими конституциями и Конституцией РФ (допускающей такие договоры и признающей их символику). Имеют значение исторический шлейф воспоминаний — от причин образования республик (национальные волеизъявления) до их больше символьного, но все же отличного от областей, положения в Советском Союзе — уровень образованности населения, урбанизации. На наш взгляд, трудно говорить об этих ресурсах применительно ко всем республикам в сравнении с областями. Республики, как и области, разные, но символический ресурс у республик был выше.

Идеологический уровень региональной идентичности разрабатывался элитой (политической и научной) республик, безусловно, более масштабно, чем в областях.

Центральной идеей, конечно, была идея суверенитета республики. Он нужен, по мотивации элиты, для того, чтобы «вхождение в Федерацию» было действительно добровольным, чтобы Федерация строилась снизу, чтобы была возможность самим распоряжаться ресурсами. Надо сказать, что эти идеи разделялись в 90-х гг. довольно широким кругом населения в республике. Отвечая на вопрос «Какое развитие республики Вам представляется наилучшим?», 50—60% респондентов выбирали вариант ответа «суверенитет в составе России».

По поводу того, кто должен распоряжаться «землей, природными ресурсами», татары и русские были достаточно солидарны: более 40% русских и татар считали, что право распоряжения должна иметь только республика, и еще около 20% татар и более 30% русских были за совместное с РФ распоряжение ресурсами.

В Саха (Якутии) региональная идентичность формировалась прежде всего за счет трех основных стратегических ориентаций:

- экономическая самостоятельность должна быть закреплена законодательно (в том числе отношения собственности, форм хозяйствования, финансовой, налоговой, ценовой, инвестиционной политики);
- из поставщика сырья республика должна превратиться в поставщика готовой продукции на базе новых технологий;
- закрепить приоритетность аборигенных форм природопользования.

Элита часто пользовалась солидаризирующим понятием «мы — якутяне». Право республики на распоряжение ресурсами поддерживали более 60% саха и более 40% русских, идеи совместного использования их республикой и РФ в целом — 20% саха и 50% русских.

В конце 90-х гг. уровень политических и экономических притязаний в республиках снизился, но недовольство центральным правительством оставалось.

Республиканская идентичность имеет внутренние и внешние обоснования. В чем-то она сходна с этнической идентичностью с точки зрения близости и реальности ее восприятия, традиционности ее воображения, большей легкости ее конструирования. Она далеко не всегда и не во всем противостоит формируемой российской идентичности.

Какой была категоризация общероссийской идентичности и есть ли возможность ее совместимости с этнической?

С тем, что российская государственная идентичность должна утверждаться, согласны специалисты разных научных школ и направлений. Они расходятся в стратегии и способах ее формирования. Это предмет специального историографического анализа²⁶.

Здесь мы сопоставим данные массовых опросов и глубинных интервью с элитами о российской идентичности, собранных в 1999 г., и попытаемся определить, противоречат ли мнения элит представлениям массового сознания об этнической идентичности.

Судя по материалам опросов, в преддверии XXI в. на личностном уровне россиянами себя определял не такой уж узкий круг людей — более половины татар и 60% русских в Татарстане, более 60% саха и 70% русских в Саха (Якутии), более 60% оренбуржцев.

В условиях, когда бывшие советские граждане потеряли свою прежнюю страну, затрудняются в описании ее реальных географических очертаний (из-за событий на Северном Кавказе), когда поколеблены старые, общепринятые для страны ценности, а новые только формируются

---

²⁶ Дробизева Л.М., Аклаев А.Р., Коротева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 1996; Drobizheva L. Russian Ethnonationalism // Ethnic Conflict in the Post-Soviet World. N.Y., 1996.

и еще не известно, на каком пространстве они должны утвердиться, это выглядит совсем не трагично. Ведь нашей стране еще только 10 лет.

Россия это страна, которую никто не хотел. Авторы трансформации Союза полагали, что будет СНГ. И даже зарубежные «другие» побаивались раскола страны из-за непредсказуемости последствий, неуправляемости территорий со стратегическим оружием.

И все же у большинства населения в стране российская идентичность уже есть. В качестве россиян чаще себя идентифицируют люди молодого и среднего возраста²⁷. Это понятно: люди старшего поколения еще нередко чувствуют себя гражданами СССР. С тем периодом у них связана молодость, многие тоскуют по прежней стабильности, привычной в прошлом жизни.

Иное — молодежь, сформировавшаяся в 80—90-е гг., для которой СССР уже история и воспоминания родителей. Среди имеющих российскую идентичность (сравниваются с теми, кто ее не имеет или выбирает местную) чуть больше тех, кто удовлетворен работой, у кого положение на работе за последнее время улучшилось, кто выбирает позицию «жить трудно, но можно терпеть» и «все не так плохо, и жить можно». Среди них, естественно, больше тех, кто «часто», а не «иногда» идентифицирует себя «со всеми гражданами России», но не больше тех, кому нравятся русские националисты и кто «чувствует себя близко» с ними (3—8% по всем массивам)²⁸.

Есть проблемная ситуация: часть русских в регионах (15—30%) и титульных национальностей в республиках (более 50% башкир, около 60% татар и еще большая доля саха) чувствовали себя в основном башкортостанцами, татарстанцами, якутянами. Среди них могли быть и люди, которые вообще чаще живут локальными интересами и представлениями, и те, кто разочаровался в «центре», и те, у кого просто пока не сформировалась новая российская идентичность (т.е. это не обязательно люди, противопоставляющие себя россиянам, нелояльные граждане).

Среди национальностей, дающих название республикам, чаще фиксируется двоякая идентичность. Например, среди татар *больше* людей, чувствующих себя татарстанцами, почти 50% ощущают себя также и россиянами, а четверть вообще чувствуют себя *в равной мере* татарстанцами и россиянами. К тому же люди, которые имели слабую государственную идентичность или не имели ее совсем, не обязательно сепаратисты или враждебно настроены к государству. Их этническая или республиканская идентичность могла быть ближе им по куль-

---

²⁷ В возрасте до 25 лет 92% русских в Саха (Якутии) и 70% в Оренбуржье идентифицировали себя больше как россияне, а в возрасте старше 50 лет — соответственно, 72 и 62%.

²⁸ Данные 1999 г. подтверждены опросами 2002 г.

турным, этическим параметрам и, что, видимо, особенно важно, по их непосредственным интересам.

Образ россияна, в какой-то мере фиксируемый в ходе массовых опросов, основывается на агрегированных показателях взглядов на страну, на то, какой ее хотят видеть граждане. Эти показатели не вскрывают всей сложности и внутренней разнородности содержания, которое несет в себе этот образ. Поэтому мы попытаемся совместить их с материалами глубинных интервью с теми людьми, которые и конструируют этот образ или транслируют его в массы — с представителями элит.

В их описаниях образа России, с которым они себя идентифицируют, присутствует несколько составляющих.

Прежде всего, цивилизационное определение России — страна европейская или страна между Востоком и Западом («мы все же страна западной цивилизации», «мы — евразийцы»). Несколько раз было употреблено определение «российская цивилизация». Наполнение этих определений идет обычно за счет набора присущих людям нашей страны экономических, социально-культурных ценностей в сопоставлении с Западом или Востоком: передовая; отстающая; модернизирующаяся; европейская; богатая ресурсами, людьми; «блоху подкуем»; «освоили космос»; «если не потеряли бы от войн, революции, были бы передовой страной»; «нам есть чем гордиться»; «имеем культурное наследие, признаваемое всем миром»; а в качестве противопоставления Западу идет: «мы — больше азиаты», «не бережем ресурсы», «достигаем штурмом», «не хватает культуры», «нужна палка, дисциплина».

Набор описаний часто связан с историческими именами — от Петра I, Столыпина до Ленина, Сталина, Хрущева, Брежнева и Горбачева с Ельциным. С цивилизационными определениями сочетаются и раздумья о том, в каком направлении должно идти развитие. Среди интервью не было ни одного, в котором бы звучала идея вернуться в советское прошлое, хотя среди респондентов были и коммунисты, и представители оппозиционных партий.

Никто не назвал желаемой перспективой капитализм. Это примечательно: никто не оперировал этим понятием, но почти все использовали определения «Запад», «американцы», «как Америка», «как в Европе». Чаще всего Россия, которую хотели бы видеть, — это страна с преимуществами Запада («благополучно живущее большинство населения», «рациональное использование ресурсов», «порядок в организации труда»), но отличная от него («у нас свои ценности», «общество должно быть более справедливым», «не должно быть бедных», «не допускать свободы порнографии», «сохранить культуру» — в это вкладывается обычно протест против примитивизма массовой культуры, считающейся западной).

В целом из этих описаний формируется доминирующий образ россияна как людей, живущих в стране постоянно догоняющего развития. Но поскольку это задевает самолюбие думающих людей, конструируется образ — мы отличная (не загадочная, а какая-то особая), другая

страна. При этом никто не дал названия того общества, которое будет в обновленной России.

Одна из ведущих черт образа — внешнеполитическая составляющая: отношения с западными странами, НАТО, проблематика стратегии, которой мы должны придерживаться («дружба» или «изоляция-низм», «наступать» или «встраиваться», «защищать границы», не распродавать богатства). Запад привлекателен и угрожающ одновременно. Доминирует в определении желаемого образа все же Россия с политикой прагматизма. Большая или меньшая настороженность к Западу и к Востоку сочетается с надеждой на развитие сотрудничества во имя экономического благополучия и сохранения мира («избежать риска», «не допустить конфликтов» и т.п.).

Внутренняя составляющая образа соединяет представления о большой, богатой ресурсами стране, с культурным наследием, которым гордятся, с представлениями о попоранном достоинстве, потерях и ущербах от революции, войн, неразумной перестройки (комплекс неполноценности).

В этих внутренних описаниях значительное место занимает «образ врага» («давит Запад», «приехало много мигрантов», «не перевариваем нахлынувших из Китая, Вьетнама, с Кавказа» и т.п.). Негативная эмоциональная подпитка образа звучала в большинстве интервью. Именно она стимулирует оборонные, а иногда и агрессивные ориентации.

В целом тот образ россиян, который улавливается в элитных интервью, ближе всего к тому типу, который А.Н. Малинкин²⁹ на основе анализа дискурса в литературе определил как центристский.

Наши элитные респонденты были определены на основе ответов в массовых интервью, полученных по репрезентативной выборке. Стоял вопрос «Кто, с Вашей точки зрения, лучше других выражает сейчас интересы людей Вашей национальности?». Следовательно, можно полагать, что они в значительной мере отражают то мнение, с которым солидаризируется большинство наших граждан. Конечно, в каждом конкретном регионе, в зависимости от особенностей обстановки могут быть отклонения от этих мнений. Но в целом субъекты Федерации, в которых мы работали, репрезентируют общую ситуацию в стране и ее разнообразие (исключая Северный Кавказ, хотя в Северной Осетии — Алании сравнительные исследования проводились в 1994-м и 1997 гг.).

Выводы на основе элитных интервью коррелируют с данными массовых опросов и дополняют их.

В разных регионах и этнических группах сохраняется общегосударственная патриотическая ориентация. Свыше 60—70% в 1999 г. и в

---

²⁹ Малинкин А.Н. Понятие патриотизма: эссе по социологии знания // Социологический журнал. 1999. № 1/2.

2002 г. русских, татар, якутов, башкир считали, что «даже для спасения экономики России нельзя распродавать ее природные богатства».

Однако государственный патриотизм в основном был взвешенным, умеренным. Об укреплении военной мощи россияне слышали часто по радио, телевидению, но с мнением о том, что «для сохранения военной мощи Российской Федерации можно идти на снижение жизненного уровня», соглашалось менее 10% в республиках и Оренбургской области.

Российскость не стала доминирующе этноцентричной. Около 60% русских в республиках было согласно с мнением: «Российское правительство должно делать больше для обеспечения прав национальных меньшинств». И это в условиях, когда антикавказские настроения отнюдь не ослабевали. С мнением, что «Россия должна быть для русских», в республиках солидаризировалось не более 20% русских. Правда, в целом по России, по данным ВЦИОМ, осенью 2001 г. лозунг «Россия для русских» полностью или с оговорками поддерживало 58%³⁰.

Данные говорят о том, что государственный ультрапатриотизм чаще свойствен политикам популистского толка, чем населению. Но, конечно, и 20% людей с этнодоминирующими установками в государственной политике в республиках и еще больше в целом в стране — почва достаточная, чтобы поддерживать идеи А. Проханова, А. Дугина, созвучные с ориентациями «новых правых» в Австрии, Франции, Германии. Идеи этнодоминирования в республиках у титульных национальностей также распространены, что создает опасность межнациональной конфронтации.

В таких ситуациях важно, какие идеи были не разъединяющими, а объединяющими. Одну из них мы уже назвали: это защитная идея — сохранение в стране ресурсов. Другая — осторожные отношения с Западом. Большинство и русских, и титульных национальностей едины в отношении к Западу, согласны с тем, что «Запад нам оказывает экономическую помощь, чтобы поставить нашу страну в зависимость». В то же время это не изоляционизм. Более трети респондентов расширение отношений с Западом оценивали положительно, а 40—50% — видели в этом и положительное, и отрицательное. В путинский период (т.е. в 2002 г.) это соотношение в худшую сторону не менялось.

Таким образом, массовое общественное мнение в целом ближе к центристскому типу российской идентичности. Устойчиво сохраняется психологическое чувство ущерба, потерь. Практически половина и русских, и людей других национальностей полагают, что теряют самобытность культуры.

Считается, что ощущения потери, ущерба сплавивают общность. Но сплочение на такой основе непродуктивно, и к тому же каждый народ в потере культурной самобытности винит «других». Этими други-

---

³⁰ Левада Ю. В какие игры играют толпы // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. М., 2002. № 4. С. 60.

ми выступают для всех «Запад» или «советская власть», но нерусскими вина нередко возлагается на доминирующий, русский народ.

Позитивные, объединяющие общероссийские ценности еще предстоит утверждать. Их давно ищут политики, идеологи, и нельзя сказать, что успешно. Не исключено, что это будут обычные повседневные ценности — достатка, стабильности, безопасности, справедливости. Именно такая ситуация заставляет, на наш взгляд, ставить вопрос: «Стоит ли противопоставлять этническую, этнонациональную и общероссийскую идентичность?».

Как мы видели из приведенного материала, когнитивное наполнение российской идентичности в чем-то не совпадает, а в чем-то совмещается с этнической. Этническая идентичность в основном базируется на языке, культуре, национальности родителей, историческом прошлом, территории. Российская идентичность — на месте страны в мире, геополитическом пространстве, цивилизационном развитии, на представлениях о ресурсах страны, достижениях в культуре, исторической общности. *Содержание той и другой идентичности не противопоставляет их, не взаимоисключает, а способно дополнять друг друга.* Это дает нам основание говорить о совместимости этих идентичностей, о важности акцентирования такого представления. Но эта совместимость возможна при определенных условиях идентификационных режимов. Всего их может быть пять (рис.).

Народы, о которых шла речь в тексте, размещаются в первом и частично (осетины) во втором, а российская общность (сообщество) —

<p>1 <i>татары</i> Государство — да Общество — да Группа — да</p>	<p>2 <i>кавказцы</i> Государство — нет Общество — да Группа — нет</p>
<p>3 <i>казаки</i> Государство — нет Общество — нет Группа — да</p>	<p>4 <i>кланы</i> Государство — нет Общество — да Группа — да</p>
<p>5 <i>россияне 1990—1991 гг.</i> Государство — да Общество — да Группа — нет</p>	<p>6 <i>россияне 2002 г.</i> Государство — да Общество — да Группа — да</p>

Рис. Идентификационные режимы

в пятом. В ней происходит транзит в направлении постепенного принятия группой, особенно активно в последние годы. По опросам 2002 г., 80—90% респондентов идентифицировали себя россиянами.

Для того чтобы произошло совмещение государственной и этнической идентичностей, государство должно выстроить систему отношений, основанную на взаимопонимании и доверии. В стране, где русские составляют доминирующее большинство, государственная идентичность не может не базироваться на этнической идентичности этого большинства. Но такая тенденция приводит к тому, что общероссийская идентичность может стать привлекательной для других народов России, *если будет соответствовать также и их интересам.*

Этнонациональное и российское самосознание совместимы и пересекаются в том случае, если и то и другое в пределах нормы. Нормальной этнической идентичностью мы считаем ту, при которой образ своего народа воспринимается как положительный, отношение к его культуре, истории благоприятное (что не отрицает критики каких-то их сторон), имеет место естественный патриотизм (не переходящий в фаворитизм) и толерантные установки на общение с другими народами, людьми других национальностей, понимание их вклада в историю³¹.

При нормальной этнической идентичности люди могут испытывать разную потребность в ассоциированности с этнической группой и иметь разный уровень консолидированности с ней. Это зависит как от типа личности (у каждого из нас разная потребность в сопричастности, аффилиации с группой, различны чувства эмпатии, сопереживания), так и от ситуации (есть ли какая-то заинтересованность в этнической солидарности, страхи, потребность уйти от унификации и др.). Но именно то, что они открыты для общения с другими этническими группами, толерантны к ним, не создает препятствий для общероссийской солидаризации. Уважение к своему народу, его культуре создает возможность для понимания подобных чувств у «других».

В свою очередь, признание прав и интересов «других» и есть основа мультикультурного общества в стране. Не этнический нигилизм и этнокультурная гомогенность, а интеграция на основе взаимодополняющих и совмещающихся ценностей, представляющих общие интересы — единственная рациональная перспектива. При такой модели общества каждый народ, этническая группа становятся заинтересованными в консолидированном государстве. Его преуспевание, стабильность, признание в мировом сообществе представляют общенациональные интересы, а общечеловеческие ценности — семья, дети, благополучие, справедливость и свободы — разделяются большинством. Залогом такой возможности является то, что у значительной части населения этническая идентичность и российская совмещаются.

---

³¹ Выделение типов идентичности дано нами в книге «Национальное самосознание, национализм и регулирование конфликтов» (М., 1995).

Нам не кажется, что для общероссийской солидаризации нужно искать какую-то «национальную идею». Подобные призывы пока никакого успеха не принесли. Для России в начале XXI в. важно было то, что декларировал В.В. Путин накануне президентских выборов: никакой «государственной официальной идеологии» восстанавливать в России не нужно, «не должно быть принудительного гражданского согласия. Любое общественное согласие... может быть только добровольным»³². Но стратегия развития для страны, для консолидации российских граждан целесообразна. Если лидер страны подтверждает, что достойное будущее будет достигаться за счет универсальных принципов рыночной экономики и демократии, соединенных с реальностями России, это определенный ориентир для новой российской идентичности. Естественно, совмещение и пересечение этнической идентичности с общероссийской будет успешным тогда, когда последняя не претендует на доминирование и подчинение себе. Подпитывать российскую этническую идентичность русских, так же как и всех других народов страны, может в том случае, если не принимает гипертрофированные формы.

Этноцентричная идентичность труднее совмещается с общегосударственной идентичностью³³. Среди респондентов, которые выбрали позицию «я никогда не забываю о том, что я русский (татарин, башкир...)», практически вдвое меньше тех, кто чувствует себя россиянами или имеют сдвоенную российскую и региональную идентичность.

Тем более несовместим с российской идентичностью этнодоминирующий тип идентичности, ибо в этом варианте этничность становится для людей, группы первостепенной, главенствующей ценностью («мы все только клетки одного великого организма», «кто не с нами — тот против нас»), права народа признаются выше прав личности, представление о превосходстве своего народа сопровождается дискриминационными установками в отношении других этнических групп. В бытовом восприятии россиян именно такая идентичность ассоциируется обычно с национализмом.

Несовместим с гражданской, государственной идентичностью и этнофанатизм — крайняя форма гиперидентичности, когда люди готовы идти на любые жертвы и действия, вплоть до терроризма.

Однако как гипертрофированная этническая идентичность несовместима с общероссийской, так и гипертрофированная государственная идеология и идентичность способны пугать и отталкивать граж-

³² Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетия // Российская газета. 1999. 31. дек.

³³ В когнитивной сфере при таком типе идентичности разделяются лозунги «Все для нации, ничего против нации», заявления: «Все средства хороши для защиты интересов моего народа», в эмоциональной — страх, беспокойство, напряженность.

дан собственной страны и станут непривлекательными для народов, ее населяющих.

Российская идентичность, как мы видели, уже не проект и не мечта, а реальность. Несмотря на сохраняющийся высокий уровень и интенсивность этнической идентичности, новая российская идентичность со временем (пока идет привыкание к названию, символам, масштабам, территории) и при сохранении доверия к Президенту будет укрепляться.

Российская идентичность, так же как и этническая, — это процесс и поле социальных, этнокультурных, цивилизационных сетевых взаимодействий. От социальных ресурсов субъектов, действующих в этом поле, будет зависеть направление развития — совмещение, замещение или расхождение этих идентичностей.

В последние годы мы являемся свидетелями укрепления государства, федерального центра, что дает основание прогнозировать тенденцию усиления и общероссийской государственной идентичности. Однако это еще не гражданское самосознание. Когда интересы и права граждан, независимо от национальности, защищены государством, а институты гражданского общества ведут диалог с государством от имени конкретных групп, сообществ, тогда только можно надеяться на гибкую и прочную общероссийскую консолидацию, стимулирующую интеграционные процессы в обществе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленная читателям книга является результатом исследования с общими принципами в методологии и едиными целями, но она состоит из достаточно самостоятельных фрагментов с многообразием подходов к пониманию социальных процессов в конкретных социальных практиках. Ответственный редактор стремилась следовать принципу академических свобод авторского самовыражения. Создатель каждой главы получил возможность сформулировать свое видение итогов изучения, полученных в ходе анализа материалов. И высоко ценя вклад большинства участников Проекта, полагаю, что ни повторять выводы глав, ни комментировать их здесь нет оснований. Остановлюсь на самом примечательном.

На исходе последнего десятилетия XX в. мы наблюдали, как начатые экономические реформы и доступ к демократическим свободам до неузнаваемости изменили привычные картины жизни в республиках и областях России. Возрастающее разнообразие и фрагментация социального пространства — доминирующая тенденция при достаточно выраженной новой социальной дифференциации.

В этническом поле, в жизни народов, этнических групп совмещаются старые и новые неравенства. Новые неравенства меньше связаны с политикой государства, а больше диктуются рыночной конкуренцией, при которой социальная дифференциация определяется для каждого народа, будь то русские или башкиры, татары, якуты или другие народы, прежде всего культурой, понимаемой как ценности, установки, ориентации, убеждения, воздействующие на социальное развитие.

В одинаковых условиях города или деревни в одном субъекте Федерации русские и народы, дающие название республикам, так же как и в областях, например русские и татары в Оренбуржье, отличаются по своим формальным социальным параметрам несущественно. Но в представлениях о богатстве, доступе к власти, престиже этнические общности, дающие название республикам, выделяются преимуществами в глазах респондентов.

Эти преимущества осознаются практически всеми этническими группами как результат изменения их политического положения в результате демократизации и нового статуса республик.

Титульными национальностями доминирование в республиканских органах власти интерпретируется как возмещение их недопредставленности в федеральных органах власти, где в результате мажоритарной избирательной системы они никогда не смогут в силу своей численности иметь представительство, достаточное, чтобы влиять на законодательную практику или правительственные решения.

В республиках русские при декларированных демократических процедурах выборов не получают достаточного представительства. Политическая сфера — главное поле, где и русские в республиках,

и титульные национальности в Федерации ощущают свое неравенство. Для русских это новое неравенство, для титульных национальностей — старое в новом варианте, когда в Федерации ситуация не меняется, но в республике принципиально изменилась.

Демократия не решает всех проблем в сфере этничности. Она имеет свои лимиты. Решение одних проблем порождает другие.

В республиках в условиях несравнимо больших прав, чем в советскую эпоху, не могли преодолеть старые неравенства. Они остались и от советского прошлого, и от дореволюционного.

Прежде всего разнообразие в положении национальностей порождалось разным уровнем урбанизации. В изучавшихся регионах это проявлялось более всего в Саха (Якутии) в отношении якутов и Башкортостане в отношении башкир.

От старого осталось и разнообразие в позиционировании русских и народов, дающих название республикам. В Татарстане развитие этнических групп шло по принципу «вместе и вровень»; в Саха (Якутии) продолжалась тенденция образовательного «бума», в Башкортостане — постепенного приближения башкир к социальным позициям русских.

В разных главах авторы выходили на проблему русских. Зафиксирована более низкая мобильность их при том, что позиций в трудовой сфере они не теряли. У русских отмечался также несколько меньший социальный оптимизм, чуть менее выраженные деятельностные позиции. Легко это было объяснить суверенизацией республик. Но это объяснение не проходило, поскольку у русских в областях наблюдались те же тенденции.

Мы должны были дать этому явлению социально-психологическое объяснение. При правовом этническом равенстве в постсоветской России *русские* в 1990-е гг. ощущали себя в ситуации *относительного психологического неравенства*. Как и другие российские национальности, русские пережили распад Союза, но при этом они потеряли статус «старшего брата», державу с первенствующим геополитическим положением, убежденность, что страна, в которой они живут, имеет преимущество в социальном строе. О том, что это психологическое неравенство *ситуативно*, и о том, что оно преодолевается, свидетельствовали обнадеживающие тенденции улучшения социального самочувствия русских в 2002 г. в сравнении с 1999-м.

Есть ли потенциал межэтнической интеграции в *социальной сфере* в условиях старых и новых неравенств и в чем он? В главах показаны три наиболее очевидных резерва интеграции:

- 1) деятельность этнических групп в разных экономических нишах, создающая заинтересованность во взаимодействии;
- 2) заинтересованность в экономическом развитии отраслей в условиях, когда этнические группы заняты в одной сфере деятельности;

- 3) формирование среднего слоя, объективно выступающего за сохранение стабильности развития, в чем заинтересованы все граждане России независимо от национальности.

Углубление социальной дифференциации в среде каждой этнической группы, так же как и межэтнические сравнения «кому живется лучше на Руси», естественно, не улучшало этнические гетеростереотипы и межэтнические установки. Они в изучавшихся республиках у людей разных национальностей не были хуже, чем в целом по России. В Татарстане они были даже несколько благоприятнее и в 1997-м, и в 1999-м, и в 2002 гг., несмотря на сложные отношения республики с центром. Но этническое самосознание оставалось достаточно интенсивным и актуальным. Препятствовало ли оно интеграционным процессам?

В зависимости от социальных диспозиций национальностей, оно наполнялось либо позитивными устремлениями, либо защитными, а то и агрессивными установками. Наш вывод состоял в том, что *позитивная этническая идентичность не противостоит общероссийской*, а в каких-то элементах представлений (защите природной среды, отношении к ресурсам, заинтересованности в балансе свободы и порядка и др.) они совпадают и взаимно дополняют друг друга.

Эта книга была посвящена одной из сфер взаимодействий национальностей в нашей стране — социальной. Она не охватывала государственно-правовую сферу. Лишь в одной из глав был затронут этот вопрос в связи с тем, как укрепление вертикали власти может отразиться на социально-психологическом климате в межнациональных отношениях. Не рассматривалась полностью сфера культуры и языковых взаимодействий. Нас интересовала только культура, способная влиять на трудовое поведение, обеспечивающее успех в условиях глобализации.

Мы ограничили объект рассмотрения национальностями, дающими название республикам, и не рассматривали взаимоотношения большинства с этническими меньшинствами, диаспорными группами в крупных городах — проблему, которая приобретает все большее значение в нашей стране.

Но тот пласт проблем, который изучался в данном проекте, и вопросы, поставленные в нем, а в чем-то и решенные, дают ключ к пониманию животрепещущих тем, обсуждаемых в нашем обществе, — роста ксенофобии и экстремизма, отчужденности и фрустраций.

Еще один важный вывод, который мы могли сделать на материале первых лет XXI столетия: для интеграционных процессов на уровне массовых общественных настроений несомненную роль играют определенность в политике центра и уровень доверия к Президенту. За последние 2—3 года массив людей, которые чувствуют себя россиянами, вырос в 2 раза.

Приложение

ВЫБОРКА ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Программа этносоциологического исследования «СН» предусматривала в качестве объекта изучения взрослое население (старше 18 лет) четырех субъектов Российской Федерации: трех национальных республик — Татарстана, Башкортостана, Саха (Якутии)¹ — и Оренбургской области. Таким образом, использовалась такая модель территориальной выборки, объектом которой является население (или какая-либо его часть), проживающее на обследуемой территории, и единицей отбора на всех ступенях многоступенчатой выборки, кроме, может быть, последнего, служат территориальные образования.

Исходя из специфики структуры государственной статистики, теоретических положений теории выборки и большого опыта проведения крупномасштабных социологических исследований, мы сделали вывод, что для большинства массовых социологических, социально-экономических, этносоциологических исследований на уровне субъекта Федерации оптимальной по многим параметрам является территориальная, стратифицированная, вероятностная модель выборки — трехступенчатая для городского населения и двухступенчатая для сельского населения. На первой ступени в качестве первичных единиц отбора (ПЕО) в обоих случаях выступают населенные пункты, на второй ступени вторичными единицами отбора (ВЕО) в городских населенных пунктах являются какие-либо опросные (счетные, избирательные, почтовые, ЖЭКи) участки, а в сельских населенных пунктах в качестве ВЕО обычно выступают домохозяйства. Как очевидно из вышесказанного, на первой ступени сразу же, еще до начала отбора ПЕО, осуществлена стратификация населения по признаку городское — сельское. Это позволяет нам распределить выборку пропорционально доле городского и сельского населения в обследуемом субъекте Федерации. К этой стратификации обычно добавляются еще один, два стратифицирующих признака. Мы во всех субъектах Федерации стратифицировали городские поселения еще по численности.

Однако, даже при наличии такой общей модели территориальной выборки для субъекта Федерации, выборка для каждого конкретного субъекта, в котором проходило обследование, разрабатывалась специально (выборка вообще является в некотором смысле «штучным товаром»). При этом учитывались различные факторы, такие, как специфика в постановке задачи, предварительные сведения об изучаемой совокупности (например, форма организации и возможность получения основ выборки на различных ступенях, доступность опреде-

---

¹ Выборка по Башкортостану была рассчитана Е.В. Козеренко.

ленных территорий и категорий элементов совокупности), количество интервьюеров, которое может быть задействовано на полевой стадии и, прежде всего, финансовые возможности.

Например, в выборочной модели для национальных республик — Саха (Якутии), Татарстана, Башкортостана — мы вынуждены были провести дополнительную стратификацию сельских населенных пунктов по долям проживающих в них жителей титульной и нетитульной национальностей. Причем если Татарстане и Башкортостане это было сделано, в основном, только из содержательных соображений о влиянии национального состава села на установки респондентов, то в Саха (Якутии) это диктовалось еще и чисто технологическим обстоятельством. По условиям обследования требовалось, чтобы респондентов титульной национальности опрашивали только интервьюеры титульной национальности, и наоборот. Число респондентов в одном сельском населенном пункте должно было составлять 25 человек, и посылать в одно село со смешанным населением двух интервьюеров разных национальностей при якутских расстояниях и, соответственно, огромных транспортных расходах было просто невозможно. Кроме того, трудно было бы в этом случае найти и интервьюеров, которые согласились бы ехать на такие расстояния для опроса 7—8 респондентов: их заработок был бы слишком мал. К счастью, оказалось, что в Саха (Якутии) очень мало сел со смешанным населением, в них проживает всего несколько процентов сельчан.

Итак, на первом этапе, исходя из размера выборки в 1000 респондентов и условий (ограничения по ресурсам), что в выборочной точке должно быть опрошено не менее 20—25 респондентов, во всех четырех субъектах Федерации были определены саморепрезентирующие выборочные точки, которые по своей численности населения обязательно попадают в выборку, — это самые крупные города данных субъектов. Остальные городские населенные пункты были стратифицированы, как уже было сказано, по размеру, и в каждой страте было отобрано с помощью процедуры случайного отбора соответствующее количество городов или поселков городского типа (пгд). Исключение составила только Саха (Якутия), где многие города являются труднодоступными. Поэтому, после определения саморепрезентирующих городов, в отдельную страту были выделены все городские поселения, находящиеся в зоне прямого авиационного или автомобильного доступа из Якутска. Из них случайным образом было отобрано необходимое число городов и пгт, с объемом выборки, пропорциональным доле населения данной страты в городском населении. Остальные города и пгт отбирались только в тех районах (улусах), где расположены уже отобранные города и пгт (саморепрезентирующие или прямого доступа). Такой путь определялся существовавшими ограничениями по ресурсам.

По такому же пути и по тем же соображениям мы шли при отборе сельских населенных пунктов по всем четырем субъектам Федерации — отбор шел только из списка сел в районах, где расположены уже отобранные города и пгт.

На второй ступени в городах и пгт использовались в качестве ВЕО счетные участки переписи 1989 г. или микропереписи 1995 г. либо избирательные участки. Применялся механический отбор с заданным шагом. После выбора конкретных опросных участков в них проводился натурный обход для составления списка жилищ (квартир, частных домов). Из полученного списка на третьей ступени выборки механическим отбором осуществлялся выбор необходимого количества жилищ (с учетом размера предполагаемой недостижимости), в которых будет производиться опрос. В селах ступень отбора опросных участков отсутствует (опросным участком является само село) и в качестве списка жилищ использовались похозяйственные книги, по которым и велся отбор жилищ в выборку.

И наконец, на последней ступени, при отборе респондента в семье, мы использовали известную процедуру Киша.

Так как в исследовании стояла задача сравнения групп населения титульной и нетитульной национальностей, то для выравнивания наполненности групп в Саха (Якутии), Башкортостане и Оренбургской области был осуществлен добор респондентов титульной национальности (татар в Оренбуржье). В сущности, это были самостоятельные выборки. В Татарстане, где численность жителей титульной и нетитульной национальностей отличается незначительно, проблему удалось решить без довыборки, путем некоторого увеличения размера основной выборки.

После исследования была проведена косвенная оценка качества выборки путем сравнения выборочных распределений и данных госстатистики по основным социально-демографическим характеристикам для каждого из обследованных субъектов Федерации. Все отклонения лежат в границах принятых стандартов и легко устранялись при необходимости путем перевзвешивания.

SUMMARY

For a sake of stability of the country, prevention of the conflicts and interethnic opposition it is very important to reveal in time the possible tensions caused by the main feature of the contemporary world when the competition on labor market, in political decision making process, the threats to individual safety and also a loss of cultural distinctiveness are perceived as an intentional discrimination of certain ethnic groups.

Moreover, a solidarity, usual for the most ethnic groups, and the ethnic identity, still remaining actual despite some theoretical presumptions, are viewed occasionally as unwanted, and a cultural diversity — as an obstacle for the social modernization.

How valid are the ideas of ethnic discrimination and ethno-cultural obstacles in transformation processes in Russia? Why is a selection on labor market, unavoidable condition of socio-economic competition, perceived in public consciousness as a sign of inequality and what are the real differences in distribution of wealth, social prestige and power between the ethnic groups? What influence does the ethnicity have on a status of individual in social stratification of modern Russian society? The attempt to address these and many other related issues was a goal of the research project «Social inequality of ethnic groups and the problems of integration in the Russian Federation».

This project — the third, which has been conducted by research team headed by Leocadia Drobizheva in 1999 — 2001. The first one, «Post communist Nationalism, Ethnic Identity and Conflict Resolution» took place in 1993 — 1995, the second project called «The Ethnic and Administrative Boundaries: Factors of Stability and Conflict» was accomplished in 1997 — 1998.

Carrying out the projects, on a basis of the analysis of the data of representative surveys and on materials of the depth interviews with the experts we could observe as during the 90-s the interests of ethnic communities had shifted from symbolic, cultural and psychological (proclamation of sovereignty declarations, giving the language of titular nationality a status of a state language, preservation of cultural values and a group identity) spheres to the state-political and then to social economic ones. In another words these interests appear directly connected both with the property, income, prestige and with imperious and intellectual resources of the groups.

The problem of adequacy, of justification of the social hierarchies, including ethnic, tribal, territorial etc., of a new social stratification in general becomes one of central issues in modern Russian society.

The significance of the concrete analysis of the problems regarding a modification of classes, strata, social generalities, regarding the subjective interpretation of these modifications by different groups, including ethnic, is determined by many circumstances. First of all, the modern social stratification has not been stabilized yet, and the main tendencies of social structure transformation so far have been leading to the deeper conflicts concerning perceived social inequality.

The imposition of social — differentiated fields on the ethnic ones gives a diverse spectrum of stabilization perspectives in multiethnic country. The integration, not only social, but also interethnic, in many respects depends on the model of a social structure, the system of social relations between strata establishing in a society, and on people's ideas about these establishing relations.

The purposes of our research were to determine the role of ethnicity in creation of ideas about social inequality and to measure the influence of social differentiation of ethnic groups on integration in modern Russian society. A subject of the analysis was a social inequality of ethnic groups, real or perceived by the people.

The first research phase included the discussion about the modern approaches, methodology and methods to study the social stratification of a society in transitional period.

Then the analysis of changes of the main parameters of social structure of the titular nations (e.g. the nations the autonomous republics of the RSFSR were named after) on materials of USSR population censuses 1959, 1979 and 1989 was carried out as well.

Simultaneously we have selected all working indicators fixing status positions from the questionnaires of our previous projects, and also the indicators of norms, values, attitudes, which could characterize social and ethnic groups from their probable solidarization. Due to replicating the selection principles of the sample during the new series of surveys, the inclusion of those indicators in the new questionnaires allowed us to make the necessary comparisons.

The second research phase — the realization of complete surveys in Tatarstan, Bashkortostan, Sakha (Yakutia) and Orenburg's oblast'. The surveys were conducted by specially prepared interviewers picked from the experts not connected to the ethnic studies and sociology, but able to communicate easily with the people. The other demand to the interviewers was the knowledge of the language of a respondent — Tatar, Yakutiya, Bashkir, or Russian. This is a general rule for conducting surveys on ethnic issues, so a respondent could choose a language he is most comfortable with. As a result in Sakha (Yakutia) 1050 people were interviewed, in Tatarstan — 1000, in Bashkortostan — 1317, and in Orenburg's oblast' — 1160 people. The parameters of representative sample were developed by M.S. Kosolapov (Sakha, Tatarstan, Orenburg's oblast') and E.V. Kozerenko (Bashkortostan).

At the same time the deep free interviews with the experts were conducted in Russian, which all the experts could speak fluently. The most important thing during those interviews was to preserve the same approach, the style of the conversation keeping in mind, though, the final aim of the interviews — as it had been put by the author of the project — a clarification of the certain issues.

After the third phase of the project — processing the data of complete surveys using the SPSS software (A.D. Korostelev), conducting the analysis of interview with the experts and the mass media sources — the two conferences to discuss the results of the research were held (in Moscow and Georgetown University respectively).

This book presents a research project with uniform purposes based on the same methodology principles, but it consists of rather independent chapters showing the whole variety of approaches to understanding social processes in particular social practices.

In chapters of the book one can see as the old and the new inequalities combine in an everyday life of the ethnic groups. The new inequalities are less tied to the policy of the state, but rather dictated by a market competition. In this situation the social differentiation for each nation (the Russians, the tatars, the bashkirs or the others) will be determined by culture understood as the values, attitudes, and orientations influencing the social development.

In identical urban or rural conditions in one subject of the Federation the Russians and titular nationalities, for example the Russians and the tatars in Orenburg's oblast' differ upon the formal social parameters insignificantly. But regarding the ideas about wealth, access to the power or prestige the ethnic communities of the titular nationalities are considered by respondents as having the great advantages.

These advantages are realized almost by all ethnic groups as a result of a change of their political position in a process of democratisation and a new status of the republics.

The titular nationalities consider their dominance in republics authorities as a compensation for underrepresentation in the federal government bodies caused by majority principle electoral system which does not allow them because of their numbers to get enough seats to be able to influence the legislation or policymaking decisions.

In republics the Russians despite the declarations of democratic elections do not receive sufficient representation. A political sphere is the main field, where both the Russians in the republics and the titular nationalities in the Federation feel the inequality. For the Russians this is a new inequality, for the titular nationalities — a new version of the old one: on a federal level the situation does not change, but on a republic level has been changed dramatically.

The democracy does not resolve all the problems in a field of ethnicity. It has its limits. The resolution of a problem could lead to another one.

In republics, with much large rights compare to the Soviet time, the old inequalities could not be overcome. They have remained since the Soviet past and pre revolution era.

First of all a variety in positions of nationalities has been created by a different level of urbanization. In studied regions it was exhibited most clearly in Sakha (Yakutia) regarding the Yakuts and in Bashkortostan regarding the bashkirs.

Remained from the old there is also a difference in positioning the Russians and the people of the titular nationalities within the republics. In Tatarstan the development of ethnic groups went on a principle «together and on equal level»; in Sakha (Yakutia) the tendency of educational «boom» has

been continuing, in Bashkortostan — the social positions of the bashkirs eventually are moving closer to social positions of the Russians.

In the different chapters the authors addressed the problem of the Russians, they mark the low social mobility of the Russians, less expressed readiness for a social activity. We should find a social psychological explanation for this phenomenon. Given a legal ethnic equality in post Soviet Russia the Russians in 1990s were feeling themselves as a relatively psychologically unequal. As well as the other nationalities of the Russian Federation, the Russians have gone through the disintegration of the USSR, losing their status of «the elder brother», the State with geopolitical superiority over the country they are living now, also losing the claimed advantages of the socialism. The thesis that this psychological inequality is situational and could be overcome eventually is confirmed by the reassuring tendency of improving social well-being of the Russians in 2002 compare to 1999.

Is there a potential of interethnic integration in a social sphere given the old and the new inequalities, and what is it? In the chapters of the book the three most obvious reserves of integration are shown:

- 1) Activity of the ethnic groups in different economic niches creating interest in interaction;
- 2) Support of the interest in economy development, when the ethnic groups share the same sphere of activity;
- 3) Shaping the middle class, which is objectively acting for preservation of stable development, which is also in favor of all citizens of Russia despite their nationality.

The increase of the social differentiation in every ethnic group, as well as the interethnic comparisons «who lives better in Rus'», have not been improving the ethnic stereotypes or interethnic attitudes. In covered republics among different nationalities they were not worst than overall in Russia. In Tatarstan they were even a little bit more favorable in 1997, and in 1999, and in 2002, considering the difficult relationship between the republic and the Center. But the ethnic self-consciousness has remained rather intensive and actual. Has it been an obstacle for integration? Depending on the social dispositions of nationalities, the ethnic

consciousness was filling either with positive intentions, or with defensive, sometimes aggressive attitudes.

Our conclusion is that the positive ethnic identity does not oppose the all-Russian identity, and in some areas (the environment safety issues, consumption of raw materials, etc.) they coincide and mutually support one another.

Content

Introduction: the Ethnic Aspects of Social Differentiation Studies	3
---	---

Part I.

Social Differentiation of Ethnic Groups: The Soviet Past and the Russian Present

Chapter 1.	Multidimensional Approach to the Analysis of Social Differentiation Processes and the Inequality of Ethnic Groups	14
Chapter 2.	Dynamics of changes in Socio-professional Composition of Ethnic Groups and the Problems of Integration	25
Chapter 3.	Social Mobility in Ethnic Groups: the Chances of Equality	61
Chapter 4.	The problem of Participation of Ethnic Groups in Power Structures	105

Part II.

Interpretations of Inequality

Chapter 1.	The Status of Ethnic Groups in Public Consciousness and in Individual Experience	120
Chapter 2.	The Notions of Justice and Trust in Different Ethnic Groups	141
Chapter 3.	The Preferable Pattern of Payment and Differentiation of Ethnic Groups	160
Chapter 4.	Perception of Social Inequality and the Strategies of Economic Motivation in different Ethnic Groups	191
Chapter 5.	Ethno-cultural Dimension of Social Inequality	244
Chapter 6.	Religiosity and achievement orientations	256
Chapter 7.	The Gender aspects of Inequality	272

Part III.

Regional Variability in Social Differentiation of Ethnic Groups

Chapter 1.	The Features of Social Structures of the Sakhas and the Russians in Republic Sakha (Yakutia)	284
Chapter 2.	The main Indicators of Socio-economic and Socio-cultural Inequality of Ethnic Groups in Bashkortostan	300
Chapter 3.	Interests of Different Social Groups in the Context of Ethno-cultural and Etno-political Integration in Tatarstan's Society	320
Chapter 4.	Socio-cultural Indicators of The Equality-inequality: The case of Tatarstan	348
Chapter 5.	Social well-being of the Russians and the Tatars in Orenburg oblast	359
Chapter 6.	The Impact of the Cultural Factor on Socio-economic Inequality in Republic Sakha (Yakutia)	269

Part VI.

Integration Potential: an Opportunity and the Obstacles

Chapter 1.	The Integration Processes and Interethnic Relations in Sakha (Yakutia) in second half of 90 th	386
Chapter 2.	The Problem of Ethnic Tolerance in Social Groups of Tatarstan	403
Chapter 3.	The Changes in Relationship between the Federal Center and Regional Elites in The Context of Forming New Pattern of Rule: The case of Tatarstan	412
Chapter 4.	The integration Potential in The Context of Increasing the Social diversity of nationalities	426
Conclusion		464
Appendix: Sample of the ethno sociological Survey		467
Summary		470

Оглавление

Введение. Этнические аспекты изучения социальной дифференциации	3
--	---

Раздел I

Социальная дифференциация этнических групп: советское прошлое и российское настоящее

Глава 1. Многомерный подход к изучению процессов социальной дифференциации и неравенства этнических групп	14
Глава 2. Динамика социально-профессионального состава этнических групп и проблемы интеграции	25
Глава 3. Социальная мобильность в этнических группах: шансы на равенство	61
Глава 4. Проблемы участия во власти этнических групп	105

Раздел II

Интерпретации неравенства

Глава 1. Статус этнических групп в общественном сознании и индивидуальном опыте	120
Глава 2. Представления о справедливости и доверии у разных этнических групп	141
Глава 3. Тип экономических ориентаций и дифференциация этнических групп	160
Глава 4. Восприятие социального неравенства и стратегии экономической мотивации этнических групп	191
Глава 5. Этнокультурное измерение социального неравенства	244
Глава 6. Религиозность и ориентации на достижительность	256
Глава 7. Гендерные аспекты неравенства	272

Раздел III

Региональная вариативность социальной дифференциации этнических групп

Глава 1. Особенности социальной структуры саха и русских в Республике Саха (Якутии)	284
--	-----

Глава 2.	Основные индикаторы социально-экономического и социально-культурного неравенства этнических групп Башкортостана	300
Глава 3.	Интересы социальных групп в контексте этнокультурной и этнополитической интеграции татарстанского общества	320
Глава 4.	Этнокультурные ценности и социальные ориентации в условиях социально-экономической трансформации общества: пример Татарстана	348
Глава 5.	Социальное самочувствие русских и татар в Оренбургской области	359
Глава 6.	К вопросу о влиянии культурного фактора на социально-экономическое неравенство в Республике Саха (Якутии)	369

Раздел IV

Потенциал интеграции: возможности и препятствия

Глава 1.	Интеграционные процессы и межэтнические отношения в Саха (Якутии): вторая половина 90-х годов XX века	386
Глава 2.	Проблема этнической толерантности в социальных группах Татарстана	403
Глава 3.	Изменения отношений федерального центра и региональных элит в условиях формирования новой властной вертикали: пример Татарстана	412
Глава 4.	Потенциал интеграции в условиях возрастающего социального многообразия национальностей	428
Заключение		464
Приложение. Выборка этносоциологического исследования		467
Summary		470

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП:
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Редактор *И.Б. Артюхова*

Верстка *И.Ю. Белов*

Подписано в печать 20.12.02. Формат 60 x 90 ¹/₁₆
Гарнитура Journal. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 30. Уч.-изд. л. 25. Тираж 1000 экз.

ЛР № 040103 от 18.02.97.

Издательство «Academia».

117810, Москва, Мароновский пер., 26.

Отпечатано с оригинала-макета заказчика

в Полиграфической фирме «Момент»

141400, Московская обл., г. Химки, ул. Нахимова 2.

ISBN 5-87444-062-3